

ЛЕНИН

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1946

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

7

Сентябрь 1903—декабрь 1904

ПРЕДИСЛОВИЕ

Седьмой том содержит произведения В. И. Ленина, написанные с сентября 1903 по декабрь 1904 года.

В том входит книга «Шаг вперед, два шага назад», которая явилась организационной подготовкой большевистской партии.

Значительная часть работ, напечатанных в томе, — «Рассказ о II съезде РСДРП», статья «Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н. Ленина Розе Люксембург», речи и резолюции на съезде Заграничной лиги русской революционной социал-демократии и заседаниях Совета партии, проект обращения «К партии», брошюра «Земская кампания и план «Искры» — направлена против организационного и тактического оппортунизма меньшевиков и их раскольнических действий.

Письма, помещенные в настоящем томе, — «Письмо членам ЦК», «Пяти членам Центрального Комитета», «Письмо к агентам ЦК и членам комитетов РСДРП, высказавшимся за большинство II партийного съезда», «Письмо Глебову (В. А. Носкову)» — показывают борьбу Ленина с примиренчеством.

Произведения — «Чего мы добиваемся?», «К партии», «Письмо к товарищам», «Извещение об образовании Организационного Комитета и о созыве III очередного съезда Российской социал-демократической рабочей партии» — раскрывают руководство Ленина подготовкой III съезда РСДРП, организацией Бюро Комитетов Большинства и большевистской газеты «Вперед».

Впервые включаются в Сочинения В. И. Ленина следующие документы, печатаемые в настоящем томе: «Заявление по поводу доклада Мартова», письмо «В редакцию ЦО РСДРП» о выходе Ленина из состава редакции «Искры», проект резолюции о созыве III съезда партии и четвертая речь Ленина об издании партийной литературы на заседании Совета партии и «Извещение об образовании Бюро Комитетов Большинства».

РАССКАЗ О II СЪЕЗДЕ РСДРП'

*Написано в первой половине
сентября 1903 г.*

*Впервые напечатано в 1927 г.
в Ленинском сборнике VI*

Печатается по рукописи

Именно такая картина могла бы иметь
 место, и поэтому тем же его бы составил
 список (список) дальше вправо список список.

М

Важно о II съезде РСДРП. (2. 1. 1903)

На этом этапе действительности съезд ушел
 вправо и составил список, который и будет описан далее.
 Список будет. Впоследствии составлен на съезде и
 на 51 (33 делегатов и 1 человек из партии, 9. 9.
 1903 г.) составленном списке, где 8 человек
 10, все. всего 52 человек. Впоследствии ушли
 вправо 2 человека, из оставшихся в границах
 20 человек, среди: 1 человек из партии, 5 человек
 3 человек (2 из партии, 1 из партии), 1 из
 партии (1 человек), 4 человек (2 из партии, 2 из
 партии, 1 из партии), 6 человек (2 из партии, 4 из партии).

Первая страница рукописи В. И. Ленина
 «Рассказ о II съезде РСДРП». — 1903 г.

Уменьшено

Этот рассказ назначен только для личных знакомых, и потому чтение его без согласия автора (Ленина) равно чтению чужого письма.

Для понимания дальнейшего скажу прежде всего о составе съезда, хотя это и будет отчасти забеганием вперед. Решающих голосов на съезде было 51 (33 делегата с 1 голосом и 9 с двумя, 9 «двуруких»)². Советательных голосов, если я не ошибаюсь, 10, всего значит 52 человека. Политическая группировка этих голосов, как она выяснилась в течение *всего* съезда, такова: решающие голоса — 5 бундовских, 3 рабочедельских (2 от Союза русских социал-демократов за границей и 1 от питерского «Союза борьбы»), 4 южнорабоченца (2 от группы «Южный рабочий» и 2 от Харьковского комитета, вполне солидарного с «Южным рабочим»), 6 нерешительных, колеблющихся («болото», как звали их. — в шутку, конечно, — все искряки), затем около 33 искровцев, более или менее твердых и последовательных в своем искрянстве. Эти 33 искровца, которые, будучи едины, всегда решали судьбу всякого вопроса на съезде, раскололись, в свою очередь, на 2 подгруппы, раскололись окончательно лишь в конце съезда: одна подгруппа, приблизительно в 9 голосов искровцев «мягкой, вернее, зигзаговой линии» (или женской линии, как острили, и не без основания, некоторые шутники), искровцев, стоявших (как ниже будет видно) за справедливость, за равнодействующую etc. *, и около 24 голосов искровцев

* — et cetera — и так далее. Ред.

твердой линии, отстаивавших последовательный искризм и в тактике и в личном составе центральных учреждений партии.

Повторяю, такая группировка окончательно сложилась и вполне выяснилась лишь *post factum**, в конце съезда (имевшего до 40 заседаний!), и я забегаю вперед, очерчивая эту группировку вначале. Оговорюсь также, что группировка эта дает лишь *приблизительное* число голосов, ибо по отдельным мелким вопросам (а однажды, в вопросе о «равноправии языков», о чем ниже, и по крупному поводу) голоса нередко разбивались, часть воздерживалась, группировки смешивались и т. д.

Состав съезда определен был предварительно Организационным Комитетом, который имел право, по уставу съезда, приглашать на съезд кого найдет нужным, с советательным голосом. На съезде была выбрана, с самого начала, комиссия для проверки мандатов, в которую (комиссию) перешло все и вся, относящееся к составу съезда. (В скобках сказать, и в эту комиссию вошел бундист, который измором брал всех членов комиссии, задержав их до 3-х часов ночи и оставшись все же «при особом мнении» по каждому вопросу.)

Начался съезд при мирной и дружной работе всех искряков, между которыми оттенки в мнениях были, конечно, всегда, но наружу эти оттенки, в качестве политических разногласий, не выступали. Кстати заметим наперед, что раскол искряков был одним из главных политических результатов съезда, и желающему ознакомиться с делом надо обратить поэтому особое внимание на все эпизоды, связанные, хотя бы отдаленно, с этим расколом.

Довольно важным актом в самом начале съезда был выбор бюро или *президиума*. Мартов стоял за выбор 9 лиц, которые бы на каждое заседание выбирали по 3 в бюро, причем в состав этих 9-ти он вводил даже бундиста. Я стоял за выбор только трех на весь съезд, и притом трех для «держания в строгости». Выбраны были: Плеханов, я и товарищ Т³ (о нем часто будет идти речь ниже — искровец твердой линии, член ОК). Этот последний прошел, впрочем, небольшим большинством голосов против одного

* — впоследствии. Ред.

южнорабоченца (тоже члена ОК). Разногласие между мною и Мартовым по вопросу о бюро (разногласие, характерные с точки зрения всего дальнейшего) не повело, однако, ни к какому расколу или конфликту: дело уладилось как-то мирно, само собою, «по-семейному», как улаживались большею частью вообще дела в организации «Искры» и в редакции «Искры».

К началу же съезда относится (тайное и неформальное, конечно) заседание организации «Искры» по вопросу о ее мандатах на съезде. Заседание пришло равным образом к мирному, «полюбовному» решению вопроса. Я отмечаю это заседание лишь потому, что считаю характерным, во-1-х, дружную работу искряков в начале съезда, а, во-2-х, их решение прибегать, в случаях сомнительных и спорных, к авторитету организации «Искры» (вернее, членов организации «Искры», присутствовавших на съезде), причем, конечно, обязательного значения голосования этих собраний не имели, ибо правило: «императивные мандаты отменены», каждый может и обязан вотировать на съезде по своему личному, свободному убеждению, без всякого подчинения какой бы то ни было организации, — это правило, говорю я, всеми искряками признавалось, и в начале чуть ли не каждого заседания «Искры» громко провозглашалось председателем.

Далее. Первым инцидентом на съезде, который вскрыл, что не все обстоит ладно среди искряков, и который послужил «завязкой» финальной драмы (или трагикомедии?), явился пресловутый «инцидент с ОК». На этом инциденте надо остановиться подробно. Он имел место еще тогда, когда съезд занят был своим собственным конституированьем, когда обсуждался еще регламент съезда (поглотивший, кстати сказать, тьму времени в силу обструкции бундистов, не упускавших случая намеренно и ненамеренно затормозить где можно и чем можно). Суть инцидента с ОК состояла в том, что ОК, с одной стороны, отклонил еще до съезда протест «Борьбы» (группы «Борьбы»)⁴, требовавшей допущения на съезд, и поддержал это отклонение в комиссии по проверке мандатов, а, с другой стороны, тот же ОК внезапно заявил *на съезде*, что он приглашает с совещательным голосом Рязанова. Разыгрался этот инцидент следующим образом.

Еще до начала заседаний съезда Мартов сообщил мне конфиденциально, что член организации «Искры» и член ОК (назовем это лицо буквой N⁵) решил настаивать в ОК на приглашении с совещательным голосом на съезд одного лица, которое сам Мартов не мог характеризовать иначе, как термином «перебежчик»^а. (Лицо это, действительно, склонялось одно время к «Искре», с тем, чтобы впоследствии и притом через несколько недель, перейти на сторону «Рабочего Дела», хотя и находившегося уже тогда в стадии полнейшего упадка.) Мы поговорили об этом с Мартовым, оба возмущенные тем, что член организации «Искры» делает такой шаг, сознавая, конечно (ибо Мартов предупреждал товарища N), что этот шаг есть прямой удар в лицо «Искре», и не считая тем не менее нужным посоветоваться с организацией. N действительно внес свое предложение в ОК, но это предложение было отклонено благодаря горячему протесту товарища Т, обрисовавшего всю переменчивую политическую фигуру «перебежчика». Характерно, что Мартов не мог уже тогда, по его словам, даже говорить с N, несмотря на прежние хорошие личные отношения: настолько поражен он был этим шагом. Стремление N бросать палки под колеса «Искре» выразилось еще и в принятом при его поддержке выговоре редакции «Искры» со стороны ОК, — выговоре, который касался, правда, очень мелкого случая, но тем не менее возбудил сугубое негодование Мартова. Сообщения из России, переданные мне тоже Мартовым, указывали к тому же на тенденцию N пускать слухи о розни между искровцами заграничными и русскими. Все это настраивало искровцев самым недоверчивым образом по отношению к N, а тут еще подоспел такой факт. ОК отклонил протест «Борьбы», члены ОК (Т и N), приглашенные в комиссию проверки мандатов, равным образом высказались оба (*и N в том числе!!!*) против «Борьбы» самым решительным образом. Тем не менее ОК устроил внезапно, во время перерыва одного утреннего заседания съезда, свое заседание у «окошка» и решил на этом заседании пригласить с совещательным голосом Рызанова! N была за приглашение. Т, конечно, безусловно против, заявляя притом о незаконности такого решения ОК после того, как вопрос о составе съезда передан уже в особую, съездом выбранную, комиссию по проверке

мандатов. Конечно, южнорабоченские члены ОК + бундист + N провалили товарища Т, и решение ОК состоялось.

Т известил об этом решении редакцию «Искры», которая (не в полном составе, но с участием Мартова и Засулич), конечно, постановила единогласно выступить на борьбу с ОК на съезде, ибо многие искряки уже высказались публично на съезде против «Борьбы», и отступать в этом вопросе было невозможно.

Когда ОК (в послеобеденном заседании) заявил съезду о своем решении, Т заявил в свою очередь о своем протесте. Южнорабоченский член ОК обрушился тогда на Т, обвиняя его в нарушении дисциплины (1), ибо ОК постановил на съезде этого не раскрывать (sic! *). Понятно, что мы (Плеханов, Мартов и я) обрушились тогда со всей энергией против ОК, обвиняя его в восстановлении императивных мандатов, в нарушении суверенности съезда и т. д. Съезд встал на нашу сторону, ОК был разбит, была принята резолюция, отнимающая у ОК в качестве коллегии право влиять на состав съезда.

Таков был «инцидент с ОК». Во-1-х, он окончательно подорвал у многих искряков политическое доверие к N (и укрепил доверие к Т), во-2-х, он не только доказал, но и *показал* воочию, как шатко еще искровское направление даже в таком центральном, архи-будто бы-искровском, учреждении, как ОК. Стало ясно, что кроме бундиста, в ОК есть еще 1) южнорабоченцы с их особой политикой; 2) «искровцы, стыдящиеся быть искровцами», и только *частью* (3) искровцы, сего не стыдящиеся. Когда южнорабоченцы пожелали объясниться с редакцией «Искры» (приватно, конечно) по поводу этого печального инцидента — *товарищ N, очень важно заметить это, не выразил тогда никакого желания объясниться*, — то редакция объяснялась с ними, причем я прямо сказал южнорабоченцам, что съезд вскрыл окончательно этот крупный политический факт: наличие в партии многих искровцев, стыдящихся быть искровцами, и способных, просто в пику «Искре», выкинуть такое коленце, как приглашение Рязанова. Со стороны N меня так возмутило это коленце, после речи N в комиссии *против* «Борьбы»,

что я публично на съезде сказал: «товарищи, бывавшие на заграничных конгрессах, знают, какую бурю возмущения вызывают всегда там люди, говорящие в комиссиях одно, а на съезде другое»*. Такие «искровцы», которые боялись бундовских «упреков», что они «ставленники «Искры»», и из-за этого только выкидывали политические коленца против «Искры», не могли, разумеется, вызывать доверия к себе.

Общее недоверие искровцев к N возросло в громадной степени, когда попытка Мартова объясниться с N привела к заявлению N о выходе его, N, из организации «Искры»!! С этого момента «дело» об N переходит в организацию «Искры», члены которой были возмущены таким выходом, и организация имела 4 заседания по этому вопросу. Заседания эти, особенно последнее, чрезвычайно важны, ибо в них окончательно сформировался раскол внутри искряков по вопросу, главным образом, о составе ЦК.

Но прежде чем перейти к рассказу об этих (приватных и неформальных, повторю еще раз) заседаниях организации «Искры», скажу о работах съезда. Работы эти велись дружно тем временем, в смысле единого выступления всех искряков, и по 1-му пункту порядка дня (место Бунда в партии) и по 2-му (программа) и по 3-му (утверждение ЦО партии). Согласие искровцев обеспечивало крупное сплоченное большинство на съезде (компактное большинство, как выражались бундовцы с огорчением!), причем «нерешительные» (или «болото») и южнорабоченцы и тут не раз проявляли себя в мелочах своей полной неустойчивостью. Политическая группировка не вполне искровских элементов съезда выяснялась все более и более.

Возвращаюсь к заседаниям организации «Искры». На первом заседании было решено попросить у N объяснений, предоставив этому N указать, в каком составе организации «Искры» он, N, хочет с ней объясняться. Я решительно протестовал против такой постановки вопроса, требуя отделения политического вопроса (о недоверии искряков к N на данном съезде в политическом отношении) и личного вопроса (назначить комиссию для расследования причин

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 439. Ред.

странного поведения N). На 2-ом заседании было доложено, что N хочет объясняться *без T*, хотя N намерен-де не говорить ничего лично о T. Я протестовал вторично, отказываясь от участия в таком объяснении, когда не-член организации устраняет, хотя бы на секунду, члена, говоря однако не о нем; я видел в этом недостойную игру и пощечину, наносимую N-ом организации: N не доверяет организации даже настолько, чтобы ей предоставить определить условия объяснения! В 3-ем заседании имело место «объяснение» N, объяснение, которое *не удовлетворило* большинство участников объяснения. 4-ое заседание произошло при полном составе всех искряков, но этому заседанию *предшествовал* ряд важных эпизодов съезда.

Во-первых, стоит отметить эпизод с «равноправием языков». Дело шло о принятии программы, о формулировке требования равенства и равноправности в отношении языков. (Каждый пункт программы обсуждался и принимался отдельно, бундисты чинили тут *отчаянную* обструкцию и чуть ли не $\frac{2}{3}$ съезда, по времени, ушло на программу!) Бундистам удалось здесь поколебать ряды искряков, внушив части их мысль, что «Искра» не хочет «равноправия языков», — тогда как на деле редакция «Искры» не хотела лишь этой, неграмотной, по ее мнению, несуразной и лишней формулировки. Борьба вышла отчаянная, съезд разделился *пополам*, на *две равные половины* (кое-кто воздерживался): на стороне «Искры» (и редакции «Искры») было около 23-х голосов (может быть 23—25, не помню точно), и столько же против. Вопрос пришлось отложить, сдать в комиссию, которая нашла формулу, принятую всем съездом *единогласно*. Инцидент с равноправием языков важен тем, что он вскрыл еще и еще раз шаткость искризма, вскрыл окончательно шаткость и нерешительных (которых именно тогда, если не ошибаюсь, и именно искровцы мартовского толка *сами* прозвали *болотом!*) и южнорабоченцев, которые все были против «Искры». Страсти разгорелись отчаянно и *резкие* слова бросались *без числа* против южнорабоченцев искряками, *особенно мартовцами*. Один «лидер» мартовцев чуть до скандала не дошел с южнорабоченцами во время перерыва, и я поспешил тогда возобновить заседание (по настоянию Плеханова, боявшегося драки). Важно отметить, что и из этих, наиболее стойких, 23 искряков, мартовцы

(т. е. позднее пошедшие за Мартовым искряки) были в *меньшинстве*.

Другой эпизод — борьба из-за § 1 «устава партии». Это был уже п. 5-ый Tagesordnung'a*, близко к концу съезда. (Принята была, по п. 1, резолюция против федерализма; по п. 2 — программа; по п. 3-му признание «Искры» Центральным Органом партии**, по п. 4-му выслушаны «делгатские доклады», часть их, а остальная сдана в комиссию, ибо выяснилось, что у съезда не остается уже времени (денежные средства и личная сила были исчерпаны).)

Пункт 1-ый устава определяет понятие члена партии. В моем проекте это определение было таково: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Мартов же вместо подчеркнутых слов предлагал сказать: *работой под контролем и руководством одной из партийных организаций*. За мою формулировку стал Плехавов, за мартовскую — остальные члены редакции (за них говорил на съезде Аксельрод). Мы доказывали, что необходимо *сузить* понятие члена партии для отделения работающих от болтающих, для устранения организационного хаоса, для устранения такого безобразия и такой нелепости, чтобы могли быть организации, состоящие из членов партии, но не являющиеся партийными организациями, и т. д. Мартов стоял за *расширение* партии и говорил о широком классовом движении, требующем широкой — расплывчатой организации и т. д. Курьеано, что почти все сторонники Мартова ссылались, в защиту своих взглядов, на «Что

* — порядна дня. Ред.

** Очень важно иметь в виду, что в Tagesordnung съезда, принятом, по моему докладу, в ОН и утвержденном съездом, стояли 2 отдельных пункта: п. 3. «Соведание ЦО партии или утверждение танового» и п. 24. «Выборы центральных учреждений партии». Когда один рабочеделец спросил (по п. 3), кого мы утверждаем, заголовок, что ли? редакции мы не знаем даже!, то *Мартов* встал слово в объяснил, что утверждается *на правление* «Искры», независимо от состава лиц, что состав редакции этим отнюдь не предпрещается, ибо выборы центральных учреждений предстоит по п. 24, и всякие императивные мандаты отменены.

Эти слова Мартова (по п. 3, до раскола искряков) очень и очень важны.

Разъяснение Мартова вполне соответствовало *общему* нашему пониманию значения п. 3 и п. 24 Tagesordnung'a.

После 3-го пункта Мартов в речах не раз даже употреблял на съезде выражение: *бывшие члены редакции «Искры»*.

делать?»*! Плеханов горячо восстал против Мартова, указывая, что его жоресистская формулировка открывает двери оппортунистам, только и жаждущим этого положения в партии и вне организации. «Под контролем и руководством» — говорил я — означают на деле не больше и не меньше, как: *без всякого контроля и без всякого руководства*. Мартов одержал тут победу: принята была (большинством около 28 голосов против 23 или в этом роде, не помню точно) его формулировка, *благодаря* Бунду, который, конечно, сразу смекнул, где есть щелочка, и всеми своими *пятью* голосами провел «что поуже» (делегат от «Рабочего Дела» именно так и мотивировал свой вотум за Мартова!). Горячие споры о § 1 устава и баллотировка еще раз выяснили политическую группировку на съезде и показали наглядно, что Бунд + «Рабочее Дело» могут *решить судьбу* любого решения, поддерживая меньшинство искровцев против большинства.

После споров и баллотировки § 1 устава имело место последнее (4-ое) заседание организации «Искры». Разногласие между искряками по вопросу о личном составе ЦК выяснилось уже вполне и вызвало раскол в их рядах: одни стояли за искровский ЦК (ввиду распускания организации «Искры» и группы «Освобождение труда» и необходимости доделать искровское дело), другие — за допущение и южнорабоченцев и за преобладание искровцев «зигзаговой линии». Одни были безусловно против кандидатуры N, другие за. Чтобы последний раз попытаться столкнуться, и собрали это *собрание 16-ти* (членов организации «Искры», причем считались, повторяю, и совещательные голоса). Голосование дало такие результаты: против N — 9 голосов, за — 4, остальные воздержались. Затем большинство, не желая все же войны с меньшинством, предложило список примирения, из 5 лиц, в том числе 1 южнорабоченец (угодный меньшинству) и один боевой член меньшинства, остальные же искровцы последовательные (из коих — это важно — один участвовал в съездовой драке лишь в конце ее и был собственно беспристрастен, двое же не участвовали в драках вовсе и были в личном вопросе абсолютно беспристрастны). За этот список поднялось 10 рук (потом прибавился еще один и

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 319—494. Ред.

стало 11), против — 1 (только один Мартов!), остальные воздержались! Примирительный список, следовательно, был сорван *Мартовым*. После этого вотировались еще 2 «боевых» списка той и другой стороны, но оба собрали лишь меньшинство голосов.

Итак, в последнем собрании организации «Искры» мартовцы по обоим вопросам остались в меньшинстве, и тем не менее они объявили войну, когда один член большинства (беспристрастный или председатель) пошел к ним после собрания, чтобы сделать последнюю попытку соглашения.

Расчет мартовцев был ясен и верен: бундовцы и рабочедельцы, несомненно, поддержали бы список *зигзаговой линии*, ибо за месяц заседаний съезда все вопросы так выяснились, все личности так обрисовались, что ни единый член съезда не затруднился бы выбрать: что лучше или какое из зол меньше. А для Бунда + «Рабочее Дело», разумеется, зигзаговые искровцы были меньшим злом и всегда им будут.

После собрания 16-ти, когда искровцы окончательно разошлись и война между ними была объявлена, начнутся собрания двух партий, на которые раскололся съезд, т. е. частные, неофициальные свидания всех единомыслящих. Искровцы последовательной линии собирались сначала в числе 9 (9 из 16), потом 15, наконец 24, считая *решающие голоса, а не лиц*. Такой быстрый рост объяснялся тем, что списки (ЦК) стали уже ходить и списки мартовцев отталкивали громадное большинство искряков сразу и бесповоротно, как списки дряблые: кандидаты, проводимые Мартовым, зарекомендовали себя на съезде с безусловно отрицательной стороны (вилянье, невыдержанность, бестактность etc.). Это, во-1-х; во-2-х, разъяснение искрякам того, что происходило в организации «Искры», привлекало их в массе случаев на сторону большинства, и неумение Мартова выдержать определенную политическую линию выяснилось для всех и каждого. Поэтому 24 голоса сплотились легко и быстро на последовательной искровской тактике, на списке в ЦК, на выборе тройки в редакцию (вместо утверждения старой, неработоспособной и расплывчатой шестерки).

Съезд в это время кончил обсуждение устава, причем Мартов и К^о еще раз (и даже не раз, а несколько раз)

победили большинство искряков при благородном содействии Бунда + «Рабочего Дела» — напр., по вопросу о кооптации в центры (вопрос этот решен был съездом в духе Мартова).

Несмотря на эту порчу устава, весь устав в целом был принят всеми искряками и всем съездом. Но после общего устава перешли к уставу Бунда, и съезд отверг подавляющим большинством голосов предложение Бунда (признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата в партии). Кажется, один Бунд стал здесь почти против всего съезда. Тогда бундисты ушли со съезда, заявив о выходе из партии. У мартовцев убыло пять их верных союзников! Затем и рабочедельцы ушли, когда Заграничная лига русской революционной социал-демократии была признана единственной партийной организацией за границей. У мартовцев убыло еще 2 их верных союзника! Получилось всего на съезде 44 (51 — 7) решающих голоса, и из них большинство последовательных искряков (24); коалиция же мартовцев с южнорабоченцами и с «болотом» вместе давала лишь 20 голосов.

Зигзаговой линии искровцев предстояло подчиниться, — как подчинялись, без единого слова, искровцы твердой линии, когда их бил и разбил Мартов коалицией с Бундом. Но мартовцы зарвались уже до того, что вместо подчинения пошли на скандал и на раскол.

Скандалом было возбуждение вопроса об утверждении старой редакции, ибо достаточно заявления хоть одного редактора, чтобы съезд обязан был рассмотреть весь целиком вопрос о составе ЦО, не ограничиваясь простым утверждением. Шагом к расколу был отказ от выбора ЦО и ЦК.

Сначала о выборе редакции. В Tagesordnung'e стояло, как уже было указано выше, по п. 24: выбор центральных учреждений партии. А в моем комментарии к Tagesordnung'⁷ (комментарий этот был известен всем искрякам задолго до съезда и всем членам съезда) стояло на полях: выбор 3-х лиц в ЦО и 3-х в ЦК. Следовательно не подлежит никакому сомнению, что из недр редакции вышло требование выбирать тройку и ниже из редакции опротестовано оно не было. Даже Мартов и другой лидер мартовцев защищали эти «две тройки» перед целым рядом делегатов еще до съезда.

Я лично, за несколько недель до съезда, заявил Староверу⁹ и Мартову, что потребую на съезде *выбора* редакции; я согласился на выбор 2-х троек, причем имелось в виду, что редакционная тройка *либо* кооптирует 7 (а то и больше) лиц, *либо* останется одна (последняя возможность была специально оговорена мною). Старовер прямо даже сказал, что тройка значит: Плеханов + Мартов + Ленин, и я *согласился* с ним, — до такой степени для всех и всегда было ясно, что только такие лица в руководители и могут быть выбраны. Надо было озлиться, обидеться и потерять голову после борьбы на съезде, чтобы приняться задним числом нападать на целесообразность и дееспособность тройки. Старая шестерка до того была недееспособна, что она *ни разу за три года* не собралась в полном составе — это невероятно, но это факт. *Ни один* из 45 номеров «Искры» не был составлен (в редакционно-техническом смысле слова) кем-либо кроме Мартова или Ленина. И *ни разу* не возбуждался *крупный* теоретический вопрос никем кроме Плеханова. Аксельрод не работал вовсе (ноль статей в «Заре»⁹ и 3—4 во всех 45-ти №№ «Искры»). Засулич и Старовер ограничивались сотрудничеством и советом, *никогда* не делая чисто редакторской работы. Кого следует выбрать в *политические руководители, в центр*, — это было ясно как день для всякого члена съезда, после месячных его работ.

Перенесение на съезд вопроса об утверждении старой редакции было *нелепым провоцированием на скандал*.

Нелепым, — ибо оно было бесцельно. Если бы даже утвердили шестерку, — один член редакции (я, например) потребовал бы переборки коллегии, разбора внутренних ее отношений, и съезд обязан был бы начать дело сначала.

Провоцированием на скандал, — ибо *неутверждение* должно было быть понято *как обида*, — тогда как выбор заново ровнехонько ничего обидного в себе не включал. Выбирают ЦК, — пусть выберут и ЦО. Нет речи об утверждении ОК, — пусть не будет речи и об утверждении старой редакции.

Но понятно, что, *потребовав* утверждения, мартовцы *вызвали* этим протест на съезде, протест был воспринят как *обида, оскорбление, вышибание, отстранение... и началось* сочинение всех ужасей, которыми питается теперь фантазия досужих сплетников!

Редакция ушла со съезда на время обсуждения вопроса о выборе или утверждении. После отчаянно-страстных дебатов съезд решил: старая редакция не утверждается*.

Только после этого решения бывшие члены редакции вошли в залу. Мартов встает тогда и отказывается от выбора за себя и за своих коллег, говоря всякие страшные и жалкие слова об «осадном положении в партии» (для невыбранных министров?), об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» (вроде лиц, от имени «Искры» подносящих ей Рязанова и говорящих в комиссии одно, на съезде другое?).

Я отвечал ему, указывая невероятное смешение политических понятий, приводящее к протесту против выбора, против переборки съездом коллегий должностных лиц партии**.

Выборы дали: Плеханов, Мартов, Ленин. Мартов опять отказался. Кольцов (имевший 3 голоса) тоже отказался. Съезд принял тогда резолюцию, поручающую двум членам редакции ЦО кооптировать себе 3-го, когда они найдут подходящее лицо.

После этого выбраны три члена ЦК и только один из них назван съезду счетчиком записок, — а также выбран (тайно, записками) пятый член Совета партии.

Мартовцы и все «болото» за ними не подавали записок и подали об этом письменное заявление в бюро.

Это был явный шаг к расколу, к сорванию съезда, к непризнанию партии. Но когда один южнорабоченец прямо и заявил, что сомневается (sic!) в законности решений съезда, то Мартов устыдился и опроверг его, заявив публично, что в законности решений не сомневается.

К сожалению, этим хорошим и лояльным словам Мартова не соответствовали его (и мартовцев) дела и поступки...

Съезд сдал затем в «протокольную комиссию» вопрос об опубликовании протоколов и принял 11 резолюций тактических:

- 1) О демонстрациях.
- 2) » профессиональном движении.

* Один мартовец держал такую речь при этом, что один делегат закричал после нес секретарю: вместо точки поставь в протоколе слезу! Защищали старую редакцию особенно горячо наиболее «болотные» люди.

** См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 460. Ред.

- 3) » работе среди сектантства.
- 4) » » » учащейся молодежи.
- 5) » поведении на допросах.
- 6) » фабричных старостах.
- 7) » международном конгрессе 1904 г. в Амстердаме.
- 8) » либералах (Старовера).
- 9) » либералах (Плеханова).
- 10) » социалистах-революционерах.
- 11) » партийной литературе.

Затем съезд был закрыт председателем после краткой речи, напоминающей всем об обязательности решений съезда.

Рассматривая поведение мартовцев после съезда, их отказ от сотрудничества (*о коем редакция ЦО их официально просила*), их отказ от работы на ЦК, их пропаганду бойкота, — я могу только сказать, что это безумная, недостойная членов партии попытка разорвать партию... из-за чего? Только из-за недовольства составом центров, ибо объективно только на этом мы разошлись, а субъективные оценки (вроде обиды, оскорбления, вышибания, отстранения, пятнания etc. etc.) *есть плод обиженного самолюбия и больной фантазии.*

Эта больная фантазия и обиженное самолюбие приводят прямо к позорнейшим сплетням, когда, не зная и не видя еще деятельности новых центров, распространяют слухи об их «недееспособности», об «ежовых рукавицах» Ивана Ивановича, о «кулаке» Ивана Никифоровича и т. д.

Доказывание «недееспособности» центров *посредством бойкота их* есть невиданное и неслыханное нарушение партийного долга, и никакие софизмы не могут скрыть этого: *бойкот есть шаг к разрыву партии.*

Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к партийности от кружковщины, к сознанию революционного долга от обывательщины, к дисциплине от действия путем сплетен и кружковых давлений.

Кто ценит партийную работу и дело на пользу социал-демократического рабочего движения, тот не допустит таких жалких софизмов, как «правомерный» и «лояль-

ный» бойкот центров, тот не допустит, чтобы дело страдало и работа останавливалась из-за недовольства десятка лиц на то, что они и их приятели не попали в центры, — тот не допустит, чтобы на должностных лиц партии воздействовали приватно и тайно путем угрозы не-сотрудничать, путем бойкота, путем пресечения денежных средств, путем сплетен и лживых рассказней.

СОРВАЛОСЬ!..

— Ну, а если ваши громогласные, велеречивые и пышные уверения вызовут недоверие именно самым своим характером?

— Я желал бы посмотреть, кто посмеет усомниться в моих словах!

— Ну, однако же, если все-таки усомнятся?

— Повторяю, что я не позволю усомниться в словах революционера, я не остановлюсь ни перед чем, я пойду до конца, я потребую либо прямого выражения недоверия, либо прямого отступления, я...

— А если ваше требование прямого выражения недоверия будет удовлетворено?

— Что такое?

— Если вам скажут прямо и определенно, что вам не верят?

— Я назову того, кто решится сказать это, гнусным клеветником, я буду клеймить перед всем светом его беспримерный поступок...

— А если вам, в ответ на это, систематически начнут доказывать, что все ваше поведение давно уже не позволяет относиться к вам с доверием?

— Я соберу тогда отовсюду протесты против этой братоубийственной полемики, я обращусь ко всем с прочувствованным словом о правде-истине и правде-справедливости, о кристальной чистоте, загрязненной нечистыми руками, о грубой и грязной коре мелкого самолюбия, об очистительном пламени, которое наполняет мою душу беззаветным энтузиазмом, я сравню своих врагов с Понтийским Пилатом...

— А если по поводу таких речей вас сопоставят с Тартюфом?

— Тогда я потребую третейского суда!

— Вам немедленно ответят, что охотно принимают вызов и предлагают прежде всего согласиться о том, чтобы суд рассмотрел вопрос, имел ли ваш противник право усомниться в достоверности ваших заявлений.

— Тогда... тогда... тогда я заявлю, что «после всего происшедшего» смешно и говорить о каком-то «соглашении» между какими-то «сторонами»!

* * *

Такова была «беспримерная, по выражению «Революционной России»¹⁰, кампания по делу второго апреля¹¹». Почтеннейшей газете очень не хочется, по весьма понятным причинам, сознаться, что эта история была действительно такова. Почтеннейшая газета прячется за целый ряд отговорок, которые нам приходится рассмотреть подробно.

«Рев. Рос.» удивляется, во-первых, почему «вместо организованной русской социал-демократии», к которой обращались товарищи Балмашева, отвечает редакция «Искры». Товарищи Балмашева, — говорят нам, — «не имеют ответа на свое вполне определенное предложение, направленное по вполне определенному адресу».

Неверно это, господа. Вам, как и всем и каждому, прекрасно известно, что именно представляет из себя организованная русская социал-демократия, каковы именно все наши организации. За одну ночь у нас, не в пример кое-каким людям, новых организаций не вырастает. У нас есть комитеты партии, есть «Искра», есть ОК, который давно готовит второй съезд партии. По какому же это «определенному адресу» вы обращались? По адресу второго съезда? по адресу ОК? Нет; вопреки вашим словам об *определенном* адресе, вы *абсолютно ничем* этого адреса не определили. Вы сами отметили, что «Искра» признана большинством комитетов, и вам поэтому никто не мог ответить, кроме «Искры». Если второй съезд нашей партии признает «Искру» органом партии, тогда ответ «Искры» окажется ответом партии. Если нет, —

тогда вы будете иметь дело с другим органом. Это такая простая вещь, что ее мог бы понять и шестилетний ребенок.

«Рев. Рос.» «удивляется, почему вместо прямого ответа на прямое предложение товарищей Балмашева» (предложение, будто бы, дать возможность социал-демократии познакомиться с действительным существом дела второго апреля) «нам предлагают, чтобы они признали себя и «Искру» сторонами, между которыми после всего происшедшего возможны какие-то предварительные переговоры, «соглашения» о постановке вопроса». Итак, «Рев. Рос.» утверждает теперь, что нам предлагали не третейский суд, а предлагали лишь дать возможность познакомиться. Это неверно. «Заявление» в № 27 «Р. Р.» говорит буквально о «непроверенном обвинении («Искры») в клеветничестве», о *проверке* обвинения, о *предоставлении* «одному лицу, на добросовестность и конспиративность которого могли бы равно положиться и мы, и Центральный Орган (это заметьте!) русской социал-демократии, следующего ряда доказательств». «Проверка обвинения», «рассмотрение доказательств» лицом, на которого полагаются и обвинитель и обвиняемый, — это не есть третейский суд? Это есть лишь предложение познакомиться? Комики вы, господа. После того, как вы уже предложили согласиться о выборе добросовестного лица, вы заявляете теперь, с неподражаемо-гордым видом пойманного Ноздрева, что никакие соглашения невозможны!

«Рев. Рос.» «спрашивает далее, над кем смеется «Искра», когда говорит о соглашении в постановке вопроса, одновременно с тем декретируя свою постановку и категорически заявляя, что другой постановки вопроса быть не может». Перед судом всякий категорически заявляет свое мнение и утверждает, что оно — единственно-правильное. Вместо того, чтобы дать и свою *определенную* постановку вопроса, наш горделивый противник начинает хорохориться и бла-ародные слова говорить!

Похорохорившись, «Рев. Рос.» соглашается, однако, сделать несколько замечаний и о нашей постановке вопроса. По ее мнению, «Искра» прибегает к уверткам и отступает. Вопрос заключается-де не в том, «что Боевая организация покушалась на право «Искры» свободно мыслить (!), оценивать со своей точки зрения политические акты

и даже (sic!*) внутренне сомневаться в чем бы то ни было». Это «внутренне сомневаться», поистине, бесподобно. «Боевая организация» так необыкновенно либеральна, что готова (теперь, после более чем годичной борьбы!) разрешить нам *даже* сомневаться, — но только внутренне, т. е., вероятно, так, чтобы никто, кроме самого сомневающегося, не знал об этом... Может быть, и «свободно оценивать» эти боевые люди разрешают нам только про себя?

«Можно подумать, — говорит «Рев. Рос.», — что только отказ «Искры» подчиниться такому требованию был поводом для обвинения «Искры» в клевете». Следуют цитаты из статьи «Тартюфы революционной морали» и замечание, что «здесь говорится не о каких-то скромных и неопределенных сомнениях, а об очень нескромных и очень определенных обвинениях».

Приглашаем читателя припомнить некоторые общеизвестные факты. В № 20 «Искры» (от 1 мая 1902 г.) мы оцениваем акт Балмашева, понятия не имея ни о какой боевой организации. Эта последняя пишет нам письмо, требуя, чтобы мотивов решения Балмашева мы искали в ее официальных заявлениях. Мы молча бросаем это письмо неведомой организации в корзину для ненужной бумаги. Письмо печатается в № 7 «Рев. Рос.» (июнь 1902 г.), редакция которой по поводу одного только нашего молчания вопит уже о набрасывании тени на моральную сторону, об умалении значения акта и т. п. Мы отвечаем статьей «Вынужденная полемика» (№ 23 «Искры» от 1 августа 1902 г.), в которой смеемся над сердитым Юпитером, отстаиваем свою оценку акта 2 апреля и заявляем, что для нас принадлежность Балмашева к «боевой организации» «более чем сомнительна». Тогда гг. соц.-рев., добившись от нас внешнего выражения нашего внутреннего сомнения, поднимают истерические вопли о «беспримерном поступке» и говорят уже не больше и не меньше, как о «грязи» и об «инсинуации» (№ 11 «Рев. Рос.», сентябрь 1902 г.).

Таковы, в самых кратких чертах, основные моменты нашего литературного спора. Человек, превосходно знающий, что противник относится к его словам с молчаливым недоверием, приступает публично с ножом к горлу,

* — так! Ред.

требуя открытого выражения либо доверия, либо недоверия, и, получив последнее, бьет себя в грудь и жалуется *urbi et orbi**, какое благородное существо и как гнусно было обижено. Что это, не ноздревщина? не революционное бреттерство? не заслужено было таким человеком название Тартюфа?

Откуда берет «Рев. Рос.», что мы отступаем, не желая отвечать за статью и за статьи о Тартюфах? Из того, что в нашей постановке вопроса не включены тезисы этих статей? Но разве нам предлагали суд по поводу каких-нибудь определенных статей, а не по поводу всего отношения «Искры» к уверениям «партии соц.-рев.»? Разве в самом начале заявления товарищей Балмашева в № 27 «Рев. Рос.» не цитируется именно исходный пункт всего спора, — слова № 23 «Искры», что принадлежность Балмашева к «боевой организации» для нее более чем сомнительна? Смеем уверить «Рев. Рос.», что мы отвечаем за *все* наши статьи, готовы дополнить наши вопросы для суда ссылками на *любой* номер «Искры», готовы доказывать перед кем угодно, что мы имели полное нравственное право и все разумные основания охарактеризовать, как Тартюфов, тех публицистов в «Рев. Рос.», которые договорились до приведенных нами выше выражений по поводу нашего дерзновенного сомнения в достоверности ее слов.

«Отступления и увертки», на самом деле, только с чьей стороны? Не со стороны ли тех, кто *теперь* великодушно готов признать за нами право свободно оценивать и внутренне сомневаться и кто *более года* упражнялся в отвратительно-напыщенной декламации по поводу того, что «Искра» продолжала упорно сомневаться и доказывала обязанность всякого серьезного человека сомневаться в революционной беллетристике. Когда вы увидели, что чувствительные слова о честности высокой вызывают действительно уже смех, а не рыдания аудитории, — вам захотелось новой сенсации, и вы выступили с требованием суда. Падкая до скандала часть заграничной колониальной публики потирала от удовольствия руки и оживленно шепталась: «они вызвали их на суд... наконец-то! Теперь мы увидим». И теперь они увидели — последнюю сцену водевиля, герой которого с неопишимо-обиженным видом

* — на весь мир. Ред.

благородного человека заявил, что «после всего происшедшего» невозможны никакие соглашения о постановке вопросов для суда.

Продолжайте спокойно в том же духе, господа! Но помните, что никакие потоки жалких слов не помешают нам исполнять нашу обязанность: разоблачать фразерство и мистификацию, где бы они ни проявлялись, в «программах» ли революционных авантюристов, в блестящих ли их беллетристики, или в возвышенных предиках* о правдивости, об очистительном пламени, о кристальной чистоте и о многом прочем.

«Искра» № 48, 15 сентября 1903 г.

*Печатается по тексту
газеты «Искра»*

* — проповедник. Ред.

ПЛАН ПИСЕМ О ЗАДАЧАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ

Письма о *задачах революционной молодежи* можно было бы распределить по такому плану:

I. Что представляет из себя современное студенчество и в чем состоит задача его идейного объединения?

II. Значение марксизма в деле революционизирования студенчества (в революционном движении).

III. Социал-демократы и социалисты-революционеры в России. Их теоретические и тактические различия. Террор.

IV. Вопросы студенческой организации с точки зрения «революционизирования студенчества».

V. Студенчество и рабочий класс (?).

{ Идейное объединение = некоторая безидейность. Общий довод — разные группы в студенчестве. Разбор, какие группы, их случайность *respective** необходимость.

Культурники в разных классах общества.

» как базис либералов.

Недостаточная классовая определенность 6-ти групп: самодержавие более всего определяет (реакционеры — культурники — либералы). Мелкая буржуазия, рабочие, буржуазия — намечаются уже *классовые** группировки*.

Прогрессивное значение классовой (и политической) дифференциации. *Пример. Академисты и их выделение из «либералов»*. Это выделение не мешает, а помогает политической утилизации (развитию, росту).

* — соответственно. Ред.

** Не «последних дней» (создание — социалистическая интеллигенция), а полувековое создание, начиная от кружка петрашевцев¹², примерно.

«Идейное объединение». Quid est? * Кого с кем? Академисты + либералы? Либералы + социалисты?

Только социалисты-революционеры и социал-демократы?

Идейное объединение = распространение определенных идей, *выяснение* классовой розни, идейная размежка.

Идейное объединение = распространение *способных вести вперед* идей, идей передового класса.

Революционный марксизм, его выступление в Европе перед 1848 г., его роль в Западной Европе и России.

{ *в с т а в и т ь*: о «*überkluge*» ** рассуждении, что-де буржуазное студенчество не может проникнуться социализмом. }

Написано в августе-сентябре 1903 г.

Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале «Красная Молодежь» № 1

Печатается по рукописи

* — Что это такое? Ред.

** — «сверхумном». Ред.

ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ ¹⁸

Редакционное заявление газеты «Студент»¹⁴, напечатанное впервые, если мы не ошибаемся, в № 4 (28) «Освобождения»¹⁵ и полученное равным образом «Искрой», свидетельствует, на наш взгляд, о значительном шаге вперед, происшедшем в воззрениях редакции после выпуска № 1 «Студента». Г-н Струве не ошибся, когда поспешил выразить свое несогласие со взглядами, изложенными в заявлении: эти взгляды, действительно, коренным образом расходятся с тем направлением оппортунизма, которого так последовательно и усердно держится либерально-буржуазный орган. Признав, что *только* революционное чувство не может создать идейного объединения студенчества», что «для этой цели необходим социалистический идеал, опирающийся на то или иное социалистическое мировоззрение» и притом «определенное, цельное» мировоззрение, редакция «Студента» порвала уже в принципе с идейным безразличием и теоретическим оппортунизмом, поставив на правильную почву вопрос о средствах революционирования студенчества.

Правда, с ходячей точки зрения вульгарного «революционизма», идейное объединение студенчества не требует цельного мирозерцания, а исключает таковое, идейное объединение обозначает «терпимое» отношение к различного рода революционным идеям, предполагает воздержание от решительного признания одного какого-либо определенного круга идей, одним словом, идейное объединение, с точки зрения этих мудрецов политиканства, предполагает некоторую безидейность (конечно, прикрытую более или менее искусно избитыми формулами о широте

взглядов, о важности единства во что бы то ни стало и немедленно и т. д. и т. п.). Довольно благовидным и, с первого взгляда, очень убедительным доводом в пользу такой постановки вопроса служит всегда указание на тот общеизвестный и неоспоримый факт, что в студенчестве есть и не могут не быть весьма различные группы по их политико-социальным взглядам, а поэтому требование цельности и определенности миросозерцания неминуемо оттолкнет некоторые из этих групп, — следовательно, помешает объединению, следовательно, вызовет раздоры, вместо дружной работы, следовательно, ослабит силу общего политического натиска и т. д. без конца.

Присмотримся к этому благовидному рассуждению. Возьмем, например, деление студенчества на группы из № 1 «Студента» — в этом первом номере требование определенного и цельного миросозерцания еще не было выдвинуто редакцией, которую поэтому трудно было бы заподозрить в пристрастности к социал-демократической «узости». Редакционная статья в № 1 «Студента» различает в современном студенчестве четыре крупные группы: 1) равнодушная толпа — «лица, совершенно индифферентно относящиеся к студенческому движению»; 2) «академисты» — сторонники студенческих движений на исключительно академической почве; 3) «противники студенческих движений вообще — националисты, антисемиты и т. д.»; 4) «политики» — сторонники борьбы за свержение царского деспотизма. «Эта группа, в свою очередь, состоит из двух противоположных элементов — из чисто буржуазной политической оппозиции, революционно настроенной, и — из создания последних дней (только ли последних дней? *Н. Ленин*) — социалистически настроенного революционного интеллигентного пролетариата». Если принять во внимание, что последняя подгруппа в свою очередь делится, как всем известно, на студентов социалистов-революционеров и студентов социал-демократов, то окажется, что в современном студенчестве имеется *шесть* политических групп: реакционеры, равнодушные, академисты, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы.

Спрашивается: не случайная ли эта группировка? не есть ли это временное распределение настроений? Достаточно прямо поставить этот вопрос, чтоб на него был тотчас дан отрицательный ответ всяким, сколько-нибудь знакомым

с делом, человеком. Да иной группировки и быть не могло бы в нашем студенчестве, потому что оно является самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе. Студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе, — «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе. И для всего русского общества, с его зачаточным (сравнительно) развитием классовых антагонизмов, с его политической девственностью, с его забитостью и придавленностью громадных и громаднейших масс населения полицейским деспотизмом, характерны именно такие шесть групп: реакционеры, равнодушные, *культурники*, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы. Вместо «академистов» я поставил здесь «культурников», т. е. сторонников легального прогресса без политической борьбы, прогресса на почве самодержавия. Такие культурники есть во всех слоях русского общества, и везде они, подобно студенческим «академистам», ограничиваются маленьким кругом профессиональных интересов, улучшением данных отраслей народного хозяйства или государственного и местного управления, везде они боязливо сторонятся «политики», не различая (как не различают академисты) «политиков» различных направлений и называя политикой все и вся, относящееся до... формы правления. Слой культурников всегда являлся и является поныне широким основанием нашего либерализма: в «мирные» времена (т. е., в переводе на «русский» язык, во времена политической реакции) понятия культурника и либерала почти совершенно сливаются, да даже и в военные времена, во времена подъема общественного настроения, во времена растущего натиска на самодержавие, различие между этими понятиями нередко остается смутным. Русский либерал, даже когда он выступает перед публикой в свободном заграничном издании с прямым и открытым протестом против самодержавия, все же таки не перестает чувствовать себя больше

всего культурником и нет-нет, а примется рассуждать по-рабьи, или, если хотите, по-легальному, по-лояльному, по-верноподданнически: зри «Освобождение».

Отсутствие определенной и ясно видной для всех грани между культурниками и либералами характерно вообще для всей политической группировки русского общества. Нам могли бы сказать, пожалуй, что вышесприведенное деление на шесть групп неправильно, ибо оно не соответствует классовому делению русского общества. Но такое возражение было бы несостоятельно. Классовое деление является, конечно, самым глубоким основанием политической группировки; оно *в последнем счете* всегда определяет, конечно, эту группировку. Но это глубокое основание вскрывается лишь по мере хода исторического развития и по мере сознательности участников и творцов этого развития. Этот «последний счет» подводится лишь политической борьбой, — иногда результатом долгой, упорной, годами и десятилетиями измеряемой борьбы, то проявляющейся бурно в разных политических кризисах, то замирающей и как бы останавливающейся на время. Недаром, например, в Германии, где особенно острые формы принимает политическая борьба и где особенно сознательно выступает передовой класс — пролетариат, — существуют все еще такие партии (и могучие партии), как центр, прикрывающий вероисповедным отличительным признаком свое разнородное (а в общем безусловно антипролетарское) классовое содержание. Тем менее можно удивляться тому, что классовое происхождение современных политических групп в России затемняется в сильнейшей степени политическим бесправием всего народа, господством над ним замечательно организованной, идейно сплоченной, традиционно-замкнутой бюрократии. Надо удивляться скорее тому, какой сильный отпечаток успело уже наложить европейско-капиталистическое развитие России, вопреки ее азиатскому политическому строю, на политическую группировку общества.

Передовой класс всякой капиталистической страны, промышленный пролетариат, выступил уже и у нас на путь массового, организованного движения под руководством социал-демократии, под знаменем программы, которая уже давно стала программой всего международного сознательного пролетариата. Разряд равнодушных

к политике неизмеримо многочисленнее, конечно, в России, чем в любой европейской стране, но и у нас уже не может быть речи о примитивной и первобытной девственности этого разряда: равнодушие несознательных рабочих — отчасти и крестьян — все чаще и чаще сменяется вспышками политического брожения и активного протеста, доказывая наглядно, что *это* равнодушие не имеет ничего общего с равнодушием сытых буржуа и мелких буржуа. Этот последний класс, особенно многочисленный в России при ее слабом еще, сравнительно, развитии капитализма, с одной стороны, начинает уже, несомненно, поставлять и реакционеров, сознательных и последовательных, — с другой стороны, и несравненно чаще, он слабо еще выделяется из массы серого и забитого «трудящегося народа», находя себе идеологов в широких слоях разночинской интеллигенции с совершенно неустановившимся миросозерцанием, с бессознательным смещением демократических и примитивно социалистических идей. Именно эта идеология и характерна для старой русской интеллигенции, как правого фланга либерально-народнической ее части, так и самого левого: «социалистов-революционеров».

Я сказал: «старой» русской интеллигенции. Появляется у нас уже и *новая*, либерализм которой почти совсем очистился (не без помощи русского марксизма, конечно) от примитивного народничества и расплывчатого социализма. Образование настоящей буржуазно-либеральной интеллигенции идет у нас семимильными шагами, особенно благодаря участию в этом процессе столь поворотливых и отзывчивых ко всякому модному веянию оппортунизма людей, как гг. Струве, Бердяевы, Булгаковы и К°. Что касается, наконец, до непринадлежащих к интеллигенции либеральных и реакционных слоев русского общества, то связь их с классовыми интересами тех или иных групп нашей буржуазии и наших землевладельцев достаточно ясна для всякого, кто сколько-нибудь знаком, например, с деятельностью наших земств, дум, биржевых, ярмарочных комитетов и т. д.

Итак, мы пришли к несомненному выводу, что политическая группировка нашего студенчества не случайно, а необходимо и неизбежно является именно такой, какой

мы обрисовали ее выше, в согласии с № 1 газеты «Студент». Установив этот факт, мы легко уже можем разобраться в спорном вопросе о том, что собственно должно понимать под «идейным объединением студенчества», под его «революционизированием» и т. п. На первый взгляд, чрезвычайно странно даже, как мог оказаться спорным такой простой вопрос. Если политическая группировка студенчества соответствует политической группировке общества, то не означает ли это само собою, что под «идейным объединением» студенчества можно понимать только одно из двух: или привлечение возможно большего числа студентов на сторону вполне определенного круга социально-политических идей, или возможно более тесное сближение между студентами определенной политической группы и представителями этой группы вне студенчества? Не ясно ли само собою, что о революционизировании студенчества можно говорить только с точки зрения вполне определенного взгляда на содержание и характер этого революционизирования? Для социал-демократа, например, оно означает, во-первых, распространение социал-демократических убеждений среди студенчества и борьбу с теми взглядами, которые хотя и называются «социалистически-революционными», но с революционным социализмом не имеют ничего общего, а, во-вторых, стремление расширить, сделать более сознательным и более решительным всякое демократическое, а в том числе и академическое движение в студенчестве.

Каким образом был запутан и оказался спорным такой простой и ясный вопрос, — это очень интересный и очень характерный эпизод. Спор велся между «Революционной Россией» (№№ 13 и 17) и «Искрой» (№№ 31 и 35) по поводу «открытого письма» Киевского союзного совета объединенных землячеств и студенческих организаций (напечатано в № 13 «Революционной России» и в № 1 «Студента»). Киевский союзный совет нашел «узким» постановление II Всероссийского студенческого съезда 1902 года о том, чтобы студенческие организации состояли в сношениях с комитетами Российской социал-демократической рабочей партии, причем совершенно очевидный факт сочувствия некоторой части студенчества некоторых местностей «партии социалистов-революционеров» был благовидно прикрит весьма «беспристрастным» и весьма несостоятельным

рассуждением на тему о том, что «студенчество, как таковое, не может примыкать всецело ни к партии социалистов-революционеров, ни к партии социал-демократов». «Искра» указала на несостоятельность этого рассуждения, а «Революционная Россия», разумеется, горой встала на защиту его, обвинив искровских «фанатиков разъединений и расколов» в «бестактности», в недостатке политической зрелости.

После того, что сказано было выше, несуразность такого рассуждения слишком уже очевидна. Речь идет о той или иной политической роли студенчества. И вот сначала, видите ли, надо закрыть глаза на то, что студенчество не отрезано от остального общества и поэтому всегда и неизбежно отражает в себе всю политическую группировку общества. Потом, с закрытыми глазами, принимаются разглагольствовать о студенчестве, как таковом, или о студенчестве вообще. Вывод получается... о вреде разъединений и расколов, связанных с присоединением к той или иной политической партии. Ясно, как день, что для доведения до конца этого курьезного рассуждения надо было перескочить с политической почвы на почву профессиональную или учебную. И «Революционная Россия» в статье «Студенчество и революция» (№ 17) делает именно такое сальто-мортале, ссылаясь, во-первых, на общестуденческие интересы, на общестуденческую борьбу, а, во-вторых, на учебные цели студенчества, задачи подготовки к предстоящей общественной деятельности, задачи выработки сознательных политических борцов. Обе эти ссылки весьма справедливы, — только к делу-то они не относятся и вопрос лишь запутывают. Вопрос стоит о *политической* деятельности, которая, по самому существу своему, неразрывно связана с борьбой партий и неизбежно требует *выбора* одной определенной партии. Каким же образом от этого выбора можно отговариваться тем, что для *всякой* политической деятельности нужна серьезнейшая научная подготовка, «выработка» твердых убеждений, или тем, что *всякая* политическая работа не может ограничиваться одними кружками политиков данного направления, а должна направляться в более и более широкие слои населения, должна смыкаться с профессиональными интересами каждого слоя, соединять профессиональное движение с политическим, поднимать первое до второго?? Ведь один

уж тот факт, что людям приходится, для защиты своей позиции, прибегать к подобным отговоркам, показывает воочию, до какой степени недостает им самим ни определенных научных убеждений, ни твердой политической линии! С какой стороны ни подходить к делу, вы видите новое и новое подтверждение той старой истины, которую давно проповедают социал-демократы, преследун эквилибристику социалистов-революционеров, и в научно-теоретическом и в практически-политическом отношении, — между марксизмом, с одной стороны, западноевропейским «критическим» оппортунизмом, с другой стороны, и русским мелкобуржуазным народничеством, с третьей стороны*.

В самом деле, представьте себе сколько-нибудь развитые политические отношения и взгляните на практическую постановку нашего «спорного вопроса». Допустим, перед нами есть партии клерикалов, либералов и социал-демократов. Они действуют в известных местностях, скажем, среди некоторых слоев студенчества и хотя бы рабочего класса. Они стараются привлечь на свою сторону возможно большее число влиятельнейших представителей того и другого. Спрашивается, мыслима ли такая вещь, чтобы против выбора этими представителями какой-либо одной определенной партии они стали восставать на том основании, что есть известные общие учебные и профессиональные интересы всего студенчества и всего рабочего класса? Это было бы все равно, как если бы необходимость борьбы партий оспаривали ссылкой на искусство книгопечатания, приносящее такую пользу всем партиям без различия. Нет ни одной партии в цивилизованных странах, которая бы не понимала громадной пользы возможно более широких и прочно поставленных учебных и профессиональных союзов, но всякая стремится к тому, чтобы в этих союзах преобладало именно ее влияние. Кто же не знает, что ссылка на беспартийность тех или иных учреждений является обыкновенно не более, как лицемерной фразой в устах правящих классов, желающих затушевать то, что существующие учреждения пропитаны уже в 99-ти случаях

* Само собой разумеется, что положение о непоследовательности и внутренней противоречивости программы и тактики социалистов-революционеров требует особого обстоятельного разъяснения. Мы надеемся остановиться на этом вопросе подробно в одном из следующих писем.

из ста самым определенным политическим духом? А ведь наши гг. социалисты-революционеры, в сущности, именно и поют дифирамбы в честь «беспартийности». Возьмите, например, такую чувствительную тираду «Революционной России» (№ 17-й): «Что же это за близорукая тактика, когда революционная организация непременно желает увидеть во всякой другой самостоятельной, неподчиненной ей организации *конкурента*, который должен быть уничтожен, в среду которого должно быть непременно внесено разделение, разъединение, дезорганизация?». Это сказано по поводу воззвания московской социал-демократической организации 1896 г., которая упрекает студенчество за то, что оно замкнулось в последние годы в узкий круг своих университетских интересов, и которую «Революционная Россия» поучает, что существование студенческой организации никогда не мешает отдавать свои силы на рабочее дело тем, кто «определился в революционном отношении».

Посмотрите, сколько здесь путаницы. Конкуренция возможна (и неизбежна) только между политической и политической же организацией, между политическим и политическим же стремлением. Между обществом взаимопомощи и революционным кружком конкуренция невозможна, и, приписывая последнему желание непременно уничтожить первое, «Революционная Россия» говорит сущие пустяки. Но если в том же обществе взаимопомощи проявилось известное политическое стремление, — например, не помогать революционерам или исключать из библиотеки нелегальные книги, — то конкуренция и прямая борьба *обязательна* для всякого честного «политика». Если есть люди, замыкающие кружки в узко-университетские интересы (а такие люди несомненно есть, и в 1896 году их было гораздо больше!), то *борьба* между ними и людьми, проповедующими не сужение, а расширение интересов, точно так же необходима и обязательна. А ведь в открытом письме Киевского совета, вызвавшего полемику «Рев. России» с «Искрой», речь шла о выборе не между студенческими и революционными организациями, а между революционными организациями разных направлений. Следовательно, *выбирать* начали именно те, кто уже «определился в революционном отношении», а наши «социалисты-революционеры» тащат их *назад* под тем предлогом, что конкуренция

между революционной и чисто студенческой организацией близорука... Очень уж это несвязно, господа!

Революционная часть студенчества начала делать выбор между двумя революционными партиями, а ее угощают таким поучением: «не навязыванием» «определенного» (предпочтительнее, конечно, неопределенность...) «партийного ярлыка» (для кого ярлык, а для кого — знамя), «не насилием над умственной совестью товарищей-студентов» (вся буржуазная пресса всех стран всегда объясняет рост социал-демократии насилием вожakov и науськивателей над совестью мирных товарищей...) «достигалось это влияние», т. е. влияние социалистической части студенчества на остальную. Думается, всякий порядочный студент оценит по заслугам это обвинение социалистов в «навязывании» ярлыков и в «насиловании совести». И эти бесхарактерные, дряблые и беспринципные речи говорятся в России, где так еще безмерно слабы понятия партийной организации, партийной выдержки и чести, партийного знамени!

Революционному студенчеству наши «социалисты-революционеры» ставят в образец прежние студенческие съезды, которые провозглашали свою «солидарность с общеполитическим движением, совершенно отвлекаясь от фракционных раздоров, существующих в революционном лагере». Что такое «общеполитическое» движение? Движение социалистическое плюс либеральное. Отвлечься от этого различия — значит встать на сторону непосредственного и ближайшего, т. е. именно либерального движения. И к этому зовут «социалисты-революционеры»! К отстранению от партийной борьбы зовут люди, именующие себя *особой партией*! Не показывает ли это, что подобная партия не в состоянии провезти своего политического товара под собственным флагом, а вынуждена прибегать к контрабанде? Не явствует ли отсюда отсутствие у этой партии какого-либо *своего* определенного программного базиса? Мы сейчас увидим это.

Ошибки социалистов-революционеров в их рассуждениях о студенчестве и революции не могут быть объяснены одной только нелогичностью, которую мы старались доказать выше. В известном смысле можно утверждать обратное: нелогичность их рассуждений вытекает из их основной

ошибки. Как «партия», они заняли с самого начала такую внутренне-противоречивую, такую скользкую позицию, что на ней не могли удержаться, без постоянных шатаний и падений, люди вполне честные и вполне способные к политическому мышлению. Надо всегда помнить, что не различными ошибками тех или иных писателей, тех или иных деятелей объясняет социал-демократия вред, приносимый делу социализма «социалистами-революционерами», а, наоборот, все эти ошибки она считает неизбежным результатом фальшивой программной и политической позиции. На таком вопросе, как студенческий, эта фальшь выступает особенно наглядно, и становится очевидным противоречие между *буржуазно-демократической* точкой зрения и мишурным облачением революционного социализма. В самом деле, всмотритесь в ход мыслей программной статьи «Революционной России»: «Студенчество и революция». Автор кладет во главу угла «бескорыстность и чистоту стремлений», «силу идеальных мотивов» у «юности». Именно в этом ищет он объяснения ее «новаторских» политических стремлений, а не в тех реальных условиях общественного быта России, которые, с одной стороны, порождают непримиримое противоречие между самодержавием и весьма широкими и весьма разнородными слоями населения, а, с другой стороны, — чрезвычайно затрудняют (скоро надо уже будет говорить: затрудняли) иное проявление политического недовольства, как через посредство университетов.

Автор обрушивается затем на попытки социал-демократов сознательно отнестись к различию политических групп внутри студенчества, сплотить теснее однородные политические группы и разъединить то, что политически разнородно. Не то, чтобы автор критиковал неправильность той или иной из этих попыток, — смешно было бы утверждать, что все эти попытки и во всем всегда были удачны. Нет, автору чужда совершенно самая идея о том, что различие классовых интересов неизбежно должно отразиться и на политической группировке, что студенчество не может составить изъятия из всего общества, несмотря на всю свою бескорыстность, чистоту, идеальность и проч., что задача социалиста не ватушевать этого различия, а, напротив, разъяснять его возможно более широкой массе и закреплять его в политической организации. Автор смотрит на

вещи с идеалистической точки зрения буржуазного демократа, а не с материалистической — социал-демократа.

Автор не стыдится поэтому выставлять и повторять призыв революционного студенчества к «общеполитическому движению». Для него центр тяжести лежит именно в общеполитическом, т. е. в общедемократическом движении, которое должно быть едино. Единства этого не должны нарушать «чисто революционные кружки», которые должны группироваться «параллельно с общестуденческой организацией». С точки зрения интересов этого широкого и единого демократического движения преступно, конечно, «навязывание» партийных ярлыков и насилдование умственной совести товарищей. Именно так смотрела буржуазная демократия и в 1848 году, когда попытки указать на противоречие классовых интересов буржуазии и пролетариата вызвали «всеобщее» осуждение «фанатиков разъединения и раскола». Именно так смотрит и новейшая разновидность буржуазной демократии, — оппортунисты и ревизионисты, жаждущие единой великой демократической партии, мирно идущей путем реформ, путем сотрудничества классов. Все они всегда были и не могут не быть врагами «фракционных» раздоров и сторонниками «общеполитического» движения.

Вы видите: рассуждения социалистов-революционеров, несуразные и противоречивые до смешного с точки зрения социалиста, становятся вполне понятны и последовательны с точки зрения буржуазно-демократической. Это — потому, что партия социалистов-революционеров есть в сущности не что иное, как *фракция* буржуазной демократии, фракция, по составу своему преимущественно интеллигентская, по точке зрения преимущественно мелкобуржуазная, по теоретическому своему знамени — эклектически соединяющая новейший оппортунизм и стародедовское народничество.

Лучшим опровержением объединительной фразеологии буржуазного демократа является самый ход политического развития и политической борьбы. И в России рост действительного движения успел уже привести к *такому* опровержению. Я имею в виду выделение «академистов», как особой группы студенчества. Покуда не было настоящей борьбы, академисты не выделялись из «общестуденческой» массы, и «единство» всей «мыслящей части» студенчества

казалось ненарушимым. Как только дошло до *дела*, — расхождение разнородных элементов стало неизбежным*.

Прогресс политического движения и прямого натиска на самодержавие тотчас же ознаменовался прогрессом определенности в политической группировке, — вопреки всяческим пустым речам об объединении всех и каждого. В том, что разделение академистов и политиков есть крупный шаг вперед, — едва ли станет сомневаться хоть один человек. Но означает ли это разделение, что студенты социал-демократы «порвут» с академистами? «Революционной России» кажется, что да (см. № 17, стр. 3).

Но кажется ей это только вследствие той путаницы, которую мы обнаружили выше. Полная размежка политических направлений отнюдь не означает «разрыва» профессиональных и учебных союзов. Социал-демократ, который поставит своей задачей работу в студенчестве, непременно постарается проникнуть сам или через посредство своих агентов в возможно большее число возможно более широких «чисто студенческих» и самообразовательных кружков, постарается расширить кругозор того, кто требует только академической свободы, постарается пропагандировать именно социал-демократическую программу среди тех, кто еще ищет какой-нибудь программы.

Резюмируем. Известная часть студенчества хочет выработать себе определенное и цельное социалистическое мировоззрение. Конечной целью этой подготовительной работы может быть — для студентов, желающих практически участвовать в революционном движении, — только сознательный и бесповоротный выбор одного из двух направлений, сложившихся в настоящее время в революционной среде. Кто протестует против такого выбора во имя идейного объединения студенчества, во имя его революционизирования вообще и т. п., — тот затемняет социалистическое сознание, тот проповедует на самом деле лишь безидеальность. Политическая группировка студенчества не может не отражать политической группировки всего общества, и долг

* Если верить некоторым сообщениям, то в последнее время обнаруживается все сильнее и дальнейшее расхождение разнородных элементов студенчества, именно выделение социалистов от политиков-революционеров, которые и слышать не хотят о социализме. Говорят, что среди сосланных в Сибирь студентов очень определенно выступило это последнее направление. Посмотрим, подтвердятся ли эти сообщения.

всякого социалиста — стремиться к возможно более сознательной и последовательной размежовке политически разнородных групп. Призыв, обращенный к студенчеству партией соц.-рев. — «провозгласить свою солидарность с общеполитическим движением и совершенно отвлечься от фракционных раздоров в революционном лагере», — является, по сущности своей, не чем иным, как призывом *назад*, от социалистической к буржуазно-демократической точке зрения. В этом нет ничего удивительного, ибо «партия соц.-рев.» есть лишь фракция буржуазной демократии в России. Разрыв студента социал-демократа с революционерами и политиками всех других направлений отнюдь не означает разрыва общестуденческих и образовательных организаций; напротив, только стоя на точке зрения вполне определенной программы, можно и должно работать в самых широких кругах студенчества над расширением академического кругозора и над пропагандой научного социализма, т. е. марксизма.

Р. С.* В следующих письмах я хотел бы побеседовать с читателями «Студента» о значении марксизма для выработки цельного мировоззрения, о принципиальных и тактических отличиях социал-демократической партии и партии соц.-рев., о вопросах студенческой организации и об отношении студенчества к рабочему классу вообще.

Напечатано в сентябре 1903 г.
в газете «Студент» № 2—3
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Студент»

* — Postscriptum — приписка. Ред.

ВТОРОЙ ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД

ПЛАН СТАТЬИ¹⁶

Давно ожидался.

Почему медленно? (Социалисты-революционеры и социал-демократы. Действительно массовое движение. Обывательщина и политика.)

Главная работа съезда: оформить.

1а Программа. Ее значение. Конец «номадному» периоду¹⁷. Оплот в борьбе с либералами, социалистами-революционерами etc. *

Руководство в пропаганде

» » агитации.

2β Организационный устав. Его значение. Централизм. Местная автономия. (2 центра.) Товарищеское отношение к руководителям. Личные и политические отношения. Выработка толкования и приемов применения устава.

3γ Резолюции.

либералы (две)

социалисты-революционеры

демонстрации
профессиональ-
ная борьба

партийная литература

* — et cetera — и так далее. Ред.

1. либералы	}	важные
2. либералы		
3. социалисты-революционеры		
4. партийная литература		
5. демонстрации		
<u>6. профессиональная борьба</u>		
7. фабричные старосты	}	неважны
8. 1904 г. конгресс		
9. кишиневский погром		
10. сектанты		
11. учащиеся		
12. поведение на допросах		

4

8

Выход Бунда. Лучше явно. Тактика: разъяснение вреда обособленности. (Национализм и организационные сплетни бундовцев.)

5

Протоколы.

Написано в конце сентября — начале октября 1903 г.

Впервые напечатано в 1927 г. в Ленинском сборнике VI

Печатается по рукописи

МАКСИМУМ БЕЗЗАСТЕНЧИВОСТИ И МИНИМУМ ЛОГИКИ

В № 46 мы перепечатали резолюцию V съезда Бунда о положении Бунда в РСДРП и дали свою оценку ее. Заграничный комитет Бунда отвечает нам весьма подробно и zelo сердито в листке своем от 9 (22) сентября. Самой существенной частью этого сердитого ответа является следующее феноменальное открытие: «*Кроме устава-максимум (sic!*)*, пятый съезд Бунда выработал еще устав-минимум», и сей минимум полностью и приводится, причем в двух примечаниях поясняется, что «отвержение автономии» и требование согласия ЦК Бунда на обращение к еврейскому пролетариату со стороны других входящих в партию частей «должно быть выставлено, как ультиматум». Так решил V съезд Бунда.

Не правда ли, как это... красиво? Съезд Бунда выработал сразу два устава, определяя сразу — и максимум и минимум своих желаний или требований. При этом минимум благоразумно (о, в высшей степени благоразумно!) прячется в карман. Публикуется (в листке от 7 (20) августа) только максимум и при этом публично, прямо и ясно заявляется, что этот максимальный проект устава «должен быть предложен II съезду Российской социал-демократической рабочей партии, как базис для обсуждения (это заметьте!) вопроса о положении Бунда в партии». Оппоненты нападают, конечно, на этот максимум с особенной яростью именно потому, что это — максимум, что это — «последнее слово»** направления, ими осуждаемого. Тогда,

* — так! Ред.

** Кстати, чрезвычайно характерно для бундовской полемики, что за это выражение «Последние Известия»¹⁸ особенно на нас обрушились. Почему

через месяц, люди, не испытывая ни малейшего смущения, вытаскивают из кармана «минимум» и грозно добавляют: «ультиматум»!

Это уже не «последнее слово», а настоящая *крайняя цена*... Только крайняя ли, господа? Нет ли у вас в другом кармане минимального минимума? Не выступит ли он на свет божий еще эдак, примерно, через месяц?

Мы сильно опасаемся, что бундовцам вся «красота» этих максимума и минимума плохо понятна. Запросить втридорога, затем сбавить 75% и заявить: «последняя цена», — да разве иначе торговать можно? Да разве между торгашеством и политикой есть разница?

Есть, господа, смеем вас уверить, что есть. Во-первых, в политике некоторые партии проводят систематически известные *принципы*, а из-за принципов торговаться неприлично. Во-вторых, когда люди, причисляющие себя к одной партии, рассматривают некоторые свои требования, как ультиматум, т. е. как условие самой принадлежности к партии, то политическая честность требует, чтобы это обстоятельство не скрывалось, не пряталось «на время» в карман, а, напротив, выдвигалось открыто и определенно с самого начала.

Мы давно уже проповедуем бундистам эти нехитрые истины. Еще в феврале (№ 33) мы писали, что играть в прятки неумно и недостойно, что Бунд выступил отдельно (с заявлением об ОК), ибо хотел выступить, как *сторона*, ставящая всей партии *условия**. За такую оценку дела нас обдали тогда целым ушатом специфически-бундовских (можно сказать с равным правом: специфически-базарных) ругательств, а между тем *события показали теперь, что мы были правы*. Именно *стороной* выступает Бунд в решениях V съезда, ставя всей партии прямые ультиматумы! Именно такой постановки вопроса добивались мы всегда от бундовцев, доказывая, что она неизбежно вытекает из занятой ими позиции: бундовцы сердито протестовали, уклонялись и увертывались, а в конце концов должны-таки были показать свой «минимум».

последнее слово, когда оно (требование федерации) больше двух лет тому назад сказано? «Искра» рассчитывает на беспамятство читателя!.. Успокойтесь, успокойтесь, господа: последним словом ваш устав-максимум назван автором статьи именно потому, что это слово было сказано два дня (примерно) перед № 48 «Искры», а не два года тому назад.

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 285—290. P. 3.

Это курьезно, но еще гораздо курьезнее то, что Бунд продолжает увертываться и теперь, продолжает говорить о «лживости» «старого, всем известного искровского измышления о том, что Бунд хочет вступить в федеративный союз с Российской партией». Лживо это измышление потому, дескать, что в § 1 устава, предлагаемого Бундом, прямо сказано о желании Бунда быть частью партии, а не состоять с нею в союзе.

Очень хорошо, господа! Но не говорится ли в том же параграфе, что Бунд есть *федеративная* часть партии? не говорится ли во всем уставе-максимум о договаривающихся сторонах? не говорит ли устав-минимум об *ультиматуме* и об изменении «основных пунктов» лишь с взаимного согласия входящих в партию частей, причем ни местные, ни районные организации частями партии в этом отношении не признаются? Вы сами говорите, что договаривающейся стороной не может быть ни местная, ни районная организация, а исключительно «сплоченная часть такого же характера как Бунд». Вы сами для примера указываете, что такой сплоченной частью могли бы быть «социал-демократия польская, литовская, латышская», *если бы они находились в партии*, как вы благоразумно добавляете. Ну, а если они не находятся в партии? и если федерация национальных организаций, желательная для вас, не признается желательной и решительно отвергается всей остальной партией? Ведь вы прекрасно знаете, что дело обстоит именно так, вы сами прямо заявляете, что требование построить всю партию на базе федерации национальностей вами уже не выдвигается. Спрашивается, *к кому же* обращаетесь вы с *ультиматумом*? Не очевидно ли, что ко всей партии, кроме Бунда? Вместо того, чтобы доказать лживость искровского измышления, вы только обнаруживаете минимум логики в ваших увертках.

Но, позвольте, — возражают нам бундовцы, — ведь мы даже и федерацию выкидываем из своего устава-минимум! Это устранение «страшного» слова, действительно, самый интересный эпизод в пресловутом переходе от максимума к минимуму. Нигде, может быть, беззаботность Бунда насчет принципов не выразилась так наивно. Вы — догматики, безнадежные догматики, вы ни за какие блага в мире не хотите признать федеративного «принципа организа-

ции». Но мы же ведь не догматики, мы «ставим вопрос на чисто практическую почву». Вам не нравится какой-то там принцип? Чудаки! Так мы обойдемся вовсе без принципа, мы «формулируем § 1 так, чтобы он не являлся декларацией определенного принципа организации». «Центр тяжести вопроса не в принципиальной формулировке, предпосланной уставу, а в конкретных пунктах его, выведенных из рассмотрения потребностей еврейского рабочего движения, с одной стороны, и движения в целом — с другой» (стр. 1 листка от 9 (22) сентября).

Это рассуждение до того прелестно по своей наивности, что так и хочется расцеловать его автора. Бундист всерьез поверил тому, что догматики боятся только некоторых страшных слов, и решил, что если эти слова удалить, то догматик в конкретных-то пунктах ничего не поймет! И вот бундист трудится в поте лица своего, составляет максимум, запасает (на черный день) минимум, готовит ультиматум № 1, ультиматум № 2... *Oleum et operam perdidisti, amice!* Друг мой, ты напрасно теряешь время и труд. Несмотря на хитрое (о, удивительно хитрое!) удаление вывески, догматик усматривает федеративный принцип и в «конкретных пунктах» минимума. Этот принцип виден и в требовании не ограничивать часть партии никакими районными рамками, и в притязании на «единственное»* представительство еврейского пролетариата, и в требовании «представительства» в ЦК партии, и в отнятии у ЦК партии права вступать в сношения с частями Бунда без согласия ЦК Бунда, и в требовании признать основные пункты изменяемыми лишь с согласия *частей* партии.

Нет, господа. Центр тяжести того вопроса о положении Бунда в партии, который стоит перед нами, лежит именно в декларации определенного принципа организации, а отнюдь не в конкретных пунктах. Центр тяжести — в *выборе* пути. Узаконить ли особность Бунда, исторически сложившуюся, или отвергнуть ее в принципе и стать открыто, определенно, решительно и честно на путь большего и большего, теснейшего и теснейшего сближения и

* «Это слово значения не имеет, уверяет нас теперь Бунд. Странно! К чему бы это вставлять не имеющие значения слова и в минимум и в максимум? В русском языке это слово имеет вполне определенное значение. В данном случае оно включает в себя именно «декларацию» и федерализма и национализма. Рекомендуем подумать над этим бундовцам, которые не видят связи национализма и федерации.

слияния со всей партией. Сохранить обособленность или повернуть к слиянию. Такова дилемма.

Решение этой дилеммы зависит от доброй воли Бунда, ибо «насильно мил не будешь», как говорили мы еще в № 33. Если вы *хотите* повернуть к слиянию, тогда вы отвергнете федерацию и примете автономию. Тогда вы поймете, что автономия гарантирует такую постепенность процесса слияния, при которой переорганизация произошла бы с минимальной ломкой и притом так, чтобы еврейское рабочее движение ничего не теряло, а все выигрывало от этой переорганизации и от этого слияния.

Не хотите повернуть к слиянию, — тогда вы будете стоять за федерацию (в максимальной или в минимальной ее форме, с декларацией или без декларации), тогда вы будете бояться «майоризирования», тогда вы превратите печальную обособленность Бунда в фетиш и станете по поводу уничтожения обособленности кричать об уничтожении Бунда, тогда вы станете искать обоснования своей обособленности и в этих поисках то хвататься за сионистскую идею¹⁹ еврейской «нации», то прибегать к демагогии и к сплетням.

Теоретически обосновать федерализм можно только националистическими идеями, и нам странно было бы доказывать бундовцам, что не случайно декларация федерализма приходится на тот самый IV съезд, который вынес декларацию о существовании еврейской нации.

Практически дискредитировать идею слияния можно только посредством науськивания несознательных и робких элементов против «чудовищного», «аракчеевского» организационного плана «Искры», желающей «остричь под одну скобку» комитеты и не позволять им «ни шагу делать без приказа свыше». Какие ужасы! Мы не сомневаемся, что теперь все комитеты поспешат взбунтоваться против ежовых рукавиц, аракчеевского кулака и проч. ... Но откуда вы взяли, господа, сведения об этом свирепом организационном плане? Из литературы? Отчего же вы ее не цитируете? Из рассказов досужих партийных кумушек, которые самым достоверным образом знают все, ну решительно все подробности насчет этой аракчеевщины? Последнее предположение, пожалуй, вероятнее, ибо даже при минимуме логики нелегко было бы смешать в одну кучу такое необходимое требование, чтобы ЦК *имел возмож-*

ность дойти до последнего человека в партии»*, и такое заведомо сплетническое пугало, что ЦК будет «все делать» и «все регламентировать». Или еще: что за пустяки это насчет того, что «между периферией и центром» будут «lose Organisationen»**? Мы догадываемся: наши добрые бундовцы слышали звон, да не поняли, откуда он. Как-нибудь при случае придется им разъяснить это подробно.

Хуже всего, однако, то, что взбунтоваться придется не только местным, но и Центральному Комитету. Правда, он еще не родился, но кумушки доподлинно знают не только день рождения, а всю судьбу новорожденного. Оказывается, что это будет ЦК, «*направляемый группой литераторов*». Не правда ли, какой это испытанный и дешевый прием борьбы? Бундовцы тут не первые и, наверное, не последние. Чтобы изобличить в какой-либо ошибке этот ЦК или ОК, надо найти доказательства. Чтобы изобличить людей в том, что они действуют не по собственному убеждению, а *направляемые* чужой рукой, надо иметь мужество выступить открытым обвинителем и взять на себя перед всей партией ответственность за такое обвинение! Это все — слишком дорого, во всех смыслах дорого. А кумушкины рассказы дешевы... Может быть, и клюнет. Ведь так неприятно прослыть человеком (или учреждением), которого «направляют», которого водят на помочах, который является пешкой, креатурой, ставленником «Искры»... Бедный наш, бедный будущий ЦК! У кого будет он искать защиты от гнета аракчеевщины? Разве вот у «самодельных» и чуждых всякой «подозрительности» бундовцев?

«Искра» № 49, 1 октября 1903 г.

Печатается по тексту газеты
«Искра»

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 442. Ред.

** — широкие, свободные организации. Ред.

ПРОЕКТ ОБРАЩЕНИЯ ЦК И РЕДАКЦИИ ЦО К ЧЛЕНАМ ОППОЗИЦИИ

ВАРИАНТ

ЦК партии и редакция ЦО считают своим долгом обратиться к вам, после ряда неудачных попыток отдельных личных объяснений, с официальным сообщением от имени партии, которую они представляют. Отказ от редакции и от сотрудничества в «Искре» тов. Мартова, отказ бывших членов редакции «Искры» от сотрудничества, враждебное отношение нескольких товарищей-практиков к центральным учреждениям нашей партии создает совершенно ненормальные отношения этой так называемой «оппозиции» ко всей партии. Пассивное отстранение от партийной работы, попытки «бойкота» центральных учреждений партии (выразившиеся, например, как в прекращении сотрудничества в «Искре» с № 46, так и в уходе тов. Блюменфельда из типографии), упорное наименование себя в беседе с членом ЦК²⁰ «группой», вопреки уставу партии, резкие нападки на личный состав центров, утвержденный съездом, требование видоизменить этот состав как условие прекращения бойкота, — все это поведение не может быть признано соответствующим партийному долгу. Все это поведение стоит на границе прямого нарушения дисциплины и обращает в ничто принятое съездом (в партийном уставе) постановление, что распределение сил и средств партии поручено Центральному Комитету.

ЦК и редакция ЦО напоминают поэтому всем членам так называемой «оппозиции» об их партийном долге. Недовольство личным составом центров, вытекает ли оно из личных раздражений или из разногласий, кажущихся тому или иному члену партии серьезными, не может и не должно вести к нелояльному образу действий. Если

центры, по мнению тех или иных лиц, делают те или иные ошибки, то обязанность всех членов партии указывать на эти ошибки перед всеми членами партии и, прежде всего, указывать самим центрам. ЦК и редакция ЦО равным образом обязаны, во имя партийного долга, рассмотреть все такие указания со всей тщательностью, независимо от того бы они ни поступили. Между тем ни редакция ЦО ни ЦК не получили от так называемой оппозиции никаких прямых и определенных указаний на ошибки или выражений неудовольствия и несогласия в чем бы то ни было; тов. Мартов отказывается даже занять место в редакции ЦО и в высшем Совете партии, хотя только на этом посту он мог бы вскрыть перед партией все усматриваемые им в деятельности центров ошибки.

ЦК и редакция ЦО твердо убеждены, что Российская социал-демократическая рабочая партия не позволит влиять на созданные ею учреждения незаконным, негласным (перед партией негласным) и нелояльным путем давлений и бойкотов. ЦК и редакция ЦО заявляют, что они во что бы то ни стало останутся на своем посту, пока партия не сместит их, что они исполнят свой долг и приложат все усилия к осуществлению всего, что им поручено. Попытки «бойкота» ни на волос не отклонят ни редакцию ЦО ни ЦК от того пути, по которому они идут, исполняя волю съезда, — эти попытки причинят только мелкие неприятности и крупные ущербы в отдельных отраслях партийной работы, эти попытки покажут только непонимание партийного долга и нарушение его тем, кто стал бы продолжать их.

*Написано в первой половине
октября 1903 г.*

*Впервые напечатано в 1927 г.
в Ленинском сборнике VI*

Печатается по рукописи

**II СЪЕЗД ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ²¹**

13—18 (26—31) ОКТЯБРЯ 1903 г.

*Напечатано в январе 1904 г. в книге:
«Протоколы II очередного съезда
Заграничной лиги русской революци-
онной социал-демократии». Женева*

Печатается по тексту «Протоколов»

1

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ДОКЛАДУ
О II СЪЕЗДЕ РСДРП 13 (26) ОКТЯБРЯ

I

Ленин делает предварительные замечания к своему докладу. Я предлагаю, во-первых, сохранить псевдонимы, употреблявшиеся на съезде, так как слишком привык к ним, и мне будет легче употреблять их, чем каждый раз соображать, от какой организации был делегат. Во-вторых, я думаю коснуться и заседаний организации «Искры», происходивших в промежутке между заседаниями съезда, так сказать, частным образом. Я думаю, что это можно сделать, во-первых, потому, что Лига являлась заграничным отделом организации «Искры», во-вторых, потому, что организация «Искры» теперь распущена, в-третьих, потому, что без этих данных мне будет труднее уяснить истинный смысл событий съезда партии.

II

Тов. Мартов против того, чтобы касаться частных заседаний организации «Искры», так как на них не велось протоколов, но теперь нет еще и протоколов партийного съезда, и я на них также не могу сослаться. Ведь тов. Мартов присутствует здесь; он сможет внести поправки, если вкрадутся какие-либо неточности. Если частные заседания «Искры» имеют значение для дела, то я вскрою их и перед более широкой публикой — все равно, тов. Мартову скрыть их не удастся («Ого!»). Я отлично помню, кого я не допустил на эти заседания, и кто с них вышел, и об этом я буду много говорить. Ошибки, конечно, могут быть, и всего на память я восстановить не могу. Самое важное — это политическая группировка лиц. По каждому отдельному

голосованию, я, конечно, могу восстановить ее только приблизительно, но, в общем, она для меня совершенно ясна. Не в интересах дела скрыть от Лиги то, что касается организации «Искры», которая уже распущена, и что стало уже достоянием партии. Что касается протокольных псевдонимов, то они, конечно, лучше, но я протоколов не читал и потому их не знаю.

III

Тов. Мартов опасается, что, говоря о частных заседаниях «Искры», можно перейти в область сплетен. Я не собирался касаться области сплетен, и «мы будем посмотреть», кому удастся удержаться на высоте принципиального спора, и кто должен будет спуститься в эту мрачную область («Oго!»). «Мы будем посмотреть», «мы будем посмотреть!» Я считаю себя вполне свободным касаться заседаний редакции и ничего не буду иметь против, если тов. Мартов будет тоже их касаться, но я все-таки должен заметить, что во время съезда у нас ни разу не было специально редакционного собрания.

IV

Главная цель моего доклада — доказать, что тов. Мартов ошибался, но в его намеке относительно тов. Плеханова я вижу совершенно другое. Напомню мою фразу, сказанную на партийном съезде, по одному поводу: «какую бурю негодования, обыкновенно, вызывают люди, которые в комиссии говорят одно, а на заседании — другое»*. Намекать на такое поведение — это уже значит не обсуждать политическое поведение, а переходить на личности. Относительно же заявления П. Б. Аксельрода, что Х. уехал совершенно неосведомленным, могу заявить, что это совершенно неверно. Он сам обратился ко мне с письмом, в котором сообщал мне, что, по его мнению, во всем этом разделении есть много личного и мало — принципиального. Из этого я заключаю, что он был уже осведомлен. И на его просьбу высказать свое мнение по поводу съезда, я тоже имел случай не раз писать ему.

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 439. Ред.

2

ДОКЛАД О II СЪЕЗДЕ РСДРП 14 (27) ОКТЯБРЯ

Ленин, прежде чем приступить к докладу, останавливается на дебатах предыдущего заседания, относившихся к вопросу, насколько можно касаться частных заседаний искровцев, происходивших во время съезда партии. Вчерашнее решение съезда он толкует в том смысле, что докладчики должны касаться фактов незапротоколированных лишь в минимальной степени, и поэтому, рассказывая о собраниях членов организации «Искры», он намеревается касаться только результатов голосования.

После этого введения он переходит к рассказу о периоде, непосредственно предшествовавшем партийному съезду. В Организационном Комитете, задача которого была подготовить съезд, преобладали искровцы, и деятельность его велась именно в искровском направлении. Но уже во время подготовки съезда обнаружилось, что в ОК было далеко до полного единства. Прежде всего в состав его входил бундист, старавшийся пользоваться всяким поводом, чтобы затормозить дело созыва съезда искровского направления; этот член ОК всегда вел свою собственную линию. Были еще в ОК два члена «Южного рабочего»; хотя они и считали себя искровцами и даже объявили о своем присоединении к «Искре», о чем очень долго велись переговоры, но признать их вполне таковыми все же было нельзя. Наконец, даже у самих искровцев, входивших в состав ОК, не было полного единства, между ними самими были несогласия. Важно еще отметить решение ОК по вопросу об императивных мандатах. Этот вопрос возник задолго до съезда и был решен в том смысле, что императивные мандаты должны быть отменены. В том же смысле и самым определенным

образом высказалась по этому вопросу и редакция. Решение это распространялось и на нее самое. Было постановлено, что на съезде, представляющем высшую инстанцию партии, никто из членов партии, а также и редакции не должен считать себя связанным какими-либо обязательствами перед организацией, которая его туда послала. Ввиду этого решения я и выработал проект Tagesordnung'a* съезда с комментариями к нему, который я решил внести на съезд от своего имени. В этом проекте, при пункте 23-м, на полях была сделана отметка о выборе трех лиц в редакцию и в ЦК. В связи с этим пунктом стоит еще одно обстоятельство. Так как редакция состояла из 6-ти лиц, то по общему согласию было решено, в случае, если во время съезда придется устроить совещание редакции и голоса поделятся поровну, пригласить на совещание с решающим голосом тов. Павловича.

Задолго до начала съезда стали съезжаться делегаты. ОК предоставил им возможность предварительно познакомиться с редакцией. Вполне естественно, что искровцы желали явиться на съезд солидарными, спевшимися, и с этой целью с приезжавшими делегатами велись частные беседы, а также устраивались собрания для выработки единства во взглядах. На этих собраниях физиономии некоторых делегатов выяснились с достаточной определенностью. Напр., на одном из таких собраний, когда я прочел реферат по национальному вопросу²², делегат от горнопромышленного района высказывался в духе ППС²³, обнаружив вообще крайнюю спутанность воззрений.

Таковы обстоятельства, предшествовавшие съезду.

Теперь объясню, каким образом я оказался единственным делегатом от Лиги, тогда как последняя выбрала двух. Оказалось, что от русской организации «Искры», которая также должна была прислать двух делегатов, ни один не приехал на съезд. Тогда перед началом съезда, на состоявшемся собрании искровцев решено было, чтобы один из 2-х выбранных Лигой делегатов отказался бы от своего мандата, передав его другому делегату, а сам явился бы делегатом от организации «Искры», взяв себе два ее мандата, с тем чтобы, в случае приезда из России избранного делегата, он передал ему один из 2-х мандатов организации

* — порядка дня. *Ред.*

«Искры». И мне и Мартову, естественно, хотелось быть делегатом от «Искры», ввиду незначительности той роли, которую играла Лига. Спор этот мы решили путем метания жребия.

Первый предварительный вопрос — о выборе бюро съезда — вызвал некоторое, хотя и незначительное, разногласие между мной и Мартовым. Последний настаивал на выборе 9-ти лиц, внося в это число даже бундиста. Между тем, я считал необходимым выбрать такое бюро, которое могло бы проявить твердую, стойкую политику, а в случае надобности сумело бы даже применить и так называемые «ежовые рукавицы». Были выбраны: Плеханов, Ленин и Павлович.

Кроме пяти бундистов на съезде были два делегата от Заграничного союза русских социал-демократов и почти всегда вотировавший вместе с ними делегат от петербургского «Союза борьбы». Эти лица с самого начала сильно затягивали прения. Уже один регламент съезда отнял невероятно много времени. Шли бесконечные споры о месте Бунда в партии, длившиеся несколько заседаний. Такие же проволочки производил бундист, попавший в комиссию по проверке мандатов. Он на каждом шагу чинил obstruction, ни по одному вопросу не соглашался с другими членами этой комиссии, в которую входил и я, и постоянно оставался при «особом мнении». На замечание, что таким образом может затянуться съезд, бундист ответил «и пусть затягивается», и изъявил готовность заседать в комиссии сколько угодно времени. Лишь далеко за полночь удалось закончить работы по проверке мандатов.

В первые же дни заседаний съезда произошел инцидент с ОК. По выработанному им уставу на съезд с совещательным голосом могли быть приглашены лишь «видные деятели партии»; комиссия по проверке мандатов отвергла просьбу группы «Борьба», чтобы от нее был допущен мандат. В этой комиссии участвовали два члена ОК, которые категорически высказывались против допущения на съезд представителя от «Борьбы». Когда докладчик от комиссии сообщил съезду это решение, возникли продолжительные дебаты «за» и «против» допущения, причем одним из искровцев было высказано мнение, что представителя от «Борьбы» отнюдь не следует приглашать на съезд, так как эта группа занималась лишь интригами,

старалась пролезть во всякие щели, всюду вносила раздор и пр. (Троцкий: «Напрасно не называете фамилии оратора, — это говорил я». П. Аксельрод: «Повидимому, референт не считает это для себя выгодным».) Действительно, это тов. Троцкий так резко характеризовал группу «Борьба». В самый разгар споров о допущении на съезд представителя от группы «Борьба» один из делегатов от «Южного рабочего», опоздавший на съезд и только теперь явившийся сюда, попросил собрание сделать перерыв на 5 минут, чтобы ознакомиться со всеми обстоятельствами, относящимися к дебатлируемому вопросу. Когда перерыв этот был разрешен, члены ОК устроили совещание тут же у окна. Надо заметить, что еще до начала съезда у некоторых членов ОК были некоторые неудовольствия против редакции. Так, член от Бунда в ОК был крайне возмущен тем, что редакция свое пожертвование в 500 марок немецким социал-демократам для выборов обозначила как посланное от нее и от ОК, не получив на это предварительного разрешения от последнего. В этом невинном акте, вполне естественном при невозможности быстро сноситься с российскими товарищами, бундист усмотрел, что живущая за границей редакция распоряжается именем ОК, не спрашивая его об этом. В ОК было внесено даже предложение сделать за это редакции выговор, каковой и был сделан, так как к бундисту присоединился тов. NN, бывший членом организации «Искры». Когда я сообщил об этом Мартову, последний сильно вознегодовал, заявив, что это «гнусность». (Мартов: «Нет, слова «гнусность» я не употребил».) Точного выражения я не помню. Мартов еще добавил, что он «этого так не оставит». Я же убеждал его, что это не столь важно и что лучше смолчать, не придавая этому инциденту значения. Когда закончилось происходившее у окна совещание ОК, тов. Павлович, входивший в его состав, сообщил двум другим членам бюро, что по предложению вапоздавшего делегата от «Южного рабочего», также входившего в ОК, большинством голосов, за исключением его, Павловича, принято решение пригласить на съезд представителя от «Борьбы», Рязанова, с правом совещательного голоса. Тов. Павлович энергично восстал против этого решения и, ввиду отсутствия императивных мандатов, счел себя вправе протестовать на съезде против такого

решения. Нас, членов бюро, а также редакцию и других искровцев в сильнейшей степени возмутило это постановление ОК. Член ОК, о котором я уже упоминал, т. NN, в заседании комиссии по проверке мандатов сам высказывался против допущения представителя от «Борьбы» на съезд; теперь же, в совещании ОК, он, наоборот, согласился на его приглашение. Он теперь сам протаскивал Рязанова на съезд. Мы таким образом оказались в ловушке. Тогда мы решились на энергичную борьбу с этим возмутительным постановлением ОК. Против него говорили многие. Я в своей речи по этому поводу сказал следующее: «какую бурю негодования вызывают на европейских конгрессах те люди, которые говорят в комиссиях одно, а на съезде другое». Говоря это, я имел в виду NN, члена организации «Искры». Когда тов. Павлович сообщил съезду о своем протесте против такого решения ОК, член из «Южного рабочего» нашел в этом нарушение дисциплины, дезорганизационный прием и т. п. и требовал от съезда достойного наказания для тов. Павловича за такой поступок. Но мы разбили все эти доводы. Большинство ОК оказалось побежденным. Была принята резолюция, что ОК, как коллегия, не имеет права влиять на состав съезда после того, как съезд выбрал комиссию по проверке мандатов. Предложение о приглашении Рязанова было отклонено. Но мне и после съезда приходилось слышать от некоторых искровцев сомнение, почему было не допустить на съезд члена «Борьбы». (Дейч: «Я и на съезде это же высказывал».) Совершенно верно, да и по другим вопросам, о чем я еще буду говорить, тов. Дейч не всегда вотировал заодно со всеми искровцами, например, в вопросе о равноправности языков. Высказываются теперь некоторыми искровцами и такие в высшей степени странные взгляды, будто ЦК должен отражать в своей деятельности всякие шатания и примитивные воззрения в партии. В этом же духе говорили некоторые нетвердые, колеблющиеся искровцы и на съезде. Таким образом оказывается, что взгляд, будто все, причисляющие себя к искровцам, являются таковыми и на самом деле, совершенно неверен. Есть искровцы, стыдящиеся даже называть себя искровцами, это — факт. Есть искровцы, борющиеся с «Искрой», ставящие ей разные препятствия, тормозящие ее деятельность. «Искра» стала популярна, сделалась модой

называться искровцем, но это не мешает многим оставаться тем, чем они были раньше, до признания ее многими комитетами. Такие ненадежные искровцы принесли ей много вреда. Если бы они еще боролись с нею прямо, открыто... Но нет, они действуют исподтишка, из-за угла, незаметно, тайно.

Второй пункт Tagesordnung'a на партийном съезде был посвящен программе партии. Сторонники «Рабочего Дела», бундисты и разные отдельные делегаты, которым во время съезда дана была кличка «болото», делали невероятную обструкцию. Прения о программе невероятно растянулись. Одним Акимовым внесен был не один десяток поправок. Спорили буквально из-за отдельных слов, из-за того или другого союза. Один бундист, входивший в комиссию по просмотру проекта программы, совершенно основательно спросил, — чей же проект мы рассматриваем, предложенный редакцией «Искры» или внесенный Акимовым? — до того много поправок приходилось обсуждать. Поправки эти были ничтожны, и программа была принята решительно без сколько-нибудь серьезных изменений; тем не менее дебаты о ней потребовали около 20 заседаний. Вот до чего непроизводительны были работы съезда из-за той оппозиции, которую ей делали разные антиискровские и quasi*-искровские элементы.

Вторым крупным инцидентом, происшедшим на съезде после инцидента с ОЖ, был инцидент по поводу равноправия языков или, как его иронически называли на съезде, «о свободе языков». (Мартов: «Или «об ослах»». Смех.) Да, и «об ослах». Дело вот в чем. В проекте программы партии говорится о равноправности всех граждан, независимо от пола, национальности, религии и пр. Бундисты этим не удовлетворились и стали требовать, чтобы внесено было в программу право каждой национальности учиться на своем языке, а также обращаться на нем в разные общественные и государственные учреждения. В ответ на замечание одного многоречивого бундиста, указавшего, для примера, на государственное коннозаводство, тов. Плеханов заметил, что о коннозаводстве не может быть речи, так как лошади не говорят, а «говорят лишь осла». Бундисты на это обиделись, очевидно, приняв эту шутку на свой счет.

* — мнимо. Ред.

В вопросе о равноправии языков впервые проявился раскол. Кроме бундистов, рабочедельцев и «болота», за «свободу языков» высказались и некоторые из искровцев. Тов. Дейч своими вотами по этому вопросу вызывал в нас удивление, возмущение, негодование и пр.; он то воздерживался, то вотировал против нас. В конце концов этот вопрос был решен полюбовно и единогласно.

Вообще в первой половине съезда все искровцы действовали заодно. Бундисты говорили, что против них заговор. Один бундист в своей речи характеризовал съезд, как «компактное большинство». В ответ на это я выразил желание, чтобы вся наша партия превратилась в одно компактное большинство.

Совершенно иную картину представляет вторая половина съезда. С этого времени начинается исторический поворот Мартова. Разногласия, проявившиеся между нами, были вовсе не незначительны. Они вытекали из неправильной оценки Мартовым настоящего момента. Тов. Мартов уклонился от той линии, которой он придерживался раньше.

Пятый параграф *Tagesordnung*'а был посвящен уставу. Из-за первого пункта его между мною и Мартовым возникли споры еще в комиссии. Мы отстаивали различные формулировки. Между тем как я предлагал признать членом партии того, который, разделяя программу партии и оказывая ей материальную поддержку, входит в какую-нибудь партийную организацию, — Мартов находил достаточным, кроме двух первых условий, работу под контролем одной из партийных организаций. Я стоял за свою формулировку и указывал, что иного определения члена партии мы не можем сделать, не отступая от принципа централизма. Признать членом партии лицо, не входящее ни в какую партийную организацию, это значит высказаться против всякого контроля партии. Здесь Мартов вносил новый принцип, совершенно противоречащий принципам «Искры». Формулировка Мартова расширяла пределы партии. Он ссылался на то, что наша партия должна быть партией масс. Он открывал настежь двери всяким оппортунистам, расширял пределы партии до полной расплывчатости. При наших же условиях это представляет большую опасность, так как установить границу между революционером и праздничболтающим очень трудно; поэтому нам

необходимо было сузить понятие партии. Ошибка Мартова состояла в том, что он широко открывал двери партии всякому проходимцу, между тем как обнаружилось, что даже на съезде целая треть принадлежит к числу подсиживающих. Мартов в данном случае проявил оппортунизм. Его формулировка вносила фальшивый диссонанс в устав: каждый член партии должен находиться под контролем организации так, чтобы ЦК имел возможность доходить до последнего члена партии. Моя формулировка давала стимул организоваться. Тов. Мартов принижал понятие «члена партии», оно же, по моему мнению, должно стоять высоко, очень высоко. На сторону Мартова перешли «Рабочее Дело», Бунд и «болото», с помощью которых он провел первый параграф устава.

Тогда Мартов стал говорить о «позорящих слухах», распространяемых про него. В указаниях на то, с кем Мартов оказался в союзе, не было никакой обиды. Я сам подвергся тем же нареканиям, когда оказался в союзе с тов. Брукэр. И я нисколько не обиделся, когда Мартов послал мне записку, в которой говорил: «смотри, кто с тобой вотирует». Правда, мой союз с Брукэр был временный и случайный. Между тем союз Мартова с Бундом оказался прочным. Я был против формулировки Мартова, так как она являлась *Verzumpfung*'ом*. Я предупреждал Мартова об этом, и противники наши, идя за Мартовым, как один человек, красноречиво иллюстрировали эту ошибку. Но самое опасное заключается не в том, что Мартов попал в болото, а в том, что, случайно попав в него, он не постарался выбраться из него, а погружался все больше и больше. Бундисты почувствовали, что они стали господами положения, и положили на устав партии свой отпечаток.

Во время второй половины съезда тоже составилось компактное большинство, но только оно уже состояло из коалиции мартовцев, плюс «болото», плюс компактное меньшинство из «Рабочего Дела» и Бунда. И это компактное большинство стояло против искровцев. Один бундист, видя распри среди искровцев, сказал: «Приятно спорить, когда вожди дерутся». Мне непонятно, почему Бунд ушел при таких обстоятельствах. Он оказывался хозяином

* — болотной. Ред.

положения и мог бы провести многое. Вероятнее всего, у него был императивный мандат.

После того, как первый параграф устава был испорчен, мы должны были связать разбитую посудину как можно туже, двойным узлом. У нас естественно явилось опасение, что нас подсилят, подведут. Ввиду этого необходимо было ввести обоюдную кооптацию в центральные учреждения, чтобы обеспечить партии единство их действий. Из-за этого вопроса снова возникла борьба. Необходимо было сделать так, чтобы к III съезду партии не могло повториться того же самого, что произошло с ОК. Нужно было создать последовательное, честное искровское министерство. На этом пункте мы были опять побиты. Пункт о взаимной кооптации в центральные учреждения был провален. Ошибка Мартова, поддерживаемого «болотом», обнаружилась еще ярче. С этого момента коалиция сложилась вполне, и под угрозой поражения мы принуждены были варядить свои ружья двойными зарядами. Бунд и «Рабочее Дело» сидели и своими голосами решали судьбу съезда. Отсюда возникла упорная, ожесточенная борьба.

Перейдем теперь к частным заседаниям организации «Искры». На этих заседаниях мы, главным образом, занялись вопросом о составе ЦК. В течение всех четырех заседаний организации «Искры» велись дебаты около тов. NN, которому часть искровцев хотела выразить политическое недоверие, но отнюдь не в буквальном смысле этого слова, ибо абсолютно ничего позорящего никто NN не приписывал, а в специальном значении пригодности NN для искровского министерства; из-за этого происходили отчаянные драки. На последнем заседании 16-ти 9 человек высказалось против NN, 4 — за, остальные воздержались. Здесь же решался вопрос о том, в каком составе провести теперь свое министерство.

Мартов и я предлагали различные «тройки», на них сойтись мы не могли. Не желая разбивать голоса на съезде, мы решили предложить компромиссный список. Мы шли на всякие уступки: я соглашался на список с двумя мартовцами. Меньшинство не пошло на это. Между прочим, член «Южного рабочего» не желал стоять в нашем списке, соглашаясь в то же время находиться в списке мартовцев. «Южный рабочий» — посторонний элемент — решал вопрос о ЦК. После того, как искровцы раскололись, мы должны

были собирать своих единомышленников и пустились в горячую агитацию. Неожиданный уход Бунда сразу изменил все положение. С его уходом снова образовалось компактное большинство и меньшинство. Мы оказались в большинстве и провели в ЦК уже тех, кого мы хотели.

Вот обстоятельства, приведшие к расколу. Крупною бестактностью со стороны Мартова было выносить на съезд вопрос об утверждении всех шестерых редакторов «Искры», когда он знал, что я буду настаивать на выборности редакции. Это значило свести вопрос о выборе редакции к выражению недоверия отдельным личностям из редакции.

В субботу, в 5 часов, кончились выборы. Мы приступили к обсуждению резолюций. Для этого у нас оставалось всего несколько часов. Вследствие тормозов и проволочек со стороны «болота», нам пришлось выбросить из Tagesordnung'a массу важных пунктов; так, нам совсем не осталось времени для обсуждения всех вопросов о тактике.

Отношение съезда к резолюциям было до того единодушно, что мы вынесли впечатление о наладившемся примирительном настроении; нам казалось, что из происшедших разногласий Мартов не делал государственного вопроса. Он даже заметил по поводу вопроса одного из «Южного рабочего» о законности выборов, что меньшинство подчиняется всем постановлениям съезда. Все резолюции принимались мирно и дружелюбно; разногласия возникли только по поводу резолюции Старовера о либералах. Она страдает расплывчатостью, и в ней сказался опять оппортунизм; против нее мы боролись и добились проведения еще другой резолюции по этому же вопросу.

Общее впечатление о съезде получилось такое, что у нас велась борьба с подсиживанием. Мы были поставлены в невозможность работать. Вывод являлся такой: «упаси нас, господи, от таких друзей», т. е. quasi-искровцев. Мартов совершенно не понял этого момента. Он возвел свою ошибочную позицию в принцип. В вопиющем противоречии с действительными нуждами партии стоит утверждение Мартова об «осадном положении», созданном большинством. Чтобы сделать работу успешнее, необходимо было удалить тормозящие элементы и поставить их в положение, при котором они не могли бы портить партии; только в таком случае на следующем съезде нам удастся работать плодотворно. Вот почему нужно было устано-

вить полное единство между центральными учреждениями партии.

Первая половина съезда диаметрально противоположна второй. Кардинальные пункты всего съезда сводятся к четырем крупным моментам, а именно: 1) инцидент с ОК; 2) дебаты по поводу равноправия языков; 3) дебаты по поводу первого пункта устава и 4) борьба из-за выборов в партийные центры.

В первой половине съезда мы вместе с Мартовым были против ОК, Бунда, «Рабочего Дела» и «болота», во второй половине он попал случайно в болото. Из случайного *Versumpfung*'а теперь, после съезда, получается уже настоящий *Versumpfung*. (Аплодисменты.)

3

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ДОКЛАДА МАРТОВА
15 (28) ОКТЯБРЯ²⁴

Я протестую самым энергичным образом, как против *жалкого* приема борьбы, против постановки Мартовым вопроса о том, кто солгал или кто интриговал в изложении частной беседы между мною, им и Старовером. Я констатирую, что этот прием противоречит вопиющим образом вчерашним заявлениям самого Мартова о брезгливости, мешающей доводить дело до неразрешимого вопроса о правдивости изложения частных бесед! Я заявляю, что Мартов *совершенно неверно* изложил частный разговор en question*. Я заявляю, что принимаю всякий третейский суд и вызываю на него Мартова, если ему угодно обвинять меня в поступках, несовместимых с занятием ответственного поста в партии. Я заявляю, что нравственный долг Мартова, выдвигающего теперь не прямые обвинения, а темные намеки, что его долг иметь мужество поддержать свои обвинения открыто и за своей подписью перед всей партией, и что я, как член редакции ЦО партии, предлагаю Мартову от имени всей редакции немедленно *издать* отдельной брошюрой *все* его обвинения. Не делая этого, Мартов докажет только, что он добивался одного скандала на съезде Лиги, а не нравственного очищения партии.

* — о котором идет речь. Ред.

4

РЕЧЬ ОБ УСТАВЕ ЛИГИ 17 (30) ОКТЯБРЯ

Я остановлюсь, главным образом, на одном пункте, именно, на мысли докладчика о том, что Лига автономна в выработке своего устава. По моему мнению, это совершенно неправильно, ибо ЦК, имеющий согласно § 6 партийного устава право организовать комитеты, — единственная инстанция, могущая заняться выработкой устава для Лиги; потому что организовать — значит прежде всего составить устав. И до тех пор, пока ЦК не утверждает устава Лиги, она, Лига, устава *не имеет*. Понятие об автономии сюда совершенно не применимо, ибо оно идет вразрез с партийным уставом. Я еще раз энергично подчеркиваю, что до утверждения ЦК Лига устава не имеет. Что же касается утверждения Лиги съездом партии, то это не за деятельность ее, а, пожалуй, скорее, вопреки всем ее дефектам, — исключительно за ее принципиальную выдержанность.

НЕПОДАННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ²⁵

29 октября 1903.

Товарищи! Я ушел вчера (28/X) с заседания съезда, потому что слишком омерзительно было присутствовать при том расковыривании грязных сплетен, слухов, частных разговоров, которое предпринял Мартов и проделал с истерическими взвизгиваниями, при ликовании всех и всяческих любителей скандала. Точно в насмешку над самим собой тот же Мартов 3-го дня красноречиво говорил о непристойности таких ссылок на частные разговоры, которые не могут быть проверены, которые провоцируют вопрос, кто из собеседников *солгал*. Буквально эту именно непристойность и показал нам Мартов, истерически допрашивавший вчера меня, *кто солгал*, я или он, при изложении пресловутого частного разговора о пресловутой тройке.

Этот прием вызывать на скандал такой постановкой вопроса: *кто солгал?* достоин только либо бреттера, ищущего дешевого случая к драке, либо истерически виноватого человека, неспособного взвесить бессмысленности своего поведения. Со стороны политического деятеля, которого обвиняют в определенных политических ошибках, употребление подобного приема безошибочно свидетельствует об отсутствии иных средств защиты, о жалком перенесении политического разногласия в область драг и сплетен.

Спрашивается теперь, какие средства защиты могут быть вообще употреблены против этого приема всех бреттеров и скандалистов выдвигать *недоказуемые* обвинения на

основании частных разговоров? Я говорю «недоказуемые» обвинения, ибо незапротоколированные частные беседы исключают, по самой своей сущности, *всякую* возможность доказательств, и обвинения на основании их ведут к простым повторениям и склонениям слова «ложь». Мартов вчера дошел в искусстве таких повторений до настоящей виртуозности, и я следовать его примеру не буду.

Я указал уже в своем вчерашнем заявлении *один* прием защиты и я настаиваю категорически на нем. Я предлагаю своему противнику издать немедленно-отдельной брошюрой все его обвинения против меня, которые он бросал в своей речи в виде бесконечных и бесчисленных темных намеков на ложь, интриганство и проч. и проч. Я *требую*, чтобы мой противник выступил именно перед *всей* партией за своей подписью, потому что он набрасывал тень на меня, как на члена редакции ЦО партии, потому что он говорил о невозможности для кое-каких лиц занимать ответственные места в партии. Я обяжусь опубликовать *все* обвинения моего противника, ибо именно открытое переворачивание дряг и сплетен будет, я прекрасно знаю это, лучшей защитой моей перед партией. Я повторяю, что, уклоняясь от моего вызова, противник докажет этим, что его обвинения состоят из одних темных инсинуаций, порождаемых либо клеветничеством негодяя, либо истерической невменяемостью поскользнувшегося политика.

Я имею, впрочем, еще одно косвенное средство защиты. Я сказал в своем вчерашнем заявлении, что частный разговор *en question** передан Мартовым совершенно неверно. Я не буду возобновлять этого разговора именно вследствие безнадежности и бесцельности *недоказуемых* утверждений. Но пусть вдумывается всякий в тот «документ», который я вчера передал Мартову, прочитавшему его на съезде. Этот документ есть программа съезда и мой комментарий к ней, — комментарий, написанный *после* «частного» разговора, *посланный мной Мартову* и возвращенный им с поправками.

Этот документ представляет из себя *несомненную* квинт-эссенцию нашего разговора, и мне вполне достаточно разобрать его точный текст, чтобы показать сплетнический

* — о котором идет речь. Ред.

характер мартовских обвинений. Вот этот текст полностью:

«Пункт 23 (Tagesordnung'a * съезда). *Выборы ЦК и редакции ЦО партии*».

Мой комментарий: «Съезд выбирает 3-х лиц в редакцию ЦО и 3-х в ЦК. Эти шесть лиц *вместе*, по большинству $\frac{2}{3}$, дополняют, если это необходимо, состав редакции ЦО и ЦК кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения этого доклада съездом дальнейшая кооптация производится редакцией ЦО и Центральным Комитетом отдельно».

Мартов уверял, что эта система принята была *исключительно* ради расширения редакционной шестерки. Этим уверением *прямо* противоречат слова: «если это необходимо». Ясно, что и тогда уже предвиделась возможность, что такой необходимости не будет. Далее, если для кооптации требовалось согласие 4-х из 6-ти, то очевидно, что дополнение состава редакции *не могло бы состояться без согласия не-редакторов*, без согласия по меньшей мере одного члена ЦК. Следовательно, расширение редакции было обусловлено мнением человека, о личности которого возможны были тогда (за месяц, если не за полтора, до съезда) лишь самые неопределенные гадания. Очевидно, следовательно, что редакционная шестерка, как таковая, признавалась *тогда* и Мартовым неспособной к *самостоятельному дальнейшему существованию*, если решающий голос в вопросе о расширении выборной тройки давался выборному же *не-редактору*. Без внешней, внередакционной, помощи и Мартов считал невозможным превращение старой редакции «Искры» в редакцию партийного Центрального Органа.

Пойдем дальше. Если бы все дело состояло *исключительно* в том, чтобы расширить шестерку, то к чему было бы говорить о тройке? Тогда достаточно было бы заменить единогласную кооптацию кооптацией тем или иным большинством. Тогда не к чему было бы вообще говорить о редакции, а достаточно было бы говорить о кооптации в партийные учреждения вообще или центральные партийные учреждения в частности. Ясно, следовательно, что исключительно об одном расширении дело не шло. Ясно

* — порядка дня. Ред.

также, что возможному расширению препятствовал не один член старой редакции, а может быть два или даже три, раз для расширения шестерки признавалось полезным сократить ее сначала до тройки.

Наконец. Сопоставьте «дополнение», расширение состава центров по теперешнему уставу партии, принятому на съезде, и по тому первоначальному проекту, который мы вместе с Мартовым запечатлели в вышеприведенном комментарии к п. 23 порядка дня. По первоначальному проекту требовалось согласие *четырёх против двух* (для расширения редакции ЦО и ЦК), а по теперешнему уставу требуется, в последнем счете, согласие *трех против двух*, потому что окончательно решает теперь вопрос о кооптации в центры Совет и, если два члена редакции плюс один еще член Совета хотят расширения редакции, то они могли бы, следовательно, произвести это расширение против воли третьего.

Таким образом, не может подлежать ни малейшему сомнению (на основании точного смысла точного документа), что видоизменение состава редакции было предложено (мною и Мартовым, не опротестовано никем из членов редакции) задолго до съезда, причем это видоизменение должно было состояться независимо от воли и согласия одного какого-либо, а может быть и двух-трех членов шестерки. Можно судить поэтому, какой вес имеют теперь жалкие слова о неформальном императивном мандате, связывавшем шестерку, о нравственных узах внутри ее, о значении незыблемой коллегии и тому подобные увертки, которыми изобиловала речь Мартова. Все эти увертки прямо противоречат недвусмысленному тексту комментария, требующего обновления состава редакции, обновления путем довольно сложного и, следовательно, тщательно обдуманного способа.

Еще более несомненно из этого комментария, что изменение состава редакции было обусловлено *согласием* не менее двух выбранных съездом русских товарищей, членов ЦК. Несомненно значит, что и я и Мартов *надеялись убедить* этих будущих членов ЦК в необходимости определенного изменения состава редакции. Мы отдавали, значит, вопрос о составе редакции на решение неизвестных еще в точности центровиков. Мы шли, следовательно, на борьбу, *надеясь завоевать этих центровиков на свою сторону*, и если

теперь большинство влиятельных русских товарищей высказалось на съезде за меня, а не за Мартова (по возникшим между нами разногласиям), то со стороны последнего является прямо неприличным и жалким приемом борьбы истерическое оплакивание своего поражения и возбуждение сплетен и дрязг, недоказуемых по самой своей сущности.

Н. Ленин (В. И. Ульянов)

*Впервые напечатано в 1928 г.
в Ленинском сборнике VII*

Печатается по рукописи

**ЗАЯВЛЕНИЕ О СЛОЖЕНИИ С СЕБЯ
ДОЛЖНОСТИ ЧЛЕНА СОВЕТА ПАРТИИ
И ЧЛЕНА РЕДАКЦИИ ЦО²⁸**

Не разделяя мнения члена Совета партии и члена редакции ЦО, Г. В. Плеханова, о том, что в настоящий момент уступка мартовцам и кооптация шестерки полезна в интересах единства партии, я слагаю с себя должность члена Совета партии и члена редакции ЦО.

Н. Ленин

1 ноября 1903 г.
Женева.

Р. С. Во всяком случае я отнюдь не отказываюсь от сильной поддержки своей работой новых центральных учреждений партии.

Подано Плеханову 1 XI 1903.

Напечатано в 1904 г.

Печатается по рукописи

ПОЛОЖЕНИЕ БУНДА В ПАРТИИ²⁷

Под таким заглавием Бунд выпустил перевод статьи из № 34 «Arbeiterstimme»²⁸. Статья эта, присоединенная к решениям V съезда Бунда, является как бы официальным комментарием к ним. Здесь делается попытка систематически изложить все доводы, которые заставляют прийти к выводу, что Бунд «должен быть федеративною частью партии». Интересно рассмотреть эти доводы.

Автор начинает с того, что самый жгучий вопрос, стоящий перед российской социал-демократией, это — вопрос об объединении. На каких основаниях может оно произойти? Манифест 1898 г.²⁹ взял за основание принцип автономии. Автор разбирает этот принцип и находит, что он логически несообразен, внутренне противоречив. Если понимать под вопросами, специально касающимися еврейского пролетариата, только вопросы о способах агитации (применительно к особому языку, особой психологии, особой культуре евреев), то это будет техническая (?) автономия. Но такая автономия означает уничтожение всякой самостоятельности, ибо ею пользуется всякий комитет партии, а приравнение Бунда к комитетам есть отрицание автономии. Если же понимать под автономией автономию в некоторых программных вопросах, то нелепо лишать Бунд всякой самостоятельности в остальных программных вопросах; самостоятельность в программных вопросах непременно предполагает представительство Бунда, как такового, в центральных органах партии, т. е. не автономию, а федерацию. Прочного базиса для положения Бунда в партии надо искать в истории еврейского революционного движения в России. Эта история показывает нам слияние

всех организаций, ведущих работу среди еврейских рабочих, в один союз — Бунд и расширение его деятельности с Литвы на Польшу, а затем на юг России. История, следовательно, опрокинула все районные перегородки и выдвинула Бунд, как единственного представителя еврейского пролетариата. Вот принцип, который не есть плод досужего ума (?), а является результатом всей истории еврейского рабочего движения: Бунд есть единственный представитель интересов еврейского пролетариата. А, разумеется, организация пролетариата целой национальности может войти в партию только при федеративном ее устройстве: еврейский пролетариат есть не только часть всемирной семьи пролетариев, но и часть еврейского народа, занимающего особенное положение среди других народов. Наконец, тесное единение между частями партии выражается именно в федерации, ибо основной признак этой последней — непосредственное участие в делах партии каждой составной ее части; все части партии чувствуют себя тогда равноправными. Автономия же предполагает бесправность частей партии, равнодушие к общим делам, взаимное недоверие, трения и столкновения.

Такова аргументация автора, изложенная нами почти исключительно в собственных его выражениях. Она сводится к трем пунктам: к соображениям общего свойства насчет внутренней противоречивости автономии и непригодности ее с точки зрения тесного единения частей партии; к урокам истории, которая выдвинула Бунд, как единственного представителя еврейского пролетариата, и, наконец, к ссылке на то, что еврейский пролетариат есть пролетариат целой национальности, занимающей особенное положение. Автор хочет опереться, следовательно, и на общие организационные принципы, и на уроки истории, и на идею национальности. Автор старается — надо отдать ему справедливость — рассмотреть вопрос со всех сторон. И именно поэтому его изложение так выпукло оттеняет позицию, занятую Бундом в волнующем всех нас вопросе.

При федерации, говорят нам, части партии равноправны и участвуют в общих делах непосредственно; при автономии они бесправны и, как таковые, в общепартийной жизни не участвуют. Рассуждение это относится целиком к области наглядных несообразностей, — оно похоже, как две

капли воды, на те рассуждения, которые математики называют математическими софизмами и в которых, — строго логичным, на первый взгляд, путем, — доказывается, что дважды два пять, что часть больше целого и т. д. Существуют сборники таких математических софизмов, и учащимся детям они приносят свою пользу. Но людям, которые мнят быть единственными представителями еврейского пролетариата, неловко даже разъяснять столь элементарный софизм, как различное понимание «части партии» в двух половинах одного и того же рассуждения. Когда говорят о федерации, — под частью партии разумеют сумму организаций в разных местностях; когда говорят об автономии, под частью партии разумеют каждую отдельную местную организацию. Поставьте рядом в один силлогизм эти якобы тождественные понятия, и вы получите неизбежный вывод, что дважды два пять. И если бундовцам все же неясна суть их софизма, то они могут заглянуть в свой собственный устав-максимум и увидеть там, что именно при федерации местные организации сносятся с центром партии посредством, а при автономии непосредственно. Нет, лучше бы уже не говорить нашим федералистам о «тесном единении»! Опровергая то положение, что федерация означает *обособленность*, а автономия — *слияние* частей партии, можно только людей насмешить.

Немногим удачнее попытка доказать «логическую несообразность» автономии, производимая посредством разделения этой последней на программную и техническую. Самое уже это разделение в высшей степени несуразное. Почему вопросы о специальных способах агитации среди еврейских рабочих могут быть названы техническими? При чем тут техника, когда речь идет об особенностях языка, психологии, условий быта? Как можно говорить о самостоятельности в программных вопросах по поводу, например, требования гражданского равноправия евреев? Программа социал-демократии выставляет только основные требования, общие всему пролетариату, независимо от профессиональных, местных, национальных, расовых различий. Эти различия обуславливают то, что одно и то же требование полного равенства граждан перед законом порождает агитацию в одном месте против одного вида неравноправности, в другом месте или по отношению к другим группам

пролетариата — против другого вида неравноправности и т. д. Один и тот же программный пункт применяется различно в зависимости от различия условий быта, различия культуры, различия соотношения общественных сил в разных областях страны и т. д. Агитация за одно и то же программное требование ведется различными способами, на разных языках применительно ко всем этим различиям. Автономия в вопросах, касающихся специально пролетариата известной расы, известной нации, известного района означает, следовательно, что определение специальных требований, выставляемых во исполнение общей программы, определение способов агитации предоставляется самостоятельному решению соответствующей организации. Партия в целом, ее центральные учреждения устанавливают общие основные принципы программы и тактики; различные же способы проведения на практике и в агитации этих принципов устанавливаются различными подчиненными центру организациями партии соответственно местным, расовым, национальным, культурным и т. д. различиям.

Спрашивается, неужели такое понятие автономии неясно? И не чистейшей ли схоластикой является разделение автономии в программных и в технических вопросах?

Посмотрите, как «логически разбирается» понятие автономии в рассматриваемой нами брошюре. «Из всей массы вопросов, с которыми приходится иметь дело социал-демократии, — говорит эта брошюра по поводу принципа автономии, положенного в основу манифеста 1898 года, — выделяются (*sic!!**) некоторые вопросы, относительно которых признается, что они касаются специально еврейского пролетариата... Автономность Бунда кончается там, где начинается область общих вопросов... Отсюда вытекает двойственное положение Бунда в партии: в специальных вопросах он выступает, как Бунд... в общих вопросах он теряет свою физиономию и приравнивается к простому комитету партии... Социал-демократическая программа требует полного равенства всех граждан перед законом. Во исполнение этой программы еврейский рабочий в Вильне выставляет одно специальное требование, а башкир,

* — так!! *Ред.*

рабочий в Уфе, совершенно другое специальное требование. Значит ли это, что «из массы вопросов» *выделяются* некоторые? Если общее требование равноправности проводится в жизнь выставлением ряда специальных требований об уничтожении специальных видов неравноправности, то неужели специальные вопросы *выделяются* тут из общих вопросов? Специальные требования не выделяются из общих, а ставятся *во исполнение* общих требований программы. Выделяется то, что специально касается еврея в Вильне, от того, что специально касается башкира в Уфе. Обобщение их требований, представительство их *общих классовых интересов* (а не специальных, профессиональных, расовых, местных, национальных и т. п.) есть дело всей партии, дело партийного центра. Казалось бы, дело это довольно ясное! Запутали же его бундовцы потому, что вместо логического разбора еще и еще раз дали нам образчики логических несообразностей. Они абсолютно не поняли отношения общих требований социал-демократии к специальным. Они вообразили, что «из всей массы вопросов, с которыми приходится иметь дело социал-демократии, выделяются некоторые», тогда как на самом деле *каждый* вопрос, затрагиваемый нашей программой, есть обобщение целого ряда специальных вопросов и требований; *каждый* программный пункт является общим для *всего* пролетариата, подразделяясь в то же время на специальные вопросы в зависимости от различия профессий пролетариев, их условий быта, языка и проч. и проч. Бундовцев смущает противоречивость и двойственность положения Бунда, состоящая, видите ли, в том, что в специальных вопросах он выступает, как Бунд, а в общих теряет свою физиономию. Небольшое размышление показало бы им, что такая «двойственность» существует в положении *безусловно всякого* рабочего социал-демократа, который в специальных вопросах выступает как представитель известной профессии, как член известной нации, как житель известной местности, а в общих вопросах «теряет свою физиономию» и приравнивается ко *всякому другому* социал-демократу. Автономия Бунда, по уставу 1898 года, — явление совершенно однородное с автономией Тульского комитета; только пределы этой автономии несколько иные и несколько более широкие в первом случае, чем во втором. И ровно ничего, кроме вопиющей логической несообразности, не за-

ключается в следующем положении, которым Бунд опровергает такой вывод: «Если Бунду предоставляется самостоятельность в некоторых *программных* вопросах, то на каком основании он лишается *всякой* самостоятельности в остальных программных вопросах?». Это противопоставление специальных вопросов общим, как «некоторых» — «остальным», есть бесподобный образчик бундовского «логического разбора»! Люди никак не могут понять, что это значит противопоставлять различный цвет, вкус и запах отдельных яблок *числу* «остальных» яблок. Смеем вас уверить, господа, что не только некоторые, а каждое яблоко имеет тот или иной специальный вкус, цвет и запах. Не только в «некоторых», а *во всех без исключения* программных вопросах предоставляется вам самостоятельность, господа, но именно постольку, поскольку речь идет о применении этих вопросов к специальным особенностям еврейского пролетариата. Mein teurerer Freund, ich rat' Euch drum zuerst Collegium logicum!*

Второй аргумент бундовцев состоит в ссылке на историю, которая будто бы выдвинула Бунд, как единственного представителя еврейского пролетариата.

Это положение, во-первых, неверно. Сам автор брошюры говорит, что «работа других организаций (кроме Бунда) в этом направлении (т. е. работа среди еврейского пролетариата) или ничего не дала, или дала нестоящие внимания результаты». Значит, работа велась, по его собственному признанию, и, следовательно, *единственным* представителем еврейского пролетариата Бунд *не был*; в оценке результатов этой работы никто, конечно, не положится на суждение самого Бунда; наконец, неизвестно, что Бунд *противодействовал* работе других организаций среди еврейского пролетариата (достаточно назвать известный эпизод борьбы Бунда против Екатеринославского комитета партии, осмелившегося выпустить прокламацию к еврейским рабочим³⁰), — следовательно, если бы даже результаты действительно были нестоящими внимания, то в этом есть доля вины самого Бунда.

Далее. Та доля истины, которая заключается в исторической справке Бунда, нисколько еще не доказывает

* — Мой дорогой друг, советую вам, поэтому, прежде всего вдумать логику! *Ред.*

правильности его аргументации. Факты, которые действительно имели место и которые имел в виду Бунд, говорят не за, а против него. Эти факты состоят в том, что Бунд существовал и развивался, — в течение тех пяти лет, которые прошли со времени первого съезда, — совершенно самостоятельно и независимо от остальных организаций партии. Вообще между всеми организациями партии фактическая связь за это время была чрезвычайно слаба, но связь Бунда с остальными частями партии не только была еще гораздо слабее, чем связь между другими организациями, но и ослабевала все более. Что Бунд сам *ослаблял* эту связь, — прямо доказывается историей заграничных организаций нашей партии. В 1898 г. члены Бунда входили в одну общую партийную организацию за границей; к 1903 году они выделились в совершенно самостоятельную и независимую заграничную организацию. Самостоятельность и независимость Бунда не подлежит сомнению, равно как и постепенное их усиление.

Что же вытекает из этого несомненного факта? Для бундовцев — отсюда вытекает необходимость преклониться пред этим фактом, рабски подчиниться ему, превратить его в принцип, в единственный принцип, дающий прочный базис для положения Бунда, узаконить этот принцип в уставе, который должен признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата в партии. По нашему же мнению, такой вывод есть чистейший оппортунизм, «хвостизм» худшего сорта. Из пятилетней истории разброда надо делать вывод не об узаконении разброда, а о необходимости раз навсегда покончить с ним. А неужели может еще кто-нибудь отрицать, что это был действительно разброд? Самостоятельно и независимо развивались за это время *все* части партии, — не следует ли уже отсюда вывести «принцип» федерации между Сибирью, Кавказом, Уралом, югом и проч.?? Бундовцы сами говорят, что партия, в смысле организационного объединения частей, фактически не существовала, — как же можно из того, что сложилось при не-существовании партии, делать вывод по вопросу о *восстановлении* организационного единства? Нет, господа, ваша ссылка на историю разброда, создавшую обособленность, ровно ничего не доказывает, кроме ненормальности этого обособленного состояния. Выводить организационный «принцип» из нескольких лет

партийной дезорганизации значит поступать подобно тем представителям исторической школы, которые, по известному саркастическому замечанию Маркса, готовы были защищать кнут на том основании, что это кнут исторический.

Итак, ни «логический разбор» автономии, ни исторические справки решительно не могут дать ни тени «принципиального» обоснования бундовской обособленности. Зато несомненно принципиальный характер имеет третий аргумент Бунда, который состоит в апелляции к идее еврейской нации. К сожалению только, эта сионистская идея — совершенно ложная и реакционная по своей сущности. «Евреи перестали существовать как нация, немыслимая без определенной территории», — говорит один из самых выдающихся марксистских теоретиков, Карл Каутский (см. № 42 «Искры» и отдельный оттиск из него: «Кишиневская резня и еврейский вопрос», стр. 3). И недавно, рассматривая вопрос о национальностях в Австрии, тот же писатель, пытаясь дать научное определение понятию национальности, устанавливает два основных признака этого понятия: язык и территорию («Die Neue Zeit»³¹, 1903, № 2). Слово в слово то же самое пишет один французский еврей, радикал Альфред Нака, полемизируя с антисемитами и сионистами. «Если Бернару Лязару — говорит он про известного сиониста — угодно считать себя гражданином особого народа, это его дело; но я заявляю, что, хотя я и родился евреем, ... я не признаю еврейской национальности... у меня нет другой национальности, кроме французской... Представляют ли из себя евреи особый народ? Хотя в очень давнем прошлом они несомненно были народом, тем не менее я отвечаю на этот вопрос категорическим *нет*. Понятие народа предполагает известные условия, которых в данном случае нет налицо. Народ должен иметь территорию, на которой бы он развивался, а затем в наше, по крайней мере, время, покуда мировая конфедерация не расширила еще этого базиса, народ должен иметь общий язык. У евреев нет уже ни территории, ни общего языка... Бернар Лязар, наверное, как и я, не знал ни слова по-еврейски и ему не легко было бы, если бы сионизм достиг своей цели, столкнуться с своими сородичами (congénères) из других частей света» («La Petite République», 24 sept. *

* — «Маленькая Республика», 24 сентября. Ред.

1903 г.). «Еврей немецкие и французские совсем не похожи на евреев польских и русских. Характерные черты евреев не имеют ничего такого, что носило бы на себе отпечаток (*empreinte*) национальности. Если бы позволено было вместе с Дрюмоном признать евреев нацией, то это была бы искусственная нация. Современный еврей есть продукт противоестественного подбора, которому его предки подвергались в течение почти 18 столетий». Бундовцам остается разве только разработать идею особой национальности русских евреев, языком которой является жаргон, а территорией — черта оседлости.

Совершенно несостоятельная в научном отношении* идея об особом еврейском народе реакционна по своему политическому значению. Неопровержимым практическим доказательством этого являются общеизвестные факты недавней истории и современной политической действительности. Во всей Европе паденье средневековья и развитие политической свободы шло рука об руку с политической эмансипацией евреев, переходом их от жаргона к языку того народа, среди которого они живут, и вообще несомненным прогрессом их ассимиляции с окружающим населением. Неужели мы опять должны вернуться к самобытным теориям и объявить, что именно Россия будет исключением, хотя освободительное движение евреев гораздо глубже и гораздо шире в России, благодаря пробуждению геройского самосознания среди еврейского пролетариата? Неужели можно объяснять случайностью тот факт, что именно реакционные силы всей Европы и особенно России ополчаются *против* ассимиляции еврейства и стараются закрепить его обособленность?

Еврейский вопрос *стоит* именно так: ассимиляция или обособленность? — и идея еврейской «национальности» носит явно реакционный характер не только у последо-

* Не только национальные, но даже и расовые особенности еврейства отвергаются современным научным исследованием, которое выдвигает на первый план особенности *истории* еврейства. «Вытекает ли особенность еврейства из его расового характера?» — спрашивает К. Каутский и отвечает, что мы даже не знаем в точности, что такое собственно раса. «Нам нет никакой надобности прибегать к понятию расы, не дающему действительного ответа, а лишь поднимающему новые вопросы. Достаточно проследить историю еврейского народа, чтобы выяснить причины его характера». И такой знаток этой истории, как Ренан, говорит: «Особые черты евреев и уклад их жизни гораздо более являются результатом социальных условий (*nécessités sociales*), влиявших на них в течение веков, чем расовым отличием (*phénomène de race*)»⁸².

вательных сторонников ее (сионистов), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократии (бундовцы). Идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроению «гетто». «Когда Национальное собрание 1791 года декретировало эмансипацию евреев, — писал Ренан, — оно очень мало занималось вопросом о расе... Дело XIX столетия — уничтожение всех «гетто», и я не поздравляю тех, кто стремится к их восстановлению. Еврейская раса оказала миру величайшие услуги. Будучи ассимилирована с различными нациями, гармонически слитая с различными национальными единицами, она и в будущем окажет услуги, имсющиеся за ней в прошлом». А Карл Каутский, имея в виду специально русских евреев, выражается еще энергичнее. Враждебность к инородным слоям населения может быть устранена «только тем, что инородные слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения. Это единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности». И вот, этому единственно возможному решению противодействует Бунд, не устраняя, а усиливая и узаконяя еврейскую обособленность распространением идеи еврейской «нации» и проекта федерации пролетариев еврейских с нееврейскими. Это — основная ошибка «бундизма», которая должна быть и будет исправлена последовательными представителями еврейской социал-демократии. Эта ошибка доводит бундовцев до такой невиданной в среде международной социал-демократии вещи, как возбуждение недоверия еврейских пролетариев к нееврейским, заподозривание этих последних, распространение неправды про них. Вот доказательство, взятое из той же брошюры: «Такая нелепость (чтобы организация пролетариата целой национальности была лишена представительства в центральных органах партии) может открыто проповедываться только (это заметьте!) по отношению к еврейскому пролетариату, которому в силу особенных исторических судеб еврейского народа еще приходится бороться за равноправное положение (II) в семье всемирного пролетариата». Мы встретили недавно такую именно выходку в одном сионистском листке, авторы которого рвут и мечут против «Искры»,

видя в ее борьбе с Бундом нежелание признать «равноправность» еврея с не-евреем. И теперь бундовцы повторяют сионистские выходки! Распространяется прямая неправда, потому что мы не «только» по отношению к евреям, а и по отношению к армянам, грузинам и проч. «проповедывали» «лишение представительства», и по отношению к полякам призывали к сближению, единению, слиянию всего пролетариата, борющегося с царским самодержавием. Недаром же и громила нас ППС (Польская социалистическая партия)! Называть свою борьбу за сионистскую идею еврейской нации, за федеративный принцип организации партии «борьбой за равноправное положение евреев в семье всемирного пролетариата» — значит низводить борьбу из области идей и принципов в область заподозриваний, науськиваний, разжигания исторически сложившихся предрассудков. Это значит воочию показывать неимение действительно идейных и принципиальных орудий в своей борьбе.

* * *

Мы пришли таким образом к выводу, что ни логические, ни исторические, ни националистические доводы Бунда не выдерживают никакой критики. Период разброда, усилив шатания среди русских социал-демократов и обособленность отдельных организаций, сказался в том же направлении и еще даже сильнее на бундовцах. Вместо того, чтобы поставить своим лозунгом борьбу с этой исторически сложившейся (и разбродом усиленной) обособленностью, они возвели ее в принцип, ухватившись для этого за софизмы насчет внутренней противоречивости автономии, за сионистскую идею еврейской нации. Только решительное и прямое признание этой ошибки и провозглашение *поворота к слиянию* может свести Бунд с того ошибочного пути, на который он встал. И мы уверены, что лучшие представители социал-демократических идей среди еврейского пролетариата рано или поздно заставят Бунд повернуть с пути обособленности на путь к слиянию.

НАРОДНИЧЕСТВУЮЩАЯ БУРЖУАЗИЯ И РАСТЕРЯННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО

Русские марксисты давно уже указывают на то пере-рождение старого русского, классического, революцион-ного народничества, которое неуклонно происходит с вось-мидесятых годов прошлого века. Тускнела вера в особый уклад крестьянского хозяйства, в общину, как зародыш и базис социализма, в возможность миновать путь капита-лизма посредством немедленной социальной революции, к которой готов уже народ. Политическое значение сохра-нили только требования всяческих мероприятий по укреп-лению крестьянского хозяйства и «мелкого народного производства» вообще. Это было уже, в основе своей, не более как буржуазное реформаторство; народничество расплывалось в либерализме; создавалось либерально-народническое направление, которое не хотело видеть или не могло видеть, что проектируемые мероприятия (все эти кредиты, кооперации, мелиорации, расширения землевла-дения) не выходят из рамок *существующего* буржуазного общества. Народнические теории гг. В. В., Николая — она³³ и их многочисленных перепевателей служили только quasi*-научным прикрытием этого неприятного, но несомненного факта. Марксистская критика разбила прикрытия, и влия-ние народнических идей на русскую революционную среду с поразительной быстротой пошло на убыль. Эти идеи становились уже и на деле исключительным достоянием того слоя, которому они были сродни, — русского либе-рального «общества».

* — мнимо. Ред.

Западноевропейское бернштейнианство было новой струей, подкрепившей и в то же время видоизменившей отмеченное течение. Недаром говорится, верно, — «несть пророк в отечестве своем». Бернштейну не посчастливилось на его родине, но зато его идеи «взяли всерьез» и применили на деле некоторые социалисты Франции, Италии, России, быстро проделавшие эволюцию в представителей буржуазного реформизма. Оплодотворенное этими идеями, наше либерально-народническое направление приобрело себе новых сторонников из ex*-марксистов и, вместе с тем, возмужало внутренне, освободившись от некоторых примитивных иллюзий и реакционных привесков. Бернштейнианство сослужило свою службу — не тем, что преобразовало социализм, а тем, что дало облик новой фазе буржуазного либерализма и сняло облик социализма с некоторых квази-социалистов.

В высшей степени интересный и поучительный образец сближения и слияния европейских оппортунистических и русских народнических идей дает статья г. Л. «К аграрному вопросу» в № 9 (33) «Освобождения». Это настоящая программная статья, добросовестно излагающая и общее credo** автора и систематическое применение этого credo к определенной области вопросов. Эта статья оставит веку в истории русского либерализма, знаменуя крупный шаг вперед в его оформлении и упрочении.

Автор облакает свой буржуазный либерализм в костюм, сшитый по новейшей моде. Повторяя почти буквально слова Бернштейна, он с забавной серьезностью пытается уверить читателя, что «либерализм и социализм никоим образом нельзя отделять друг от друга или даже противопоставлять один другому: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны — социализм не угрожает опасностью либерализму, как этого опасаются многие, он приходит не разрушить, а исполнить заветы либерализма». Известное дело: чего хочется, тому верится, а г. Л. и присным его очень, очень хочется, чтобы социал-демократы не отделяли себя от либералов, чтобы они понимали социализм «не в смысле готовых догматов и застывших доктрин, которые претендуют наперед учесть

* — бывших. Ред.

** — символ веры, программа, изложение миросозерцания. Ред.

весь ход исторического развития...» (и т. д., вполне в духе «Революционной России»)..., а «как общий этический идеал...» (относимый, как известно, всеми филистерами, и либералами в том числе, в область неосуществимого в сей земной юдоли, в область будущей жизни и «вещей в себе»).

Либералам, естественно, хочется — простите за вульгарное выражение! — показать товар лицом, отождествить политический либерализм в России с социально-экономическим демократизмом. Мысль эта весьма «добрая», но, вместе с тем, весьма путаная и весьма лукавая. Добрая, ибо выражает благое пожелание известной части либералов отстаивать широкие социальные реформы. Путаная, ибо покоится на противопоставлении демократического либерализма буржуазному (опять-таки совершенно в духе «Рев. России!»); автор, видимо, понятия не имеет о том, что во всяком капиталистическом обществе не могут не существовать известные *буржуазно-демократические* элементы, стоящие за широкие демократические и социально-экономические реформы; автору, как и всем русским Мильеранам³⁴, хочется приравнять *буржуазное* реформаторство к социализму, понимаемому, конечно, «не в смысле готовых догматов» и т. д. Мысль эта, наконец, весьма лукавая, ибо автор уверяет себя и других, что сочувствие реформам — «заботы о народных нуждах и интересах, «народничество» в подлинном и прекрасном этическом смысле этого слова» — у известной части либералов в известный исторический момент есть или может быть постоянным свойством либерализма вообще. Это наивно до умильности. Кто же не знает, что всякое буржуазное министерство в отставке, всякая «оппозиция Его Величества» всегда кричит о своем подлинном, прекрасном и этическом «народничестве», пока остается в оппозиции? Русская буржуазия играет в народничество (и искренно иногда играет) именно потому, что она находится в оппозиции, а не стоит еще у кормила власти. Русский пролетариат ответит на любовно-лукавые речи гг. освобожденцев: *pas si bête, messieurs!* Не так уж я глуп, господа, чтобы этому поверить!

От общих соображений насчет тождества либерализма и социализма г. Л. переходит к общей теории аграрного вопроса. На протяжении десяти строчек он уничтожает марксизм (паки и паки, в духе «Рев. России»), излагая его

для этого, как водится, в вульгарно-упрощенном виде, объявляя его и несоответствующим опыту, и научно недоказанным, и вообще неверным! Чрезвычайно характерно, что единственным подтверждением является ссылка на европейскую *социалистическую* (курсив г. Л.) литературу, — очевидно, на бернштейнианскую. Ссылка очень убедительная. Если европейские (*европейские!*) социалисты начинают думать и рассуждать по-буржуазному, то отчего бы русским буржуа не заявить себя и народниками и социалистами? Марксистское воззрение на крестьянский вопрос, — убеждает нас г. Л. — «если бы оно было бесспорным и единственно возможным, ставило бы всю земскую (sic!*) Россию в ужасное, трагическое положение, обрекая ее на бездействие, ввиду доказанной невозможности прогрессивной аграрной политики и вообще разумной, целесообразной помощи крестьянскому хозяйству». Довод, как видите, непреоборимый: *так как* марксизм доказывает невозможность сколько-нибудь прочного процветания сколько-нибудь широких слоев крестьянства при капитализме, *то поэтому* он ставит в ужасное, трагическое положение «земскую» (не описка ли это вместо «земле-владельческую»?) Россию, т. е. Россию, живущую именно на счет разорения и пролетаризации крестьянства. Да, да, в этом-то и состоит одна из всемирно-исторических заслуг марксизма, что он раз навсегда поставил в ужасное, трагико-комическое положение идеологов буржуазии, наряжающихся в костюм народничества, социально-экономического демократизма и т. п.

Чтобы исчерпать теоретические упражнения г. Л., нам остается еще привести следующий перл. «Здесь (т. е. в сельском хозяйстве) — говорят нам — нет и не может быть того автоматического (!) прогресса, который возможен до известной степени в промышленности, в зависимости от объективного (!) развития техники». Это бесподобное глубокомыслие заимствовано целиком у гг. Каблуковых, Булгаковых, Э. Давидов и *tutti quanti***, которые в «ученых» трудах оправдывают отсталость своих взглядов отсталостью земледелия в техническом, экономическом и социальном отношениях. Отсталость земледелия несо-

* — так! Ред.

** — всех им подобных. Ред.

мненна, давно признана марксистами и вполне объяснима, а вот «автоматический (хотя бы до известной степени) прогресс в промышленности» и объективное развитие техники — это уже совсем сапоги в смятку.

Однако, экскурсии в область науки — не более как архитектурное украшение статьи г. Л. Как настоящий реальный политик, он дает, наряду с величайшей путаницей в общих рассуждениях, в высшей степени трезвенную и деловую практическую программу. Правда, он скромно оговаривается — на своем казенно-русском языке — что отстраняет от себя предначертание программы и ограничивается изъявлением своего отношения, но это только скромничанье. На деле же, в статье г. Л. мы имеем чрезвычайно обстоятельную и полную аграрную программу русских либералов, которой недостает только стилистической редакции и рубрицирования по пунктам. Программа — последовательно выдержанная в либеральном духе: политическая свобода, демократическая податная реформа, свобода передвижения, крестьянско-демократическая аграрная политика, направленная к демократизации земельной собственности. В целях этой демократизации требуется свобода выхода из общины, превращение этой последней из принудительного в свободный союз, подобный всякому экономическому товариществу, создание демократического арендного права. «Государство» должно содействовать «переходу земель в руки трудящихся масс» посредством целого ряда мероприятий, как-то: расширение деятельности крестьянского банка, обращение в государственную собственность удельных земель, «создание мелких трудовых хозяйств на личных или кооперативных началах», наконец, принудительное отчуждение или обязательный выкуп необходимых для крестьян земель. «Конечно, этот обязательный выкуп должен быть поставлен на твердую почву законности и обставлен в каждом отдельном случае надежными гарантиями», но в некоторых случаях он должен быть проведен «почти (sic!) безоговорочно», — например, по отношению к «отрезкам», создающим подобие крепостных отношений. С целью прекращения полукрепостных отношений, за государством должно быть признано право принудительного отчуждения и принудительного размежевания соответствующих участков.

Такова аграрная программа либералов. Параллель между ней и социал-демократической аграрной программой напрашивается сама собою. Сходство проявляется в одинаковости ближайшей тенденции и в однородности большинства требований. Различие состоит в двух следующих, имеющих кардинальное значение, пунктах. Во-первых, устранение остатков крепостничества (прямо выдвигаемое, как цель, обеими программами) социал-демократы хотят совершить революционным путем и с революционной же решительностью, либералы — реформаторским путем и нерешительно. Во-вторых, социал-демократы подчеркивают, что очищаемый от остатков крепостничества строй есть буржуазный строй, разоблачают наперед уже и немедленно все его противоречия, стремятся также немедленно расширить, сделать более сознательной ту классовую борьбу, которая таится в недрах этого нового строя, прорываясь наружу уже в настоящее время. Либералы игнорируют буржуазный характер очищенного от крепостничества строя, затушевывают его противоречия, стремятся притупить таящуюся в его недрах классовую борьбу.

Остановимся на этих различиях.

Реформистский и нерешительный характер либеральной аграрной программы ясно виден, прежде всего, из того, что она не идет дальше «обязательного выкупа», да и то признаваемого лишь «почти» безоговорочно, — тогда как социал-демократическая аграрная программа требует безвозмездного отчуждения отрезков у их старых владельцев, выкуп же признает лишь в особых случаях, и притом выкуп на счет дворянского землевладения. И от экспроприации всей помещичьей земли социал-демократы, как известно *, не отказываются, считая лишь непозволительным и авантюристским включать это, не при всех условиях уместное, требование в программу. Социал-демократы с самого начала зовут пролетариат к первому революционному шагу вместе с зажиточным крестьянством, с тем, чтобы тотчас же идти дальше или с крестьянской буржуазией против помещичьего класса, или против крестьянской буржуазии, соединившейся с помещичьим классом. Либералы уже и тут, в борьбе с полукрепостническими отно-

* См. заявление Плеханова в № 4 «Зари» и мое в ответе Иксу (см. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 404—405. *Ред.*).

шениями, чужаются классовой самодеятельности и борьбы. Они хотят поручить реформу «государству» (забывая о классовом характере государства) при помощи органов самоуправления и «нарочитых» комиссий, сопоставляя — это как нельзя более характерно — принудительное отчуждение отрезков с принудительным отчуждением земель под линии железных дорог! Яснее выразить или, вернее, *выдать* свое сокровенное желание обставить новую реформу такими же «удобствами» для правящих классов, какими обставлена бывает везде и всегда продажа земли железным дорогам, — наши либералы не могли бы. И это наряду с громкой фразой о смене сословно-аристократической аграрной политики крестьянско-демократической! Чтобы осуществить такую смену на деле, надо апеллировать не к «общественному интересу», а к угнетенному словию — крестьянскому, — против угнетающего, — дворянского, надо *поднимать* первое против второго, надо звать к революционной самодеятельности крестьянство, а не к реформаторской деятельности государство. Далее. Говоря о прекращении полукрепостных отношений, либералы закрывают глаза на то, какие же именно отношения они очищают от крепостничества. Г-н Л., например, повторяет словечки гг. Николая — она, В. В. и проч. насчет «принципа признания права земледельцев на обрабатываемую ими землю», насчет «жизнеспособности» крестьянства, но скромно умалчивает о «принципе» буржуазного хозяйничанья и эксплуатации наемного труда этими жизнеспособными крестьянами. О том, что последовательное проведение демократизма в аграрной области означает неизбежное усиление и упрочение именно мелкобуржуазных представителей крестьянства, — буржуазные демократы не имеют и не хотят иметь представления. В пролетаризации крестьянства г. Л. отказывается (опять-таки вслед за народниками и в духе «Рев. России») видеть «тип развития», объясняя ее «переживаниями крепостного права» и «общим патологическим состоянием деревни»! Вероятно, у нас после конституции прекратится рост городов, бегство из деревень сельской бедноты, переход помещиков от отработочного хозяйства к батрацкому и т. д.! Изображая благодетельное влияние французской революции на французское крестьянство, г. Л. патетически говорит об исчезновении голодовок, о подъеме земледелия и его прогрессе, но о том, что это

был буржуазный прогресс, основанный на образовании «прочного» класса сельскохозяйственных наемных рабочих и на хронической нищете массы *низших* слоев крестьянства, об этом народничающий буржуа не проронит, конечно, ни словечка.

Одним словом, различие аграрной программы г. Л. от социал-демократической аграрной программы с замечательной точностью воспроизводит в малом виде все общие отличия программ-минимум либеральной и пролетарской демократии. Возьмете ли вы эти программы в их теоретической постановке соответствующими идеологами или в их практическом проведении соответствующими партиями и направлениями, заглянете ли вы в историю, например, 1848 года, — вы увидите именно эти два коренные различия между либеральной и социал-демократической постановкой ближайших практических задач: с одной стороны, реформаторская половинчатость в борьбе с переживаниями крепостничества и затушевывание классовых противоречий «современного» общества, с другой — революционная борьба с остатками старины в целях расширения, развития и обострения борьбы классов на почве нового общества. Конечно, эти коренные отличия, свойственные самой природе развивающегося капиталистического общества, проявляются в весьма различных формах в разных национальных государствах и в разное время. Неуменье разглядеть за новыми и оригинальными формами «старую» буржуазную демократию составляет характерную черту ее последовательных и непоследовательных идеологов. К последним, например, мы не можем не отнести представителя «растерянного народничества» — г. П. Новобранцева (см. №№ 32 и 33 «Рев. России»), который иронически замечает по поводу нападок «Искры» на «Освобождение», как на классовое буржуазное издание: «Нечего сказать, нашла буржуазию». «Г-н Струве, — снисходительно поучает нас «Рев. Россия», — представитель «интеллигенции», а не «буржуазии, как класса», ибо никаких классов и сословий он не объединяет и не увлекает». Очень хорошо, господа! Но, немного вдумавшись в дело, вы увидели бы, что г. Струве — представитель *буржуазной* интеллигенции. Буржуазию же, как класс, русский пролетариат увидит перед собой на исторической сцене лишь при политической свободе, когда правительство будет почти

непосредственно представлять из себя «комитет» того или иного слон буржуазии. И только «социалисты по недоразумению» могут не знать того, что их долг — раскрывать глаза рабочему классу на буржуазию как в ее деятельности, так и в ее мышлении, как в ее зрелом виде, так и в ее юношески-мечтательном возрасте.

Что касается до мечтательности, то тут уже надо взять именно г. Новобранцева. Но наша статья так затянулась, а мировоззрение и аграрно-исторические взгляды г. Новобранцева представляют так много интересного, особенно параллельно с г. Л., что мы должны отложить беседу об этом до другого раза.

Написано 5 (18) ноября 1903 г.

*Напечатано в газете «Искра» № 54,
1 декабря 1903 г.*

Подпись: Н. Ленин

*Печатается по тексту газеты
«Искра»*

В РЕДАКЦИЮ ЦО РСДРП

Уважаемый товарищ! Прошу поместить в «Искре» следующее заявление:

«Н. Ленин с 1 ноября (н. ст.) 1903 г. не состоит более в редакции «Искры».

С социал-демократическим приветом

Н. Ленин

Написано 5 (18) ноября 1903 г.

Напечатано в 1904 г.

Печатается по рукописи

НЕИЗДАННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ³⁵

Центральный Комитет РСДРП в заседании 27 ноября 1903 г. в Женеве принял единогласно следующее решение.

Кооптация т. Плехановым в редакцию мартовцев представляет из себя прямой переход Плеханова на сторону меньшинства партийного съезда, меньшинства, которое сам же Плеханов неоднократно публично характеризовал как склоняющееся к оппортунизму и анархизму. Из протоколов партийного съезда и съезда Лиги это выступит с полной ясностью. Переход этот является прямым нарушением воли партийного съезда под влиянием Заграничной лиги и вопреки твердо заявленному решению большинства русских комитетов партии. Центральный Комитет не может допустить такого нарушения воли съезда, тем более, что, воспользовавшись для своего шага отставкой т. Ленина, т. Плеханов совершил прямое нарушение доверия, ибо т. Ленин дал свою отставку условно, в интересах доброго мира в партии. А мартовцы, отклонив ультиматум ЦК от 25 ноября³⁶, отвергли мир и объявили этим войну.

Поэтому ЦК революционным путем берет в свои руки ЦО партии и объявляет, что он всеми силами будет добиваться, чтобы воля партии в целом, а не воля Заграничной лиги и не измена отдельного лица, определила будущую судьбу партии.

Центральный Комитет

Написано 14 (27) ноября 1903 г.

*Впервые напечатано в 1928 г.
в Ленинском сборнике VII*

Печатается по рукописи

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИСКРЫ»⁸⁷

Статья «Чего не делать?» поднимает такие важные, такие насущные именно в данный момент вопросы нашей партийной жизни, что трудно удержаться от желания немедленно отозваться на любезное приглашение редакции гостеприимно открыть страницы своего органа, — особенно трудно постоянному участнику «Искры», особенно трудно в такой момент, когда опоздать с своим голосом на неделю, значит, может быть, вовсе отказаться от подачи голоса.

А мне хотелось бы подать свой совещательный голос, чтобы устранить некоторые возможные и едва ли не неизбежные недоразумения.

Скажу прежде всего, что автор статьи тысячу раз прав, по моему мнению, когда он настаивает на необходимости охранять единство партии и избегать новых расколов, — особенно из-за разногласий, которые не могут быть признаны значительными. Призыв к миролюбию, мягкости и уступчивости в высшей степени похвален со стороны руководителя вообще и в данный момент в особенности. Предать анафеме или исключить из партии не только бывших экономистов, но и группки социал-демократов, страдающих «некоторой непоследовательностью», было бы безусловно неразумно, неразумно до такой степени, что нам вполне понятен раздраженный тон автора статьи по отношению к представляющим его уму прямолинейным, упрямым, глупым Собакевичам, способным стоять за исключение. Мы думаем даже больше: когда у нас будет партийная программа и партийная организация, мы должны не только гостеприимно открывать страницы партийного органа для обмена мнений, но и давать возможность

систематически излагать свои, хотя бы и незначительные, разногласия тем группам или, по выражению автора, группкам, которые по непоследовательности защищают некоторые догмы ревизионизма и которые по тем или иным причинам настаивают на своей групповой особенности и индивидуальности. Именно для того, чтобы не быть слишком прямолинейным и по-собакевически резким по отношению к «анархическому индивидуализму», необходимо, по нашему мнению, сделать все возможное — вплоть даже до некоторых отступлений от красивых схем централизма и от безусловного подчинения дисциплине — чтобы предоставить свободу высказаться этим группкам, чтобы дать возможность всей партии взвесить глубину или незначительность разногласий, определить, где именно, в чем и с чьей именно стороны наблюдается непоследовательность.

Пора, в самом деле, решительно отбросить традиции сектантской кружковщины и — в партии, опирающейся на массы, — выдвинуть решительный лозунг: *побольше света*, пусть партия знает *все*, пусть будет ей доставлен *весь*, *решительно весь материал* для оценки всех и всяческих разногласий, возвращений к ревизионизму, отступлений от дисциплины и т. д. Побольше доверия к самостоятельному суждению всей массы партийных работников: они и только они сумеют умерить чрезмерную горячность склонных к расколу группок, сумеют своим медленным, незаметным, но зато упорным воздействием внушить им «добрую волю» к соблюдению партийной дисциплины, сумеют охладить пыл анархического индивидуализма, сумеют одним фактом своего равнодушия документировать, доказать и показать ничтожное значение разногласий, преувеличиваемых тяготеющими к расколу элементами.

На вопрос: «чего не делать?» (чего не делать вообще и чего не делать для того, чтобы не вызвать раскола) я ответил бы прежде всего: не скрывать от партии возникающих и нарастающих поводов к расколу, не скрывать ничего из тех обстоятельств и происшествий, которые являются такими поводами. Более того, не скрывать не только от партии, но, по возможности, и от сторонней публики. Я говорю «по возможности», имея в виду то, что необходимо скрыть в силу требований конспирации, — но в наших расколах обстоятельства такого рода играют самую ничтожную роль. Широкая гласность — вот самое верное

и единственно надежное средство для избежания расколов, которых можно избежать, для уменьшения до *minimum*'а вреда от тех расколов, которые стали уже неизбежными.

В самом деле, вдумайтесь в те обязанности, которые налагает на партию то обстоятельство, что она имеет уже дело с *массой*, а не с кружками. Чтобы не на словах только стать партией масс, мы должны к участию во всех партийных делах привлекать все более и более широкие массы, постоянно поднимая их от политического безразличия к протесту и борьбе, от общего духа протеста к сознательному принятию социал-демократических воззрений, от принятия этих воззрений к поддержке движения, от поддержки к организационному участию в партии. Можно ли достигнуть этого результата, не внося самой широкой гласности в дела, от решения которых зависит то или иное воздействие на массы? Рабочие перестанут понимать нас и покинут нас, как штаб без армии, в случае расколов из-за незначительных разногласий — говорит автор и говорит совершенно справедливо. И для того, чтобы рабочие *не могли* перестать понимать нас, для того, чтобы их опытность в борьбе и их пролетарское чутье *научили кое-чему и нас*, «руководителей», — для этого необходимо, чтобы организованные рабочие приучались следить за возникающими поводами к расколу (такие поводы всегда бывали и всегда будут возвращаться во всякой массовой партии), сознательно относиться к этим поводам, оценивать происшествия какого-нибудь русского или заграничного Пошехонья с точки зрения интересов всей партии, интересов всего движения в целом.

Автор трижды прав, когда он подчеркивает, что нашему центру многое будет дано и многое с него взыщется. Именно так. И именно поэтому необходимо, чтобы *вся партия* систематически, исподволь и неуклонно *воспитывала* себе подходящих людей в центре, чтобы она видела перед собой, как на ладони, *всю деятельность* каждого кандидата на этот высокий пост, чтобы она ознакомилась даже с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и «поражениями». Автор делает замечательно тонкие и, очевидно, основанные на богатом опыте, замечания о некоторых причинах подобных поражений. И именно потому, что эти замечания так тонки, надо, чтобы ими воспользовалась вся партия, чтобы

она *всегда видела* каждое, хотя бы и частичное, «поражение» того или иного своего «руководителя». Ни один политический деятель не проходил своей карьеры без тех или иных поражений, и если мы серьезно говорим о влиянии на массы, о завоевании нами «доброй воли» масс, то мы должны всеми силами стремиться к тому, чтобы эти поражения не скрывались в затхлой атмосфере кружков и группок, чтобы они выносились на суд всех. Это кажется неловким с первого взгляда, это должно иногда представиться «обидным» для того или другого отдельного руководителя, — но это ложное чувство неловкости мы обязаны преодолеть, это наш долг перед партией, перед рабочим классом. Этим, и только этим, мы дадим возможность всей массе (а не случайному подбору кружка или группки) влиятельных партийных работников узнать своих вождей и *поставить каждого из них на надлежащую полочку*. Только широкая огласка направляет все прямолинейные, однобокие, капризные уклонения, только она превращает иногда нелепые и смешные «контры» «группок» в полезный и необходимый материал партийного самовоспитания.

Света, побольше света! Нам нужен громадный концерт; нам нужно выработать себе опыт, чтобы правильно распределить в нем роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирепый контрабас, третьему вручить дирижерскую палочку. Пусть же осуществится на деле прекрасный призыв автора к гостеприимству для всех мнений на страницах партийного органа и всех партийных изданий, пусть судят все и каждый о наших «спорах и вадорах» из-за какой бы то ни было «ноты», взятой слишком резко, по мнению одних, фальшивой, по мнению других, сорванной, по мнению третьих. Только из ряда таких открытых обсуждений и сможет выработаться у нас действительно спевшаяся коллегия руководителей, только при таком условии рабочие будут поставлены в такое положение, чтобы они *не могли* перестать понимать нас, только тогда наш «штаб» будет опираться действительно на *добрую и сознательную* волю армии, идущей за штабом и в то же время направляющей свой штаб!

Ленин

ПОЧЕМУ Я ВЫШЕЛ ИЗ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»?*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИСКРЫ»³⁸

Это — вовсе не личный вопрос. Это — вопрос об отношении большинства и меньшинства нашего партийного съезда, и я обязан ответить на него немедленно и открыто, обязан не только потому, что делегаты из большинства осыпают меня запросами, но и потому, что статья «Наш съезд» в № 53-м «Искры» дала *совершенно неверное* освещение того не очень глубокого, но очень дезорганизующего разделения между искровцами, к которому привел съезд.

Статья излагает дело так, что никто и с лупой не усмотрит в ней *ни одной* действительно серьезной причины разделения, никто не увидит и тени объяснения такого явления, как изменение в составе редакции ЦО, никто не найдет и подобия уважительных причин моего выхода из коллегии. Мы разошлись по вопросу об организации центров партии, — говорит автор статьи, — по вопросу об отношении ЦО и ЦК, о способе проведения централизма, о пределах и характере возможной и полезной централизации, о вреде бюрократического формализма.

В самом деле? А не *разошлись* ли мы по вопросу о личном составе центров, по вопросу о том, допустим ли из-за недовольства выбранным на съезде составом бойкот этих центров, дезорганизация практической работы, перераспределение решений партийного съезда в угоду некоторому *кружку* заграничных социал-демократов, вроде большинства Лиги?

Вы прекрасно знаете, товарищи, что дело было именно так. Но громадное большинство наиболее влиятельных

* Это письмо в редакцию было послано мной в «Искру» тотчас после выхода № 53. Редакция отказалась поместить его в № 54, и я вынужден выступить с отдельным листком.

и наиболее деятельных партийных работников еще не знает этого, и я вкратце намечу основные факты, — вкратце потому, что вскоре будут опубликованы, судя по заявлению № 53 «Искры», полные материалы по истории нашего расхождения.

На нашем съезде, как справедливо указывают и автор занимающей нас статьи и делегация Бунда в ее только что вышедшем отчете, было значительное большинство «искровцев», по моему счету около $\frac{3}{5}$ голосов даже до ухода делегатов Бунда и «Рабочего Дела». В первой половине съезда эти искровцы шли дружно вместе против всех антиискровцев и непоследовательных искровцев. Особенно наглядно сказалось это на двух инцидентах первой половины съезда, важных для понимания нашего расхождения: на инциденте с ОК и на инциденте с равноправием языков (в этом случае компактное большинство искровцев единственный раз понизилось с $\frac{3}{5}$ до $\frac{1}{2}$). Во второй половине съезда искровцы начали расходиться и совсем разошлись к концу его. Споры о параграфе 1 устава партии и о выборе центров показывают отчетливо характер этого расхождения: меньшинство искровцев (с Мартовым во главе) сплачивает вокруг себя постепенно большее и большее число не-искровцев и нерешительных элементов, противостоя большинству искровцев (среди которых были Плеханов и я). На параграфе 1 устава эта группировка еще не отлилась в окончательные формы, но все же голоса бундовцев и два из трех голосов рабочедельцев дают перевес искровскому меньшинству. На выборах центров искровское большинство (вследствие ухода со съезда пяти бундовских и двух рабочедельских голосов) становится большинством партийного съезда. *И только тут мы расходимся* в настоящем смысле слова.

Нас глубоко разделяет прежде всего состав ЦК. Уже после инцидента с ОК, в самом начале съезда, искровцы горячо обсуждают кандидатуру разных членов (и не-членов) ОК в ЦК и на неофициальных собраниях организации «Искры», после долгих и жарких дебатов, отвергают одну из поддерживаемых Мартовым кандидатур девятью голосами против четырех при трех воздержавшихся; принимают десятью голосами против двух при четырех воздержавшихся список пяти, в который введен, *по моему предложению*, один лидер неискровских элементов и один

лидер искровского меньшинства. Но меньшинство настаивает на том, чтобы иметь трех из пяти, и в силу этого терпит полное поражение на партийном съезде. Так же кончается великий бой, завязавшийся на съезде по вопросу об утверждении старой шестерки или выборе новой тройки в ред. ЦО*.

Только с этого момента расхождение становится настолько полным, что наводит на мысль о расколе; только с этого момента начинается невиданное дотоле на съезде воздержание меньшинства (которое превращается уже в настоящее «компактное» меньшинство) от голосования. И это расхождение все более обостряется после съезда. Недовольное меньшинство переходит к бойкоту, который тянется целые месяцы. Что выросшие на этой почве обвинения в бюрократическом формализме, в требовании беспрекословного, механического повиновения и т. п. пустяки являются лишь попыткой свалить с больной головы на здоровую, это ясно само собою и достаточно иллюстрируется хотя бы следующим типичным случаем. Новая редакция (т. е. Плеханов и я) приглашает сотрудничать всех старых редакторов, приглашает, конечно, сначала без «формализма», словесно. Получает отказ. Тогда мы пишем «бумажку» (бюрократы!) к «уважаемым товарищам» и просим сотрудничать вообще и в частности *излагать свои разногласия на страницах редактируемых нами изданий*. Получаем «формальное» заявление о нежелании принимать *никакого участия в «Искре»*. Целые месяцы никто из не-редакторов и не работает в «Искре». Отношения становятся исключительно формально-бюрократическими, — по чьей «инициативе»?

Начинается создание подпольной литературы, которая заполняет границу, пересылается по комитетам и начинает уже отчасти теперь возвращаться из России за границу. Доклад сибирского делегата, письмо — — на

* Ввиду необъятного количества толков и кривотолков, возбужденных этой пресловутой «тройной», замечу сейчас же, что еще задолго до съезда всем сколько-нибудь близко стоящим товарищам был известен мой комментарий к проекту Tagesordnung'a (порядка дня. Ред.) съезда. В комментарии этом, ходившем по рукам на съезде, значится: «Съезд выбирает трех лиц в редакцию ЦО и трех в ЦК. Эти шесть лиц вместе, по большинству 2/3, дополняют, если это необходимо, состав редакции ЦО и ЦК кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения съездом этого доклада дальнейшая кооптация производится редакцией ЦО и ЦК отдельно».

о лозунгах «оппозиции», «Еще раз в меньшинстве» Мартова полны забавнейших обвинений Ленина в «самодержавии», в создании робеспьеровского режима казней (*sic!**), в устройстве политических похорон старым товарищам (это невыбор в центры есть похороны!) и т. д. Оппозиция ходом вещей влечется к подыскиванию таких «принципиальных» разногласий по организационным вопросам, которые не допускают совместной работы. Особенно треплют при этом пресловутого «пятого члена» в Совете партии. Совет представляется во всех указанных произведениях дипломатией или фокусом Ленина, орудием подавления русского ЦК заграничным ЦО — точь-в-точь, как изображает дело и делегация Бунда в своем отчете о съезде. Нечего и говорить, что это принципиальное разногласие — такие же пустяки, как пресловутый бюрократический формализм: пятого члена выбирает съезд; следовательно, дело сводится к *личности*, заслуживающей наибольшего доверия большинства; а воля большинства партийного съезда всегда, при всякой организации партийных центров, проявит себя подбором определенных лиц.

Как широко распространилась за границей вся этого рода литература, видно из того, что даже добрый Парвус пошел в поход против стремления соединять все нити в одной руке и «командовать» (*sic!*) рабочими из какой-нибудь Женевы («Aus der Weltpolitik», V. Jahrg. **, № 48, 30 ноября 1903). Пройдет месяц, другой, прочтет наш новый противник самодержавия протоколы партийного и лиговского съезда и убедится, что легко стать смешным, принимая за чистую монету всякий Parteiklatsch***.

Апогеем военных действий оппозиции против центров явился съезд Лиги. Из протоколов его читатели увидят, правы ли были те, кто назвал его ареной для сведения счетов по партийному съезду, было ли в натиске оппозиции нечто такое, что проводило ЦК на меры совершенно исключительные (как выразился сам ЦК, когда изменение в составе редакции подало надежду на установление мира в партии). Резолюции этого съезда показывают, какой характер имеют «принципиальные» разногласия по вопросу о самодержавном бюрократизме.

* — так! *Ред.*

** — «Из мировой политики», V год издания. *Ред.*

*** — партийная сплетня. *Ред.*

Атмосфера раскола после съезда Лиги надвинулась так грозно, что Плеханов решил кооптировать старую редакцию. Я предвидел, что оппозиция не удовлетворится этим, и считал невозможным переделывать решение партийного съезда в угоду *кружку*. Но еще менее считал я позволительным становиться поперек дороги возможному миру в партии, и поэтому вышел из редакции после № 51 «Искры», заявив при этом, что от сотрудничества не отказываюсь и не настаиваю даже на опубликовании о моем выходе, если установится добрый мир в партии. Оппозиция потребовала (не изменения несуществующей системы бюрократизма, формализма, самодержавия, механизма и пр., а) восстановления старой редакции, кооптации представителей оппозиции в Центральный Комитет, двух мест в Совете и признания законным съезда Лиги. Центральный Комитет предложил обеспечить мир, согласившись на кооптацию двух в ЦК, на передачу одного места в Совете, на постепенность реорганизации Лиги. Оппозиция отвергла и эти условия. Редакция была кооптирована, а вопрос о мире остался открытым. Таково было положение дел ко времени выхода № 53 «Искры».

Что партия хочет мира и положительной работы, в этом вряд ли позволительно сомневаться. А такие статьи, как «Наш съезд», препятствуют установлению мира, препятствуют тем, что поднимают намеки и обрывки вопросов, которые непонятны и не могут быть понятны вне полного изложения всех перипетий расхождения, препятствуют тем, что сваливают вину заграничного кружка на наш практический центр, который занят тяжелой и трудной работой фактического объединения партии и который без того уже встречал и встречает слишком много помех на пути проведения централизма. Русские комитеты ведут борьбу против тормозящей всю работу дезорганизаторской деятельности и бойкота меньшинства. Резолюции в этом смысле уже присланы комитетами Петербургским, Московским, Нижегородским, Тверским, Одесским, Тульским, Северным союзом.

Довольно с нас заграничного *Literatengezänk**! Пусть послужит он теперь для практиков в России образчиком того, «чего не делать»! Пусть редакция ЦО партии

* — дразги литераторов. *Ред.*

призовет всех к прекращению всякого бойкота с какой бы то ни было стороны, к дружной работе под руководством ЦК партии!

* * *

А различие между оттенками искровцев? спросит читатель. Во-первых, ответим мы на это, различие состоит в том, что, по мнению большинства, можно и должно проводить свои взгляды в партии независимо от переделки личного состава центров. Всякий кружок, хотя бы рабочедельцев, имеет право, войдя в партию, требовать возможности высказывать и проводить свои взгляды, но ни один кружок, хотя бы и генералов, не вправе требовать представительства в центрах партии. Во-вторых, различие состоит в том, что, по мнению большинства, вина формализма и бюрократизма падает на того, кто своим отстранением от работы под руководством центров затруднил возможность неформалистического ведения дела. В-третьих, мне известно одно, и только одно, принципиальное разногласие по организационным вопросам, именно то разногласие, которое выразилось в прениях о параграфе 1 устава партии. Когда выйдут протоколы съезда, мы постараемся вернуться к этому вопросу. Мы покажем тогда, что формулировка Мартова была проведена неискровскими и quasi*-искровскими элементами не случайно, а потому, что она делает шаг к оппортунизму, что этот шаг мы видим еще наглядней в письме — на и в «Еще раз в меньшинстве»**. Протоколы покажут фактическую неверность того мнения автора статьи «Наш съезд», будто «спор при обсуждении устава партии сконцентрировался почти исключительно на вопросе об организации центральных учреждений партии». Как раз наоборот. Единственным действительно принципиальным спором, разделившим сколько-нибудь определенно обе «стороны» (т. е. большинство и меньшинство искровцев), был спор о параграфе 1 устава партии. Споры же о составе Совета, о кооптации в центры и т. п. оставались спорами между отдельными

* — мимо. Ред.

** Тогда мы попросим также объяснить, что значит упоминание статьи «Наш съезд» на незаслуженное невнимание к не-искровцам, на несоответствие строгих пунктов устава реальным отношениям сил в партии. К чему эти упоминания относятся?

делегатами, между мной и Мартовым и т. п., споры эти касались сравнительно очень частных деталей, не вызывали никакой определенной группировки искровцев, которые своим голосованием поправляли увлечения то одного, то другого из нас. Сводить к этим спорам источник разногласий по вопросам о способах проведения централизма, его пределах, характере и т. п. — значит просто-напросто прикрашивать позицию меньшинства и приемы борьбы за изменение личного состава центров, которую оно вело и которая одна только вызвала между нами расхождение в полном смысле слова.

Написано в начале декабря 1903 г.

Напечатано в декабре 1903 г.

отдельным листком

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту листка

**ПИСЬМО ЦК РСДРП
АДМИНИСТРАЦИИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ,
ГРУППАМ СОДЕЙСТВИЯ ПАРТИИ
И ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ,
НАХОДЯЩИМСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ**

Товарищи! Окончательное объединение партии ставит теперь перед нами насущную и настоятельную задачу широко развить заграничную работу социал-демократии и прочно объединить всех действующих на этом поприще работников.

Согласно уставу партии (§ 13), вся заграничная работа партии разделяется на две крупные области, различные по типу организации. С одной стороны, дело пропаганды и агитации за границей непосредственно ведает и централизует в своих руках Заграничная лига. ЦК примет все меры, чтобы помочь полной централизации этого дела в руках Лиги и обеспечить ее автономию в этой функции. С другой стороны, содействие русскому движению она оказывает не иначе как через посредство лиц и групп, особо назначенных Центральным Комитетом.

Призывая всех членов Лиги, все группы содействия и всех членов партии, находящихся за границей, к всесторонней поддержке Лиги в ее работе пропаганды и агитации, ЦК намерен направить теперь все усилия к организации этих посредствующих групп, чрез которые должна производиться поддержка русского движения.

Задачи свои в этой области ЦК понимает следующим образом.

Поддержка русского движения из-за границы выражается главным образом 1) в отправке революционных работников в Россию; 2) в отправке собранных за границей денежных сумм в Россию; 3) в собирании за границей таких русских связей, сведений и указаний, которые должны быть

тотчас сообщаемы в Россию в целях помощи действующим там товарищам, в целях предупреждения провалов и т. д.; 4) в отправке литературы в Россию и т. п.

Не претендуя на то, чтобы исчерпать этим перечнем всех форм непосредственной поддержки русского движения из-за границы, мы думаем, однако, что пока достаточно наметить главные формы ее и сообразовать создаваемую организацию с этими формами. Опыт покажет, в какой мере необходимы будут изменения этой организации в дальнейшем будущем.

Начнем с отправки людей для работы в России. Желательно было бы, конечно, чтобы наибольшее число едущих шло непосредственно с главной агентурой ЦК за границей — именно с женеvской, получая от нее явки, пароли, деньги и необходимые указания. Но целый ряд едущих работать лиц не в состоянии, конечно, въезжать в Женеву, и потому ЦК намерен приступить к назначению своих агентов во всех сколько-нибудь важных заграничных центрах: Лондоне, Париже, Брюсселе, Берлине, Вене и др. Всякий, намеревающийся ехать в Россию для работы, приглашается обращаться к местному агенту ЦК, и этот агент примет все меры к тому, чтобы едущий мог возможно скорее и безопаснее достигнуть места своего назначения, чтобы первые шаги едущего в Россию соответствовали общему плану ЦК относительно распределения сил и средств и т. д. ЦК надеется, что Заграничная лига окажет всяческое содействие этим агентам ЦК — например, путем ознакомления наибольшего количества заграничной публики с функциями этих агентов, с условиями сношения с ними, путем содействия возможно более конспиративной постановке этих сношений и т. д.

Так как отправка людей в Россию из крупных центров за границы составляет очень большое дело и так как надлежащее ознакомление с отправляемыми не всегда под силу одному лицу, то ЦК будет назначать, по мере надобности, не одного агента, а группу агентов, согласно § 13 устава партии.

Далее. Что касается до отправки денег, то здесь всего более желательна полная централизация сбора денег по всей за границе в руках Лиги и передача сумм администрацией Лиги Центральному Комитету. Только в случаях необходимости придется, может быть, по указаниям опыта,

передавать известные суммы непосредственно от местных секций Лиги местным агентам ЦК, когда, например, экстренные обстоятельства требуют немедленной помощи побегу, отправке человека, посылке литературы и т. п. ЦК надеется, что администрация Лиги даст соответствующие указания секциям и выработает наилучшие формы отчетности в сборе и расходе денег.

Затем, всем известно, конечно, что очень часто лица, приезжающие из России за границу, сообщают такие известия, которые были бы очень важны для русских работников, — например, известия о размерах провалов, о необходимости предупредить таких-то товарищей в городе, отдаленном от места провала, о необходимости использовать в России такие-то связи, которые не успел или не мог использовать бежавший или уехавший товарищ, и т. д. Конечно, по мере окончательного объединения всей партийной работы под руководством ЦК, все чаще будет представляться возможность собирать все эти связи и указания в России же, и это единственно нормальный и желательный путь. Но несомненно, что долго еще будут встречаться случаи, когда по разным причинам бежавшие или легально выехавшие из России товарищи не успели передать связей в России, так что необходимо будет воспользоваться для этого их заграничным пребыванием.

Наконец, дело транспорта литературы ЦК постарается, конечно, централизовать как можно полнее в руках особой транспортной группы, часть членов которой будет всегда находиться за границей. Особые агенты ЦК будут назначены, поэтому, для заведывания складами партийной литературы в разных заграничных центрах, для ведения сношений с границами и т. д. Но даже при самой лучшей постановке транспортного дела всегда останутся, конечно, такие пробелы в нем, которые придется пополнять экстренными оказиями, отправкой (может быть) чемоданов, утилизацией каких-нибудь благоприятных случаев торговых сношений, пароходных сообщений и т. д. По всем таким делам все сообщения, указания и справки должны равным образом направляться к агентам ЦК, которые будут концентрировать все подобные дела и действовать сообразно общему плану ЦК и его указаниям.

ЦК, сообщая о своем плане работы администрации Лиги, выражает свою уверенность, что Лига окажет в свою очередь всяческое содействие агентам ЦК за границей и в особенности примет меры к тому, чтобы эти агенты могли широко знакомиться с группами содействия, кружками молодежи и проч. и проч.

Написано в начале декабря 1903 г.

*Впервые напечатано в 1928 г.
в Ленинском сборнике VII*

Печатается по рукописи

ЗАМЕТКА О ПОЗИЦИИ НОВОЙ «ИСКРЫ»

Что меня особенно возмущает в той позиции, которую заняла теперь «мартовская» «Искра», так это *внутренняя фальшь и ложь*, попытки обойти суть дела, попытки эскамотировать партийное общественное мнение и решение, попытки *подменить* понятия и факты. И только незнанием дела я склонен объяснять проявляемые некоторыми товарищами тупость и безразличие, нечувствительность к этой лжи. Против незнания надо бороться разъяснением, и я ни в каком случае не откажусь от своего намерения разъяснить все дело архиподробно (в случае надобности со *всеми* документами) в особой брошюре, за которую и возьмусь, как только выйдут протоколы съездов партии и Лиги, т. е. очень скоро³⁹.

Основная *передержка*, посредством которой *надуют* партию мартовцы (обманывая, может быть и даже вероятно, самих себя прежде всего в силу своей истеричности), это, во-1-х, *подмен* действительных источников и причин расхождения между искровцами. Это, во-2-х, *подмен* понятий о кружковщине и дезорганизации, о сектантстве и о партийности.

Первый подмен состоит в том, что «принципиальным» разногласием выставляется та, в сущности, *перебранка*, которой обменивались обе стороны после съезда во время борьбы центров с оппозицией. Перебранка состояла в том, что оппозиция называла большинство самодержцами, формалистами, бюрократами etc.*, а большинство называло оппозицию *истерическими пролазами*, партией забракованных министров или истерических скандалистов (см. съезд

* — et cetera — и так далее. *Ред.*

Лиги). И вот теперь *одна* сторона этих обоюдных «комплиментов» выносится в ЦО как *принципиальное* разногласие! Разве это не гнусность?

На самом деле причина расхождения лежала именно в *повороте мартовцев к болоту*. Поворот этот ясно выразился на съезде на § 1 устава и на группировке при выборах в центры. *Это* разногласие, в известной своей части несомненно *принципиальное*, обходится и замалчивается.

Второй подмен состоит в том, что, *дезорганизуя* всю партию и всю работу в течение *трех месяцев* ради интересов *кружка*, ради пролезания в центры (ибо никто не стеснял полемику по существу и свободу выражения мнений, напротив, мартовцев приглашали и просили писать), мартовцы теперь, пролезши с заднего крыльца в редакцию, подменивают это смехотворным обвинением большинства в дезорганизующем *формализме, бюрократизме* и проч., *замалчивая* свой бойкот, свое пролазничество etc. Разве это не гнусность? Одно из двух: или *предать забвению* всю «дрязгу» и тогда не говорить *совсем* о ней, не пускать в ЦО и *отрывки дрязги*, ибо крики о бюрократизме есть именно *отрывка* дрянненького пролазничества. Или поднять вопрос о расхождении — и тогда уже *раскрыть* все.

Написано в декабре 1903 г.

Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике X

Печатается по рукописи

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ О НАШИХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ»

Перепечатываемое мною «Письмо к товарищу»* написано было больше года тому назад, — если память мне не изменяет, в сентябре 1902 года. Сначала оно ходило у всех по рукам в копиях и распространялось по России, как изложение искровских организационных взглядов. Затем Сибирский союз в июне прошлого года перепечатал это письмо и распространил в весьма значительном количестве экземпляров. Таким образом письмо сделалось уже вполне достоянием публики, и теперь нет никаких оснований задерживать его публикацию. То соображение, по которому я не печатал этого письма раньше, — именно его крайняя литературная необработанность, его совершенно «черновой» характер — отпадает, ибо именно в этом черновом виде с письмом ознакомились уже многие русские практики. Кроме того, еще более важным доводом за перепечатку этого письма в черновом виде (я сделал лишь самые необходимые стилистические исправления) является теперь его значение, как «документа»**. Новая редакция «Искры» выдвинула, как известно, уже в № 53 разногласия по *организационным* вопросам. К сожалению, в чем именно состоят эти разногласия, редакция не спешит указать определенно, ограничиваясь по большей части намеками на то, чего не ведаст никто.

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 205—224. *Ред.*

** После того, как мои оппоненты выражали не раз желание пользоваться этим письмом в качестве документа, я бы считал с своей стороны внесение каких-либо изменений при перепечатке прямо даже... как бы это помягче выравнить?... нежелательным.

Надо постараться облегчить новой редакции ее трудную задачу. Пусть *старые* организационные взгляды «Искры» станут известными во всех деталях, вплоть даже до черновых набросков, — может быть, тогда новая редакция соберется, наконец, открыть «идейно руководимой» ею партии свои *новые* организационные взгляды. Может быть, тогда новая редакция поделится наконец с нами *точной формулировкой* тех коренных изменений, которые проектировались бы ею в нашем партийном организационном уставе. Ибо кто же не понимает, в самом деле, что именно этот организационный устав и воспринял в себя наши всегдашние организационные планы?

Сравнивая «Что делать?»* и статьи в «Искре» по организационным вопросам с предлагаемым «Письмом к товарищу», а это последнее с уставом, который принят на втором съезде, читатели могут составить себе ясное представление о том, насколько последовательно проводилась нами, большинством искровцев и большинством партийного съезда, наша организационная «линия». А от новой редакции «Искры» мы будем ждать, и с великим нетерпением ждать, изложения ее новых организационных взглядов, ждать указания, в чем именно и с какого момента именно разочаровалась она и почему стала «сжигать то, чему поклонялась».

Н. Ленин

Январь 1904 г.

Напечатано в 1904 г. в брошюре:
Н. Ленин. «Письмо к товарищу
о наших организационных задачах»,
Женева

Печатается по тексту брошюры

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 319—394. Ред.

**ПОСЛЕСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ
«ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ
О НАШИХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ»**

Редакция «Искры» говорит в № 55, что между ЦК и оппозицией «состоялось соглашение предать забвению» факты, упомянутые в моем «Письме в редакцию «Искры» («Почему я вышел из редакции «Искры»?)*. Это заявление редакции представляет из себя «отписку», поистине уже формалистическую, бюрократическую и канцелярскую (выражаясь прекрасным слогом тов. Аксельрода). На самом деле такого соглашения *не было*, как прямо заявляет заграничный представитель ЦК в особом листке, выпущенном тотчас после выхода № 55 «Искры». Такого соглашения и *не могло быть*, как это должно быть ясно всякому внимательному читателю моего письма, ибо оппозиция *отвергла* «добрый мир», который был предложен ЦК и который, *наверное*, включал бы в себе условие предать забвению все то, что достойно забвения. Неужели редакция была так наивна, что, отвергнув мир и *начав в № 53 войну против пресловутого бюрократизма*, она надеялась на то, что противная сторона умолчит о *действительном* источнике этих сказок о бюрократизме?

Редакции очень и очень не понравилось, что я назвал действительный источник этих сказок *дрязгами* (Literatengezänk — дрязги литераторов). Еще бы! Но ведь наговорить жалких слов по поводу этого действительно неприятного факта не значит еще опровергнуть факт.

Мы позволим себе задать почтеннейшей редакции два вопроса.

* См. настоящий том, стр. 102—108. Ред.

Первый вопрос. Отчего это *одному* кажутся только *забавными* самые яростные обвинения в самодержавии, в робеспьеровском режиме, в совершении переворота, и пр. и пр., а *других* кровно *обижает* спокойный рассказ о фактах и о фактически требовавшихся генеральских местах? Настолько *обижает*, что они говорят совсем «никчомушние» речи о «личностях», «моральной тени» и даже «низменных (откуда сие??) мотивах»? Отчего такая разница, — а, друзья мои? Уж не оттого ли, что «место» генерала «низменнее», чем место самодержца?

Второй вопрос. Отчего не объясняет читателям редакция, почему она (в те далекие времена, когда она принадлежала к оппозиции и на деле была «в меньшинстве») выражала желание *предать забвению* некоторые факты? Не находит ли редакция, что одна уже мысль о желании «предать забвению» *принципиальные* разногласия нелепа и не могла придти в голову ни одному здравомыслящему человеку?

Видите, как вы неловки, мои любезные «политические противники»! Вы хотели уничтожить меня обвинением, что я переносу принципиальный спор в область дряг, а вместо этого вы *подтвердили* мое утверждение насчет действительного источника некоторых ваших «разногласий».

Далее. Признавши, по своей неловкости, что дряги были, редакция не потрудилась объяснить читателям, где, по ее мнению, кончается принципиальное разногласие и где начинаются дряги. Редакция обходит молчанием, что я в своем письме делаю попытку *совершенно точно* разграничить область того и другого. Я показываю там, что принципиальное разногласие (далеко не такое глубокое, чтобы вызывать действительное *расхождение*) обнаружилось по вопросу о § 1 устава и расширилось сближением искировского меньшинства с неискировскими элементами к концу съезда. Я показываю также, что речи о бюрократизме, формализме и проч. являются прежде всего простым *отзвуком* бывших *после съезда* дряг.

Редакция, вероятно, не согласна с *таким* отграничением «принципиального» и «подлежащего забвению»? Почему же она не потрудилась сообщить *свое* мнение о «правильном» отграничении этих областей? Не потому ли, что эти области не размежевались еще (и не могут быть размежеваны) в ее сознании?

По фельетону уважаемого товарища Аксельрода в том же № 55 «Искры» читатели могут судить, к чему приводит эта... неразборчивость и во что превращается наш Центральный партийный Орган. О наших спорах по вопросу о § 1 устава тов. Аксельрод не говорит *ни слова* по существу, ограничиваясь абсолютно непонятными для небывшего на съезде человека намеками на «периферийные общества». Тов. Аксельрод забыл, вероятно, как долго и обстоятельно спорили мы о § 1! зато тов. Аксельрод создал себе «теорию», по которой «большинство искровцев, явившихся на съезд, проникнуто было убеждением, что их главной задачей является... вести борьбу с внутренними врагами». «Перед этой миссией» для большинства «стусшевывалась (по твердому убеждению уважаемого тов. Аксельрода) предстоящая положительная задача». «Перспектива положительной работы отодвигается в туманную даль неопределенного будущего»; перед партией стоит более неотложная «военная задача усмирения внутренних врагов». И тов. Аксельрод не находит слов, чтобы клеймить этот «бюрократический* (или механический) централизм», эти «якобинские» (!!?) планы, этих «дезорганизаторов», которые кого-то «теснят и третируют, как крамольников».

Чтобы показать, какова истинная ценность этой теории, — вернее, этих обвинений большинства съезда в дезорганизаторских тенденциях теснить (*воображаемую*, должно быть) крамолу и в игнорировании положительной работы, мне достаточно будет напомнить забывчивому тов. Аксельроду *одну* (для начала один) маленький факт. 6-го октября 1903 г. после многократных увещаний членов меньшинства о нелепости и дезорганизующем характере их бойкота, мы с Плехановым *официально* пригласили «крамольных» литераторов (и тов. Аксельрода в том числе) взяться за положительную работу, официально заявили им, что отказ от этой работы равно неразумен и с точки зрения личного раздражения и с точки зрения тех или иных разногласий (для изложения которых мы *открываем* страницы наших изданий)**.

* Кстати. Обращаю внимание редакции, что моя брошюра выходит с «установленным заголовком». Как убежденный центрист, я подчиняюсь «принципальным» указаниям нашего ЦО, открывшего в № 55 отдел обзора партийных изданий с точки зрения «заголовков» (во имя борьбы с формализмом).

** См. настоящий том, стр. 326. Ред.

Тов. Аксельрод забыл об этом. Он забыл, что ответил тогда решительным отказом без всяких объяснений причин. Он забыл, что для него тогда, в эти давно прошедшие времена, «положительная работа отодвигалась в туманную даль неопределенного будущего», каковое будущее только 26 ноября 1903 года стало желанным настоящим⁴⁰.

Тов. Аксельрод не только «забыл» это, но и желал бы вообще «предать забвению» подобные «личности», не так ли?

Указывать меньшинству на то, что оно *целые месяцы* дезорганизовало партию, забрасывало положительную работу, отвлекало своими дрызгами *тьму сил* у ЦК, это «личности», это значит набрасывать моральную тень, это значит сводить борьбу тенденций на уровень дрызги. Этому не место на страницах ЦО.

А обвинять большинство партийного съезда в том, что оно смело тратит время на увещания «крамольников», что оно дезорганизовало партию борьбой с (*воображаемыми*) дезорганизаторами — это принципиальные разногласия, для коих надо «приберечь» столбцы «Искры». Не так ли, уважаемый тов. Аксельрод?

Может быть, оглянувшись вокруг себя, тов. Аксельрод найдет и в настоящее время немало примеров тому, как «положительная работа» и для практиков меньшинства отодвигается в туманную даль тоже желанного, но все еще неопределенного будущего?

Нет, знаете, выгоднее было бы вам не затрагивать вовсе вопроса об отношении большинства и меньшинства к положительной работе! Выгоднее бы не напоминать о том, о чем говорит, например, один заводский рабочий рода — ва в следующем письме ко мне:

«Дорогой товарищ!

В последнее время, т. е. после второго съезда партии, нам объявили, что ЦК не был выбран съездом единодушно, что съезд раскололся на две части по вопросу об отношениях Центрального Органа к Центральному Комитету и образовалось так называемое большинство и меньшинство. Все это, как тяжелый камень, обрушилось на нашу голову и придавило нас всей своей тяжестью, потому что самый вопрос об отношении ЦО к ЦК был для нас неожиданною новостью: ведь до самого съезда он не только не возбуждался ни в каких кружках и собраниях, но, насколько мне помнится, его обходили молчанием и в литературе. Вот это самое замалчивание его до съезда мне не понятно. Если предположить, что его совсем не существовало, то нужно признать, что товарищи, клавшие все свои силы

на объединение партии, не представляли себе ясно ее организации, т. е. ее устройства. Но второе совершенно невозможно, потому что вопрос, расколовший теперь партию, ясно показал, что взгляд на устройство партии был и был не у всех одинаков. А если это так, то почему его скрывали? Это первое. А второе — самый этот вопрос, когда приходится его решать, то я ставлю себе такой вопрос: какое устройство партии обеспечит ее ортодоксальное направление, и тут же рядом с ним у меня является мысль, что кроме устройства партии важен состав ее вождей, т. е. если они ортодоксы, то и направление партии ортодоксальное, если — оппортунисты, то и партия такая же. Теперь, имея такие предположения и зная состав вождей партии, я безусловно высказываюсь за преобладание ЦО над ЦК в идейном руководстве партией. Высказаться за это еще больше заставляет русская действительность: как бы ни был ЦК ортодоксален, но он, находясь в России, не может быть встрахован от провала, а следовательно, и от потери ортодоксальности помимо своей воли, так как преемники не всегда-то соответствуют тем, кого они замещают. Кому из товарищей, работающих хоть немного в комитетах, не знакомы такие явления, что самый лучший комитет в силу одной из многих случайностей заменяется плохим и обратно. Совсем не то с ЦО: он стоит в иных условиях (принимая во внимание, что ЦО будет находиться за границей), которые обеспечивают ему более долговременное существование, а следовательно, и возможность приготовить себе достойных преемников. Но я не знаю, товарищ, можно ли решать этот вопрос раз навсегда, т. е. или чтоб всегда преобладал ЦО над ЦК или — ЦК над ЦО. Я думаю, что нельзя. Возьмем такое положение: вдруг состав ЦО изменился и из ортодоксального сделался оппортунистическим, как, например, «Вперед» в Германии; ну можно ли тогда дать ему преобладание в идейном руководстве? что бы стали делать мы, воспитанные в ортодоксальном духе, неужели должны бы соглашаться с ним? Нет, наша обязанность была бы отнять у него право на преобладание и передать его в руки другого учреждения, и если бы этого не было сделано по какому-нибудь поводу, все равно будь то партийная дисциплина или еще что-нибудь, то все мы достойны бы были названия изменников рабочему социал-демократическому движению. Так я смотрю на это и никак не могу согласиться с решением раз навсегда, как это делают некоторые товарищи.

Теперь мне совсем непонятна та борьба, которая ведется теперь между большинством и меньшинством, и нам очень многим она кажется неправильной. Ну, скажите, товарищ! Естественно ли такое положение, когда все силы кладутся на разведку по комитетам за тем только, чтобы поговорить о большинстве и меньшинстве. Я, право, не знаю. Неужели этот вопрос настолько важен, чтобы ему отдавать все силы и из-за него смотрели друг на друга, чуть ли как не на врага? И на самом деле так выходит, что если комитет подобран, предположим, из одного лагеря, то из другого туда уже никто не попадет, несмотря на всю свою пригодность для работы, даже если хотите, он не попадет и тогда, когда он необходим для работы, когда последняя много теряет от его отсутствия. Этим, конечно, я не хочу сказать, чтобы совсем бросили борьбу из-за этого вопроса: вовсе нет, только по-моему она должна носить другой

характер, и из-за нее мы не должны забывать главной своей задачи, а именно пропаганды в массе социал-демократических идей, потому что, забывая это, мы тем самым обессиливаем нашу партию. Я не знаю, честно ли это, но когда приходилось видеть, что интересы дела топтались в грязь и совершенно забывались, то я называю всех их политическими интриганами. Как-то больно становилось и страшно за самое дело, когда видишь, что люди, стоящие во главе его, заняты чем-то другим. Глядя на это, думаешь: неужели наша партия осуждена на вечные расколы из-за таких мелочей, неужели мы неспособны в одно и то же время вести внутреннюю борьбу совместно с внешней. Для чего же тогда устраиваются съезды, когда их постановления не принимаются во внимание, и каждый делает, что ему вздумается, оправдываясь тем, что съезд, мол, неправильно решил, ЦК недееспособен и т. д. И это делают те, которые до съезда все время кричали про централизацию, про партийную дисциплину и проч., а теперь как будто хотят показать, что дисциплина нужна только простым смертным, а не им, людям верха. Они, должно быть, позабыли, что их пример страшно развращает мало-опытных товарищей, уже теперь слышится снова среди рабочих недовольство интеллигенцией, которая из-за раздоров между собою забывает их, уже теперь более горячие опускают руки, не зная, что делать. Пока что, а вся централизованная постановка дела теперь является пустым звуком. Остается только надеяться, что в будущем все изменится к лучшему»⁴¹.

Написано в январе 1904 г.

*Напечатано в 1904 г. в брошюре:
Н. Ленин. «Письмо к товарищу
о наших организационных задачах»,
Женева*

Печатается по тексту брошюры

К ЧЛЕНАМ ПАРТИИ

ПРОЕКТ ОБРАЩЕНИЯ ⁴²

Кружок или партия? вот вопрос, который поставлен на обсуждение нашим Центральным Органом.

Мы находим постановку этого вопроса на обсуждение в высшей степени своевременной. Мы приглашаем редакцию нашего ЦО оглянуться прежде всего на самое себя. Что представляет из себя эта редакция? Кружок ли лиц, столько-то лет сидевших вместе и пробравшихся теперь в редакцию путем бойкота, дезорганизации и угрозой раскола, или коллегия должностных лиц нашей партии?

Не пытайтесь уклониться от этого вопроса ссылкой на то, что вы кооптированы законно, согласно уставу. Мы не сомневаемся в этой законности, но мы приглашаем вас не ограничиваться формальной точкой зрения, а ответить по существу на наш вопрос. Мы хотим не юридического только, а политического ответа. Мы хотим получить этот ответ именно от вас, господа невыбранные съездом и неназначенные партией «редакторы», а не от т. Плеханова, который, может быть, и не имел другого выбора, как кооптировать вас во избежание раскола.

Кружок или должностная партийная коллегия?

Если кружок, то к чему это лицемерие и фальшь с фразами о какой-то партии? Разве вы не разорвали на деле этой партии, насмехаясь недели и месяцы над ее учреждениями и ее уставом? Разве вы не разорвали на деле решений второго съезда этой партии, разве вы не довели дела до раскола, не отказались подчиняться Центральному Комитету и Совету, разве не ставите вы себя вне партии речами о том, что партийные съезды для вас не божество, т. е. не обязательны? Вы топчете ногами учреждения

и законы партии и в то же время тешитесь заголовком «Центрального партийного Органа»!

Если же вы — должностные лица партии, то не угодно ли вам объяснить этой партии, почему и во имя чего неназначенные съездом лица добивались себе места в центральном партийном учреждении? Может быть, во имя «преемственности» старого семейного кружка редакторов? И люди, принимавшие на съезде Лиги резолюции об этой обывательской «преемственности», хотят теперь морочить нас толками о партии! Да имеете ли вы право говорить теперь о партии?

Вы называете формалистами тех, кто опирается на формальные решения II съезда, — потому что вам надо замазать и затушевать тот факт, что вы *нарушили доверие* товарищей, которые все до единого, много и много раз давали друг другу обещание соблюдать решения съезда. Вы не подчиняетесь формальным решениям, когда они идут против вас, а в то же время, без взвешивания совести, вы опираетесь на формальные права Лиги, когда эти права идут на пользу вам, вы опираетесь на формальные решения Совета партии, когда вам удалось пролезть, вопреки воле партии, в это высшее партийное учреждение!

Вы называете бюрократами тех, кто занимает партийную должность по воле партийного съезда, а не по капризу заграничного литераторского кружка. Вам необходимо прикрыть этим тот неприятный для вас факт, что именно духом бюрократизма, духом местничества, духом погони за чинами оказались пропитанными люди, которые решительно не в состоянии были работать в партии вне центральных партийных учреждений. Да, ваше поведение действительно воочию показало нам, что партия наша больна бюрократизмом, который место ставит выше работы, который не чуждается бойкота и дезорганизации ради завоевания места.

Вы называете грубо-механическим решение по большинству голосов партийного съезда, но вам не кажутся грубо-механическими и скандальными те приемы борьбы в заграничных колониях и на съезде Лиги, которые доставили вам вашу позорную победу над нашей партийной редакцией! Вы не замечаете фарисейства в уверениях насчет признания партии людьми, которые добивались и добились того, чтобы вести Центральный партийный Орган, будучи *меньшинством* партийного съезда!

И эти потуги лицемерно прикрасить свое неприличное, противопартийное поведение, эту проповедь анархии, эти издевки над партийным съездом, это оппортунистическое оправдывание обывательщины и кружковщины вы называете вашей новой организационной точкой зрения!

Товарищи! Кто серьезно смотрит на себя, как на члена партии, тот должен поднять решительный голос протеста и положить конец этому безобразию! Кто серьезно смотрит на трехлетнюю работу «Искры» и на подготовленный ею партийный съезд, выразивший волю действительно принципиально убежденных и действительно работающих русских социал-демократов, тот не позволит заграничной кружковщине топтать ногами все сделанное этим партийным съездом.

Одно из двух.

Или у нас нет партии, или над нами всецелен заграничный литературский, редакторский кружок, отодвинутый нашим съездом, — и тогда долой эти лицемерные речи о партии, эти фальшивые заголовки «партийных» изданий, органов и учреждений. Мы не социалисты-революционеры, нам не нужно намалеванных декораций. Партия пролетариата требует правды. Партия пролетариата требует беспощадно-откровенного разоблачения застарелой кружковщины. Будем иметь смелость признать, что партии нет, и возьмемся с начала, с самого начала, за работу создания и укрепления настоящей партии. Нас не смутит временная победа кружковщины, мы верим и знаем, что русский сознательный пролетариат сумеет выработать себе партию на деле, а не партию на словах; партию в виде действительно партийных учреждений, а не в виде фальшивых заголовков.

Или у нас есть партия, — и тогда долой все кружковые интересы, долой заграничные собрания скандалистов! Тогда пусть немедленно удалятся из нашей *партийной* редакции лица, которых не назначил на этот пост партийный съезд. Тогда пусть восстановится редакция ЦО из выбранных съездом товарищей. Тогда пусть в *нашем* партийном органе проводятся взгляды партийного большинства, пусть *наш* партийный орган защищает партийную организацию и партийные учреждения, а не топчет их в грязь.

Долой кружковщину и прежде всего долой ее из нашей партийной редакции!

Долой дезорганизаторов!

Да здравствует партия пролетариата, умеющая на деле соблюдать решения партийного съезда, умеющая чтить партийную дисциплину и организацию!

Долой фарисейские речи и фальшивые заголовки!

*Написано во второй половине
января 1904 г.*

*Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике X*

Печатается по рукописи

СОВЕТ РСДРП**15—17 (28—30) ЯНВАРЯ 1904 г. 43**

*Напечатано в 1904 г. в брошюре:
Н. Шахов. «Борьба за съезд», Женева*

*Речи и проекты резолюций,
внесенные 17 (30) января 1904 г.,
впервые напечатаны в 1929 г.
в Ленинском сборнике X*

*Проекты резолюций печатаются
по рукописям*

*Речи и проект резолюции о созыве
III съезда РСДРП — по тексту
протоколов Совета*

1

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О МЕРАХ
ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ МИРА В ПАРТИИ,
ВНЕСЕННЫЙ 15 (28) ЯНВАРЯ

Совет партии, имея в виду характер и формы проявления того расхождения между членами партии, которое связано со вторым очередным съездом, считает настоятельно необходимым энергично призвать всех членов партии к дружной совместной работе под руководством обоих центральных учреждений партии: ЦО и ЦК.

Исторический момент, который переживает Россия — громадное усиление революционного брожения внутри страны и международные затруднения, способные привести к войне, — возлагает особенно серьезные обязанности на партию сознательного пролетариата, борющегося в первых рядах за освобождение всего народа от ига самодержавия. Необходимость дружной совместной работы, под руководством обоих центров партии, над укреплением нашей организации, над развитием сознания и сплоченности возможно более широких масс рабочего класса, никогда не сказывалась так настоятельно, как в настоящее время.

Те или иные разногласия по самым различным вопросам всегда бывали и будут неизбежно обнаруживаться в партии, которая опирается на гигантское народное движение, которая ставит своей задачей явиться сознательной выразительницей этого движения, решительно отвергая всякую кружковщину и узко-сектантские взгляды. Но чтобы быть достойными представителями сознательного борющегося пролетариата, достойными участниками всемирного рабочего движения, члены нашей партии должны всеми силами стремиться к тому, чтобы никакие частные разногласия в понимании и способах проведения принципов,

признанных нашей партийной программой, не мешали и не могли мешать дружной совместной работе под руководством наших центральных учреждений. Чем глубже и шире понимаем мы нашу программу и задачи международного пролетариата, чем больше ценим мы значение положительной работы над развитием пропаганды, агитации и организации, чем дальше мы от сектантства, мелкой кружковщины и местнических счетов, — тем с большей энергией мы должны добиваться того, чтобы разногласия между членами партии обсуждались спокойно и по существу дела, чтобы эти разногласия не могли мешать нашей работе, не могли вносить дезорганизации в нашу деятельность, не могли тормозить правильного функционирования наших центральных учреждений.

Совет партии, как высшее учреждение партии, решительно осуждает всякие дезорганизаторские попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, всякое отстранение от работы, всякое отстранение от материальной поддержки центральной партийной кассы, всякий бойкот, который способен только свести чисто идейную борьбу мнений, взглядов и оттенков до приемов грубо-механического воздействия, до какой-то недостойной свалки. Партия измучена раздорами, которые тянутся уже почти полгода, и настоятельно требует мира. Никакие разногласия между членами партии, никакое недовольство личным составом того или иного центра не могут оправдать бойкота и тому подобных приемов борьбы, свидетельствующих именно об отсутствии принципиальности и идейности, свидетельствующих о принесении в жертву интересов партии интересам кружка, интересов рабочего движения — интересам узкого местничества. У нас есть, конечно, и в большой партии всегда будут случаи, когда то или другое число членов недовольно известным оттенком деятельности того или другого центра, известными чертами его направления, или его личным составом и т. п. Такие члены могут и должны выяснять причины и характер своего недовольства в товарищеском обмене мнений и в полемике на страницах партийных изданий, но было бы совершенно непозволительно и недостойно революционеров проявлять свое недовольство в бойкоте или отстранении от поддержки всеми своими силами всей положительной работы, объединяемой и направляемой обоими центрами партии. Поддержка

обоих центров, дружная работа под их непосредственным руководством — есть наш общий и прямой партийный долг.

Такие неидейные, грубо-механические приемы борьбы, которые указаны выше, заслуживают безусловного осуждения, ибо они способны совершенно разрушить всю партию, сплываемую всецело и исключительно доброй волей революционеров. И Совет партии напоминает всем ее членам, что эта добрая воля выразилась уже с полной определенностью в нашем общем, никем не опротестованном, решении признать обязательными для всех членов партии все постановления второго съезда и все произведенные им выборы. Еще Организационный Комитет, заслуживший всеобщую благодарность за свою деятельность по созыву съезда, принял в § 18 устава II съезда такое решение, одобренное всеми комитетами партии:

«Все постановления съезда и все произведенные им выборы являются решением партии, обязательным для всех организаций партии. Они никем и ни под каким предлогом не могут быть опротестованы и могут быть отменены или изменены только следующим съездом партии».

Это решение, принятое всей партией до съезда и подтвержденное несколько раз на самом съезде, равносильно честному слову, которое дали себе по доброй воле все социал-демократы. Пусть же не забывают они этого честного слова! Пусть отбросят они скорее все взаимные мелкие счета, пусть поставят раз навсегда идейную борьбу в такие рамки, чтобы она не вела к нарушениям устава, не тормозила практической деятельности и положительной работы!

2

ОСОБОЕ МНЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦК,
ВНЕСЕННОЕ 17 (30) ЯНВАРЯ

Представители ЦК в Совете партии считают своим долгом подать особое мнение по вопросу о резолюции тов. Плеханова.

Представители ЦК глубоко убеждены, что эта резолюция не только не прекратит партийных раздоров, вносящих полный фактический раскол в партийную организацию, а, напротив, еще более усилит и разожжет их, сделает их хроническими, внесет дальнейшую дезорганизацию в положительную работу партии.

Эта резолюция, по своей сущности, представляет из себя не что иное, как выражение желания меньшинства партийного съезда изменить личный состав ЦК, причем игнорируется противоположное желание большинства партийного съезда.

Эта резолюция, по существу своему, является, по нашему твердому убеждению, продолжением изнутри Совета той политики, которой следовала оппозиция с самого партийного съезда, а эта политика была политикой бойкота, дезорганизации и анархии с целью добиться изменения состава центров, добиться таким путем, который не соответствует нормам сколько-нибудь правильной партийной жизни, который осужден теперь и общественным мнением революционной среды в виде резолюций большинства комитетов.

Эта резолюция выражает желание, чтобы ЦК опять начал переговоры с оппозицией. Переговоры тянутся уже 5 месяцев с лишним, внося полную деморализацию в партию. ЦК ваявил уже, что сказал свое последнее слово,

Представитель Ц.К. в Совет Народных
 комиссаров своим делом и делом своего имени
 не выходя из пределов З.С. Писарев.

Представитель Ц.К. Кудряков утверждает, что
 эта резолюция не имеет ни значения ни
 юридической силы, выходящая за пределы
 компетенции Ц.К. в вопросе организации,
 а потому не имеет силы. Он утверждает,
 что эта резолюция не имеет значения,
 потому что она не имеет значения, потому что
 она не имеет значения в вопросе
 организации Ц.К.

Эта резолюция, на своей сущности,
 представляющая из себя не что иное, как
 заявление о том, что Ц.К. не имеет
 права вмешиваться в вопросы
 организации Ц.К., потому что
 это не имеет значения в вопросе
 организации Ц.К.

Первая страница рукописи В. И. Ленина
 «Особое мнение представителей Ц.К., внесенное
 на заседании Совета партии 17 (30) января 1904 г.»

Уменьшено

согласившись еще 25 ноября 1903 г. на кооптацию двух в доказательство товарищеского доверия.

Переговоры стоили уже громадных затрат денежных средств на поездки и еще несравненно более важных затрат сил и времени революционеров, отвлекаемых от своей работы.

Представители ЦК считают себя не вправе теперь снова возобновлять эти бесконечные переговоры, порождающие новое недовольство с обеих сторон, вызывающие новые местнические счеты, мешающие самым страшным образом положительной работе.

Мы обращаем самое серьезное внимание на то, что такие переговоры являются полным перерывом правильного течения партийной жизни.

Мы заявляем, что ЦК возлагает всю ответственность за эти переговоры на меньшинство.

Мы заявляем, что решительно и безусловно не видим никакого иного способа честного и правильного выхода из настоящих партийных раздоров, иного способа прекратить эту недопустимую борьбу из-за состава центров, кроме созыва немедленно партийного съезда.

Вместе с тем мы находим, что после принятия резолюции тов. Плеханова наша, внесенная ранее, резолюция в сущности отрицается и становится совершенно бесполезной; поэтому мы берем ее обратно.

Члены Совета
Н. Ленин
Ф. Васильев

3

**ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СОЗЫВЕ III СЪЕЗДА ПАРТИИ
17 (30) ЯНВАРЯ**

Совет партии, убедившись, что центральные учреждения партии не в силах прекратить абсолютно ненормальные и дезорганизующие отношения внутри партии, создавшиеся после II съезда и продолжающиеся более пяти месяцев, постановляет созвать III съезд партии.

4

ПРОЕКТЫ РЕЗОЛЮЦИЙ, ВНЕСЕННЫЕ 17 (30) ЯНВАРЯ

I

Совет партии просит редакцию ЦО принять как можно скорей все зависящие от нее меры к тому, чтобы ЦК мог получить, в самом ближайшем будущем, те 5—6 тыс. рублей, о которых шла переписка между ЦО и ЦК и которые настоятельно требуются в данный момент центральной партийной кассой ввиду особо экстренных обстоятельств, созданных последними провалами в России.

II

Совет партии считает неправильной рассылку редакцией ЦО, без согласия и ведома ЦК, уполномоченных от редакции по комитетам, ибо такая рассылка вносит дезорганизацию в партию и нарушает совершенно установленное II съездом распределение функций между обоими центрами.

III

Совет партии считает неправильным сообщение редакцией ЦО, без согласия ЦК, сведений по комитетам о составе Центрального Комитета.

5

РЕЧИ О МЕРАХ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ МИРА В ПАРТИИ
15 (28) ЯНВАРЯ

I

Я выдвинул вопрос о мерах восстановления доброго мира и нормальных отношений в партии именно потому, что сумма недоразумений среди партийных работников достигла угрожающих размеров. Я не думаю, чтобы возможна была плодотворная партийная работа, если не будет существовать общей почвы, на которую могли бы опираться в своей деятельности различные члены партии, приводимые силою тех или иных обстоятельств ко взаимным недоразумениям. Ни для кого не тайна, что ненормальность отношений между отдельными членами или частями партии такова, что теперь трудно было бы говорить об *единой* социал-демократической рабочей партии, если бы не играть словами. Я могу, конечно, если понадобится, представить подробные доказательства в подтверждение этого положения (вспомним, например, многие эпизоды из деловой переписки ЦК и ЦО), но, может быть, ввиду общеизвестности утверждаемого мною факта, лучше было бы сейчас не прибегать к подобным щекотливым иллюстрациям. Итак, нам надо попытаться принять более решительные меры к устранению основного зла. Иначе получается такое положение дел, при котором по поводу самого простого, самого обыкновенного партийного акта будет возникать в высокой степени нежелательный обмен мнений с систематическим подбором весьма сильных выражений и самых отборных... как бы это помягче выразиться... комплиментов, что ли... Хотя может показаться, что я имею поползновение посягнуть в некотором роде на «свободу языка», но ведь суть-то в том, что и в области действий не все обстоит благополучно. Как члены Совета,

имеющие главным своим назначением объединять внутри партии то, что имеет тенденции к разъединению, мы должны попытаться устранить препятствующие ходу партийных работ трения, а при желании это было бы не невозможно. Итак, я спрашиваю, нельзя ли принять каких-либо мер против некоторых приемов борьбы внутри партии, которые низводят эту последнюю до положения дезорганизованной группы, которые превращают ее в простую фикцию. Быть может, Совет мог бы принять в интересах общего дела резолюцию, проект которой, набросанный мною, я сейчас прочту. Я считаю важным в принципиальном смысле такого рода решение Совета, которое преследовало бы цель устранения и осуждения недопустимых форм борьбы между различными несогласными между собою по тем или иным вопросам единицами или группами в среде партии. Повторяю, что теперешнее положение слишком ненормально и нуждается в коррективах. (Аксель род: «Мы все в этом согласны».) Прошу секретарей внести замечание т. Аксельрода в протокол.

Теперь я прочту проект предлагаемой мною резолюции*.

Вот проект, который я вношу от имени ЦК за подписью обоих его представителей и который мог бы послужить поводом не для решения каких-либо частных вопросов об устранении тех или иных разногласий между членами партии, а для создания общей почвы под ногами работающих в интересах одного общего дела русских социал-демократов.

II

Я с удовольствием убедился из речей обоих представителей ЦО, что они в принципе одобряют необходимость решительных мер к установлению фактического единства в партии. Это уже создает известную общую почву между нами. По поводу же предложения т. Плеханова я считаю нужным сказать следующее: т. Плеханов предлагает мне выделить из моего проекта резолюции наиболее существенные практические меры, направленные для устранения констатированного в жизни партии зла, и указывает при этом на то, что резолюция эта имеет характер воззвания; да, действительно, мое предложение имеет характер

* См. настоящий том, стр. 129—131. Ред.

воззвания, но ведь оно как раз на это и рассчитано. Идея этого «воззвания» состоит в том, чтобы Совет от имени обоих центров высказался за отграничение допустимых в партии форм борьбы от недопустимых. Я знаю, что, вообще говоря, самая-то борьба неизбежна, но ведь есть борьба и борьба. Есть такие приемы борьбы, которые совершенно ненормальны и недопустимы в сколько-нибудь жизнеспособной партии. И т. Мартов справедливо сказал, что кроме борьбы идей было еще и то, что он назвал «организационными осложнениями».

Мы же, собравшиеся здесь не для борьбы, а для устранения ненормальных условий в жизни партии, можем и должны воздействовать на других наших товарищей авторитетным указанием о границах допустимой внутри партии борьбы. Но я ве знаю других способов воздействия, как воззвание. Выделение практических предложений тут не имело бы смысла. По поводу же заявления представителей ЦО, что я, констатируя ненормальность в партийной жизни, не касаюсь причин такого рода ненормальности, я должен сказать, что выбрал я эту позицию не случайно, а совершенно сознательно, опасаясь того, что если мы только хоть чуть-чуть коснемся сейчас этого, и без того весьма запутанного, клубка, то не только его не распутаем, а еще больше лишь запутаем. Ведь нельзя же в самом деле забывать, что мы являемся по отношению к этому клубку двумя одинаково заинтересованными и весьма субъективно настроенными сторонами, так что если и пытаться распутать его, то во всяком уж случае не нам, а тем, кто к делу его запутыванья был совершенно непричастен. С нашей же стороны такого рода попытка привела бы нас к переборке всевозможных документов, что, при настоящем составе Совета, повело бы лишний раз к... свалке.

Возьмем за исходный пункт наших рассуждений то, что есть, так как вычеркнуть действительность нельзя, и я охотно готов согласиться с т. Мартовым, что уничтожить все разногласия и столкновения каким-нибудь душеспасительным словом нельзя. Это верно, но кто же сможет явиться судьей такого сорта печальных сторон нашей партийной жизни? Я думаю, что такая роль может принадлежать во всяком случае не нам самим, а большому числу людей, — преданных делу практических работников

революционеров, не участвовавших в свалке. Осторожно обходя вопрос о причинах наших раздоров, я позволю себе, однако, пояснить свою мысль одним примером из области нашего недавнего прошлого. Борьба тянется уже 5 месяцев. За этот период времени было уже, как я думаю, до 50 человек посредников, пытавшихся положить конец партийным раздорам, но я знаю лишь одного, деятельность которого в этом направлении имела, хотя и очень скромные, но все же относительно счастливые результаты. Я говорю о т. Травинском⁴⁴, относительно которого следует заметить, что это человек, по уши, так сказать, погруженный в положительную практическую революционную работу, так что его внимание почти целиком было сосредоточено на этой работе, и что он не участвовал в распри. Этими счастливыми обстоятельствами только и можно, пожалуй, объяснить некоторую небезрезультатность его примирительных попыток. Я думаю, что при участии такого сорта людей в анализе причин партийного неблагополучия возможно было бы распутать тот клубок, перед которым мы теперь в недоумении стоим. Мы же должны остерегаться входить в разбор тех или иных причин распри, ибо это, помимо нашей воли, могло бы повести нас к нанесению (по выражению т. Мартова) друг другу новых ран в дополнение к многочисленным старым, еще очень далеким от заживления. Вот почему я против анализа причин и стою за изыскание средств, которые могли бы, по крайней мере, заключить способы борьбы в более или менее допустимые рамки. Одно из двух: если в этом направлении можно что-нибудь сделать, то следует попытаться это сделать, а если нет, если нельзя подействовать на борющиеся стороны путем авторитетного убеждения, то остается одно — обратиться к тем третьим лицам, стоящим вне поля боевых действий и осуществляющим свои положительные практические задачи, о которых я уже говорил. Сомневаюсь, чтобы мы сами могли убедить себя в правоте той или другой стороны. Мне кажется, что это невозможно.

III

Я не совсем понимаю предложение т. Плеханова. Когда он говорит о том, что нужно принять какие-нибудь практические меры, то ведь в моем проекте уже имеется

указание на возможность такой практической меры. Нужно только сказать, авторитетно сказать, что нормальная борьба, идейная борьба, борьба, которая ведется в известных границах, — допустима, но не допустимы: бойкот, отказ от работы под руководством ЦК, отказ от поддержки денежными средствами центральной партийной кассы и т. д. Говорят, что словами мы никого не убедим. Я тоже не возьму на себя смелости утверждать, что это было бы достаточно для установления добрых отношений между двумя частями партии, потому что болезнь, которую приходится лечить, действительно застарелая, потому что, как выражается т. Мартов, между обеими частями партии действительно выросла очень прочная стена. Может быть, этой стены нам, создавшим ее, и не сломать, но ничего нет невозможного в том, что мы, сильнее всего наносившие друг другу раны, — мы, как члены Совета, своим авторитетным воззванием удержим товарищей от недостойных форм борьбы. В деле же разрушения стены, на мой взгляд, время сыграет такую роль, что все дальнейшее пойдет на убыль. А что касается того, что некоторые места воззвания обеими сторонами могут быть истолкованы по-своему, то, на мой взгляд, что бы мы тут ни сказали, все, может быть, будет истолковано по-своему. (Аксельрод: «Поэтому нужно не только говорить, но и сделать».) Затем, почему т. Аксельрод думает, что мое предложение может оказаться лишь новым источником борьбы — этого я не понимаю. Повторяю, что выросшей между двумя частями партии стены мы не ломаем, ибо мы сами приложили много усилий к созданию ее, но свалить эту стену могли бы те из наших товарищей, которые, будучи заняты практической работой, стоят в стороне от наших раздоров. Тов. Мартов, как я с удовольствием сегодня в этом убедился, в принципе согласен с этим положением — о возможной полезной роли в деле нашей распри посторонних по отношению к этой распри других наших товарищей. Но помимо этого, мне думается, что уже один факт соглашения между представителями центральных учреждений насчет того, что так-то бороться можно, а так-то нельзя — уже одно это могло бы пробить первую брешь в разделяющей обе стороны стене, после чего существующая ненормальность в партийной жизни могла бы пойти на убыль.

IV

Предложение т. Плеханова вызвало во мне очень смешанное чувство. Заговорив о причинах борьбы, он как раз пришел этим путем к тем самым ранам, нанесение которых нами друг другу констатировал и т. Мартов. Я в своем проекте делаю попытку отграничить допустимое в нашей борьбе от недопустимого, с чьей бы стороны нападения ни исходило. Если бы мы заговорили о том, когда, от кого, что исходило, то этим самым мы положили бы начало конца, т. е. конца нашей беседы. Судить нам самих себя — просто уж психологически, морально совершенно невозможно. Если мы опять станем обсуждать здесь причины обострившихся отношений между членами партии, то сможем ли мы сами-то подняться над уровнем мелких дряг. (Аксельрод: «Сможем!».) Я не разделяю оптимизма т. Аксельрода. Тов. Плеханов при разборе причин, вызвавших партийный раскол, дал свое толкование фактам, с которым я не согласен. Если же мы начнем споры, то придется вытащить протоколы и обратиться туда за справками. Так, например, т. Плеханов говорит, что по вопросу о выборе в центральные учреждения съезд разделился почти на равные части, что один член съезда, отошедший от большинства к меньшинству, установил тем самым факт равночисленности обеих половин съезда, что таким образом ЦК представляет лишь одну часть партии и т. д. Но ведь так же рассуждать нельзя; невозможно же в самом деле говорить о существовании будто бы одной лишь части партии, которая выбрала Центральный Комитет. Многие, может быть, теперь голосовали бы по некоторым вопросам не так, как голосовали на съезде. А быть может, я бы и сам голосовал по многим вопросам иначе. Но это не означает, что возможные в этой области перемены и новые комбинации отрицают как-нибудь результаты прежних голосований. Поскольку же речь идет о борьбе, то всегда существует разделение целого на части. Да, ЦК *теперь*, а не на съезде, является представителем части, но я хорошо знаю, что, по мнению товарищей, и ЦО есть в таком же смысле представитель лишь одной части. Только с одной точки зрения я мог бы признать выражение т. Плеханова правильным, это именно с точки зрения действительно существующего раскола. Не потому, что

съезд в чем-то виноват, можно говорить о «ненормальности» состава того или иного центрального учреждения, но только потому, что при наличии таких-то и таких-то обстоятельств люди не желают совместно друг с другом работать... Таким образом, едва только мы коснулись причин ненормальности, как мы опять приходим к необходимости разматывать такой клубок, который не только не сможем распутать, а еще больше запутаем. То, что составом ЦК многие недовольны, это верно; но в такой же мере верно и то, что имеется целый ряд лиц, недовольных настоящим составом Центрального Органа. На вопрос т. Мартова, допустимо ли «разрушение» существующих организаций, я бы сказал: «Да! перестройка организаций вполне допустима!». Допустимо ли отстранение компетентным партийным учреждением того или иного лица от того или иного вида революционной работы? — я отвечаю: «Да, допустимо!». Но если я спрошу, а почему и как возникло то или иное «посягательство» на целостность и ненарушимость какой-нибудь организации, почему не получил доступа такой-то в такую-то область партийного дела и т. д., — я этим снова проткну руку к тому самому клубку, распутать который нам не по силам. Таким образом и по вопросу о допустимости или недопустимости «разрушения» организаций мы снова приходим к разногласиям. Все это доказывает, что рассуждать сейчас о причинах наших распрей было бы совершенно бесполезной и даже вредной тратой времени. Вернусь к вопросу о пропорциональном представительстве. Говорить о нем можно было бы, только исходя из признания уже существующего раскола. Мы являемся здесь представителями двух борющихся сторон... (П л е х а н о в: «Мы собрались сюда, как члены Совета, а не как борющиеся стороны».) Замечание т. Плеханова противоречит его собственной резолюции, в которой говорится о существующей внутри партии распре, расколовшей партию на две половины, причем одна половина, по словам резолюции, совершенно не представлена в таком центральном учреждении, как Центральный Комитет. Конечно, официально мы не являемся представителями двух борющихся сторон, но, поскольку это представительство вытекает из хода наших дебатов, я имел логическое право говорить о нем. (П л е х а н о в: «Вы выразились, что мы собрались сюда как представители двух борющихся

сторон, и по этому поводу я и сделал свое замечание.) Не отрицаю, может быть, я выразился и не совсем точно... (Плеханов: «Вы выразились неправильно».) Может быть, я выразился и неправильно, не стану оспаривать этого. Я только утверждаю, что резолюция т. Плеханова переводит спор на почву фактического признания раскола. Мы раскололись, это я констатирую. Если бы это было не так, то резолюция была бы незаконна. Большинство партии и составом ЦО недоволено, составом, в котором 4 из 5 принадлежат к меньшинству. Со стороны ЦК могла бы возникнуть такая же претензия об изменении состава ЦО, какая предъявляется теперь к Центральному Комитету. По своему существу резолюция т. Плеханова равняется заявлению условий лишь одной стороны... (Плеханов: «Я не принадлежу ни к большинству, ни к меньшинству».) Тов. Плеханов сказал нам, что он не принадлежит ни к большинству, ни к меньшинству, но кроме него никто в Совете этого не скажет. Рассуждая формалистично, с точки зрения устава, резолюция, предложенная т. Плехановым, незаконна. Но, повторяю, по существу она может быть понята постольку, поскольку она исходит из факта раскола. Но раз одна сторона выражает свои «условия», то и другая сторона имела бы право точно так же выставлять свои «условия». Мы не выше «обеих сторон», а именно эти «обе стороны». Поэтому, раз мы станем на почву признания фактического уже раскола в партии, то для разрешения наших споров и «недоразумений» мы должны признать лишь одно радикальное средство — обратиться к третьим лицам. В партии есть люди, как я это уже говорил и раньше, люди, которые ваныты положительной работой и которые не участвовали в борьбе «большинства» и «меньшинства». К этим-то людям только и можно обратиться.

V

Я не согласен ни с Мартовым, ни с Плехановым. Они говорят, что о незаконности такой резолюции и речи быть не может, и приводят два довода. 1) Довод Мартова заключался в указании на то, что Совет есть высшее учреждение партии. Но ведь Совет ограничен в своей компетенции специальными постановлениями устава, о чем

в свое время сильно постарался и сам т. Мартов. 2) Второй довод заключается в том, что Совет предложенной резолюцией выражает лишь свое мнение и пожелание. Совет, конечно, может высказать свое мнение и выражать свои пожелания, но не посягая на то-то и то-то. (Плеханов: «Конечно! Конечно!».) Совет может только предложить кооптацию ЦК, но тогда ЦК потребует изменить состав Центрального Органа. Я при известных условиях готов согласиться с пропорциональным представительством. Но я спрашиваю, существует ли в ЦО пропорциональное представительство? Состав ЦО таков: 1 на 4, и то этот один не принадлежит ни к большинству, ни к меньшинству. Центральный Комитет предложил в свое время 2 на 9;⁴⁵ это было в эпоху полного разброда, накануне раскола. Всякое несогласие есть в известном смысле раскол, а когда две части не хотят совместно работать, тогда это фактический раскол. Только с точки зрения раскола мы могли бы признать смысл за резолюцией т. Плеханова. На нее можно было бы смотреть, как на *ultima ratio**, но в таком случае обе стороны могли бы иметь одинаковое право на изменение состава центральных учреждений. Я твердо убежден, что и ЦК недоволен составом Центрального Органа. Как только мы коснемся вопроса о бывшем съезде, то произойдет столкновение, и мы ни к чему не придем. Так, например, Плеханов говорит, что съезд не выбрал третьего в редакцию якобы потому, что такого третьего не было. Я утверждаю, что съезд не выбрал третьего потому, что был убежден, что т. Мартов войдет в редакцию. То же самое можно сказать и о составе Совета. Многие на съезде думали, что т. Мартов войдет в состав Совета в качестве члена редакции. Большинство может сказать и скажет, что раз речь идет о пропорциональном представительстве, то нужно пополнить ЦО еще шестью членами из так называемого большинства. Но такого сорта рассуждения не приближат нас к желаемому концу, ввиду этого я полагаю, что резолюция т. Плеханова хуже моей. Моя резолюция о «допустимом и недопустимом» имела бы то значение, что мы, как представители борющихся сторон, предложили бы остальным товарищам не выходить из рамок дозволенных форм борьбы.

* — последнее средство. *Ред.*

Мы не должны стоять на одной только юридической точке зрения, ибо по существу дела наше общее признание ненормальности отношений в партии равняется признанию того, что мы — две борющиеся стороны, Центральный Орган и Центральный Комитет. (Плеханов: «Здесь не заседание редакции, а заседание Совета».) Да, я не забываю этого. С юридической точки зрения мы не можем говорить о пропорциональном представительстве в центральных учреждениях. Но и с политической точки зрения оперировать с этой мыслью нецелесообразно, потому что нам придется принять во внимание желание одной стороны, не выслушав желания другой. Между нами нет того третьего, который мог бы решить наш спор. А между тем только мнение этого третьего могло бы иметь значение и политическое, и моральное. Раскол фактически существует, и мы накануне формального раскола, если меньшинство будет продолжать, не разбирая средств, добиваться своего превращения в большинство.

6

РЕЧИ О МЕРАХ
ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ МИРА В ПАРТИИ
16 (29) ЯНВАРЯ

VI

Я считаю необходимым ответить, главным образом, на те обстоятельные возражения, которые сделал мне т. Мартов; но, чтобы не оставить без ответа и возражений т. Плеханова, я вкратце коснусь сначала этих последних. Мне показалось, что он принципиально стоит на точке зрения пропорционального представительства... (Плеханов: «Нет!».) Может быть, я его не понял, но мне так показалось. У нас, в партийной организации, принцип пропорционального представительства не принят, и единственным критерием законности состава того или иного учреждения, члены которого выбраны на съезде, является ясно выраженная воля большинства съезда. Но тут говорят, что законные выборы на съезде создали такое «законное» положение дел, которое хуже незаконного. Это верно, но почему? Потому ли, что большинство было незначительно, или потому, что меньшинство создало фактический раскол? Когда говорят, что ЦК выбран только 24-мя голосами, т. е. при ничтожном перевесе большинства, и что будто бы в этом обстоятельстве как раз и кроется причина всех дальнейших неприятных осложнений в партийной жизни, то я утверждаю, что это неверно. Что же касается замечания т. Плеханова о моем «формалистическом мышлении», якобы не позволяющем мне взглянуть в корень вещей, то я, право, недоумеваю, что это, собственно говоря, означает? Может быть, «корень вещей» лежит в съезде? В таком случае мы все являемся формалистами, ибо, перенося мысль к съезду, должны исходить из его формальных постановлений. Если же «корень вещей» лежит вне съезда, то где же именно? Действительно, вышло так, что

положение дел в партии получилось хуже, чем незаконное (это очень серьезные слова), но весь вопрос именно в том, почему же так вышло? виноват ли в этом съезд, или обстоятельства, воспоследовавшие за съездом? К сожалению, такой постановки вопроса т. Плеханов не делает.

Теперь я обращаюсь к словам т. Мартова. Он утверждает, что со стороны меньшинства нет и не было нежелания работать вместе. Это неверно. В течение трех месяцев — сентября, октября и ноября — многие представители меньшинства фактически доказали, что они не желают вместе работать. В таких случаях бойкотируемой стороне остается лишь один способ — прибегнуть к договору, к сделке с отстраняющейся от работы «обиженной» оппозицией, ведущей партию к расколу, потому что самый уже этот факт самоотстранения от совместной работы есть не что иное, как раскол. Когда люди прямо заявляют, что мы, мол, не хотим с вами вместе работать, и тем самым на деле доказывают, что «единая организация» — простая фикция, что она уже, собственно говоря, разрушена, то они выдвигают, таким образом, если и не убедительный, то, поистине, *сокрушительный* довод... Перехожу ко второму возражению т. Мартова — относительно выхода из Совета т. Ру⁴⁶. Вопрос этот распадается на два отдельных вопроса. Во-1-х, законно ли было назначение Ру в члены Совета от редакции, хотя Ру не был членом редакции? Я думаю, что законно. (Мартов: «Конечно, законно!».) Прошу занести в протокол замечание Мартова. Во-2-х, сменяемы ли члены Совета по воле пославших их учреждений? Это вопрос сложный, который можно толковать и так и этак. Во всяком случае указываю на то, что Плеханов, оставшийся единственным членом редакции с 1 ноября, не сменил Ру с должности члена Совета вплоть до 26 ноября, когда были кооптированы Мартов и К⁰. Ру ушел сам, чтобы уступить, не поднимая спора, связанного с его личностью. (Плеханов: «Мне кажется, что споры о т. Ру теперь неуместны. Вопрос этот не стоит в нашем порядке дня, и я не знаю, зачем нам тратить драгоценное время на дебаты по этому, в данном случае постороннему для нас, вопросу».) Я должен заметить, что т. Мартов в прошлом заседании просил занести в протокол сделанное им разъяснение по этому вопросу, — разъяснение, с которым я совершенно не согласен, и если другой стороне не позволят высказать свое

мнение по тому же вопросу, то этот последний получит, таким образом, здесь, в Совете, неправильное, одностороннее освещение. (Плеханов: «Я ставлю на вид, что вопрос этот не стоит на очереди и не имеет прямого отношения к главному предмету нашего совещания».)

Ленин, протестуя против такой формулировки, апеллирует к Совету за разрешением вопроса о его (Ленина) праве, возражая Мартову, дать свое освещение факту, столь различно здесь толкуемому. (Плеханов снова указывает на неуместность в данном случае прений по вопросу о Ру.)

Ленин настаивает на своем праве обращаться к Совету за разрешением ему говорить по вопросу, который был уже поднят в Совете и вызвал дебаты. (Мартов: «Ввиду того, что т. Лениным затронут очень важный вопрос о праве коллегий, представленных в Совете, отзываться своих делегатов, я заявляю, что внесу особое предложение о решении этого вопроса раз навсегда. Быть может, это заявление удовлетворит Ленина и побудит его из настоящих дебатов устранить вопрос о Ру».)

Тов. Мартов не только не опровергает, но подтверждает основательность моего намерения подвергнуть теперь же вопрос о выходе т. Ру из Совета надлежащему освещению. Констатирую, что мои объяснения по этому вопросу были лишь ответом на соответствующие замечания т. Мартова. (Плеханов ставит на вид Мартову и Ленину, что вопрос о Ру не подлежит сейчас обсуждению, как не входящий в круг вопросов, на которых в настоящую сессию Совета должно быть сосредоточено внимание членов Совета.) Я протестую против замечания т. Плеханова о неуместности здесь обсуждения вопроса о т. Ру, который стоял на почве несменяемости членов Совета, так что выход Ру из Совета должен быть рассматриваем, как уступка его оппозиции в интересах доброго мира в партии. (Плеханов: «Раз Совет ничего не имеет против обмена мнений по вопросу о т. Ру, то я предлагаю Ленину продолжать говорить об этом».) Я уже кончил. (Плеханов: «Если вы кончили, то я предлагаю Совету перейти к обсуждению предложенных вчера т. Лениным и мною резолюций».)

Я согласен с т. Мартовым, что резолюции Совета имели бы не юридическое, а моральное значение. Тов. Плеханов выразился, что желательно было бы, если бы я вошел в редакцию. (Плеханов: «Этого я не говорил».) По

крайней мере, у меня именно так записаны ваши слова: «Было бы лучше всего, чтобы Ленин вошел в редакцию, а ЦК кооптировал трех». (Плеханов: «Да, я сказал, что при известных условиях, для умиротворения партии, допустимо вступление в редакцию т. Ленина и кооптация представителей меньшинства в Центральный Комитет».)

Отвечая на заданный мне здесь вопрос, какое именно изменение состава редакции ЦО считается желательным, мне легко было сослаться на мнение «большинства», которое высказывалось за желательность выхода из редакции тт. Аксельрода, Засулич и Старовера. Затем я должен сказать, что в действиях ЦК не было ни единого факта отстранения кого-нибудь от партийной работы. Точно так же не могу оставить без протеста заявление т. Мартова о том, что ЦК стал орудием войны одной стороны против другой. Центральный Комитет назначен был орудием исполнения партийных функций, а не орудием «войны одной стороны против другой». Такое утверждение т. Мартова совершенно противоречит фактам. Ни единым фактом не докажет никто, чтобы ЦК начинал и вел «войну» против меньшинства. Наоборот, меньшинство, начав бойкот, повело войну, вызывавшую неизбежный отпор. Затем, я протестую и против утверждения, что будто бы существующее недоверие к ЦК больше мешает ЦК, чем недоверие к ЦО мешает мирной положительной работе. Относительно того, что центр неурядицы находится будто бы не за границей, а в России, как на этом настаивает т. Мартов, я должен заметить, что партийные документы покажут обратное. Тов. Мартов, ссылаясь на документ от 25 ноября, сказал, что ЦК в принципе сам признал односторонний характер своего состава, согласившись на кооптацию двух из меньшинства. Я протестую против такого толкования этого документа, ибо и сам участвовал в составлении его. Акт ЦК имел совершенно другое значение. Не в силу признания односторонности своего состава ЦК решался на кооптацию двух, а потому, что мы видели полный фактический раскол в партии. Правильно или неправильно мы представляли себе положение дел — это другой вопрос... До нас тогда доходили слухи, что готовится издание нового органа... (Плеханов: «Если мы будем ссылаться на слухи, то мы никуда не придем». Аксельрод: «А я слышал, что теперь готовится к изданию новый орган...».)

Я обращаюсь к Совету: раз бумага ЦК⁴⁷ истолкована т. Мартовым в известном смысле, то я вынужден выставить по этому же поводу свое толкование... Я не понимаю, почему мое замечание вызвало здесь такое волнение. (Плеханов: «Речь идет не о волнении, а о том, что ссылки на слухи здесь неуместны».) Могут сказать, что мои мотивы неосновательны. Возможно! Но я по всяком случае констатирую, что эти мотивы имели именно тот характер, какой я только что указал.

Я продолжаю по существу: т. Мартов заподозрил мотивы ЦК, соглашавшегося на кооптацию двух. А я констатирую, что ЦК исходил из мнения, что уже существует фактический раскол в партии и что мы накануне полного формального раскола в смысле особого издательства органа, особого транспорта и особой организации в России. Теперь же скажу к порядку: т. Мартов сделал замечание по существу, а не к порядку. Обращаюсь к Совету с вопросом: правильно ли было в данном случае действие председателя?

VII

Тов. Мартов заявил, что я будто бы сразу начал с полемики вместо того, чтобы мирно и спокойно приступить к обсуждению общего вопроса об изыскании мер для умиротворения партии. Я с этим не согласен, потому что *начал*-то полемику не кто иной, как сам т. Мартов. В проекте моей резолюции нет ничего полемического. Недаром же т. Аксельрод назвал эту резолюцию «пастырским воззванием». А как известно, в пастырских воззваниях полемики не бывает. И действительно, у меня там шла речь только о том, в каких границах должна вестись внутрипартийная борьба, какие формы такой борьбы можно счесть допустимыми и какие должны быть признаны недопустимыми и представляющими опасность не только для нормального хода партийной жизни, но даже и для самого существования партии. При этом я тщательно старался обойти такую постановку вопроса, которая могла бы повести нас к новой бесплодной полемике, — я старался в своем предложении не исходить из оценки тех приемов борьбы, которыми уже ознаменовалась чуть ли не полугодовая война между двумя частями партии. Тов. же Мартов не пожелал удержаться на этой почве и пустил в ход полемику. Но я все-

таки готов буду, если угодно, потом вернуться к тому, с чего я начал. Теперь же укажу на следующее. Тов. Мартов сослался на то, что Травинский приветствовал кооптацию в состав редакции ее старых членов. Я считаю нужным подчеркнуть здесь то обстоятельство, что частные разговоры или переговоры значения не имеют. Все официальные переговоры велись Травинским письменно. Частные же заявления его неправильно, повидимому, поняты т. Мартовым, и я в *другое время*, если встретится надобность, могу доказать это.

Затем т. Мартов выразился так, что в деятельности ЦК много разных недостатков; этим самым т. Мартов опять-таки вступает в область полемики. Может быть, в деятельности ЦК и есть недостатки, но критика этой деятельности со стороны представителя ЦО есть именно не что иное, как полемика. Я, например, в свою очередь, нахожу деятельность ЦО сбившейся с прямого пути, но я все-таки начал здесь не с критики того направления, которое приняла деятельность ЦО, а с заявления, что между ЦК и ЦО существует *обоюдное* неудовольствие. Я протестую затем против утверждения, что моя резолюция, будучи принята Советом, сделала бы этот последний «орудием войны». В моем воззвании говорится только о том, какие формы борьбы допустимы и какие недопустимы... При чем же тут «орудие войны»? Тов. Аксельрод сказал, что я «начал ва здравие, а кончил за упокой», и упрекнул меня в том, что я обратил все свое внимание на доказательство существования в партии раскола. Но ведь мы вчера еще начали с констатирования раскола... Затем, в подтверждение того, что центр неурядицы находится не за границей, т. Мартов процитировал письмо т. Васильева от 12 декабря, в котором говорится, что в России настоящий ад⁴⁸. Замечу на это, что «создать ад» могут и не сильные группы, ибо именно мелкие и мелочные дразги всего чаще и всего легче создают большие препятствия работе. Я уже упоминал мое письмо от 13 сентября к одному из бывших редакторов. Письмо это я приведу в печати⁴⁹. Тов. Плеханов говорит, что слово «болото» оскорбительно. Напомню, что и в немецкой социалистической литературе и в немецкой партии на съездах термин *versumpft** вызывает иногда

* — болотный. Ред.

насмешки, но никогда — вопли об оскорблении. Ни я, ни т. Васильев, употребляя это слово, не думали никого оскорблять. Когда говорят о двух сторонах с определенным направлением, то нерешительных и колеблющихся между этими двумя направлениями характеризуют термином «болото», вместо которого можно было бы сказать, пожалуй, «золотая середина».

Назвать ЦК эксцентричным — это, может быть, остроумно, но тоже ведет к полемике. Ведь в таком же смысле я мог бы выразиться и о Центральном Органе. Мне указывают, что мое «воззвание» является гомеопатическим средством против аллопатического зла. Я и не отрицаю того, что предлагаемое мною средство является лишь паллиативом, но ведь аллопатических средств нам *здесь* не найти. Когда вы заводите речь о необходимости «аллопатических», радикальных средств против существующего зла, то идите в таком случае до конца. Оно есть, такое средство, и это единственное радикальное средство — не что иное, как *съезд*. Мы уже пять месяцев тщетно сталкиваемся между собою («это неверно!»)... нет, это верно, и я это вам документально докажу... Мы начали сталкиваться с 15 сентября и до сих пор еще не сталкивались. В таком случае не лучше ли обратиться к той коллегии, о которой вчера говорил и т. Мартов, а такой коллегией может быть только съезд партийных работников. Партийный съезд — это именно та коллегия, которая решает вопрос о «дирижерской палочке». На съезде мы присутствуем, чтобы, между прочим, «драться» и из-за «дирижерской палочки» (не в грубом, конечно, смысле слова). Там происходит борьба путем билетиков, путем сношений с товарищами и т. д., и там такая борьба из-за состава центров — допустима, а вне съезда она не должна была бы иметь места в партийной жизни.

Итак, если мое «пастырское послание» есть паллиатив, то другого средства, более радикального, нет, как только съезд, если вы не хотите сделать зло хроническим. Тов. Аксельрод указывал, что в Западной Европе представители центральных учреждений считаются с оппозицией к их политике даже в самых захолустных уголках партии и путем переговоров с нею стараются уладить возникшие конфликты... Но то же самое делает и наш Центральный Комитет. Центральный Комитет посылал за этим двух

своих членов за границу⁵⁰, ЦК десятки раз сговаривался с разными представителями оппозиции, доказывая им нелепость их доводов, вымышленность их опасений и проч. и проч. Следует заметить, что это невозможная потеря сил, денег и времени, и в этом смысле мы, действительно, ответственны перед историей.

Переходя снова к вопросу о практических предложениях, повторяю, что у вас есть только одно радикальное средство ликвидировать этот печальный период полемики — съезд. Моя резолюция была рассчитана на то, чтобы ввести борьбу внутри партии в более нормальные рамки... Говорят, что заноза все равно останется, что болезнь лежит глубже... В таком случае только созывом съезда можно выдернуть всю занозу.

VIII

Смешно говорить об оскорбительности требования, которое сводится к определенности и точности. Мы десятки раз видели (и особенно на съезде Лиги), к какой тьме недоразумений и даже скандалов приводят неправильные изображения частных разговоров. Странно было бы отрицать этот факт. Я заявляю, что частные разговоры т. Травинского неправильно поняты и представителем ЦО и отчасти т. Плехановым. Вот что, между прочим, пишет мне т. Травинский в письме от 18 декабря: «Только что получено известие о рассылке редакцией официального письма по комитетам самого *нехорошего* (я смягчаю более сильное выражение) свойства. Там редакция прямо идет на ЦК, угрожает, что путем Совета она и теперь могла бы заставить кооптировать кого ей угодно, но не хочет еще пускаться на такие меры и обращается к комитетам с указанием на семейственность, недееспособность ЦК, на незаконность кооптации Ленина... Масса выходок личного характера. Словом, возмутительное и... (я опять-таки пропущу слишком резкое выражение) нарушение всех обещаний, данных мне. Я возмущен до крайности. Неужели Плеханов в этом участвовал? Екатеринославский комитет глубоко возмущен этим письмом и послал очень резкий ответ... Теперь меньшинство безумно рвет связующие нити. Письмо, разосланное по комитетам, является, по-моему, последней каплей и открытым

вызовом. И что касается лично меня, то я нахожу, что Ленин имеет полное право издать свое письмо вне «Искры». Думаю, что и другие товарищи ничего не будут иметь против этого».

Вот обстоятельства, доказывающие, что о мнении т. Травинского составлено неверное представление. Тов. Травицкий мог *предполагать* кооптацию, надеясь на водворение доброго мира в партии, но надежды его совершенно не оправдались.

Оказалось, что редакция Мартова и товарищей вместо мира начала войну с большинством. А Травинский надеялся и мог надеяться на мир.

Оказалось, что попытки Плеханова удержать «анархических индивидуалистов» не увенчались успехом (вопреки его усилиям). Поэтому надежды, которые питали и я и Травинский, надежды на то, что Плеханову удастся удержать новую редакцию от войны с большинством, эти надежды не оправдались. Это только доказывает, что не все надежды оправдываются; я и сам ушел из редакции, надеясь на то, что это будет способствовать миру, но и мои надежды не оправдались. Факта частных переговоров никто не отрицает, нужно только различать выражения надежды, чаяния отдельных лиц от решения целых коллегий. Ничего нет оскорбительного для членов Совета в моем замечании относительно того, что здесь неудобно делать выводы из частных переговоров. Я решительно отвергаю, что т. Травинский категорически обещал кооптацию в Центральный Комитет. Несомненно, что он уехал с надеждой на мир и в результате этого мира мог предвидеть кооптацию, но не обещать ее категорически.

Против моего воззвания т. Мартов выдвигает аргумент, что оно заключает в себе нападки только одной стороны. Ничего подобного. Наконец, я могу внести дополнительную резолюцию и изменить те выражения, которые не нравятся т. Мартову, но его утверждение, что моя революция односторонняя — это какой-то *nonsense**. Раньше по адресу моей резолюции говорилось, что она смахивает на пастырское послание, что она полна трюизмов и т. д., но никто не приписывал ей тенденцию нанесения новых ран. Тов. Мартов упрекает меня в том, что я уклоняюсь

* — бессмыслица. Ред.

от прямого ответа на предложенный т. Плехановым вопрос, желает или не желает ЦК кооптировать представителей «меньшинства». Каким образом мы могли бы дать вам ответ на поставленный вопрос, если мы не знаем, как теперь на этот вопрос смотрят все остальные из 9 членов Центрального Комитета. (Плеханов: «Вы не поняли т. Мартова».) Говорить, что я умышленно уклоняюсь, — это смешно. Я и не мог дать того ответа, за отсутствие которого меня упрекают в уклончивости. Я определенно сказал, что недовольство составом центральных учреждений обоюдное. Надо же считаться с мнением и других товарищей. Мне говорят: нужно столкнуться, но мы сталкиваемся уже пять месяцев. Поэтому предположение т. Мартова, что ЦК, предлагая съезд, тем самым расписывается в своей собственной несостоятельности и бессилии — просто смешно. Разве не было уже сделано всех возможных попыток со стороны ЦК разрешить конфликт домашними средствами? «Центральный Комитет обнаружит свою неспособность»... Неспособность к чему? к борьбе? к созданию мира в партии? О, да! И мое, раскритикованное здесь, предложение это показало воочию. Ваша резолюция говорит об отнятии, так сказать, территории у противника, но ведь такое требование ведет к контртребованиям, и я даже так поставлю вопрос: вправе ли ЦК начать снова переговоры на этих началах? Ведь есть комитеты, *порицавшие* ЦК за уступки Лиге⁵¹. Вы хотите, чтобы мы считались с меньшинством, *не считаясь* с большинством. Это забавно. А уклонение от съезда при таких условиях было бы похоже на боязнь съезда. Вот почему мы признаем свое бессилие, но не в том смысле, как это понимает т. Мартов. Центральный Комитет действительно бессилен уладить раздоры в партии, и поэтому-то мы и обращаемся к Совету с предложением созвать съезд. Затем, чисто юридический вопрос о праве созыва съезда Советом т. Мартовым толкуется в высшей степени неправильно. В уставе сказано: «Съезд созывается (по возможности не реже одного раза в 2 года) Советом партии». Значит, Совет *вправе* созвать съезд *всегда*. Совет *обязан* созвать съезд лишь в одном определенном случае. (Мартов: «Из устава прямо следует, что Совет обязан созвать съезд, когда того требует определенное число правоспособных организаций, или по прошествии двух лет со времени последнего съезда. Таким образом,

до прошествия двухгодичного срока и до заявления определенным числом организаций о необходимости съезда, Совет не может его созвать». Плеханов: «Вопрос об условиях созыва съезда я считал бы в настоящее время не подлежащим здесь обсуждению, как вопрос посторонний с точки зрения стоящих перед нами задач».)

Тов. же Мартов поднял этот вопрос, и мы не решили снять его с очереди. Мартов говорит, что Совет не может созывать съезда, а я говорю, что может. Съезд созывается Советом партии без всяких спросов, когда угодно — по возможности не реже 1 раза в 2 года. Тов. Мартов говорит, что созыв съезда — это *ultima ratio*. Да, и сейчас бесплодность наших прений это подтверждает.

Напомню, что сам т. Мартов в принципе признал, что коллегия из лиц, не участвовавших в наших раздорах, может сыграть полезную роль в деле умиротворения партии. А так как наши собственные примирительные попытки не привели ни к каким результатам, так как даже в литературе мы едва ли удержимся на почве допустимых форм полемики, то я утверждаю, что только товарищи извне могут сказать свое решительное слово. Мы, представители ЦК, не берем на себя ответственности насчет дальнейших попыток умиротворения партии и мы не видим другого честного средства покончить с нашими раздорами, как только апелляция к съезду. Перехожу к замечанию т. Плеханова о слове «болото». (Плеханов: «Я отвечал на вопрос т. Васильева, применившего этот термин к некоторой части партии; повторяю, я, как председатель, не могу допустить таких выражений в Совете партии».) Мне замечают здесь, что я ничего не говорю о ненормальном и одностороннем составе ЦК, но я констатирую факт, что в партии существуют две стороны, которые борются недопустимыми средствами. Мы перешли на такую почву, когда невозможна никакая положительная работа.

IX

Прежде чем говорить по существу, замечу еще мимоходом, что слово *Sumpf** никого никогда не обижает.

Затем относительно переговоров с Травинским. Из моих слов здесь сделали заключение, что будто я отрицаю факт

* — болото. *Ред.*

переговоров с Травинским. Ничего подобного. Я не отрицал факта переговоров, но устанавливал лишь разницу между тем значением, которое могут иметь частные переговоры, и тем, какое имеют официальные. Я здесь привел письмо самого Травинского в доказательство того, что если т. Травинский раньше смотрел так, как смотрит т. Плеханов, то впоследствии изменил свой взгляд. Ввиду этого я считал бы совсем неуместной постановку вопроса о том, кому поверит Франция. Апеллировать к «Франции» нет никакой надобности.

Тов. Плеханов заметил, что будто бы мое миролюбивое «воззвание» не подействовало даже на самого меня. Повторяю, что в своем «воззвании» я лишь выражаю свое желание не прибегать к известным приемам борьбы. Я призываю к миру. Мне отвечают *нападением* на ЦК, и удивляются потом, что я *тогда* нападаю на Центральный Орган. *После того*, как совершенно нападение на ЦК, меня же упрекают в отсутствии миролюбия за ответ на это нападение! Достаточно проследить все прения у нас в Совете, чтобы видеть, кто начал предлагать мир на почве status quo* и кто продолжал войной против Центрального Комитета. Мне говорят, что Ленин только и делал, что беспрестанно повторял по адресу оппозиции: «слушайся и не рассуждай!»... Это не совсем так. Вся переписка наша от сентября и октября свидетельствует об обратном. Напомню хотя бы, что в начале октября я (с Плехановым) готов был кооптировать двух в редакцию. Затем, что касается ультиматума, в котором я сам участвовал, я уступал тогда вам два места в Центральном Комитете. После этого последовала с моей стороны новая уступка в виде выхода моего из редакции, — выхода с тою целью, чтобы не задержать вступления других. Отсюда вытекает, что я не только говорил: «слушайся и не рассуждай», но и уступал. Перехожу к существу дела. Отношение к моей резолюции мне кажется очень странным. В самом деле, разве она обвиняет кого-нибудь, или имеет характер нападения на кого-нибудь? В ней идет речь только о том, допустима ли такая-то борьба или нет. Что борьба существует — это факт, и весь вопрос сводится только к тому, чтобы отделить допустимые формы этой

* — прежнего положения. *Ред.*

борьбы от недопустимых. Вот я и спрашиваю, приемлема ли эта идея или нет? Таким образом, выражения «орудие борьбы», «нападение на меньшинство» и т. п. — в применении к моей резолюции совершенно неуместны. Может быть, форма ее неудачна — с этим я особенно спорить не стал бы и готов был бы на изменение ее редакции, но сущность ее, которая сводится к предъявлению требования борющимся внутри партии сторонам вести эту борьбу, не выходя из известных допустимых рамок, эта сущность не может быть оспариваема. Такое отношение к резолюции, какое она здесь встречает, мне кажется односторонним, ибо одна из заинтересованных сторон ее отвергает, усматривая в ней какую-то опасность для себя. (Плеханов: «Я напоминаю, что здесь несколько раз уже я замечал, что в Совете нет двух сторон».) Я могу заметить, что говорю о *двух сторонах*, существующих фактически, а не о юридическом разделении Совета на две части. К резолюции т. Плеханова, о которой по существу здесь ничего не сказано, представители редакции ничего не прибавили. Я же все время ждал изменения одностороннего характера этой резолюции.

7

РЕЧИ О СОЗЫВЕ III СЪЕЗДА ПАРТИИ
17 (30) ЯНВАРЯ

I

К вопросу о созыве съезда можно добавить немного. Страшно затруднительное состояние партии иллюстрируется и ходом прений в Совете. Не раз уже указывалось, что на съезде образовались две почти равные половины, так что с уходом одного из «большинства» получилось полное равенство. Я не вижу, как это равенство могло бы привести к миру без партийного съезда. Никто не сомневается в том, что неурядицы приводят к вопиющим ненормальностям. Несомненным фактом должно считать, что воинственное настроение существует *с обеих сторон*. С точки зрения всех этих данных нельзя себе представить никакого другого честного и правильного исхода, как только созыв съезда. Тов. Мартов указал на технические, финансовые и т. п. трудности для осуществления моего предложения о созыве съезда, но настоящее положение дел гораздо хуже всех этих трудностей.

II

Я не могу согласиться с Мартовым; он неправильно представил задачи съезда. Он говорит, что разногласия еще не выяснены у всех товарищей, что созыв съезда приостановил бы процесс размежевания и освещения организационного конфликта в литературе. Мне думается, что именно для свободного выяснения *принципиальных* разногласий нужно устранить кризис, нужно очистить атмосферу от дряг, а для этого необходимо созвать съезд. Не для того, чтобы пресечь борьбу, а для того, чтобы ввести ее в нормальные рамки, нужен III съезд.

Странно и говорить о том, что будто съезд пресечет принципиальную борьбу. Я напомним слова, сказанные на II съезде председателем, смысл которых заключался в том, что даже наша программа подлежит дальнейшему развитию и выяснению; но именно для того, чтобы принципиальная борьба мнений была успешна и плодотворна, нужны такие именно условия, которых в данный момент нет. Я протестую против приводимых здесь исторических параллелей и ссылки на «Рабочее Дело». Разница между настоящим положением дел и между тем, какое было три года тому назад, заключается в том, что в то время единой партии еще не было, а теперь она уже существует. Именно с точки зрения тех, которые говорят здесь об отколовшейся половине, именно с их-то точки зрения нельзя протестовать против съезда для устранения той ненормальности, которую мы теперь собственными силами не в состоянии уничтожить. Только тогда возможна будет положительная работа и выяснение принципиальных несогласий, когда III съезд устранит эту ненормальность и введет борьбу мнений в известные рамки.

III

Тов. Плеханов ясно высказал «сильный» довод, но неправильный. Если бы III съезд привел к расколу, то это означало бы, что нет желания подчиняться большинству, нет желания работать вместе, т. е. на деле нет у нас партии. Все признали, что т. Травинский не безрезультатно пытался уладить конфликт, а таких товарищей, как Травинский, есть много, и съезд именно будет свиданием и собеседованием таких товарищей. Отчаянная борьба, решительная борьба, полная даже эксцессов, не есть еще раскол. Если есть действительное желание совместно работать, то должно быть и желание подчиниться воле большинства, т. е. съезду.

8

РЕЧИ ОБ ИЗДАНИИ ПАРТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
17 (30) ЯНВАРЯ

I

Начну с конца. Тов. Мартов неправильно понял и осветил письма ЦК, особенно о деньгах. Он упустил из виду, что эти письма являются продолжением разговора, который был у него, Мартова, с Травинским. Сам Мартов писал о содержании этого разговора в таких выражениях: «Тов. Травинскому, как и вам лично, я упоминал о 5—6 тысячах, как о предполагаемом минимуме того, что в год может быть получено для партии из тех двух источников, к которым члены редакции имеют доступ». Я заявляю, что Травинский сообщал нам о одновременной выдаче этой суммы, а не в течение года, так что тут есть какое-то недоразумение. Факт тот, что мы рассчитывали на эти 5 тысяч и сообразно этому распределили средства между русской и заграничной кассой.

Тов. Мартов говорил, что оба денежных источника (кстати, до какой степени неправильно (в раздражении) излагает дело редакция, видно и из того, что в письмах к ЦК Мартов употреблял даже в кавычках слова «денежные мешки» и нам ставил в упрек такое выражение. На самом же деле выражение это принадлежит не нам, а Мартову) — так вот, т. Мартов говорил, что оба денежных источника нам известны. Да, они известны, но дело не в известности, а в доступности их. Мне известно, что в год один источник мог бы дать до 10 тысяч, другой до 40, но от этого не легче, так как они мне *недоступны*. В превращении этих источников из доступных в *недоступные* и выражается то пресечение денежных средств, которое является абсолютно недопустимым приемом партийной борьбы.

*

Кроме того, теперь как раз произошли недавно провалы, коснувшиеся лиц, которые имели получить деньги в России. Здесь денег нет, из России же получить удастся не скоро, и это будет стоить не одну сотню рублей на посылку специальных агентов. Конечно, деньги все же получатся, если не будет еще несчастий, но получатся не скоро и едва ли в вполне достаточном количестве.

Совершенно неверно, что в письме ЦК были угрозы. Никаких угроз не было, ибо ЦК выражал все время заботу об издании Центрального Органа. О явках ответит т. Васильев. По нашим сведениям, редакция рассылает своих агентов по России. Это предполагает и свою особую кассу у ЦО, что означает фактический раскол партии. Это противоречит уставу, который требует полной осведомленности ЦК и сосредоточения *всецело* в его руках и всей кассы и всей организации практических дел. Центральный Орган вопиющим образом разрывает этот устав, создавая свой центр разъездов и агентуры, свой центр практического руководства и вмешательства в комитетские дела. Такая, противоречащая уставу партии, агентура вносит прямую дезорганизацию в работу. Центральный Комитет не может отвечать за порядок ведения дел и не отвечает за него, раз беспорядок вносится систематически самим Центральным Органом. Вот письма из Одессы и Баку, иллюстрирующие в этом отношении положение дел. Из Одессы от 24 декабря пишут: «У нас вчера был Загорский⁵², который заявил, что его отправила редакция в качестве своего уполномоченного с поручением сообщить комитетам о последних событиях, о переговорах, о настоящем положении дел в редакции, о просьбе редакции посылать материалы, сотрудничать, заказывать листки или присылать темы для общих листков, а также для брошюр, для издания которых образована группа. Повторял все старое и усиленно доказывал правоту, благородство и «лояльность» меньшинства. Комитет выслушал его, задал несколько вопросов, спросив, между прочим, — с ведома ли и ЦК он взял на себя свою миссию, на что тот, вместо краткого и прямого ответа: да или нет — начал оправдываться и доказывать, что редакция имеет полное право обращаться к комитетам и без ведома Центрального Комитета. Настаивал, чтобы тут же при нем обсудили доложенное и составили резолюцию, на что

Комитет заявил, что доложенное принимает к сведению, а что касается до обсуждения и резолюции, то комитет сделает это тогда, когда найдет нужным, а теперь приступает к очередным делам»⁵³. А вот что говорится в письме из Баку от 1 января: «В Бакинский комитет явился Мартын⁵⁴ с докладом от ЦО и нескрываемой целью посеять недоверие к Центральному Комитету. Когда в конце он поинтересовался узнать мнение комитета, то ему ответили: мы безусловно доверяем Центральному Комитету. Когда же он возразил, что ему интересно знать отношение к ЦО, то ему, не обинуясь, заметили, что после только что выслушанного (изложения его миссии) доверие к нему «поколебалось»⁵⁵.

Также незаконно и неконспиративно то, что ЦО делает сообщения о составе ЦК не только комитетам, но и частным лицам (например, Друяну, на что ЦК указывал в письме к Центральному Органу). Что же касается «воинственных отношений», то в том-то и дело, что т. Мартов смешивает здесь две совершенно различных вещи. В области положительной работы и добывания средств воинственные отношения (бойкот и прочее) безусловно недопустимы, и со стороны ЦК их никогда и не было. В области же литературы «война» допустима, и никто никогда не стеснял полемики Центрального Органа. Напомню, что даже гораздо раньше ЦК выражал полную готовность издать и письмо Дана о лозунгах оппозиции, и брошюру Мартова «Еще раз в меньшинстве», несмотря на то, что обе вещи содержат нападки на Центральный Комитет.

В издании литературы ЦО не было ни малейшего перерыва со стороны Центрального Комитета. Не было ни одного случая, чтобы ЦК неправильно или пристрастно распределял литературу, чтобы он «обижал» комитеты меньшинства. Напротив, Травинский засвидетельствовал и доказал, что раньше всех были щедро наделяемы комитеты меньшинства, и т. Мартов должен был признать, что в этой области деятельность ЦК безупречна. Что касается до отказа выдачи партийной литературы, то дело обстоит так. *Всякому* члену партии без исключения (если он внушает доверие своей конспиративностью и проч.) дается даром литература для перевозки в Россию и вручения там агентам ЦК для распределения. Но когда находятся люди, имеющие смелость называть себя членами

партии и в то же время отказывающиеся сдавать литературу в руки агентов ЦК для общего распределения, то понятно, что с такими людьми ЦК лишен возможности (и даже права) вести дело. Если же эти люди потом скупают литературу для своих дезорганизующих общую работу отдельных кустарных предприятий, то тем хуже для них.

II

Решительно не могу понять, что дерзкого в первом и во втором письмах экспедитора⁵⁶. Он просит сведений, важных для деловой отчетности, а редакция, вместо товарищеского ответа по существу его просьбы, ответа, который так-таки и не был ему дан, чисто бюрократически отписывается. Вот я приведу пример действительно уж дерзкого письма редакции ЦО к Центральному Комитету. «Редакция ЦО обращает внимание ЦК на тот факт, что присутствие за границей трех членов ЦК, не оправдываясь никакими деловыми соображениями и приводя к созданию нового организационного центра, уставом партии не предусмотренного, неминуемо вносит в партийную жизнь политиканство и дезорганизацию»... Ведь это прямая *ругань* (политиканство) без тени фактов и данных! Центральный Комитет отвечал на это: «Если бы редакция не действовала в состоянии крайнего раздражения, то она легко увидела бы крайнюю неуместность ее замечаний о том, сколько членов ЦК находится за границей». На эту и другие неприличные выходки редакции (вроде смешного указания на какое-то будто бы «тайное» печатание) заграничный представитель ЦК отвечает лишь призывом «памятовать партийный долг и прекратить действия, способные из литературной полемики создать поводы к расколу»⁵⁷...

О том, что, якобы, даже буржуазные издательства дают редакторам сотни экземпляров, я, признаюсь, не слышал. Пусть попробует т. Мартов, если он не на ветер бросает слова, запросить Дитца, дает ли он 400 экземпляров «Neue Zeit»* Каутскому для распространения? Или спросить Зингера, либо Фишера, требует ли Граднауэр

* — «Новое Время». Ред.

200 экземпляров «Vorwärts'a»⁵⁸ тоже для распространения своими средствами? Немецкие социал-демократы понимают разницу между анархией и организацией. Вопрос о деньгах выдвинулся до провала, но я ведь указывал лишь на изменение в постановке этого вопроса, вызванное провалом.

Как смешивает редакция допустимую полемику с недопустимым бойкотом, видно особенно ярко из следующего: в письме от 4 января, отвечая нам на запрос о деньгах, редакция, среди «условий, делающих затруднительной для нее пропаганду среди знакомых активной поддержки центральной кассы», упоминает такое: «агенты ЦК и протезируемые ими лица на собраниях говорят угрожающие фразы о незаконности нынешнего состава редакции (о чем, впрочем, говорится и в письме члена ЦК Ленина...)». Посмотрите, какое это поразительное извращение политических понятий! Вопрос о доставлении (или пресечении) денежных источников *соединяется* с вопросом о полемике в речах и в брошюрах! Это ли не смешение идейной борьбы с местническими счетами и дрязгой?! Вопрос об одобрении или неодобрении членами партии состава (и деятельности) редакции *смешивается* с вопросом о «законности»! Это ли не бюрократический формализм?! Естественно, что заграничный представитель ЦК ответил на это: ...«Как представитель ЦК, я считаю необходимым указать редакции, что нет никаких оснований поднимать вопрос о *законности и т. п.* на основании горячих речей на заграничных рефератах или на основании литературной полемики... Если в полемике редакция усматривает на себя нападки, то ведь она имеет полную и полнейшую возможность ответа. Разумно ли горячиться из-за тех или иных резкостей (с точки зрения редакции) в полемике, когда нигде и речи нет ни о бойкоте, ни о каком другом нелояльном (с точки зрения ЦК) образе действий»⁵⁹... В самом деле, до-нельзя странно говорить о каких-то «протезируемых» людях... Что это значит? Что за бюрократический язык? Какое дело ЦК до речей на рефератах? Цензуры у нас нет, чтобы ограничивать свободу речей и свободу полемики. Неужели не нужно отграничить *такую* борьбу от бойкота?

Рассказ т. Мартова про Одесский комитет (будто бы спросивший у ЦК, посылать ли письма в ЦО) я считаю явной шуткой. Серьезно об этом нельзя говорить.

Повторяю, что ни единого факта отстранения от работы меньшинства никогда не было со стороны Центрального Комитета. Подчеркиваю, что тов. Мартов и сам признает, что у него нет фактов неправильного, одностороннего или пристрастного распределения литературы.

III

Тов. Мартов усмотрел с нашей стороны угрозу переворота. Это смешно. (Мартов: «А ультиматум?») «Ультиматум» ЦК был ответом на ультиматум Староверера. Ультиматум есть наше последнее слово относительно приемлемых для нас условий доброго мира. Вот и все. Только большое воображение могло усмотреть стремление к перевороту в нашем ответе меньшинству, которое, несомненно, довело партию до раскола. Большинству же нечего думать о перевороте. Что касается распределения «Искры», то все номера ее распределялись по возможности регулярно, и если бы какой-нибудь комитет счел себя «забытым» в этом отношении, то об этом нужно было бы просто лишь сообщить ЦК по-товарищески. Таких сообщений до сих пор у нас нет. Письмо же редакции к комитетам есть не товарищеское, а военное действие.

Центральный Комитет держится того мнения, что дело распределения литературы должно проходить через одни руки и второй распределительный центр не нужен и вреден. Теперь несколько слов по поводу экспедитора. Повторяю, что экспедитор попал в обвиняемые только потому, что хотел добросовестно выполнить свой долг и сделал деловой запрос редакции. Воспоследовавшее же на это требование редакции «не рассуждать!» «подать 100 или 200 экземпляров» и т. п. — носит все признаки бюрократического отношения к делу в самой чистой его форме.

Об адресах скажу только то, что редакции передано все, ей принадлежащее. Выделена только личная и организационная переписка, а остальное передано редакции. Кроме того напомним, что еще в Лондоне ОК взял всю организационную переписку формально в свои руки. Говорить о новом центре ввиду пребывания за границей членов ЦК есть явная придирка и бюрократическое вмешательство в ту область, которая подлежит самостоятельному ведению Центрального Комитета.

IV

Тов. Мартов совершенно неверно толкует устав. Осведомленность ЦО должна быть полная и всесторонняя, — так требуется и уставом и пользой дела. Но рассылка уполномоченных с организационными целями — вроде, например, посылки Z⁶⁰ в Одесский комитет без ведома ЦК — явно нарушает естественное распределение функций между двумя центральными учреждениями партии. Она вовсе не вызывается и интересами осведомления и лишь вносит прямую дезорганизацию, совершенно нарушая единство действий. Этакая мера именно и усиливает хаос в партийных делах и на практике означает прямой раскол партии на две половины — вместо деления двух центральных учреждений по их функциям.

К ПАРТИИ

ПРОЕКТ ОБРАЩЕНИЯ

Товарищи! Что наша партия переживает тяжелый кризис, это известно уже теперь всем, это прямо и открыто заявлено и на страницах нашего Центрального Органа.

Мы считаем своим долгом призвать всех членов партии к активному и сознательному участию во всем, что необходимо для возможно более быстрого и безболезненного выхода из кризиса.

Тов. Плеханов, принадлежавший на съезде партии и — много времени спустя после него — на съезде Заграничной лиги к большинству партийного съезда, выступает теперь в № 57 «Искры» с защитой требований меньшинства, обвиняя ЦК в «эксцентричности», в неуступчивости, приносящей пользу только врагам, в нежелании кооптировать сторонников меньшинства. Именно в такой кооптации видит т. Плеханов не более ни менее как «единственное средство вывести нашу партию из состояния тяжелого кризиса, который чрезвычайно ослабляет наши позиции и усиливает позиции наших многочисленных врагов и противников». Надо справляться не только с уставом — говорит т. Плеханов, — имея в виду, вероятно, это состояние тяжелого кризиса, — а и с фактическим положением дел, с данным соотношением сил в партии. Надо возвыситься над точкой зрения кружковщины и доктринерства, выдвигающего на первый план то, что разъединяет рабочих, а не то, что объединяет их.

Эти общие положения безусловно справедливы, и всем социал-демократам остается только точно ознакомиться с фактами, серьезно вдуматься в положение дел, чтобы правильно применить эти общие положения.

Да, мы должны во что бы то ни стало, ценой всяких усилий, не боясь долгой и упорной работы, исцелить нашу партию от кружковщины, от расхождения и разъединения по неважным поводам, от неприличных и недостойных вздоров из-за дирижерской палочки! Посмотрите же на события, разыгравшиеся в нашей партии со времени ее II съезда. Имейте мужество вскрыть наши язвы, чтобы без лицемерия, без официальной фальши поставить им диагноз и правильно излечить их.

Протоколы второго съезда вышли теперь в свет полностью; для членов партии изданы также протоколы съезда Заграничной лиги. Партийная литература вскрыла уже немало проявлений и симптомов нашего кризиса, и хотя остается еще многое сделать в этом отношении, но и теперь уже можно и должно подвести некоторые итоги.

Второй съезд закончился ожесточенной борьбой из-за состава наших центров. Большинство 24 голосов против 20 была выбрана редакция ЦО из трех лиц (Плеханова, Мартова и Ленина) и ЦК тоже из трех товарищей. Мартов отказался от выбора, отказался вместе со всем меньшинством от участия в выборах Центрального Комитета. С самого съезда началась ожесточенная борьба меньшинства против центров, настоящая борьба из-за дирижерской палочки, настоящая борьба кружковщины с партийностью, борьба во имя восстановления старой редакции, во имя кооптации в ЦК соответствующего (по взглядам меньшинства) числа членов. Борьба эта велась месяцы, сопровождаемая полным отстранением меньшинства от работы под руководством центров, бойкотом и чисто анархической проповедью, образцы которой члены партии в изобилии найдут в протоколах съезда Лиги. Борьба эта сосредоточилась, главным образом, за границей, на почве, наиболее удаленной от положительной работы и от участия сознательных представителей пролетариата. Борьба эта отнимала у созданных II съездом центров необъятную массу сил на разъезды, свидания, переговоры с целью устранения бесчисленных мелких неудовольствий, конфликтов и дрязг. Что требования оппозиции не считались ни с каким соотношением сил ни на II съезде, ни в партии вообще, видно из того, что, например, редакция ЦО (Плеханов и Ленин) соглашалась даже на кооптацию двух, т. е. на равное

представительство большинства и меньшинства партийного съезда. Оппозиция требовала громадного большинства в редакции (четыре против двух). Под угрозой неминуемого и немедленного раскола обоими центрами был сделан, наконец, ряд уступок, относящихся к требованиям насчет дирижерской палочки: была кооптирована редакция, ушел в отставку из редакции и Совета Ленин, ушел из Совета один член большинства, оставлена была без реорганизации Заграничная лига, порвавшая на своем съезде все, установленное партийным съездом, предложено было оппозиции два места в Центральном Комитете.

Оппозиция отвергла это последнее условие. Она требует, повидимому, большего количества мест и притом не тем лицам, которых выбрал бы ЦК, а тем, кого укажет оппозиция. Никакое соотношение сил, никакие интересы дела не могут оправдать подобных требований: только угроза расколом, только грубо-механические средства давления, вроде бойкота и удержания денежных средств, подкрепляют эти ультиматумы.

Партия дезорганизована и деморализована до последней степени этой борьбой за места, отвлекающей силы от положительной работы. Партия деморализуется не менее, если не более, тем, что так называемые принципиальные разногласия меньшинства прикрывают эту борьбу фальшивым облачением.

Все единодушно согласились — и много раз категорически заявляли это — признать все решения и все выборы II съезда безусловно обязательными для себя. Теперь меньшинство разорвало уже на деле весь устав и все выборы, теперь оказываются «формалистами» те, кто отстаивает принятые сообща решения, — называется «бюрократом» всякий, получивший свои полномочия от съезда, — обвиняется в грубо-механической и канцелярской точке зрения тот, кто опирается на большинство голосов, выразившее (по общему нашему согласию) соотношение сил в партии. Тот, кто на съезде, будучи призван всеми товарищами к выбору должностных лиц, переводил некоторых редакторов на положение сотрудников и некоторых членов ОК на положение рядовых работников, тот оказывается повинен в превращении членов партии в винтики и колесики и проч. и т. п. Неправильная и неустойчивая

позиция, которую заняло меньшинство еще на партийном съезде, неизбежно привела к этой фальши, несколько не относимой нами к чьей-либо субъективной воле.

Не пора ли положить конец этому разброду? Пусть подумает об этом каждый, дорожающий судьбой нашей партии.

Не пора ли положить решительно конец этой борьбе за центры, этим местническим счетам, вносящим такое разлагающее влияние во всю нашу работу? Уместно ли опять и опять, после месяцев и месяцев переговоров, поднимать новые переговоры с оппозицией, поднимать вопрос об односторонности или эксцентричности Центрального Комитета? Ведь возбуждение этого вопроса после того, как мир казался уже обеспеченным кооптацией редакции, неизбежно вызывает на сцену снова и снова вопрос об односторонности и эксцентричности, даже противопартийности нашего Центрального Органа. Доколе будем мы вести это недостойное препирательство из-за состава центров? И как можем мы решить вопрос о справедливости требований той и другой стороны? Где мерило этой справедливости? Почему неуступчивыми надо считать «твердых», уступивших очень и очень многое из того, что решено было на съезде, а не «мягких», которые оказались на деле необыкновенно твердыми в своем стремлении к расколу и в прямом подготовке раскола?

Пусть подумают товарищи о том, как выйти из этого ненормального положения. Центральный Комитет надеялся, что смена министерства в ЦО поведет к миру. Когда спорящие стороны зашли уже очень далеко, когда борьба из-за дирижерской палочки довела вплотную до раскола, — оставалась еще одна только надежда: возможность хоть как-нибудь размежеваться, чтобы не мешать друг другу, чтобы, работая в одной партии, ослаблять постепенно всякие трения, чтобы не касаться или реже касаться «больных» вопросов. Казалось бы, разделение центров хоть отчасти обеспечивало прекращение кризиса: меньшинство имело свой ЦО и могло свободно группироваться вокруг него, свободно проводить свои взгляды, свободно вести свою партийную работу, не чувствуя себя «чужим» в партии. Наличие центра и у большинства (или преобладание большинства в ЦК) давала бы хоть некоторое удовлетворение и большинству. Борьба за центры

могла бы прекратиться и направиться на чисто принципиальное разъяснение несогласий и оттенков.

Возбуждение «Искрой» вопроса о кооптации в ЦК разрушает эту надежду. Мы не считаем уже возможным снова начинать торговлю из-за мест, вызывающую в нас брезгливость. Мы предпочли бы даже, при отсутствии иного исхода, передачу *всех* дирижерских палочек меньшинству, если уже оно решительно не способно работать в партии иначе, как на высших местах. Готовность к такому шагу усиливается у нас по мере того, как новая, отвратительная болезнь нашего движения принимает затяжные формы, — по мере того, как эти мелкие дрязги, невыносимые тем более, чем они мельче, становятся хроническими.

Но мы хотели бы сначала узнать возможно более определенно мнение партии, мы хотели бы считаться и с общественным мнением революционной среды, в особенности в России. Мы приглашаем товарищей тщательно рассмотреть и изучить данные о нашем «кризисе», оценить со всех сторон теперешнее положение дел в партии и высказаться по всем возбужденным вопросам.

Написано в начале февраля 1904 г.

*Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике X*

Печатается по рукописи

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ УХОДА ИЗ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

Женева, 20 февраля 1904 г.

Уважаемые товарищи!

Так как вы касаетесь в своей брошюре обстоятельств, вызвавших мой выход из редакции «Искры», то я попрошу вас дать место в приложении к вашей брошюре моему ответу на письмо тов. Плеханова к т. Мартову от 29 января 1904 г., напечатанное в брошюре Мартова о борьбе с «осадным положением».

Тов. Плеханов находит *неточным* изложение мной дела в моем письме в редакцию. Однако *ни единого фактического* исправления он не дал и не мог дать. Он дополнил лишь мое изложение *неточной* передачей частных разговоров между мною и им.

Говоря вообще, я считаю ссылки на частные разговоры верным признаком отсутствия серьезных аргументов. Я держусь и сейчас того мнения, которого недавно держался и тов. Плеханов по поводу ссылок на частные разговоры со стороны тов. Мартова (Протоколы Лиги, стр. 134), именно, что «точно воспроизвести» подобные разговоры вряд ли возможно и что «полемика» по поводу их *«не приведет ни к чему»*.

Но раз уже тов. Плеханов привел наши частные разговоры, я считаю себя вправе пояснить и дополнить их, тем более, что разговоры эти имели место в присутствии третьих лиц.

Первый разговор, когда тов. Плеханов говорил о своем решении* выйти в отставку в случае моего безусловного

* Тов. Плеханов, в своем стремлении к точности, немножечко переусердствовал, выясняя: Плеханов не имел права *решить* кооптировать, ибо кооптация единогласна по уставу. Это — не поправка, а приписка, ибо устав запрещает

несогласия на кооптацию, имел место в день окончания съезда Лиги, вечером, и на другой день утром, в присутствии двух членов Совета партии. Разговор вращался около вопроса об уступках оппозиции. Плеханов настаивал на необходимости уступить, считая несомненным, что оппозиция не подчинится никакому постановлению Совета партии и что полный раскол партии может произойти немедленно. Я настаивал на том, что после происшедшего в Лиге, после принятых на ее съезде мер представителя ЦК (а тов. Плеханов участвовал в обсуждении каждой из этих мер и всецело одобрял их) — уступать анархическому индивидуализму невозможно, и что уступление особой литературной группы (которую я неоднократно в разговорах с Плехановым признавал вполне допустимой, вопреки его мнению) еще не обязательно, может быть, означает раскол. Когда разговор свелся к выходу в отставку одного из нас, то я тотчас сказал, что уйду я, не желая мешать Плеханову попытаться уладить конфликт, попытаться избежать того, что он считал расколом.

Тов. Плеханов так любезен ко мне теперь, что не может найти иных мотивов моего шага, кроме самой трусливой увертливости. Чтобы изобразить это мое свойство в самых живых красках, тов. Плеханов приписывает мне слова: «Всякий скажет: очевидно, Ленин неправ, если с ним разошелся даже Плеханов».

Краски наложены густо, что и говорить! Так густо, что выходит даже незамечаемая тов. Плехановым явная несообразность. Если бы я был уверен, что «всякий» найдет правым Плеханова (как Плеханов скромно думает про себя), и если бы я считал необходимым считаться с мнением этого всякого, то очевидно, что я никогда бы не решился разойтись с Плехановым, что я пошел бы за ним и в этом случае. Тов. Плеханов, желая представить мое поведение самым что ни на есть дурным и вытекающим из сквернейших мотивов, приписал мне мотив, лишенный *всякого смысла*. Я будто бы так боялся в чем бы то ни было разойтись с Плехановым, что — разошелся с ним. Некругло выходит это у тов. Плеханова.

при отсутствии единогласия определенные организационные действия, а не решения, слишком часто принимаемые многими людьми только для виду и не переходящие в действия.

На самом деле, моя мысль была: уж лучше я выйду, потому что иначе мое особое мнение послужит помехой *попыткам* заключить мир со стороны Плеханова. Попыткам я мешать не хочу; может быть, мы сойдемся и на условиях мира, но отвечать за редакцию, которой *таким образом* навязывает кандидатов заграничная кружковщина, не считаю возможным.

Несколько дней спустя я действительно зашел к Плеханову, вместе с одним членом Совета, и разговор наш с Плехановым принял такой ход:

— Знаете, бывают иногда такие скандальные жены, — сказал Плеханов, — что им необходимо уступить во избежание истерики и громкого скандала перед публикой.

— Может быть, — ответил я, — но надо уступить так, чтобы сохранить за собой силу не допустить еще большего «скандала».

— Ну, а уйти — значит уже все уступить, — отвечал Плеханов.

— Не всегда, — возразил я, и сослался на пример Чемберлена. Мысль моя была именно та, которую я выражал и печатно: если Плеханову удастся добиться мира, приемлемого и для большинства, в рядах которого Плеханов боролся так долго и так энергично, тогда я тоже войны не начну; если не удастся, — я сохраняю за собой свободу действий, чтобы разоблачить «скандальную жену», если ее не успокоит и не утихомирит *даже* Плеханов.

В тот же разговор я сказал Плеханову (еще не знавшему условий оппозиции) о своем «решении» войти в ЦК (я мог «решить» это, но согласие должны были дать, разумеется, все члены ЦК). Плеханов вполне сочувственно отнесся к этому плану, как к последней попытке ужиться с «скандальной женой» хоть на каких бы то ни было началах. Когда в письме к Плеханову от 6 ноября 1903 г. я выразил мнение, что он, быть может, просто передаст редакцию мартовцам, то Плеханов отвечал (8 ноября)... «Вы, кажется, плохо выяснили себе мои намерения. Я объяснил их вчера еще раз тов. Васильеву» (члену ЦК, бывшему на съезде Лиги). Этому же тов. Васильеву Плеханов писал от 10 ноября по вопросу об ускорении или задержке выхода № 52 «Искры» с извещением о съезде: ...«Напечатать сообщение о съезде значит: 1) или напечатать о том, что Мартов и другие не участвуют в «Искре», или 2) отказать

в этом Мартову, — и тогда он напечатает об этом в особом листке. В обоих случаях это доводит до сведения публики о расколе, а именно этого нам и надо теперь избежать» (курсив мой. Н. Л.). 17 ноября Плеханов пишет тому же товарищу: ...«Что думаете Вы о немедленной кооптации Мартова и др.? Я начинаю думать, что это был бы способ уладить дело с наименьшими затруднениями. Без Вас я действовать не хочу»... (курсив Плеханова).

Из этих отрывков ясно видно, что Плеханов старается действовать солидарно с большинством, желая кооптировать редакцию лишь для мира и при условии мира, отнюдь не для войны с большинством. Если вышло обратное, то это показало лишь, что телега анархического индивидуализма слишком разошлась в тактике бойкота и дезорганизации; самые сильные тормоза не подействовали. Это очень жаль, разумеется, и Плеханов, искренно желавший мира, оказался в неприятном положении; но сваливать вину за это на одного меня не доводится.

Что касается до слов Плеханова об уступке мной молчания за подходящий «эквивалент» и гордого заявления: «Я не нашел нужным покупать его молчание», то этот полемический прием производит лишь комическое впечатление при сопоставлении с цитированными мной выше словами из письма от десятого ноября. Именно Плеханов придавал огромнейшую важность вопросу о молчании, о недоведении до сведения публики о расколе*. Что же естественнее, если я сообщаю ему о своем согласии и на это при условии мира? Разговоры об уступке «за эквивалент» и о «покупке» заставляют только ожидать, что следующий раз Плеханов сообщит публике о приготовлении Лениным фальшивых кредиток для подобного рода покупок. Бывало ведь это при эмигрантских препирательствах — атмосфера подходящая имеется.

Письмо тов. Плеханова невольно наводит на мысль: не приходится ли ему теперь *покупать* себе право быть

* А прогор (Кстати. Ред.). Именно Плеханов настаивал особенно энергично на неопубликовании протоколов Лиги и конца протоколов съезда партии, того конца, где Плеханов заявляет, что берет на себя всю нравственную ответственность за прямой вот против старой так называемой редакции, того конца, где он выражает надежду, что не оскудела партия литературными силами, — заявление, названное одним представителем меньшинства парадной фразой в лондонском классическом стиле.

в меньшинстве? Тактика меньшинства в нашем так называемом партийном органе уже определилась. Надо стараться заслонять спорные вопросы и факты, действительно приведшие к нашему расхождению. Надо стараться доказать, что Мартынов был гораздо ближе к «Искре», чем Ленин, — как именно, в чем именно и насколько именно, это еще долго будет разбирать запутавшаяся редакция новой «Искры». Надо фарисейски осуждать личности в полемике — и на деле сводить всю борьбу к походу против личности, не останавливаясь даже перед приписыванием «врагу» весьма несвязных зловредных качеств, от самой бесшабашной прямолинейности до самой трусливой увертливости. Лишь бы крепче выходило. И у наших новых союзников, тов. Плеханова и Мартова, выходит так крепко, что скоро они ни в чем не уступят знаменитым бундовцам с их знаменитым «поганьем». Союзники так усердно бомбардируют меня с своих броненосцев, что у меня является мысль: не заговор ли это двух третей ужасной тройки? Не прикинуться ли и мне обиженным? Не завопить ли об «осадном положении»? Ведь это иногда бывает так удобно и так выгодно...

Впрочем, для того, чтобы стать действительным сторонником меньшинства, тов. Плеханову придется еще, пожалуй, сделать два маленьких шага: во-первых, признать, что защищавшаяся тов. Мартовым и Аксельродом на съезде (и усердно замалчиваемая ими теперь) формулировка параграфа первого устава выражает собой не шаг к оппортунизму, не спасование перед буржуазным индивидуализмом, а зерно новых, истинно социал-демократических, акимовски-мартовских и мартыновски-аксельродовских организационных взглядов. Во-вторых, признать, что борьба после съезда с меньшинством была не борьбой против грубых нарушений партийной дисциплины, против агитационных приемов, вызывающих только негодование, не борьбой против анархизма и анархической фразы (см. стр. 17, 96, 97, 98, 101, 102, 104 и много друг. протоколов Лиги), а борьбой против «осадного положения», бюрократизма, формализма и проч.

Спорными вопросами этого рода мне придется подробно заняться в брошюре, подготовляемой теперь к печати. А пока... пока будем присматриваться к галлерее гоголевских типов, открытой нашим руководящим органом,

принявшим за правило задавать читателям загадки. Кто похож на прямолинейного Собакевича, наступающего всем на самолюбие, то-бишь на моволи? Кто похож на увертливового Чичикова, покупающего вместе с мертвыми душами также и молчание? Кто на Ноздрева и на Хлестакова? на Манилова и на Сквозника-Дмухановского? Интересные и поучительные загадки... «Принципиальная полемика»...

Н. Ленин

Напечатано в 1904 г. в брошюре
«Комментарий к протоколам вто-
рого съезда Заграничной лиги русской
революционной социал-демократии».
Женева

Печатается по тексту брошюры

ПЕРВОЕ МАЯ

ПРОЕКТ ЛИСТКА

Товарищи-рабочие! Наступает день первого мая, когда рабочие всех стран празднуют свое пробуждение к сознательной жизни, празднуют свое объединение в борьбе против всякого насилия и всякого угнетения человека человеком, в борьбе за освобождение миллионов трудящихся от голода, нищеты и унижения. Два мира стоят друг против друга в этой великой борьбе: мир капитала и мир труда, мир эксплуатации и рабства, мир братства и свободы.

На одной стороне кучка богатых тунеядцев. Они захватили в свои руки фабрики и заводы, орудия и машины. Они превратили в свою частную собственность миллионы десятин земли и горы денег. Они заставили правительство и войско быть их прислужником, быть верным стражем накопленного ими богатства.

На другой стороне — миллионы обездоленных. Они должны выпрашивать у богачей позволения работать на них. Они создают своим трудом все богатства, а сами бьются всю жизнь из-за куса хлеба, просят, как милости, работы, надрыдают себе силы и здоровье непосильным трудом, голодают в деревенских лачугах, в подвалах и чердаках больших городов.

И вот, эти обездоленные и трудящиеся объявили войну богачам и эксплуататорам. Рабочие всех стран борются за освобождение труда от наемного рабства, от нищеты и нужды. Они борются за такое устройство общества, в котором созданные общим трудом богатства шли бы на пользу всем трудящимся, а не горстке богачей. Они добиваются превращения земель, фабрик, заводов, машин

в общую собственность всех работников. Они хотят, чтобы не было богатых и бедных, чтобы плоды труда доставались тем, кто трудится, чтобы все завоевания человеческого ума, все улучшения в работе улучшали жизнь того, кто работает, а не служили орудием угнетения работника.

Великая борьба труда против капитала стоила массы жертв рабочим всех стран. Много крови пролили они, отстаивая свое право на лучшую жизнь и на настоящую свободу. Нет числа тем преследованиям, которым подвергают правительства борцов за рабочее дело. Но союз рабочих всего мира растет и крепнет, несмотря ни на какие преследования. Рабочие все теснее объединяются в социалистические партии, число сторонников социалистических партий поднимается до миллионов, и они шаг за шагом неуклонно подвигаются к полной победе над классом капиталистов-эксплуататоров.

Проснулся и русский пролетариат к новой жизни. Прикнул и он к этой великой борьбе. Прошли те времена, когда наш рабочий покорно гнул спину, не видя выхода из своего подъяремного житья, не видя света в своей каторжной жизни. Социализм указал этот выход, и к красному знамени, как к путеводной звезде, потекли тысячи и тысячи борцов. Стачки показали рабочим силу союза, они научили их давать отпор, они показали, какой грозой для капитала является организованный рабочий. Рабочие увидели воочию, что их трудом живут и богатеют капиталисты и правительство. Рабочие потянулись к совместной борьбе, к свободе и к социализму. Рабочие поняли, какой злой и темной силой является царское самодержавие. Рабочим нужен простор для борьбы, а царское правительство связывает их по рукам и по ногам. Рабочим нужны свободные собрания, свободные союзы, свободные книжки и газеты, а царское правительство давит тюрьмой, нагайкой и штыком всякое стремление к свободе. Клич: «Долой самодержавие!» пронесся по всей России. Все чаще и чаще повторялся этот клич на улицах, на многотысячных собраниях рабочих. Летом прошлого года поднялись десятки тысяч рабочих на всем юге России, поднялись на борьбу за лучшую жизнь, за свободу от полицейского гнета. Буржуазия и правительство содрогнулись при виде грозной рабочей армии, которая одним ударом останавливала всю промышленность громадных городов. Десятки борцов

за рабочее дело пали под пулями царского войска, посланного против внутреннего врага.

Но этот внутренний враг не может быть побежден никакой силой, потому что его трудом только и держатся правящие классы и правительство. Нет такой силы на земле, что сломала бы миллионы рабочих, которые становятся все более сознательными, все более объединенными и организованными. Каждое поражение рабочих поднимает новые ряды борцов, заставляет более широкие массы проснуться к новой жизни и готовиться к новой борьбе.

А Россия переживает теперь такие события, когда это пробуждение рабочих масс неизбежно должно пойти еще более быстро и в более широких размерах, когда нам надо напрячь все силы для сплочения рядов пролетариата, для подготовки его к еще более решительной борьбе. Война привлекает интерес к политическим делам и вопросам со стороны наиболее отсталых слоев пролетариата. Война разоблачает все более ярко, все более наглядно всю гнилость самодержавного порядка, всю преступность полицейской и придворной шайки, которая правит Россией. Наш народ нищает и мрет от голода у себя дома, — а его втянули в разорительную и бессмысленную войну из-за чужих новых земель, населенных чуждым населением и лежащих за тысячи верст. Наш народ страдает от политического рабства, — а его втянули в войну за порабощение новых народов. Наш народ требует переделки внутренних политических порядков, — а его внимание отвлекают громом пушек на другом краю света. Но царское правительство зарвалось в своей азартной игре, в своем преступном расхищении народного достояния и молодых сил, гибнущих на берегу Тихого океана. Всякая война требует напряжения народных сил, а трудная война с культурной и свободной Японией требует от России гигантского напряжения. И это напряжение приходится на такой момент, когда здание полицейского самовластья начало уже колебаться под ударами пробуждающегося пролетариата. Война разоблачает все слабые стороны правительства, война срывает фальшивые вывески, война раскрывает внутреннюю гнилость, война доводит нелепость царского самодержавия до того, что она бьет в глаза всем и каждому, война показывает всем агонию старой России, России бесправной, темной и забитой, России,

остающейся в крепостной зависимости у полицейского правительства.

Старая Россия умирает. На ее место идет свободная Россия. Темные силы, которые охраняли царское самодержавие, гибнут. Но только сознательный, только организованный пролетариат в состоянии нанести смертельный удар этим темным силам. Только сознательный и организованный пролетариат в состоянии отвоевать народу настоящую, не поддельную свободу. Только сознательный и организованный пролетариат в состоянии дать отпор всякой попытке обмануть народ, урезать его права, сделать его простым орудием в руках буржуазии.

Товарищи-рабочие! давайте же с удесятенной энергией готовиться к близкой решительной борьбе! Пусть крепче смыкаются ряды социал-демократов — пролетариев! Пусть шире и шире разносится их проповедь! Пусть смелее поднимается агитация за рабочие требования! Пусть праздник первого мая привлечет к нам тысячи новых борцов и удвоит наши силы в великой борьбе за свободу всего народа, за освобождение всех трудящихся от гнета капитала!

Да здравствует 8-часовой рабочий день!

Да здравствует международная революционная социал-демократия!

Долой преступное и разбойническое царское самодержавие!

Написано в апреле 1904 г.

*Напечатано с изменениями в апреле
1904 г. отдельным листком*

Печатается по рукописи

**ШАГ ВПЕРЕД,
ДВА ШАГА НАЗАД
(КРИЗИС В НАШЕЙ ПАРТИИ)⁸¹**

*Написано в феврале — мае 1904 г.
Напечатано отдельной книгой
в мае 1904 г. Женева*

*Печатается по тексту книги,
сверенному с рукописью
и текстом сборника:
Вл. Ильин. «За 12 лет», 1907 г.*

N. LENIN. Ein Schritt vorwärts, zwei Schritt rückwärts
(Über die Krise in unserer Partei).

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЪДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Н. ЛЕНИНЪ.

**Шагъ впередь,
два шага назадъ**

(Кризисъ въ нашей Парти).

ЖЕНЕВА

Типографія ПАРТИ. Rue de la Coulouvreniere, 27.

1904

Обложка книги В. И. Ленина
«Шаг вперед, два шага назад». — 1904 г.

Умельченко

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда идет продолжительная, упорная, горячая борьба, то по истечении некоторого времени начинают обыкновенно вырисовываться центральные, основные спорные пункты, от решения которых зависит окончательный исход кампании и по сравнению с которыми все более и более отодвигаются на задний план все и всяческие мелкие и мелочные эпизоды борьбы.

Так обстоит дело и с нашей внутрипартийной борьбой, которая вот уже полгода приковывает к себе внимание всех членов партии. И именно потому, что мне пришлось в предлагаемом читателю очерке всей борьбы касаться многих мелочей, имеющих ничтожный интерес, многих дрызг, не имеющих в сущности никакого интереса, именно поэтому мне хотелось бы с самого начала обратить внимание читателя на два действительно центральных, основных пункта, которые представляют громадный интерес, которые имеют несомненное историческое значение и являются самыми насущными политическими вопросами на очереди дня в нашей партии.

Первый такой вопрос — вопрос о политическом значении того деления нашей партии на «большинство» и «меньшинство», которое сложилось на втором съезде партии и отодвинуло далеко назад все прежние деления русских социал-демократов.

Второй вопрос — вопрос о принципиальном значении позиции новой «Искры» по организационным вопросам, поскольку эта позиция является действительно принципиальной.

Первый вопрос есть вопрос об исходном пункте нашей партийной борьбы, об ее источнике, об ее причинах, об ее основном политическом характере. Второй вопрос есть вопрос о конечных результатах этой борьбы, об ее финале, о том принципиальном итоге, который получается по сложении всего, что относится к области принципов, и по вычитании всего, что относится к области дрязг. Первый вопрос решается анализом борьбы на партийном съезде, второй — анализом нового принципиального содержания новой «Искры». Тот и другой анализ, составляющий содержание девяти десятых моей брошюры, приводит к выводу, что «большинство» есть революционное, а «меньшинство» — оппортунистическое крыло нашей партии; разногласия, разделяющие то и другое крыло в настоящее время, сводятся, главным образом, не к программным и не к тактическим, а лишь к организационным вопросам; та новая система воззрений, которая тем яснее вырисовывается в новой «Искре», чем больше старается она углубить свою позицию и чем чище становится эта позиция от дрязг из-за кооптации, есть оппортунизм в организационных вопросах.

Главным недостатком наличной литературы о нашем партийном кризисе является, в области изучения и освещения фактов, почти полное отсутствие анализа протоколов партийного съезда, а в области выяснения основных принципов организационного вопроса, отсутствие анализа той связи, которая несомненно существует между коренной ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода в формулировке параграфа первого устава и в защите этой формулировки, с одной стороны, и всей «системой» (поскольку тут может быть речь о системе) теперешних принципиальных взглядов «Искры» по организационному вопросу. Нынешняя редакция «Искры», повидимому, даже не замечает этой связи, хотя значение споров о параграфе первом отмечалось уже много и много раз в литературе «большинства». В сущности, тов. Аксельрод и тов. Мартов только углубляют теперь, развивают и расширяют свою первоначальную ошибку по параграфу первому. В сущности, уже в спорах о параграфе первом стала намечаться вся позиция оппортунистов в организационном вопросе: и их защита расплывчатой, не сплоченной крепко партийной организации, и их вражда к идее («бюрократической» идее) построения партии сверху вниз, исходя из партийного

съезда и из созданных им учреждений, и их стремление идти снизу вверх, предоставляя зачислять себя в члены партии всякому профессору, всякому гимназисту и «каждому стачечнику», и их вражда к «формализму», требующему от члена партии принадлежности к одной из признанных партией организаций, и их склонность к психологии буржуазного интеллигента, готового лишь «платонически признавать организационные отношения», и их податливость к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическим фразам, и их тенденция к автономизму против централизма, одним словом, все то, что расцветает теперь пышным цветом в новой «Искре», все более и более содействуя полному и наглядному выяснению сделанной первоначально ошибки.

Что касается до протоколов партийного съезда, то истине незаслуженное невнимание к ним может быть объяснено только засорением наших споров дрязгами, да еще, пожалуй, слишком большим количеством слишком горькой правды в этих протоколах. Протоколы партийного съезда дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу. Именно протоколы партийного съезда и только эти протоколы показывают нам, насколько нам удалось в действительности смести все остатки старых, чисто кружковщинских связей и заменить их единой великой партийной связью. Каждый член партии, если он хочет сознательно участвовать в делах своей партии, обязан тщательно изучать наш партийный съезд, — именно: изучать, потому что одно чтение груды сырого материала, составляющей протоколы, еще не дает картины съезда. Лишь путем тщательного и самостоятельного изучения можно добиться (и должно добиваться) того, чтобы краткие конспекты речей, сухие экстракты из прений, мелкие стычки по мелким (повидимому, мелким) вопросам слились в нечто цельное, чтобы перед членами партии встала, как живая, фигура каждого выдающегося оратора, выяснилась вся политическая физиономия каждой группы

делегатов партийного съезда. Пишущий эти строки будет считать свою работу не пропавшей даром, если ему удастся дать хотя бы толчок к широкому и самостоятельному изучению протоколов партийного съезда.

Еще одно слово по адресу противников социал-демократии. Они злорадствуют и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдергивать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвященной недостаткам и недочетам нашей партии. Русские социал-демократы уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения. А господа противники пусть попробуют представить нам картину *действительного* положения дел в их «партиях», хоть отдаленно приближающуюся к той, которую дают протоколы нашего второго съезда!

Н. Ленин

Май 1904 года.

а) ПОДГОТОВКА СЪЕЗДА

Существует изречение, что каждый имеет право в течение 24 часов проклинать своих судей. Наш партийный съезд, как и всякий съезд всякой партии, явился тоже судьей некоторых лиц, претендовавших на должность руководителей и потерпевших крушение. Теперь эти представители «меньшинства», с наивностью, доходящей до умиленности, «проклинают своих судей» и стараются всячески дискредитировать съезд, умалить его значение и авторитетность. Всего рельефнее, пожалуй, выразилось это стремление в статье Практика⁶² в № 57 «Искры», возмущающегося идеей о суверенной «божественности» съезда. Это — такая характерная черточка новой «Искры», что ее нельзя обойти молчанием. Редакция, состоящая в большинстве своем из лиц, отвергнутых съездом, продолжает, с одной стороны, называть себя «партийной» редакцией, а, с другой стороны, открывает объятия лицам, утверждающим, что съезд — не божество. Это мило, не правда ли? Да, господа, съезд, конечно, не божество, но что следует думать о людях, начинающих «разносить» съезд *после того*, как они потерпели на нем поражение?

Припомните, в самом деле, главные факты по истории подготовки съезда.

«Искра» с самого начала, в своем анонсе 1900 года, предшествовавшем выпуску газеты, объявила, что, прежде чем объединиться, нам надо размежеваться. «Искра» постаралась превратить конференцию 1902 года⁶³ в частное совещание, а не в партийный съезд*. «Искра» чрезвычайно

* См. протоколы второго съезда, стр. 20.

осторожно действовала летом и осенью 1902 года, возобновляя выбранный на этой конференции Организационный Комитет. Наконец, дело размежевания кончилось, — кончилось по нашему общему признанию. Организационный Комитет конституировался в самом конце 1902 г. «Искра» приветствует его упрочение и заявляет, — в редакционной статье № 32, — что созыв партийного съезда дело *самой настоятельной, неотложной надобности**. Таким образом, нас всего уже меньше можно упрекнуть в торопливости по отношению к созыву второго съезда. Мы действовали именно по правилу: семь раз отмерь, один отрежь; мы имели полное нравственное право полагаться на товарищей, что после того, как отрезано, они не примутся плакаться и перемеривать.

Организационный Комитет выработал чрезвычайно тщательный (формалистический и бюрократический, сказали бы люди, которые прикрывают теперь этими словечками свою политическую бесхарактерность) устав второго съезда, провел этот устав по всем комитетам и, наконец, утвердил его, постановив между прочим в § 18: «Все постановления съезда и все произведенные им выборы являются решением партии, обязательным для всех организаций партии. Они никем и ни под каким предлогом не могут быть опротестованы и могут быть отменены или изменены только следующим съездом партии»**. Не правда ли, как невинны сами по себе эти слова, принятые в свое время молча, как нечто само собою подразумевающееся, и как странно звучат они теперь, точно приговор, изрекаемый над «меньшинством»! С какой целью составлен был подобный параграф? Для соблюдения одной формальности? Конечно, нет. Это постановление казалось необходимым и было действительно необходимо, ибо партия состояла из ряда раздробленных и самостоятельных групп, от которых можно было ждать непризнания съезда. Это постановление выражало собою именно *добрую волю* всех революционеров (о которой так часто и так неуместно говорят теперь, эфемистически характеризуя термином добрый то, что более заслуживает эпитета капризный). Оно равнялось взаимному *честному слову*, которое дали все русские социал-

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 277. *Ред.*

** См. протоколы второго съезда, стр. 22—23 и 380.

демократы. Оно должно было гарантировать, что громадные труды, опасности, расходы, связанные со съездом, не пропадут даром, что съезд не превратится в комедию. Оно заранее квалифицировало всякое непризнание решений и выборов съезда, как *нарушение доверия*.

Над кем же смеется новая «Искра», сделавшая новое открытие, что съезд не божество и решения его не святыня? Содержит ли ее открытие «новые организационные взгляды» или только новые попытки замести старые следы?

б) ЗНАЧЕНИЕ ГРУППИРОВОК НА СЪЕЗДЕ

Итак, съезд был созван после самой тщательной подготовки, на началах в высшей степени полного представительства. Общее признание правильности состава съезда и *безусловной* обязательности его решений нашло себе выражение и в заявлении председателя (стр. 54 протоколов) после конституирования съезда.

В чем же состояла главная задача съезда? В создании *действительной* партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». Что именно в этом направлении съезд должен был работать, это было предreshено трехлетней деятельностью «Искры» и ее признанием со стороны большинства комитетов. Искровская программа и направление должны были стать программой и направлением партии, искровские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии. Но само собою разумеется, что такой результат не мог быть достигнут без борьбы: полнота представительства на съезде обеспечила присутствие на нем и таких организаций, которые вели решительную борьбу с «Искрой» (Бунд и «Рабочее Дело»), и таких, которые, признавая «Искру» руководящим органом на словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении (группа «Южного рабочего» и примыкающие к ней делегаты некоторых комитетов). При таких условиях, съезд не мог не превратиться в *арену борьбы за победу искровского направления*. Что съезд и был на самом деле такой борьбой, — это сразу станет ясно для всякого, кто сколько-нибудь внимательно прочтет его

протоколы. Наша же задача теперь состоит в том, чтобы детально проследить главнейшие группировки, обнаружившиеся по разным вопросам на съезде, и восстановить, по точным данным протоколов, политическую физиономию каждой из основных групп съезда. Что именно представляли из себя те группы, те направления и те оттенки, которым предстояло на съезде слиться, под руководством «Искры», в единую партию? — вот что должны мы показать анализом прений и голосований. Выяснение этого обстоятельства имеет кардинальную важность и для изучения того, чем являются на деле наши социал-демократы, и для понимания причин расхождения. Вот почему я в своей речи на съезде Лиги и в своем письме в редакцию новой «Искры» выдвигал на первый план именно анализ различных группировок. Мои оппоненты из представителей «меньшинства» (и Мартов во главе их) совершенно не поняли сущности вопроса. На съезде Лиги они ограничивались частичными поправками, «оправдываясь» от того обвинения в повороте к оппортунизму, которое было против них выдвинуто, и не пытаюсь даже нарисовать, в противовес мне, *хоть какую-нибудь другую* картину группировок на съезде. Теперь в «Искре» (№ 56) Мартов пытается выставить все попытки точно отграничить различные политические группы на съезде — простым «кружковым политиканством». Сильно сказано, тов. Мартов! Но сильные слова новой «Искры» имеют одно оригинальное свойство: стоит точно воспроизвести все перипетии расхождения, начиная со съезда, и все эти сильные слова обращаются *целиком и прежде всего* против теперешней редакции. Оглянитесь-ка на себя, гг. так называемые партийные редакторы, поднимающие вопрос о кружковом политиканстве!

Мартову до такой степени неприятны теперь факты нашей борьбы на съезде, что он старается совершенно затушевать их. «Искровец, — говорит он, — это тот, кто на съезде партии и до него выражал свою полную солидарность с «Искрой», отстаивал ее программу и ее организационные взгляды и поддерживал ее организационную политику. На съезде таких искровцев было свыше сорока — столько голосов было подано за программу «Искры» и за резолюцию о признании «Искры» Центральным Органом партии». Откройте протоколы съезда, и вы увидите, что программа принята *всеми* (стр. 233), кроме воздержавше-

гося Акимова. Тов. Мартов хочет, таким образом, уверить нас, что и бундовцы, и Брукэр, и Мартынов *доказали* свою «полную солидарность» с «Искрой» и *отстаивали* ее организационные взгляды! Это смешно. Превращение *после* съезда *всех* его участников в равноправных членов партии (да и то не всех, ибо бундовцы ушли) смешивается здесь с той группировкой, которая вызывала борьбу на съезде. Изучение того, *из каких элементов* сложилось после съезда «большинство» и «меньшинство», подменяется официальной фразой: признали программу!

Возьмите голосование о признании «Искры» Центральным Органом. Вы увидите, что именно Мартынов, которому тов. Мартов со смелостью, достойной лучшего дела, приписывает теперь отстаиванье организационных взглядов и организационной политики «Искры», настаивает на отделении двух частей резолюции: голого признания «Искры» ЦО и признания ее заслуг. При голосовании первой части резолюции (признание заслуг «Искры», выражение *солидарности* с нею) за — подано *только 35 голосов*, два — против (Акимов и Брукэр) и одиннадцать воздержались (Мартынов, пять бундовцев и пять голосов редакции: по два у меня и у Мартова и один у Плеханова). Группа антиискровцев (пять бундовцев и три рабочедельца) обнаруживается, следовательно, с полной ясностью и здесь, на этом, самом выгодном для теперешних взглядов Мартова и им самим выбранном примере. Возьмите голосование за вторую часть резолюции — признание «Искры» Центральным Органом без всякой мотивировки и без выражения солидарности (страница 147 протоколов): *за* подано 44 голоса, которые и причисляются нынешним Мартовым к искровцам. Всего был 51 голос; за вычетом пяти голосов воздерживавшихся редакторов остается 46; два голосовали *против* (Акимов и Брукэр); в число остальных 44 входят, следовательно, *все пять бундовцев*. Итак, бундовцы на съезде «выражали полную солидарность с «Искрой»» — так пишется официальная история официальной «Искрой»! Забегая вперед, объясним читателю истинные мотивы этой официальной правды: нынешняя редакция «Искры» могла бы быть и была бы партийной редакцией на деле (а не quasi*-партийной, как теперь), *если бы бундовцы и*

* — *мнимо. Ред.*

рабочедельцы не ушли со съезда; вот почему этих вернейших стражей теперешней так называемой партийной редакции и надо было возвести в «искровцев». Но об этом подробно после.

Спрашивается, далее: если съезд представлял из себя борьбу искровских и антиискровских элементов, то не было ли промежуточных, неустойчивых элементов, которые колебались между теми и другими? Всякий, сколько-нибудь знакомый с нашей партией и с обычной физиономией всяких съездов, уже а priori* склонен будет ответить на этот вопрос утвердительно. Тов. Мартову очень не хочется теперь вспоминать об этих неустойчивых элементах, и он изображает группу «Южного рабочего» с тяготеющими к ней делегатами, как типичных искровцев, а разногласия наши с ними ничтожными и неважными. К счастью, теперь перед нами лежит полный текст протоколов, и мы можем разрешить этот вопрос — вопрос факта, разумеется, — на основании документальных данных. То, что мы сказали выше об общей группировке на съезде, конечно, не претендует на решение этого вопроса, а лишь на правильную постановку его.

Без анализа политических группировок, без картины съезда, как борьбы таких-то оттенков, нельзя ничего понять в нашем расхождении. Попытка Мартова смазать различие оттенков путем причисления даже бундовцев к искровцам есть простое уклонение от вопроса. А priori уже, на основании истории русской социал-демократии до съезда, намечаются (для дальнейшей проверки и детального изучения) три главные группы: искровцев, антиискровцев и неустойчивых, колеблющихся, шатких элементов.

в) НАЧАЛО СЪЕЗДА. — ИНЦИДЕНТ С ОРГАНИЗАЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ

Анализ прений и голосований на съезде всего удобнее вести в порядке заседаний съезда, чтобы последовательно отмечать все более и более обрисовывающиеся политические оттенки. Лишь тогда, когда это безусловно необхо-

* — вараее. Ред.

димо, будут делаться отступления от хронологического порядка для совместного рассмотрения тесно связанных вопросов или однородных группировок. В интересах беспристрастия мы будем стараться отмечать *все* главные голосования, опуская, конечно, массу вотировок по мелочам, которые заняли у нашего съезда непомерное количество времени (отчасти вследствие нашей неопытности и неумения распределить материал между комиссионными и пленарными заседаниями, отчасти вследствие проволочек, граничивших с обструкцией).

Первым вопросом, который вызвал дебаты, начинающие обнаруживать различие оттенков, был вопрос о постановке на первое место (в «порядке дня» съезда) пункта: «положение Бунда в партии» (стр. 29—33 протоколов). С точки зрения искровской, которую защищали Плеханов, Мартов, Троцкий и я, не могло быть никаких сомнений на этот счет. Уход Бунда из партии показал воочию правильность наших соображений: если Бунд не хотел идти вместе с нами и признать те организационные начала, которые разделяло, вместе с «Искрой», большинство партии, — то было бесполезно и бессмысленно «делать вид», что мы идем вместе, и только затягивать съезд (как ватягивали его бундовцы). Вопрос был уже выяснен вполне в литературе, и для всякого сколько-нибудь вдумчивого члена партии было очевидно, что остается только открыто поставить вопрос и прямо, честно сделать выбор: автономия (идем вместе) или федерация (расходимся).

Уклончивые во всей своей политике, бундовцы пожелали уклониться и тут, оттягивая вопрос. К ним присоединяется тов. Акимов, выдвигающий сразу, видимо от лица всех сторонников «Рабочего Дела», организационные разногласия с «Искрой» (стр. 31 протоколов). На сторону Бунда и «Рабочего Дела» становится тов. Махов (два голоса Николаевского комитета, незадолго перед тем выразившего свою солидарность с «Искрой»). Для тов. Махова вопрос совершенно неясен, а «большим местом» он считает и «вопрос о демократическом устройстве или, наоборот (это заметьте!), о централизме» — точь-в-точь, как большинство теперешней нашей «партийной» редакции, которое на съезде не заметило еще этого «большого места»!

Итак, против искровцев выступает Бунд, «Рабочее Дело» и тов. Махов, имеющие вместе как раз те десять

голосов, которые и поданы были против нас (стр. 33). За подано 30 голосов — цифра, около которой, как увидим ниже, часто колеблются голоса искровцев. Одиннадцать голосов, оказывается, воздержались — видимо, не становясь на сторону ни той, ни другой из борющихся «партий». Интересно отметить, что когда мы голосовали § 2 устава Бунда (отклонение этого § 2 вызвало уход Бунда из партии), то вотировавших за § 2 и воздержавшихся оказалось тоже десять голосов (стр. 289 протоколов), причем воздерживались именно трое рабочедельцев (Брукэр, Мартынов и Акимов) и тов. Махов. Очевидно, что голосование по вопросу о месте вопроса о Бунде дало не случайную группировку. Очевидно, что не только по техническому вопросу о порядке обсуждения, а и по существу расходились с «Искрой» все эти товарищи. Со стороны «Рабочего Дела» это расхождение по существу ясно для всякого, а тов. Махов бесподобно охарактеризовал свое отношение в речи по поводу ухода Бунда (стр. 289—290 прот.). На этой речи стоит остановиться. Тов. Махов говорит, что после резолюции, которая отвергла федерацию, «вопрос о положении Бунда в РСДРП для него из вопроса принципиального становился вопросом реальной политики по отношению к исторически сложившейся национальной организации; здесь я — продолжает оратор — не мог не считаться со всеми последствиями, какие могут явиться в результате нашего голосования, и потому вотировал бы за пункт второй в целом». Тов. Махов прекрасно усвоил себе дух «реальной политики»: принципиально он уже отверг федерацию, а поэтому на практике он вотировал бы за такой пункт устава, который проводит эту федерацию! И этот «практичный» товарищ поясняет свою глубоко-принципиальную позицию следующими словами: «Но (знаменитое, щедринское «но»!), так как то или иное мое голосование имело лишь принципиальный характер (!) и не могло носить характера практического, ввиду почти единогласного голосования всех остальных участников съезда, то я предпочел воздержаться от голосования, чтобы принципиально... (упаси нас, господа, от такой принципиальности!)... «оттенить» различие своей позиции в данном случае от позиции, защищаемой делегатами Бунда, голосовавшими за пункт. Обратное, я вотировал бы за этот пункт, если бы делегаты Бунда воздержали-

лись от голосования его, на чем они предварительно настаивали». Пойми, кто может! Принципиальный человек воздерживается от того, чтобы громко сказать: да, ибо это практически бесполезно, когда все говорят: нет.

Вслед за голосованием по вопросу о месте вопроса о Бунде, на съезде выплыл вопрос о группе «Борьба», приведший тоже к чрезвычайно интересной группировке и тесно связанный с самым «большим» вопросом съезда, вопросом о личном составе центров. Комиссия по определению состава съезда высказывается против приглашения группы «Борьба», согласно *двукратному* решению Организационного Комитета (см. стр. 383 и 375 прот.) и докладу *его представителей в комиссии* (стр. 35).

Тов. Егоров, *член ОК*, заявляет, что «вопрос о «Борьбе» (заметьте: о «Борьбе», а не о том или ином ее члене) для него новый», и просит перерыва. Каким образом для члена ОК мог быть новым вопрос, дважды решенный ОК, остается покрытым мраком неизвестности. Во время перерыва происходит заседание ОК (стр. 40 прот.) в том его составе, который случайно находился на съезде (несколько членов ОК из старых членов организации «Искры» на съезде отсутствовало)*. Начинаются прения о «Борьбе». Рабочедельцы высказываются за (Мартынов, Акимов и Брукэр, стр. 36—38). Искровцы (Павлович, Сорокин, Ланге⁶⁵, Тродкий, Мартов и др.) — против. Съезд разделяется опять в знакомой уже нам группировке. Борьба из-за «Борьбы» завязывается упорная, и тов. Мартов выступает с особенно обстоятельной (стр. 38) и «боевой» речью, в которой указывает справедливо на «неравномерность представительства» русских и заграничных групп, на то, что едва ли «хорошо» было бы давать заграничной группе «привилегию» (золотые слова, особенно поучительные теперь, с точки зрения событий, бывших после съезда!), что не следует поощрять «организационного хаоса в партии, который характеризовался дроблением, не вызываемым никакими принципиальными соображениями» (не в бровь, а в глаз... — «меньшинству» нашего партийного съезда!). Кроме сторонников «Рабочего Дела» *никто* открыто и мотивированно не выступает за «Борьбу» вплоть до закрытия

* О заседании этом см. «Письмо» Павловича⁶⁴, члена ОК и *единогласно* избранного до съезда доверенным лицом редакции, ее седьмым членом (прот. Лига, стр. 44).

списка ораторов (стр. 40): надо отдать справедливость тов. Акимову и его друзьям, что они, по крайней мере, не вилляли и не прятались, а открыто вели свою линию, открыто говорили о том, чего хотели.

После закрытия списка ораторов, когда по существу высказываться уже нельзя, тов. Егоров «настоятельно требует, чтобы было выслушано постановление ОК, принятое только что». Неудивительно, что члены съезда возмущены таким приемом, и тов. Плеханов, как председатель, выражает свое «недоумение, как может тов. Егоров настаивать на своем требовании». Казалось бы, одно из двух: или высказываться открыто и определенно по существу вопроса перед всем съездом, или не высказываться вовсе. Но дать закрыть список ораторов и затем, под видом «заключительного слова», преподнести съезду *новое* постановление ОК — именно по обсуждавшемуся вопросу — это равносильно удару из-за угла!

Заседание возобновляется после обеда, и бюро, продолжающее недоумевать, решает отступить от «формальности» и прибегнуть к последнему, на съездах лишь в крайних случаях употребительному средству «товарищеского объяснения». Представитель ОК, Попов, сообщает постановление ОК, принятое всеми его членами против одного, Павловича (стр. 43), и предлагающее съезду пригласить Рязанова.

Павлович заявляет, что он отрицал и отрицает законность собрания ОК, что новое постановление ОК *«противоречит его прежнему решению»*. Заявление производит бурю. Тов. Егоров, тоже член ОК и член группы «Южного рабочего», уклоняется от ответа по существу и хочет перенести центр тяжести на вопрос о дисциплине. Тов. Павлович будто бы нарушил партийную дисциплину (1), ибо ОК, обсудив протест Павловича, решил «не доводить до сведения съезда отдельное мнение Павловича». Дебаты переносятся на вопрос о партийной дисциплине, и Плеханов назидательно разъясняет тов. Егорову, при шумных аплодисментах съезда, что *«императивных мандатов у нас нет»* (стр. 42, сравни стр. 379, устав съезда, § 7: «Депутаты не должны быть ограничены в своих полномочиях императивными мандатами. В отправлении своих полномочий они совершенно свободны и независимы»). «Съезд есть самая высшая партийная инстанция», и, следова-

тельно, нарушает партийную дисциплину и устав съезда именно тот, кто стесняет чем бы то ни было обращение любого делегата *прямо* к съезду по *всем*, без исключения и изъятия, вопросам партийной жизни. Спорный вопрос сводится, таким образом, к дилемме: кружковщина или партийность? Ограничение прав делегатов на съезде во имя воображаемых прав или уставов разных коллегий и кружков, или *полное*, не на словах только, а на деле, распушение *всех* низших инстанций и старых группок перед съездом впредь до создания действительно партийных должностных учреждений. Читатель видит уже отсюда, какую громадную принципиальную важность имел этот спор в самом начале съезда (третье заседание), поставившего себе целью фактически восстановить партию. На этом споре сконцентрировался, так сказать, конфликт старых кружков и группок (вроде «Южного рабочего») с возрождающейся партией. И антиискровские группы сейчас же обнаруживают себя: и бундовец Абрамсон, и тов. Мартынов, горячий союзник нынешней редакции «Искры», и наш знакомый тов. Махов — все они высказываются за Егорова и группу «Южного рабочего» против Павловича. Тов. Мартынов, щеголяющий теперь, наперерыв с Мартовым и Аксельродом, организационным «демократизмом», вспоминает даже... армию, где можно апеллировать к высшей инстанции только чрез посредство низшей!! Истинный смысл этой «компактной» антиискровской оппозиции был совершенно ясен для всякого, кто был на съезде или кто следил внимательно за внутренней историей нашей партии до съезда. Задача оппозиции (может быть, даже не всегда всеми ее представителями сознаваемая, а иногда отстаиваемая по инерции) состояла в том, чтобы оградить независимость, особность, приходские интересы мелких группок от поглощения их широкой партией, созидаемой на искровских началах.

Именно с этой точки зрения подошел к вопросу и тов. Мартов, тогда еще не успевший объединиться с Мартыновым. Тов. Мартов решительно ополчается, и справедливо ополчается, против тех, кто «в представлении о партийной дисциплине не идет дальше обязанностей революционера к той группе *нижнего* порядка, в которую он входит». «Никакая *принудительная* (курсив Мартова) группировка внутри единой партии недопустима»,

разъясняет Мартов поборникам кружковщины, не предвидя того, как бичует он этими словами свое собственное политическое поведение в конце съезда и после него... Принудительная группировка не допустима для ОК, но допустима вполне для редакции. Принудительная группировка осуждается Мартовым, смотрящим из центра, и отстаивается Мартовым с того самого момента, когда он оказался недовольным составом центра...

Интересно отметить факт, что тов. Мартов, в своей речи, особенно подчеркнул, кроме «огромной ошибки» тов. Егорова, обнаруженную ОК политическую неустойчивость. «От имени ОК — справедливо негодовал Мартов — внесено предложение, идущее вразрез с докладом комиссии (основанным, добавим от себя, на докладе членов ОК: стр. 43, слова Кольцова) и с предыдущими предложениями ОК» (курсив мой). Как видите, Мартов ясно понимал тогда, до своего «поворота», что замена «Борьбы» Рязановым нисколько не устраняет полнейшей противоречивости и шаткости действий ОК (из протоколов съезда Лиги, стр. 57, члены партии могут узнать, как представлялось дело Мартову после его поворота). Мартов не ограничился тогда разбором вопроса о дисциплине; он прямо спросил также ОК: «что случилось нового, чтобы сделать нужной *переделку?*» (курсив мой). В самом деле, ведь ОК, внося свое предложение, не имел даже достаточно мужества, чтобы защищать свое мнение открыто, как защищали его Акимов и др. Мартов опровергает это (прот. Лиги, стр. 56), но читатели протоколов съезда увидят, что Мартов ошибается. Попов, вносящий предложение от имени ОК, *ни слова* не говорит о мотивах (стр. 41 прот. съезда партии). Егоров передвигает вопрос на пункт о дисциплине, а по существу говорит лишь: «у ОК могли явиться новые соображения»... (но явились ли и какие? — неизвестно)... «он мог забыть внести кого-нибудь и т. д.». (Это «и т. д.» — единственное прибежище оратора, ибо ОК не мог *забыть* дважды обсуждавшегося им до съезда и раз перед комиссией вопроса о «Борьбе»). «ОК принял это решение не потому, что изменил свое отношение к группе «Борьба», но потому, что хочет устранить лишние камни на пути будущей центральной организации партии при первых шагах ее деятельности». Это — не мотивировка, а именно уклонение от мотивировки. Всякий искренний социал-демократ

(а мы не допускаем и сомнения в искренности кого бы то ни было из участников съезда) заботится об устранении того, что он считает подводным камнем, об устранении теми способами, какие он признает целесообразными. Мотивировать значит объяснить и точно высказать свой взгляд на вещи, а не отделаться трюизмом. И мотивировать нельзя бы было, не изменяя своего отношения к «Борьбе», потому что прежние, противоположные решения ОК тоже заботились об устранении подводных камней, но видели эти «камни» как раз в обратном. Тов. Мартов и напал чрезвычайно резко и чрезвычайно основательно на этот довод, назвав его «мелким» и вызванным желанием «отговариваться», дав совет ОК «не бояться того, что люди скажут». Этими словами тов. Мартов превосходно охарактеризовал суть и смысл того политического оттенка, который сыграл громадную роль на съезде и который отличается именно несамостоятельностью, мелкостью, отсутствием своей линии, боязнью того, что скажут люди, вечным колебанием между обеими определенными сторонами, боязнью открытого изложения своего *credo**, — одним словом «болотностью»**.

Эта политическая бесхарактерность неустойчивой группы привела, между прочим, к тому, что никто, кроме бундовца Юдина (стр. 53), так и не внес на съезд резолюции о приглашении одного из членов группы «Борьба». Вотировали за резолюцию Юдина пять голосов — очевидно, все бундовцы: колеблющиеся элементы еще раз переметнулись! Как велико было приблизительно число голосов средней группы, показали вотировки резолюций Кольцова и Юдина по этому вопросу: за искровцем шло 32 голоса (стр. 47), за бундовцем — 16, т. е., кроме восьми антиискровских голосов, два голоса тов. Махова (стр. 46), четыре голоса членов группы «Южного рабочего» и еще два голоса. Мы покажем сейчас, что такое распределение

* — символ веры, программа, наложение миросовершания. *Ред.*

** У нас есть теперь в партии люди, которые, слыша это слово, приходят в ужас и кричат о нетоварищеской полемике. Странное извращение чутья под влиянием официальности..., не к месту применяемой! Едва ли хоть одна политическая партия, вносящая внутреннюю борьбу, обходилась без этого термина, которым всегда обозначают неустойчивые элементы, колеблющиеся между борцами. И немцы, умсющие двигать внутреннюю борьбу в превосходно выдержанные рамки, не обижаются по поводу слова «vergispritz» («болотный»). *Ред.*) и не приходят в ужас, не проявляют смешной официальной pruderie (чопорности). *Ред.*

отнюдь нельзя считать случайным, но сначала отметим вкратце *теперешнее* мнение Мартова об этом инциденте с ОК. Мартов утверждал в Лиге, что «Павлович и другие раздували страсти». Достаточно справиться с протоколами съезда, чтобы видеть, что самые обстоятельные, горячие и резкие речи против «Борьбы» и ОК принадлежат самому Мартову. Пытаясь свалить «вину» на Павловича, он только демонстрирует свою неустойчивость: до съезда именно Павловича он выбирал седьмым в редакцию, на съезде вполне присоединялся к Павловичу (стр. 44) против Егорова, а потом, потерпев поражение от Павловича, начинает обвинять его в «раздувании страстей». Это только смешно.

В «Искре» (№ 56) Мартов иронизирует по поводу того, что придается важное значение вопросу о приглашении икса или игрека. Ирония эта обращается опять против Мартова, ибо именно инцидент с ОК послужил завязкой к спорам о таком «важном» вопросе, как приглашение икса или игрека в ЦК и в ЦО. Нехорошо это — мерить на два разных аршина, смотря по тому, *своей* ли «группы низшего порядка» (по отношению к партии) касается дело или *чужой*. Это именно обывательщина и кружковщина, а не партийное отношение к делу. Простое сопоставление речи Мартова в Лиге (стр. 57) с речью на съезде (стр. 44) достаточно доказывает это. «Мне непонятно — сказал Мартов, между прочим, в Лиге — как это люди в одно и то же время ухитряются называть себя во что бы то ни стало искровцами и — стыдятся быть искровцами». Странное непонимание различия между «называть себя» и «быть», между словом и делом. Сам Мартов на съезде *называл себя* противником принудительных группировок, а после съезда *был* их сторонником...

г) РАСПУЩЕНИЕ ГРУППЫ «ЮЖНОГО РАБОЧЕГО»

Распределение делегатов в вопросе об ОК могло бы показаться, пожалуй, случайным. Но такое мнение было бы ошибочным, и чтобы устранить его, мы отступим от хронологического порядка и рассмотрим сейчас же инцидент, имевший место в конце съезда, но самым тесным образом связанный с предыдущим. Инцидент этот — распускание группы «Южного рабочего». Против искровских организационных тенденций — полного сплочения партийных сил и

устранения дробящего силы хаоса — выступили здесь интересы *одной* из групп, которая делала полезное дело при отсутствии настоящей партии и которая стала излишней при централистической постановке работы. Во имя интересов кружка — группа «Южного рабочего» с неменьшим правом, чем старая редакция «Искры», могла претендовать на сохранение «преемственности» и на свою неприкосновенность. Во имя интересов партии — группа эта должна была подчиниться перемещению ее сил в «соответствующие партийные организации» (стр. 313, конец резолюции, принятой съездом). С точки зрения интересов кружка и «обывательщины» не могло не казаться «щекотливым» (выражение тов. Русова и тов. Дейча) распускание полезной группы, которая так же не хотела этого, как не хотела и старая редакция «Искры». С точки зрения интересов партии являлось необходимым распускание, «растворение» (выражение Гусева) в партии. Группа «Южного рабочего» прямо заявила, что она «не находит нужным» объявить себя распушенной и требует, чтобы «съезд решительно заявил свое мнение» и притом «немедленно: да или нет». Группа «Южного рабочего» прямо ссылаясь на ту самую «преемственность», к которой стала апеллировать старая редакция «Искры»... после ее распускания! «Хотя все мы по одиночке составляем единую партию, — сказал тов. Егоров — но она все-таки состоит из целого ряда организаций, с которыми приходится считаться, как с историческими величинами... Если подобная организация не вредна партии, то ее не к чему распускать».

Таким образом, важный *принципиальный* вопрос был поставлен совершенно определенно, и все искровцы — покуда еще интересы их собственной кружковщины не выплывали вперед — решительно встали против неустойчивых элементов (бундовцы и двое из рабочедельцев в это время уже не были на съезде; они несомненно стояли бы горой за необходимость «считаться с историческими величинами»). Голосование дало 31 за, пять против и пять воздержавшихся (четыре голоса члснов группы «Южного рабочего» и еще один, вероятно, Белова, судя по его прежним заявлениям, стр. 308). Группа в *десять голосов*, относящаяся резко отрицательно к последовательному организационному плану «Искры» и отстаивающая кружковщину против партийности, обрисовывается с полной

определенностью. В дебатах искровцы ставят этот вопрос именно принципиально (см. речь Ланге, стр. 315), высказываясь против кустарничества и разброда, отказываясь считаться с «симпатиями» отдельных организаций, говоря прямо, что «если бы товарищи из «Южного рабочего» держались более принципиальной точки зрения раньше, еще год или два тому назад, то дело объединения партии и торжество тех начал программы, которые мы здесь санкционировали, было бы достигнуто раньше». В этом духе высказываются и Орлов, и Гусев, и Лядов, и Муравьев, и Русов, и Павлович, и Глебов, и Горин. Искровцы из «меньшинства» не только не встают против этих, неоднократно поднимавшихся на съезде, определенных указаний на недостаточность принципиальную политику и «линию» «Южного рабочего», Махова и других, не только не делают каких-либо оговорок на этот счет, а напротив, в лице Дейча, решительно присоединяются к ним, осуждая «хаос» и приветствуя «прямую постановку вопроса» (стр. 315) того самого тов. Русова, который в этом же заседании имел — о ужас! — дерзость «прямо поставить» и вопрос о старой редакции на чисто партийную почву (стр. 325).

Со стороны группы «Южного рабочего» вопрос об ее распущении вызвал страшное возмущение, следы которого есть и в протоколах (надо не забывать, что протоколы дают лишь бледную картину прений, ибо, вместо полных речей, они приводят самые сжатые конспекты и экстракты). Тов. Егоров назвал даже «ложью» простое упоминание имени группы «Рабочая мысль»⁶⁶ наряду с «Южным рабочим» — характерный образчик того, какое отношение к последовательному экономизму господствовало на съезде. Егоров даже гораздо позже, в 37-ом заседании, говорит о распущении «Южного рабочего» с величайшим раздражением (стр. 356), прося занести в протокол, что при обсуждении вопроса об «Южном рабочем» членов этой группы не спрашивали ни о средствах на издание, ни о контроле ЦО и ЦК. Тов. Попов намекает во время прений о «Южном рабочем» на компактное большинство, как бы предрешившее вопрос об этой группе. «Теперь — говорит он (стр. 316) — все, после речей тов. Гусева и Орлова, ясно». Смысл этих слов несомненен: теперь, когда искровцы высказались и предложили резолюцию, все ясно, т. е. ясно, что «Южный рабочий» будет распущен, вопреки

его воле. Представитель «Южного рабочего» сам отделяет здесь искровцев (и притом таких, как Гусева и Орлова) от своих сторонников, как представителей разных «линий» организационной политики. И когда теперешняя «Искра» выставляет группу «Южного рабочего» (а также, вероятно, Махова?) «типичными искровцами», то это лишь наглядно показывает забвение самых крупных (с точки зрения этой группы) событий съезда и желание новой редакции замести следы, указывающие, из каких элементов создалось так называемое «меньшинство».

К сожалению, на съезде не поднялось вопроса о популярном органе. Все искровцы чрезвычайно оживленно обсуждали этот вопрос и до съезда и во время съезда вне заседаний, соглашаясь в том, что в настоящий момент партийной жизни предпринимать издание такого органа или превращать в него один из существующих чрезвычайно нерационально. Антиискровцы высказались на съезде в противоположном смысле, группа «Южного рабочего» тоже в своем докладе, и только случайностью или нежеланием поднимать «безнадежный» вопрос можно объяснить, что за подписью десяти лиц не было внесено соответствующей резолюции.

д) ИНЦИДЕНТ С РАВНОПРАВИЕМ ЯЗЫКОВ

Вернемся к порядку заседаний съезда.

Мы убедились теперь, что еще до перехода к обсуждению вопросов по существу на съезде ясно обнаружилась не только совершенно определенная группа антиискровцев (8 голосов), но и группа промежуточных, неустойчивых элементов, готовых поддержать эту восьмерку и увеличить ее приблизительно до 16—18 голосов.

Вопрос о месте Бунда в партии, обсуждавшийся на съезде чрезвычайно, чересчур подробно, свелся к решению принципиального тезиса, практическое же решение было отложено до обсуждения организационных отношений. Ввиду того, что в литературе до съезда довольно много места было уделено разъяснению относящихся сюда тем, на съезде обсуждение дало мало сравнительно нового. Нельзя не заметить только, что сторонники «Рабочего Дела» (Мартынов, Акимов и Брукер), соглашаясь с резолюцией Мартова, оговаривали, что признают ее

недостаточность и расходятся в выводах из нее (стр. 69, 73, 83, 86).

От вопроса о месте Бунда съезд перешел к программе. Прения вращались здесь большей частью около частных поправок, представляющих мало интереса. Принципиально оппозиция антиискровцев выразилась лишь в походе тов. Мартынова против пресловутой постановки вопроса о стихийности и сознательности. За Мартынова встали, конечно, бундовцы и рабочедельцы целиком. Неосновательность его возражений показали, между прочим, Мартов и Плеханов. Как курьез надо отметить, что теперь редакция «Искры» (подумав, должно быть) перешла на сторону Мартынова и говорит обратное тому, что говорила на съезде! Должно быть, это соответствует знаменитому принципу «преемственности»... Остается выждать, когда редакция разберется вполне и выяснит нам вопрос, в какой именно мере согласилась она с Мартыновым, в чем именно и с какого именно времени. В ожидании этого мы спросим только, выдан ли где-нибудь такой *партийный* орган, редакция которого заговорила после съезда как раз обратное тому, что она говорила на съезде?

Минуя споры о признании «Искры» Центральным Органом (мы касались уже их выше) и начало дебатов об уставе (их удобнее будет рассмотреть в связи со всем обсуждением устава), перейдем к обнаружившимся при обсуждении программы принципиальным оттенкам. Отметим прежде всего одну деталь чрезвычайно характерного свойства: прения по вопросу о пропорциональном представительстве. Тов. Егоров из «Южного рабочего» защищал внесение его в программу и защищал так, что вызвал справедливое замечание Посадовского (искровец из меньшинства) о «серьезном разногласии». «Несомненно, — сказал тов. Посадовский, — что мы не сходимся по следующему основному вопросу: *нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность*, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии? Я решительно высказываюсь за последнее». Плеханов «вполне присоединяется» к Посадовскому, восставая в еще более определенных и более решительных выражениях против «абсолютной ценности демократических принципов»,

против «отвлеченного» рассматривания их. «Гипотетически мыслим случай, — говорит он, — когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права». Речь Плеханова встречена рукоплесканиями и *шиканьем*, и когда Плеханов опротестовывает Zwischenruf* «вы не должны шикать» и просит товарищей не стесняться, то тов. Егоров встает и говорит: «раз такие речи вызывают рукоплесканья, то я обязан шикать». Вместе с тов. Гольдблатом (делегатом Бунда) тов. Егоров высказывается против взглядов Посадовского и Плеханова. К сожалению, дебаты были закрыты, и выплывший по поводу них вопрос сошел тотчас со сцены. Но напрасно старается теперь тов. Мартов ослабить и даже свести на нет его значение, говоря на съезде Лиги: «Эти слова (Плеханова) вызвали негодование части делегатов, которого легко было бы избежать, если бы тов. Плеханов добавил, что, разумеется, нельзя себе представить такого трагического положения дел, при котором пролетариату для упрочения своей победы приходилось бы попирать такие политические права, как свободу печати... (Плеханов: «тегсі»)» (стр. 58 прот. Лиги). Это толкование *прямо* противоречит совершенно категорическому заявлению тов. Посадовского *на съезде* о «серьезном разногласии» и расхождении по «основному вопросу». По этому основному вопросу все искровцы высказались на съезде *против* представителей антиискровской «правой» (Гольдблат) и съездовского «центра» (Егоров). Это факт, и можно смело ручаться, что если бы «центру» (надеюсь, это слово будет менее шокировать «официальных» сторонников мягкости, чем какое-либо другое...), если бы «центру» пришлось (в лице тов. Егорова или Махова) высказываться *непринужденно* по этому или аналогичным вопросам, то серьезное разногласие обнаружилось бы немедленно.

Оно обнаружилось еще рельефнее по вопросу о «равноправии языков» (стр. 171 и след. прот.). По этому пункту

* — замечание с места во время речи оратора. *Ред.*

красноречивы не столько прения, сколько голосования: подсчитывая сумму их, получаем невероятное число — *шестнадцать!* Из-за чего? Из-за того, достаточно ли в программе оговорить равноправность всех граждан, независимо от пола и т. д. и языка или же необходимо сказать: «свобода языка» или «равноправие языков». Тов. Мартов на съезде Лиги довольно верно охарактеризовал этот эпизод, сказавши, что «ничтожный спор о редакции одного пункта программы принял принципиальное значение, потому что половина съезда готова была свергнуть программную комиссию». Именно так*. Повод к столкновению был именно ничтожный, и тем не менее столкновение приняло действительно *принципиальный* характер, а потому и страшно ожесточенные формы вплоть до попытки «свергнуть» программную комиссию, вплоть до подозрений в желании «подвести съезд» (в этом заподозрил Егоров Мартова!), вплоть до обмена личными замечаниями самого... ругательного свойства (с. 178). Даже тов. Попов «выражал сожаление, что по поводу пустяков создается *такая атмосфера*» (курсив мой, с. 182), которая царил в течение трех заседаний (16, 17 и 18).

Все эти выражения в высшей степени определено и категорически указывают на тот важнейший факт, что атмосфера «подозрений» и самых ожесточенных форм борьбы («свержение»), — в создании которой обвинялось потом, на съезде Лиги, большинство искровцев! — на самом деле создалась *гораздо раньше, чем мы раскололись на большинство и меньшинство*. Повторяю, это факт громадной важности, основной факт, непонимание которого приводит очень и очень многих к самым легкомыслен-

* Мартов добавляет: «В этом случае нам сильно повредила острота Плеханова об ослах» (ногда говорили о свободе языка, то один бундовец, кажется, упомянул среди учреждений учреждение коннозаводства, и Плеханов бросил про себя: «лошади не говорят, а вот ослаы иногда разговаривают»). Я, конечно, не могу видеть в этой остроте особой мягкости, уступчивости, осмотрительности и гибкости. Но мне все же странно, что Мартов, признавши *принципиальное значение* спора, не останавливается совершенно на разборе того, в чем тут принципиальность и какие оттенки тут сказались, а ограничивается указанием на «вред» острот. Это уж вот поистине бюрократическая и формалистическая точка зрения! Резкие остроты действительно «сильно повредили на съезде» и не только остроты насчет бундовцев, но и насчет тех, кого иногда поддерживали и даже спасали от поражения бундовцы. Однако, рав привною принципиальное значение инцидента, нельзя отделяться фразой о «неповолятельности» (стр. 58 прот. Лиги) некоторых острот.

ным мнениям относительно искусственности большинства в конце съезда. С теперешней точки зрения тов. Мартова, уверяющего, что на съезде было $\frac{9}{10}$ искровцев, абсолютно необъясним и нелеп тот факт, что из-за «пустяков», из-за «ничтожного» повода могло произойти столкновение, получившее «принципиальный характер» и едва не доведшее до свержения съездовской комиссии. Было бы смешно отделяться от этого факта сетованиями и сожалениями по поводу «повредивших» острот. *Принципиального* значения столкновение не могло получить ни из-за каких резких острот, такое значение могло получиться исключительно в силу характера политических группировок на съезде. Не резкости и не остроты создали конфликт, — они были только *симптомом* того, что в самой политической группировке съезда есть «противоречие», есть все залогов конфликта, есть внутренняя неоднородность, которая с имманентной силой прорывается при каждом, *даже ничтожном*, поводе.

Напротив, с той точки зрения, с которой я смотрю на съезд и которую я считаю своим долгом отстаивать, как известное политическое понимание событий, хотя бы это понимание и казалось кому-либо обидным, — с этой точки зрения вполне объясним и неизбежен отчаянно-резкий конфликт *принципиального* характера по «ничтожному» поводу. Раз у нас на съезде *все время* шла борьба искровцев с антиискровцами, раз между ними стояли неустойчивые элементы, раз эти последние вместе с антиискровцами составляли $\frac{1}{3}$ голосов ($8 + 10 = 18$ из 51, по моему счету, разумеется, приблизительно), — то совершенно понятно и естественно, что *всякое отпадение от искровцев хотя бы небольшого меньшинства их* создавало возможность победы антиискровского направления и вызывало, поэтому, «бешеную» борьбу. Это не результат неуместно резких выходов и нападок, а результат политической комбинации. Не резкости создавали политический конфликт, а существование политического конфликта в самой группировке съезда создавало резкости и нападки, — в этом противопоставлении заключается основное наше принципиальное расхождение с Мартовым в оценке политического значения съезда и результатов съезда.

В течение всего съезда было три наиболее крупных случая отпадения незначительного числа искровцев от

большинства их, — равноправие языков, § 1 устава и выборы — и во всех этих трех случаях получалась ожесточенная борьба, приведшая в конце концов к теперешнему тяжелому кризису в партии. Чтобы политически осмыслить этот кризис и эту борьбу, надо не ограничиваться фразами о непоозволительных остротах, а рассмотреть политические группировки оттенков, столкнувшихся на съезде. Инцидент с «равноправием языков» представляет поэтому двойной интерес с точки зрения выяснения причины расхождения, ибо здесь еще Мартов был (еще был!) искровцем и воевал едва ли не больше всех против антиискровцев и «центра».

Война началась спором тов. Мартова с лидером бундовцев, тов. Либером (стр. 171—172). Мартов доказывает достаточность требования «равноправия граждан». «Свобода языка» отклоняется, но сейчас же выдвигается «равноправие языков», и вместе с Либером ополчается на бой тов. Егоров. Мартов заявляет, что это — *фетишизм*, «когда ораторы настаивают на равноправии национальностей и переносят неравноправность в область языка. Между тем, вопрос следует рассматривать как раз с другой стороны: существует неравноправность национальностей, которая выражается, между прочим, и в том, что люди, принадлежащие к известной нации, лишены права пользоваться родным языком» (стр. 172). Мартов был тогда совершенно прав. Действительно, каким-то фетишизмом являлась абсолютно несостоятельная попытка Либеры и Егорова защитить правильность их формулировки и найти у нас нежелание или неумение провести принцип равноправия национальностей. На самом деле они, как «фетишисты», отстаивали именно слово, а не принцип, действовали не из боязни какой-либо принципиальной ошибки, а из боязни того, что скажут люди. Как раз эту психологию неустойчивости (а что если нас за это «другие» обвинят?), — отмеченную нами в инциденте с Организационным Комитетом, — проявил тут с полной ясностью и весь наш «центр». Другой представитель его, близко стоящий к «Южному Рабочему» горнозаводский делегат Львов, «считает вопрос об угнетении языков, выдвинутый окраинами, очень серьезным. Важно, чтобы мы, поставивши пункт об языке в нашей программе, удалили всякое предположение о руссификаторстве, в котором могут подозре-

вать, социал-демократов». Вот замечательная мотивировка «серьезности» вопроса. Вопрос очень серьезен *потому*, что надо удалить возможные подозрения окраин! Оратор не дает ровно ничего по существу, он не отвечает на обвинения в фетишизме, а целиком подтверждает их, выказывая полное отсутствие своих доводов, отделяваясь ссылкой на то, что скажут окраины. Все, что они *могли бы* сказать, *неверно*, — говорят ему. Вместо разбора, верно это или неверно, он отвечает: «*могут подозревать*».

Такая постановка вопроса, с претензией на его серьезность и важность, действительно уже получает принципиальный характер, только вовсе не тот, который хотели найти тут Либеры, Егоровы, Львовы. Принципиальным становится вопрос: должны ли мы предоставить организациям и членам партии применять общие и основные положения программы, применяя их к конкретным условиям и развивая их в направлении такого применения, или мы должны, из простой боязни подозрений, заполнять программу мелкими деталями, частными указаниями, повторениями, казуистикой. Принципиальным становится вопрос о том, как могут социал-демократы в борьбе с казуистичностью усматривать («подозревать») попытки сужения элементарных демократических прав и вольностей. Да когда же, наконец, мы отучимся от этого фетишистского преклонения пред казусами? — вот мысль, которая мелькала у нас при виде борьбы из-за «языков».

Группировка делегатов в этой борьбе особенно ясна, благодаря обилию именных голосований. Их было целых три. Против искровского ядра горой стоят все время все антиискровцы (8 голосов) и, с самыми небольшими колебаниями, весь центр (Махов, Львов, Егоров, Попов, Медведев, Иванов, Царев, Белов, — только два последние колебались вначале, то воздерживаясь, то голосуя с нами, и определились вполне лишь к третьему голосованию). От искровцев отпадает часть — главным образом, кавказцы (трое с шестью голосами) — и благодаря этому перевес, в конце концов, получает направление «фетишизма». При третьем голосовании, когда сторонники обеих тенденций наиболее выяснили свои позиции, от искровцев большинства отделились к противной стороне трое кавказцев с шестью голосами; от искровцев меньшинства

отделились двое с двумя голосами — Посадовский и Костич; при двух первых голосованиях переходили к противной стороне или воздерживались: Ленский, Степанов и Горский из большинства искровцев, Дейч из меньшинства. *Отделение восьми искровских голосов (от всего числа 33) дало перевес коалиции антиискровцев и неустойчивых элементов.* Это — именно тот основной факт съездовской группировки, который повторился (при отделении других только искровцев) и при голосовании § 1 устава и при выборах. Неудивительно, что потерпевшие поражение на выборах старательно закрывают теперь глаза на *политические причины* этого поражения, на *исходные пункты* той борьбы оттенков, которая все более вскрывала и все беспощаднее разоблачала перед партией неустойчивые и политически бесхарактерные элементы. Инцидент с равноправием языков показывает нам эту борьбу тем рельефнее, что тогда еще и тов. Мартов не успел заслужить похвал и одобрения Акимова и Махова.

е) АГРАРНАЯ ПРОГРАММА

Принципиальная невыдержанность антиискровцев и «центра» сказалась рельефно и на прениях об аграрной программе, которые заняли немало времени у съезда (см. стр. 190—226 прот.) и поставили немало чрезвычайно интересных вопросов. Как и следовало ожидать, поход против программы поднимает тов. Мартынов (после мелких замечаний тов. Либера и Егорова). Он выдвигает старый довод об исправлении «именно данной исторической несправедливости», чем будто бы косвенно мы «освящаем другие исторические несправедливости» и т. д. На его сторону становится и тов. Егоров, которому даже «неясно, каково значение этой программы. Есть ли это — программа для нас, т. е. определяет ли она требования, которые мы выставляем, или мы хотим сделать ее популярной» (1?1?). Тов. Либер «хотел бы сделать те же указания, что и тов. Егоров». Тов. Махов выступает со свойственной ему решительностью, заявляя, что «большинство (?) из говоривших решительно не понимает, что из себя представляет выставленная программа и какие цели она преследует». Предлагаемую программу, видите ли, «трудно считать за соц.-дем. аграрную программу»; она... «несколько

пахнет игрой в исправление исторических несправедливостей», на ней лежит «оттенок демагогии и авантюризма». Теоретическим подтверждением этого глубокомыслия является обычная утрировка и упрощение вульгарного марксизма: искровцы будто бы «с крестьянами хотят оперировать, как с чем-то единым по составу; а так как крестьянство уж давно (?) расслоено на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь делается авантюрой» (202). Тов. Махов «выбалтывает» здесь истинную причину отрицательного отношения к нашей аграрной программе со стороны многих социал-демократов, готовых «признавать» «Искру» (как признал ее и сам Махов), но совершенно не продумавших ее направление, ее теоретическую и тактическую позицию. Именно вульгаризация марксизма в применении его к такому сложному и многостороннему явлению, как современный уклад русского крестьянского хозяйства, вызывала и вызывает непонимание этой программы, а вовсе не расхождение по отдельным частностям. И на такой вульгарно-марксистской точке зрения быстро сошлись лидеры антиискровских элементов (Либер и Мартынов) и «центра» — Егоров и Махов. Тов. Егоров откровенно выразил также одну из характерных черт «Южного Рабочего» и тяготеющих к нему групп и кружков, именно — непонимание значения крестьянского движения, непонимание того, что не переоценка, а, наоборот, скорее недооценка этого значения (и недостаток сил для использования движения) составляла слабую сторону наших социал-демократов во время первых знаменитых крестьянских восстаний. «Я далек от увлечения редакцией крестьянским движением, — сказал т. Егоров, — увлечения, после крестьянских волнений охватившего многих социал-демократов». Т. Егоров не потрудился только, к сожалению, познакомиться съезд сколько-нибудь точно с тем, в чем же выразилось это увлечение *редакции*, не потрудился привести конкретных указаний на литературный материал, данный «Искрой». Он забыл, кроме того, что *все* основные пункты нашей аграрной программы были развиты «Искрой» еще в ее третьем номере*, т. е. *задолго* до крестьянских

* См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 394—401. *Ред.*

волнений. Кто «признавал» «Искру» не на словах только, тому не грех было бы проявить немного больше внимания к ее теоретическим и тактическим принципам!

«Нет, в крестьянстве мы много сделать не можем!» — восклицает т. Егоров и объясняет далее это восклицание не в смысле протеста против того или другого отдельного «увлечения», а в смысле отрицания всей нашей позиции: «Это и значит, что наш лозунг не может конкурировать с авантюристским лозунгом». Прехарактерная формулировка беспринципного отношения к делу, сводящего все к «конкуренции» лозунгов разных партий! И это говорится после того, как оратор объявляет себя «удовлетворенным» теоретическими объяснениями, в которых указывалось, что мы стремимся к прочному успеху в агитации, не смущаясь временными неудачами, и что прочный успех (вопреки шумным крикам «конкурентов»... на минуту) невозможен без устойчивого теоретического базиса программы (с. 196). Какая путаница вскрывается этим уверением об «удовлетворенности» и немедленным повторением вульгарных положений, унаследованных от старого экономизма, для которого «конкуренция лозунгов» решала все вопросы не аграрной только, а всей программы и всей тактики экономической и политической борьбы. «Вы не заставите батрака — говорил т. Егоров — бороться рядом с богатым крестьянином за отрезки, которые уже в немалой части находятся в руках этого богатого крестьянина».

Опять то же упрощение, несомненно приходящееся сродни нашему оппортунистическому экономизму, который настаивал, что невозможно «заставить» пролетария бороться за то, что в немалой части находится в руках буржуазии и в еще большей части попадет в ее руки в будущем. Опять та же вульгаризация, забывающая о русских особенностях общекapиталистического отношения между батраком и богатым крестьянином. Отрезки давят сейчас, давят на деле и батрака, которого нечего «заставлять» бороться за освобождение от кабалы. «Заставлять» приходится некоторых интеллигентов — заставлять пошире взглянуть на свои задачи, вставлять отказаться от шаблонов при обсуждении конкретных вопросов, заставлять считаться с исторической конъюнктурой, усложняющей и модифицирующей наши цели. Именно только предрассудок, что мужик глуп, — предрассудок, про-

скальзывавший, по справедливому замечанию т. Мартова (с. 202), в речах тов. Махова и других противников аграрной программы, — только предрассудок объясняет забвение этими противниками реальных условий быта нашего батрака.

Упростив вопрос до голого противоположения: рабочий и капиталист, представители нашего «центра» старались, как водится, свалить свою узость на мужика. «Именно потому, — говорил т. Махов, — что я считаю мужика в меру его узкой классовой точки зрения умным, я полагаю, что он будет стоять за мелкобуржуазный идеал захвата и раздела». Тут смешиваются явно две вещи: характеристика классовой точки зрения мужика, как мелкого буржуа, и сужение этой точки зрения, сведение ее к «узкой мере». Вот в этом-то сведении и заключается ошибка Егоровых и Маховых (точно так же, как в сведении к «узкой мере» точки зрения пролетария состояла ошибка Мартыновых и Акимовых). Между тем и логика, и история учат, что мелкобуржуазная классовая точка зрения может быть более или менее узкой, более или менее прогрессивной, именно ввиду двойственности положения мелкого буржуа. И наша задача никоим образом не может состоять в опускании рук по поводу узости («глупости») мужика или господства над ним «предрассудка», а, наоборот, в неустанном расширении его точки зрения, в содействии победе его рассудка над его предрассудком.

Вульгарно-«марксистская» точка зрения на русский аграрный вопрос нашла свое кульминационное выражение в заключительных словах принципиальной речи т. Махова, верного защитника старой редакции «Искры». Недаром встречены были эти слова аплодисментами... правда, ироническими. «Я не знаю, конечно, что называть бедой», — говорит т. Махов, возмущенный указанием Плеханова, что движение в пользу черного передела нас несколько не пугает, что не мы стали бы задерживать это прогрессивное (буржуазно-прогрессивное) движение. — «Но революция эта, если ее можно так назвать, будет не революционной. Я сказал бы правильнее, что это будет уже не революция, а реакция (смех), революция вроде бунта... Подобная революция отбросит нас назад, и потребуются известное время для того, чтобы вновь прийти к тому положению, которое мы теперь имеем. А мы теперь имеем горавдо

больше, чем во время французской революции (иронические аплодисменты), мы имеем социал-демократическую партию (смех)... Да, такая социал-демократическая партия, которая рассуждала бы по-маховски, или имела центральные учреждения, опирающиеся на Маховых, действительно заслуживала бы только смеха...

Мы видим, таким образом, что и по чисто принципиальным вопросам, поднятым аграрной программой, сейчас же сказалась знакомая уже нам группировка. Антиискровцы (8 голосов) идут в поход во имя вульгарного марксизма, за ними плетутся вожди «центра», Егоровы и Маховы, путаясь и сбиваясь постоянно на ту же узкую точку зрения. Совершенно естественно поэтому, что голосование некоторых пунктов аграрной программы дает цифры 30 и 35 голосов за (стр. 225 и 226), т. е. как раз именно то приблизительное число, которое мы видели и при споре о месте обсуждения вопроса о Бунде, и на инциденте с ОК, и на вопросе о закрытии «Южного Рабочего». Стоит подняться вопросу, сколько-нибудь выходящему из рамок обычного и установленного уже шаблона, сколько-нибудь требующему самостоятельного приложения теории Маркса к своеобразным и новым (для немцев новым) социально-экономическим отношениям, — и тотчас же искровцев, умеющих стать на высоту задачи, оказывается лишь $\frac{3}{5}$ голосов, тотчас же весь «центр» поворачивает за Либерами и Мартыновыми. А тов. Мартов усиливается еще затушевать этот очевидный факт, боязливо обходя те голосования, где ясно обнаружился оттенок!

Из прений по аграрной программе ясно видна борьба искровцев против добрых двух пятых съезда. Кавказские делегаты занимали тут совершенно правильную позицию, — в значительной степени, вероятно, благодаря тому, что близкое знакомство с местными формами многочисленных остатков крепостничества предостерегало их от абстрактно-школьнических голых противоположений, удовлетворявших Маховых. Против Мартынова и Либера, Махова и Егорова ополчались и Плеханов, и Гусев (подтверждающий, что «такой пессимистический взгляд на нашу работу в деревне»... как взгляд тов. Егорова... ему «приходилось встречать нередко среди действовавших в России товарищей»), и Костров⁶⁷, и Карский, и Троцкий.

Последний правильно указывает, что «благожелательные советы» критиков аграрной программы «слишком отдают *филистерством*». Надо заметить лишь к вопросу об изучении политических группировок на съезде, что в этом месте его речи (страница 208) едва ли правильно поставлен рядом с Егоровым и Маховым товарищ Ланге. Кто внимательно прочтет протоколы, тот увидит, что Ланге и Горин занимают совсем не ту позицию, какую занимают Егоров и Махов. Ланге и Горину не нравится формулировка пункта об отрезках, они понимают вполне идею нашей аграрной программы, пытаются *иначе* провести ее в жизнь, работая положительно над тем, чтобы подыскать более безупречную, с их точки зрения, формулировку, внося проекты резолюций с тем, чтобы убедить авторов программы или встать на их сторону против всех не-искровцев. Достаточно сравнить, напр., предложения Махова об отклонении всей аграрной программы (стр. 212, за девять, против 38) и ее отдельных пунктов (стр. 216 и др.) с позицией Ланге, *вносящего* самостоятельную редакцию пункта об отрезках (стр. 225), чтобы убедиться в коренном различии между ними*.

Говоря дальше о доводах, отдающих «филистерством», тов. Троцкий указал, что «в наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством»... «Пред лицом этой задачи скептицизм и политическая «дальновидность» Махова и Егорова вреднее всякой близорукости». Тов. Костич, другой искровец меньшинства, очень метко указал на «неуверенность в себе, в своей принципиальной устойчивости» со стороны тов. Махова, — характеристика, попадающая не в бровь, а в глаз нашему «центру». «В пессимизме тов. Махов сошелся с тов. Егоровым, хотя между ними есть оттенки, — продолжал тов. Костич. — Он забывает, что уже в данное время социал-демократы работают в крестьянстве, уже руководят их движением в той мере, как это возможно. И этим своим пессимизмом они суживают размах нашей работы» (стр. 210).

Чтобы покончить с вопросом о программных прениях на съезде, стоит отметить еще краткие дебаты о поддержке оппозиционных течений. В нашей программе ясно сказано,

* Ср. речь Горина, стр. 213.

что социал-демократическая партия поддерживает «всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка»⁶⁸. Казалось бы, эта последняя оговорка достаточно точно показывает, какие именно из оппозиционных течений мы поддерживаем. Тем не менее различие оттенков, давно уже сложившихся в нашей партии, сразу обнаружилось и тут, как ни трудно было предположить, что возможны еще «недоумения и недоразумения» по вопросу, до такой степени разжеванному! Дело было, очевидно, именно не в недоразумениях, а в *оттенках*. Махов, Либер и Мартынов сейчас же забили тревогу и опять-таки оказались в таком «компактном» меньшинстве, что тов. Мартову пришлось бы, пожалуй, и здесь объяснять это интригой, подстраиванием, дипломатией и прочими милыми вещами (см. речь его на съезде Лиги), к которым прибегают люди, неспособные вдуматься в политические причины образования «компактных» групп и меньшинства и большинства.

Махов начинает опять с вульгарного упрощения марксизма. «У нас единственный революционный класс — пролетариат, — заявляет он, и из этого справедливого положения делает сейчас же несправедливый вывод: — остальные так себе, с боку припека (общий смех)... Да, с боку припека и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать» (с. 226). Бесподобная формулировка своей позиции тов. Маховым многих (из его сторонников) смутила, но по существу дела с ним сошлись и Либер и Мартынов, предлагая устранить слово «оппозиционное» или ограничить его добавлением «демократическое-оппозиционное». Против этой поправки Мартынова справедливо восстал Плеханов. «Мы должны критиковать либералов, — говорил он, — разоблачать их половинчатость. Это верно... Но, разоблачая узость и ограниченность всех других движений, кроме социал-демократического, мы обязаны разъяснять пролетариату, что по сравнению с абсолютизмом даже конституция, не дающая всеобщего избирательного права, есть шаг вперед и что поэтому он не должен предпочитать существующий порядок такой конституции». Товарищи Мартынов, Либер и Махов не соглашались с этим и отстаивают свою позицию, на которую нападают Аксельрод, Старовер, Троцкий

и еще раз Плеханов. Тов. Махов успел при этом еще раз побить самого себя. Сначала он сказал, что остальные классы (кроме пролетариата) «так себе» и он «против того, чтобы их поддерживать». Потом он смилостивился и признал, что, «будучи реакционной по существу, буржуазия часто бывает революционной, — когда, например, идет речь о борьбе с феодализмом и его остатками». «Но есть группы, — продолжал он, поправляясь еще раз из кулька в рогожку, — которые всегда (?) реакционны, — таковы ремесленники». Вот до каких перлов в принципиальном отношении договаривались те самые лидеры нашего «центра», которые потом с пеной у рта защищали старую редакцию! Именно ремесленники даже в Западной Европе, где цеховое устройство было так сильно, проявляли, как и другие мелкие буржуа в городах, особенную революционность в эпоху падения абсолютизма. Именно русскому социал-демократу особенно нелепо повторять, не подумавши, то, что говорят западные товарищи про теперешних ремесленников в эпоху, отстоящую на столетие и полустолетие от падения абсолютизма. В России реакционность ремесленников по сравнению с буржуазией в области политических вопросов является не более, как шаблонно-заученной фразой.

К сожалению, в протоколах не сохранилось никаких указаний на число голосов, которое собрали отвергнутые поправки Мартынова, Махова и Либера по данному вопросу. Мы можем сказать лишь, что лидеры антиискровских элементов и один из лидеров «центра»* сплотились и тут в знакомой уже нам группировке против искровцев. Подводя итог *всем* прениям о *программе*, нельзя не сделать того вывода, что не было *ни разу* сколько-нибудь оживленных, возбуждавших всеобщий интерес, дебатов, которые бы не обнаружили разницы оттенков, замалчиваемой ныне товарищем Мартовым и новой редакцией «Искры».

* Другой лидер той же группы, «центра», тов. Егоров, высказывался по вопросу о поддержке оппозиционных течений в другом месте. По поводу революции Ансельрода о социалистах-революционерах (стр. 359). Тов. Егоров усмотрел «противоречие» между требованием программы *поддерживать* всякое оппозиционное и революционное движение и отрицательным отношением и к социалистам-революционерам и к либералам. В иной форме и несколько с другой стороны подходя к вопросу, тов. Егоров обнаружил здесь то же узкое понимание марксизма и то же неустойчивое, полувраждебное отношение и («при- внашней» им) позиции «Искры», как и товарищи Махов, Либер и Мартынов.

ж) УСТАВ ПАРТИИ. ПРОЕКТ т. МАРТОВА

От программы съезд перешел к уставу партии (мы миуем затронутый выше вопрос о ЦО и делегатские доклады, которые, к сожалению, не могли быть представлены в удовлетворительном виде большинством делегатов). Нечего и говорить, что вопрос об уставе имел для всех нас громадное значение. В самом деле, ведь «Искра» выступила с самого начала не только в качестве литературного органа, но и в качестве *организационной* ячейки. В редакционной статье четвертого номера («С чего начать?») «Искра» выдвинула целый организационный план*, и систематически, неуклонно проводила этот план в течение *трех лет*. Когда второй съезд партии признал «Искру» Центральным Органом, то в числе трех пунктов мотивировки соответствующей резолюции (стр. 147) два пункта были посвящены *именно этому организационному плану и организационным идеям «Искры»*: роль ее в деле руководства *практической* партийной работой и руководящая роль в объединительной работе. Совершенно естественно поэтому, что работа «Искры» и все дело партийной организации, все дело *фактического* восстановления партии *не могло* считаться оконченным без признания всей партией и формального закрепления определенных организационных идей. Выполнить эту задачу и должен был организационный устав партии.

Основные идеи, которые «Искра» стремилась положить в основу партийной организации, сводились в сущности к следующим двум. Первая, идея централизма, принципиально определяла способ решения всей массы частных и детальных организационных вопросов. Вторая — особая роль идейно руководящего органа, газеты, усчитывала временные и особые нужды именно русского социал-демократического рабочего движения в обстановке политического рабства, при условии создания *первоначальной* операционной базы революционного натиска за границы.

* В речи своей о признании «Искры» Центральным Органом тов. Попов, между прочим, говорил: «Я вспоминаю статью в 3 или 4 номере «Искры» — «С чего начать?». Многие из действующих в России товарищей нашли ее негативной; другим этот план казался фантастическим, и большинство (? вероятно, большинство окружающих тов. Попова лиц) объясняло его только честолюбием» (стр. 140). Как видит читатель, мне уже не привыкать стать и этому объяснению моих политических взглядов честолюбием, объяснению, подорветому теперь тов. Ансельродом и тов. Мартовым.

Первая идея, как единственно принципиальная, должна была проникать собой весь устав; вторая, как частная, порождаемая временными обстоятельствами места и образа действия, выражалась в *кажущемся* отступлении от централизма, в создании *двух центров, ЦО и ЦК*. Обе эти основные идеи искровской организации партии были развиты мной и в редакционной статье «Искры» (№ 4) «С чего начать?»* и в «Что делать?»** и, наконец, подробно разъяснены в виде почти что устава в «Письме к товарищу»***. Оставалась только, в сущности, редакционная работа для того, чтобы сформулировать параграфы устава, который должен был воплотить в жизнь именно эти идеи, если признание «Искры» не оставалось на бумаге, не было только условной фразой. В предисловии к переизданному мной «Письму к товарищу» я уже указывал, что достаточно простого сличения устава партии с этой брошюрой для установления полного тождества организационных идей там и здесь****.

По поводу редакционной работы формулировки искровских организационных идей в уставе мне приходится коснуться одного инцидента, поднятого тов. Мартовым. «...Фактическая справка вам покажет — говорил Мартов на съезде Лиги (стр. 58), — насколько неожиданным было для Ленина мое впадение в оппортунизм по этому (т. е. первому) параграфу. За 1½—2 месяца до съезда я показал Ленину мой проект, где § 1 был изложен как раз так, как это было мной предложено на съезде. Ленин высказался против моего проекта, как слишком детального, и сказал мне, что ему нравится только идея § 1 — определение членства, которую он воспримет в свой устав с видоизменениями, ибо находит мою формулировку неудачной. Таким образом, Ленин был знаком с моей формулировкой уже давно, он знал мои взгляды по этому вопросу. Вы видите, таким образом, что я поехал на съезд с открытым забралом, не скрывая своих взглядов. Я предупредил, что буду бороться с взаимной кооптацией, с принципами единогласия при кооптации в Центральный Комитет и Центральный Орган и так далее».

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 1—12. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 319—494. *Ред.*

*** См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 205—224. *Ред.*

**** См. настоящий том, стр. 115—116. *Ред.*

Насчет предупреждения о борьбе с взаимной кооптацией мы в своем месте увидим, как было дело. Теперь остановимся на этом «открытом забрале» мартовского устава. Передавая в Лиге по памяти эпизод со своим неудачным проектом (который Мартов на съезде сам взял назад, как неудачный, а после съезда, со свойственной ему последовательностью, опять извлек на свет божий), — Мартов, как водится, многое перезабыл и поэтому опять напутал. Казалось бы, довольно уже было фактов, предостерегающих от ссылок на частные разговоры и на свою память (невольны вспоминают люди только то, что им выгодно!), — и все же тов. Мартов, за неимением другого материала, пользуется недоброкачественным. Теперь даже и тов. Плеханов начинает подражать ему — должно быть, дурной пример заразителен.

«Идея» первого параграфа в проекте Мартова не могла мне «нравиться», ибо *никакой идеи*, выплывшей на съезде, в его проекте и не было. Память ему изменила. Мне посчастливилось найти в бумагах проект Мартова, где *«первый параграф изложен как раз не так, как это было им предложено на съезде!»* Вот вам и «открытое забрало»!

§ 1 в проекте Мартова: «Принадлежащим к Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов (sic!*) партии».

§ 1 в моем проекте: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

§ 1 в формулировке, предложенной Мартовым на съезде и принятой съездом: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

Из этого сопоставления ясно видно, что в проекте Мартова именно нет *никакой идеи*, а есть только *пустая фраза*. Что члены партии работают под контролем и руководством *органов* партии, это ясно само собой, *это не может*

* — так! Ред.

быть иначе, об этом говорят только люди, любящие говорить, чтобы ничего не сказать, любящие наполнять «уставы» бездной словесной воды и бюрократических (т. е. ненужных для дела и якобы нужных для парада) формул. Идея первого параграфа появляется лишь с постановкой вопроса: могут ли органы партии осуществлять на деле свое руководство над членами партии, не входящими ни в одну из партийных организаций. Этой идеи даже и следа нет в проекте тов. Мартова. Следовательно, я не мог быть знаком со «взглядами» тов. Мартова «по этому вопросу», ибо никаких взглядов по этому вопросу в проекте тов. Мартова не имеется. Фактическая справка тов. Мартова называется путаницей.

Наоборот, именно про тов. Мартова приходится сказать, что он из моего проекта «знал мои взгляды по этому вопросу» и не опротестовал, не опровергал их ни в редакционной коллегии, хотя мой проект был показан всем недели за 2—3 до съезда, ни перед делегатами, знакомившимися только с моим проектом. Мало того. Даже на съезде, когда я внес свой проект устава* и защищал его до выбора уставной комиссии, — то тов. Мартов заявил прямо: «присоединяюсь к выводам тов. Ленина. Только в двух вопросах я расхожусь с последним» (курсив мой) — в вопросе о способе составления Совета и об единогласной кооптации (стр. 157). О несогласии по § 1 тут еще не говорится ни слова.

В своей брошюре об осадном положении тов. Мартов нашел нужным еще раз и с особенной подробностью вспомнить о своем уставе. Он уверяет там, что его устав, под которым он и теперь бы (февраль 1904 г. — неизвестно, что будет месяца через три) готов подписаться, за исключением некоторых второстепенных частных, «достаточно

* Кстати. Протокольная комиссия напечатала в приложении XI проект устава, «внесенный на съезд Лениным» (стр. 393). Протокольная комиссия тут тоже немалюбно напутала. Она смешала мой первоначальный проект, показанный всем делегатам (и очень многим до съезда), с внесенным на съезд проектом (см. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 432—433. Ред.) и напечатала первый под видом второго. Я ничего не имею, конечно, против опубликования своих проектов, хотя бы и во всех стадиях их подготовки, но путаницу вносить все же не следует. А путаница получилась, ибо Попов и Мартов (стр. 154 и 157) критикуют такие формулировки моего внесенного действительно на съезд проекта, каких нет в проекте, напечатанном протокольной комиссией (стр. 394, §§ 7 и 11). При более внимательном отношении к делу легко было заметить ошибку из простого сличения указанных мною страниц.

ясно выражал его отрицательное отношение к гипертрофии централизма» (стр. IV). Невнесение этого проекта на съезд тов. Мартов объясняет *теперь*, во-1-х, тем, что «искровское воспитание внушило ему пренебрежительное отношение к уставам» (когда это нравится тов. Мартову, тогда слово искровский означает уже для него не узкую кружковщину, а самое выдержанное направление! Жаль только, что искровское воспитание за три года не внушило тов. Мартову пренебрежительное отношение к анархической фразе, которою интеллигентская неустойчивость способна оправдывать нарушение сообща принятого устава). Во-2-х, видите ли, он, тов. Мартов, избегал «внесения какого бы то ни было диссонанса в тактику того основного организационного ядра, каким была «Искра»». Это замечательно как связно выходит! В *принципиальном* вопросе об оппортунистической формулировке § 1 или о гипертрофии централизма тов. Мартов так боялся диссонанса (страшного только с самой узкой кружковой точки зрения), что не вынес своих разногласий даже и перед таким ядром, как редакция! По *практическому* вопросу о составе центров тов. Мартов от востума большинства членов организации «Искры» (этого настоящего *основного организационного ядра*) апеллировал к помощи Бунда и рабочедельцев. «Диссонанса» в своих фразах, подсовывающих кружковщину в защиту quasi-редакции для отрицания «кружковщины» в оценке вопроса теми, кто наиболее компетентны, диссонанса этого тов. Мартов не замечает. В наказание ему мы приведем *полностью* его проект устава, отмечая с своей стороны, какие *взгляды* и какую *гипертрофию* он обнаруживает*:

«Проект устава партии. — I. Принадлежность к партии. — 1) Принадлежащим к Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов партии. — 2) Исключение члена из партии за поступки, несовместимые с интересами партии, постановляется Центральным Комитетом. [Мотивированный приговор об исключении сохраняется в архиве партии и сообщается, по требованию, каждому комитету партии. Решение ЦК об исключении подлежит апелляции съезда в случае требования двух или более комитетов]...»

* Замечу, что я не мог найти, к сожалению, первого варианта мартовского проекта, который состоял что-то из 48 параграфов, страдая еще более «гипертрофией» вычуженного формализма.

Скобками я буду обозначать явно бессодержательные положения мартовского проекта, не содержащие в себе не только никакой «идеи», но и никакого определенного условия или требования, — вроде бесподобного указания в «куставе», где именно надо сохранять приговор, или ссылки на то, что решения ЦК об исключении (а не все вообще и всякие его решения?) подлежат апелляции съезда. Это именно гипертрофия фразы, или настоящий бюрократический формализм в смысле сочинения лишних, заведомо бесполезных или волокитных, пунктов и параграфов. «...11. Местные комитеты. — 3) Представителями партии в ее местной работе являются комитеты партии...» (и ново и умно!) «...4) [Комитетами партии признается наличный в момент второго съезда состав представленных на съезде комитетов]. — 5) Новые, сверх обозначенных в § 4, комитеты партии назначаются Центральным Комитетом [который либо признает комитетом наличный состав данной местной организации, либо составляет местный комитет путем реформы последней]. — 6) Комитеты пополняют свой состав путем кооптации. — 7) ЦК имеет право дополнить состав местного комитета таким количеством (известных ему) товарищей, чтобы око составляло не более $\frac{1}{3}$ всего данного состава...» Образчик канцелярщины: почему не более $\frac{1}{3}$? к чему это? какой смысл в этом ограничении, ничего не ограничивающем, ибо *дополнение* может быть повторено много раз? «...8) [В случае, если местный комитет распался или разбит» (т. е. не весь взят?) «преследованиями, ЦК восстанавливает его»]... (уже не считаясь с § 7? А не находит ли тов. Мартов сходства между § 8 и теми российскими законами о благочинии, которые повелевают в будни работать, а в праздники отдыхать?) «...9) [Очередной съезд партии может поручить ЦК реформировать состав какого-либо местного комитета, если деятельность последнего признана несовместимой с интересами партии. В последнем случае комитет в данном составе признается распушенным и товарищи в месте его действий свободными от подчинения* ему.]... Правило, содержащееся в сем §, столь же высокополезно, как и имеющаяся до сих пор в русских законах статья, которая гласит: всем и каждому воспрещается пьянство. «...10) [Местные комитеты партии руководят всей местной пропагандистской, агитационной и организационной деятельностью партии и содействуют по мере сил ЦК и ЦО партии в выполнении лежащих на них общепартийных задач.]... Уф! К чему это, ради всего святого?.. 11) [«Внутренние порядки местной организации, взаимные отношения между комитетом и подчиненными» (слышите, слышите, тов. Аксельрод?) «ему группами и пределы компетенции и автономии» (а разве пределы компетенции не одно и то же, что пределы автономии?) «этих групп устанавливаются самим комитетом и сообщаются к сведению ЦК и редакции ЦО»]... (Пробел: не сказано, где сохраняются эти сообщения)... «12) [Все подчиненные комитетам группы и отдельные члены партии имеют право требовать, чтобы их мнение или пожелание по любому вопросу было сообщено ЦК партии и ее Центральным Органам]. — 13) Местный комитет

* Обращаем внимание тов. Аксельрода на это словечно. Ведь это ужас что такое! Вот где морни-то «якобынства», доходящего даже... даже до изменения состава редакции...

партии в своих доходах обязан отчислять в кассу ЦК долю, приходящуюся на него по раскладке, производимой ЦК. — III. Организации для целей агитации на иных (кроме русского) языках. — 14) [Для целей агитации на одном из не русских языков и организации рабочих, среди которых такая агитация ведется, могут образовываться отдельные организации в тех пунктах, где представляется необходимость в специализировании такой агитации и выделении подобной организации]. — 15) Решение вопроса о том, насколько такая потребность существует, предоставляется ЦК партии, а в спорных случаях — съезду партии... Первая часть параграфа излишня, если принять во внимание дальнейшие постановления устава, а вторая часть насчет спорных случаев просто смешотворна... «16) [Местные организации, обозначенные в § 14, в своих специальных делах автономны, но действуют под контролем местного комитета и подчинены ему, причем формы этого контроля и норма организационных отношений между данным комитетом и данной специальной организацией устанавливаются местным комитетом»... (ну, и слава богу! вот и видно теперь, что не к чему было и городить весь этот огород пустых слов)... «По отношению к общим делам партии такие организации действуют, как часть комитетской организации.»] — 17) [Местные организации, обозначенные в § 14, могут образовывать автономный союз для успешного достижения своих специальных задач. Такой союз может иметь свои специальные литературные и административные органы; причем те и другие состоят под непосредственным контролем ЦК партии. Устав такого союза вырабатывается им самим, но утверждается ЦК партии.] — 18) [В состав обозначенного в § 17 автономного союза могут входить и местные комитеты партии, если они по местным условиям посвящают себя преимущественно агитации на данном языке. *Примечание.* Являясь частью автономного союза, такой комитет не перестает быть комитетом партии]... (весь параграф чрезвычайно полевен и отменно умен, а примечание еще того больше)... «19) [Местные организации, входящие в состав автономного союза, в своих сношениях с его центральными органами находятся под контролем местных комитетов.] — 20) [Центральные литературные и административные органы автономных союзов состоят к ЦК партии в тех же отношениях, как и местные комитеты партии.] — IV. Центральный Комитет и литературные органы партии. — 21) [Представителями партии в целом являются ее ЦК и литературные органы — политический и научный.] — 22) На ЦК лежит общее руководство всей практической деятельностью партии; забота о правильном использовании и распределении всех ее сил; контроль над деятельностью всех частей партии; снабжение местных организаций литературой; постановка технического аппарата партии; созыв партийных съездов. — 23) На литературных органах партии лежит идейное руководство партийной жизнью; пропаганда партийной программы и научная и публицистическая разработка мировоззрения социал-демократии. — 24) Все местные комитеты партии и автономные союзы состоят в непосредственных сношениях, как с ЦК партии, так и с редакцией партийных органов, и периодически осведомляют их о ходе движения и организационной работы на местах. — 25) Редакция литературных органов партии назначается съездом партии

и функционирует до следующего съезда. — 26) [Редакция автономна в своих внутренних делах] и может, в промежуток между двумя съездами, пополнять и изменять свой состав, о чем каждый раз сообщается ЦК. — 27) Все заявления, исходящие от ЦК или получившие его санкцию, печатаются, по требованию ЦК, в партийном органе. — 28) ЦК, по согласию с редакцией партийных органов, образует специальные литературные группы для тех или иных видов литературной работы. — 29) ЦК назначается на съезде партии и функционирует до следующего съезда. ЦК пополняет свой состав путем кооптации в неограниченном количестве, о чем он каждый раз доводит до сведения редакции центральных органов партии. — V. Заграничная организация партии. — 30) Заграничная организация партии заведует пропагандой среди проживающих за границей русских и организацией социалистических элементов среди них. Во главе ее стоит выборная администрация. — 31) Автономные союзы, входящие в состав партии, могут иметь свои отделения за границей для содействия специальным задачам этих союзов. Эти отделения входят, как автономные группы, в состав общей заграничной организации. — VI. Съезды партии. — 32) Высшей партийной инстанцией является ее съезд. — 33) [Съезд партии устанавливает ее программу, устав и руководящие принципы ее деятельности; контролирует работу всех партийных органов и разбирает конфликты между ними.] — 34) Представительство на съезде принадлежит: а) всем местным комитетам партии; б) центральным административным органам всех автономных союзов, входящих в состав партии; в) ЦК партии и редакции ее центральных органов; г) заграничной организации партии. — 35) Передача мандатов допускается, но с тем, чтобы один делегат не представлял более, чем три действительных мандата. Допускается раздел мандата между двумя представителями. Императивные мандаты не допускаются. — 36) ЦК предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом товарищей, присутствие коих может быть полезно. — 37) В вопросах об изменении программы или устава партии требуется большинство $\frac{2}{3}$, наличных голосов; прочие вопросы решаются простым большинством. — 38) Съезд считается действительным, если на нем представлено более половины всех наличных в момент съезда комитетов партии. — 39) Съезд созывается — по мере возможности — раз в два года. [В случае независимых от воли ЦК помех к созыву съезда в этот срок, он за своей ответственностью откладывает его.]

Читатель, у которого хватило, в виде исключения, терпения дочитать до конца этот так называемый устав, наверное не потребует от нас особого рассмотрения ниже следующих выводов. Первый вывод: устав страдает трудно извлекаемой водянкой. Второй вывод: особого оттенка организационных взглядов в смысле отрицательного отношения к гипертрофии централизма открыть в сем уставе не представляется возможности. Третий вывод: тов. Мартов поступил в высокой степени благоразумно, когда скрыл от

глаз света (и от обсуждения на съезде) свыше ³⁸/₃₉ своего устава. Несколько оригинально лишь то, что по поводу этого скрытия говорится об открытом забрале.

в) ПРЕНИЯ О ЦЕНТРАЛИЗМЕ ДО РАСКОЛА ВНУТРИ ИСКРОВЦЕВ

Прежде чем переходить к действительно интересному и несомненно вскрывающему различные оттенки взглядов вопросу о формулировке § 1 устава, остановимся еще немного на тех кратких общих прениях об уставе, которые заняли 14 заседание съезда и часть 15. Прения эти представляют известное значение потому, что они *предшествовали* полному расхождению организации «Искры» по вопросу о составе центров. Наоборот, позднейшие прения об уставе вообще, и кооптации в особенности, имели место *после* нашего расхождения в организации «Искры». Естественно, что *до* расхождения мы способны были высказывать свои взгляды более беспристрастно в смысле большей независимости соображений от взволновавшего всех вопроса о личном составе ЦК. Тов. Мартов, как я уже отмечал, *присоединился* (стр. 157) к моим организационным взглядам, оговорив только два несогласия по *частностям*. Напротив, и антиискровцы, и «центр» сейчас же подняли поход против обеих *основных* идей всего организационного плана «Искры» (и, следовательно, всего устава): и против централизма, и против «двух центров». Тов. Либер назвал мой устав «организованным недоверием», усмотрел *децентрализм* в двух центрах (как и тов. Попов и Егоров). Тов. Акимов выразил желание определить сферу компетенции местных комитетов шире, в частности предоставить им самим «право изменения своего состава». «Необходимо предоставить им большую свободу деятельности... Местные комитеты должны быть избираемы активными работниками данной местности, как избирается ЦК представителями всех активных организаций в России. Если же нельзя допустить и этого, то пусть будет ограничено число членов, назначаемых ЦК в местные комитеты...» (158). Тов. Акимов подсказывает, как видите, довод против «гипертрофии централизма», но тов. Мартов остается глух к этим авторитетным указаниям, пока еще поражение по вопросу о составе центров не побуждает его идти за Акимовым. Он

остаётся глух даже тогда, когда тов. Акимов подсказывает ему *«идею его же устава»* (§ 7 — ограничение прав ЦК вводить членов в комитеты)! Тогда еще тов. Мартов не хотел «диссонанса» с нами и потому терпел диссонанс и с т. Акимовым, и с самим собой... Тогда еще против «чудовищного централизма» ратовали только те, кому явно был невыгоден централизм «Искры»: ратовали Акимов, Либер, Гольдблат, за ними шли осторожно, осмотрительно (так, чтобы всегда назад повернуть можно было) Егоров (см. стр. 156 и 276) и т. д. Тогда еще для громадного большинства партии было ясно, что именно приходские, кружковые интересы Бунда, «Южного рабочего» и т. д. вызывают протест против централизма. Впрочем, и теперь ведь для большинства партии ясно, что именно кружковые интересы старой редакции «Искры» вызывают ее протест против централизма...

Возьмите, например, речь т. Гольдבלата (160—161). Он ратует против моего «чудовищного» централизма, якобы ведущего к «уничтожению» низших организаций, «проникнутого насквозь стремлением предоставить центру неограниченную власть, право неограниченного вмешательства во все», предоставляющего организациям «одно лишь право — повиноваться безропотно тому, что будет приказано свыше» и т. д. «Создаваемый проектом центр очутится в пустом пространстве, вокруг него не будет никакой периферии, а лишь некая аморфная масса, в которой будут двигаться его исполнительные агенты». Ведь это точь-в-точь такое же *фальшивое фразерство*, которым после своего поражения на съезде стали угощать нас Мартовы и Аксельроды. Смеялись над Бундом, который, воюя против *нашего* централизма, сам у себя предоставляет центру еще *определеннее* очерченные неограниченные права (хотя бы, например, ввода и исключения членов, даже недопущения делегатов на съезды). Смеяться будут, разобрав дело, и над воплями *меньшинства*, которое кричит против централизма и против устава, когда оно в меньшинстве, и сейчас же опирается на устав, когда оно пробралось в большинство.

По вопросу о двух центрах группировка тоже сказала ясно: против *всех* искровцев стоят и Либер, и Акимов (первый ватянувший любимую теперь аксельродовски-мартовскую песню о превалировании в Совете ЦО над

ЦК), и Попов, и Егоров. Из тех организационных идей, которые всегда развивала *старая* «Искра» (и которые были одобрены *на словах* тов. Поповыми и Егоровыми!), план двух центров вытекал сам собою. С планами «Южного Рабочего», с планами создания параллельного популярного органа и превращения его в фактически преобладающий орган; шла вразрез политика *старой* «Искры». Вот где лежит корень того странного на первый взгляд противоречия, что за один центр, т. е. *за больший якобы централизм*, стоят все антиискровцы и все болото. Конечно, были (особенно среди болота) и такие делегаты, которые едва ли понимали ясно, к чему приведут и должны, в силу хода вещей, привести организационные планы «Южного Рабочего», но их толкала на сторону антиискровцев самая уже их нерешительная и неуверенная в себе натура.

Из речей искровцев во время *этих* (предшествовавших расколу искровцев) дебатов об уставе особенно замечательны речи гг. Мартова («присоединение» к моим организационным идеям) и Троцкого. Последний ответил гг. Акимову и Либеру так, что этот ответ каждым словом изобличает всю фальшь послесъездовского поведения и послесъездовских теорий «меньшинства». «Устав, говорил он (г. Акимов), определяет сферу компетенции ЦК недостаточно точно. Я не могу согласиться с ним. Наоборот, это определение точно и означает: поскольку партия есть целое, необходимо обеспечить ее контролем над местными комитетами. Т. Либер говорил, что устав есть, употребляя мое выражение, «организованное недоверие». Это верно. Но это выражение было употреблено мной по отношению к предложенному представителями Бунда уставу, который представлял организованное недоверие со стороны части партии ко всей партии. Наш же устав» (тогда этот устав был «наш», до поражения по вопросу о составе центров!) «представляет организованное недоверие со стороны партии ко всем ее частям, т. е. контроль над всеми местными, районными, национальными и другими организациями» (158). Да, *наш* устав охарактеризован *здесь* правильно, и мы почаще советовали бы вспоминать эту характеристику людям, которые теперь со спокойной совестью уверяют, что это злокозненное большинство придумало и ввело систему «организованного недоверия» или, что то же, «осадного положения». Достаточно сличить приведенную

речь с речами на съезде Заграничной лиги, чтобы получить образчик политической бесхарактерности, образчик того, как менялись взгляды Мартова и К⁰, смотря по тому, шла ли речь об их собственной или о чужой коллегии низшего порядка.

и) ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ УСТАВА

Мы уже привели те различные формулировки, из-за которых разгорелись интересные дебаты на съезде. Дебаты эти заняли почти два заседания и закончились *двумя именными* голосованиями (в течение всего съезда было, если я не ошибаюсь, только восемь именных голосований, которые предпринимались лишь в особо важных случаях вследствие громадной потери времени, вызывавшейся этими голосованиями). Вопрос затронут был, несомненно, принципиальный. Интерес съезда к дебатам был громадный. В голосовании участвовали *все* делегаты — явление редкое на нашем съезде (как и на всяком большом съезде) и свидетельствующее равным образом о заинтересованности споривших.

В чем же, спрашивается, заключалась суть спорного вопроса? Я сказал уже на съезде и повторял потом не раз, что «вовсе не считаю наше разногласие (по § 1) таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы далеко еще не погибнем!» (250)*. Само по себе это разногласие, хотя оно и вскрывает принципиальные оттенки, никоим образом не могло вызвать такого расхождения (фактически, если говорить без условностей, того раскола), которое содалось после съезда. Но всякое *маленькое* разногласие может сделаться *большим*, если на нем настаивать, если выдвинуть его на первый план, если *приняться* за разыскание всех корней и всех ветвей этого разногласия. Всякое *маленькое* разногласие может получить *огромное* значение, если оно послужит исходным пунктом *поворота* к известным ошибочным воззрениям и если эти ошибочные воззрения соединятся, в силу новых и добавочных расхождений, с *анархическими* действиями, доводящими партию до раскола.

Именно так обстояло дело и в данном случае. Небольшое сравнительно разногласие по § 1 получило теперь

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 456. *Ред.*

громадное значение, ибо именно оно послужило поворотным пунктом к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическому фразерству меньшинства (на съезде Лиги в особенности, а потом и на страницах новой «Искры»). Именно оно *положило начало* той коалиции искровского меньшинства с антиискровцами и с болотом, которая окончательно отлилась в определенные формы ко времени выборов и без понимания которой *нельзя понять* и главного, коренного расхождения в вопросе о составе центров. Маленькая ошибка Мартова и Аксельрода по § первому представляла из себя маленькую щель в нашей посудине (как я выразился на съезде Лиги). Можно было связать посудину покрепче, мертвым *узлом* (а не мертвой петлей, как слышалось Мартову, находившемуся во время съезда Лиги в состоянии, близком к истерике). Можно было направить *все* усилия на то, чтобы сделать щель большой, чтобы расколоть посудину. Вышло, благодаря бойкоту и тому подобным анархическим мерам усердных мартовцев, именно последнее. Разногласие по параграфу первому сыграло немалую роль в вопросе о выборе центров, а поражение Мартова по этому вопросу привело его к «принципиальной борьбе» путем грубо-механических и даже скандальных (речи на съезде Заграничной лиги русской революционной социал-демократии) средств.

Теперь, после всех этих происшествий, вопрос о § первом получил, таким образом, *огромное значение*, и мы должны дать себе точный отчет и в характере группировок на съезде при голосовании этого § и, — что еще несравненно важнее, — в действительном характере *тех оттенков в воззрениях*, которые наметились или начали намечаться по § первому. *Теперь*, после известных читателям происшествий, вопрос *поставлен* уже таким образом: отразилась ли на формулировке Мартова, защищавшейся Аксельродом, его (или их) неустойчивость, шаткость и политическая расплывчатость, как выражался я на съезде партии (333), его (или их) уклонение в жоресизм и анархизм, как полагал Плеханов на съезде Лиги (102 и др. прот. Лиги)? Или на формулировке моей, защищавшейся Плехановым, отразилось неправильное, бюрократическое, формалистическое, помпадурское, не социал-демократическое понимание централизма? *Оппортунизм и анархизм или бюрократизм и формализм?* — так поставлен вопрос

теперь, когда маленькое расхождение сделалось большим. И мы должны иметь в виду именно эту, — событиями навязанную нам всем, — исторически данную, сказал бы я, если бы это не звучало слишком громко, — постановку вопроса при обсуждении по существу доводов за и против моей формулировки.

Начнем разбор этих доводов с анализа съездовских прений. Первая речь, тов. Егорова, интересна только тем, что его отношение (поп liquet, мне еще не ясно, я еще не знаю, где правда) очень характерно для отношения многих делегатов, которым не легко было разобрататься в действительно новом, довольно сложном и детальном вопросе. Следующая речь, тов. Аксельрода, ставит уже сразу вопрос принципиально. Это — первая принципиальная, вернее даже сказать, вообще первая речь тов. Аксельрода на съезде, и трудно признать его дебют с пресловутым «профессором» особенно удачным. «Я думаю, что нам нужно, — говорил тов. Аксельрод, — разграничить понятия — партия и организация. А здесь эти два понятия смешиваются. Это смешение опасно». Таков первый довод против моей формулировки. Присмотритесь к нему поближе. Если я говорю, что партия должна быть суммой (и не простой арифметической суммой, а комплексом) организаций*, то значит ли это, что я «смешиваю» понятия партия и организация? Конечно, нет. Я выражаю этим совершенно ясно и точно свое пожелание, свое требование, чтобы партия, как передовой отряд класса, представляла собою нечто возможно более организованное, чтобы партия воспринимала в себя лишь такие элементы, которые допускают хоть минимум организованности. Наоборот, мой оппонент смешивает

* Слово «организация» употребляется обыкновенно в двух смыслах, широком и узком. В узком смысле оно означает отдельную ячейку человеческого коллектива, хотя бы в минимальной степени оформленного. В широком смысле оно означает сумму таких ячеек, сплоченных в одно целое. Например, флот, армия, государство представляют из себя в одно и то же время сумму организаций (в узком смысле слова) и разновидность общественной организации (в широком смысле слова). Учебное ведомство есть организация (в широком смысле слова), учебное ведомство состоит из ряда организаций (в узком смысле слова). Точно так же и партия есть организация, должна быть организацией (в широком смысле слова); в то же время партия должна состоять из целого ряда равнообразных организаций (в узком смысле слова). Поэтому тов. Аксельрод, говорящий о разграничении понятий — партия и организация, во-первых, не принял во внимание этой разницы в широком и узком значении слова организация, а во-вторых, не заметил того, что он сам смешивал организованные и неорганизованные элементы в одну кучу.

в партии организованные элементы с неорганизованными, поддающиеся руководству и не поддающиеся, передовые и неисправимо-отсталые, ибо исправимо-отсталые могут войти в организацию. Вот *это смещение* действительно *опасно*. Тов. Аксельрод ссылается дальше на «строго конспиративные и централистические организации прошлого» («Земли и воли» и «Народной воли»): вокруг них-де «группировался целый ряд лиц, не входивших в организацию, но так или иначе помогавших ей и считавшихся членами партии... Этот принцип должен быть еще более строго проведен в социал-демократической организации». Вот именно тут мы и подошли к одному из *звезд* вопроса: действительно ли «этот принцип» есть социал-демократический, — принцип, разрешающий называть себя членами партии тем, кто ни в одну из организаций партии не входит, а только «так или иначе помогает ей»? И Плеханов дал единственно возможный ответ на этот вопрос: «Аксельрод был неправ в своей ссылке на 70-ые годы. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии 70-х годов, а избегать ее». Таким образом, «этот принцип», который тов. Аксельрод хотел выдать за социал-демократический, на самом деле есть *принцип анархический*. Чтобы опровергнуть это, надо показать *возможность* контроля, руководства и дисциплины вне организации, надо показать *необходимость* того, чтобы «элементам хаоса» было присваиваемо название членов партии. Защитники формулировки тов. Мартова не показали и не могли показать *ни того, ни другого*. Тов. Аксельрод для примера взял «профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом». Чтобы довести до конца мысль, заключающуюся в этом примере, тов. Аксельрод должен был бы сказать далее: признают ли сами организованные социал-демократы этого профессора социал-демократом? Не поставив этого дальнейшего вопроса, тов. Аксельрод бросил свою аргументацию на половине. В самом деле, одно из двух. Или организованные социал-демократы признают интересующего нас профессора социал-демократом, — и

тогда почему бы им не включить его в ту или другую социал-демократическую организацию? Только при условии такого включения «заявления» профессора будут соответствовать его делам, будут не пустыми фразами (каковыми слишком часто остаются профессорские заявления). Или организованные социал-демократы *не признают* профессора социал-демократом, — и тогда нелепо, бессмысленно и *вредно* давать ему право носить почетное и ответственное звание члена партии. Дело сводится, таким образом, именно к последовательному проведению принципа организации или к освящению разброда и анархии. Строим ли мы партию, исходя из того уже создавшегося и сплотившегося ядра *социал-демократов*, которое создало, скажем, партийный съезд и которое должно расширять и умножать всяческие партийные организации, или мы довольствуемся успокоительной *фразой*, что все помогающие суть члены партии? «Если мы примем формулу Ленина, — продолжал тов. Аксельрод, — то мы выбросим за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся тем не менее членами партии». Смешение понятий, в котором хотел обвинить меня тов. Аксельрод, выступает тут у него самого с полной ясностью: он принимает уже за данное, что все помогающие *являются* членами партии, тогда как из-за этого и идет спор, и оппоненты должны еще *доказать* необходимость и пользу такого толкования. Какое содержание этой страшной, на первый взгляд, фразы: выбросить за борт? Если членами партии признаются только члены организаций, признанных за партийные, то люди, не могущие «непосредственно» войти ни в одну партийную организацию, могут ведь работать в организации непартийной, но примыкающей к партии. О выбрасывании за борт в смысле отстранения от работы, от участия в движении не может быть, следовательно, и речи. Напротив, чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себя *действительных* социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет *внутри* партии, тем шире, равносильнее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих масс. Ведь нельзя же смешивать, в самом деле, партию, как передовой отряд рабочего класса, со всем классом. А именно в такое смешение (характерное для нашего

оппортунистического экономизма вообще) впадает тов. Аксельрод, когда он говорит: «Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя быть может и не совсем активно, примыкающих к этой партии». Во-первых, в число активных элементов социал-демократической рабочей партии войдут вовсе не одни только организации революционеров, а *целый ряд* рабочих организаций, признанных за партийные. Во-вторых, по какой бы это причине, в силу какой логики из того факта, что мы — партия класса, мог следовать вывод о ненужности различия между *входящими* в партию и *примыкающими* к партии? Как раз напротив: именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности необходимо провести различие по степени близости к партии. Мы — партия класса, и потому *почти весь класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи — значило бы забывать о различии между передовым отрядом и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда *поднимать* все более и более обширные слои до этого передового уровня. Именно таким закрыванием глаз и забвением является стирание разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными — и помогающими.

Ссылаться на то, что мы — партия класса, в оправдание организационной расплывчатости, в оправдание смешения организации и дезорганизации — значит повторять ошибку Надеждина, который смешивал «философский и

социально-исторический вопрос о «корнях» движения в «глубине» с технико-организационным вопросом» («Что делать?», стр. 91)*. Именно это смешение, с легкой руки тов. Аксельрода, повторяли затем десятки раз ораторы, защищавшие формулировку тов. Мартова. «Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше» — говорит Мартов, не объясняя, однако, какая же польза от широкого распространения *названия*, не соответствующего содержанию. Можно ли отрицать, что контроль за не входящими в организацию партии членами есть фикция? Широкое распространение фикции вредно, а не полезно. «Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявить себя членом партии» (стр. 239). В самом деле? *Каждый стачечник* должен иметь право *объявить себя членом партии*? Этим положением тов. Мартов сразу доводит свою ошибку до абсурда, *принижая* социал-демократизм до стачкизма, повторяя злоключения Акимовых. Мы можем только радоваться, если социал-демократии удастся руководить каждой стачкой, ибо прямая и безусловная обязанность социал-демократии руководить всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, а стачка есть одно из глубочайших и наиболее могучих проявлений этой борьбы. Но мы будем хвостистами, если допустим *отождествление* такой первоначальной, *ipso facto*** не более, как тредюнионистской формы борьбы с всесторонней и сознательной социал-демократической борьбой. Мы будем оппортунистически *узаконять заведомую фальшь*, если дадим право каждому стачечнику «объявлять себя членом партии», ибо такое «объявление» *в массе случаев* будет объявлением *ложным*. Мы станем убаюкивать себя маниловскими мечтами, если вадумаем уверять себя и других, что *каждый стачечник* может *быть* социал-демократом и членом социал-демократической партии при том бесконечном раздроблении, угнетении и отуплении, которое при капитализме неизбежно будет тяготеть над очень и очень широкими слоями «необученных», неквалифицированных рабочих. Именно на примере «*стачечника*» особенно ясно видна разница между *революционным стремлением*

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 429. Ред.

** — в силу самого факта, по существу. Ред.

социал-демократически руководить каждой стачкой и *опportunистической фразой*, объявляющей членом партии *каждого* стачечника. Мы — партия класса, поскольку мы *на деле* социал-демократически руководим почти всем или даже всем классом пролетариата; но из этого только Акимовы могут делать вывод, что мы *на словах* должны отождествлять партию и класс.

«Я не боюсь заговорщической организации», говорил в той же речи тов. Мартов, — но, добавлял он, «заговорщическая организация для меня имеет смысл лишь постольку, поскольку ее облекает широкая социал-демократическая рабочая партия» (стр. 239). Надо было сказать, чтобы быть точным: поскольку ее облекает широкое социал-демократическое рабочее движение. И в такой форме положение тов. Мартова не только бесспорно, оно является прямым трузизмом. Я останавливаюсь на этом пункте лишь потому, что из трузизма тов. Мартова последующие ораторы сделали очень *ходкий и очень вульгарный* довод, что-де Ленин хочет «ограничить всю сумму членов партии суммой заговорщиков». Этот вывод, способный вызвать лишь улыбку, делал и тов. Посадовский и тов. Попов, а когда его подхватили Мартынов и Акимов, то истинный его характер обрисовался уже вполне, именно характер *опportunистической фразы*. В настоящее время этот же довод развивает в новой «Искре» тов. Аксельрод для ознакомления читающей публики с новыми организационными взглядами новой редакции. Еще на съезде, в первом же заседании, обсуждавшем вопрос о § 1, я заметил, что оппоненты хотят воспользоваться таким дешевым оружием, и потому предостерегал в своей речи (стр. 240): «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными, *lose Organisationen*». Это — до такой степени самоочевидная, сама собою разумеющаяся истина, что на ней останавливаться я считал лишним. Но по нынешним временам, когда нас оттащили назад в очень и очень многом, приходится «повторять зады» и здесь. Для такого повторения приведу несколько выписок из «Что делать?» и из «Письма к товарищу»:

...«Кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса»*. Чтобы быть социал-демократической партией, надо добиться *поддержки* именно *класса*. Не партия должна облекать заговорщическую организацию, как думал тов. Мартов, а революционный класс, пролетариат, должен облекать партию, включающую в себя и заговорщические и незаговорщические организации.

...«Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях... Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами цеховых союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым сознательным воздействием на товарищей социалистических членов союза» (стр. 86)**. Кстати сказать, пример профессиональных союзов особенно характерен для оценки спорного вопроса о § 1. Что эти союзы *должны* работать «под контролем и руководством» социал-демократических организаций, — об этом не может быть двух мнений среди социал-демократов. Но *на этом основании* давать право всем членам таких союзов «объявлять себя» членами социал-демократической партии было бы явной нелепостью и грозило бы принести двойкий вред:

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 416. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 423. *Ред.*

сузить размеры цехового движения и ослабить солидарность рабочих на этой почве, с одной стороны. С другой стороны, это открывало бы двери социал-демократической партии для расплывчатости и шаткости. Германская социал-демократия имела случай разрешать подобный вопрос в конкретной постановке, когда всплыл знаменитый инцидент с гамбургскими каменщиками, работавшими сдельно⁶⁹. Социал-демократия ни минуты не колебалась признать штрейкбрехерство бесчестным с точки зрения социал-демократа поступком, т. е. признать руководство стачками, поддержку их своим кровным делом, но в то же время она столь же решительно отвергла требование отождествить интересы партии с интересами цеховых союзов, возложить на партию ответственность за отдельные шаги отдельных союзов. Партия должна и будет стараться пропитать своим духом, подчинить своему влиянию цеховые союзы, но именно в интересах этого влияния она должна выделять вполне социал-демократические (входящие в социал-демократическую партию) элементы этих союзов от не вполне сознательных и не вполне политически активных, а не смешивать те и другие, как хочет тов. Аксельрод.

...«Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во всех других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в самом широком числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно смешивать их с организацией революционеров, стирать грань между ними... (стр. 96)*. Из этой справки видно, как некстати напоминал мне тов. Мартов, что организацию революционеров должны облекать широкие рабочие организации. Я указывал на это еще в «Что делать?», а в «Письме к товарищу» развивал эту идею конкретнее. Заводские кружки — писал я там — «для нас особенно важны: ведь вся главная сила движе-

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 434—435. Ред.

ния — в организованности рабочих на *крупных* заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью... Заводской подкомитет должен стараться охватить весь завод, возможно большую долю рабочих сетью всевозможных кружков (или агентов)... Все группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета. Одни из них прямо заявят о своем желании войти в состав Российской социал-демократической рабочей партии и, при условии утверждения комитетом, войдут в ее состав, примут на себя (по поручению комитета или по соглашению с ним) известные функции, обяжутся повиноваться распоряжениям органов партии, *получат права всех членов партии*, будут считаться ближайшими кандидатами в члены комитета и т. д. Другие *не войдут* в РСДРП, будучи на положении кружков, устроенных членами партии, или примыкающих к той или иной группе партии и т. д.» (стр. 17—18)*. Из подчеркнутых мною слов особенно ясно видно, что *идея* моей формулировки § 1 вполне выражена уже в «Письме к товарищу». Условия вхождения в партию прямо указаны здесь, именно: 1) известная степень организованности и 2) утверждение комитета партии. Страницей дальше я указываю примерно и то, какие группы и организации и по каким соображениям должны (или не должны) быть вводимы в партию: «Группа разносчиков должна принадлежать к РСДРП и знать известное число ее членов и ее должностных лиц. Группа, изучающая профессиональные условия труда и вырабатывающая виды профессиональных требований, не обязательно должна принадлежать к РСДРП. Группа студентов, офицеров, служащих, занимающихся самообразованием *при участии* одного-двух членов партии, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности к партии и т. д.» (стр. 18—19)**.

Вот вам еще материал к вопросу об «открытом забрале»! В то время, как формула проекта тов. Мартова совершенно не затрагивает даже отношения партии к организации, —

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 216, 218, 219. Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 220. Ред.

я указывал уже чуть ли не за год до съезда, что одни организации должны войти в партию, другие — нет. В «Письме к товарищу» ясно выступает уже идея, защищавшаяся мною на съезде. Дело наглядно могло бы быть представлено следующим образом. По степени организованности вообще и конспиративности организации в частности можно различать такие, примерно, разряды: 1) организации революционеров; 2) организации рабочих, возможно более широкие и разнообразные (я ограничиваюсь одним рабочим классом, предполагая само собою разумеющимся, что известные элементы других классов тоже войдут сюда, при известных условиях). Эти два разряда составляют партию. Далее, 3) организации рабочих, примыкающие к партии; 4) организации рабочих, не примыкающие к партии, но фактически подчиняющиеся ее контролю и руководству; 5) неорганизованные элементы рабочего класса, которые отчасти тоже подчиняются, по крайней мере в случаях крупных проявлений классовой борьбы, руководству социал-демократии. Вот как, приблизительно, представляется дело, с моей точки зрения. Наоборот, с точки зрения тов. Мартова, граница партии остается совершенно неопределенной, ибо «каждый стачечник» может «объявлять себя членом партии». Какая польза от этой распылчатости? Широкое распространение «названия». Вред ее — внесение дезорганизующей идеи о смешении класса и партии.

Для иллюстрации выставленных нами общих положений бросим еще беглый взгляд на дальнейшие прения на съезде по § 1. Тов. Брукер высказывается (к удовольствию тов. Мартова) за мою формулировку, но его союз со мною оказывается, в отличие от союза тов. Акимова с Мартовым, основанным на недоразумении. Тов. Брукер «не согласен со всем уставом и всем его духом» (стр. 239) и защищает мою формулу, как основу демократизма, желанного для сторонников «Рабочего Дела». Тов. Брукер не поднялся еще на ту точку зрения, что в политической борьбе приходится иногда выбирать *меньшее из зол*; тов. Брукер не заметил, что защищать демократизм на таком съезде, как наш, бесполезно. Тов. Акимов оказался прозорливее. Он совершенно верно поставил вопрос, признавши, что «т. Мартов и Ленин спорят, какая (формулировка) лучше достигает их общей цели» (стр. 252). «Я и Брукер — продолжает он —

хотим выбрать ту, которая меньше достигает цели. В этом отношении я выбираю формулировку Мартова». И тов. Акимов с откровенностью пояснил, что «самую цель их» (Плеханова, Мартова и мою — создание руководящей организации революционеров) он считает «неосуществимой и вредной»; он отстаивает, как и тов. Мартынов*, идею экономистов о ненужности «организации революционеров». Он «полон веры, что жизнь все же ворвется в нашу партийную организацию, независимо от того, загородите вы ей дорогу формулой Мартова или формулой Ленина». На этом «хвостистском» понимании «жизни» не стоило бы останавливаться, если бы мы не встретили его также у т. Мартова. Вторая речь т. Мартова (стр. 245) вообще настолько интересна, что ее стоит разобрать подробно.

Первый довод т. Мартова: контроль партийных организаций над не входящими в организации членами партии «осуществим, поскольку комитет, поручая кому-либо известную функцию, имеет возможность следить за ней» (стр. 245). Этот тезис замечательно характерен, ибо он «выдает», если можно так выразиться, кому нужна и кому будет *на деле* служить формулировка Мартова: интеллигентным ли одиночкам или рабочим группам и рабочим массам. Дело в том, что возможны два толкования формулы Мартова: 1) членом партии вправе *объявлять себя* (слова самого тов. Мартова) всякий, кто оказывает ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций; 2) членом партии всякая ее организация *вправе признать* всякого, кто оказывает ей регулярное личное содействие под ее руководством. Только первое толкование дает действительно возможность «каждому стачечнику» назваться членом партии, и *только оно*, поэтому, и завоевало сразу сердца Либеров, Акимовых и Мартыновых. Но это толкование является уже, очевидно, фразой, ибо тогда сюда подойдет весь рабочий класс, и сотрется различие

* Тов. Мартынов, впрочем, хочет отличаться от тов. Акимова, хочет доказать, что заговорщический будто бы незначит конспиративный, что за равницей этих слов скрывается разница понятий. Какая это разница, ни тов. Мартынов, ни идущий теперь по его стопам тов. Аксельрод так и не объяснили. Тов. Мартынов «делает вид», будто я, например, в «Что делать?» не высказался решительно (как и в «Задачах» (см. Сочинения, 4 изд., том 2, стр. 299—326. *Ред.*)) против «суждения политической борьбы до заговора». Тов. Мартынов хочет выставить слушателей *забыть*, что те, с кем я воевал, *не видели* надобности в организации революционеров, как не видит ее и сейчас товарищ Акимов.

между партией и классом; о контроле и руководстве за «каждым стачечником» можно говорить только «символически». Вот почему т. Мартов и сбился во второй своей речи сейчас же на второе толкование (хотя, в скобках сказать, *оно прямо отклонено съездом*, отвергшим резолюцию Костича, стр. 255): комитет будет поручать функции и следить за их выполнением. Такие специальные поручения никогда, конечно, не будут иметь места по отношению к *массе рабочих, к тысячам пролетариев* (о которых говорят т. Аксельрод и т. Мартынов), — они будут даваться зачастую вот именно тем *профессорам*, которых поминал т. Аксельрод, тем *гимназистам*, о которых заботился т. Либер и т. Попов (стр. 241), той *революционной молодежи*, на которую ссылался т. Аксельрод в своей второй речи (стр. 242). Одним словом, формула т. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесет пользу главным образом и почти исключительно *интеллигентам, насквозь пропитанным буржуазным индивидуализмом* и не желающим входить в организацию. *На словах* формула Мартова отстаивает интересы широких слоев пролетариата; *на деле* эта формула послужит интересам *буржуазной интеллигенции*, чужающейся пролетарской дисциплины и организации. Никто не решится отрицать, что *интеллигенция, как особый слой* современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, *именно индивидуализмом* и неспособностью к дисциплине и организации (ср. хотя бы известные статьи Каутского об интеллигенции); в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям *мелкобуржуазного существования* (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.). Не случайность, наконец, и то, что именно защитники формулы т. Мартова должны были выдвинуть примеры профессоров и гимназистов! Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили, в спорах о § 1, против поборников радикально-заговорщической организации, как думали гг. Мартынов и Аксельрод, а

сторонники *буржуазно-интеллигентского индивидуализма* столкнулись с сторонниками *пролетарской организации и дисциплины*.

Тов. Попов говорил: «Всюду в Петербурге, как в Николаеве или Одессе, по свидетельству представителей этих городов, есть десятки рабочих, которые распространяют литературу, ведут устную агитацию и которые не могут быть членами организации. Их можно приписать к организации, но считать членами нельзя» (стр. 241). Почему они не могут быть членами организаций? это осталось тайной т. Попова. Я уже цитировал выше место из «Письма к товарищу», показывающее, что именно включение всех таких рабочих (сотнями, а не десятками) в организации и возможно и необходимо, причем очень и очень многие из этих организаций могут и должны войти в партию.

Второй довод т. Мартова: «Для Ленина нет иных организаций в партии кроме партийных организаций»... Совершенно верно!.. «Для меня, напротив, такие организации должны существовать. Жизнь создает и плодит организации скорее, чем мы успеем включить их в иерархию нашей боевой организации профессиональных революционеров»... Это в двух отношениях неверно: 1) «жизнь» плодит гораздо меньше дельных организаций революционеров, чем нам нужно, чем требуется рабочим движением; 2) партия наша должна быть иерархией не только организаций революционеров, но и массы рабочих организаций... «Ленин думает, что ЦК утвердит в звании партийных только те организации, которые будут вполне надежны в принципиальном отношении. Но т. Брукер хорошо понимает, что жизнь (sic!) возьмет свое и что ЦК, чтобы не оставить вне партии множества организаций, должен будет их легализовать, несмотря на их не вполне надежный характер; поэтому т. Брукер и присоединяется к Ленину»... Вот уже поистине хвостистское понимание «жизни»! Конечно, если бы ЦК *обязательно* состоял из людей, руководящихся не своим мнением, а тем, что другие скажут (см. инцидент с ОК), тогда «жизнь» взяла бы «свое» в том смысле, что наиболее отсталые элементы партии взяли бы верх (как это и случилось теперь, когда составилось из отсталых элементов партийное «меньшинство»). Но ни одной осмысленной причины нельзя привести, которая бы заставила толковый ЦК вводить в партию «ненадежные» элементы. Именно этой

ссылкой на «жизнь», которая «плодит» ненадежные элементы, т. Мартов и показывает воочию оппортунистический характер своего организационного плана!.. «Я же думаю, — продолжает он, — что если такая организация (не вполне надежная) согласна принять партийную программу и партийный контроль, то мы можем ввести ее в партию, не делая ее тем самым партийной организацией. Я бы считал большим торжеством нашей партии, если бы, например, какой-нибудь союз «независимых» определил, что он принимает точку зрения социал-демократии и ее программу и вступает в партию, что не значит, однако, что мы включаем союз в партийную организацию»... Вот до какой путаницы доводит формула Мартова: непартийные организации, входящие в партию! Представьте только себе *его* схему: партия = 1) организации революционеров + 2) организации рабочих, признанные партийными, + 3) организации рабочих, непризнанные партийными (преимущественно из «независимых»), + 4) одиночки, исполняющие разные функции, профессора, гимназисты и т. д. + 5) «каждый стачечник». Рядом с этим замечательным планом можно поставить лишь слова т. Либера: «Наша задача не только организовать организацию (!!), мы можем и должны организовать партию» (стр. 241). Да, конечно, мы можем и должны сделать это, но для этого нужны не лишние смыслы слова об «организации организаций», а *прямое требование* от членов партии, чтобы они работали над *организацией* на деле. Говорить об «организации партии» и защищать прикрытое словом партия всякой неорганизованности и всякого разброда — значит говорить пустые слова.

«Наша формулировка — говорит т. Мартов — выражает стремление к тому, чтобы между организацией революционеров и массой был ряд организаций». Именно нет. Этого-то действительно обязательного стремления и не выражает формула Мартова, ибо она не дает стимула *организоваться*, не содержит требования *организоваться*, не отделяет организованного от неорганизованного. Она дает одно только *звание**, и по этому поводу нельзя не вспомнить слов т. Аксельрода: «Никакими декретами нельзя запре-

* На съезде Лиги тов. Мартов выдвинул еще один довод в пользу своей формулировки, над которым стоит пошевелиться. «Мы могли бы уназать, — говорит он — что формула Ленина, понята буквально, исключает из партии агентов ЦК, ибо последние не составляют организации» (стр. 59). Довод этот

тить им (кружкам революционной молодежи и проч.) и отдельным лицам называть себя социал-демократами) (святая истина!) «и даже считать себя частью партии»... вот это уже *безусловно неверно!* Запрещать называться социал-демократом нельзя и *незачем*, ибо это слово выражает *непосредственно* лишь систему убеждений, а не определенные организационные отношения. Запрещать отдельным кружкам и лицам «считать себя частью партии» можно и должно, когда эти кружки и лица вредят делу партии, развращают или дезорганизуют ее. Смешно было бы говорить о *партии*, как целом, как политической величине, если бы она не могла «декретом запретить» кружку «считать себя частью» целого! И к чему бы тогда определять порядок и условия исключения из партии? Тов. Аксельрод наглядно привел к абсурду основную ошибку т. Мартова; он возвел даже эту ошибку в *оппортунистическую теорию*, когда добавил: «в формулировке Ленина § 1 является прямым принципиальным противоречием с самой сущностью (11), с задачами социал-демократической партии пролетариата» (стр. 243). Это значит не больше и не меньше, как: предъявление более высоких требований к партии, чем к классу, есть принципиальное противоречие с самой сущностью задач пролетариата. Неудивительно, что Акимов горой встал за такую *теорию*.

Справедливость требует отметить, что тов. Аксельрод, *теперь* желающий превратить эту ошибочную, явно клонящую к оппортунизму, формулировку в зерно *новых*

и на съезде Лиги был встречен *смехом*, как в значится в протоколах. Тов. Мартов полагает, что указанное им «взтруднение» разрешимо только тем, что агенты ЦК входят в «организацию ЦК». Но дело не в этом. Дело в том, что своим примером тов. Мартов наглядно показал *свое полное непонимание идеи § 1*, показал чисто буквоедский образчик критики, действительно заслуживающий насмешки. *Формально*, достаточно было бы образовать «организацию агентов ЦК», составить *постановление* о включении ее в партию, и «взтруднение», причинившее столько роговоломоной работы мысли тов. Мартову, сразу исчезло бы. *Идея же § 1* в моей формулировке состоит в *стимуле*: «организуйтесь!», в *обеспечении реального контроля* и руководства. С точки зрения *существа дела* смешон самый вопрос о том, войдут ли в партию агенты ЦК, ибо *реальный контроль* за ними обеспечен вполне и безусловно *уже тем*, что они назначены в агенты, уже тем, что их оставляют в должности агентов. Следовательно, о смешении организованного и неорганизованного (корень ошибки в формулировке тов. Мартова) здесь нет и речи. Негодность формулы тов. Мартова состоит в том, что всякий и каждый может *объявить* себя членом партии, всякий оппортунист, всякий правдоболтающий, всякий «профессор» и всякий «гимназист». Эту *ахиллесову пяту* своей формулировки тов. Мартов тщетно пытается заговорить посредством таких примеров, когда не может быть и речи о самозачислении себя в члены, об *объявлении* себя членом.

вазглядов, — на съезде выразил, наоборот, готовность «поторговаться», сказавши: «Но я замечаю, что стучусь в открытую дверь»... (я замечаю также это и на новой «Искре»)... «потому что тов. Ленин со своими периферийными кружками, считающимися частями партийной организации, идет навстречу моему требованию»... (и не только с периферийными кружками, но и со всякого рода рабочими союзами: ср. стр. 242 прот., из речи тов. Страхова, и цитированные выше выписки из «Что делать?» и «Письма к товарищу»)... «Остаются еще отдельные лица, но и тут можно бы еще поторговаться». Я ответил тов. Аксельроду, что поторговаться, вообще говоря, не прочь, и должен пояснить теперь, в каком смысле было сказано это. Именно насчет отдельных лиц, всех этих профессоров, гимназистов и проч., всего менее согласился бы я на уступки; но если возбуждено было сомнение насчет рабочих организаций, то я согласился бы (несмотря на доказанную мною выше полную неосновательность этих сомнений) добавить к моему 1 § примечание вроде такого: «Рабочие организации, принимающие программу и устав Российской социал-демократической рабочей партии, должны быть в возможно большем числе включены в число партийных организаций». Конечно, говоря строго, такому пожеланию место не в уставе, который должен ограничиваться юридическими определениями, а в пояснительных комментариях, в брошюрах (и я уже указал, что в своих брошюрах я задолго до устава приводил такие пояснения), но такое примечание не содержало бы, по крайней мере, в себе ни тени *неверных*, способных вести к дезорганизации, мыслей, ни тени *оппортунистических* рассуждений* и *анархических концепций*, несомненно входящих в формулировку тов. Мартова.

* К числу таких рассуждений, неизбежно всплывающих при попытках обоснования мартовской формулы, принадлежит в особенности фраза тов. Троцкого (стр. 248 и 346), что «оппортунизм создается более сложными (или: определяется более глубокими) причинами, чем тот или другой пункт устава, — он вызывается относительным уровнем развития буржуазной демократии и пролетариата»... Не в том дело, что пункты устава могут создавать оппортунизм, а в том, чтобы снова при помощи их более или менее острое оружие против оппортунизма. Чем глубже его причины, тем острее должно быть это оружие. Поэтому *оправдывать* «глубокими причинами» оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хвостивым чистойшей воды. Когда тов. Троцкий был против тов. Либера, он понимал, что устав есть «организованное недоверие»

Последнее, приведенное мною в кавычках, выражение принадлежит тов. Павловичу, который очень справедливо отнес к *анархизму* признание членов «*безответственных и самих себя зачисляющих* в партию». «В переводе на простой язык» — разъяснял тов. Павлович мою формулировку тов. Либера — она означает: «равны хочешь быть членом партии, ты должен не только платонически признавать и организационные отношения». Как ни прост этот «перевод», он оказался, однако, не лишним (как показали события после съезда) не только для разных сомнительных профессоров и гимназистов, но и для самых доподлинных членов партии, для людей верха... Не менее справедливо указал тов. Павлович на противоречие между формулой тов. Мартова и тем бесспорным положением научного социализма, которое цитировал так неудачно тот же тов. Мартов. «Наша партия есть сознательная выразительница бессознательного процесса». Именно так. И именно поэтому неправильно тянуться за тем, чтобы «каждый стачечник» мог называть себя членом партии, ибо если бы «каждая стачка» была не только стихийным выражением могучего классового

целого и части, передового отряда и отсталому отряду; а когда тов. Троцкий оказался на стороне тов. Либера, он уже забыл это и даже стал оправдывать *слабость и шаткость нашей организации* этого недоверия (недоверия и оппортунизму) «*сложными причинами*», «уровнем развития пролетариата» и т. п. Другой довод тов. Троцкого: «интеллигентной молодежи, так или иначе организованной, гораздо легче занести себя (курс. мой) в списки партии». Именно. Поэтому страдает интеллигентной расплывчатостью та формулировка, в силу коей даже неорганизованные элементы объявляют себя членами партии, а не моя, *устраивающая* право «заносить себя» в списки. Тов. Троцкий говорит, что если ЦК «не признает» организации оппортунистов, то только из-за характера лиц, а рав эти лица известны, как политические индивидуальности, то они не опасны, их можно удалить общепартийным бойкотом. Это верно лишь по отношению к тем случаям, когда нужно *удалить из партии* (да и то верно наполовину, ибо организованная партия *удаляет* ветоумом, а не бойкотом). Это совершенно неверно по отношению к гораздо более частым случаям, когда нелепо *удалять*, когда надо лишь *контролировать*. Для целей контроля ЦК нарочно может включить в партию, на известных условиях, не совсем надежную, но работоспособную организацию с тем, чтобы испытать ее, чтобы попытаться *направить ее на путь истинный*, чтобы своим руководством парализовать ее частичные отклонения и т. д. Такое включение не опасно, если не допускается вообще «занесение себя» в списки партии. Такое включение часто будет полезно для открытого и ответственного, подконтрольного, выражения (и обсуждения) ошибочных взглядов и ошибочной тактики. «Но если юридические определения должны соответствовать фактическим отношениям, то формула тов. Ленина должна быть отвергнута» — говорит тов. Троцкий и говорит опять, как оппортунист. Фактические отношения не мертвы, а живут и развиваются. Юридические определения могут соответствовать прогрессивному развитию этих отношений, но могут также (если эти определения плохи) «соответствовать» регрессу или застою. Этот последний случай и есть «случай» тов. Мартова.

инстинкта и классовой борьбы, неизбежно ведущей к социальной революции, а *сознательным выражением* этого процесса, тогда... тогда всеобщая стачка не была бы анархической фразой, тогда наша партия сейчас же и сразу *покрыла бы собой* весь рабочий класс, а следовательно, сразу покончила бы и со *всеим буржуазным обществом*. Чтобы быть *на деле* сознательной выразительницей, партия должна уметь выработать такие организационные отношения, которые бы *обеспечивали известный уровень* сознательности и систематически поднимали этот уровень. «Уж если идти путем Мартова, — сказал тов. Павлович, — то прежде всего нужно выкинуть пункт о признании *программы*, ибо, чтобы принять программу, ее нужно усвоить и понять... Признание программы обуславливается довольно высоким уровнем политического сознания». Мы никогда не допустим, чтобы *поддержка* социал-демократии, чтобы *участие* в руководимой ею борьбе искусственно *ограничивалось* какими бы то ни было требованиями (усвоения, понимания и проч.), ибо самое это *участие* одним уже фактом своего проявления *поднимает* и сознательность и организационные инстинкты, но раз мы *соединились в партию* для планомерной работы, то мы должны позаботиться об обеспечении этой планомерности.

Что предостережение тов. Павловича насчет программы оказалось не лишним, это обнаружилось *тотчас же*, в течение *того же самого* заседания. Тов. Акимов и Либбер, которые провели формулировку тов. Мартова*, *сейчас же* обнаружили свою истинную натуру, потребовав (стр. 254—255), чтобы и программу надо было (для «членства» в партии) признавать лишь платонически, лишь ее «основные положения». «Предложение тов. Акимова вполне логично с точки зрения тов. Мартова» — отметил тов. Павлович. К сожалению, мы не видим из протоколов, *сколько* голосов объединило это акимовское предложение, — по всей вероятности, не менее семи (пять бундовских, Акимов и Брукэр). И как раз уход именно *семи* делегатов со съезда

* За нее было подано 28 голосов, против 22. Из восьми антиискровцев семь было за Мартова, один за меня. Без помощи оппортунистов тов. Мартов не провел бы своей оппортунистической формулы. (На съезде Лиги тов. Мартов очень неудачно пытался опровергнуть этот несомненный факт, ограничиваясь почему-то голосами одних бундовцев и забывая о тов. Акимове и его друзьях, — вернее, вспоминая о них *лишь* тогда, когда это могло свидетельствовать против меня — согласие со мной тов. Брукэра.)

превратил «компактное большинство» (антиискровцев, «центра» и мартовцев), начавшее складываться по § 1 устава, в компактное меньшинство! Как раз уход именно *семи* делегатов повел к провалу предложения об утверждении старой редакции, этого якобы вопиющего нарушения «преемственности» в ведении «Искры»! Оригинальная же *семерка* была единственным спасением и залогом искровской «преемственности»: эту семерку составляли бундовцы, Акимов и Брукэр, т. е. как раз делегаты, вотировавшие против *мотивов* признания «Искры» Центральным Органом, как раз делегаты, оппортунизм которых десятки раз был признаваем съездом и признан, в частности, Мартовым и Плехановым по вопросу о *смягчении* § 1 насчет программы. «Преемственность» «Искры», охраняемая антиискровцами! — мы подходим тут к *завязке* послесъездовской трагикомедии.

* * *

Группировка голосов по § первому устава обнаружила явление совершенно того же типа, как и в инциденте с равноправием языков: отпадение от искровского большинства четвертой (приблизительно) его части дает возможность победы антиискровцам, за которыми идет «центр». Конечно, и здесь есть отдельные голоса, нарушающие полную стройность картины, — в таком большом собрании, как наш съезд, неизбежно оказывается часть «диких», случайно попадающих то на ту, то на другую сторону, особенно по такому вопросу, как § первый, где истинный характер расхождения только еще намечался и многие прямо *не успевали разобратся* (при отсутствии предварительной разработки вопроса в литературе). От искровцев большинства отпало пять голосов (Русов и Карский по два голоса и Ленский с одним голосом); наоборот, к ним примкнули один антиискровец (Брукэр) и трое из центра (Медведев, Егоров и Царев); получилась сумма в 23 голоса (24 — 5 + 4), на один голос меньше окончательной группировки по выборам. *Большинство дали Мартову антиискровцы*, из которых 7 было за него и один за меня (из «центра» тоже семь было за Мартова, три за меня). Та коалиция меньшинства искровцев с антиискровцами и с «центром», которая образовала компактное меньшинство в конце съезда и после съезда, *начала складываться*. Политическая ошибка

Мартова и Аксельрода, сделавших *несомненный шаг к оппортунизму и к анархическому индивидуализму* в формулировке § первого и особенно в защите этой формулировки, обнаружилась тотчас же и особенно рельефно благодаря свободной и открытой арене съезда, обнаружилась тем, что наименее устойчивые и наименее принципиально-выдержанные элементы сразу двинули все свои силы для расширения той щели, той пробоины, которая оказалась во взглядах революционной социал-демократии. Совместная работа на съезде людей, которые открыто преследовали в организационной области *разные цели* (см. речь Акимова), тотчас же толкнула *принципиальных* противников нашего организационного плана и нашего устава к поддержке ошибки гг. Мартова и Аксельрода. Искровцы, оставшиеся и в этом вопросе верными взглядам революционной социал-демократии, оказались *в меньшинстве*. Это — обстоятельство *громадной важности*, ибо без уяснения его совершенно нельзя понять ни борьбы из-за частей устава, ни борьбы из-за личного состава Центрального Органа и Центрального Комитета.

1) НЕВИННО ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ЛОЖНОГО ОБВИНЕНИЯ В ОПОРТУНИЗМЕ

Прежде чем переходить к дальнейшим прениям об уставе, необходимо, для выяснения нашего расхождения по вопросу о личном составе центральных учреждений, коснуться *частных* заседаний организации «Искры», происходивших во время съезда. Последнее и самое важное из этих четырех заседаний имело место *как раз после* голосования о § первом устава, — таким образом, происшедший на этом заседании раскол организации «Искры» явился и хронологически и логически предшествующим условием дальнейшей борьбы.

Частные заседания организации «Искры»* начались вскоре после инцидента с ОК, который дал повод к обсуждению вопроса о возможных кандидатурах в ЦК. Само собою понятно, что в силу отмены императивных мандатов

* Я уже на съезде Лига старался наметить по возможности узкие рамки изложения того, что было на частных собраниях, во избежание неразрешимых споров. Основные факты изложены и в моем «Письме в редакцию «Искры»» (с. 4). Тов. Мартов не опростестовал их в своем «Ответе».

эти заседания носили исключительно совещательный, никого не связывающий характер, но их значение тем не менее было огромно. Выбор в ЦК представлял значительные трудности для делегатов, не знавших ни конспиративных имен, ни внутренней работы организации «Искры», — организации, создавшей фактическое единство партии, осуществившей то руководство практическим движением, которое послужило одним из мотивов официального признания «Искры». Мы уже видели, что при единстве искровцев им было вполне обеспечено крупное, до $\frac{3}{5}$, большинство на съезде, и все делегаты прекрасно понимали это. Все искровцы именно и ждали того, чтобы организация «Искры» выступила с рекомендацией определенного личного состава ЦК, и ни один член этой организации не возразил ни словом против предварительного обсуждения в ней состава ЦК, ни один не заикнулся об утверждении всего состава ОК, т. е. превращении его в ЦК, не заикнулся *даже о совещании* со всем составом ОК относительно кандидатов в ЦК. Это обстоятельство тоже чрезвычайно характерно, и его крайне важно иметь в виду, ибо *теперь* мартовцы *задним числом* усердно защищают ОК, доказывая этим только в сотый и тысячный раз свою политическую бесхарактерность*. Покуда еще раскол из-за состава центров не сплотил Мартова с Акимовыми, — для всех ясно было на съезде то, в чем легко убедится, из протоколов съезда и из всей истории «Искры», всякий беспристрастный человек, именно: что ОК был *главным образом* комиссией по созыву съезда, комиссией, составленной нарочно из представителей разных оттенков вплоть до бундовского; действительную же работу *создания* организационного единства партии всецело вынесла на своих плечах организация «Искры» (надо иметь также в виду, что на съезде совершенно случайно отсутствовали *несколько* искровских членов ОК как в силу арестов, так и по другим «независящим» обстоятельствам). Состав бывшей на съезде организации

* Представьте только себе хорошенько эту «картину нравов»: делегат организации «Искры» на съезде совещается только с нею и не заикается даже о совещании с ОК. После же поражения своего и в этой организации и на съезде, он начинает *жалеть* о неутверждении ОК, воспевать его задним числом и величественно игнорировать организацию, которая дала ему мандат! Можно ручаться, что не найдется аналогичного фанга в истории ни единой действительно социал-демократической и действительно рабочей партии.

«Искры» приведен уже в брошюре т. Павловича (см. его «Письмо о II съезде», стр. 13)⁷⁰.

Окончательным результатом жарких дебатов в организации «Искры» было два вотума, приведенных уже мной в «Письме в редакцию». Первый вотум: «отвергается одна из поддерживаемых Мартовым кандидатур девятью головами против четырех при трех воздержавшихся». Казалось бы, что может быть проще и естественнее такого факта: с общего согласия всех шестнадцати бывших на съезде членов организации «Искры» обсуждается вопрос о возможных кандидатурах, и большинством отвергается одна из кандидатур т. Мартова (именно кандидатура т. Штейна, как выболтал уже теперь, не утерпев, и сам т. Мартов, стр. 69 «Осадного положения»)? Ведь на партийный съезд мы и собрались, между прочим, как раз для того, чтобы обсудить и решить вопрос о том, кому вручить «дирижерскую палочку» — и нашей общей партийной обязанностью было уделить этому пункту порядка дня самое серьезное внимание, решить этот вопрос с точки зрения *интересов дела*, а не «обывательских нежностей», как выразился потом совершенно справедливо т. Русов. Конечно, при обсуждении вопроса о кандидатах *на съезде* нельзя было не коснуться и известных личных качеств, нельзя было не высказать своего одобрения или неодобрения*, особенно в неофициальном и тесном собрании. *И я уже на съезде Лиги предупредил*, что неодобрение кандидатуры нелепо считать чем-то «позорящим» (с. 49 прот. Лиги), нелепо делать «сцену» и поднимать истерику из-за того, что входит в прямое выполнение партийной обязанности выбирать должностных лиц сознательно и осмотрительно. А, между тем, ведь для нашего меньшинства отсюда-то и загорелся сыр-бор, они стали кричать *после съезда* о «разрушении

* Тов. Мартов горько жаловался в Лиге на резкость моего неодобрения, не замечая, что из его жалоб получается вывод против него самого. Ленин вел себя, — употребил его же выражение, — бешено (с. 63 протоколов Лиги). Верно. Он хлопал дверью. Правда. Он воюмтил своим поведением (на втором или третьем заседании орг. «Искры») оставшихся на собрании членов. Истина. Но что же отсюда следует? Только то, что мои доводы по существу спорных вопросов были убедительны и подтверждались ходом съезда. В самом деле, если со мной оказалось все же, в конце концов, девять из шестнадцати членов организации «Искры», то ясно, что это произошло *несмотря* на зловеридные резкости, *вопреки* им. Значит, если бы не было «резностей», то может быть еще больше, чем девять, было бы на моей стороне. Значит, тем более убедительны были доводы и фанты, чем большее «новмушение» должны были они персесить.

репутации» (с. 70 прот. Лиги) и уверять *печатно широкую публику*, что т. Штейн был «главным деятелем» бывшего ОК и что его неосновательно обвиняли «в каких-то адских планах» (с. 69 «Осадное положение»). Ну, разве это не истерика, когда по поводу одобрения или неодобрения кандидатов кричат о «разрушении репутации»? Разве это не дрязга, когда, потерпев поражение и в частном собрании организации «Искры», и в официальном, высшем партийном собрании, на съезде, люди потом поднимают жалобы перед улицей и рекомендуют почтеннейшей публике забраковать кандидатов, как «главных деятелей»? — когда люди потом навязывают партии своих кандидатов путем раскола и требования *кооптации*? У нас до того смешались в затхлой заграничной атмосфере политические понятия, что т. Мартов не умеет уже отличить партийного долга от кружковщины и кумовства! Это, должно быть, бюрократизм и формализм — думать, что вопрос о кандидатах уместно обсуждать и решать *только* на съездах, где делегаты собираются для обсуждения, прежде всего, важных принципиальных вопросов, где сходятся представители движения, способные беспристрастно отнестись к вопросу о лицах, способные (и обязанные) *затребовать* и собрать все сведения о кандидатах для подачи решающего голоса, где уделение известного места спорам из-за дирижерской палочки естественно и необходимо. Вместо этого бюрократического и формалистического взгляда, у нас введены теперь иные нравы: мы будем, после съездов, говорить направо и налево о политических похоронах Ивана Ивановича, о разрушении репутации Ивана Никифоровича; кандидаты будут рекомендовать в брошюрах те или иные литераторы и при этом фарисейски уверять, бия себя в грудь: не кружок, а партия... Читающая публика из тех, кто охоч до скандалов, так жадно будет упиваться этой сенсационной новостью, что вот такой-то был главным деятелем ОК, по уверению самого Мартова*. Эта читающая публика гораздо более способна обсудить и решить вопрос, чем

* Я тоже проводил в организации «Искры» и тоже не провел, подобно Мартову, одного кандидата в ЦК, относительно которого я тоже мог бы говорить о его великодепной, исключительными фактами доказываемой, репутации до съезда и в начале съезда. Но мне это не приходит в голову. Этот товарищ достаточно уважает себя, чтобы не позволить никому выдвигать после съезда печатно его кандидатуру или жаловаться на политические похороны, на разрушение репутации и т. д.

формалистические учреждения вроде съездов с их грубо-механическими решениями по большинству... Да, большие еще Авгиевы конюшни заграничной дрязги предстоит очистить нашим настоящим партийным работникам!

Другой вотум организации «Искры»: «принимается десятью голосами против двух, при четырех воздержавшихся, список пяти (в ЦК), в который введен, по моему предложению, один лидер неискровских элементов и один лидер искровского меньшинства»*. Этот вотум крайне важен, ибо он ясно и неопровержимо доказывает всю лживость нарощих потом, в атмосфере дрязги, рассказней, будто мы хотели вышибать из партии или отстранять не-искровцев, будто большинство выбирало только одной половиной съезда из одной половины и т. п. Все это — сплошная фальшь. Приведенный мной вотум показывает, что не только из партии, но даже и из ЦК не-искровцев мы не устранили, а давали своим оппонентам весьма значительное *меньшинство*. Все дело было в том, что они *хотели иметь большинство* и, когда это скромное желание не осуществилось, они подняли *скандал*, с полным отказом от участия в центрах. Что дело было именно так, вопреки утверждениям т. Мартова в Лиге, это видно из следующего *письма*, посланного нам, большинству искровцев (и большинству съезда, по уходе семи) меньшинством организации «Искры» вскоре после принятия 1 § устава на съезде (надо заметить, что собрание организации «Искры», о котором я говорил, было *последним*: после него *фактически* организация распалась, и обе стороны старались убедить в своей правоте остальных делегатов съезда).

Вот текст письма:

«Выслушав объяснения делегатов Сорокина и Саблиной⁷¹ по вопросу о желаний большинства редакции и группы «Освобождение труда» участвовать на собрании (такого-то числа)** и установив

* См. настоящий том, стр. 103—104. *Ред.*

** По моему расчету, дата, приведенная в письме, приходится на вторник. Собрание было во вторник вечером, т. е. после 28-го заседания съезда. Эта хронологическая справка очень важна. Она документально опровергает мнение тов. Мартова, что мы разошлись по вопросу об организации центров, а не по вопросу об их личном составе. Она документально доказывает правильность моего изложения на съезде Лиги и в «Письме в редакцию». После 28-го заседания съезда тт. Мартов и Старовер усиленно толкуют о ложном обвинении в оппортунизме и ни слова не говорят о расхождении по вопросу о составе Совета или о кооптации в центры (о чем мы спорили в 25, 26 и 27 заседаниях).

с помощью этих делегатов, что на предыдущем собрании читался, как якобы исходящий от нас список кандидатов в ЦК, которым пользовались для неправильной характеристики всей нашей политической позиции, и имея в виду, что, во-первых, нам этот список приписан без всякой попытки проверить происхождение этого списка; что, во-вторых, это обстоятельство стоит в несомненной связи с распространенным открыто обвинением большинства редакции «Искры» и группы «Освобождение труда» в оппортунизме; и что, в-третьих, для нас совершенно ясна связь этого обвинения с имеющимся вполне определенным планом *изменения состава редакции «Искры»*, — мы находим данные нам объяснения о причинах недопущения на собрание неудовлетворяющими нас, а нежелание допустить на собрание — доказательством нежелания дать нам возможность рассеять вышеуказанные ложные обвинения.

По вопросу о возможном соглашении между нами об общем списке кандидатов в ЦК мы заявляем, что единственным списком, который мы можем принять, как основу соглашения, является такой: Попов, Троцкий, Глебов, причем подчеркиваем характер этого списка, как списка *компромиссного*, так как включение в этот список тов. Глебова имеет значение только уступки желаниям большинства, ибо, после выяснившейся для нас роли тов. Глебова на съезде, мы не считаем тов. Глебова удовлетворяющим требованиям, которые следует предъявлять к кандидату в ЦК.

Вместе с тем, мы подчеркиваем то обстоятельство, что, вступая в переговоры о кандидатурах в ЦК, мы это делаем без всякого отношения к вопросу о составе редакции ЦО, так как мы ни в какие переговоры по этому вопросу (о составе редакции) не согласны вступать.

За товарищей Мартов и Старовер

Это письмо, точно воспроизводящее настроение спорящих сторон и положение спора, сразу вводит нас в «сердцевину» начинающегося раскола и показывает его действительные причины. Меньшинство организации «Искры», не пожелав согласиться с большинством, предпочтя свободную агитацию на съезде (имея на то, конечно, полное право), добивается, тем не менее, от «делегатов» большинства допущения на их частное собрание! Понятно, что вабавное требование встретило в нашем собрании (письмо было, разумеется, прочтено на собрании) только улыбку и пожиманье плеч, а вскрикивания, переходящие уже в истерику, относительно «ложных обвинений в оппортунизме» вызвали прямо смех. Но разберем сначала, по пунктам, горькие жалобы Мартова и Старовера.

Им неправильно приписали список; их политическую позицию неправильно характеризуют. — Но как Мартов признает и сам (стр. 64 протоколов Лиги), я не подумал ваподозреть правдивость его слов, что не он автор списка.

Вопрос об авторстве вообще тут не при чем, и был ли список намечен кем-либо из искровцев или кем-либо из представителей «центра» и т. п. — это не имеет ровно никакого значения. Важно то, что список этот, сплошь состоящий из членов теперешнего меньшинства, циркулировал на съезде, хотя бы даже в качестве простой догадки или предположения. *Важнее всего*, наконец, то, что т. Мартову *приходилось* на съезде отбояриваться руками и ногами от *такого* списка, который он теперь *должен бы был* встретить с восторгом. Нельзя рельефнее обрисовать неустойчивость в оценке людей и оттенков, как этим прыжком за пару месяцев от воплей о «поворящем слухе» до навязывания партии в центр этих самых кандидатов позорящего, якобы, списка! *

Этот список, — говорил т. Мартов на съезде Лиги, — «означал политически коалицию нашу и «Южного рабочего» с Бундом, коалицию в смысле *прямого соглашения*» (стр. 64). Это неверно, ибо, во-первых, Бунд никогда не пошел бы на «соглашение» о списке, в коем не было ни единого бундовца; а, во-вторых, о прямом соглашении (которое казалось Мартову позорным) не было *и не могло быть речи* не только с Бундом, но и с группой «Южного рабочего». Дело шло именно не о соглашении, а о коалиции, не о том, чтобы т. Мартов заключал сделку, а о том, что его *неизбежно должны были поддержать* те самые антиискровские и шаткие элементы, с которыми он боролся в течение первой половины съезда и которые ухватились за его ошибку в § 1 устава. Письмо, приведенное мною, доказывает самым бесспорным образом, что *корень «обиды» заключался именно в открытом, да еще притом ложном, обвинении в оппортунизме.* «Обвинения» эти, из-за которых загорелся сыр-бор, и которые так тщательно обходит *теперь* т. Мартов, несмотря на мое напоминание в «Письме в редакцию», были двоякого рода: во-первых, во время прений о § 1 устава Плеханов прямо сказал, что вопрос о § 1 является вопросом об «отделении» от нас «всякого рода представителей оппортунизма» и что за мой проект, как оплот против их вторжения в партию, «уже по одному этому должны голосовать все противники оппортунизма» (стр. 246 прото-

* Предыдущие строки были уже набраны, когда мы получили сообщение об инциденте тов. Гусева и тов. Дейча. Мы рассмотрим этот инцидент особо в приложении (см. настоящий том, стр. 384—392. *Ред.*).

колов съезда). Эти энергичные слова, несмотря на маленькое смягчение, которое я внес в них (стр. 250)*, вызвали сенсацию, ясно выразившуюся в речах гг. Русова (стр. 247), Троцкого (стр. 248) и Акимова (стр. 253). В «кулуарах» нашего «парламента» тезис Плеханова живо комментировался и вариировался на тысячи ладов в бесконечных спорах о § 1. И вот, вместо того, чтобы защищаться по существу, наши дорогие товарищи ударились в смешную обиду вплоть до письменных жалоб на «ложное обвинение в оппортунизме»!

Психология кружковщины и поразительной партийной незрелости, неспособной выносить свежего ветерка открытых споров перед всеми, сказалась тут воочию. Это — та знакомая российскому человеку психология, которая выражается старинным изречением: либо в зубы, либо ручку пожалуйте! Люди так привыкли к стеклянному колпаку тесной и теплой компанийки, что упали в обморок от первого же выступления, за своей ответственностью, на свободной и открытой арене. Обвинять, и кого же? Группу «Освобождение труда», да еще большинство ее, в оппортунизме, — можете себе представить такой ужас! Либо партийный раскол из-за такого несмываемого оскорбления, либо замять эту «домашнюю неприятность» восстановлением «преимущества» стеклянного колпака — эта дилемма намечается уже довольно определенно в рассматриваемом письме. Психология интеллигентского индивидуализма и кружковщины столкнулась с требованием открытого выступления перед партией. Представьте себе только, чтобы в немецкой партии воэможна была такая нелепость, такая дрязга, как жалоба на «ложное обвинение в оппортунизме»! Пролетарская организация и дисциплина давно отучили там от этой интеллигентской хлюпкости. Никто не относится иначе, как с величайшим уважением, скажем, к Либкнехту, но как бы осмеяли там *жалобы* на то, что его «открыто обвиняли в оппортунизме» (вместе с Бебелем) на съезде 1895 года, когда он оказался по аграрному вопросу в дурной компании заведомого оппортуниста Фольмара и его друзей. Имя Либкнехта неразрывно связано с историей немецкого рабочего движения не потому, конечно, что Либкнехту довелось впасть в оппортунизм по

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 456—457. Ред.

такому сравнительно мелкому и частному вопросу, а несмотря на это. И точно так же, несмотря ни на какое раздражение борьбы, имя, скажем, т. Аксельрода внушает и всегда будет внушать уважение всякому русскому социал-демократу, но не потому, что т. Аксельроду случилось защищать оппортунистическую идейку на втором съезде нашей партии, случилось выкопать старую анархическую дребедень на втором съезде Лиги, а несмотря на это. Только самая заскорузлая кружковщина с ее логикой: либо в зубы, либо ручку пожалуйста, могла поднять истерику, дрязгу и партийный раскол из-за «ложного обвинения в оппортунизме большинства группы «Освобождение труда»».

Другое основание этого ужасного обвинения связано с предыдущим самым неразрывным образом (т. Мартов тщательно пытался на съезде Лиги (стр. 63) обойти и затушевать *одну* из сторон этого инцидента). Оно относится именно к той *коалиции* антиискровских и шатких элементов с т. Мартовым, которая *наметилась* по § 1 устава. Разумеется, никакого ни прямого, ни косвенного соглашения между т. Мартовым и антиискровцами не было и быть не могло, и никто его в этом не подозревал: это ему только со страху показалось. Но его ошибка *политически* обнаружилась именно в том, что люди, несомненно тяготеющие к оппортунизму, стали образовывать вокруг него все более и более плотное «компактное» большинство (ставшее теперь меньшинством *только* благодаря «случайному» уходу семи делегатов). На эту «коалицию» мы указывали, конечно, тоже *открыто* тотчас же после § 1 и на съезде (см. отмеченное уже выше замечание т. Павловича, стр. 255 прот. съезда) и в организации «Искрь» (особенно указывал на это, помнится, Плеханов). Это буквально то же самое указание и та же самая насмешка, которая падала и на Бебеля с Либкнехтом в 1895 году, когда Цеткина сказала им: «Es tut mir in der Seele weh, dass ich dich in der Gesellschaft seh'» (горько у меня на душе, что я вижу тебя — т. е. Бебеля — в такой компании — т. е. с Фольмаром и К^о). Странно это, право, что Бебель с Либкнехтом не послали тогда Каутскому и Цеткиной истерического послания о ложном обвинении в оппортунизме...

Что касается до списка кандидатов в ЦК, то письмо это показывает ошибку т. Мартова, утверждавшего в Лиге, что

отказ столкнуться с нами не был еще окончательный, — лишний пример того, как неразумно в политической борьбе пытаться воспроизводить на память *разговоры*, вместо справки с документами. На самом деле «меньшинство» было так скромно, что предъявляло «большинству» ультиматум: взять двух из «меньшинства» и одного (в виде компромисса и *только* для уступки собственно!) от «большинства». Это чудовищно, но это факт. И этот факт показывает воочию, как вздорны теперешние рассказы, будто «большинство» одной половиной съезда выбирало представителей одной только половины. *Как раз наоборот*: мартовцы лишь для уступки предлагали нам одного из трех, желая, следовательно, в случае несогласия нашего на эту оригинальную «уступку», провести *всех* своих! Мы посмеялись, на нашем частном собрании, над скромностью мартовцев и составили себе список: Глебов — Травинский (выбранный потом в ЦК) — Попов. Этот последний был заменен нами (тоже на частном собрании 24-х) тов. Васильевым (выбранным потом в ЦК) *лишь потому*, что тов. Попов отказался идти в нашем списке, отказался сначала в частной беседе, а потом и на съезде открыто (стр. 338).

Вот как было дело.

Скромное «меньшинство» имело скромное желание быть в большинстве. Когда это скромное желание не было удовлетворено, «меньшинство» изволило вовсе отказаться и начать скандалчик. А теперь находятся еще люди, которые величественно-снисходительно толкуют о «неуступчивости» «большинства»!

«Меньшинство» предъявляло забавные ультиматумы «большинству», идучи на рать свободной агитации на съезде. Потерпев поражение, *наши герои расплакались и закричали об осадном положении. Voilà tout**.

Ужасное обвинение в том, что мы намерены изменить состав редакции, мы (частное собрание 24-х) встретили тоже улыбкой: все прекрасно знали с самого начала съезда и еще до съезда о плане *обновления* редакции путем выбора первоначальной тройки (подробнее я скажу об этом, когда будет речь о выборе редакции на съезде). Что «меньшинство» испугалось этого плана *после того*, как увидело, что прекрасным подтверждением правильности

* — Вот и все. Ред.

этого плана явилась коалиция «меньшинства» с антиискровцами, — это нас не удивило, это было вполне естественно. Мы не могли, конечно, брать всерьез предложение превратиться, по доброй воле, до борьбы на съезде, в меньшинство, не могли брать всерьез всего письма, авторы которого дошли до такой невероятной степени раздражения, что говорили о «ложных обвинениях в оппортунизме». Мы твердо надеялись, что партийный долг возьмет очень быстро верх над естественным желанием «сорвать сердце».

к) ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕНИЙ ОБ УСТАВЕ. СОСТАВ СОВЕТА

Дальнейшие пункты устава вызывали гораздо больше споров о частностях, чем о принципах организации. 24-ое заседание съезда целиком посвящено было вопросу о представительстве на партийных съездах, причем решительную и определенную борьбу против общих всем искровцам планов вели опять-таки лишь бундовцы (Гольдблат и Либбер, стр. 258—259) и т. Акимов, который с похвальной откровенностью признал свою роль на съезде: «Я каждый раз говорю с полным сознанием того, что я своими доводами не повлияю на товарищей, но, наоборот, поврежу тому пункту, который я защищаю» (стр. 261). Это меткое замечание было особенно уместно тотчас же после § 1 устава; не совсем правильно только употреблено здесь выражение «наоборот», ибо т. Акимов умел не только вредить известным пунктам, но в то же время и тем самым также и «влиять на товарищей»... из числа очень непоследовательных искровцев, склонных к оппортунистической фразе.

В общем, § 3 устава, определяющий условия представительства на съезде, был принят большинством при 7 воздержавшихся (стр. 263), — очевидно, из числа антиискровцев.

Спор о составе Совета, занявший большую часть 25-го заседания съезда, обнаружил чрезвычайную дробность группировок вокруг громадного числа различных проектов. Абрамсон и Царев совсем отвергают план Совета. Панин упорно хочет сделать Совет исключительно третейским судом и потому вполне последовательно предлагает выкинуть определение, что Совет есть высшее учреждение

и что его могут созывать любые два члена Совета *. Герц ⁷², Русов отстаивают разные способы составления Совета в дополнение к *трем* способам, предложенным *пятью* членами уставной комиссии.

Спорные вопросы сводились прежде всего к определению задач Совета: третейский суд или высшее учреждение партии? Последовательно за первое стоял, как я уже сказал, т. Панин. Но он был одинок. Т. Мартов решительно высказался против: «Предложение о том, чтобы вычеркнуть слова: «Совет есть высшее учреждение», я предлагаю отвергнуть: наша формулировка» (т. е. формулировка задач Совета, на которой мы сошлись в уставной комиссии) «умышленно оставляет возможность развития Совета в высшее партийное учреждение. Для нас Совет не только примирительное учреждение». Между тем состав Совета, по проекту т. Мартова, соответствовал всецело и исключительно характеру «примирительных учреждений» или третейских судов: по два члена от обоих центров и пятый, приглашаемый этими четырьмя. Не только такой состав Совета, но и тот, который принят съездом, по предложению тт. Русова и Герца (пятый член назначается съездом), соответствует исключительно целям примирения или посредничества. Между таким составом Совета и назначением его стать высшим учреждением партии — противоречие непримиримое. Высшее учреждение партии должно быть постоянно в составе, а не зависеть от случайных (иногда в силу провалов) изменений в составе центров. Высшее учреждение должно находиться в непосредственной связи с партийным съездом, от него получая свои полномочия, а не от двух других, подчиненных съезду, партийных учреждений. Высшее учреждение должно состоять из лиц, известных партийному съезду. Наконец, *высшее* учреждение не может быть *организовано* так, что *самое его существование* зависит от случая: не сойдутся две коллегии в выборе пятого, и партия остается без высшего учреждения! Против этого возражали: 1) что при воздержании одного из пяти и при разделении остальных четырех

* Т. Старовер, видимо, тоже склонялся к взглядам т. Панина, с тем только отличием, что последний знал, чего он хочет, и вполне последовательно вносил революции, превращающие Совет в чисто третейское, примирительное учреждение, тогда как т. Старовер не знал, чего он хочет, говоря, что Совет собирается, по проекту, «только по инициативе сторон» (стр. 266). Это прямо неверно.

на две пары положение тоже может оказаться безвыходным (Егоров). Это возражение несостоятельно, ибо невозможность *принять решение* неизбежна иногда для *всякой* коллегии, но это совсем не то, что невозможность *составить* коллегию. Второе возражение: «если такое учреждение, как Совет, не сможет выбрать пятого члена, то это значит тогда, что учреждение вообще недееспособно» (Засулич). Но дело тут не в недееспособности, а в несуществовании *высшего* учреждения: без пятого члена *не будет* никакого Совета, не будет *никакого «учреждения»*, и о дееспособности нельзя будет и говорить. Наконец, было бы еще поправимым влом, если бы возможны были случаи, когда не составляется одна из таких партийных коллегий, над которой стоит другая, высшая, ибо тогда эта высшая коллегия могла бы в экстренных случаях всегда пополнить пробел так или иначе. Но над Советом никакой коллегии, кроме съезда, *нет*, и поэтому оставить в уставе *возможность* того, что Совета нельзя будет *даже и составить*, — явная нелогичность.

Обе мои коротенькие речи на съезде по этому вопросу и были посвящены разбору (стр. 267 и 269) *только двух этих* неправильных возражений, которыми защищали проект Мартова он сам и другие товарищи. Вопрос же о преобладании ЦО или ЦК в Совете *мною не был даже задет*. Вопрос этот затронул, *впервые* в смысле указания на опасность преобладания ЦО, *т. Акимов* еще в 14-ом заседании съезда (стр. 157), и *только* за Акимовым пошли *после съезда* гг. Мартов, Аксельрод и другие в создании нелепой и демагогической сказки о желании «большинства» превратить ЦК в орудие редакции. Касаясь этого вопроса в своем «Осадном положении», т. Мартов скромно обошел его настоящего инициатора!

Кто захочет познакомиться со *всей* постановкой вопроса о преобладании ЦО над ЦК на съезде партии, а не ограничиваться отдельными вырванными из связи цитатами, тот легко увидит извращение дела т. Мартовым. Еще в 14-ом заседании *не кто иной, как т. Попов* начинает с полемики *против взглядов т. Акимова*, желающего «на вершине партии защищать «самую строгую централизацию», *чтобы ослабить влияние ЦО»* (стр. 154, курсив мой), «в чем собственно и заключается весь смысл такой (акимовской) системы». «Такой централизации — добавляет т. По-

пов — я не только не защищаю, но я готов всячески с ней бороться, потому что она — *знамя оппортунизма*. Вот где *корень* пресловутого вопроса о преобладании ЦО над ЦК, и неудивительно, что т. Мартову приходится теперь замалчивать истинное происхождение вопроса. *Даже* т. Попов не мог не видеть *оппортунистического* характера этих акимовских толков о преобладании ЦО* и, чтобы хорошенько отделить себя от т. Акимова, товарищ Попов *категорически* заявлял: «пусть в этом центре (Совете) три члена будут от редакции и два члена от ЦК. *Это вопрос второстепенный* (курсив мой), важно же то, чтобы руководство, высшее руководство партией, шло из одного источника» (стр. 155). Т. Акимов возражает: «по проекту, ЦО обеспечено превалирование в Совете уже потому, что состав редакции постоянный, а ЦК переменный» (стр. 157) — довод, относящийся лишь к «постоянству» *принципиального* руководства (явление нормальное и желательное), отнюдь не к «превалированию» в смысле вмешательства или посягательства на самостоятельность. И т. Попов, который еще тогда не принадлежал к «меньшинству», прикрывающему недовольство составом центров сплетничаньем о несамостоятельности ЦК, отвечает товарищу Акимову совершенно резонно: «Я предлагаю считать его (Совет) руководящим центром партии, и тогда совершенно не важен вопрос, будет ли в Совете большее число представителей от ЦО или от ЦК» (стр. 157—158. Курсив мой).

Когда обсуждение вопроса о составе Совета возобновилось в 25-ом заседании, тов. Павлович, продолжая старые прения, высказывается за преобладание ЦО над ЦК «ввиду устойчивости первого» (264), имея в виду именно *принципиальную* устойчивость, как и понял это тов. Мартов, который говорил сейчас же после тов. Павловича,

* Т. Акимов и т. Попов, и т. Мартов не стеснялись называть оппортунистом, они стали обижаться и возмущаться лишь тогда, когда к ним самим применили это название и применяли справедливо на «равноправие языков» или на § 1. Т. Акимов, по стопам которого пошел т. Мартов, умел, однако, держать себя с большим достоинством и мужеством на партийном съезде, чем т. Мартов и К^о на съезде Лиги. «Меня здесь — говорил т. Акимов на съезде партии — называют оппортунистом; я лично считаю это слово бранным, оскорбительным, и думаю, что я его совершенно не заслужил; однако я против этого не протестую» (стр. 296). Может быть, тт. Мартов и Старовер предлагали т. Акимову подписаться под их протестом против ложного обвинения в оппортунизме, но т. Акимов откавался?

находил ненужным «фиксировать перевес одного учреждения над другим» и указывал на возможность пребывания одного из членов ЦК за границей: «этим сохранится до известной степени принципиальная устойчивость ЦК» (264). Тут нет еще и тени демагогического смещения вопроса о *принципиальной* устойчивости и ее охране с охраной самостоятельности и независимости ЦК. Это смещение, *после съезда* ставшее едва ли не главным козырем тов. Мартова, *на съезде* упорно проводил *только тов. Акимов*, который и говорил *тогда еще* об «аракчеевском духе устава» (268), о том, что *если в Совете партии окажутся три члена ЦО, то ЦК превратится в простого исполнителя воли редакции* (курсив мой). Три лица, живущие за границей, получают право безгранично (II) распоряжаться работой всей (II) партии. Они обеспечены в смысле безопасности, и потому их власть пожизненна» (268). Вот против этих-то, совершенно вадорных и демагогических фраз, которые подменяют *идейное руководство — вмешательством в работу всей партии* (и которые после съезда доставили дешевенький лозунг тов. Аксельроду с его речами о «теократии»), — *против них* возражал опять товарищ Павлович, подчеркнувший, что он стоит «за прочность и чистоту тех принципов, представителем которых является «Искра». Давая перевес редакции Центрального Органа, я этим укрепляю эти принципы».

Вот как стоит на самом деле вопрос о пресловутом преобладании ЦО над ЦК. Это знаменитое «принципиальное разногласие» гг. Аксельрода и Мартова есть не что иное, как *повторение оппортунистических и демагогических фраз товарища Акимова*, фраз, истинный характер которых ясно видел даже товарищ Попов, видел тогда, когда еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров!

* * *

Итог вопроса о составе Совета: вопреки попыткам тов. Мартова доказать в «Осадном положении» противоречивость и неправильность моего изложения в «Письме в редакцию», протоколы съезда ясно показывают, что вопрос этот *по сравнению с § 1* действительно лишь *деталь*, что *полным извращением* было ваявление статьи «Наш

съезде» (№ 53 «Искры»), будто «почти исключительно» мы спорили об организации центральных учреждений партии. Извращение это тем более вопиющее, что автор статьи *вовсе обошел споры о § 1*. Далее, что определенной группировки искровцев по вопросу о составе Совета не было, это тоже подтверждают протоколы: именных голосований нет, Мартов расходится с Паниным, я схожусь с Поповым, Егоров и Гусев стоят особо и т. д. Наконец, последнее мое утверждение (на съезде Заграничной лиги русской революционной социал-демократии), что коалиция мартовцев с антиискровцами крепла, *тоже подтверждается* видным теперь для всех поворотом товарищей Мартова и Аксельрода к т. Акимову и в этом вопросе.

л) КОНЕЦ ПРЕНИЙ ОБ УСТАВЕ. КООПТАЦИЯ В ЦЕНТРЫ.
УХОД ДЕЛЕГАТОВ «РАБОЧЕГО ДЕЛА»

Из дальнейших прений об уставе (26-ое заседание съезда) стоит отметить лишь вопрос об ограничении власти Центрального Комитета, проливающий свет на характер *теперешних* нападок мартовцев на гиперцентрализм. Тт. Егоров и Попов стремились к ограничению централизма с несколько большей убежденностью, независимо от их собственной или проводимой ими кандидатуры. Они предложили еще в уставной комиссии ограничить право ЦК на распускание местных комитетов согласием Совета и, кроме того, случаями, особо перечисленными (стр. 272, прим. 1). Трое членов уставной комиссии (Глебов, Мартов и я) высказались против, и на съезде тов. Мартов защищал наше мнение (стр. 273), возражая Егорову и Попову, что «ЦК и без того будет обсуждать, прежде чем решится сделать такой серьезный шаг, как распустить организацию». Как видите, *тогда* еще тов. Мартов оставался глух ко *всяким* антицентралистическим поползновениям, и съезд отклонил предложение Егорова и Попова, — к сожалению, мы не узнаем только из протоколов, каким числом голосов.

На съезде партии тов. Мартов был также «против замены слова организует (ЦК организует комитеты и т. д. в § 6 устава партии) словом утверждает. Нужно дать право и организовать», говорил *тогда* тов. Мартов, не додумавшийся еще до замечательной, открытой лишь на съезде

Лиги идеи, что утверждение не входит в понятие «организовать».

Кроме этих двух пунктов, вряд ли представляют интерес остальные, совершенно уже мелочные дебаты по частностям §§ 5—11 устава (стр. 273—276 протоколов). Параграф 12 — вопрос о кооптации во все партийные коллегии вообще и в центры в частности. Комиссия предлагает повысить квалифицированное большинство, необходимое для кооптации, с $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$. Докладчик (Глебов) предлагает *единогласную* кооптацию в ЦК. Тов. Егоров, признавая нежелательным *шероховатости*, стоит за простое большинство при отсутствии мотивированного veto*. Тов. Попов не согласен ни с комиссией, ни с тов. Егоровым и требует либо простого большинства (без права veto), либо единогласия. Тов. Мартов не согласен ни с комиссией, ни с Глебовым, ни с Егоровым, ни с Поповым, высказываясь против единогласия, против $\frac{4}{5}$ (за $\frac{3}{3}$), *против «взаимной кооптации», т. е. права редакции ЦО опротестовывать кооптацию в ЦК и обратно («права взаимного контроля над кооптацией»)*.

Как видит читатель, группировка получается самая пестрая, и разногласия дробятся чуть ли не на «единогласные» особенности во взглядах каждого делегата!

Т. Мартов говорит: «Психологическую невозможность работать с лицами неприятными я признаю. Но нам важно также, чтобы наша организация была жизне- и дееспособна... Право взаимного контроля ЦК и редакции ЦО при кооптации не нужно. Я не потому против этого, что думаю, что они не компетентны один в области другого. Нет! Редакция ЦО, например, могла бы дать ЦК хороший совет, следует ли господина Надеждина, напр., принять в ЦК. Я восстаю потому, что не хочу создавать взаимно раздражающей волокиты».

Я возражаю ему: «Здесь два вопроса. Первый о квалифицированном большинстве, и я против предложения понизить с $\frac{4}{5}$ до $\frac{2}{3}$. Вводить мотивированный протест не расчетливо, и я против него. Неизмеримо важнее второй вопрос о праве взаимного контроля ЦК и ЦО над кооптацией. Взаимное согласие двух центров есть необходимое условие гармонии. Здесь вопрос идет о разрыве двух

* — запрещения, отвода. Ред.

центров. Кто не хочет раскола, должен заботиться о том, чтобы была гармония. Из жизни партии известно, что бывали люди, вносившие раскол. Вопрос этот принципиальный, вопрос важный, от него может зависеть вся будущая судьба партии» (276—277). Таков полный текст записанного на съезде конспекта моей речи, которой придает особенно серьезное значение т. Мартов. К сожалению, придавая ей серьезное значение, он не потрудился поставить ее в связь со всеми прениями и со всем политическим моментом съезда, когда эта речь была произнесена.

Прежде всего, является вопрос: почему я в первоначальном своем проекте (см. страницу 394, § 11)* ограничивался $\frac{2}{3}$ и не требовал взаимного контроля над кооптациями в центры? Т. Троцкий, говоривший после меня (с. 277), сейчас же и поднял этот вопрос.

Ответ на этот вопрос дает моя речь на съезде Лиги и письмо т. Павловича о II съезде. § 1 устава «разбил посудину», и ее надо было связать «двойным узлом» — говорил я на съезде Лиги. Это значило, во-1-х, то, что в чисто теоретическом вопросе Мартов оказался оппортунистом, и его ошибку *отстояли* Либер и Акимов. Это вначало, во-2-х, то, что коалиция мартовцев (т. е. ничтожного меньшинства искровцев) с антиискровцами давала им *большинство на съезде* при проведении личного состава центров. А я именно говорил здесь о *личном составе* центров, подчеркивая необходимость гармонии и *предупреждая от «людей, вносивших раскол»*. Предупреждение это получало действительно важное принципиальное значение, ибо организация «Искры» (несомненно, более компетентная в вопросе о личном составе центров, как наиболее близко знакомая со всеми делами на практике и со всеми кандидатами), организация «Искры» вынесла уже свой совещательный голос по этому вопросу, приняла известное нам решение относительно возбуждавших ее опасение кандидатур. И морально и по существу дела (т. е. по компетентности выносящего решение) организация «Искры» должна была иметь решающее значение в этом деликатном вопросе. Но *формально* т. Мартов имел, разумеется, полнейшее право апеллировать *против* большинства организации «Искры» к Либерам и Акимовым. А т. Акимов

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 433. Ред.

в своей блестящей речи о § 1 сказал замечательно ясно и умно, что когда он видит среди искровцев разногласие о способах достижения их общей, искровской, цели, то он сознательно и намеренно *вотирует за худший способ*, ибо его, Акимова, цели диаметрально противоположны искровским. Не могло подлежать, таким образом, *никакому сомнению*, что, независимо даже от воли и сознания т. Мартова, *именно худший состав центров* получит поддержку Либеров и Акимовых. Они *могут вотировать*, они должны вотировать (судя не по их словам, а по их *делам*, по их воту в § 1) именно за тот список, который может обещать присутствие «людей, внесивших раскол», вотировать именно *для того*, чтобы «внести раскол». Удивительно ли, что при такой ситуации я говорил о важном принципиальном вопросе (гармония двух центров), от которого может зависеть вся будущая судьба партии?

Ни один социал-демократ, сколько-нибудь знакомый с искровскими идеями, планами и историей движения, сколько-нибудь искренно разделявший эти идеи, не мог ни на минуту усомниться в том, что решение Либерами и Акимовыми спора внутри организации «Искры» о составе центров было формально правильно, но обеспечивало *наихудшие* возможные результаты. С этими *наихудшими* возможными результатами обязательно надо было *бороться*.

Спрашивается: как бороться? Мы боролись не истерикой и не скандалчиком, конечно, а такими средствами, которые *вполне лояльны и вполне законны*: чувствуя, что мы в меньшинстве (как и по § 1), *мы стали ходатайствовать перед съездом об ограждении прав меньшинства*. И большая строгость квалификации при приеме членов ($\frac{4}{5}$ вместо $\frac{2}{3}$), и единогласие при кооптации, и взаимный контроль над кооптацией в центры, — все это мы стали отстаивать, *когда мы оказались в меньшинстве по вопросу о личном составе центров*. Этот факт постоянно игнорируют Иваны и Петры, охочие судить и рядить о съезде скандалчк, после пары приятельских бесед, без серьезного изучения *всех* протоколов и *всех* «показаний» заинтересованных лиц. И всякий, кто захочет добросовестно изучить эти протоколы и эти показания, неизбежно придет к указанному мною факту: *корень* спора лежит в *данный момент съезда* именно в вопросе о *личном со-*

ставе центров, и более строгих условий контроля мы добивались именно потому, что были в меньшинстве, что хотели «двойным узлом связать посудину», разбитую Мартовым при ликовании и при ликующем участии Либеров и Акимовых.

«Если бы дело было не так, — говорит об этом моменте съезда т. Павлович, — то остается предположить, что, выставляя пункт об единогласии при кооптации, мы заботились о своих противниках, ибо для преобладающей партии в том или ином учреждении единогласие не только не нужно, но даже невыгодно» (с. 14 «Письма о II съезде»). Но в настоящее время слишком и слишком часто забывают хронологию событий, забывают, что *в течение целого периода съезда* теперешнее меньшинство было большинством (благодаря участию Либеров и Акимовых) и что именно к этому периоду относится спор о кооптации в центры, подоплекой которого было расхождение в организации «Искры» из-за личного состава центров. Кто уяснит себе это обстоятельство, тот поймет и страстность наших дебатов, тот не будет удивляться и тому *кажущемуся* противоречию, что какие-то мелкие, детальные разногласия вызывают действительно важные, принципиальные вопросы.

Т. Дейч, говоривший в том же заседании (с. 277), был в значительной степени прав, когда заявил: «Несомненно, что это предложение рассчитано на данный момент». Действительно, только поняв *данный момент* во всей его сложности, можно понять истинное значение спора. И в высшей степени важно иметь в виду, что, когда мы были в меньшинстве, мы отстаивали права меньшинства *такими приемами*, которые признает законными и допустимыми любой европейский социал-демократ: именно, ходатайством перед съездом о более строгом контроле за личным составом центров. Точно так же в значительной степени прав и т. Егоров, когда он говорил на съезде же, но в другом заседании: «Меня крайне удивляет, что я опять слышу в дебатах ссылку на принципы»... (Это говорится по поводу выборов в ЦК, в 31-ом заседании съезда, т. е., если я не ошибаюсь, утром в четверг, а 26-ое заседание, о котором сейчас идет речь, было вечером в понедельник)... «Кажется, для всех ясно, что в последние дни все дебаты вертелись не вокруг той или иной принципиальной

•

постановки дела, а исключительно вокруг того, как обеспечить или воспрепятствовать доступ в центральные учреждения тому или иному лицу. Признаем, что принципы давно растеряны на этом съезде и будем называть вещи их настоящими именами. (Общий смех. Муравьев: «Прошу занести в протокол, что т. Мартов улыбался».) (Стр. 337.) Неудивительно, что и т. Мартов и все мы хохотали над жалобами т. Егорова, которые действительно смешны. Да, *«в последние дни»* очень и очень многое *вертелось* вокруг вопроса о личном составе центров. Это правда. Это действительно на съезде было для всех ясно (и только теперь меньшинство старается *затемнить* это ясное обстоятельство). Правда, наконец, и то, что следует называть вещи их настоящими именами. Но, ради бога, при чем же тут «растерянность принципов»? Ведь мы и сошлись на съезд для того (см. с. 10, порядок дня съезда), чтобы в первые дни поговорить о программе, тактике, уставе и вырешить соответствующие вопросы и чтобы в последние дни (пункты 18—19 порядка дня) поговорить о личном составе центров и вырешить эти вопросы. Когда люди употребляют на борьбу из-за дирижерской палочки последние дни съездов, это явление естественное и вполне, вполне законное. (Вот когда из-за дирижерской палочки дерутся после съездов, тогда это есть дрязга.) Если кто на съезде потерпел поражение в вопросе о личном составе центров (как товарищ Егоров), то говорить после этого о «растерянности принципов» просто смешно. Понятно поэтому, что над т. Егоровым все смеялись. Понятно также, почему т. Муравьев просил занести в протокол участие в этом смехе т. Мартова: т. Мартов; смеясь над т. Егоровым, смеялся над самим собой...

В дополнение к иронии т. Муравьева, не лишне, может быть, сообщить такой факт. После съезда т. Мартов, как известно, уверял направо и налево, что кардинальную роль в нашем расхождении играл именно вопрос о кооптации в центры, что «большинство старой редакции» было сугубо против взаимного контроля над кооптацией в центры. До съезда, принимая мой проект выбора двух троек, с обоюдной кооптацией в $\frac{2}{3}$, т. Мартов писал мне об этом: «Принимая такую форму взаимокооптации, следует подчеркнуть, что после съезда пополнение каждой коллегии будет совершаться на иных несколько началах (я бы

советовал так: каждая коллегия кооптирует новых членов, заявляя о своем намерении другой коллегии: *последняя может заявить протест, и тогда спор решает Совет*. Дабы не было волокиты, эта процедура проделывается по отношению к *заранее намеченным кандидатам, по крайней мере для ЦК*, из которых уже пополнение может совершаться более скорым путем). Чтобы оттенить, что дальнейшая кооптация совершается в порядке, который будет предусмотрен уставом партии, надо прибавить в § 22*: «...который и утверждает состоявшиеся решения» (курсив мой).

Комментарии излишни.

Объяснив значение момента, когда шел спор о кооптации в центры, мы должны несколько остановиться на относящихся сюда *голосованиях* — на *прениях* не приходится останавливаться, ибо после приведенных мною речей тов. Мартова и моей следуют только краткие реплики, в которых принимает участие ничтожное число делегатов (смотри стр. 277—280 протоколов). По поводу голосований, тов. Мартов утверждал на съезде Лиги, что я сделал в своем изложении «величайшее извращение» (стр. 60 протоколов Лиги), «когда представил борьбу около устава»... (тов. Мартов нечаянно сказал большую правду: после § 1 горячие споры шли именно *около* устава)... «как борьбу «Искры» с мартовцами, вступившими в коалицию с Бундом».

Присмотримся к этому интересному вопросу о «величайшем извращении». Тов. Мартов соединяет голосования по вопросу о составе Совета с голосованиями по вопросу о кооптации и приводит *восемь* голосований: 1) выбор в Совет по два от ЦО и ЦК — за 27 (М), против 16 (Л), возд. — 7**. (Заметим в скобках, что в протоколах, стр. 270, число воздержавшихся показано 8, но это мелочь.) — 2) Избрание пятого члена Совета съездом: — за 23 (Л), против 18 (М), возд. 7. — 3) Замещение выбывших членов

* Речь идет о моем первоначальном проекте Tagesordnung'a (порядка дня. Ред.) съезда и комментария к нему, известном всем делегатам. § 22 этого проекта говорил именно о выборе двух троек в ЦО и ЦК, о «взаимокооптации» этой шестеркой по большинству $\frac{2}{3}$, об утверждении этой взаимокооптации съездом и о самостоятельной дальнейшей кооптации в ЦО и ЦК.

** Буквы М и Л в скобках указывают, на какой стороне стояли я (Л) и Мартов (М).

Совета самим Советом — против 23 (М), за 16 (Л), возд. 12. — 4) Единогласие в ЦК — за 25 (Л), против 19 (М), возд. 7. — 5) Требование *одного* мотивированного протеста для неприятия члена — за 21 (Л), против 19 (М), возд. 11. — 6) Единогласие при кооптации в ЦО — за 23 (Л), против 21 (М), возд. 7. — 7) Допустимость вота о праве Совета кассировать решения ЦО и ЦК о неприятии нового члена — за 25 (М), против 19 (Л), возд. 7. — 8) Само предложение об этом — за 24 (М), против 23 (Л), возд. 4. *«Тут, очевидно, — заключает тов. Мартов (стр. 61 протоколов Лиги), — один делегат Бунда вотировал за предложение, остальные воздержались».* (Курсив мой.)

Спрашивается, почему считает тов. Мартов *очевидным*, что бундовец вотировал *за него, Мартова*, когда нет именных голосований?

Потому что он берет во внимание *число вотировавших* и, когда это число указывает на *участие* Бунда в голосовании, то он, тов. Мартов, не сомневается, что *это участие* было в его, Мартова, пользу.

Где же тут «величайшее извращение» с моей стороны?

Всего голосов 51, а без бундовских 46, без рабочедельских 43. В *семи* голосованиях из восьми, приведенных тов. Мартовым, участвовало 43, 41, 39, 44, 40, 44 и 44 делегата, в *одном* участвовало 47 делегатов (вернее, голосов), и здесь сам тов. Мартов признает, что его поддерживал бундовец. Оказывается таким образом, что картина, нарисованная Мартовым (и нарисованная неполно, как мы сейчас увидим), *только подтверждает и усиливает мое изображение борьбы!* Оказывается, что в очень многих случаях число воздержавшихся было *весьма велико*: это именно указывает на малый *сравнительно* интерес всего съезда к известным *деталлям*, на отсутствие вполне определенной группировки искровцев по этим вопросам. Слова Мартова, что бундовцы «своим воздержанием явно содействуют Ленину» (стр. 62 прот. Лиги), *как раз и говорят против Мартова*: значит, *только* при отсутствии бундовцев, или при воздержании их, я мог иногда рассчитывать на победу. Но всякий раз, когда бундовцы *считают стоящим* вмешиваться в борьбу, они поддерживают тов. Мартова, а такое вмешательство было *не только* в вышеприведенном случае участия 47 делегатов. Кто захочет справиться с протоколами съезда, тот увидит

весьма странную неполноту картины тов. Мартова. Тов. Мартов просто опустил еще целых три случая, когда Бунд участвовал в голосованиях, причем во всех этих случаях тов. Мартов, разумеется, оказался победителем. Вот эти случаи: 1) Принимается поправка тов. Фомина, понижающая квалифицированное большинство с $\frac{4}{8}$ до $\frac{2}{3}$. За 27, против 21 (стр. 278), значит, участвовало 48 голосов. 2) Принято предложение тов. Мартова об устранении взаимной кооптации. За 26, против 24 (стр. 279), значит, участвовало в голосовании 50 голосов. Наконец, 3) отклонено мое предложение о допустимости кооптации в ЦО и ЦК лишь с согласия всех членов Совета (стр. 280). Против 27, за 22 (было даже поименное голосование, к сожалению, не сохранившееся в протоколах), значит, число голосовавших — 49.

Итог: по вопросам о кооптации в центры бундовцы участвовали *только в четырех голосованиях (три приведенных сейчас мной, с 48, 50 и 49 участниками, и одно, приведенное тов. Мартовым, с 47 участниками). Во всех этих голосованиях победителем оказался тов. Мартов. Мое изложение оказывается правильным во всех пунктах, и в указании на коалицию с Бундом, и в констатировании детального сравнительно характера вопросов (масса случаев с большим числом воздержавшихся), и в указании на отсутствие определенной группировки искровцев (нет именных голосований; крайне мало высказавшихся в прениях).*

Покушение тов. Мартова найти в моем изложении противоречие оказывается покушением с негодными средствами, ибо тов. Мартов вырвал отдельные словечки, не потрудившись восстановить картины в целом.

Последний параграф устава, посвященный вопросу о заграничной организации, вызвал опять-таки прения и голосования, замечательно характерные с точки зрения съездовских группировок. Дело шло о признании Лиги заграничной организацией партии. Тов. Акимов, разумеется, тотчас же восстал, напоминая о заграничном Союзе, утвержденном первым съездом, указывая на принципиальное значение вопроса. «Оговорюсь прежде всего, — ваявил он, — что я не придаю особенного практического

значения тому или иному решению этого вопроса. Идеиная борьба, которая до сих пор велась в нашей партии, несомненно не закончена; но она будет продолжаться в иных плоскостях и при иной группировке сил... На § 13 устава отразилась еще раз и очень резко тенденция превратить наш съезд из партийного в фракционный. Вместо того, чтобы заставить всех социал-демократов в России преклониться пред решениями партийного съезда во имя партийного единства, соединив все партийные организации, съезду предлагается уничтожить организацию меньшинства, заставить меньшинство исчезнуть» (281). Как видит читатель, «преемственность», которая стала так дорога тов. Мартову после его поражения в вопросе о составе центров, была не менее дорога и тов. Акимову. Но на съезде люди, прилагающие разные мерки к себе и к другим, восстали горячо против тов. Акимова. Несмотря на принятие программы, признание «Искры» и принятие почти всего устава, на сцену выдвигается именно тот «принцип», который «принципиально» отделял Лигу от Союза. «Если т. Акимов хочет ставить вопрос на принципиальную почву, — восклицает т. Мартов, — мы не имеем ничего против; особенно ввиду того, что т. Акимов говорил о возможных комбинациях в борьбе с двумя течениями. Не в том смысле надо *санкционировать победу одного направления* (заметьте, что это говорится на 27-м заседании съезда!), чтобы раскланяться лишний раз по адресу «Искры», а в том, чтобы *раскланяться окончательно со всякими возможными комбинациями, о которых заговорил тов. Акимов*» (282. Курс. мой).

Картина: тов. Мартов, после завершения всех программных споров на съезде, продолжает еще *окончательно раскланиваться* со всякими возможными комбинациями... пока он еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров! Т. Мартов *окончательно раскланивается* на съезде с той *возможной «комбинацией»*, которую он преблагополучно осуществляет *на другой день после съезда*. Но тов. Акимов оказался *уже тогда* гораздо прозорливее тов. Мартова; тов. Акимов сослался на пятилетнюю работу «старой партийной организации, носящей по воле первого съезда имя комитета», и закончил прендовитым *провиденциальным* уколom: «Что же касается мнения тов. Мартова, что напрасны мои надежды на возникновение иного тече-

ния в нашей партии, то я должен сказать, что *даже он сам подает мне надежды*» (стр. 283).

Да, надо сознаться, т. Мартов блестяще оправдал надежды т. Акимова!

Т. Мартов пошел за т. Акимовым, убедившись в его правоте после того, как была нарушена «преемственность» старой партийной коллегии, которая числилась работающей три года. Не дорого же досталась т. Акимову его победа.

На съезде, однако, за т. Акимова встали — и последовательно встали — только тт. Мартынов, Брукэр и бундовцы (8 голосов). Т. Егоров, как настоящий вождь «центра», занимает золотую середину: он согласен, видите ли, с искровцами, «сочувствует» им (стр. 282) и *доказывает* это сочувствие *предложением* (стр. 283) обойти вовсе поднятый принципиальный вопрос, *умолчать* и о Лиге и о Союзе. Предложение отклоняется 27 голосами против 15. Очевидно, кроме антиискровцев (8) почти весь «центр» (10) вотирует с т. Егоровым (все число голосовавших 42, так что значительное число воздерживалось или *отсутствовало*, как это часто бывало при голосованиях, неинтересных и несомненных с точки зрения результата). *Как только заходит речь* о проведении *искровских принципов на деле*, сейчас же оказывается, что «сочувствие» «центра» чисто словесное; и за нами идет не больше тридцати или тридцати с небольшим голосов. Дебаты и голосование по предложению Русова (признать Лигу *единственной* заграничной организацией) еще нагляднее показывают это. Антиискровцы и «болото» становятся прямо уже на *принципиальную* точку зрения, причем защищают ее тт. Либер и Егоров, объявляющие предложение т. Русова недопустимым к голосованию, незаконным: «Им умерщвляются все остальные заграничные организации» (Егоров). И оратор, не желающий участвовать в «умерщвлении организации», не только отказывается от голосования, но даже оставляет зал. Надо отдать, однако, справедливость лидеру «центра»: он проявил вдесятеро больше убежденности (в своих ошибочных принципах) и политического мужества, чем т. Мартов и К^о, он вступался за «умерщвленную» организацию *не только тогда, когда дело шло о собственном кружке*, потерпевшем поражение в открытой борьбе.

Предложение т. Русова признается допустимым к голосованию 27 голосами против 15, и ватем принимается

25 против 17. Прибавляя к этим 17 отсутствующего тов. Егорова, получаем *полный комплект (18) антиискровцев и «центра»*.

Весь § 13 устава о заграничной организации принимается только *31 голосом* против 12 при шести воздержавшихся. Это число, 31, показывающее нам приближительную численность на съезде искровцев, т. е. людей, последовательно отстаивающих и *на деле* проводящих взгляды «Искры», мы встречаем уже не менее как *шестой раз* в анализе голосований съезда (место вопроса о Бунде, инцидент с ОК, распускание группы «Южного рабочего» и два голосования об аграрной программе). А т. Мартов хочет серьезно уверить нас, что нет никаких оснований выделять такую «узкую» группу искровцев!

Нельзя не отметить также, что принятие § 13 устава вызвало крайне характерные прения по поводу заявления гг. Акимова и Мартынова об «отказе от участия в голосовании» (стр. 288). Бюро съезда обсудило это заявление и признало — совершенно резонно, — что даже прямое закрытие Союза не давало бы никакого права делегатам Союза отказываться от участия в работах съезда. Отказ от голосований — вещь безусловно ненормальная и недопустимая, вот та точка зрения, на которую встал вместе с бюро весь съезд, в том числе и те искровцы меньшинства, которые в 28-ом заседании *горячо осуждали то, что сами проделывали в 31-м!* Когда т. Мартынов стал защищать свое заявление (стр. 291), против него восстали и Павлович, и Троцкий, и Карский, и Мартов. Т. Мартов особенно ясно сознавал обязанности недовольного меньшинства (покуда сам он не остался в меньшинстве!) и особенно назидательно ораторствовал насчет них. «Или вы члены съезда, — восклицал он по адресу гг. Акимова и Мартынова — тогда вы *должны* участвовать во *всех* его работах» (курсив мой; тогда еще тов. Мартов не замечал формализма и бюрократизма в подчинении меньшинства большинству!), «или вы не члены, и тогда не можете оставаться на заседании... Своим заявлением делегаты Союза принуждают меня поставить два вопроса: члены ли они партии и члены ли они съезда?» (стр. 292).

Т. Мартов поучает тов. Акимова обязанностям членов партии! Но т. Акимов не даром уже сказал, что возлагает некоторые надежды на т. Мартова... Этим надеждам

суждено было осуществиться, однако, лишь *после* поражения Мартова на выборах. Когда дело шло не о нем самом, а о других, т. Мартов оставался даже глух к страшному словечку «исключительный закон», *пущенному в ход впервые* (если я не ошибаюсь) т. Мартыновым. «Данные нам разъяснения — отвечает т. Мартынов тем, кто убеждал его взять назад свое заявление — не выяснили, было ли решение принципиальное или это была *исключительная мера* против Союза. В таком случае мы считаем, что Союзу нанесено оскорбление. Товарищ Егоров так же, как и мы, вынес впечатление, что это *исключительный закон* (курсив мой) против Союза, и потому даже удалился из залы заседания» (295). И т. Мартов, и т. Троцкий энергично встают, вместе с Плехановым, против нелепой, *действительно нелепой*, идеи усматривать *оскорбление* в востуме съезда, и т. Троцкий, защищая принятую съездом, по его предложению, резолюцию (что тт. Акимов и Мартынов могут считать себя вполне удовлетворенными), уверяет, что «революция имеет *принципиальный*, а не обывательский характер, и *нам нет дела до того, что кто-нибудь ею обиделся*» (стр. 296). Очень скоро оказалось, однако, что кружковщина и обывательщина слишком еще сильны в нашей партии, и подчеркнутые мной гордые слова оказались пустой звонкой фразой.

Тт. Акимов и Мартынов отказались взять свое заявление назад и удалились со съезда, при общих восклицаниях делегатов: «совершенно напрасно!».

м) ВЫБОРЫ. КОНЕЦ СЪЕЗДА

После принятия устава съезд принял резолюцию о районных организациях, ряд резолюций об отдельных организациях партии и, после крайне поучительных прений о группе «Южного рабочего», анализированных мною выше, перешел к вопросу о выборах в центральные учреждения партии.

Мы уже знаем, что организация «Искры», от которой весь съезд ждал авторитетной рекомендации, раскололась по этому вопросу, ибо *меньшинство* организации пожелало испытать на съезде в открытой и свободной борьбе, не удастся ли ему завоевать себе *большинства*. Мы знаем также, что задолго до съезда и на съезде всем делегатам

был известен план *обновления* редакции путем выбора двух троек в ЦО и в ЦК. Остановимся на этом плане подробнее для уяснения прений на съезде.

Вот точный текст моего комментария к проекту Tagesordnung съезда, где был изложен этот план*: «Съезд выбирает трех лиц в редакцию ЦО и трех в ЦК. Эти шесть лиц *вместе*, по большинству $\frac{2}{3}$, дополняют, если это необходимо, состав редакции ЦО и ЦК кооптациями и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения съездом этого доклада, дальнейшая кооптация производится редакцией ЦО и ЦК отдельно».

Из этого текста план выясняется с полнейшей определенностью и недвусмысленностью: он означает *обновление* редакции *при участии* самых влиятельных руководителей практической работы. Обе отмеченные мной черты этого плана сразу выступают для каждого, кто даст себе труд хоть сколько-нибудь внимательно прочитать приведенный текст. Но по нынешним временам приходится останавливаться на разъяснении даже самых азбучных вещей. План означает именно *обновление* редакции, не обязательное расширение и не обязательное сокращение числа ее членов, а именно *обновление*, ибо вопрос о возможном расширении или сокращении оставлен *открытым*: кооптация предусматривается лишь на тот случай, *если это необходимо*. Из числа предположений, высказывавшихся разными лицами по вопросу об этом обновлении, были и планы возможного сокращения и увеличения числа членов редакции до семи (семерку я лично всегда считал несравненно более целесообразной, чем шестерку) и даже увеличения этого числа до одиннадцати (я считал это возможным в случае мирного соединения со всеми социал-демократическими организациями вообще, в особенности с Бундом и с польской социал-демократией). Но самое главное, что обыкновенно упускают из виду люди, говорящие о «тройке», это *требование участия членов ЦК в решении вопроса о дальнейшей кооптации в ЦО*. Ни единый товарищ из всей массы членов организации и делегатов съезда из «меньшинства», знавших этот план и одобрявших его (одобрявших либо специальным выражением своего

* См. мое «Письмо в редакцию «Искры», стр. 5, и протоколы Лиги, стр. 53.

согласия, либо своим молчанием), не потрудился объяснить значения этого требования. Во-первых, почему за исходный пункт для обновления редакции взята была именно тройка и только тройка? Очевидно, что это было бы совершенно бессмысленно, если бы имелось в виду исключительно, или, хотя бы, главным образом, расширение коллегии, если бы эта коллегия признавалась действительно «гармонической». Странно было бы для расширения «гармонической» коллегии исходить не из всей этой коллегии, а только от ее части. Очевидно, что не все члены коллегии признавались вполне пригодными для обсуждения и решения вопроса об обновлении ее состава, о превращении старого редакторского кружка в партийное учреждение. Очевидно, что даже тот, кто сам лично желал обновления в виде расширения, признавал старый состав негармоничным, несоответствующим идеалу партийного учреждения, ибо иначе незачем было бы для расширения шестерки сначала понижать ее до тройки. Повторяю: это ясно само собою, и только временное засорение вопроса «личностями» могло заставить забыть об этом.

Во-вторых, из текста, приведенного выше, видно, что даже согласия всех трех членов ЦО недостаточно было бы еще для расширения тройки. Это тоже всегда упускается из виду. Для кооптации нужно $\frac{2}{3}$ от шести, т. е. четыре голоса; значит, стоило бы только трем выбранным членам ЦК сказать «вето», и никакое расширение тройки не было бы возможно. Наоборот, если бы даже двое из трех членов редакции ЦО были против дальнейшей кооптации, — кооптация все же могла бы состояться, при согласии на нее всех трех членов ЦК. Очевидно, таким образом, что имелось в виду, при превращении старого кружка в партийное учреждение, дать решающий голос руководителям практической работы, выбираемым съездом. Какие товарищи приблизительно намечались нами при этом, видно из того, что редакция до съезда единогласно выбрала седьмым в свой состав т. Павловича, на случай, если придется на съезде выступать от имени коллегии; кроме товарища Павловича на место седьмого был предлагаем один старый член организации «Искры» и член ОК, выбранный впоследствии в члены ЦК.

Таким образом, план выбора двух троек был рассчитан явным образом: 1) на обновление редакции, 2) на устранение

из нее некоторых черт старой кружковщины, неуместной в партийном учреждении (если бы нечего было устранять, то незачем бы и придумывать первоначальной тройки!), наконец, 3) на устранение «теократических» черт литературской коллегии (устранение посредством привлечения выдающихся практиков *к решению* вопроса о расширении тройки). Этот план, с которым ознакомлены были все редакторы, основывался, очевидно, на *трехлетнем опыте* работы и соответствовал *вполне* последовательно проводимым нами принципам революционной организации: в эпоху *разброда*, когда выступила «Искра», отдельные группы складывались часто случайно и стихийно, неизбежно страдая от некоторых вредных проявлений кружковщины. Создание партии предполагало устранение таковых черт и требовало их устранения; участие выдающихся практиков в этом устранении было *необходимо*, ибо некоторые члены редакции *всегда* ведали организационные дела, и в систему партийных учреждений должна была войти не литературская только коллегия, а коллегия политических руководителей. Предоставление съезду выбора первоначальной тройки было равным образом естественно, с точки зрения всегдашней политики «Искры»: мы до последней степени *осторожно* готовили съезд, выжидая *полного* выяснения спорных принципиальных вопросов программы, тактики и организации; мы *не сомневались*, что съезд будет *искровским* в смысле солидарности громадного большинства в этих основных вопросах (об этом свидетельствовали отчасти и резолюции о признании «Искры» руководящим органом); мы *должны были* поэтому предоставить товарищам, которые вынесли на своих плечах всю работу распространения идей «Искры» и приготовления ее превращения в партию, предоставить *им самим* решить вопрос о наиболее пригодных кандидатах в новое партийное учреждение. *Только* этой естественностью плана «двух троек», *только* его *полным соответствием* со всей политикой «Искры» и со всем тем, что знали про «Искру» сколько-нибудь близко стоящие к делу лица, и *можно объяснить* общее одобрение этого плана, отсутствие какого бы то ни было конкурирующего плана.

И вот на съезде тов. Русов прежде всего и предложил выбрать *две тройки*. Сторонники Мартова, который *письменно уведомлял нас о связи этого плана с ложным обвине-*

нием в оппортунизме, и не подумали однако свести спор о шестерке и тройке на вопрос о правильности или неправильности этого обвинения. Ни один из них и не заикнулся об этом! Ни один из них не решился сказать ни слова о принципиальном отличии оттенков, связанных с шестеркой и тройкой. Они предпочли более ходкий и дешевый прием — апеллировать к жалости, сослаться на возможную обиду, притворяться, что вопрос о редакции решен уже назначением «Искры» Центральным Органом. Этот последний довод, выдвинутый тов. Кольцовым против товарища Русова, представляет из себя прямую фальшь. В порядок дня съезда были, — конечно, не случайно, — поставлены два особые пункта (см. стр. 10 протоколов): п. 4 — «ЦО партии» и п. 18 — «Выборы ЦК и редакции ЦО». Это во-первых. Во-вторых, при назначении ЦО все делегаты категорически заявляли, что этим не утверждается редакция, а лишь направление*, ни одного протеста против этих заявлений не последовало.

Таким образом, заявление, что, утвердив определенный орган, съезд уже в сущности тем самым утвердил и редакцию, — заявление, повторявшееся много раз сторонниками меньшинства (Кольцовым, с. 321, Посадовским, там же, Поповым, с. 322 и мн. друг.), — было прямо фактически неверно. Это был явный для всех маневр, прикрывающий отступление от позиции, занятой тогда, когда к вопросу о составе центров все могли еще относиться действительно беспристрастно. Отступление невозможно было оправдать ни принципиальными мотивами (ибо на съезде поднимать вопрос о «ложном обвинении в оппортунизме» было слишком невыгодно для меньшинства, которое и не заикнулось об этом), ни ссылкой на фактические данные относительно действительной работоспособности шестерки или тройки

* См. стр. 140 протоколов, речь Акимова: ...«мне говорят, что о выборах в ЦО мы будем говорить в конце», речь Муравьева против Анимова, «очень близко к сердцу принимающего вопрос о будущей редакции ЦО» (стр. 141), речь Павловича о том, что, назначив орган, мы получили «конкретный материал, над которым мы можем проводить те операции, о которых так заботится тов. Акимов, и о том, что насчет «подчинения» «Искры» «решениям партии» не может быть и тени сомнения (стр. 142); речь Троцкого: «прав мы не утверждаем редакции, что утверждаем мы в «Искре»?.. Не имя, а направление... не имя, а знания» (страница 142); речь Мартынова: ...«Я полагаю, как и многие другие товарищи, что, обсуждая вопрос о признании «Искры», как газеты известного направления, нашим Центральным Органом, мы сейчас не должны насаться способа выбора или утверждения ее редакции; об этом будет речь впоследствии, в соответственном месте порядка дня»... (стр. 143).

(ибо одно прикосновение к этим данным дало бы гору указаний против меньшинства). Приплось отделяться *фрагой* о «стройном целом», о «гармоническом коллективе», о «стройном и кристаллически-цельном целом» и т. п. Неудивительно, что такие доводы сейчас же и были навзваны настоящим именем: *«жалкие слова»* (с. 328). Самый план тройки ясно уже свидетельствовал о недостатке «гармоничности», а впечатления, собранные делегатами в течение более чем месячных совместных работ, очевидно, дали массу материала для *самостоятельного* суждения делегатов. Когда тов. Посадовский намекнул (неосторожно и необдуманно с его точки зрения: см. стр. 324 и 325 об «условном» употреблении им слова «шероховатости») на этот материал, то тов. Муравьев прямо заявил: «По моему мнению, для большинства съезда в настоящий момент вполне ясно видно, что такие* шероховатости несомненно существуют» (324). Меньшинство пожелало понять слово «шероховатости» (пущенное в ход Посадовским, а не Муравьевым) исключительно в смысле чего-то личного, не решившись поднять брошенной тов. Муравьевым перчатки, не решившись выдвинуть *ни единого* довода *по существу дела* в защиту шестерки. Получился прекомичный, по своей бесплодности, спор: большинство (устами тов. Муравьева) заявляет, что ему *вполне ясно видно* настоящее значение шестерки и тройки, а меньшинство упорно не слышит этого и уверяет, что *«мы не имеем возможности входить в разбор»*. Большинство не только считает возможным входить в разбор, но уже *«вошло в разбор»* и говорит о *«вполне ясных для него результатах этого разбора»*, а меньшинство, видимо, *«боится разбора»*, прикрываясь одними *«жалкими словами»*. Большинство советует *«иметь в виду, что наш ЦО не есть только литературная группа»*, большинство *«хочет, чтобы во главе ЦО стояли лица, вполне определенные, известные съезду, лица, удовлетворяющие требованиям, о которых я говорил»* (т. е. именно требованиям не только литературным,

* Какие именно «шероховатости» имел в виду тов. Посадовский, мы так и не узнали на съезде. Тов. же Муравьев в том же заседании (с. 322) оспаривал верность передач его мысли, а во время утверждения протоколов прямо заявил, что он «говорил о тех шероховатостях, которые проявлялись в прениях съезда по разным вопросам, шероховатостях принципиального характера, существование которых в настоящий момент представляет умк, и сожалению, факт, которого никто не будет отрицать» (с. 353).

стр. 327, речь тов. Ланге). Меньшинство опять-таки не решается поднять перчатки и ни слова не говорит о том, кто пригоден, по его мнению, для коллегии не только литературной, кто является «вполне определенной и известной съезду» величиной. Меньшинство попрежнему прятается за пресловутую «гармоничность». Мало того. Меньшинство вносит даже в аргументацию такие доводы, которые абсолютно нисверны принципиально и потому вызывают то справедливости резкий отпор. «Съезд, — видите ли, — не имеет ни нравственного, ни политического права перекраивать редакцию» (Троцкий, стр. 326), «это слишком щекотливый (sic!) вопрос (он же), *«как должны отнестись неизбранные члены редакции к тому, что съезд не желает более их видеть в составе редакции?»*» (Царев, страница 324)*.

Такие доводы всецело уже переносили вопрос на почву *жадности и обиды*, будучи прямым признанием банкротства в области аргументов действительно принципиальных, действительно политических. И большинство сейчас же характеризовало эту постановку вопроса *настоящим* словом: *обывательщина* (тов. Русов). «На устах революционеров, — справедливо сказал тов. Русов, — раздаются такие странные речи, которые находятся в резкой дисгармонии с понятием партийной работы, партийной этики. Основной довод, на который стали противники выбора троек, сводится на *чисто обывательский взгляд на партийные дела*» (курсив веаде мой)... «Становясь на эту не партийную, а *обывательскую* точку зрения, мы при каждом выборе будем стоять перед вопросом: а не обидится ли Петров, что не его, а Иванова выбрали, не обидится ли такой-то член ОК, что не его, а другого выбрали в ЦК. Куда же, товарищи, нас это приведет? Если мы собрались сюда *не для взаимно приятных речей, не для обывательских нежностей*, а для создания партии, то мы не можем никак согласиться на такой взгляд. Мы стоим перед вопросом *выбора должностных лиц*, и тут не может быть вопроса о недоверии к тому или иному невыбранному, а *только вопрос о пользе дела и соответствии выбранного лица с той должностью, на которую он выбирается*» (стр. 325).

* Ср. речь тов. Посадовского: ...Выбирая из шести лиц старой редакции трех, вы этим самым трех других признаете ненужными, лишними. А вы для этого не имеете ни права, ни основания.

Мы бы посоветовали всем, кто хочет самостоятельно разобраться в причинах партийного раскола и доискаться *корней* его на съезде, *читать и перечитывать* речь тов. Русова, доводы которого меньшинство не только не опровергло, но и не оспорило даже. Да и нельзя оспорить таких элементарных, азбучных истин, забвение которых уже сам тов. Русов справедливо объяснял одним лишь *«нервным возбуждением»*. И это действительно наименее неприятное для меньшинства объяснение того, как могли они с партийной точки зрения сойти на точку зрения обывательщины и кружковщины*.

Но меньшинство до такой степени лишено было возможности подыскать разумные и деловые доводы против выборов, что, кроме внесения в партийное дело обывательщины, оно дошло до *приемов* прямо *скандального* характера. В самом деле, как не назвать таким именем прием тов. Попова, посоветовавшего тов. Муравьеву «не брать на себя

* Тов. Мартов в своем «Осадном положении» отнесся и к этому вопросу так же, как и к остальным затронутым им вопросам. Он не потрудился дать цельной картины спора. Он скромненько обошел единственный действительно принципиальный вопрос, всплывший в этом споре: обывательские нежности или выбор должностных лиц? Партийная точка зрения или обиды Иванов Иванычей? Тов. Мартов и здесь ограничился вырыванием отдельных и бессвязных кусочков происшествия с добавлением всяческих ругательств по моему адресу. Маловато этого, тов. Мартов!

Особенно пристает ко мне тов. Мартов с вопросом, почему не выбирали на съезде гг. Ансельрода, Засулич и Старовера. Обывательская точка зрения, на которую он встал, мешает ему видеть *неприличие* этих вопросов (почему не спросит он своего коллегу по редакции, тов. Плеханова?). Он видит противоречие в том, что я считаю «бестактным» поведение меньшинства на съезде в вопросе о шестерке, и что я в то же время требую партийной гласности. Противоречия тут нет, как легко увидел бы и сам Мартов, если бы потрудился дать связанное изложение всех перипетий вопроса, а не обрывков его. Бестактно было ставить вопрос на обывательскую точку зрения, апеллировать к жалости и обиде; интересы партийной огласки требовали бы оценки *по существу* преимуществ шестерки над тройкой, оценки кандидатов на должность, оценки оттенков: *меньшинство и не занималось об этом на съезде*.

Внимательно изучая протоколы, тов. Мартов увидел бы в речах делегатов целый ряд доводов против шестерки. Вот выборка из этих речей: во-первых, в старой шестерке ясно видны шероховатости в смысле принципиальных оттенков; во-вторых, желательно техническое упрощение редакционной работы; в-третьих, польза дела стоит выше обывательских нежностей; только выбор обеспечит соответствие выбранных лиц с их должностями; в-четвертых, нельзя ограничивать свободы выбора съездом; в-пятых, партии нужна теперь не только литературная группа в ЦО, в ЦО необходимы не только литераторы, но и администраторы; в-шестых, в ЦО должны быть лица вполне определенные, известные съезду; в-седьмых, коллегия из шести часто недееспособна, и ее работа осуществлена *не благодаря* ненормальному уставу, а *несмотря* на это; в-восьмых, ведение газеты — партийное (а не кружковое) дело, и т. д. — Пусть попробует тов. Мартов, если он так интересуется вопросом о причинах невыбора, *зайти* в каждое из этих соображений и опровергнуть *хоть одно* из них.

деликатных *поручений*» (стр. 322)? Что это, как не «залезание в чужую душу», по справедливому выражению тов. Сорокина (стр. 328)? Что это, как не спекуляция на *личности*, при отсутствии доводов *политических*? Правду или неправду сказал тов. Сорокин, что «против таких приемов мы всегда протестовали»? *«Позволительно ли поведение тов. Дейча, когда он демонстративно пытался пригвоздить к позорному столбу товарищей, несогласных с ним?»** (стр. 328).

Подведем итог приемам по вопросу о редакции. Меньшинство не опровергло (и не опровергало) многочисленных указаний большинства на то, что проект тройки был известен *делегатам* в самом начале съезда и до съезда, что, следовательно, проект этот исходил из *соображений и данных, независимых от происшествий и споров на съезде*. Меньшинство заняло, при отстаивании шестерки, *принципиально неправильную и недопустимую* позицию *обывательских* соображений. Меньшинство проявило полное забвение *партийной* точки зрения на выбор *должностных лиц*, не прикоснувшись даже к *оценке* каждого кандидата на должность и его соответствия или несоответствия с функциями данной должности. Меньшинство *уклонялось* от обсуждения вопроса по существу, ссылаясь на пресловутую гармоничность, «проливая слезы» и «впадая в пафос» (стр. 327, речь Ланге), как будто кого-то «хотели убить». Меньшинство дошло даже до *залезания в чужую душу*, воплей о «преступности» выбора и тому подобных *непозволительных* приемов, дошло под влиянием *нервного возбуждения*» (стр. 325).

Борьба *обывательщины* с *партийностью*, худшего сорта *личностей*» с *политическими* соображениями, *жалких слов*

* Так понял слова тов. Дейча (ср. стр. 324 — «реакция диалог с Орловым») тов. Сорокин в том же заседании. Тов. Дейч объясняет (стр. 351), что он ничего подобного не говорил, но сам же признает *тут же*, что сказал нечто *весьма и весьма «подобное»*. «Я не говорил: кто решится — объяснит тов. Дейч, — а сказал: мне интересно посмотреть, кто эти лица, которые решатся (sic) тов. Дейч поправляется из нуля в рожищу!) поддерживать такое преступное (sic) предложение, как избрание трех» (стр. 351). Тов. Дейч не опроверг, а подтвердил слова тов. Сорокина. Тов. Дейч подтвердил упрек тов. Сорокина, что «все понятия здесь перелутались» (в доводах меньшинства за шестерку). Тов. Дейч подтвердил уместность напоминания со стороны тов. Сорокина такой азбучной истины, что «мы члены партии и должны поступать, руководствуясь исключительно политическими соображениями». Кричать о *преступности* выборов значит умижаться не только до обывательщины, но прямо до *скандальчика!*

с элементарными понятиями *революционного долга* — вот чем была борьба из-за шестерки и тройки на тридцатом заседании нашего съезда.

И на 31-ом заседании, когда съезд большинством 19 голосов против 17 при трех воздержавшихся *отверг* предложение об утверждении всей старой редакции (см. 330 стр. и *опечатки*) и когда *бывшие редакторы* вернулись в зал заседания, тов. Мартов в своем «заявлении от имени большинства бывшей редакции» (стр. 330—331) проявил в еще больших размерах ту же шаткость и неустойчивость политической позиции и *политических понятий*. Разберем подробнее каждый пункт коллективного *заявления* и моего ответа (стр. 332—333) на него.

«Отныне — говорит тов. Мартов после неутверждения старой редакции — старой «Искры» не существует, и было бы последовательнее переменить ее название. Во всяком случае в новом постановлении съезда мы видим существенное ограничение того вотума доверия «Искре», который был принят в одном из первых заседаний съезда».

Тов. Мартов с коллегами поднимает действительно интересный и поучительный во многих отношениях вопрос о *политической последовательности*. Я ответил уже на это ссылкой на то, что *все* говорили при утверждении «Искры» (стр. 349 прот. ср. выше, стр. 82)*. Несомненно, что перед нами один из самых вопиющих случаев политической непоследовательности; с чьей стороны, — со стороны ли большинства съезда или со стороны большинства старой редакции, предоставим судить читателю. Читателю же мы предоставим решение и двух других, очень кстати поставленных тов. Мартовым и коллегами его вопросов: 1) *обывательская* или *партийная* точка зрения проявляется в желании видеть «ограничение вотума доверия «Искре» в решении съезда произвести выбор должностных лиц в редакцию ЦО? 2) с какого момента действительно *не существует* старой «Искры»: с номера ли 46-го, когда мы стали вести ее вдвоём с Плехановым, или с номера 53-го, когда ее повело большинство старой редакции? Если первый вопрос есть интереснейший *вопрос принципа*, то второй — интереснейший *вопрос факта*.

* См. настоящий том, стр. 286—287. *Ред.*

«Так как теперь решено — продолжал тов. Мартов — выбрать редакцию из трех лиц, то я от имени своего и трех других товарищей заявляю, что ни один из нас не примет участия в такой новой редакции. Лично о себе прибавляю, что, если верно, что некоторые товарищи хотели вписать мое имя, как одного из кандидатов в эту «тройку», то я должен усмотреть в этом оскорбление, мною не заслуженное (sic!). Говорю это ввиду обстоятельств, при которых было решено изменить редакцию. Решено это было ввиду каких-то «трений»*, неработоспособности бывшей редакции, причем съезд решил этот вопрос в определенном смысле, не спросив редакцию об этих трениях и не назначив хотя бы комиссии для внесения вопроса об ее неработоспособности... (Странно, что никто из меньшинства не догадался предложить съезду «спросить редакцию» или назначить комиссию! Не произошло ли это оттого, что после раскола организации «Искры» и неудачи переговоров, о которых писали тов. Мартов и Старовер, это было бы бесполезно?) ... «При таких обстоятельствах предположение некоторых товарищей, что я соглашусь работать в реформированной таким образом редакции, я должен считать пятном на моей политической репутации»...**

* Тов. Мартов, вероятно, имеет в виду выражение тов. Посадовского: «шероховатости». Повторю, что тов. Посадовский так и не объяснил съезду, что он хотел сказать, а тов. Муравьев, употребивший то же выражение, объяснил, что говорил о принципиальных шероховатостях, проявившихся в прениях съезда. Читатели припомнят, что единственный случай действительно принципиальных прений, в которых участвовало четыре редактора (Плеханов, Мартов, Аксельрод и я), касался § 1 устава и что тов. Мартов и Старовер письменно жаловались на «ложное обвинение в оппортунизме», как один из доводов «изменения» редакции. Тов. Мартов в этом письме усматривал ясную связь «оппортунизма» с планом изменения редакции, а на съезде ограничился туманным намеком на «какие-то трения». «Ложное обвинение в оппортунизме» уже забыто!

** Тов. Мартов добавил еще: «На такую роль согласится разве Рязанов, а не тот Мартов, которого, как я думаю, вы знаете по его работе». Поскольку это есть личное нападение на Рязанова, постольку тов. Мартов взял это назад. Но Рязанов фигурировал на съезде в качестве нарицательного имени вовсе не за те или иные его личные свойства (касаться коих было бы неуместно), а за политическую физиономию группы «Борьба», за ее политические ошибки. Тов. Мартов очень хорошо делает, если берет назад предполагаемые или действительно нанесенные личные оскорбления, но не следует забывать из-за этого политических ошибок, которые должны служить уроком партии. Группа «Борьба» обвинялась у нас на съезде в внесении «организационного хаоса» и «дробления, не вызываемого никакими принципиальными соображениями» (стр. 38, речь тов. Мартова). Такое политическое поведение безусловно заслуживает порицания не только тогда, когда мы видим его у маленькой группы до съезда партии в период общего хаоса, но и тогда, когда мы видим его после съезда партии, в период устранения хаоса, видим со стороны хотя бы и «большинства» редакции «Искры» и большинства группы «Освобожденные труды».

Я нарочно выписал целиком это рассуждение, чтобы показать читателю образчик и начало того, что так пышно расцвело *после съезда* и что нельзя назвать иначе как *дрязгой*. Я употребил уже это выражение в моем «Письме в редакцию «Искры»» и, несмотря на недовольство редакции, вынужден повторить его, ибо правильность его неоспорима. Ошибочно думают, что дрязга предполагает «низменные мотивы» (как умозаключила редакция новой «Искры»): всякий революционер, сколько-нибудь знакомый с нашими ссыльными и эмигрантскими колониями, видал, наверное, десятки случаев дрязг, когда выдвигались и пережевывались самые нелепые обвинения, подозрения, самообвинения, «личности» и т. п. на почве «нервного возбуждения» и ненормальных, затхлых условий жизни. Низменных *мотивов* ни один разумный человек не станет непременно искать в этих дрязгах, *как бы низменны ни были их проявления*. И именно только «нервным возбуждением» можно объяснить этот запутанный клубок нелепостей, личностей, фантастических ужасов, залезания в душу, вымученных оскорблений и пятнаний, каковым является выписанный мною абзац из речи тов. Мартова. Затхлые условия жизни сотнями порождают у нас такие дрязги, и политическая партия не заслуживала бы уважения, если бы она не смела называть свою болезнь настоящим именем, ставить беспощадный диагноз и отыскивать средства лечения.

Поскольку можно выделить из этого клубка нечто принципиальное, постольку *неизбежно* придти к выводу, что «выборы не имеют ничего общего с оскорблением политической репутации», что «отрицать право съезда на новые выборы, на всяческое изменение состава должностных лиц, на переборку уполномочиваемых им коллегий» значит вносить *путаницу* в вопрос и что «в воззрениях тов. Мартова на допустимость выборов части прежней коллегии проявляется *величайшее смешение политических понятий*» (как я выразился на съезде, стр. 332)*.

Опускаю «личное» замечание тов. Мартова к вопросу о том, от кого исходит план тройки, и перехожу к его «политической» характеристике того значения, какое имеет

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 460. Ред.

неутверждение старой редакции: ...«Происшедшее теперь есть последний акт борьбы, имевшей место в течение второй половины съезда»... (Правильно! и эта вторая половина начинается с того момента, когда Мартов в вопросе о § 1 устава попал в цепкие объятия тов. Акимова.) ... «Для всех не тайна, что дело при этой реформе идет не о «работоспособности», а о борьбе за влияние на ЦК»... (Во-первых, для всех не тайна, что дело шло тут и о работоспособности и о расхождении из-за состава ЦК, ибо план «реформы» выдвинут был тогда, когда еще о втором расхождении не могло быть и речи, тогда, когда мы вместе с тов. Мартовым выбирали седьмым участником редакционной коллегии тов. Павловича! Во-вторых, мы уже показали на основании документальных данных, что дело шло о личном составе ЦК, что дело свелось à la fin des fins* к различию списков: Глебов — Травинский — Попов и Глебов — Троцкий — Попов.) ... «Большинство редакции показало, что оно не желает превращения ЦК в орудие редакции»... (Начинается акимовская песня: вопрос о влиянии, за которое борется всякое большинство на всяком партийном съезде всегда и везде, чтобы закрепить это влияние большинством в центральных учреждениях, переносится в область оппортунистической сплетни об «орудии» редакции, о «простом придатке» редакции, как сказал тот же тов. Мартов немного позже, стр. 334.) ... «Вот почему понадобилось сократить число членов редакции (II). А потому я и не могу вступить в такую редакцию»... (Посмотрите-ка внимательнее на это «потому»: как могла бы редакция превратить ЦК в придаток или в орудие? только так и в том случае, если бы она имела три голоса в Совете и злоупотребляла этим перевесом? не ясно ли это? И не ясно ли также, что выбранный третьим тов. Мартов всегда мог бы помешать всякому злоупотреблению и уничтожить одним своим голосом всякий перевес редакции в Совете? Дело сводится, следовательно, именно к личному составу ЦК, а речи об орудии и придатке сразу оказываются сплетней.) ... «Вместе с большинством старой редакции я думал, что съезд положит конец «осадному положению» внутри партии и введет в ней нормальный порядок. В действительности, осадное положение с исключительными

* — в конце вонзлов. Ред.

законами против отдельных групп продолжено и даже обострено. Только в составе всей старой редакции мы можем ручаться, что права, предоставленные редакции уставом, не послужат ко вреду для партии»...

Вот целиком то место из речи тов. Мартова, в котором он впервые бросил пресловутый лозунг «осадного положения». И теперь взгляните на мой ответ ему:

...«Исправляя заявление Мартова о частном характере плана двух троек, я и не думаю однако ватрагивать этим утверждения того же Мартова о «политическом значении» того шага, который мы сделали, не утвердив старой редакции. Напротив, я вполне и безусловно согласен с тов. Мартовым в том, что этот шаг имеет крупное политическое значение, — только не то, какое приписывает ему Мартов. Он говорил, что это есть акт борьбы за влияние на ЦК в России. Я пойду дальше Мартова. Борьбой за влияние была до сих пор вся деятельность «Искры», нан частной группы, а теперь речь идет уже о большем, об организационном закреплении влияния, а не только о борьбе за него. До какой степени глубоко мы расходимся здесь политически с тов. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в вину это желание влиять на ЦК, а я ставлю себе в заслугу то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем. Оказывается, что мы говорим даже на разных языках. К чему была бы вся наша работа, все наши усилия, если бы венцом их была все та же старая борьба за влияние, а не полное приобретение и упрочение влияния? Да, тов. Мартов совершенно прав: сделанный шаг есть несомненно крупный политический шаг, свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. И меня нисколько не пугают страшные слова об «осадном положении в партии», об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников политической расплывчатости. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер»*.

Я подчеркнул в этом конспекте моей речи на съезде фразу, которую тов. Мартов в своем «Осадном положении» (стр. 16) предпочел опустить. Неудивительно, что эта фраза ему не понравилась и что он не захотел понять ее ясного смысла.

Что значит выражение: «страшные слова», тов. Мартов?

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 462. Ред.

Оно означает *насмешку*, насмешку над тем, кто к маленьким вещам прилагает большие названия, кто запутывает простой вопрос претенциозным фразерством.

Маленький и простой факт, который *один только* мог подать и подал повод к «нервному возбуждению» тов. Мартова, состоял *исключительно* в том, что тов. Мартов *потерпел поражение на съезде* в вопросе о *личном составе центров*. Политическое значение этого простого факта состояло в том, что большинство партийного съезда, победив, закрепляло свое влияние проведением большинства и в партийное правление, созданием организационного базиса для борьбы при помощи устава с тем, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью и расплывчатостью*. Говорить по этому поводу о «борьбе за влияние» с каким-то ужасом в глазах и жаловаться на «осадное положение» было не чем иным, как *претенциозным фразерством*, страшными словами.

Тов. Мартов не согласен с этим? Не попробует ли он показать нам, что был на свете такой партийный съезд, что мыслим вообще такой партийный съезд, в котором бы большинство не закрепляло завоеванного влияния: 1) проведением большинства же в центры, 2) вручением ему власти для парализования шаткости, неустойчивости и расплывчатости?

Перед выборами нашему съезду предстояло решить вопрос: предоставить ли *одну треть* голосов в ЦО и в ЦК партийному большинству или партийному меньшинству? Шестерка и список тов. Мартова означали предоставление одной трети нам, двух третей его сторонникам. Тройка в ЦО и список наш означали предоставление двух третей нам, одной трети — сторонникам тов. Мартова. Тов. Мартов отказался войти в сделку с нами или уступить *и письменно* вызвал нас на бой перед съездом; потерпев же поражение перед съездом, он расплакался и стал жаловаться на «осадное положение»! Ну, разве же это не дразга? Разве это не новое проявление интеллигентской хлюпкости?

* В чем проявилась на съезде неустойчивость, шаткость и расплывчатость искровского меньшинства? Во-первых, в оппортунистических фразах о § 1 устава; во-вторых, в коалиции с тов. Анкимовым и Либером, которая быстро росла во вторую половину съезда; в-третьих, в способности принимать вопрос о выборе должностных лиц в ЦО до обывательщины, жалких слов и даже до валезания в чужую душу. После же съезда все эти милые качества созрели из бутончиков в цветочки и ягоды.

Нельзя не припомнить по этому поводу блестящей социально-психологической характеристики этого последнего качества, которую дал недавно К. Каутский. Социал-демократическим партиям разных стран нередко приходится теперь переживать одинаковые болезни, и нам очень, очень полезно поучиться правильному диагнозу и правильному лечению у более опытных товарищей. Характеристика некоторых интеллигентов К. Каутским будет поэтому только кажущимся отступлением от нашей темы.

...«В настоящее время нас опять живо интересует вопрос об *антагонизме между интеллигенцией** и пролетариатом. Мои коллеги» (Каутский сам интеллигент, литератор и редактор) «будут сплошь да рядом возмущаться тем, что я признаю этот антагонизм. Но ведь он фактически существует, и было бы самой нецелесообразной тактикой (и здесь, как и в других случаях) пытаться отделаться от него отрицанием факта. Антагонизм этот есть социальный антагонизм, проявляющийся на классах, а не на отдельных личностях. Как отдельный капиталист, так и отдельный интеллигент может всецело войти в классовую борьбу пролетариата. В тех случаях, когда это имеет место, интеллигент изменяет и свой характер. И в дальнейшем изложении речь будет идти, главным образом, не об *этого типа* интеллигентах, которые и поныне являются еще исключением среди своего класса. В дальнейшем изложении, если нет особых оговорок, *под интеллигентом разумею я лишь обыкновенного интеллигента, стоящего на почве буржуазного общества* и являющегося характерным представителем класса интеллигенции. Этот класс находится в известном *антагонизме* к пролетариату.

Антагонизм этот — иного рода, чем антагонизм между трудом и капиталом. Интеллигент — не капиталист. Правда, его уровень жизни буржуазный, и он вынужден поддерживать этот уровень, пока не превращается в босяка, но в то же время он вынужден продавать продукт своего труда, а часто и свою рабочую силу, он терпит нередко эксплуатацию со стороны капиталиста и известное социальное принижение. Таким образом, интеллигент не находится ни в каком экономическом антагонизме к пролетариату. Но его жизненное положение, его условия труда — не пролетарские, и отсюда вытекает известный антагонизм в настроении и в мышлении.

Пролетарий — ничто, пока он остается изолированным индивидуумом. Всю свою силу, всю свою способность к прогрессу, все свои надежды и чаяния черпает он из *организации*, из планомерной совместной деятельности с товарищами. Он чувствует себя великим и сильным, когда он составляет часть великого и сильного орга-

* Я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие выражения *Literat, Literatentum*, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (*brain worker*, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда.

низма. Этот организм для него — все, отдельный же индивидуум значит, по сравнению с ним, очень мало. Пролетарий ведет свою борьбу с величайшим самопожертвованием, как частичка анонимной массы, без видов на личную выгоду, на личную славу, исполняя свой долг на всяком посту, куда его поставят, добровольно подчиняясь дисциплине, проникающей все его чувство, все его мышление.

Совершенно иначе обстоит дело с интеллигентом. Он борется не тем или иным применением силы, а при помощи аргументов. Его оружие — это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы. Лишь с трудом подчиняется он известному целому в качестве служебной части этого целого, подчиняется по необходимости, а не по собственному побуждению. Необходимость дисциплины привносит он лишь для массы, а не для избранных душ. Себя же самого он, разумеется, причисляет к избранным душам...

...Философия Ницше, с ее культом сверхчеловека, для которого все дело в том, чтобы обеспечить полное развитие своей собственной личности, которому всякое подчинение его персоны какой-либо великой общественной цели кажется пошлым и презренным, эта философия есть настоящее мирозерцание интеллигента, она делает его совершенно негодным к участию в классовой борьбе пролетариата.

Наряду с Ницше, выдающимся представителем мирозерцания интеллигенции, соответствующего ее настроению, является Ибсен. Его доктор Штокман (в драме «Враг народа») — не социалист, как думали многие, а тип интеллигента, который неизбежно должен прийти в столкновение с пролетарским движением, вообще со всяким народным движением, раз он попытается действовать в нем. Это — потому, что основой пролетарского, как и всякого демократического*, движения является уважение к большинству товарищей. Типичный интеллигент à la** Штокман видит в «компактном большинстве» чудище, которое должно быть ниспровергнуто.

...Идеальным образчиком интеллигента, который всецело проникся пролетарским настроением, который, будучи блестящим писателем, утратил специфически интеллигентские черты психики, который без воркотни шел в ряды и шеренге, работал на всяком посту, на который его назначали, подчинял себя всецело нашему великому делу и презирал то дряблое хныканье (*weiches Gewinsel*) по поводу подавления своей личности, какое мы слышим часто от интеллигентов, воспитавшихся на Ибсене и Ницше, когда им случается остаться в меньшинстве, — идеальным образчиком такого интеллигента, какие нужны социалистическому движению, был

* Прехарактерно для той путаницы, которую внесли во все организационные вопросы наши мартовцы, что, повернув к Анимову и к неуместному демократизму, они в то же время озабочены на демократический выбор редакции, выбор на съезде, заранее намеченный всеми! И это, может быть, ваш принцип, господа?

** — вродс. Ред.

Либкнехт. Можно назвать здесь также и Маркса, который никогда не протискивался на первое место и образцовым образом подчинялся партийной дисциплине в Интернационале, где он не раз оставался в меньшинстве*.

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигента, оставшегося в меньшинстве, и ничем больше — был отказ Мартова с коллегами от должности после одного только неутверждения старого кружка, были жалобы на осадное положение и исключительные законы «против отдельных групп», которые не были дороги Мартову при распусчении «Южного рабочего» и «Рабочего Дела», а стали дороги при распусчении *его* коллегии.

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигентов, оставшихся в меньшинстве, были все эти бесконечные жалобы, упреки, намеки, попреки, сплетни и инсинуации насчет «компактного большинства», которые рекой полились на нашем партийном съезде** (и еще более после него) с легкой руки Мартова.

Горько сетовало меньшинство на то, что компактное большинство имело свои частные собрания: надо же было, в самом деле, меньшинству прикрыть чем-нибудь тот неприятный для него факт, что те делегаты, кого оно приглашало на свои частные собрания, отказывались идти на них, а те, кто охотно пошел бы (Егоровы, Маховы, Брукэры), не могли быть приглашены меньшинством после всей съездовской борьбы между теми и другими.

Горько сетовали на «ложное обвинение в оппортунизме»: надо же было, в самом деле, прикрыть чем-нибудь тот неприятный факт, что именно *оппортунисты*, гораздо чаще шедшие за антиискровцами, а отчасти и сами эти антиискровцы, составили компактное меньшинство, уцепились обеими руками за поддержку кружковщины в учреждениях, оппортунизма в рассуждениях, обывательщины в партийном деле, интеллигентской шаткости и хлюпкости.

Мы покажем в следующем параграфе, в чем заключается объяснение того интереснейшего *политического факта*, что в конце съезда образовалось «компактное большинство», и

* Karl Kautsky: «Franz Mehrings», «Neue Zeit», XXII, I, S. 101—103, 1903, № 4 (Карл Каутский: «Франц Меринг», «Новое Время», XXII, I, стр. 101—103, 1903, № 4. Ред.).

** См. стр. 337, 338, 340, 352 и др. протоколов съезда.

почему меньшинство так тщательно-тщательно, несмотря на все вызовы, *обходит* вопрос о *причинах* и *истории* его образования. Но сначала закончим анализ прений на съезде.

При выборах в ЦК т. Мартов внес чрезвычайно характерную резолюцию (стр. 336), три основные черты которой я, бывало, называл «матом в три хода». Вот эти черты: 1) баллотируются *списки* кандидатов в ЦК, а не отдельные кандидаты; 2) после прочтения списков пропускается два заседания (на обсуждение, очевидно); 3) при отсутствии абсолютного большинства, вторая баллотировка признается окончательной. Эта резолюция — прекрасно обдуманная стратегия (надо отдать справедливость и противнику!), с которой не соглашается т. Егоров (стр. 337), но которая *наверняка* обеспечила бы полную победу Мартову, *если бы семерка бундовцев и рабочедельцев не ушла со съезда*. Объясняется стратегия именно тем, что у искровского меньшинства *не было и не могло быть* «прямого соглашения» (которое было у искровского большинства) не только с Бундом и с Брукэром, *но и с тт. Егоровыми и Маховыми*.

Вспомните, что т. Мартов плакался на съезде Лиги, будто «ложное обвинение в оппортунизме» предполагало его прямое соглашение с Бундом. Повторяю, это т. Мартову со страху показалось, и *именно несогласие т. Егорова на баллотирование списков* (т. Егоров «не растерял еще своих принципов», должно быть тех принципов, которые заставляли его слиться с Гольдблатом в оценке абсолютного значения демократических гарантий) показывает *наглядно* тот громадной важности факт, что *даже с Егоровым не могло быть и речи о «прямом соглашении»*. Но коалиция могла быть и была и с Егоровым и с Брукэром, коалиция в том смысле, что мартовцам *была обеспечена* поддержка их всякий раз, когда мартовцы приходили в серьезный конфликт с нами и когда Акимову и его друзьям предстояло выбирать *меньшее из зол*. Не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что в качестве *меньшего из зол*, в качестве того, что *хуже достигает искровских целей* (см. речь Акимова о § 1 и его «надежды» на Мартова), *тт. Акимов и Либер непременно выбрали бы и шестерку в ЦО и мартовский список в ЦК*. Баллотирование списков, пропуск двух заседаний и перебаллотировка были

предназначены именно для того, чтобы достигнуть этого результата с почти механической правильностью без всякого прямого соглашения.

Но поскольку наше компактное большинство оставалось компактным большинством, — обходный путь т. Мартова был только провололочкой, и мы не могли не отклонить его. Меньшинство письменно (в заявлении, с. 341) излило свои жалобы на это, *отказавшись, по примеру Мартынова и Акимова, от голосований и выборов в ЦК «ввиду тех условий, при которых они производились».* После съезда эти жалобы на ненормальность условий выбора (см. «Ос. пол.», стр. 31) изливались направо и налево перед сотнями партийных кумушек. Но в чем же была тут *ненормальность?* В тайном голосовании, которое было предусмотрено еще заранее регламентом съезда (§ 6, стр. 11 прот.) и в котором смешно было видеть «лицемерие» или «несправедливость»? В образовании компактного большинства, этого «чудища» для хлюпких интеллигентов? Или в *ненормальном* желании сих почтенных интеллигентов *нарушать то слово*, которое они дали перед съездом о признании всех его выборов (стр. 380, § 18 устава съезда)?

Товарищ Попов *тонко* намекнул на это желание, выступив на съезде в день выборов с прямым вопросом: «Уверено ли бюро, что решение съезда действительно и законно, если половина участвующих отказалась от голосования?»*. Бюро ответило, конечно, что уверено, и напомнило инцидент с товарищами Акимовым и Мартыновым. Тов. Мартов присоединился к бюро и прямо заявил, что т. Попов ошибается, что «*решения съезда законны*» (стр. 343). Пусть читатель уже сам судит об этой, — в высокой степени, должно быть, нормальной, — политической последовательности, которая обнаруживается при сопоставлении *этого заявления перед партией* с поведением после съезда и с фразой «Осадного положения» о *начавшемся еще на съезде восстании половины партии*» (стр. 20). Надежды, которые возлагал на тов. Мартова т. Акимов, перевесили мимолетные добрые намерения самого Мартова.

«Ты победил», товарищ Акимов!

* Стр. 342. Речь идет о выборе пятого члена в Совет. Подано 24 записки (всего 44 голоса), из них две пустых.

* *
*

К характеристике того, до какой степени «страшным словом» была пресловутая фраза об «осадном положении», которой придан теперь навеки трагикомический смысл, — могут служить некоторые мелкие по виду, но очень важные по сущности черточки *конца* съезда, того конца, который имел место *после* выборов. Тов. Мартов носит теперь с этим трагикомическим «осадным положением», всерьез уверяя и себя и читателей, что это выдуманное им пугало означало какое-то ненормальное преследование, затравливание, заезжание «меньшинства» «большинством». Мы покажем сейчас, как было дело *после* съезда. Но возьмите даже конец съезда, и вы увидите, что *после выборов* «компактное большинство» не только не преследует несчастных, заезжаемых, обижаемых и ведомых на казнь мартовцев, а напротив *само предлагает* им (устаами Лядова) *два места из трех* в протокольной комиссии (стр. 354). Возьмите резолюции по тактическим и другим вопросам (стр. 355 и след.) и вы увидите чисто деловое обсуждение по существу, когда подписи товарищей, вносивших резолюции, зачастую показывают вперемежку и представителей чудовищного компактного «большинства», и сторонников «униженного и оскорбленного» «меньшинства» (стр. 355, 357, 363, 365, 367 прот.). Не правда ли, как это похоже на «отстранение от работы» и иное всякое «заезжание»?

Единственный интересный, но, к сожалению, слишком краткий спор по существу возник по поводу староверовской резолюции о либералах. Она была принята съездом, как можно судить по подписям под ней (стр. 357 и 358), потому, что трое сторонников «большинства» (Браун, Орлов, Осипов⁷³) вотировали и *за нее* и за плехановскую резолюцию, не усматривая непримиримого противоречия между обеими. Непримиримого противоречия, на первый взгляд, между ними нет, ибо плехановская устанавливает общий принцип, выражает определенное принципиальное и тактическое отношение к *буржуазному либерализму в России*, а староверовская пытается определить *конкретные условия допустимости «временных соглашений»* с «либеральными или либерально-демократическими течениями». Темы обеих резолюций разные. Но староверовская страдает именно *политической расплывчатостью*, будучи в силу

этого мелкой и мелочной. Она не определяет классового содержания русского либерализма, она не указывает определенных политических течений, выражающих его, она не разъясняет пролетариату его основных задач пропаганды и агитации в отношении к этим определенным течениям, она смешивает (в силу своей расплывчатости) такие различные вещи, как студенческое движение и «Освобождение», она слишком мелочно, казуистически предписывает три конкретных условия, при которых допустимы «временные соглашения». Политическая расплывчатость и в этом случае, как и во многих других, ведет к казуистичности. Отсутствие общего принципа и попытка перечислить «условия» ведет к мелочному и, строго говоря, *неправильному* указанию этих условий. В самом деле, посмотрите на эти три староверовских условия: 1) «либеральные или либерально-демократические течения» должны «ясно и недвусмысленно заявить, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской социал-демократии». В чем состоит отличие либеральных и либерально-демократических течений? Резолюция не дает никакого материала для ответа на этот вопрос. Не в том ли, что либеральные течения выражают позицию наименее прогрессивных политически слоев буржуазии, а либерально-демократические — позицию наиболее прогрессивных слоев буржуазии и мелкой буржуазии? Если да, то неужели т. Старовер считает возможным, что наименее прогрессивные (но все же прогрессивные, ибо иначе нельзя было бы говорить о либерализме) слои буржуазии «встанут решительно на сторону социал-демократии»? Это абсурд, и если представители такого течения даже и «заявили бы это ясно и недвусмысленно» (предположение совершенно невозможное), то мы, партия пролетариата, *обязаны были бы не верить* их заявлениям. Быть либералом и становиться решительно на сторону социал-демократии, — одно исключает другое.

Далее. Допустим такой случай, что «либеральные или либерально-демократические течения» ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавием они становятся решительно на сторону *социалистов-революционеров*. Предположение это гораздо менее невероятно (в силу буржуазно-демократической сущности направления социалистов-революционеров), чем предположение тов. Старо-

вера. По смыслу его резолюции, в силу ее расплывчатости и казуистичности, выходит, что *в таком случае временные соглашения с подобными либералами недопустимы*. Между тем, этот неизбежный вывод из резолюции т. Старовера приводит к положению *прямо неверному*. Временные соглашения допустимы и с социалистами-революционерами (см. резолюцию съезда о них), а *следовательно*, и с либералами, которые встали бы на сторону социалистов-революционеров.

Второе условие: если эти течения «не выставят в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание». И тут та же ошибка: не бывало и быть не может таких либерально-демократических течений, которые бы не представляли в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и не затемняли его (пролетариата) сознание. Даже одна из самых демократических фракций нашего либерально-демократического течения, фракция социалистов-революционеров, представляет в своей программе, запутанной, как и все либеральные программы, требования, идущие вразрез с интересами рабочего класса и затемняющие его сознание. Из этого факта следует выводить *необходимость* «разоблачать ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии», но отнюдь не недопустимость временных соглашений.

Наконец, и третье «условие» тов. Старовера (чтобы лозунгом своей борьбы либералы-демократы сделали всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право) *неправильно* в той общей постановке, которая ему придана: временные и частные соглашения *неразумно было бы* объявлять ни в каком случае недопустимыми с такими либерально-демократическими течениями, которые представляли бы лозунг цензовой конституции, «кудой» конституции вообще. В сущности, именно сюда подошло бы «течение» гг. «освобожденцев», но связывать себе руки, запрещая наперед «временные соглашения», хотя бы и с самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовместимой с принципами марксизма.

Итог: резолюция тов. Старовера, подписанная также гг. Мартовым и Аксельродом, *ошибочна*; и третий съезд поступит разумно, если отменит ее. Она страдает *политической расплывчатостью* теоретической и тактической позиций, казуистичностью — практических «условий»,

требуемых ею. Она *смешивает два вопроса*: 1) разоблачение «антиреволюционных и противпролетарских» черт *всякого* либерально-демократического течения и обязательность борьбы с этими чертами, и 2) *условие* временных и частных соглашений с любым из таких течений. Она не дает того, что надо (анализа классового содержания либерализма), и дает то, чего не надо (предписание «условий»). На партийном съезде вообще нелепо вырабатывать конкретные «условия» временных соглашений, когда нет налицо даже определенного контрагента, — субъекта таких возможных соглашений; да если бы и был таковой «субъект» налицо, то во сто раз рациональнее было бы предоставить определение «условий» временного соглашения центральным учреждениям партии, как это и сделано съездом по отношению к «течению» гг. социалистов-революционеров (см. плехановское видоизменение конца резолюции тов. Аксельрода, стр. 362 и 15 протоколов).

Что касается до возражений «меньшинства» против резолюции Плеханова, то единственный довод т. Мартова гласил: резолюция Плеханова «кончает мизерным выводом: надо разоблачать одного литератора. Не будет ли это — идти «на муху с обухом?»» (стр. 358). Довод этот, в котором отсутствие мысли прикрывается хлестким словечком — «мизерный вывод», — дает нам новый образчик претенциозной фразы. Во-первых, резолюция Плеханова говорит о «разоблачении перед пролетариатом ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность». Поэтому чистейшими пустяками является утверждение тов. Мартова (на съезде Лиги, стр. 88 протоколов), что «все внимание должно быть обращено на одного Струве, одного либерала». Во-вторых, сравнивать господина Струве с «мухой», когда речь идет о возможности временных соглашений с русскими либералами, значит приносить в жертву хлесткости элементарную политическую очевидность. Нет, г. Струве не муха, а политическая величина, и он является таковой не потому, чтобы он лично был очень крупной фигурой. Значение политической величины дает ему его позиция, позиция единственного представителя русского либерализма, хоть сколько-нибудь дееспособного и организованного либерализма, в нелегальном мире. Поэтому говорить о русских либералах и об отно-

шении к ним нашей партии и не иметь в виду именно г. Струве, именно «Освобождения» — значит говорить, чтобы ничего не сказать. Или, может быть, тов. Мартов попробует указать нам *хоть одно единственное* «либеральное или либерально-демократическое течение» в России, которое хоть отдаленно могло бы сравниться в настоящее время с «освобожденским» течением? Интересно было бы посмотреть на такую попытку!*

«Имя Струве ничего не говорит рабочим», — поддерживал т. Костров тов. Мартова. Это уже довод, не во гнев будь сказано т. Кострову и т. Мартову, — акимовский. Это уже вроде пролетариата в родительном падеже⁷⁴.

Каким рабочим «ничего не говорит имя Струве» (и имя «Освобождения», названного в резолюции т. Плеханова рядом с именем г. Струве)? Таким, которые до последней степени мало знакомы, или вовсе незнакомы, с «либеральными и либерально-демократическими течениями» в России. Спрашивается, в чем должно состоять отношение нашего партийного съезда к таким рабочим: в том ли, чтобы поручить членам партии знакомить этих рабочих с единственным определенным либеральным течением в России? или в том, чтобы *умалчивать* об мало знакомом для рабочих имени по случаю собственно их малого знакомства с политикой? Если т. Костров, сделав первый шаг за т. Акимовым, не захочет сделать и второго шага за ним, то он наверное решит этот вопрос в первом смысле. А решив его в первом смысле, он увидит, как несостоятелен был его довод. *Во всяком случае* слова: «Струве»

* На съезде Лиги тов. Мартов привел еще такой довод против резолюции тов. Плеханова: «Главное соображение против нее, главный недостаток этой резолюции заключается в том, что она совершенно игнорирует то, что наша обязанность — не уклоняться в борьбе с самодержавием от союза с либерально-демократическими элементами. Тов. Ленин назвал бы подобную тенденцию мартьяновской. В новой «Искре» тенденция эта уже проявляется» (стр. 88).

Этот пассаж — редкое, по своему богатству, собрание «перлов». 1) Сугубой путаницей являются слова о союзе с либералами. Никто и не говорил о союзе, тов. Мартов, а лишь о временных или частных соглашениях. Это большая равница. 2) Если Плеханов в резолюции игнорирует невероятный «союз» и говорит лишь вообще о «поддержке», то это не недостаток, а достоинство его резолюции. 3) Не потрудится ли тов. Мартов объяснить нам, чем характеризуются вообще «мартьяновские тенденции»? Не расскажет ли он нам об отношении этих тенденций к оппортунизму? Не проследит ли он отношение этих тенденций к параграфу первого устава? 4) Я положительно стораю от нетерпения услышать от тов. Мартова, в чем проявились «мартьяновские тенденции» в «новой» «Искре»? Пожалуйста, избавьте меня скорее от муки ожидания, тов. Мартов!

и «Освобождение» в плекхановской резолюции во много раз больше *могут дать* рабочим, чем слова: «либеральное и либерально-демократическое течение» в резолюции Старовера.

Русский рабочий не может в настоящее время ознакомиться на практике с сколько-нибудь откровенными политическими тенденциями нашего либерализма иначе, как по «Освобождению». Легальная либеральная литература негодна тут именно в силу ее туманности. И мы должны как можно усерднее (и перед возможно более широкими массами рабочих) направлять оружие своей критики против освободителей, чтобы в момент грядущей революции русский пролетариат мог настоящей критикой оружия парализовать неизбежные попытки гг. освободителей урезать демократический характер переворота.

Кроме отмеченного мною выше «недоумения» тов. Егорова по вопросу о «поддержке» нами оппозиционного и революционного движения, прения о резолюциях не дали интересного материала, да и прений почти не было.

Съезд закончился кратким напоминанием председателя об обязательности постановлений съезда для всех членов партии.

в) ОБЩАЯ КАРТИНА БОРЬБЫ НА СЪЕЗДЕ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ И ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ КРЫЛО ПАРТИИ

Закончив анализ прений и голосований на съезде, мы должны теперь подвести итоги, чтобы на основании *всего* съездовского материала ответить на вопрос: из каких элементов, групп и оттенков сложилось то окончательное большинство и меньшинство, которое мы видели на выборах и которому суждено было на некоторое время стать основным нашим партийным делением? Необходимо подвести итоги всему тому материалу относительно принципиальных, теоретических и тактических, оттенков, который в таком богатстве представлен протоколами съезда. Без общей «сводки», без общей картины всего съезда и всех

главнейших группировок при голосованиях, этот материал остается слишком дробным, разбросанным, так что на первый взгляд те или иные отдельные группировки кажутся случайными, особенно тому, кто не даст себе труда самостоятельного и всестороннего *изучения* протоколов съезда (а много ли таких читателей, которые дали себе этот труд?).

В английских парламентских отчетах часто встречается характерное слово *division* — разделение. Палата «разделилась» на такое-то большинство и меньшинство, — говорят про голосование известного вопроса. «Разделение» нашей социал-демократической палаты по различным, обсуждавшимся на съезде, вопросам дает *единственную в своем роде, незаменимую по полноте и точности* картину внутренней борьбы в партии, картину ее оттенков и групп. Чтобы сделать эту картину наглядной, чтобы получить настоящую *картину*, а не грудку бессвязных, дробных, изолированных фактов и фактиков, чтобы положить конец бесконечным и бестолковым спорам об отдельных голосованиях (кто за кого голосовал и кто кого поддерживал?), я решил попытаться изобразить *все основные типы «разделений»* нашего съезда в виде *диаграммы*. Такой прием покажется, наверное, странным очень и очень многим, но я сомневаюсь, можно ли найти другой способ изложения, действительно обобщающего и подводящего итоги, возможно более полного и наиболее точного. Вотировал ли за или против известного предложения тот или иной делегат, — это можно установить при именных голосованиях с безусловной точностью, а по некоторым важным *неименным* голосованиям это можно определить, на основании протоколов, с громадной степенью вероятности, с достаточной степенью приближения к истине. Если принять при этом во внимание *все* именные голосования и все те *неименные*, в которых затрагивались сколько-нибудь важные (судя, например, по обстоятельности и страстности прений) вопросы, то получится изображение нашей внутрипартийной борьбы, отличающееся наиболее достижимой, при наличном материале, объективностью. При этом вместо фотографического изображения, т. е. изображения каждого голосования в отдельности, мы постараемся дать картину, т. е. привести все главные *типы* голосований, игнорируя неважные сравнительно отступления и разновидности, которые могли бы только запутать дело.

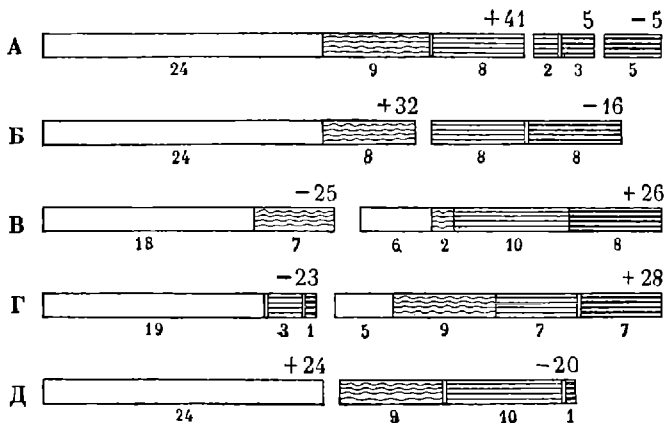
Во всяком случае на основании протоколов всякий в состоянии будет проверить каждый штрих в нашей картине, дополнить ее каким угодно отдельным голосованием, одним словом, критиковать ее не только путем соображений, сомнений и указаний на единичные казусы, а путем составления *иной картины* на основании того же материала.

Нанося на диаграмму каждого принимавшего участие в голосовании делегата, мы будем отмечать особой штриховкой те четыре основные группы, которые мы подробно прослеживали в течение всего хода дебатов на съезде, именно: 1) искровцев большинства; 2) искровцев меньшинства; 3) «центр» и 4) антиискровцев. Различие принципиальных оттенков между этими группами мы видели *на массе примеров*, и если кому-либо не нравятся *названия* групп, слишком напоминающие любителям зигзагов об организации «Искры» и о направлении «Искры», то мы заметим им, что дело не в названии. Теперь, когда оттенки прослежены нами на *всех* дебатах съезда, легко можно заменить установившиеся уже и привычные партийные клички (режущие кое-кому ухо) характеристикой *существа оттенков между группами*. При такой замене мы получили бы для тех же четырех групп следующие названия: 1) последовательные революционные социал-демократы; 2) оппортунисты маленькие; 3) оппортунисты средние и 4) оппортунисты большие (на наш русский масштаб большие). Будем надеяться, что эти названия меньше станут шокировать тех, кто с некоторого времени стал уверять себя и других, будто «искровец» — есть название, объемлющее лишь «кружок», а не *направление*.

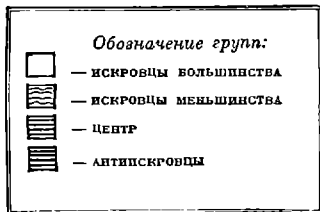
Перейдем к подробному изложению того, какие типы голосований «сняты» на прилагаемой диаграмме (см. диаграмму: «Общая картина борьбы на съезде»).

Первый тип голосований (А) охватывает те случаи, когда вместе с искровцами шел «центр» против антиискровцев или против части их. Сюда относятся голосование программы в целом (один только т. Акимов воздержался, остальные за), голосование принципиальной резолюции против федерации (все за, кроме пяти бундовцев), голосование § 2 устава Бунда (против нас пять бундовцев, воздержались пятеро: Мартынов, Акимов, Брукэр и Махов с двумя голосами, остальные с нами); *это голосование и*

ОБЩАЯ КАРТИНА БОРЬБЫ НА СЪЕЗДЕ

Цифры с + и с — означают общее число голосов, поданных по известным вопросам *за* или *против*. Цифры внизу полосок означают число голосов каждой из четырех групп. Какого рода голосования объемлются типами А — Д, изложено в тексте.

представлено на диаграмме А. Далее, того же типа были три голосования по вопросу об утверждении Центральным Органом партии «Искры»; редакция (пять голосов) воздерживалась, против были во всех трех голосованиях двое (Акимов и Брукэр) и, кроме того, при голосовании *мотивов* утверждения «Искры» воздержались пять бундовцев и тов. Мартынов*.

Рассматриваемый тип голосований дает ответ на чрезвычайно интересный и важный вопрос: когда «центр» съезда шел вместе с искровцами? Либо тогда, когда *и антиискровцы были с нами*, за малыми исключениями (принятие программы, утверждение «Искры» независимо от мотивов), либо тогда, когда дело шло о таких *заявлениях*, которые еще непосредственно к определенной политической позиции не обязывают (признание организационной работы «Искры» не обязывает еще проводить на деле ее организационную политику в отношении частных групп; отвержение федерации не мешает еще воздерживаться по вопросу о конкретном проекте федерации, как мы видели на примере т. Махова). Мы видели уже выше, говоря о значении группировок на съезде вообще, до какой степени неверно представляется этот вопрос в официальном изложении официальной «Искры», которая (устаами т. Мартова) *затирает и затушевывает* разницу между искровцами и «центром», между последовательными революционными социал-демократами и оппортунистами, посредством ссылки на *такие случаи, когда и антиискровцы шли с нами!* Даже наиболее «правые» из немецких и французских оппортунистов в социал-демократических партиях не вотируют против по таким пунктам, как *признание программы в целом*.

Второй тип голосований (Б) обнимает те случаи, когда искровцы последовательные и непоследовательные шли вместе против всех антиискровцев и всего «центра». Эти случаи относятся, главным образом, к тем вопросам, когда дело шло о проведении в жизнь конкретно-определенных планов искровской политики, когда речь шла о признании

* Почему для изображения на диаграмме взято именно голосование о § 2 устава Бунда? Потому что голосования о признании «Искры» менее полны, а голосования о программе и о федерации касаются менее определенных конкретно политических решений. Вообще выбор того или другого из ряда *однородных* голосований нисколько не изменит основных черт картины, как в этом легко убедится каждый, сделав соответствующие изменения.

«Искры» на деле, а не на словах только. Сюда относятся инцидент с ОК*, постановка вопроса о положении Бунда в партии на первое место, распускание группы «Южный рабочий», два голосования об аграрной программе и, наконец, в-шестых, голосование *против* заграничного Союза русских социал-демократов («Рабочего Дела»), т. е. признание Лиги единственной организацией партии за границей. Старая, до-партийная кружковщина, интересы оппортунистических организаций или группок, узкое понимание марксизма боролись здесь с принципиально-выдержанной и последовательной политикой революционной социал-демократии; искровцы меньшинства шли еще с нами в целом ряде случаев, в целом ряде крайне важных (с точки зрения ОК, «Южного Рабочего», «Рабочего Дела») голосований, ... пока дело не коснулось *их собственной* кружковщины, их собственной непоследовательности. «Разделения» рассматриваемого типа наглядно показывают, что в ряде вопросов о проведении в жизнь наших принципов *центр шел с антиискровцами*, оказывался гораздо ближе к ним, чем к нам, гораздо более склонным на деле к *оппортунистическому*, чем к *революционному* крылу социал-демократии. «Искровцы» по названию, стыдившиеся быть искровцами, обнаруживали свою природу, и неизбежная борьба вносила не мало раздражения, которое заслоняло от наименее вдумчивых и наиболее впечатлительных лиц значение вскрывающихся в этой борьбе принципиальных оттенков. Но теперь, когда улегся несколько пыл борьбы и протоколы остались объективным экстрактом ряда горячих сражений, теперь только люди, закрывающие глаза, могут не видеть, что соединение Маховых и Егоровых с Акимовыми и Либерами не было случайностью и не могло быть случайностью. Мартову и Аксельроду только и остается сторониться от всестороннего и точного анализа

* Именно это голосование изображено на диаграмме В: у искровцев было 32 голоса, за революцию бундовца 16. Заметим, что из голосований этого типа нет ни одного *именного* голосования. На распределение делегатов укаывают лишь с громадной степенью вероятности двоякого рода данные: 1) в прениях ораторы обеих групп искровцев высказываются за, ораторы антиискровцев и центра — против; 2) числа голосов «за» всегда очень близко подходят к цифре 33. Не надо забывать также, что, анализируя прения на съезде, мы отмечали, и помимо голосований, целый ряд случаев, когда «центр» шел с антиискровцами (с оппортунистами) против нас. Сюда относятся вопросы об абсолютной ценности демократических требований, о поддержке оппозиционных элементов, об ограничении централизма и т. д.

протоколов или пытаться задним числом *переделать* свое поведение на съезде, посредством всяческих выражений *сожаления*. Точно сожалением можно устранить различие взглядов и различие политики! точно теперешний союз Мартова и Аксельрода с Акимовым, Брукэром и Мартыновым может заставить нашу партию, восстановленную на втором съезде, забыть о борьбе, которую вели искровцы с антиискровцами в течение почти всего съезда!

Третий тип голосований на съезде, охватывающий три последние части диаграммы из пяти (именно В, Г и Д), характеризуется тем, что *небольшая часть искровцев отделяется и переходит на сторону антиискровцев*, которые поэтому и побеждают (пока остаются на съезде). Чтобы проследить с полной точностью развитие этой знаменитой *коалиции* искровского меньшинства с антиискровцами, одно упоминание о которой доводило Мартова до истерических посланий на съезде, приводятся все три основных типа *именных* голосований этого рода. В — это голосование по вопросу о равноправии языков (взято последнее из трех именных голосований по этому пункту, как самое полное). Все антиискровцы и весь центр стеной стоят против нас, из искровцев же отделилась часть большинства и часть меньшинства. *Еще не видно, какие искровцы способны к окончательной и прочной коалиции с оппортунистической «правой» съезда*. Далее, голосование типа Г — о первом параграфе устава (из двух голосований взято более определенное, т. е. когда никто не воздерживался). *Коалиция обрисовывается рельефнее и складывается прочнее**: искровцы меньшинства все уже стоят на стороне Акимова и Либера, из искровцев большинства — очень небольшое число, возмещающее перешедших на нашу сторону трех из «центра» и одного из антиискровцев. Достаточно простого взгляда на диаграмму, чтобы убедиться в том, какие элементы случайно и временно переходили то на одну, то на другую сторону и какие *шли с неудержимой силой к прочной коалиции с Акимовыми*. На последнем голосовании (Д — выборы

* Судя по всему, того же типа было еще четыре голосования по уставу, стр. 278 — 27 за Фомина против 21 наших; стр. 279 — 26 за Мартова против 24 за нас; стр. 280 — 27 против меня, 22 за; и там же — за Мартова 24 против 23 за нас. Это — вагронутые уже мной раньше голосования по вопросам о нооптации в центры. Именных голосований нет (одно было, но затеряно). Бундовцы (все или часть), видимо, спасают Мартова. Ошибочные утверждения Мартова (в Лиге) относительно голосований этого типа исправлены выше.

в ЦО, в ЦК и в Совет партии), которое представляет именно окончательное деление на большинство и меньшинство, ясно видно полное слияние искровского меньшинства со всем «центром» и с остатками антиискровцев. Из восьми антиискровцев к этому времени остался на съезде один тов. Брукэр (которому тов. Акимов разъяснил уже его ошибку и который занял принадлежащее ему по праву место в рядах мартовцев). Уход семерки наиболее «правых» оппортунистов решил судьбу выборов против Мартова*.

И вот теперь подведем итоги съезду, опираясь на объективные данные о голосованиях всякого типа.

Много толковали о «случайном» характере большинства на нашем съезде. Тов. Мартов только этим доводом и утешал себя в своем «Еще раз в меньшинстве». Из диаграммы ясно видно, что в *одном смысле*, но только в одном, можно назвать большинство случайным, именно в том смысле, что-де семерка наиболее оппортунистических элементов «правой» ушла случайно. Поскольку случаен этот уход, постольку (не более) случайно и наше большинство. Простой взгляд на диаграмму лучше длинных рассуждений показывает, на чьей стороне была бы, *должна бы была быть* эта семерка**. Но, спрашивается, поскольку действительно можно считать случайным уход этой семерки? Вот вопрос, которого не любят задавать себе люди, охотно говорящие о «случайности» большинства. Неприятный это для них вопрос. Случайно ли то, что ушли наиболее ярые представители *правого*, а не *левого* крыла нашей партии? Случайно ли то, что ушли *оппортунисты*, а не последовательные *революционные социал-демократы*? Не стоит ли этот «случайный» уход в некоторой связи с той борьбой против оппортунистического крыла, которая велась в течение всего съезда и которая так наглядно выступает на нашей диаграмме?

Достаточно поставить эти неприятные для меньшинства вопросы, чтобы выяснить себе, какой факт *прикрывается*

* Семь оппортунистов, ушедших с 2-го съезда, это пять бундовцев (Бунд вышел из партии на втором съезде после стилизации федеративного принципа) и два «рабочедельца», т. Мартынов и т. Акимов. Эти последние ушли со съезда после того, как заграничной организацией партии была принята только искровская Лига, то есть был распушен рабочедельческий заграничный «Союз русских социал-демократов». (Примечание автора и изданию 1907 г. Ред.)

** Мы увидим ниже, что после съезда и т. Акимов и Воронежский комитет, наиболее робастейший т. Акимову, прямо и выразили свое сочувствие *меньшинству*.

толками о случайности большинства. Это — тот несомненный и неоспоримый факт, что *меньшинство составили наиболее тяготеющие к оппортунизму члены нашей партии*. Меньшинство составили *наименее устойчивые теоретически, наименее выдержанные принципиально* элементы партии. Меньшинство образовалось именно из *правого крыла* партии. Разделение на большинство и меньшинство есть прямое и неизбежное продолжение того разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую, на Гору и Жиронду⁷⁵, которое не вчера только появилось не в одной только русской рабочей партии и которое, наверное, не завтра исчезнет.

Этот факт имеет кардинальное значение в деле выяснения причин и перипетий расхождений. Пытаться *обойти* этот факт посредством отрицания или затушевывания борьбы на съезде и сказавшихся в ней принципиальных оттенков, — значит выдавать себе полнейшее свидетельство об умственной и политической бедности. А чтобы *опровергнуть* этот факт, надо, *во-первых*, показать, что общая картина голосований и «разделений» на нашем партийном съезде была не такая, которая приведена мною; надо, *во-вторых*, показать, что *по существу* всех тех вопросов, из-за которых «разделялся» съезд, *неправы были* те наиболее последовательные революционные социал-демократы, которые связали себя в России с именем искровцев*. Попробуйте-ка показать это, господа!

Факт составления меньшинства из наиболее оппортунистических, наименее устойчивых и наименее выдержанных элементов партии указывает, между прочим, ответ на многие недоумения и возражения, с которыми обращаются к большинству люди, плохо внакомые с делом или плохо

* Примечание для тов. Мартова. Если тов. Мартов вабыл теперь, что *искровец* означает *сторонник направления*, а не *член кружка*, то мы советуем ему прочесть в протоколах съезда разъяснение этого вопроса тов. Троцким тов. Акимову. Искровскими кружками были на съезде (по отношению к партии) три кружка: группа «Освобождение труда», редакция «Искры», организация «Искры». Два кружка из этих трех были так разумны, что сами распустили себя; третий проявил недостаточно партийности, чтобы сделать это, и был распущен съездом. Самый широкий искровский кружок, организация «Искры» (включавшая в себя и редакцию и группу «Освобождение труда»), насчитывал на съезде всего 16 человек, из которых *только одиннадцать* имели решающий голос. Искровцев же *по направлению*, не принадлежавших ни к какому искровскому «кружку», было на съезде, по моему счету, 27 с 33 головами. Значит, из искровцев *меньше половины* принадлежали к искровским кружкам.

продумавшие вопрос. Не мелко ли это, говорят нам, объяснять *расхождение* маленькой ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода? Да, господа, ошибка тов. Мартова была невелика (я я еще на съезде, в пылу борьбы, отметил это), но из этой маленькой ошибки *могло* получиться (*и получилось*) много вреда в силу того, что тов. Мартова перетянули на свою сторону делегаты, сделавшие *целый ряд ошибок*, проявившие на целом ряде вопросов тяготение к оппортунизму и принципиальную невыдержанность. Индивидуальным и неважным фактом было проявление неустойчивости со стороны тов. Мартова и тов. Аксельрода, но не индивидуальным, а *партийным* и *не совсем неважным* фактом было образование весьма и весьма значительного меньшинства из *всех*, наименее устойчивых элементов, из *всех тех*, кто либо вовсе не признавал направления «Искры» и прямо боролся с ним, либо признавал на словах, а на деле сплошь да рядом шел с антиискровцами.

Не смешно ли *объяснять* расхождение господством заскруженной кружковщины и революционной обывательщины в маленьком кружке старой редакции «Искры»? Нет, это не смешно, потому что на поддержку *этой индивидуальной* кружковщины *встало все то в нашей партии*, что боролось в течение всего съезда *за всякую кружковщину*, все то, что *вообще не могло подняться* над революционной обывательщиной, все то, что ссылалось на «исторический» характер обывательского и кружковщинского зла для оправдания и сохранения этого зла. Случайностью можно бы еще, пожалуй, считать то, что узко-кружковые интересы одержали верх над партийностью в одном маленьком кружке редакции «Искры». Но не случайностью было то, что на поддержку этой кружковщины горой встали гг. Акимовы и Брукеры, которым не менее (если не более) дорога была «историческая преемственность» знаменитого Воронежского комитета и пресловутой петербургской «Рабочей организации»⁷⁶, встали гг. Егоровы, которые оплакивали «убийство» «Рабочего Дела» так же горько (если не еще более горько), как и «убийство» старой редакции, встали гг. Маховы и пр. и пр. Скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты такой, — гласит житейская мудрость. Скажи мне, кто твой политический союзник, кто за тебя голосует, — и я тебе скажу, какова твоя *политическая физиономия*.

Мелкая ошибка тов. Мартова и тов. Аксельрода оставалась и могла остаться *мелкой*, покуда она не послужила исходным пунктом для *прочного союза* их со всем оппортунистическим крылом нашей партии, покуда она не повела в силу этого союза к *отрыжке* оппортунизма, к *реваншу* всех тех, с кем боролась «Искра» и кто готов был с величайшей радостью *сорвать теперь сердце* на последовательных сторонниках революционной социал-демократии. Послесъездовские события как раз и привели к тому, что в новой «Искре» мы видим именно отрывку оппортунизма, реванш Акимовых и Брукзров (см. листок Воронежского комитета*), восторги Мартыновых, которым наконец-то (наконец-то!) позволили в ненавистной «Искре» лягнуть ненавистного «врага» за все и всяческие прошлые обиды. Это особенно наглядно показывает нам, до какой степени необходимо было «восстановление старой редакции «Искры»» (из ультиматума тов. Старовера от 3 ноября 1903 г.) для охранения искровской «преемственности»...

Сам по себе факт разделения съезда (и партии) на левое и правое, революционное и оппортунистическое крыло не представлял еще из себя не только ничего страшного и ничего критического, но даже и ровно ничего ненормального. Напротив, все последнее десятилетие в истории русской (и не только русской) социал-демократии неизбежно и неминуемо приводило к такому разделению. Что основанием для разделения был ряд весьма *мелких* ошибок правого крыла, весьма неважных (сравнительно) разногласий, — это обстоятельство (которое поверхностному наблюдателю и филистерскому уму кажется шокирующим) означало *большой шаг вперед всей нашей партии в целом*. Раньше мы расходились из-за крупных вопросов, которые могли иногда даже оправдать и раскол, теперь мы сошлись уже на всем крупном и важном, теперь нас разделяют лишь *оттенки*, из-за которых можно и *должно* спорить, но нелепо и ребячески было бы расходиться (как и сказал уже совершенно справедливо товарищ Плеханов в интересной статье «Чего не делать?», к которой мы еще вернемся). *Теперь*, когда *анархическое поведение* меньшинства *после съезда* почти привело партию к расколу, часто можно встретить мудрецов, которые говорят: да стоило ли вообще

* См. настоящий том, стр. 377—378. Ред.

бороться на съезде из-за таких мелочей, как инцидент с ОК, распускание группы «Южного рабочего», или «Рабочего Дела», § 1, распускание старой редакции и т. п.? Кто рассуждает так*, тот вносит именно кружковую точку зрения в партийные дела: борьба *оттенков* в партии неизбежна и необходима, покуда борьба не ведет к анархии и к расколу, покуда борьба идет *в рамках*, одобренных сообща всеми товарищами и членами партии. И наша борьба с правым крылом партии на съезде, с Акимовым и Аксельродом, с Мартыновым и Мартовым, *отнюдь не выходила из этих рамок*. Достаточно вспомнить два факта, свидетельствующих об этом самым бесспорным образом: 1) когда тт. Мартынов и Акимов уходили со съезда, мы все готовы были всячески отстранить мысль об «оскорблении», мы все принимали (32 голосами) резолюцию тов. Троцкого, приглашающую этих товарищей удовлетвориться разъяснениями и взять назад свое заявление; 2) когда дело дошло до выбора центров, мы давали меньшинству (или оппортунистическому крылу) съезда *меньшинство в обоих центрах*: Мартову в ЦО, Попову в ЦК. Иначе мы не могли поступить с партийной точки зрения, раз было решено нами еще до съезда выбирать две тройки. Если различие *оттенков*, обнаружившихся на съезде, было невелико, то невелик, ведь, был и практический вывод, сделанный нами из борьбы этих *оттенков*: этот вывод исключительно сводился к тому, что *две трети* в обеих тройках следует предоставить *большинству* партийного съезда.

Только несогласие меньшинства на партийном съезде быть *меньшинством в центрах* привело сначала к «дряблему хныканью» потерпевших поражение интеллигентов, а потом к *анархической фразе* и к анархическим действиям.

* Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра». «Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!» — жаловался он мне. — «Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..» «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — отвечал я ему. — «Открытан, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...»

Товарищ из «центра» смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на разных языках.

В заключение, взглянем еще раз на диаграмму с точки зрения вопроса о составе центров. Совершенно естественно, что, *кроме* вопроса об оттенках, перед делегатами стоял также при выборах вопрос о *пригодности*, работоспособности и т. п. того или другого *лица*. Теперь меньшинство очень охотно прибегает к смешению этих вопросов. А что это вопросы разные, — понятно само собой и видно хотя бы из того простого факта, что выбор *первоначальной* тройки в ЦО был намечен еще *до съезда*, когда союза Мартова и Аксельрода с Мартыновым и Акимовым не мог предвидеть ни единый человек. На разные вопросы и ответ должен быть получаем разными способами: на вопрос об оттенках надо искать ответа в *протоколах съезда*, в *открытом* обсуждении и голосовании всех и всяческих пунктов. Вопрос о пригодности *лиц* решено было всеми на съезде решать *тайными голосованиями*. Почему *весь съезд единогласно* принял такое решение? — это такой азбучный вопрос, на котором странно было бы останавливаться. Но меньшинство стало забывать (после своего поражения на выборах) даже азбуку. Мы слышали потоки горячих, страстных, возбужденных почти до невменяемости речей в защиту старой редакции, но мы не слышали *ровно ничего* о тех оттенках *на съезде*, которые связаны были с борьбой *за шестерку* и *за тройку*. Мы слышим изо всех углов толки и рассказы о недееспособности, непригодности, злонамеренности и пр. лиц, выбранных в ЦК, но мы не слышим *ровно ничего* о тех оттенках *на съезде*, которые боролись за преобладание в ЦК. Мне кажется, что *вне съезда* неприличны и недостойны рассказы и толки о качествах и действиях лиц (ибо эти действия составляют, в 99 случаях из 100, организационную тайну, раскрываемую лишь перед высшей инстанцией партии). Вести *вне съезда* борьбу посредством *таких рассказов* значило бы, по моему убеждению, действовать *сплетнически*. И единственный ответ, который я мог бы дать публике по поводу этих толков, состоял бы в указании на съездовскую борьбу: вы говорите, что ЦК выбран небольшим большинством. Это верно. Но это небольшое большинство составилось из всех тех, кто самым последовательным образом, не на словах, а на деле, боролся за проведение искровских планов. *Моральный* авторитет этого большинства должен быть, поэтому, еще несравненно выше его *формального*

авторитета, — выше для всех, кто ценит преимущество *направления* «Искры» выше преимущества того или иного *кружка* «Искры». Кто *компетентнее мог бы судить* о пригодности тех или иных лиц для проведения политики «Искры»? те ли, кто проводил эту политику на съезде, или те, кто в целом ряде случаев боролся с этой политикой и отстаивал всякую отсталость, всякий хлам, всякую кружковщину?

о) ПОСЛЕ СЪЕЗДА. ДВА ПРИЕМА БОРЬБЫ

Анализ прений и голосований на съезде, с которым мы покончили, объясняет собственно *in pace* (в зародыше) *все, что было после съезда*, и мы можем быть краткими, отмечая дальнейшие этапы нашего партийного кризиса.

Отказ Мартова и Попова от выборов внес сразу атмосферу *дрязги* в партийную борьбу партийных оттенков. Тов. Глебов, считая невероятным, что невыбранные редакторы серьезно решили *повернуть* к Акимову и Мартынову, и объясняя дело прежде всего раздражением, предложил мне и Плеханову на другой же день после съезда покончить миром, «кооптировать» всех четырех под условием обеспечения представительства в Совете от редакции (т. е. чтобы из двух представителей один обязательно принадлежал к *партийному* большинству). Условие это показалось Плеханову и мне рациональным, ибо согласие на него означало *молчаливое признание ошибки на съезде*, желание мира, а не войны, желание быть ближе к нам с Плехановым, чем к Акимову с Мартыновым, к Егорову с Маховым. Уступка по части «кооптации» принимала, таким образом, *личный* характер, а отказываться от личной уступки, которая должна устранить раздражение и восстановить мир, не стоило. Поэтому мы дали с Плехановым свое согласие. Редакционное большинство отвергло условие. *Глебов уехал*. Мы стали выжидать последствий: удержится ли Мартов на лояльной почве, на которую он встал (*против* представителя центра, тов. Попова) на съезде, или неустойчивые и склонные к расколу элементы, за которыми он пошел, возьмут верх.

Мы стояли перед дилеммой: пожелает ли тов. Мартов считать свою съездовскую «коалицию» единичным политическим фактом (вроде того, как была единичным случаем

коалиция Бебеля с Фольмаром в 1895 г. — *si licet parva contrahere magnis**), или он пожелает закрепить эту коалицию, направит все усилия, чтобы доказать нашу с Плехановым ошибку на съезде, станет настоящим вожаком оппортунистического крыла нашей партии. Иными словами эта дилемма формулировалась так: дрязга или политическая партийная борьба? Из нас троих, которые были на другой день после съезда единственными наличными членами центральных учреждений, Глебов наиболее склонялся к первому решению дилеммы и наиболее старался помирить поссорившихся детей. Ко второму решению наиболее склонялся тов. Плеханов, к которому, что называется, приступу не было. Я изображал из себя на этот раз «центр» или «болото» и попробовал обратиться с убеждениями. В настоящее время пытаться восстанавливать словесные убеждения было бы предприятием безнадежно-путаным, и я не последую дурному примеру тов. Мартова и тов. Плеханова. Но некоторые места из одного письменного убеждения, адресованного мною к одному из искряков «меньшинства», считаю необходимым воспроизвести:

...«Отказ от редакции Мартова, отказ от сотрудничества его и др. литераторов партии, отказ работать на ЦК целого ряда лиц, пропаганда идеи бойкота или пассивного сопротивления, все это неминуемо приведет, даже против воли Мартова и его друзей, приведет к расколу партии. Если даже Мартов будет удерживаться на лояльной почве (на которую он так решительно встал на съезде), то другие не удержатся, — и указанный мною исход будет неизбежен...

...И вот я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся?.. Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, «бешено», я охотно готов признать пред кем угодно эту свою вину, если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc. Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредством бешеной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства.

Конечно, обидным не могло не быть уже то, что пришлось остаться в меньшинстве, но я категорически протестую против мысли о том, чтобы мы «пятали» кого-либо, чтобы мы *хотели* оскорбить или унижить кого-либо. Ничего подобного. И не след допускать, чтобы политическое расхождение вело к истолкованию событий посредством обвинения другой стороны в недобросовестности,

* — если позволительно сравнивать малое с большим. *Ред.*

прохвостничестве, интриганстве и прочих милых вещах, о которых все чаще и чаще слышишь в атмосфере надвигающегося раскола. Не след допускать этого, ибо это, по меньшей мере, до *non plus ultra** неразумно.

Мы политически (и организационно) разошлись с Мартовым, как расходились с ним десятки раз. Будучи побежден на вопросе о § 1 устава, я не мог не стремиться со всей энергией к реваншу на том, что у меня (и у съезда) оставалось. Я не мог не стремиться, с одной стороны, к строго искровскому ЦК, — с другой, к редакционной тройке... Я считаю эту тройку *единственно* способной быть должностным учреждением, а не коллегией, основанной на семейственности и халатности, единственным настоящим центром, в котором каждый и всегда вносил бы и отстаивал свою партийную точку зрения, ни на волос больше и *irrespective*** от всего личного, от всяких соображений об обиде, об уходе и пр.

Эта тройка, после событий на съезде, несомненно узаконяла политическую и организационную линию, в одном отношении направленную против Мартова. Несомненно. Из-за этого рвать? Из-за этого ломать партию? А разве по вопросу о демонстрациях не были Мартов и Плеханов против меня? А разве по вопросу о программе не был я и Мартов против Плеханова? Разве всякая тройка не обращается всегда одной своей стороной против каждого участника? Если большинство искровцев и в организации «Искры», и на съезде нашло ошибочным вот этот специальный оттенок мартовской линии в организационном и политическом отношении, неужели не безумны, в самом деле, попытки объяснять это каким-то «подстраиваньем», да «натравливаньем» и т. п.? Неужели не безумно было бы отговариваться от этого факта, *обругавши* это большинство «шпаной»?

Повторяю: я, как и большинство искровцев съезда, глубоко убежден, что Мартов взял неверную линию и что его надо было поправить. Строить обиду из-за этой поправки, выводить отсюда оскорбление etc. — неразумно. Ниного и ни в чем мы не «пятнали», не «пятнаем» и не устраним *от работы*. А из-за устранения *от центра* поднимать раскол было бы непостижимым для меня безумием***.

Эти письменные мои заявления я считал необходимым восстановить теперь, ибо они *точно* показывают стремление большинства *сразу* провести определенную грань между возможными (и неизбежными при горячей борьбе) личными обидами и личным раздражением в силу рез-

* — до последней степени. *Ред.*

** — независимо. *Ред.*

*** Это письмо (письмо А. Н. Потресову от 31 августа (13 сентября) 1903 г. *Ред.*) писано еще в сентябре (н. ст.). Опущено из него то, что мне кажется не относящимся к делу. Если адресат письма считает именно опущенное важным, то ему легко будет пополнить пробел. Кстати. Пользуюсь этим случаем, чтобы раз навсегда предоставить всем моим оппонентам публикацию всех моих частных писем, буде они считают это полезным для дела.

кости и «бешенства» нападок и т. п., с одной стороны, — и известной политической ошибкой, политической линией (коалиция с правым крылом), с другой стороны.

Эти заявления доказывают, что *пассивное сопротивление* меньшинства началось сейчас же после съезда и сразу вызвало с нашей стороны предостережение, что это есть шаг к расколу партии; — что это прямо противоречит *лояльным заявлениям на съезде*; — что это будет расколом исключительно *из-за отстранения от центральных учреждений* (сиречь из-за невыбора), ибо *от работы* никого из членов партии никто никогда не думал отстранять; — что политическое расхождение между нами (неизбежное, поскольку не выяснен и не решен еще вопрос, Мартов или мы ошиблись в своей линии на съезде) начинает *все более извращаться в дрязгу* с руготней, заподозриваниями и пр. и пр.

Предостережения не помогли. Поведение меньшинства показывало, что наименее устойчивые и *наименее ценящие партию* элементы среди него берут верх. Это заставило нас с Плехановым взять назад свое согласие на предложение Глебова: в самом деле, если меньшинство *делами* своими доказывало политическую неустойчивость свою не только в области принципов, но и в области *элементарной партийной лояльности*, то какое значение могли иметь слова о пресловутой «преемственности»? Никто не осмеивал так остроумно, как Плеханов, всей нелепости требования «кооптировать» в партийную редакцию большинство таких людей, которые прямо заявляют о своих новых и растущих несогласиях! Да где же это видано на свете, чтобы *до выяснения* в печати, перед партией, *новых* разногласий партийное большинство в центральных учреждениях само превращало себя в меньшинство? Пусть сначала изложены будут разногласия, пусть партия обсудит их глубину и значение, пусть партия сама исправит свою ошибку, сделанную ею на втором съезде, если доказана будет та или иная ошибка! Одно уже выставление подобного требования *во имя* неведомых еще разногласий показывало полную неустойчивость требующих, полное подавление политических расхождений дрязгой, полное неуважение и ко всей партии и к своим собственным убеждениям. Не бывало еще на свете и не будет никогда таких *принципиально убежденных* людей, которые бы

отказывались *убеждать* раньше, чем они получают (*приватным образом*) большинство в том учреждении, которое они собираются переубедить.

Наконец, 4 октября тов. Плеханов объявляет, что сделает *последнюю* попытку покончить с этой нелепостью. Собирается собрание всех шести членов старой редакции в присутствии нового члена ЦК*. Битых три часа доказывает т. Плеханов неразумность требования «кооптировать» четырех из «меньшинства» на двух из «большинства». Он предлагает *кооптировать двоих*, чтобы, с одной стороны, устранить всякие опасения, что мы хотим кого-то «заезжать», задавить, осадить, казнить и похоронить, а с другой стороны, чтобы охранять права и позицию партийного «большинства». *Кооптация двух тоже отвергается*.

6-го октября мы пишем с Плехановым официальное письмо всем старым редакторам «Искры» и сотруднику, тов. Троцкому, следующего содержания:

«Уважаемые товарищи! Редакция ЦО считает долгом официально выразить свое сожаление по поводу Вашего отстранения от участия в «Искре» и «Заре». Несмотря на многократные приглашения сотрудничать, которые мы делали и тотчас после второго съезда партии и повторяли неоднократно после того, мы не получили от Вас ни одного литературного произведения. Редакция ЦО заявляет, что она считает Ваше отстранение от сотрудничества ничем с ее стороны не вызванным. Какое-либо личное раздражение не должно, конечно, служить препятствием к работе в Центральном Органе партии. Если же Ваше отстранение вызвано тем или иным расхождением во взглядах между Вами и нами, то мы считали бы чрезвычайно полезным в интересах партии обстоятельное изложение таких разногласий. Более того. Мы считали бы чрезвычайно желательным, чтобы характер и глубина этих разногласий были как можно скорее выяснены перед всей партией на страницах редактируемых нами изданий»**.

Как видит читатель, нам все еще оставалось совершенно неясным, преобладает ли личное раздражение в действиях «меньшинства» или желание дать органу (и партии) *новый курс*, какой именно, в чем именно. Я думаю, что и сейчас,

* Этот член ЦК⁷⁷, кроме того, специально устраивал ряд частных и коллективных бесед с меньшинством, опровергая нелепые россказни и вызывая к партийному долгу.

** В письме к тов. Мартову было добавлено еще одно место с вопросом об одной брошюре и следующая фраза: «Наконец, в интересах дела мы еще раз ставим Вам на вид, что мы и в настоящее время готовы кооптировать Вас в члены редакции ЦО для того, чтобы дать Вам полную возможность официально заявлять и отстаивать все свои взгляды в высшем партийном учреждении».

если посадить 70 толковников за работу выяснения этого вопроса на основании какой угодно литературы и каких угодно свидетельских показаний, то и они никогда бы не разобрались в этой путанице. Дрязгу вряд ли когда можно распутать: ее надо либо разрубить, либо отстраниться от нее*.

На письмо от 6 октября Аксельрод, Засулич, Старовер, Троцкий и Кольцов ответили нам парой строк о том, что нижеподписавшиеся никакого участия в «Искре» со времени ее перехода в руки новой редакции не принимают. Тов. Мартов был более разговорчив и почтил нас таким ответом:

«В редакцию ЦО РСДРП. Уважаемые товарищи! В ответ на Ваше письмо от 6 октября я заявляю следующее: Я считаю все наши объяснения по вопросу о совместной работе в одном органе законченными после совещания, имевшего место в присутствии члена ЦК 4 октября, на котором Вы отказались ответить на вопрос о причинах, побудивших Вас взять назад предложение, сделанное нам о вступлении Аксельрода, Засулич, Старовера и меня в редакцию под условием, что мы дадим обязательство избрать своим «представителем» в Совет тов. Ленина. После того, как на упомянутом совещании Вы неоднократно уклонялись от формулировки Ваших же собственных, при свидетелях сделанных, заявлений, я не считаю нужным в письме к Вам объяснять мотивы моего отказа работать в «Искре» при нынешних обстоятельствах. Если понадобится, я выскажусь об этом подробно перед лицом всей партии, которая уже из протоколов второго съезда узнает, почему я отказался от ныне повторяемого Вами предложения занять место в редакции и в Совете...**

Л. Мартов»

Это письмо, вместе с предыдущими документами, дает неопровержимое разъяснение по тому вопросу о бойкоте, дезорганизации, анархии и подготовке раскола, который так усердно обходит (посредством восклицательных знаков и многоточий) т. Мартов в своем «Осадном положении», — вопросу о лояльных и нелояльных средствах борьбы.

Тов. Мартову и другим *предлагают* изложить разногласия, *просят* сказать прямо, в чем же дело и каковы их намерения, *угovarивают* перестать капризничать и разобрать спокойно ошибку по § 1 (неразрывно связанную с ошибкой в повороте вправо), — а т. Мартов с Ю⁰

* Тов. Плеханов, вероятно, добавил бы здесь: либо удовлетворить все и всели претензии инициаторов дрязги. Мы увидим, почему это было невозможно.

** Опускаю ответ насчет брошюры Мартова, передававшейся в то время.

отказывается разговаривать и кричит: меня осаждают, меня ваезжают! Насмешка над «страшным словом» не охладила пыл этих комичных воплей.

Да как же можно *осаждать* того, кто *отказывается совместно работать?* — спрашивали мы т. Мартова. Как можно обидеть, «ваезжать» и притеснить меньшинство, когда оно *отказывается быть в меньшинстве?* Ведь всякое пребывание в меньшинстве означает обязательно и непременно известные невыгоды для того, кто в меньшинстве остался. Невыгоды эти состоят либо в том, что придется войти в коллегия, которая будет майоризировать по известным вопросам, либо придется встать вне коллегия, нападая на нее и подвергаясь, следовательно, огню хорошо укрепленных батарей.

Криками об «осадном положении» тов. Мартов хотел сказать, что с ними, оставшимися в меньшинстве, борются или ими управляют несправедливо и нелояльно? *Только* такой тезис имел бы (в глазах Мартова) хоть тень разумности, ибо, повторяю, известные невыгоды пребывания в меньшинстве влечет за собой обязательно и непременно. Но в том-то и комизм, что с т. Мартовым нельзя было *никак бороться*, пока он отказывался разговаривать! меньшинством нельзя было *никак управлять*, пока оно отказывалось быть в меньшинстве!

Ни единого факта превышения власти или злоупотребления властью не доказал т. Мартов по отношению к редакции ЦО, когда мы с Плехановым были в редакции. *Ни единого факта* не доказали и практики меньшинства со стороны Центрального Комитета. Как ни вертится теперь тов. Мартов в своем «Осадном положении», — остается совершенно неопровержимым, что *ровно ничего, кроме «дряблого зныканья», в воплях об осадном положении не было.*

Полнейшее отсутствие *разумных* доводов против редакции, назначенной съездом, у т. Мартова и К^о всего лучше иллюстрируется их же словечком: «мы не крепостные!» («Осадное положение», стр. 34). Психология буржуазного интеллигента, который причисляет себя к «избранным душам», стоящим выше массовой организации и массовой дисциплины, выступает здесь замечательно отчетливо. *Объяснить* отказ от работы в партии тем, что «мы не крепостные», значит *с головой выдать себя*, признать полное отсутствие доводов, полную неспособность мотивировки,

полное отсутствие разумных причин недовольства. Мы с Плехановым заявляем, что считаем отказ ничем с нашей стороны не вызванным, просим изложить разногласия, а нам отвечают: «мы не крепостные» (с добавлением: мы еще насчет кооптации не сторговались).

Интеллигентскому индивидуализму, который выказал себя уже в спорах о § 1, обнаружив свою склонность к оппортунистическому рассуждению и к анархической фразе, *всякая* пролетарская организация и дисциплина кажутся *крепостным правом*. Читающая публика скоро узнает, что и новый *партийный съезд* кажется этим «членам партии» и «должностным лицам» партии — крепостным учреждением, страшным и невыносимым для «избранных душ»... Это «учреждение» и в самом деле страшно для тех, кто охоч попользоваться титулом партийности, но чувствует *несоответствие* этого титула с интересами партии и волей партии.

Резолюции комитетов, перечисленные мной в письме в редакцию новой «Искры» и напечатанные т. Мартовым в «Осадном положении», доказывают фактически, что поведение меньшинства было сплошным *неподчинением* постановлениям съезда, *дезорганизацией* положительной практической работы. Составившееся из оппортунистов и ненавистников «Искры» меньшинство *рвало* партию, портило, дезорганизовало работу, желая отомстить за поражение на съезде и чувствуя, что *честными и лояльными* средствами (разъяснением дела в печати или на съезде) оно *никогда* не сумеет опровергнуть выдвинутого против них на втором съезде обвинения в оппортунизме и в интеллигентской неустойчивости. Сознывая свое бессилие *убедить* партию, они воздействовали тем, что *дезорганизовывали* партию и *мешали* всякой работе. Их упрекали в том, что они (напутав на съезде) сделали щель в нашей посудине; они отвечали на упрек тем, что *всеми силами* старались *совершенно разбить* треснувшую посудину.

Понятия запутывались до того, что бойкот и отстранение от работы объявлялись «честным* средством» борьбы. Т. Мартов всячески вертится теперь около этого щекотливого пункта. Т. Мартов так «принципиален», что защищает бойкот,... когда он ведется меньшинством, и осуждает

* Горноватовская революция (стр. 38 «Осадное положение»).

бойкот, когда он грозит самому Мартову, попавшему в большинство!

Я думаю, можно оставить без разбора вопрос о том, дрязга ли это или «принципиальное разногласие» относительно честных средств борьбы в соц.-дем. рабочей партии.

После неудачных попыток (4 и 6 октября) добиться объяснения от начавших историю из-за «кооптации» товарищей, центральным учреждениям оставалось только посмотреть, какова будет на деле обещанная ими на словах лояльность борьбы. 10 октября ЦК обращается с циркуляром к Лиге (см. прот. Лиги, стр. 3—5), заявляя о вырабатываемом им уставе и приглашая членов Лиги к содействию. Съезд Лиги в то время был отклонен администрацией ее (двумя голосами против одного, см. стр. 20 там же). Ответы сторонников меньшинства на этот циркуляр сразу показали, что пресловутая лояльность и признание решений съезда были лишь фразой, что на деле меньшинство решило безусловно *не подчиниться* центральным учреждениям партии, отвечая на их призывы к объединенной работе *отписками*, полными софизмов и *анархических* фраз. На пресловутое открытое письмо члена администрации, Дейча (с. 10), мы ответили вместе с Плехановым и другими сторонниками большинства решительным выражением «протеста против тех грубых нарушений партийной дисциплины, при помощи которых должностное лицо Лиги позволяет себе тормозить организационную деятельность партийного учреждения и призывает к такому же нарушению дисциплины и устава других товарищей. Фразы вроде того, что «в такой работе по приглашению ЦК я считаю себя не вправе принять участие», или «товарищи! мы ни в коем случае не должны предоставить ему (ЦК) выработку нового устава для Лиги» и т. п., принадлежат к такого сорта агитационным приемам, что могут вызвать только негодование у всякого человека, мало-мальски разбирающегося в том, что значит понятия: партия, организация, партийная дисциплина. Приемы такого сорта тем более возмутительны, что они употребляются по отношению к только что созданному партийному учреждению, являются, таким образом, несомненной попыткой подорвать к нему доверие в среде

партийных товарищей и притом пускаются в ход под фирмой члена администрации Лиги и за спиной ЦК» (стр. 17).

Съезд Лиги, при таких условиях, обещал быть только скандалом.

Тов. Мартов с самого начала продолжил свою съездовскую тактику «залезания в душу» на этот раз тов. Плеханову, посредством извращения частных разговоров. Тов. Плеханов протестует, и т. Мартову приходится брать назад (с. 39 и 134 прот. Лиги) легкомысленные или раздраженные попреки.

Доходит очередь до доклада. Делегатом от Лиги на партийном съезде был я. Простая справка с конспектом моего доклада (с. 43 и след.) * покажет читателю, что я дал черновой набросок того самого анализа голосований на съезде, который в разработанном виде составляет содержание и настоящей брошюры. Весь центр тяжести доклада лежал именно в доказательстве того, что Мартов и К^о, в силу сделанных ими ошибок, оказались в оппортунистическом крыле нашей партии. Несмотря на то, что доклад делался перед большинством самых озлобленных противников, они не могли открыть в нем ровно ничего, отступающего от лояльных приемов партийной борьбы и полемики.

Доклад Мартова, помимо мелких и частных «поправок» к моему изложению (неверность этих поправок мы показали выше), представлял из себя, наоборот, ... некоторый продукт больных нервов.

Неудивительно, что большинство отказалось вести борьбу в такой атмосфере. Т. Плеханов заявил протест против «сцены» (с. 68) — это была, действительно, настоящая «сцена»! — и удалился со съезда, не желая излагать приготовленных им уже возражений по существу доклада. Ушли со съезда и почти все остальные сторонники большинства, подав письменный протест против «недостойного поведения» т. Мартова (с. 75 прот. Лиги).

Приемы борьбы меньшинства выступили перед всеми с полной наглядностью. Меньшинство мы обвиняли в политической ошибке на съезде, в повороте к оппортунизму, в коалиции с бундовцами, Акимовыми, Брукэрами, Егоровыми и Маховыми. Меньшинство потерпело поражение

* См. настоящий том, стр. 57—67. *Ред.*

на съезде и «выработало» теперь два приема борьбы, обнимающие все бесконечное разнообразие отдельных вылазок, атак, нападений и т. д.

Первый прием — дезорганизация всей партийной работы, порча дела, стремление тормозить все и вся «без объяснения причин».

Второй прием — устройство «сцен» и пр. и пр.*

Этот «второй прием борьбы» сказывается и на пресловутых «принципиальных» резолюциях Лиги, в обсуждении которых «большинство», разумеется, не участвовало. Присмотримся к этим резолюциям, которые тов. Мартов перепечатал теперь в своем «Осадном положении».

Первая резолюция, подписанная товарищами Троцким, Фоминым, Дейчем и друг., содержит два тезиса, направленных против «большинства» партийного съезда: 1) «Лига выражает свое глубокое сожаление по поводу того, что, благодаря проявившимся на съезде тенденциям, по существу идущим вразрез с прежней политикой «Искры», при выработке партийного устава не было обращено должного внимания на создание достаточных гарантий для ограждения независимости и авторитета ЦК» (стр. 83 прот. Лиги).

Этот «принципиальный» тезис сводится, как мы уже видели, к *акимовской* фразе, *оппортунистический* характер которой разоблачал на съезде партии *даже* тов. Попов! По существу дела, уверения в том, что «большинство» не думает ограждать независимость и авторитет ЦК, всегда оставались не более как *сплетней*. Достаточно указать, что, когда мы с Плехановым были в редакции, у нас *не было в Совете* перевеса ЦО над ЦК, а когда мартовцы вошли в редакцию, в Совете *получилось* преобладание ЦО над ЦК! Когда мы были в редакции, в Совете *преобладали русские практики* над заграничными литераторами; у мартовцев оказалось обратное. Когда мы были в редакции, Совет *ни разу* не покушался вмешаться ни в один *практический* вопрос; со времени едино-

* Я уже указывал, что самые низменные формы проявления этих обычных в эмигрантской и ссыльной атмосфере дряг неразумно было бы сводить к низменным мотивам. Это — своего рода болезнь, эпидемически распространяющаяся при известных ненормальных условиях жизни, при известной расшатанности нервов и т. д. Мне пришлось здесь восстановить истинный характер этой системы борьбы, ибо тов. Мартов целиком повторил ее в своем «Осадном положении».

гласной кооптации *началось такое вмешательство*, как узнает досконально читающая публика в непродолжительном времени.

Следующий тезис разбираемой резолюции: ...«съезд при учреждении официальных центров партии игнорировал преемственную связь с фактически сложившимися центрами»...

Этот тезис сводится целиком к вопросу о *личном* составе центров. «Меньшинство» предпочитало обходить то, что старые центры на съезде доказали свою непригодность и наделали ряд ошибок. Но всего комичнее ссылка на «преемственность» по отношению к Организационному Комитету. На съезде, как мы видели, ни один человек не заикнулся об утверждении всего состава ОК. На съезде Мартов кричал даже в испуге, что его позорит список с тремя членами ОК. На съезде «меньшинство» предлагало свой *последний* список с *одним* членом ОК (Попов, Глебов или Фомин и Троцкий), а «большинство» провело список с *двумя* членами ОК из трех (Травинский, Васильев и Глебов). Спрашивается, неужели эта ссылка на «преемственность» может быть названа «принципиальным разногласием»?

Перейдем к другой резолюции, подписанной четырьмя членами старой редакции с товарищем Аксельродом во главе. Здесь мы встречаем все главные обвинения против «большинства», не раз повторенные потом в печати. Рассмотрим их всего удобнее именно в формулировке членов редакторского кружка. Обвинения направлены против «системы самодержавно-бюрократического управления партией», против «централизма бюрократического», который, в отличие от «централизма истинно социал-демократического», определяется следующим образом: он «ставит на первый план не внутреннее объединение, а внешнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто механическими средствами, путем систематического подавления индивидуальной инициативы и общественной самостоятельности»; он, поэтому, «по самой своей сущности неспособен органически объединить составные элементы общества».

О каком это «обществе» говорит здесь т. Аксельрод с К^о, один Аллах ведает. Тов. Аксельрод, видимо, и сам хорошенько не знал, пишет ли он земский адрес

о желательных реформах в управлении, или излишает жалобы «меньшинства». Что *может означать* «самодержавие» в партии, о котором кричат недовольные «редакторы»? Самодержавие есть верховная, бесконтрольная, безответственная, невыборная власть одного лица. Из литературы «меньшинства» очень хорошо известно, что таковым самодержцем считают *меня*, а никого другого. Когда писалась и принималась разбираемая резолюция, я был в ЦО вместе с Плехановым. Следовательно, тов. Аксельрод с К^о выражает свое убеждение в том, что и Плеханов и все члены ЦК «управляли партией» не согласно их взглядам на пользу дела, а согласно *воле* самодержца Ленина. Обвинение в самодержавном управлении необходимо и неизбежно ведет к признанию всех остальных участников управления, кроме самодержца, простыми орудиями в чужих руках, пешками, исполнителями чужой воли. И мы спрашиваем еще и еще раз: неужели это в самом деле «принципиальное разногласие» почтеннейшего тов. Аксельрода?

Далее. О каком внешнем, формальном единстве говорят здесь наши «члены партии», только что вернувшиеся с партийного съезда, решения которого они торжественно признали законными? Уж не знают ли они другого способа достигать единства в партии, организованной на скольконибудь прочных началах, кроме партийного съезда? Если да, то почему же они не имеют мужества прямо сказать, что второй съезд они уже не признают законным съездом? Почему они не попробуют изложить нам их новые мысли и новые способы достижения единства в якобы организованной якобы партии?

Далее. О каком «подавлении индивидуальной инициативы» говорят наши интеллигенты-индивидуалисты, которых ЦО партии только что перед этим *упрашивал* изложить свои разногласия и которые *вместо этого* торговались о «кооптации»? Как могли, вообще, мы с Плехановым или ЦК подавить инициативу и самостоятельность людей, которые отказывались от *всякой* «деятельности» вместе с нами! Как можно «подавить» кого-либо в таком учреждении или в такой коллегии, где подавляемый *отказался участвовать*? Как могут невыбранные редакторы жаловаться на «систему управления», когда они отказались *быть управляемыми*? Мы не могли совершить *никаких* ошибок при руководстве

нашими товарищами по той простой причине, что эти товарищи вовсе и не работали под нашим руководством.

Кажется, ясно, что крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров, есть фиговый листок, скрашивающий нарушение слова, торжественно данного на съезде. Ты бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на мое согласие; ты действуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на «механическое» большинство партийного съезда и не считаешься с моим желанием быть кооптированным; ты — самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой, теплой компании, которая тем энергичнее отстаивает свою кружковщинскую «преемственность», чем неприятнее ей прямое неодобрение съездом этой кружковщины.

Никакого *реального* содержания, кроме указанного, не было и нет в этих криках о бюрократизме*. И именно такой способ борьбы доказывает только лишний раз интеллигентскую неустойчивость меньшинства. Оно хотело убедить партию в неудачном выборе центров. Убедить чем? Критикой той «Искры», которую вели мы с Плехановым? Нет, этого они не в силах были дать. Они хотели убедить посредством отказа части партии работать под руководством ненавистных центров. Но ни одно центральное учреждение ни одной партии в мире не в состоянии будет доказать свою способность руководить теми, кто не хочет подчиняться руководству. Отказ от подчинения руководству центров равняется отказу быть в партии, равняется разрушению партии, это не мера убеждения, а мера *сокрушения*. И именно эта замена убеждения сокрушением показывает отсутствие принципиальной выдержанности, отсутствие веры в свои идеи.

Толкуют о бюрократизме. Бюрократизм можно перевести на русский язык словом: местничество. Бюрократизм означает подчинение интересов *дела* интересам *карьеры*, обращение сугубого внимания на *местечки* и игнорирование работы, свалку за *кооптацию* вместо борьбы за *идеи*. Такой бюрократизм, действительно, безусловно

* Достаточно указать, что тов. Плеханов перестал, в глазах меньшинства, быть сторонником «бюрократического централизма» после того, как он проявил благодетельную кооптацию.

нежелателен и вреден для партии, и я спокойно предоставлю читателю судить, которая из двух борющихся теперь в нашей партии сторон повинна в таком бюрократизме... Говорят о грубо-механических приемах объединения. Разумеется, грубо-механические приемы вредны, но я опять-таки предоставляю судить читателю, можно ли представить себе более грубый и более механический способ борьбы нового направления со старым, как введение лиц в партийные учреждения, раньше чем партию убедили в правильности новых воззрений, раньше чем партии изложили эти воззрения?

Но, может быть, излюбленные меньшинством словечки имеют и некоторое принципиальное значение, выражают некоторый особый круг идей, независимо от того мелкого и частного повода, который послужил, несомненно, исходным пунктом «поворота» в данном случае? Может быть, если отвлечься от свалки из-за «кооптации», эти словечки окажутся все же отражением иной системы воззрений?

Рассмотрим вопрос с этой стороны. Нам придется при этом прежде всего отметить, что первый сделал приступ к такому рассмотрению тов. Плеханов в Лиге, указавший на поворот меньшинства к *анархизму* и *оппортунизму*, и что именно тов. Мартов (очень обижающийся ныне, что не все хотят признать его позицию принципиальной* позицией) предпочел *совершенно обойти* этот инцидент в своем «Осадном положении».

На съезде Лиги был поднят общий вопрос о том, действителен ли устав, вырабатываемый для себя Лигой или комитетом, без утверждения этого устава ЦК? вопреки утверждению ЦК? Казалось бы, вопрос яснее ясного: устав есть формальное выражение организованности, а право организовать комитеты категорически предоставлено § ше-

* Нет ничего комичнее, как эта обида новой «Искры» по поводу того, что Ленин-де не хочет видеть принципиальных разногласий или отрицает их. Чем принципиальнее относились бы вы к делу, тем скорее рассмотрели бы вы мои повторные указания на поворот к оппортунизму. Чем принципиальнее была бы ваша позиция, тем менее могли бы вы принижать идейную борьбу до местных счетов. Певяйте на себя, если вы сами сделали все, чтобы помешать рассматривать вас, как принципиальных людей. Вот, напр., тов. Мартов, говоря в «Осадном положении» о съезде Лиги, замалчивает спор с Плехановым об анархизме, но зато рассказывает о том, что Ленин — это сверхцентр, что Ленину достаточно мигнуть, чтобы центр распорядился, что ЦК въехал в Лигу на белом коне и т. п. Я далек от сомнения в том, что именно этим выбором темы тов. Мартов докавал свою глубокую идейность и принципиальность.

стым нашего устава партии именно ЦК; устав определяет границы автономии комитета, а решающий голос в определении этих границ имеет центральное, а не местное учреждение партии. *Это — азбука*, и чистым ребячеством было глубокомысленное рассуждение, что «организовать» не всегда предполагает «утвердить устав» (как будто бы сама Лига не выразила самостоятельно своего желания быть организованной именно на основании формального устава). Но тов. Мартов позабыл даже (на время, надо надеяться) азбуку социал-демократии. По его мнению, требование утверждения устава выражает лишь то, что «прежний революционный искровский централизм замещается бюрократическим» (стр. 95 прот. Лиги), причем т. Мартов в той же речи заявляет, что именно здесь он видит «принципиальную сторону» дела (стр. 96), каковую принципиальную сторону он предпочел обойти в своем «Осадном положении»!

Тов. Плеханов отвечает Мартову тотчас же, прося воздерживаться от таких, «нарушающих достоинство съезда», выражений, как бюрократизм, помпадурство и пр. (стр. 96). Происходит обмен замечаний с тов. Мартовым, усматривающим в этих выражениях «принципиальную характеристику известного направления». Тов. Плеханов, как и все сторонники большинства, рассматривал *тогда* эти выражения в их конкретном значении, ясно понимая их не принципиальный, а исключительно «кооптационный», если можно так выразиться, смысл. Он делает, однако, уступку настояниям Мартовых и Дейчей (стр. 96—97) и переходит к *принципиальному* рассмотрению якобы принципиальных взглядов. «Если бы это было так, — говорит он (т. е., если бы комитеты были автономны в создании своей организации, в выработке своего устава), то они были бы автономны по отношению к целому, к партии. Это уже не бундистская точка зрения, а прямо анархическая. В самом деле, анархисты рассуждают так: права индивидуумов неограничены; они могут придти в столкновение; каждый индивидуум сам определяет пределы своих прав. Пределы автономии должны быть определены не самой группой, а тем целым, частью которого она является. Наглядным примером нарушения этого принципа может служить Бунд. Значит, пределы автономии определяет или съезд, или та высшая инстанция, которую создал съезд. Власть центрального учреждения должна основываться на нравственном

и умственном авторитете. С этим я, конечно, согласен. Всякий представитель организации должен позаботиться, чтобы учреждение имело нравственный авторитет. Но из этого не следует, что если нужен авторитет, то не нужно власти... Противопоставлять авторитету идей авторитет власти, это — анархическая фраза, которой не должно быть здесь места» (98). Эти положения донельзя элементарны, это поистине аксиомы, которые странно даже было ставить на голосование (стр. 102) и которые подвергались сомнению только потому, что «в настоящее время понятия спутались» (там же). Но интеллигентский индивидуализм неизбежно довел меньшинство до желания сорвать съезд, не подчиниться большинству; оправдать же это желание нельзя было иначе как *анархической фразой*. Прекорусно, что Плеханову меньшинство ничего не могло выразить кроме *жалобы* на употребление чрезмерно сильных выражений вроде оппортунизма, анархизма и проч. Плеханов справедливо высмеял эти жалобы, спросивши, почему это «жоресизм и анархизм употреблять неудобно, а *lèse-majesté* (оскорбление величества) и помпадурство — удобно»? Ответа на эти вопросы дано не было. Это оригинальное *qui pro quo** постоянно случается с гг. Мартовым, Аксельродом и К^о: их новые словечки носят на себе явный отпечаток «сердца»; указание на это их обижает — мы-де принципиальные люди; но если вы *по принципу* отвергаете подчинение части целому, то вы — анархисты, говорят им. Новая обида за сильное выражение! Другими словами: они хотят сражаться с Плехановым, но под тем условием, чтобы он не нападал на них всерьез!

Сколько раз тов. Мартов и всякие другие «меньшевики» занимались не менее детским изобличением меня в следующем «противоречии». Берется цитата из «Что делать?» или из «Письма к товарищу», где говорится об идейном воздействии, о борьбе за влияние и т. п., и противопоставляется «бюрократическое» воздействие посредством устава, «самодержавное» стремление опереться на власть и проч. Наивные люди! Они уже забыли, что *прежде* наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло.

* — недоразумение. Ред.

Теперь мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших. Право, даже как-то неловко разжевывать старым своим товарищам такую азбуку, особенно когда чувствуешь, что дело сводится просто к нежеланию меньшинства подчиниться большинству насчет выборов! Но *принципиально* все эти бесконечные изобличения меня в противоречии сводятся *целиком* к анархической фразе. Новая «Искра» не прочь пользоваться титулом и правом партийного учреждения, но подчиниться большинству партии ей не хочется.

Если есть принцип в фразах о бюрократизме, если это не анархическое отрицание обязанности со стороны части подчиняться целому, то перед нами — *принцип оппортунизма*, стремящегося ослабить ответственность отдельных интеллигентов перед партией пролетариата, ослабить влияние центральных учреждений, усилить автономию наименее выдержанных партийных элементов, свести организационные отношения к чисто платоническому признанию их на словах. Мы видели это на съезде партии, где Акимовы и Либеры говорили точь-в-точь такие же речи о «чудовищном» централизме, какие полились на съезде Лиги из уст Мартова и К°. Что оппортунизм не случайно, а по самой своей природе, и не в России только, а во всем свете, приводит к мартовским и аксельродовским организационным «взглядам», это мы увидим ниже, при разборе статьи тов. Аксельрода в новой «Искре».

п) МАЛЕНЬКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ НЕ ДОЛЖНЫ МЕШАТЬ БОЛЬШОМУ УДОВОЛЬСТВИЮ

Отклонение Лигой резолюции о необходимости утверждения ее устава со стороны ЦК (стр. 105 протоколов Лиги) было, как все большинство партийного съезда тотчас и отметило, *«вопиющим нарушением устава партии»*. Такое нарушение, если его рассматривать как акт людей принципиальных, было чистейшим анархизмом, в обстановке же послесъездовской борьбы оно неминуемо производило впечатление «сведения счетов» партийного меньшинства с партийным большинством (стр. 112 прот. Лиги), оно означало нежелание подчиняться партии и быть в партии. Отказ

Лиги принять резолюцию по заявлению ЦК о необходимости изменить устав (стр. 124—125) неизбежно повел за собой признание *незаконным* собрание, которое желало *числиться* собранием партийной организации и в то же время не подчиняться центральному учреждению партии. Сторонники партийного большинства и покинули немедленно это quasi-партийное собрание, чтобы не участвовать в недостойной комедии.

Интеллигентский индивидуализм, с его платоническим признанием организационных отношений, который обнаружился в шатании мысли по вопросу о § 1 устава, дошел, таким образом, на практике до своего логического, еще в сентябре, т. е. за 1½ месяца, предсказанного мною конца — до *разрушения* партийной организации. И в этот момент, вечером того же дня, когда кончился съезд Лиги, тов. Плеханов заявил своим коллегам из обоих центральных учреждений партии, что он не в силах «стрелять по своим», что «лучше пулю в лоб, чем раскол», что надо во избежание большего зла сделать максимальные личные уступки, из-за которых в сущности (несравненно больше, чем из-за принципов, проглянувших в неверной позиции по § 1) ведется эта сокрушительная борьба. Чтобы точнее охарактеризовать этот поворот тов. Плеханова, получивший известное общепартийное значение, я считаю более целесообразным опереться не на частные разговоры и не на частные письма (это прибежище на случай крайности), а на собственное изложение дела самим Плехановым перед всей партией, на его статью «Чего не делать?» в № 52 «Искры», писанную как раз после съезда Лиги, после моего выхода из редакции ЦО (1 ноября 1903 г.) и до кооптации мартовцев (26 ноября 1903 г.).

Основная мысль статьи «Чего не делать?» состоит в том, что не следует быть в политике прямолинейным, неуместно резким и неуместно неуступчивым, что иногда необходимо, во избежание раскола, уступить и ревизионистам (из сблизжающихся с нами или из непоследовательных) и анархическим индивидуалистам. Совершенно естественно, что эти абстрактные общие положения вызвали всеобщее недоумение читателей «Искры». Нельзя без смеха читать великодушные и гордые заявления тов. Плеханова (в последующих статьях), что его не поняли вследствие новизны его мыслей, вследствие незнакомства с диалектикой. На самом

деле, статью «Чего не делать?», когда она была писана, могли понять только какие-нибудь десять человек в двух женевских предместьях, названия которых начинаются с двух одинаковых первых букв. Беда тов. Плеханова состояла в том, что он пустил в обращение перед десятком тысяч читателей сумму намеков, попреков, алгебраических знаков и загадок, которые были адресованы только к этому десятку лиц, участвовавших во всех перипетиях послесъездовской борьбы с меньшинством. Тов. Плеханов впал в эту беду, потому что нарушил основное положение столь неудачно помянутой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Именно поэтому и неуместно было облекать в отвлеченную форму весьма конкретную мысль об уступке мартовцам после съезда Лиги.

Уступчивость, выдвинутая как новое боевое словечко тов. Плехановым, законна и необходима в двух случаях: либо тогда, когда уступающий убедился в правоте тех, кто добивается уступки (честные политические деятели в этом случае прямо и открыто признают свою ошибку), либо тогда, когда уступка неразумному и вредному для дела требованию делается для избежания большего зла. Из разбираемой статьи совершенно ясно, что автор имеет в виду второй случай: он прямо говорит об уступке ревизионистам и анархическим индивидуалистам (т. е. мартовцам, как знают теперь все члены партии из протоколов Лиги), уступке, обязательной во избежание раскола. Как видите, якобы новая мысль тов. Плеханова сводится целиком к не очень новой житейской мудрости: маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию, маленькая оппортунистическая глупость и небольшая анархическая фраза лучше, чем большой партийный раскол. Тов. Плеханов ясно видел, когда писал эту статью, что меньшинство представляет из себя оппортунистическое крыло нашей партии и что борется оно средствами анархическими. Тов. Плеханов выступил с проектом — бороться с этим меньшинством путем личных уступок, вроде того (опять-таки *si licet parva comperere magnis*), как немецкая социал-демократия боролась с Бернштейном. Бебель публично на конгрессах своей партии заявлял, что не знает человека, более поддающегося влиянию среды, чем товарищ Бернштейн (не господин Бернштейн, как любил

выражаться раньше товарищ Плеханов, а товарищ Бернштейн): мы возьмем его в свою среду, мы возьмем его в делегаты рейхстага, мы будем бороться против ревизионизма, не воюя с неуместной резкостью (à la Собакевич-Parvus) против ревизиониста, мы этого ревизиониста «убьем посредством мягкости» (kill with kindness), как охарактеризовал это, помнится, тов. М. Бэр (M. Beer) на одном английском социал-демократическом собрании, защищая немецкую уступчивость, миролюбие, мягкость, гибкость и осмотрительность против нападок английского Собакевича-Гайдмана. Вот точно так же и тов. Плеханов пожелал «посредством мягкости убить» маленький анархизм и маленький оппортунизм гг. Аксельрода и Мартова. Правда, наряду с совершенно ясными намеками на «анархических индивидуалистов» тов. Плеханов умышленно неясно выразился насчет ревизионистов, выразился так, как будто он имел в виду рабочедельцев, поворачивающих от оппортунизма к ортодоксии, а не Аксельрода с Мартовым, начавших поворачивать *от ортодоксии к ревизионизму*, но это была невинная военная хитрость*, это было плохенькое фортификационное сооружение, неспособное устоять пред артиллерийским огнем партийной гласности.

И вот, кто ознакомится с конкретной конъюнктурой описываемого политического момента, кто вникнет в психологию тов. Плеханова, тот поймет, что я не мог тогда поступить иначе, чем я поступил. Говорю это по адресу тех сторонников большинства, которые упрекали меня за отдачу редакции. Когда тов. Плеханов повернул после съезда Лиги и из сторонника большинства сделался сторонником примирения во что бы то ни стало, то я обязан был

* Об уступках по отношению к гг. Мартынову, Акимову и Брункеру не было и речи после съезда партии. Я не слышал, чтобы они тоже требовали «кооптации». Я сомневался даже, советовался ли тов. Старовер или тов. Мартов с тов. Брункер, когда они писали нам свои бумаги и «ноты» от имени «половины партии»... На съезде Лиги тов. Мартов с глубоким возмущением непреклонного политического борца отвергал самую мысль о «соединении с Рязановым или Мартыновым», о возможности «сделки» с ними или хотя бы даже совместной (в качестве редактора) «службы партии» (стр. 53 прот. Лиги). «Мартыновские тенденции» тов. Мартов сурово осуждал на съезде Лиги (стр. 88), а когда тов. Ортодокс⁷⁸ тонко наметнул на то, что, пожалуй, Аксельрод с Мартовым «признают право и за гг. Акимовым, Мартыновым и другими собраться, выработать для себя устав и действовать по нему, как им нравится» (стр. 99), то мартовцы стали отстраняться, как Петр от Христа (стр. 100 «опасения тов. Ортодокса» «относительно Акимовых, Мартыновых и т. д.» «не имеют основания»).

истолковать этот поворот в самом лучшем смысле. Может быть, тов. Плеханов хотел дать в своей статье программу доброго и честного мира? Всякая такая программа сводится к искреннему признанию ошибок обеими сторонами. Какую ошибку указывал тов. Плеханов у большинства? — Неуместную, достойную Собакевича, резкость к ревизионистам. Неизвестно, что имел при этом в виду тов. Плеханов: свою ли остроту насчет ослов или крайне неосторожное, при Аксельроде, упоминание об анархизме и оппортунизме; тов. Плеханов предпочел выразиться «отвлеченно» и притом с киванием на Петра. Это дело вкуса, конечно. Но ведь я признавался в своей личной резкости открыто и в письме к искряку, и на съезде Лиги; как же мог я не привнать такой «ошибки» у большинства? Что же касается до меньшинства, то тов. Плеханов ясно указывал их ошибку: ревизионизм (ср. его замечания об оппортунизме на съезде партии и о жоресизме на съезде Лиги) и анархизм, доведший до раскола. Мог ли я препятствовать попытке путем личных уступок и всяческой вообще «kindness» (любезности, мягкости и т. д.) добиться признания этих ошибок и парализования вреда от них? Мог ли я препятствовать такой попытке, когда тов. Плеханов прямо убеждал в статье «Чего не делать?» *«цадить противников»* из числа ревизионистов, являющихся ревизионистами «только вследствие некоторой непоследовательности»? И если я не верил в эту попытку, то мог ли я поступить иначе, как сделать личную уступку насчет ЦО и перебраться, для защиты позиции большинства, в ЦК? * Отрицать абсолютно возможность таких попыток и брать на одного себя

* Тов. Мартов очень метко выразился на этот счет, сказавши, что я перелбрал авес агнес ет багазес (с оружием и багажом. *Ред.*). Тов. Мартов охотно употребляет военные сравнения: поход на Лигу, сражение, неизлечимые раны и пр. и пр. Признаться, я тоже питаю большую слабость к военным сравнениям, особенно в настоящее время, когда с таким захватывающим интересом следишь за вестями с Тихого океана. Но, ведь, если говорить по-военному, тов. Мартов, то дело вот как было. Мы завосвали два форта на съезде партии. Вы атаковали их на съезде Лиги. После первой же легкой перестрелки мой коллега, комендант одной крепости, открывает ворота неприятелю. Я, разумеется, собираю свою маленькую артиллерию и ухожу в другой, почти неукрепленный форт — «отсиживаться» от подавляющего своей численностью неприятеля. Я даже предлагаю мир: где же воевать с двумя державами? Но новые союзники, в ответ на предложение мира, бомбардируют мой «остатний» форт. Я отстреливаюсь. Тогда мой бывший коллега — комендант — с великодушным негодованием восклицает: смотрите-на, добрые люди, какой у этого Чемберлена недостаток миролюбия!

ответственность за грозящий раскол я не мог уже потому, что сам склонен был, в письме от 6 октября, объяснять свалку «личным раздражением». А защищать позицию большинства я считал и считаю своим политическим долгом. Положиться в этом отношении на тов. Плеханова было трудно и рискованно, ибо по всему видно было, что свою фразу: «руководитель пролетариата не вправе поддаваться своим воинственным наклонностям, когда они противоречат политическому расчету» тов. Плеханов готов был диалектически толковать в том смысле, что если уже надо стрелять, то расчетливее (по состоянию женевской погоды в ноябре) стрелять в большинство... Защищать позицию большинства было необходимо, потому что тов. Плеханов, — в насмешку над диалектикой, которая требует конкретного и всестороннего рассмотрения, — касаясь вопроса о доброй (?) воле революционера, скромно обошел вопрос о *доверии к революционеру*, о вере в такого «руководителя пролетариата», который руководил определенным крылом партии. Говоря об анархическом индивидуализме и советуя «временами» закрывать глаза на нарушение дисциплины, «иногда» уступать интеллигентской распущенности, которая «коренится в чувстве, не имеющем ничего общего с преданностью революционной идее», тов. Плеханов, видимо, забывал, что надо считаться также и с доброй волей большинства партии, что надо предоставить определение *меры* уступок анархическим индивидуалистам *именно практикам*. Насколько легка литературная борьба с детским анархическим вздором, настолько же трудна практическая работа с анархическим индивидуалистом в одной и той же организации. Литератор, который взял бы на себя определение меры возможных анархизму уступок на практике, обнаружил бы этим только свое непомерное, поистине доктринерское, литераторское самомнение. Тов. Плеханов величественно замечал (для ради важности, как выразался Базаров⁷⁹), что в случае нового раскола рабочие перестанут понимать нас, и в то же время сам полагал начало бесконечному ряду таких статей в новой «Искре», которые в своем настоящем, конкретном значении оставались неизбежно непонятными не только для рабочих, но и вообще для всего света. Неудивительно, что член ЦК, читавший статью «Чего не делать?» в корректуре, предупреждал тов. Плеханова, что его план некоторого сокращения неко-

торой публикации (протоколов съезда партии и съезда Лиги) разрушается именно этой статьей, которая разжигает любопытство, выносит что-то пикантное и в то же время совершенно неясное на суд улицы*, вызывает неизбежно недоумевающие вопросы: «что случилось?». Неудивительно, что именно эта статья тов. Плеханова, вследствие абстрактности его рассуждений и неясности его намеков, вызвала ликование в рядах врагов социал-демократии: и канкан на страницах «Революционной России» и восторженные похвалы последовательных ревизионистов «Освобождения». Источник всех этих забавных и грустных недоразумений, из которых так забавно и так грустно выпутывался потом тов. Плеханов, лежал именно в нарушении основного положения диалектики: разбирать конкретные вопросы надо во всей их конкретности. В частности, восторги г. Струве были совершенно естественны: ему не было дела до тех «хороших» целей (*kill with kindness*), которые преследовал (но мог и не достигнуть) тов. Плеханов; г. Струве приветствовал и не мог не приветствовать тот *поворот в сторону оппортунистического крыла нашей партии*, который начался в новой «Искре», как видят теперь все и каждый. Не одни только русские буржуазные демократы приветствуют каждый, хотя бы самый мелкий и временный, поворот к оппортунизму во всех социал-демократических партиях. В оценке умного врага реже всего бывает сплошное недоразумение: скажи мне, кто тебя хвалит, и я тебе скажу, в чем ты ошибся. И напрасно рассчитывает тов. Плеханов на невнимательного читателя, думая представить дело так, что большинство безусловно восставало против личной уступки насчет кооптации, а не против перехода с левого крыла партии на правое. Вовсе не в том суть, что тов. Плеханов, во избежание раскола, сделал личную уступку (это весьма похвально), а в том, что, вполне привнявши необходимость спорить с непоследовательными

* Мы спорили горячо и страстно в некотором закрытом помещении. Вдруг один из нас вскакивает, распахивает окно на улицу и начинает кричать против Собакевичей, анархических индивидуалистов, ревизионистов и пр. Естественно, что на улице собралась толпа любопытных зевак и что враги наши принялись влордаствовать. Другие участники спора тоже подходят к окну, выраженная желанная раскидывать дело толково с самого пачала и без намеков на то, чего не ведают никто. Тогда окно захлопывается: не стоит-де говорить о *дрягах* («Искра» № 53, стр. 8, столб. 2, строка 24 снизу). Не стояло *начинать в «Искре»* разговора о «дрягах», тов. Плеханов ⁸⁰, — вот это будет правда!

ревизионистами и анархическими индивидуалистами, он предпочел спорить с большинством, с которым он разошелся *из-за меры* возможных практических уступок анархизму. Вовсе не в том суть, что товарищ Плеханов изменил личный состав редакции, а в том, что он изменил своей позиции спора с ревизионизмом и анархизмом, перестал отстаивать эту позицию в ЦО партии.

Что касается до ЦК, который *тогда* выступал в качестве единственного организованного представителя большинства, то с ним (ЦК) тов. Плеханов разошелся тогда *исключительно из-за меры возможных практических уступок анархизму*. Прошел почти месяц с 1 ноября, когда я своим уходом развязал руки политике *kill with kindness*. Тов. Плеханов имел полнейшую возможность путем всяческих сношений проверить пригодность этой политики. Товарищ Плеханов выпустил в это время в свет статью «Чего не делать?», которая была — *и остается* — единственным, так сказать, входным билетом мартовцев в редакцию. Лозунги: ревизионизм (с которым следует спорить, щадя противника) и анархический индивидуализм (который надо обхаживать, убивая посредством мягкости) напечатаны на этом билете внушительным курсивом. Пожалуйте, господа, милости просим, я вас убью посредством мягкости, — вот что говорит тов. Плеханов этим пригласительным билетом своим новым коллегам по редакции. Естественно, что ЦК оставалось только сказать свое последнее слово (ультиматум, это и значит: последнее слово о возможном мире) о мере допустимых, с его точки зрения, практических уступок анархическому индивидуализму. Либо вы хотите мира, — и тогда вот вам такое-то количество местечек, доказывающих нашу мягкость, миролюбие, уступчивость etc. (больше не можем дать, гарантируя мир в партии, мир не в смысле отсутствия споров, а в смысле неразрушения партии анархическим индивидуализмом), берите эти местечки и поворачивайте помаленьку опять от Акимова к Плеханову. Либо вы хотите отстоять и развивать свою точку зрения, повернуть окончательно (хотя бы в области организационных только вопросов) к Акимову, убедить партию в правоте вашей против Плеханова, — тогда берите себе литературную группу, получайте представительство на съезде и начинайте честной борьбой, открытой полемикой завоевывать себе большинство. Эта альтернатива, совершенно ясно

поставленная перед мартовцами в ультиматуме Центрального Комитета от 25 ноября 1903 г. (см. «Осадное положение» и «Комментарий к протоколам Лиги»*), находится в полнейшем соответствии с моим и Плеханова письмом от 6 октября 1903 г. к бывшим редакторам: либо личное раздражение (и тогда можно, *на худой конец*, и «кооптировать»), либо принципиальное расхождение (и тогда надо *сначала* убедить партию, а потом уже заговаривать о переделке личного состава центров). Предоставить решение этой деликатной дилеммы самим мартовцам ЦК мог тем более, что *именно в то время* тов. Мартов писал в своем *profession de foi*** («Еще раз в меньшинстве») следующие строки:

«Меньшинство претендует на одну честь — дать первый в истории нашей партии пример того, что можно, оказавшись «побежденными», не образовать новой партии. Такая позиция меньшинства вытекает из всех его взглядов на организационное развитие партии, она вытекает из сознания своей крепкой связи с предыдущей партийной работой. Меньшинство не верит в мистическую силу «бумажных революций» и видит в глубокой жизненной обоснованности своих стремлений залог того, что чисто идейной пропагандой внутри партии оно добьется торжества своих организационных принципов». (Курсив мой.)

Какие это прекрасные, гордые слова! И как горько было

* Я, разумеется, оставляю без разбора тот клубок, который напутал Мартов в «Осадном положении» около этого ультиматума ЦК, ссылаясь на частные разговоры етс. Это — характеризованный мною в предыдущем § «второй прием борьбы», разбирать наковой с надеждой на успех мог бы только специалист по невропатологии. Достаточно сказать, что тов. Мартов настаивает там на соглашения с ЦК о неопубликовании переговоров, какового соглашения, несмотря на все розыски, до сих пор не отыскано. Тов. Травинский, ведший переговоры от имени ЦК, письменно сообщил мне, что считает меня вправе печатать вне «Искры» мое письмо в редакцию.

Одно только словечко тов. Мартова особенно мне понравилось. Это словечко — «бонапартизм худшего сорта». Я нахожу, что тов. Мартов выдвинул эту категорию весьма кстати. Давайте, посмотрим кладнокровно, что означает это понятие. По-моему, оно означает приобретение власти путем формально законным, но по существу дела вопреки воле народа (или партии). Не так ли, тов. Мартов? А если так, то я спокойно предоставляю публике судить, с чьей стороны был этот «бонапартизм худшего сорта», со стороны ли Ленина и Игрька⁸¹, которые могли воспользоваться своим формальным правом не пускать мартовцев, опираясь притом на волю II съезда, по не воспользовались этим правом; — или же со стороны тех, кто формально правильно занял редакцию («единогласная кооптация»), зная, что это по существу не отвечает воле II съезда, и боясь проверки этой воли III съездом?

** — символ веры, программа, положение миросовердания. Ред.

убедиться на опыте, что это — *только слова*... Вы уже меня извините, товарищ Мартов, а теперь я *заявляю претензию от имени большинства* на эту «честь», которой вы не заслужили. Честь эта будет действительно большая, из-за которой стоит повоевать, потому что традиции кружковщины оставили нам в наследие необыкновенно легкие расколы и необыкновенно усердное применение правила: либо в зубы, либо ручку пожалуйте.

Большое удовольствие (иметь единую партию) должно было перевесить и перевесило маленькие неприятности (в виде дряг из-за кооптации). Я ушел из ЦО, товарищ Игрек (делегированный мной и Плехановым в Совет партии от редакции ЦО) ушел из Совета. Мартовцы ответили на последнее слово ЦК о мире письмом (см. цитированные издания), равносильным объявлению войны. Тогда, и только тогда, я пишу письмо в редакцию (№ 53 «Искры») о гласности*. Если, дескать, говорить о ревизионизме, спорить о непоследовательности и об анархическом индивидуализме, о поражении разных руководителей, то давайте, господа, расскажем все, без утайки, как дело было — вот содержание этого письма о гласности. Редакция отвечает на него сердитой бранью и великолепным назиданием: не смей поднимать *«мелочи и дряги кружковой жизни»* (№ 53 «Искры»). Ах, вот как, думаю про себя: *«мелочи и дряги кружковой жизни»*... es ist mir recht, господа, с этим-то я согласен. Ведь это значит, что возня с *«кооптацией»* прямо относится вами к *кружковым дрягам*. Это правда. Но что же это за диссонанс, если в передовой статье того же № 53, та же (будто бы та же) редакция поднимает толки о бюрократизме, формализме и прочем**. Ты не смеешь поднимать вопроса о борьбе за кооптацию в ЦО, ибо это дряги. А мы будем поднимать вопрос о кооптации в ЦК и называть это не дрягой, а принципиальным расхождением о «формализме». — Нет уже, думаю, дорогие товарищи, позвольте вам этого не позволить. Вы хотите стрелять по моему

* См. настоящий том, стр. 98—101. *Ред.*

** Как оназалось впоследствии, «диссонанс» объясняется весьма просто диссонансом в составе редакции ЦО. О «дрягах» писал Плеханов (см. его привяание в «Грустном недоразумении», № 57), а передовую «Наш съезд» — Мартов («Осадное положение», стр. 84). Кто в лес, кто по дрова.

форту, а от меня требуете выдать вам артиллерию. Шутники! И я пишу и печатаю отдельно от «Искры» «Письмо в редакцию» («Почему я вышел из редакции «Искры»?») *, рассказываю там вкратце, как дело было, и осведомляюсь паки и паки, возможен ли мир на основании такого распределения: вам Центральный Орган, нам Центральный Комитет. Ни одна сторона не будет себя чувствовать «чужой» в своей партии, и мы поспорим насчет поворота к оппортунизму, поспорим сначала в литературе, а потом, может быть, и на третьем съезде партии.

В ответ на упоминание о мире последовало открытие огня из всех неприятельских батарей, вплоть до Совета включительно. Заряды посыпались градом. Самодержец, Швейцер, бюрократ, формалист, сверхцентр, односторонний, прямолинейный, упрямый, узкий, подозрительный, неуживчивый... Очень хорошо, друзья мои! Вы кончили? У вас больше ничего нет в запасе? Плохи же ваши заряды...

Теперь слово за мною. Посмотрим на *содержание* новых организационных взглядов новой «Искры» и на отношение этих взглядов к тому делению нашей партии на «большинство» и «меньшинство», истинный характер которого мы показали анализом прений и голосований второго съезда.

р) НОВАЯ «ИСКРА».

ОППОРТУНИЗМ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ВОПРОСАХ

За основу разбора принципиальной позиции новой «Искры» следует взять, несомненно, два фельетона т. Аксельрода **. Конкретное значение целого ряда любимых им словечек мы уже показали подробно выше, и должны постараться теперь отвлечься от этого конкретного значения, вникнуть в тот ход мысли, который заставил «меньшинство» (по тому или иному мелкому и мелочному поводу) придти именно к этим, а не к другим каким-либо лозунгам, рассмотреть принципиальное значение этих лозунгов независимо от их происхождения, независимо от «кооптации». Мы живем теперь под знаком уступчивости:

* См. настоящий том, стр. 102—108. Ред.

** Эти фельетоны вошли в сборник «Искра» за два года, ч. II, стр. 122 и сл. (СПБ. 1906). (Примечание автора и изданию 1907 г. Ред.)

сделаем же уступку товарищу Аксельроду и «возьмем всерьез» его «теорию».

Основной тезис тов. Аксельрода (№ 57 «Искры») тот, что «наше движение с самого начала скрывало в себе две противоположные тенденции, взаимный антагонизм которых не мог не развиваться и не отражаться на нем параллельно с его собственным развитием». Именно: «принципиально, пролетарская цель движения (в России) та же, что и у западной социал-демократии». Но у нас воздействие на рабочие массы исходит «со стороны чуждого им социального элемента» — радикальной интеллигенции. Итак, тов. Аксельрод констатирует антагонизм между пролетарскими и радикально-интеллигентскими тенденциями в нашей партии.

В этом тов. Аксельрод безусловно прав. Наличие этого антагонизма (и не в одной только русской социал-демократической партии) не подлежит сомнению. Мало того. Всем и каждому известно, что именно этот антагонизм в значительной степени и объясняет то деление современной социал-демократии на революционную (ортодоксальную тож) и оппортунистическую (ревизионистскую, министералистскую, реформистскую), которое вполне обнаружилось и в России за последние десять лет нашего движения. Всем известно также, что именно пролетарские тенденции движения выражает ортодоксальная, а демократически-интеллигентские — оппортунистическая социал-демократия.

Но тов. Аксельрод, подойдя вплотную к этому общеизвестному факту, начинает боязливо пятиться. Он не делает *ни малейшей попытки* проанализировать, как проявилось указанное деление в истории русской социал-демократии вообще и на нашем партийном съезде в частности, — хотя пишет т. Аксельрод именно по поводу съезда! Как и вся редакция новой «Искры», т. Аксельрод проявляет *смертельную боязнь* перед протоколами этого съезда. Это не должно нас удивлять, после всего изложенного выше, но со стороны «теоретика», исследующего якобы равные тенденции в нашем движении, это является оригинальным случаем *правдобоязни*. Отодвинув от себя, в силу этого своего свойства, самый новый и самый точный материал о тенденциях нашего движения, тов. Аксельрод ищет спасения в области приятных мечтаний. «Ведь дал же легальный или полу-

марксизм литературного вождя нашим либералам, — говорит он. — Почему бы проказнице-истории не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального, революционного марксизма? По поводу этого, приятного для тов. Аксельрода, мечтания мы можем только сказать, что если истории случается проказничать, то это не оправдывает *проказ мысли* у того, кто берется за анализ этой истории. Когда из вождя полумарксизма проглядывал либерал, то люди, желавшие (*и умевшие*) проследить его «тенденции», ссылались не на возможные проказы истории, а на десятки и сотни образчиков психологии и логики этого вождя, на те особенности всей его литературной физиономии, которые выдавали отражение марксизма в буржуазной литературе⁸². Если же тов. Аксельрод, взявшийся проанализировать «общереволюционные и пролетарские тенденции в нашем движении», не сумел *ничем, ну ровнехонько-таки ничем* доказать и показать у таких-то и таких-то представителей ненавистного ему ортодоксального крыла партии известные тенденции, то он этим выдал лишь себе *торжественное свидетельство о бедности*. Должно быть, уже совсем плохи дела тов. Аксельрода, если остается ссылаться лишь на возможные проказы истории!

Другая ссылка тов. Аксельрода — на «якобинцев» — еще более поучительна. Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что деление современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую давно уже, и не в одной только России, подало повод к «историческим аналогиям эпохи великой французской революции». Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что *эжирондисты современной социал-демократии* везде и всегда прибегают к терминам «якобинство», «бланкизм» и т. п. для характеристики своих противников. Не будем же подражать правдობязни тов. Аксельрода и посмотрим на протоколы нашего съезда: нет ли в них материала для анализа и проверки рассматриваемых нами тенденций и разбираемых нами аналогий.

Первый пример. Спор о программе на партийном съезде. Тов. Акимов («вполне согласный» с тов. Мартыновым) заявляет: «абзац о завоевании политической власти (о диктатуре пролетариата) получил, по сравнению со всеми другими социал-демократическими программами, такую

редакцию, что может быть истолкован и действительно толковался Плехановым в том смысле, в котором роль руководящей организации должна будет отодвинуть назад руководимый ею класс и обособить первую от второго. И формулировка наших политических задач, поэтому, совершенно такая же, как у «Народной воли» (стр. 124 прот.). Тов. Акимову возражают тов. Плеханов и другие искровцы, упрекая его в оппортунизме. Не находит ли т. Аксельрод, что этот спор показывает нам (на деле, а не в воображаемых проказах истории) антагонизм *современных якобинцев* и *современных жирондистов* в социал-демократии? И не потому ли заговорил тов. Аксельрод о якобинцах, что он оказался (в силу сделанных им ошибок) в компании *жирондистов* социал-демократии?

Второй пример. Тов. Посадовский поднимает вопрос о «серьезном разногласии» по «основному вопросу» об «абсолютной ценности демократических принципов» (стр. 169). Вместе с Плехановым он отрицает их абсолютную ценность. Лидеры «центра» или болота (Егоров) и антиискровцев (Гольдблат) решительно восстают против этого, видя у Плеханова «подражание буржуазной тактике» (стр. 170) — это именно идея тов. Аксельрода о связи ортодоксии с буржуазной тенденцией, с тем лишь отличием, что у Аксельрода эта идея висит в воздухе, а у Гольдבלата связана с определенными дебатами. Мы спрашиваем еще раз: не находит ли т. Аксельрод, что и этот спор показывает нам *воочию*, на нашем партийном съезде, антагонизм якобинцев и жирондистов современной социал-демократии? Не потому ли кричит тов. Аксельрод против якобинцев, что он оказался в компании жирондистов?

Третий пример. Споры о § 1 устава. Кто отстаивает «*пролетарские тенденции в нашем движении*», кто подчеркивает, что рабочий не боится организации, что пролетарий не сочувствует анархии, что он ценит стимул «организуйтесь!», кто предостерегает от буржуазной интеллигенции, насквозь пропитанной оппортунизмом? *Якобинцы социал-демократии*. И кто протаскивает в партию радикальную интеллигенцию, кто заботится о профессорах, гимназистах, об одиночках, о радикальной молодежи? *Жирондист Аксельрод вместе с жирондистом Либером*.

Неискусно же защищается т. Аксельрод от «ложного обвинения в оппортунизме», которое открыто распростра-

нялось на нашем партийном съезде против большинства группы «Освобождение труда»! Он защищается так, что подтверждает обвинение своим перепевом избитой бернштейнианской мелодии о якобинстве, бланкизме и проч. Он кричит об опасности радикальной интеллигенции, чтобы заглушить свои собственные речи на партийном съезде, дышащие заботой об этой интеллигенции.

Ровно ничего, кроме *оппортунизма*, не выражают эти «страшные словечки»: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть *оппортунист*. Только оппортунисты и могут еще в настоящее время видеть опасность в заговорщических организациях, когда мысль о сужении политической борьбы до заговора опровергнута тысячи раз в литературе, опровергнута и вытеснена давно жизнью, когда кардинальная важность массовой политической агитации выяснена и разжевана до тошноты. Реальным основанием страха перед заговорщичеством, бланкизмом является не та или иная обнаружившаяся черта практического движения (как давно и тщетно старается показать Бернштейн и К^о), а жирондистская робость буржуазного интеллигента, психология которого так часто прорывается среди современных социал-демократов. Нет ничего комичнее, как эти потуги новой «Искры» сказать *новое слово* (сказанное в свое время сотни раз) в виде предостережения от тактики французских революционеров-заговорщиков сороковых и шестидесятых годов (№ 62, передовая)⁸³. В ближайшем номере «Искры» жирондисты современной социал-демократии укажут нам, вероятно, такую группу французских заговорщиков сороковых годов, для которой значение политической агитации в рабочих массах, значение рабочих газет, как основы воздействия на класс со стороны партии, являлось бы давно заученной и разученной азбукой.

Стремление новой «Искры» под видом новых слов твердить зады и пережевывать азбуку является, однако, вовсе не случайностью, а неизбежным следствием того положения, в котором оказались Аксельрод и Мартов, попавшие в оппортунистическое крыло нашей партии. Положение

обязывает. Приходится повторять оппортунистические фразы, приходится *пятиться назад*, чтобы в *далеком прошлом* попытаться найти хоть какое-нибудь оправдание своей позиции, незащитимой с точки зрения съездовской борьбы и сложившихся на съезде оттенков и делений партии. К акимовскому глубокомыслию насчет якобинства и бланкизма товарищ Аксельрод присоединяет акимовские же сетования насчет того, что не только «экономисты», но и «политики» были «односторонни», чересчур «увлекались» и пр., и пр. Читая выпренные рассуждения на эту тему в новой «Искре», чванливо претендующей на то, что она стоит выше всех этих односторонностей и увлечений, с недоумением спрашивает себя: с кого они портреты пишут? где разговоры эти слышат? Да кто же не знает, что деление русских социал-демократов на экономистов и политиков уж давно отжило свой век? Пересмотрите «Искру» за последний год-два перед съездом партии, и вы увидите, что борьба с «экономизмом» стихает и прекращается совершенно еще в 1902 году, вы увидите, что, например, в июле 1903 года (№ 43) о «временах экономизма» говорят, как об «окончательно пережитых», экономизм считают «окончательно похороненным», увлечения политиков рассматривают как очевидный атавизм. С какой же стати новая редакция «Искры» возвращается к этому окончательно похороненному делению? Неужели мы боролись на съезде с Акимовыми за те ошибки, которые они делали два года тому назад в «Рабочем Деле»? Если бы мы поступали так, то мы были бы круглыми идиотами. Но всякий знает, что мы поступали не так, что мы боролись с Акимовыми на съезде не за их старые, окончательно похороненные ошибки «Рабочего Дела», а за те *новые ошибки*, которые они делали в своих рассуждениях и в своих голосованиях на съезде. Не по их позиции в «Рабочем Деле», а по их позиции на съезде судили мы о том, какие ошибки действительно пережиты и какие еще живут и вызывают необходимость споров. Ко времени съезда не существовало уже старого деления на экономистов и политиков, но продолжали еще существовать разнообразные оппортунистические тенденции, которые выразились в прениях и голосованиях по ряду вопросов и которые привели в конце концов к новому делению партии на «большинство» и «меньшинство». Вся суть в том, что новая редакция «Искры» стремится, в силу

легко понятных причин, затушевать связь этого нового деления с *современным* оппортунизмом в нашей партии, и что она поэтому вынуждена пятиться назад от нового деления к старому. Неумение объяснить политическое происхождение нового деления (или желание, во имя уступчивости, набросить флер* на это происхождение) заставляет пережевывать жвачку относительно давно отжитого старого деления. Всем и каждому известно, что в основе нового деления лежит расхождение по вопросам *организационным*, начавшееся спором о принципах организации (§ 1 устава) и закончившееся «практикой», достойной анархистов. В основе старого деления на экономистов и политиков лежало расхождение по вопросам, главным образом, *тактическим*.

Это отступление от более сложных, действительно современных и насущных вопросов партийной жизни к вопросам, давно решенным и выкапываемым искусственно, новая «Искра» старается оправдать забавным глубокомыслием, которое нельзя назвать иначе, как хвостизмом. С легкой руки тов. Аксельрода через все писания новой «Искры» красной нитью проходит та глубокая «мысль», что содержание важнее формы, программа и тактика важнее организации, что «жизнеспособность организации прямо пропорциональна объему и значению того содержания, которое она внесет в движение», что централизм не есть «нечто самодовлеющее», не есть «талисман всеспасающий» и пр., и пр. Глубокие, великие истины! Программа, действительно, важнее тактики, тактика важнее организации. Азбука важнее этимологии, этимология важнее синтаксиса, — но что сказать о людях, которые срезались на экзамене по синтаксису и теперь важничают и хвастаются тем, что они остались на второй год в низшем классе? Тов. Аксельрод рассуждал о принципиальных вопросах

* См. статью Плеханова об «экономизме» в № 53 «Искры». В подзаголовке этой статьи видалась, видимо, маленькая опечатка. Вместо: «мысли вслух по поводу второго съезда партии» надо, очевидно, читать: «по поводу съезда Лиги или, пожалуй, «по поводу кооптации». Насколько уместна, при известных условиях, уступчивость насчет личных претензий, настолько недопустимо (с партийной, а не обывательской точки зрения) смешение волнующих партию вопросов, подмен вопроса о новой ошибке Мартова и Аксельрода, начавших поворачивать от ортодонсии и оппортунизму, — вопросом о старой (вним. кроме новой «Искры», не вспоминаемой теперь) ошибке Мартиновых и Акимовых, готовых, может быть, ныне повернуть во многих вопросах программы и тактики от оппортунизма к ортодонсии.

организации, как оппортунист (§ 1), а действовал в организации, как анархист (съезд Лиги), — и теперь он углубляет социал-демократию: велен виноград! Собственно, что такое организация? ведь это лишь форма; что такое централизм? ведь это не талисман; что такое синтаксис? ведь это менее важно, чем этимология, это лишь форма соединения элементов этимологии... «Не согласится ли с нами тов. Александров, — победоносно вопрошает новая редакция «Искры», — если мы скажем, что выработкой партийной программы съезд гораздо более содействовал централизации партийной работы, чем принятием устава, сколь совершенным ни казался бы этот последний?» (№ 56, приложение). Надо надеяться, что это классическое изречение получит не менее широкую и не менее прочную историческую известность, чем знаменитая фраза тов. Кричевского о том, что социал-демократия, подобно человечеству, всегда ставит себе осуществимые задачи. Ведь это глубокомыслие новой «Искры» совершенно такого же пошиба. За что осмеивали фразу т. Кричевского? За то, что он оправдывал ошибку известной части социал-демократов в вопросах тактики, неуменше правильно поставить политические задачи, — пошлостью, выдаваемой за философию. Точь-в-точь так же и новая «Искра» оправдывает ошибку известной части социал-демократов в вопросах организации, интеллигентскую неустойчивость известных товарищей, доведшую их до анархической фразы, — пошлостью, что-де программа важнее устава, что программные вопросы важнее организационных! Ну, разве же это не хвостизм? Разве это не хвостовство по поводу того, что люди остались на второй год в низшем классе?

Принятие программы более содействует централизации работы, чем принятие устава. Как пахнет эта пошлость, выдаваемая за философию, духом радикального интеллигента, гораздо более близкого к буржуазному декадентству, чем к социал-демократизму! Ведь слово централизация в этой знаменитой фразе понимается в смысле совсем уже *символическом*. Если авторы этой фразы не умеют или не хотят думать, то пусть бы хоть они вспомнили, по крайней мере, тот простой факт, что принятие программы вместе с бундовцами не только не привело к централизации нашей общей работы, а и не предохранило нас от раскола. Единство в вопросах программы и в вопросах тактики есть

необходимое, но еще недостаточное условие партийного объединения, централизации партийной работы (господи боже мой! какую азбуку приходится, по нынешним временам, когда все понятия спутались, разжевывать!). Для этого последнего необходимо еще единство организации, немислимое в сколько-нибудь выросшей из рамок семейного кружка партии, без оформленного устава, без подчинения меньшинства большинству, без подчинения части целому. Пока у нас не было единства в основных вопросах программы и тактики, мы прямо и говорили, что живем в эпоху разброда и кружковщины, мы прямо заявляли, что, прежде чем объединиться, надо размежеваться, мы и не заговаривали о формах совместной организации, а толковали исключительно о новых (тогда действительно новых) вопросах программной и тактической борьбы с оппортунизмом. Теперь эта борьба, по общему нашему признанию, обеспечила уже достаточное единство, формулированное в партийной программе и в партийных резолюциях о тактике; теперь нам надо сделать следующий шаг, и мы его, по общему нашему согласию, сделали: выработали *формы* единой, сливающей все кружки воедино, организации. Нас оттащили теперь назад, разрушив наполовину эти формы, оттащили к анархическому поведению, к анархической фразе, к восстановлению кружка вместо партийной редакции, и теперь оправдывают этот шаг назад тем, что азбука более содействует грамотной речи, чем знание синтаксиса!

Философия хвостизма, процветавшая три года тому назад в вопросах тактики, воскресает теперь в применении к вопросам организации. Возьмите такое рассуждение новой редакции. «Боевое социал-демократическое направление — говорит тов. Александров — в партии должно проводиться не одной идейной борьбой, но и определенными формами организации». Редакция поучает нас: «Недурно это сопоставление идейной борьбы и форм организации. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только... формы» (ей-богу, так и напечатано в № 56, приложение, стр. 4, столб. 1, внизу!), «долженствующие облекать текучее, развивающееся содержание, — развивающуюся практическую работу партии». Это уже совершенно в духе анекдота о том, что ядро есть ядро, а бомба есть бомба. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только

формы, облакающие содержание! Вопрос идет о том, будет ли наша идейная борьба облекаться формами *более высокими*, формами обязательной для всех партийной организации, или формами старого разброда и старой кружковщины. Нас оттащили назад от более высоких форм к более примитивным формам и оправдывают это тем, что идейная борьба есть процесс, а формы — это только формы. Точь-в-точь так же тов. Кричевский во времена оны тащил нас назад от тактики-плана к тактике-процессу.

Возьмите эти претенциозные фразы новой «Искры» о «самовоспитании пролетариата», противопоставляемые тем, кто якобы из-за формы способен проглядеть содержание (№ 58, передовая). Разве это не акимовщина номер второй? Акимовщина номер первый оправдывала отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в постановке тактических задач ссылками на более «глубокое» содержание «пролетарской борьбы», ссылками на самовоспитание пролетариата. Акимовщина номер второй оправдывает отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в вопросах теории и практики организации такими же глубокомысленными ссылками на то, что организация есть лишь форма, и что вся суть в самовоспитании пролетариата. Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа пекущиеся о меньшем брате! Пролетариат не станет пещись о том, чтобы гг. профессора и гимназисты, не желающие войти в организацию, признавались членами партии за работу под контролем организации. Пролетариат воспитывается к организации всей своей жизнью гораздо радикальнее, чем многие интеллигентики. Пролетариат, сколько-нибудь сознавший нашу программу и нашу тактику, не станет оправдывать отсталость в организации ссылками на то, что форма менее важна, чем содержание. Не пролетариату, а *некоторым интеллигентам* в нашей партии недостает *самовоспитания* в духе организации и дисциплины, в духе вражды и презрения к анархической фразе. Акимовы номер второй так же клеветают на пролетариат по вопросу о неподготовленности к организации, как клеветали на него Акимовы номер первый по вопросу о неподготовленности к политической борьбе. Пролетарий, ставший сознательным социал-демократом и почувствовавший себя членом партии,

с таким же презрением отвергнет хвостизм в организационных вопросах, с каким он отверг хвостизм в вопросах тактики.

Возьмите, наконец, глубококомыслие «Практика» новой «Искры». «Настоящим образом понятая, идея «боевой» централистической организации, — говорит он, — объединяющей и централизирующей *деятельность*» (углубляющий курсив) «революционеров, естественно претворяется в жизнь лишь при *наличности* этой деятельности» (и ново и умно); «сама организация, как форма» (слушайте, слушайте!), «может вырастать лишь *одновременно*» (курсив автора, как и веаде в этой цитате) «с ростом революционной работы, составляющей ее содержание» (№ 57). Не напоминает ли это паки и паки того героя народного эпоса, который при виде похоронной процессии кричал: таскать вам не перетаскать? Наверное, в нашей партии не найдется ни одного практика (без кавычек), который бы не понимал, что именно форма нашей деятельности (т. е. организация) давным-давно отстает, и отчаянно отстает, от содержания, что крики по адресу отстающих людей: идите в ногу! не опережайте! — достойны одних только партийных Иванушек. Попробуйте сравнить хотя бы, например, нашу партию с Бундом. Не подлежит ни малейшему сомнению, что *содержание** работы нашей партии неизмеримо богаче, разностороннее, шире и глубже, чем у Бунда. Крупнее теоретический размах, развитее программа, шире и глубже воздействие на рабочие массы (а не на одних только организованных ремесленников), разностороннее пропаганда и агитация, живее пульс политической работы у передовиков и рядовых, величественнее *народные* движения при демонстрациях и всеобщих стачках, энергичнее деятельность среди непролетарских слоев. А «форма»? «Форма» нашей работы отстала, по сравнению с бундовской, непозволительно, отстала до того, что это колет глаза, вызывает краску стыда у всякого, кто не смотрит на дела своей партии «ковыряя в носу». Отсталость организации работы

* Я уне не говорю о том, что *содержание* нашей партийной работы намечено (в программе и пр.) на съезде в духе революционной социал-демократии лишь *ценой борьбы*, борьбы с теми самыми антиискровцами и тем самым болотом, представители которого численно преобладают в нашем «меньшинстве». Интересно также, по вопросу о «содержании», сравнить, к примеру, скажем, шесть номеров старой «Искры» (№№ 46—51) и двенадцать номеров новой «Искры» (№№ 52—63). Но это когда-нибудь в другой раз.

по сравнению с ее содержанием — наше больное место, и она была больным местом еще задолго до съезда, задолго до образования ОК. Неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный восторг, ведет к расхищению сил, к несоответствию между словом и делом. Все исстрадались от этого несоответствия, — а тут являются Аксельроды и «Практики» новой «Искры» с глубокомысленной проповедью: форма должна естественно вырастать, лишь одновременно с содержанием!

Вот куда приводит маленькая ошибка по организационному вопросу (§ 1), если вы вздумаете *углублять* вздор и философски обосновывать оппортунистическую фразу. Медленным шагом, робким зигзагом! — мы слышали этот мотив в применении к вопросам тактики; мы слышим его теперь в применении к вопросам организации. *Хвостизм в организационных вопросах* представляет из себя естественный и неизбежный продукт психологии *анархического индивидуалиста*, когда этот последний начинает возводить в систему воззрений, в особые *принципиальные разногласия* свои (вначале, может быть, случайные) анархические уклоны. На съезде Лиги мы видели начало этого анархизма, в новой «Искре» мы видим попытки возведения его в систему воззрений. Попытки эти замечательно подтверждают высказанное уже на съезде партии соображение о различии точек зрения буржуазного интеллигента, присоединяющегося к социал-демократии, и пролетария, сознавшего свои классовые интересы. Напр., тот же «Практик» новой «Искры», с глубокомыслием которого мы уже познакомились, избличает меня в том, что партия представляется мне «как огромная фабрика» с директором, в виде ЦК, во главе ее (№ 57, приложение). «Практик» и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово сразу выдает психологию буржуазного интеллигента, незнакомого ни с практикой, ни с теорией пролетарской организации. Именно фабрика, которая кажется иному одним только пугалом, и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения. Именно марксизм, как идеология обученного капита-

лизмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства). Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе». Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования, порождающих тот вид анархизма, который немецкие социал-демократы называют *Edelanarchismus*, т. е. анархизм «благородного» господина, барский анархизм, как я бы сказал. Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики» (причем особенно убийственным видом этого превращения считается превращение редакторов в сотрудников), упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу «формалистов») замечание, что можно бы и вовсе без устава.

Это невероятно, но это — факт: именно такое назидательное замечание делает мне тов. Мартов в № 58 «Искры», ссылаясь, для вящей убедительности, на мои же собственные слова из «Письма к товарищу». Ну, разве это не «барский анархизм», разве это не хвостизм, когда примерами из эпохи разброда, эпохи кружков *оправдывают* сохранение и прославление кружковщины и анархии в эпоху партийности?

Почему не нужны нам были раньше уставы? Потому что партия состояла из отдельных кружков, не связанных вместе никакой организационной связью. Переход из кружка в кружок был делом одной только «доброй воли» того или другого индивидуума, не имевшего перед собой никакого оформленного выражения воли целого. Спорные

вопросы внутри кружков решались не по уставу, «а борьбой и угрозой уйти»: так выразился я в «Письме к товарищу»*, основываясь на опыте ряда кружков вообще и, в частности, нашей собственной редакционной шестерки. В эпоху кружков такое явление было естественно и неизбежно, но никому не приходило в голову восхвалять его, считать идеалом, все жаловались на этот разброд, все тяготились им и жаждали слияния разрозненных кружков в оформленную партийную организацию. И теперь, когда это слияние состоялось, нас тащат назад, нас угощают — под видом высших организационных взглядов — анархической фразой! Людям, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины, формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным, и изменным, и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного «процесса» идейной борьбы. Барский анархизм не понимает, что формальный устав необходим именно для замены узких кружковых связей широкой партийной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформливать, ибо эта связь держалась на приятельстве или на безотчетном, немотивированном «доверии». Связь партийная не может и не должна держаться ни на том, ни на другом, ее необходимо базировать именно на *формальном*, «бюрократически» (с точки зрения распущенного интеллигента) редижированном уставе, строгое соблюдение которого одно лишь гарантирует нас от кружкового самодурства, от кружковых капризов, от кружковых приемов свалки, называемой свободным «процессом» идейной борьбы.

Редакция новой «Искры» козыряет против Александра назидательным указанием на то, что «доверие — вещь деликатная, которую никак нельзя вколотить в сердца и головы» (№ 56, приложение). Редакция не понимает, что именно это выдвигание категории доверия, *голового* доверия, выдает еще и еще раз с головой ее барский анархизм и организационный хвостизм. Когда я был членом только кружка, редакционной ли шестерки или организации «Искры», я имел право сослаться в оправдание, скажем, своего нежелания работать с Иксом на одно лишь недовере-

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 205—224. *Ред.*

рие, безотчетное и немотивированное. Когда я стал членом партии, я *не имею права* ссылаться только на неоформленное недоверие, ибо такая ссылка открывала бы настежь двери для всякой блажи и для всякого самодурства старой кружковщины; я *обязан* мотивировать свое «доверие» или «недоверие» формальным доводом, т. е. ссылкой на то или иное формально установленное положение нашей программы, нашей тактики, нашего устава; я обязан не ограничиваться безотчетным «доверяю» или «не доверяю», а признать *подотчетность* своих решений и всех вообще решений всякой части партии перед всей партией; я обязан следовать *формально предписанному* пути для выражения своего «недоверия», для проведения тех взглядов и тех желаний, которые вытекают из этого недоверия. Мы поднялись уже от *кружковой* точки зрения безотчетного «доверия» до *партийной* точки зрения, требующей соблюдения подотчетных и формально предписанных способов выражения и *проверки* доверия, а редакция тащит нас назад и называет свой хвостизм новыми организационными взглядами!

Посмотрите, как рассуждает наша так называемая партийная редакция о литературных группах, которые могли бы потребовать себе представительства в редакции. «Мы не возмутимся, не начнем кричать о дисциплине», — поучают нас барские анархисты, которые всегда и везде сверху вниз смотрели на какую-то там дисциплину. Мы-де либо «столкуемся» (*sic!*) с группой, буде она дельная, либо посмеемся над ее требованиями.

Подумаешь, какое возвышенное благородство выступает здесь против вульгарно-«фабричного» формализма! А на самом деле — перед нами подновленная фразеология кружковщины, преподносимая партии редакцией, которая чувствует, что она представляет из себя не партийное учреждение, а обломок старого кружка. Внутренняя фальшь этой позиции неизбежно приводит к *анархическому* глубокомыслию, возводящему в *принцип* социал-демократической организации тот разброд, который на словах фарисейски объявляется уже пережитым. Не нужно никакой иерархии низших и высших партийных коллегий и инстанций, — барскому анархизму такая иерархия кажется канцелярским измышлением ведомств, департаментов и прочее (см. фельетон Аксельрода), — не нужно

никакого подчинения части целому, не нужно никакого «формально-бюрократического» определения *партийных* способов «столковываться» или размежевываться, пусть старая кружковая свалка освящается фразерством об «истинно социал-демократических» приемах организации.

Вот где прошедший школу «фабрики» пролетарий может и должен дать урок анархическому индивидуализму. Сознательный рабочий давно уже вышел из тех пеленок, когда он чурался интеллигента, как такового. Сознательный рабочий умеет ценить тот более богатый запас знаний, тот более широкий политический кругозор, который он находит у социал-демократов интеллигентов. Но по мере того, как складывается у нас *настоящая* партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, щеголяющего анархической фразой, должен научиться *требовать* исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от «людей верха», должен научиться встречать таким же презрением хвостизм в вопросах организационных, каким награждал он во времена оны хвостизм в вопросах тактики!

В неразрывной связи с жирондизмом и барским анархизмом стоит последняя характерная особенность позиции новой «Искры» в организационных вопросах: это — защита *автономизма* против централизма. Именно такой принципиальный смысл имеют (если имеют*) вопли о бюрократизме и о самодержавии, сожаления о «незаслуженном невнимании к не-искровцам» (защищавшим автономизм на съезде), комичные крики о требовании «беспрекословного повиновения», горькие жалобы на «помпадурство» и проч., и т. д., и т. п. Оппортунистическое крыло всякой партии всегда отстаивает и оправдывает всякую отсталость, и программную, и тактическую, и организационную. Защита организационной отсталости (хвостизм) новой «Искры» тесно связана с защитой *автономизма*. Правда, автономизм настолько уже дискредитирован, вообще говоря, трехлетней проповедью старой «Искры», что открыто высказаться за него новой «Искрой» *еще* стыдно; она еще уверяет нас

* Я оставляю в стороне здесь, как и вообще в этом параграфе, «кнопшационный» смысл этих воплей.

в своих симпатиях к централизму, но доказывается это только тем, что слово централизм пишется курсивом. На деле самое легкое прикосновение критики к «принципам» «истинно социал-демократического» (а не анархического?) квази-централизма новой «Искры» изобличает на каждом шагу точку зрения автономизма. Разве не ясно теперь всем и каждому, что Аксельрод и Мартов повернули в организационных вопросах к Акимову? Разве не признали они этого торжественно сами в знаменательных словах о «незаслуженном невнимании к не-искровцам»? И разве не автономизм защищали на нашем партийном съезде Акимов и его друзья?

Именно автономизм (если не анархизм) защищали Мартов и Аксельрод на съезде Лиги, когда они с забавным усердием доказывали, что часть не должна подчиняться целому, что часть автономна в определении своих отношений к целому, что устав Заграничной лиги, формулирующий эти отношения, действителен вопреки воле большинства партии, вопреки воле партийного центра. Именно автономизм защищает теперь тов. Мартов открыто и на страницах новой «Искры» (№ 60) по вопросу о введении членов в местные комитеты Центральным Комитетом. Я не буду говорить о тех детских софизмах, которыми защищал автономизм тов. Мартов на съезде Лиги и защищает в новой «Искре»*, — мне важно здесь отметить несомненную тенденцию *защищать автономизм против централизма*, как принципиальную черту, свойственную оппортунизму в организационных вопросах.

Едва ли не единственной попыткой *анализа* понятия бюрократизма является противоположение в новой «Искре» (№ 53) «формально-демократического начала» (курсив автора) «формально-бюрократическому». Это противоположение (к сожалению, столь же не развитое и не разъясненное, как и указание на не-искровцев) содержит в себе зерно истины. Бюрократизм versus** демократизм, это и есть централизм versus автономизм, это и есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению

* Перебирая разные §§ устава, тов. Мартов опустил именно тот §, который говорит об отношении целого к части: ЦК «распределяет силы партии» (§ 6). Можно ли распределять силы без перевода работников из комитета в комитет? На этой абзуксе, право, несловно как-то останавливаться.

** versus — по отношению к.

к организационному принципу оппортунистов социал-демократии. Последний стремится идти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно, и насколько можно, автономизм, «демократизм», доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части. В эпоху разброда и кружковщины этим верхов, от которого стремилась организационно исходить революционная социал-демократия, был неизбежно один из кружков, наиболее влиятельный в силу своей деятельности и своей революционной последовательности (в нашем случае — организация «Искры»). В эпоху восстановления фактического единства партии и распускания в этом единстве устаревших кружков, таким верхов неизбежно является *партийный съезд*, как верховный орган партии; съезд соединяет по возможности всех представителей активных организаций и, назначая центральные учреждения (нередко в таком составе, который более удовлетворяет передовые, чем отсталые элементы партии, более нравится революционному, чем оппортунистическому крылу ее), делает их верхов впредь до следующего съезда. Так бывает, по крайней мере, у европейцев социал-демократии, хотя мало-по-малу, не без труда, не без борьбы и не без дряг, этот принципиально ненавистный анархистам обычай начинает распространяться и на азиатов социал-демократии.

В высшей степени интересно отметить, что указанные мной принципиальные черты оппортунизма в организационных вопросах (автономизм, барский или интеллигентский анархизм, хвостизм и жирондизм) наблюдаются *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями) во всех социал-демократических партиях всего мира, где только есть деление на революционное и оппортунистическое крыло (а где его нет?). Особенно рельефно выступило это на свет божий именно в самое последнее время в германской социал-демократической партии, когда поражение на выборах в 20-ом саксонском избирательном округе (так назыв. инцидент Гёре*) поставило на очередь дня

* Гёре был избран в рейхстаг 16 июня 1903 года в 15-ом саксонском округе, но после Дрезденского съезда⁴⁴ сложил с себя мандат; избиратели 20-го округа, ставшего вакантным после смерти Розенова, хотели предложить кандидатуру снова Гёре. Центральное правление партии и саксонский централь-

принципы партийной организации. Возбуждению принципиального вопроса по поводу указанного инцидента особенно содействовало усердие немецких оппортунистов. Гёрэ (бывший пастор, автор неизвестной книги: «Drei Monate Fabrikarbeiter» * и один из «героев» Дрезденского съезда) — сам ярый оппортунист, и орган последовательных немецких оппортунистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник») сейчас же «заступился» за него.

Оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике и с оппортунизмом в вопросах организационных. Излагать «новую» точку зрения взялся тов. Вольфганг Гейне. Чтобы охарактеризовать читателю физиономию этого типичного интеллигента, примкнувшего к социал-демократии и принесшего с собой оппортунистические навыки мысли, достаточно будет сказать, что тов. Вольфганг Гейне, это — немножко меньше, чем немецкий тов. Акимов, и немножечко больше, чем немецкий тов. Егоров.

Товарищ Вольфганг Гейне пошел в поход в «Социалистическом Ежемесячнике» с меньшей помпой, чем тов. Аксельрод в новой «Искре». Чего стоит одно уж заглавие статьи: «Демократические заметки по поводу инцидента Гёрэ» (№ 4, апрель, «Sozialistische Monatshefte»). И содержание — не менее громовое. Тов. В. Гейне восстает против «посягательств на автономию избирательного округа», отстаивает «демократический принцип», протестует против вмешательства «назначенного начальства» (т. е. центрального правления партии) в свободный выбор делегатов народом. Дело тут не в случайном инциденте, поучает нас тов. В. Гейне, а в общей *тенденции к бюрократизму и централизму в партии*, тенденции, которая замечалась и раньше, но теперь становится особенно опасной. Надо «принципиально признать, что местные учреждения партии являются носителями ее жизни» (плагиат из брошюры тов. Мартова: «Еще раз в меньшинстве»). Не следует «привыкать к тому, чтобы все важные политические решения исходили из одного центра», надо предостерегать

ный агитационный комитет восстали против этого и, не имея права формально запретить кандидатуру Гёрэ, добились, однако, того, что Гёрэ отказался от кандидатуры. При выборах социал-демократы потерпели поражение.

* — «Три месяца рабочим на фабрике». Ред.

партию от «доктринерской политики, теряющей связь с жизнью» (позаимствовано из речи тов. Мартова на съезде партии о том, что «жизнь возьмет свое»). ...«Если смотреть в корень вещей, — углубляет свою аргументацию тов. В. Гейне, — если отвлечься от личных столкновений, которые и здесь, как и всегда, играли немалую роль, то мы увидим в этом ожесточении против *ревизионистов* (курсив автора, намекающего, надо думать, на различие понятий: борьба с ревизионизмом и борьба с ревизионистами) главным образом недоверие официальных лиц в партии против *«постороннего элемента»* (В. Гейне, видимо, не читал еще брошюры о борьбе с осадным положением, и потому прибегает к англицизму: *Outsidertum*), недоверие традиции к тому, что необычно, — безличного учреждения к тому, что индивидуально» (см. резолюцию Аксельрода на съезде Лиги о подавлении индивидуальной инициативы), «одним словом, ту же самую тенденцию, которую мы уже охарактеризовали выше, как тенденцию к бюрократизму и централизму в партии».

Понятие «дисциплины» внушает тов. В. Гейне не менее благородное негодование, чем тов. Аксельроду. ...«Ревизионистов, — пишет он, — упрекали в недостатке дисциплины за то, что они писали в «Социалистическом Ежемесячнике» — органе, который не хотели даже признавать социал-демократическим, ибо он не стоит *под контролем партии*. Одна уже эта попытка сужения понятия: «социал-демократический», одно уже это требование *дисциплины* в области идейного производства, где должна господствовать безусловная свобода» (вспомните: идейная борьба есть процесс, а формы организации только формы), «свидетельствуют о тенденции к бюрократизму и к подавлению индивидуальности». И долго еще, долго громит В. Гейне на всевозможные лады эту ненавистную тенденцию создать *«одну* всеохватывающую большую организацию, возможно более централизованную, *одну* тактику, *одну* теорию», громит требование «безусловнейшего повиновения», «слепого подчинения», громит «упрощенный централизм» и т. д. и т. п., буквально «по Аксельроду».

Поднятый В. Гейне спор разгорелся, и так как в немецкой партии никакие дрязги из-за кооптации не засоряли его, так как немецкие Акимовы выясняют свою физиономию не только на съездах, а постоянно в особом органе, то

спор быстро свелся к анализу принципиальных тенденций ортодоксии и ревизионизма в организационном вопросе. Одним из представителей революционного направления (обвиняемого, разумеется, как и у нас, в «диктаторстве», «инквизиторстве» и прочих страшных вещах) выступил К. Каутский («Neue Zeit», 1904, № 28, статья «Wahlkreis und Partei» — «Избирательный округ и партия»). Статья В. Гейне, — заявляет он, — «показывает ход мысли всего ревизионистского направления». Не в одной только Германии, а и во Франции, и в Италии оппортунисты горой стоят за автономизм, за ослабление партийной дисциплины, за сведение ее к нулю, веаде их тенденции приводят к *дезорганизации*, к извращению «демократического принципа» в *анархизм*. «Демократия не есть отсутствие власти, — поучает К. Каутский оппортунистов в организационном вопросе, — демократия не есть анархия, она есть господство массы над ее уполномоченными, в отличие от других форм власти, когда мнимые слуги народа в действительности являются его владыками». К. Каутский прослеживает подробно дезорганизаторскую роль оппортунистического автономизма в разных странах, показывает, что именно присоединение к социал-демократии *«массы буржуазных элементов»** усиливает оппортунизм, автономизм и тенденции к нарушению дисциплины, напоминает паки и паки, что именно «организация есть то оружие, которым освободит себя пролетариат», именно «организация есть свойственное пролетариату оружие классовой борьбы».

В Германии, где оппортунизм слабее, чем во Франции и Италии, «автономистские тенденции привели пока лишь к более или менее патетическим декламациям против диктаторов и великих инквизиторов, против отлучений от церкви** и выискиваний ереси, к бесконечным придиркам и дразгам, разбор которых повел бы лишь к бесконечной ссоре».

Неудивительно, что в России, где оппортунизм в партии еще более слаб, чем в Германии, автономистские тенденции

* В качестве примера К. Каутский называет Жореса. По мере их уклонения в оппортунизм, таким людям «партийная дисциплина неизбежно должна была казаться неповолятельным стеснением их свободной личности».

** *Bannstrahl* — анафема. Это немецкий эквивалент русского «осадного положения» и «исключительных законов». Это — «страшное слово» немецких оппортунистов.

породили меньше идей и больше «патетических декламаций» и дряг.

Неудивительно, что Каутский приходит к заключению: «Может быть, ни в каком другом вопросе ревизионизм всех стран не отличается такой однородностью, несмотря на все его разновидности, всю его разноцветность, как именно в организационном вопросе». Основные тенденции ортодоксии и ревизионизма в этой области и К. Каутский формулирует при помощи «страшного слова»: бюрократизм *versus* (против) демократизма. Нам говорят, — пишет К. Каутский, — что дать право правлению партии влиять на выбор кандидата (в депутаты парламента) местными избирательными округами — значит «постыдно посягать на демократический принцип, который требует, чтобы вся политическая деятельность развевывалась снизу вверх, путем самодеятельности масс, а не сверху вниз, путем бюрократическим... Но если есть какой-нибудь действительно демократический принцип, так это тот, что большинство должно иметь перевес над меньшинством, а не наоборот»... Выбор депутатов в парламент от какого бы то ни было отдельного избирательного округа есть важный вопрос всей партии в целом, которая и должна влиять на назначение кандидатов хотя бы через посредство доверенных людей партии (*Vertrauensmänner*). «Кому кажется это слишком бюрократическим или централистическим, тот пусть попробует предложить, чтобы кандидатов намечали прямые голосования всех членов партии вообще (*sämtliche Parteigenossen*). Раз это неисполнимо, то нечего и жаловаться на недостаток демократизма, когда указанная функция, подобно многим другим, касающимся всей партии, выполняется одной или несколькими партийными инстанциями». По «обычному праву» германской партии и раньше отдельные избирательные округа «товарищески договаривались» с правлением партии о выставлении того или иного кандидата. «Но партия стала уже слишком велика, чтобы достаточно было этого молчаливого обычного права. Обычное право перестает быть правом, когда его перестают признавать, как нечто само собою разумеющееся, когда содержание его определений и даже самое его существование оспаривается. Тогда становится безусловно необходимым точно формулировать это право, кодифицировать его»,... перейти к более «точному уставному закре-

плению* (statutarische Festlegung), а вместе с тем к усилению строгости (grössere Straffheit) организации».

Вы видите, таким образом, в другой обстановке ту же борьбу оппортунистического и революционного крыла партии по организационному вопросу, тот же конфликт автономизма и централизма, демократизма и «бюрократизма», тенденций к ослаблению строгости и к усилению строгости организации и дисциплины, психологии неустойчивого интеллигента и выдержанного пролетария, интеллигентского индивидуализма и пролетарской сплоченности. Спрашивается, как отнеслась к этому конфликту *буржуазная демократия*, — не та, которую проказница-история только еще обещала по секрету показать когда-нибудь тов. Аксельроду, — а настоящая, реальная буржуазная демократия, имеющая и в Германии не менее умных и наблюдательных представителей, чем наши господа освобожденцы? Немецкая буржуазная демократия сразу откликнулась на новый спор и горой встала, — как и русская, как и всегда, как и везде, — за оппортунистическое крыло социал-демократической партии. Выдающийся орган немецкого биржевого капитала, *«Франкфуртская Газета»*, выступил с громовой передовицей (*«Frankf. Ztg.»*, 1904, 7 Apr., № 97, *Abendblatt***), которая показывает, что бессовестные плагиаты из Аксельрода становятся прямо какой-то болезнью немецкой печати. Грозные демократы франкфуртской биржи бичуют «самодержавие» в социал-демократической партии, «партийную диктатуру», «автократическое господство партийного начальства», эти «отлучения от церкви», которыми хотят «как бы наказать весь ревизионизм» (вспомните «ложное обвинение в оппортунизме»), это требование «слепого повиновения», «мертвящей дисциплины», требование «лакейского подчинения», превращения членов партии в «политические трупы» (это еще много покрепче будет винтиков и колесиков!). «Всякая личная своеобразность, — негодуют рыцари биржи при виде антидемократических порядков у социал-демократии, —

* В высшей степени поучительно сопоставить эти замечания К. Каутского о замсне молчаливо прививаемого обычного права формально закрепленным уставным правом со всей той «сменой», которую переживает наша партия вообще и редакция в частности со времени партийного съезда. Ср. речь В. И. Засулич (на съезде Лиги, стр. 66 и след.), которая вряд ли реализует себе все значение происходящей смены.

** — «Франкфуртская Газета», 1904, 7 апреля, № 97, вечерний выпуск. *Ред.*

всякая индивидуальность должна, изволите ли видеть, подвергнуться преследованию, потому что они грозят привести к французским порядкам, к жоресизму и мильеранизму, как прямо заявил Зиндерманн, реферировавший по этому вопросу» на партийном съезде саксонских социал-демократов.

Итак, поскольку есть принципиальный смысл в новых словечках новой «Искры» по организационному вопросу, постольку не подлежит никакому сомнению, что смысл этот оппортунистический. Этот вывод подкрепляется и всем анализом нашего партийного съезда, разделившегося на революционное и оппортунистическое крыло, и примером *всех* европейских социал-демократических партий, в которых оппортунизм по организационному вопросу выражается в тех же тенденциях, в тех же обвинениях, а сплошь да рядом и в тех же самых словечках. Конечно, национальные особенности различных партий и неодинаковость политических условий в разных странах налагают свой отпечаток, делая немецкий оппортунизм совсем не похожим на французский, французский на итальянский, итальянский на русский. Но однородность основного деления всех этих партий на революционное и оппортунистическое крыло, однородность хода мысли и тенденций оппортунизма в организационном вопросе выступают отчетливо, несмотря на все указанное различие условий*. Обилие представителей радикальной интеллигенции в рядах наших марксистов и наших социал-демократов сделало и делает неизбежным наличие порождаемого ее психологией оппортунизма в самых различных областях и в самых различных формах. Мы боролись с оппортунизмом

* Никто не усомнится в настоящее время, что старое деление русских социал-демократов по вопросам тактики на экономистов и политиков было однородно с делением всей международной социал-демократии на оппортунистов и революционеров, хотя различие между гг. Мартыновым и Акимовым, с одной стороны, и гг. фон-Фольмаром и фон-Эльмом или Жоресом и Мильераном, с другой, очень велико. Точно так же несомненна и однородность основных делений по организационному вопросу, несмотря на громадные различия условий между политически бесправными и политически свободными странами. Крайне характерно, что принципиальная редакция новой «Искры», беслоносившая спора Каутского с Гейве (№ 84), бонавиво обошла вопрос о принципиальных тенденциях всякого оппортунизма и всякой ортодоксии в организационном вопросе.

в основных вопросах нашего мирозерцания, в вопросах программы, и полное расхождение в целях неизбежно привело к бесповоротному размежеванию между испортившими наш легальный марксизм либералами и социал-демократами. Мы борлись с оппортунизмом в вопросах тактики, и расхождение с гг. Кричевским и Акимовым по этим менее важным вопросам, естественно, было лишь временным и не сопровождалось никаким образованием различных партий. Мы должны теперь побороть оппортунизм Мартова и Аксельрода в вопросах организационных, еще менее коренных, разумеется, чем вопросы программные и тактические, но выплывших в настоящий момент на авансцену нашей партийной жизни.

Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч. Оппортунист в вопросах программы, тов. Эд. Бернштейн, «согласен» с революционной программой партии и хотя желал бы, наверное, «коренной реформы» ее, но считает это несвоевременным, нецелесообразным, не столь важным, как выяснение «общих принципов» «критики» (состоящих главным образом в некритическом заимствовании принципов и словечек у буржуазной демократии). Оппортунист в вопросах тактики, тов. фон-Фольмар, тоже согласен со старой тактикой революционной социал-демократии и тоже ограничивается больше декламацией, поправочками, насмешечками, отнюдь не выступая ни с какой определенной «министералистской» тактикой. Оппортунисты в вопросах организационных, гг. Мартов и Аксельрод, тоже не дали до сих пор, несмотря на прямые вызовы, никаких определенных принципиальных тезисов, которые могли бы быть «закреплены уставным путем»; они тоже желали бы, безусловно желали бы, «коренной реформы» нашего организационного устава («Искра» № 58, стр. 2, столбец 3), но предпочтительно

они бы занялись сначала «общими вопросами организации» (потому что действительно коренная реформа нашего, несмотря на § 1, все же централистического устава неизбежно привела бы, будучи произведена в духе новой «Искры», к автономизму, а признаться в своей *принципиальной* тенденции к автономизму тов. Мартову не хочется, конечно, даже и перед самим собой). Их «принципиальная» позиция по организационному вопросу играет, поэтому, всеми цветами радуги: преобладают невинные патетические декламации о самодержавии и бюрократизме, о слепом повиновении, винтиках и колесиках, — декламации, настолько невинные, что в них еще очень и очень трудно отделить действительно принципиальный от действительно кооптационного смысла. Но — дальше в лес, больше дров: попытки анализа и точного определения ненавистного «бюрократизма» неизбежно ведут к автономизму, попытки «углубления» и обоснования неминуемо приводят к оправданию отсталости, к хвостизму, к жирондистским фразам. Наконец, в качестве единственного, действительно определенного, и на практике поэтому выступающего особенно ярко (практика всегда идет впереди теории) принципа появляется принцип *анархизма*. Высмеивание дисциплины — автономизм — анархизм, вот та лесенка, по которой то спускается, то поднимается наш организационный оппортунизм, прыгая со ступеньки на ступеньку и искусно увертываясь от всякой определенной формулировки своих принципов*. Точь-в-точь та же градация наблюдается и на оппортунизме в программе и в тактике: высмеивание

* Кто припомнит прения о § 1, тот увидит теперь ясно, что ошибка т. Мартова и т. Аксельрода по § 1 неизбежно приводит, при ее развитии и углублении, к организационному оппортунизму. Основная идея тов. Мартова — самозачисление себя в партию — есть именно ложный «демократизм», идея построения партии снизу вверх. Наоборот, моя идея «бюрократична» в том смысле, что партия строится сверху вниз, от партийного съезда к отдельным партийным организациям. И психология буржуазного интеллигента, и анархические фразы, и оппортунистическое, хвостистое глубомыслие, — все это наметилось уже в прениях о § 1. Тов. Мартов говорит в «Ос. пол.» (стр. 20) о «начавшейся работе мысли» в новой «Искре». Это правда в том отношении, что он и Аксельрод действительно двигают мысль в новом направлении, начиная с § 1. Беда только в том, что направление это оппортунистическое. Чем дальше будут они «работать» в этом направлении, чем чище будет эта работа от кооптационных дрябл, тем глубже они будут увязать в болоте. Тов. Плеханов ясно видел это уже на съезде партии, и в статье «Чего не делать?» вторично предостерегал их: я готов-де кооптировать вас даже, только не идите вы по этой дороге, которая ведет исключительно к оппортунизму и к анархизму. — Мартов и Аксельрод не послушались доброго совета: как? не идти? согласиться с Лениным, что

«ортодоксии», правоверия, узости и неподвижности — ревизионистская «критика» и министерализм — буржуазная демократия.

В тесной психологической связи с ненавистью к дисциплине стоит та неумолчная, тягучая нота *обиды*, которая звучит во всех писаниях всех современных оппортунистов вообще и нашего меньшинства в частности. Их преследуют, их теснят, их вышибают, их осаждают, их заезжают. В этих словечках гораздо больше психологической и политической правды, чем, вероятно, подозревал сам автор милой и остроумной шутки насчет заезжаемых и заезжателей. Возьмите, в самом деле, протоколы нашего партийного съезда, — вы увидите, что меньшинство это все обиженные, все те, кого когда-либо и за что-либо обижала революционная социал-демократия. Тут бундовцы и рабочедельцы, которых мы «обижали» до того, что они ушли со съезда, тут южнорабоченцы, смертельно обиженные умерщвлением организаций вообще и их собственной в частности, тут тов. Махов, которого обижали всякий раз, когда он брал слово (ибо он всякий раз аккуратно срамился), тут, наконец, тов. Мартов и тов. Аксельрод, которых обидели «ложным обвинением в оппортунизме» за § 1 устава и поражением на выборах. И все эти горькие обиды были не случайным результатом непозволительных острот, резких выходов, бешеной полемики, хлопанья дверью и показыванья кулака, как думают и по сию пору очень и очень многие филистеры, а неизбежным политическим результатом всей трехлетней идейной работы «Искры». Если мы в течение этих трех лет не языком только распутничали, а выражали те убеждения, которые должны перейти в дело, то мы не могли не бороться на съезде с антиискровцами и с «болотом». А когда мы, вместе с тов. Мартовым, который бился в первых рядах с открытым забралом, переобидели такую кучу народа, — нам оставалось уже совсем немножечко, чуть-чутьочку обидеть тов. Аксельрода и тов. Мартова, чтобы чаша оказалась переполненной. Количество перешло в качество. Произошло отрицание отрицания. Все обиженные забыли взаимные счета, бросились с рыданиями в объятия

нооптация есть одна только дряга? Никогда! Мы ему покажем, что мы принципиальные люди! — И показали всем воочию, что, поскольку у них есть новые принципы, это — принципы оппортунизма.

друг к другу и подняли знамя «восстания против ленинизма»*.

Восстание — прекрасная вещь, когда восстают передовые элементы против реакционных. Когда революционное крыло восстает против оппортунистического, это хорошо. Когда оппортунистическое крыло восстает против революционного, это дурно.

Тов. Плеханову приходится участвовать в этом дурном деле в качестве, так сказать, военнопленного. Он старается «сорвать сердце», вылавливая отдельные неловкие фразы у авторов той или иной резолюции в пользу «большинства», и восклицает при этом: «Бедный товарищ Ленин! Хороши же его ортодоксальные сторонники!» («Искра» № 63, приложение).

Ну, знаете ли, т. Плеханов, если я бедствую, то ведь редакция-то новой «Искры» совсем уже нищенствует. Как я ни беден, я еще не дошел до такого абсолютного обнищания, чтобы мне приходилось закрывать глаза на партийный съезд и отыскивать материал для упражнения своего остроумия в резолюциях комитетчиков. Как я ни беден, я в тысячу раз богаче тех, сторонники которых не случайно высказывают ту или иную неловкую фразу, а во всех вопросах, и в организационных, и в тактических, и в программных держатся упорно и стойко принципов, противоположных принципам революционной социал-демократии. Как я ни беден, я еще не дошел до того, чтобы мне приходилось *скрывать от публики* преподносимые мне похвалы таких сторонников. А редакции новой «Искры» приходится делать это.

Знаете ли вы, читатель, что такое Воронежский комитет Российской социал-демократической рабочей партии? Если вы не знаете этого, то почитайте протоколы партийного съезда. Вы узнаете оттуда, что направление этого комитета всецело выражают тов. Акимов и тов. Брукэр, которые боролись по всей линии против революционного крыла партии на съезде и которые десятки раз относимы были к оппортунистам всеми, начиная от тов. Плеханова и кон-

* Это удивительное выражение принадлежит тов. Мартову («Ос. пол.», стр. 68). Тов. Мартов дождался того времени, когда он будет сам-пят, чтобы поднять «восстание» против меня одного. Цейскусно полемизирует тов. Мартов: он хочет уничтожить своего противника тем, что говорит ему величайшие комплименты.

чая тов. Поповым. И вот, этот Воронежский комитет в январском листке своем (№ 12, 1904 г., январь) заявляет:

«В нашей непрестанно растущей партии совершилось в прошлом году крупное и важное для партии событие: состоялся второй съезд РСДРП — представителей ее организаций. Созыв съезда партии дело очень сложное и при условиях монархических очень рискованное, трудное дело, а потому не удивительно, что дело созыва съезда было исполнено *далеко несовершенно*; и сам съезд, хотя прошел совершенно благополучно, но не удовлетворил все требования, которые к нему предъявила партия. Товарищи, которым было поручено конференцией (совещанием) 1902 года созвать съезд — были арестованы и *устраивали съезд лица; выделенные одним только направлением в русской социал-демократии — искрянским*. Многие организации социал-демократов, но не искрянские, не были привлечены к работам съезда: *отчасти потому* задача съезда по выработке программы и устава партии исполнена *крайне несовершенно*; крупные пробелы в уставе, «могущие повести к опасным недоразумениям», признаются самими участниками съезда. На съезде сами искрянцы раскололись, и многие крупные деятели РСДРП нашей, раньше, казалось, целиком принимавшие программу действия «Искры», сознали нежизненность многих ее взглядов, проводимых *главным образом Лениным и Плехановым*. Хотя на съезде последние и взяли верх, но сила практической жизни, требования реальной работы, в ряду которой стоят и все неискрянцы, быстро исправляют ошибки теоретиков и после съезда уже внесли серьезные поправки. «Искра» *сильно изменилась и обещает* внимательно прислушиваться к требованиям деятелей вообще социал-демократии. Таким образом, хотя *работы съезда подлежат пересмотру* следующего съезда и, как очевидно для самих участников съезда, не являются удовлетворительными, *а потому и не могут ими войти в партию, как непреложные постановления*; но съезд выяснил положение дел в партии, дал большой материал для дальнейшей теоретической и организационной деятельности партии и явился громадным поучительным опытом для общепартийной работы. Постановления съезда и устав, им выработанный, будут всеми организациями приняты *во внимание*, но многие *воздержатся руководиться исключительно ими; ввиду их очевидных несовершенств*.

Воронежский комитет, понимая всю важность общепартийной работы, живо *отзывался* на все вопросы по организации съезда. Он сознает всю важность происшедшего на съезде, *приветствует поворот, совершившийся в «Искре»*, сделавшейся Центральным Органом (главным органом). Хотя положение дел в партии и в ЦК нас *еще* не удовлетворяет, но мы верим, что общими усилиями трудная работа организации партии будет усовершенствована. Ввиду ложных слухов Воронежский комитет заявляет товарищам, что о выходе Воронежского комитета из партии не может быть и речи. Воронежский комитет прекрасно понимает, каким опасным прецедентом (примером) стал бы выход рабочей

организации, какой является Воронежский комитет, из РСДРП и *каким бы это упреком легло на партию* и как бы это было бы невыгодно рабочим организациям, могущим последовать такому примеру. Нам надо не создавать новых расколов, а настойчиво стремиться к объединению всех сознательных рабочих и социалистов в одну партию. Притом второй съезд был съездом очередным, а не учредительным. Исключение из партии может быть лишь по партийному суду, и никакая организация, ни самый Центральный Комитет не имеют права исключать какую-либо социал-демократическую организацию из партии. Больше того, на втором съезде принят восьмой параграф устава, по которому всякая организация в своих местных делах автономна (самостоятельна), а потому *Воронежский комитет имеет полное право проводить свои организационные взгляды в жизнь и в партию*.

Редакция новой «Искры», сославшись на этот листок в № 61, перепечатала вторую, набранную крупным шрифтом, часть приведенной тирады; первую же, набранную петитом, часть редакция *предпочла опустить*.

Стыдно стало.

с) НЕЧТО О ДИАЛЕКТИКЕ. ДВА ПЕРЕВОРОТА

Бросая общий взгляд на развитие нашего партийного кризиса, мы легко увидим, что основной состав обеих борющихся сторон все время был, за малыми исключениями, один и тот же. Это была борьба революционного и оппортунистического крыла нашей партии. Но борьба эта проходила самые различные стадии, и точное знакомство с особенностями каждой из этих стадий необходимо иметь всякому, кто хочет разобраться в накопившейся уже громадной литературе, в массе отрывочных указаний, вырванных из связи цитат, отдельных обвинений и пр. и пр.

Перечислим главные стадии, явственно отличающиеся одна от другой: 1) Спор о § 1 устава. Чисто идейная борьба об основных принципах организации. Мы с Плехановым в меньшинстве. Мартов и Аксельрод предлагают оппортунистическую формулировку и оказываются в объятиях оппортунистов. 2) Раскол организации «Искры» по вопросу о списках кандидатов в ЦК: Фомин или Васильев в пятерке, Троцкий или Травинский в тройке. Мы с Пле-

хановым завоевываем большинство (девять против семи), — отчасти именно благодаря тому, что мы были меньшинством по § 1. Коалиция Мартова с оппортунистами подтвердила на деле все мои опасения, вызванные инцидентом с ОК. 3) Продолжение споров о деталях устава. Мартова опять спасают оппортунисты. Мы опять в меньшинстве и отстаиваем права меньшинства в центрах. 4) Семерка крайних оппортунистов уходит со съезда. Мы оказываемся в большинстве и побеждаем коалицию (искровского меньшинства, «болота» и антиискровцев) на выборах. Мартов и Попов отказываются от мест в наших тройках. 5) Послесъездовская дрязга из-за кооптации. Разгул анархического поведения и анархической фразы. Наименее выдержанные и устойчивые элементы в «меньшинстве» берут верх. 6) Плеханов переходит, во избежание раскола, к политике «kill with kindness». «Меньшинство» занимает редакцию ЦО и Совет и атакует всеми силами ЦК. Дрязга продолжает заполнять все и вся. 7) Первая атака на ЦК отбита. Дрязга начинает как будто несколько затихать. Получается возможность сравнительно спокойно обсуждать два чисто идейные, глубоко волнующие партию, вопроса: а) каково политическое значение и объяснение того деления нашей партии на «большинство» и «меньшинство», которое сложилось на втором съезде и заменило собой все старые деления? б) каково принципиальное значение новой позиции новой «Искры» по организационному вопросу?

Каждая из этих стадий характеризуется существенно отличной конъюнктурой борьбы и непосредственной целью атаки; каждая стадия представляет из себя, так сказать, отдельное сражение в одном общем военном походе. Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1) «отрицается», уступая место все заполняющей дрязге*,

* Трудный вопрос о разграничении дрязги и принципиального расхождения решается теперь сам собою: все, что относится к кооптации, есть дрязга; все, что относится к анализу борьбы на съезде, к спорам о § 1 и о повороте к оппортунизму и к анархизму, есть принципиальное расхождение.

но затем начинается «отрицание отрицания» и, «ужившись» кое-как, с грехом пополам, с богоданной женой в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «антитезиса» и превратился в высший синтезис, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю.

Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающих с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: *mettere la coda dove non va il capo* (просунуть хвост, где голова не лезет).

Итог диалектического развития нашей партийной борьбы сводится к двум переворотам. Партийный съезд был настоящим переворотом, как справедливо отметил тов. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Правы также и те остряки из меньшинства, которые говорят: мир движется революциями, вот мы и совершили революцию! Они действительно совершили после съезда революцию; правда и то, что мир, вообще говоря, движется революциями. Но конкретное значение каждой конкретной революции этим общим изречением еще не определяется: бывают революции вроде реакций, перефразируя незабвенное выражение незабвенного тов. Махова. Надо знать, революцион-

ное или оппортунистическое крыло партии являлось реальной силой, совершавшей переворот, надо знать, революционные или оппортунистические принципы воодушевляли борцов, чтобы определить, вперед или назад двигала «мир» (нашу партию) та или иная конкретная революция.

Наш партийный съезд был единственным в своем роде, невиданным явлением во всей истории русского революционного движения. Впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет божий, показав всем и каждому весь ход и исход нашей внутренней партийной борьбы, весь облик нашей партии и каждой ее, сколько-нибудь заметной, части в вопросах программы, тактики и организации. Впервые удалось нам освободиться от традиций кружковой распущенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: *партии*. Но в политике жертвы не даются даром, а берутся с боя. Бой из-за умерщвления организаций неизбежно вышел страшно ожесточенным. Свежий ветер открытой свободной борьбы превратился в вихрь. Этот вихрь смел — и прекрасно, что смел! — все и всяческие остатки всех без исключения кружковщинских интересов, чувств и традиций, создав впервые действительно партийные должностные коллегии.

Но одно дело называться, другое дело быть. Одно дело жертвовать в принципе кружковщиной в пользу партии, другое дело отказываться от своего кружка. Свежий ветер оказался еще слишком свеж для привыкших к затхлой обывательщине. «Партия не вынесла своего первого конгресса», как справедливо выразился (нечаянно справедливо выразился) т. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Обида за умерщвление организаций была слишком сильна. Бешеный вихрь поднял всю муть со дна нашего партийного потока, и эта муть взяла реванш. Старая заскорузлая кружковщина осилила молодую еще партийность. Разбитое наголову оппортунистическое крыло партии одержало — временно, конечно, — верх над революционным крылом, подкрепившись случайной акимовской добычей.

В итоге получилась новая «Искра», вынужденная развивать и углублять ошибку, сделанную ее редакторами на съезде партии. Старая «Искра» учила истинам революционной борьбы. Новая «Искра» учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая «Искра» была органом воинствующей ортодоксии. Новая «Искра» преподносит нам отрывку оппортунизма — главным образом в вопросах организационных. Старая «Искра» заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западноевропейских оппортунистов. Новая «Искра» «поумнела» и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая «Искра» неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой «Искре» внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает — независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания — политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью. Она фарисейски осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против раскола в сколько-нибудь организованной сколько-нибудь партии, кроме подчинения меньшинства большинству. Она заявляет о необходимости считаться с революционным общественным мнением и, скрывая похвалы Акимовых, занимается мелким сплетничеством про комитеты революционного крыла партии*. Какой позор! Как они осрамили нашу старую «Искру»!

Шаг вперед, два шага назад... Это бывает и в жизни индивидуумов, и в истории наций, и в развитии партий. Было бы преступнейшим малодушием усомниться хоть на минуту в неизбежном, полном торжестве принципов революционной социал-демократии, пролетарской организации и партийной дисциплины. Мы завоевали уже очень многое, мы должны бороться и дальше, не падая духом при неудачах, бороться выдержанно, презирая обывательские приемы кружковой свалки, до последней возможности охраняя созданную с такими усилиями единую партийную связь всех социал-демократов России и добиваясь упорным и систематическим трудом полного и

* Для этого милого ваянтия выработалась уже и стереотипная форма: наш собственный корреспондент X сообщает про комитет большинства Y, что он дурно обошелся с товарищем из меньшинства Z.

сознательного ознакомления всех членов партии и рабочих в особенности с партийными обязанностями, с борьбой на II партийном съезде, со всеми причинами и перипетиями нашего расхождения, со всей губельностью оппортунизма, который и в области организационного дела так же беспомощно пасует пред буржуазной психологией, так же некритически перенимает точку зрения буржуазной демократии, так же притупляет оружие классово́й борьбы пролетариата, как и в области нашей программы и нашей тактики.

У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала. Эта армия все теснее и теснее будет смыкать свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад, несмотря на оппортунистические фразы жирондистов современной социал-демократии, несмотря на самодовольное восхваление отсталой кружковщины, несмотря на блестящие и шумиху *интеллигентского* анархизма.

Приложение

ИНЦИДЕНТ ТОВ. ГУСЕВА С ТОВ. ДЕЙЧЕМ

Сущность этого инцидента, тесно связанного с так называемым «фальшивым» (по выражению тов. Мартова) списком, упомянутым в письме тт. Мартова и Старовера, которое приведено в тексте § 1, состоит в следующем. Тов. Гусев сообщил тов. Павловичу, что этот список, состоявший из тт. Штейна, Егорова, Попова, Троцкого и Фомина, был передан ему, Гусеву, тов. Дейчем (стр. 12 «Письма» тов. Павловича). Тов. Дейч обвинял за это сообщение тов. Гусева в «умышленной клевете», и товарищеский третейский суд признал «сообщение» тов. Гусева «неправильным» (см. резолюцию суда в № 62 «Искры»). После того, как редакция «Искры» напечатала резолюцию суда, тов. Мартов (уже не редакция) выпустил отдельный листок под заглавием: «Резолюция товарищеского третейского суда», где перепечатал целиком не только резолюцию суда, но и полный отчет обо всем разборе дела, а также *свое послесловие*. В этом послесловии тов. Мартов, между прочим, называет «позорным» «факт подделки списка в интересах фракционной борьбы». На этот листок ответили делегаты II съезда тт. Лядов и Горин листком под заглавием: «Четвертое лицо в третейском суде», где они «энергично протестуют против того, что тов. Мартов позволяет себе идти дальше решений суда, приписывая тов. Гусеву дурные мотивы», тогда как суд наличности умышленной клеветы не признал, а постановил исключительно, что сообщение тов. Гусева неправильно. Тт. Горин и Лядов подробно объясняют, что сообщение тов. Гусева могло быть вызвано вполне естественной ошибкой, и характеризуют, как «недостойное», поведение тов. Мар-

това, который сам делал (и делает в своем листке) ряд ошибочных заявлений, произвольно приписывая тов. Гусеву дурной умысел. Дурного умысла, говорят они, тут вообще и быть не могло. Вот, если я не ошибаюсь, вся «литература» по этому вопросу, содействовать разъяснению которого я считаю своим долгом.

Прежде всего, необходимо, чтобы читатель дал себе точный отчет относительно времени и условий возникновения этого списка (списка кандидатов в ЦК). Как я уже указывал в тексте, организация «Искры» совещалась на съезде относительно списка кандидатов в ЦК, каковой список она могла бы сообща предложить съезду. Совещание кончилось расхождением; большинство организации «Искры» приняло список: Травинский, Глебов, Васильев, Попов и Троцкий, но меньшинство не пожелало уступить, настаивая на списке: Травинский, Глебов, Фомин, Попов, Троцкий. Обе части организации «Искры» не собирались уже вместе после того собрания, на котором были выдвинуты и провотированы эти списки. Обе части пошли в свободную агитацию на съезде, желая решить разделявший их спорный вопрос вотумом всего партийного съезда и стараясь привлечь возможно большее число делегатов на свою сторону. Эта свободная агитация на съезде сразу обнаружила тот политический факт, который так подробно проанализирован мной в тексте, именно: необходимость для меньшинства искровцев (с Мартовым во главе) опереться на «центр» (болото) и на антиискровцев для победы над нами. Это было необходимо, потому что громадное большинство делегатов, последовательно отстаивавших программу, тактику и организационные планы «Искры» против натиска антиискровцев и «центра», очень быстро и очень твердо встало на нашу сторону. Из 33 делегатов (точнее: голосов), не принадлежащих ни к антиискровцам, ни к «центру», мы очень быстро завоевали себе 24 и заключили «прямое соглашение» с ними, образовали «компактное большинство». Товарищ же Мартов оставался всего с девятью голосами; для победы ему необходимы были все голоса антиискровцев и «центра», с каковыми группами он мог идти вместе (как и по § 1 устава), мог «коалировать», т. е. мог иметь их поддержку, но не мог заключить прямого соглашения, не мог именно потому, что в течение всего съезда он не менее

резко, чем мы, боролся с этими группами. В этом-то и состоял трагикомизм положения тов. Мартова! Тов. Мартов хочет уничтожить меня в своем «Осадном положении» убийственно ядовитым вопросом: «почтительно просим тов. Ленина прямо ответить на вопрос: посторонним кому являлся на съезде «Южный рабочий?»» (стр. 23, прим.). Отвечаю почтительно и прямо: посторонним по отношению к тов. Мартову. Доказательство: я очень быстро заключил прямое соглашение с искровцами, а тов. Мартов не заключил и не мог заключить прямого соглашения ни с «Южным рабочим», ни с тов. Маховым, ни с тов. Брукером.

Только уяснив себе эту политическую ситуацию, можно понять, в чем «гвоздь» больного вопроса о пресловутом «фальшивом» списке. Представьте себе конкретно положение дела: организация «Искры» раскололась, и мы свободно агитируем на съезде, защищая свои списки. При этой защите в массе отдельных частных бесед списки комбинируются на сотни ладов, вместо пятерки намечают тройку, предлагают всевозможные замены одного кандидата другим. Я, например, хорошо помню, что в частных беседах большинства выдвигались и затем, после обсуждения и споров, отклонялись кандидатуры тт. Русова, Осипова, Павловича, Дедова⁸⁵. Очень может быть, что выдвигались и другие, неизвестные мне, кандидатуры. Каждый делегат съезда высказывал в беседах свое мнение, предлагал поправки, спорил и т. д. В высшей степени трудно предположить, чтобы это имело место исключительно среди большинства. Даже несомненно, что среди меньшинства происходило то же самое, ибо первоначальная их пятерка (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский) заменилась потом, как мы видели из письма тт. Мартова и Старовера, тройкой: Глебов, Троцкий, Попов, причем Глебов им не нравился, и они охотно заменяли его Фоминым (см. листок тт. Лядова и Горина). Не надо забывать, что те группы, на которые я делю делегатов съезда в тексте брошюры, размежеваны мной на основании анализа, произведенного *post factum**: в действительности же эти группы в предвыборной агитации только намечались, и обмен мнений между делегатами шел совершенно свободно; никакой «стены» между нами не было,

* — впоследствии. Ред.

и каждый говорил с любым делегатом, с кем он только желал говорить частным образом. Нет ровно ничего удивительного в том, что при такой обстановке среди всевозможных комбинаций и списков возник, наряду со списком меньшинства организации «Искры» (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский), не очень много отличающийся от него список: Попов, Троцкий, Фомин, Штейн и Егоров. Возникновение такой комбинации кандидатов в высшей степени естественно, потому что наши кандидаты, Глебов и Травинский, заведомо не нравились меньшинству организации «Искры» (см. их письмо в тексте § 1, где они удаляют из тройки Травинского, а про Глебова прямо говорят, что это — компромисс). Замена Глебова и Травинского членами Орг. Комитета, Штейном и Егоровым, была совершенно натуральна, и было бы странно, если бы никому из делегатов партийного меньшинства не пришла в голову идея такой замены.

Рассмотрим теперь два следующие вопроса: 1) от кого исходил список: Егоров, Штейн, Попов, Троцкий, Фомин? и 2) почему тов. Мартов глубоко возмущался приписыванием ему такого списка? Чтобы ответить *точно* на первый вопрос, необходимо было бы произвести опрос всех делегатов съезда. Теперь это невозможно. Необходимо было бы, в особенности, выяснить, какие делегаты партийного меньшинства (не надо смешивать его с меньшинством организации «Искры») слышали на съезде о списках, вызвавших раскол организации «Искры»? как отнеслись они к обоим спискам большинства и меньшинства организации «Искры»? не предлагали ли и не слышали ли каких-либо предположений или мнений относительно желательного видоизменения списка меньшинства организации «Искры»? К сожалению, эти вопросы не были предложены, повидимому, и на третьей сессии, которому (судя по тексту решения) осталось даже неизвестным, из-за каких «пятерок» разошлась организация «Искры». Тов. Белов, например (относимый мной к «центру»), «показывал, что он был в добрых товарищеских отношениях с Дейчем, который делился с ним своими впечатлениями по поводу работ съезда, и если бы Дейч вел какую-либо агитацию за тот или другой список, то он сообщил бы об этом и Белову». Нельзя не пожалеть, что осталось невыясненным, делился ли тов. Дейч на съезде с тов. Беловым

впечатлениями по поводу списков организации «Искры»? и если да, то как относился тов. Белов к пятерному списку меньшинства организации «Искры»? не предлагал ли или не слышал ли о каких-либо желательных изменениях в нем? Благодаря невыясненности этого обстоятельства получается то противоречие в показаниях тт. Белова и Дейча, которое уже отметили тт. Горини Лядов, именно, что тов. Дейч, вопреки своим утверждениям, «вел агитацию в пользу тех или других кандидатов ЦК», намеченных организацией «Искры». Тов. Белов показывает далее, что «о циркулировавшем на съезде списке он узнал, частным образом, дня за два до окончания съезда, встретившись с тт. Егоровым, Поповым и делегатами Харьковского комитета. При этом Егоров выразил удивление по поводу того, что его имя помещено в списке кандидатов в ЦК, так как по его, Егорова, мнению, его кандидатура не могла бы встретить сочувствия среди делегатов на съезде, как большинства, так и меньшинства». Крайне характерно, что здесь говорится, очевидно, о меньшинстве организации «Искры», ибо среди остального меньшинства партийного съезда кандидатура тов. Егорова, члена ОК и видного оратора «центра», не только могла, но, по всей вероятности, должна была бы встретить сочувствие. К сожалению, именно о сочувствии или несочувствии тех членов партийного меньшинства, которые не принадлежали к организации «Искры», мы не узнаем ничего от тов. Белова. А между тем этот-то вопрос и важен, ибо тов. Дейч возмущался приписыванием этого списка меньшинству организации «Искры», а список мог исходить от меньшинства, не принадлежавшего к этой организации!

Разумеется, в настоящее время очень трудно припомнить, кто первый высказал предположение о такой комбинации кандидатов и от кого услышал об ней каждый из нас. Я, напр., не берусь припомнить не только этого, но и того, кто именно из большинства первый выдвинул упоминавшиеся мной кандидатуры Русова, Дедова и других: из массы разговоров, предположений, слухов о всевозможных комбинациях кандидатов в моей памяти запечатлелись только те «списки», которые прямо ставились на вот в организации «Искры» или на частных собраниях большинства. «Списки» эти большей частью передавались

устно (в моем «Письме в редакцию «Искры»», стр. 4, строка 5 снизу, я называю «списком» именно устно предложенную мной на собрании комбинацию пяти кандидатов), но сплошь да рядом заносились и на записки, которые вообще посылались от делегата к делегату во время заседаний съезда и уничтожались обыкновенно после заседания.

Раз нет точных данных о происхождении пресловутого списка, остается предположить, что либо неизвестный меньшинству организации «Искры» делегат партийного меньшинства высказался за такую комбинацию кандидатов, которую мы имеем в этом списке, и эта комбинация, в устном и письменном виде, пошла гулять по съезду; либо за эту комбинацию высказался на съезде кто-либо из членов меньшинства организации «Искры», впоследствии забывший об этом. Более вероятным мне кажется второе предположение, и вот почему: кандидатура тов. Штейна, *несомненно*, встречала еще на съезде сочувствие меньшинства организации «Искры» (см. в тексте моей брошюры), а к идее о кандидатуре тов. Егорова *это* меньшинство, *несомненно*, пришло после съезда (ибо и на съезде Лиги и в «Осадном положении» выражается сожаление о неутверждении Организационного Комитета Центральным Комитетом, а тов. Егоров был членом ОК). Не естественно ли предположить, что эта, носившаяся, очевидно, в воздухе, идея о превращении членов ОК в члены ЦК была высказана кем-нибудь из членов меньшинства в частном разговоре и на съезде партии?

Но тов. Мартов и тов. Дейч склонны, вместо естественного объяснения, усматривать непременно какую-то *грязь*, подвох, нечто нечестное, распространение *«заведомо ложных слухов с целью опорочить»*, *«подделку в интересах фракционной борьбы»* и т. п. Это болезненное стремление может быть объяснено только нездоровыми условиями эмигрантской жизни или ненормальным состоянием нервов, и я не стал бы даже и останавливаться на этом вопросе, если бы дело не дошло до недостойного посягательства на честь товарища. Подумайте только: какие основания могли быть у гг. Дейча и Мартова искать грязного, дурного умысла в неверном сообщении, в неверном слухе? Их больное воображение нарисовало им, очевидно, такую картину, что большинство «порочило» их

не указанием на политическую ошибку меньшинства (§ 1 и коалиция с оппортунистами), а приписываньем меньшинству «заведомо ложных», «подделанных» списков. Меньшинство предпочитало объяснить дело не своей ошибкой, а грязными, нечестными, позорными приемами большинства! До какой степени безрассудно искать дурного умысла в «неправильном сообщении», это мы показали уже и выше, обрисовав обстановку дела; это ясно видел и товарищеский третейский суд, который никакой клеветы и ничего злоумышленного, ничего позорного не констатировал. Это, наконец, всего нагляднее доказывается тем фактом, что уже на съезде партии, еще до выборов, меньшинство организации «Искры» объяснялось с большинством по поводу неверного слуха, а тов. Мартов объяснялся даже в письме, которое было прочтено на собрании всех 24 делегатов большинства! Большинство и не думало скрывать от меньшинства организации «Искры», что на съезде циркулирует такой-то список: тов. Ленский сказал об этом тов. Дейчу (см. решение суда), тов. Плеханов говорил об этом тов. Засулич («с ней невозможно говорить, она, кажется, принимает меня за Трепова» — сказал мне тов. Плеханов, и эта шутка, много раз повторявшаяся, показывает еще раз ненормальное возбуждение меньшинства), я заявил тов. Мартову, что его утверждения (о непринадлежности списка ему, Мартову) для меня достаточно (протоколы Лиги, стр. 64). Тогда тов. Мартов (помнится, вместе с тов. Старовером) прислал нам записку в бюро, следующего приблизительно содержания: «Большинство редакции «Искры» просит допустить его на частное собрание большинства для опровержения распространяемых против него позорящих слухов». Мы с Плехановым ответили на этой же записке: «Никаких позорящих слухов мы не слышали. Если требуется собрание редакции, то об этом надо условиться особо. Ленин. Плеханов». Придя вечером на собрание большинства, мы рассказали об этом всем 24-м делегатам. Чтобы устранить возможность всяких недоразумений, решено было выбрать сообща делегатов от всех нас 24-х и послать этих делегатов объясниться с гг. Мартовым и Старовером. Выбранные делегаты, гг. Сорокин и Саблина, пошли и объяснили, что никто специально Мартову или Староверу списка не приписывает особенно после их заявления и что вовсе неважно,

от меньшинства ли организации «Искры» или от непринадлежащего к этой организации меньшинства съезда исходит так или иначе этот список. Ведь не дознание же, в самом деле, производить на съезде! не опрашивать же всех делегатов насчет такого списка! Но гг. Мартов и Старовер, кроме того, написали нам еще письмо с формальным опровержением (см. § i). Письмо это наши уполномоченные, гг. Сорокин и Саблина, прочли на собрании 24-х. Казалось бы, инцидент можно уже считать законченным, — законченным не в смысле розысков о происхождении списка (если это кому интересно), а в смысле полнейшего устранения всякой мысли о каком бы то ни было намерении «повредить меньшинству» или «опорочить» кого-либо или воспользоваться «подделкой в интересах фракционной борьбы». Между тем тов. Мартов в Лиге (стр. 63—64) опять вытаскивает эту вымученную больным воображением грязь, причем делает целый ряд *неправильных сообщений* (очевидно, вследствие своего возбужденного состояния). Он говорил, что в списке был бундовец. Это неверно. Все свидетели на третьейском суде, и гг. Штейн и Белов в том числе, подтверждают, что список был с тов. Егоровым. Тов. Мартов говорил, что список означал коалицию в смысле прямого соглашения. Это неверно, как я уже объяснил. Тов. Мартов говорит, что других списков, исходящих от меньшинства организации «Искры» (и способных оттолкнуть от этого меньшинства большинство съезда), «не было даже и подделано». Это неверно, ибо все большинство партийного съезда знало не менее трех списков, исходивших от тов. Мартова и К^о и не встретивших одобрения большинства (см. листок Лядова и Горина).

Почему так возмущал вообще этот список тов. Мартова? Потому, что список означал поворот к правому крылу партии. Тогда тов. Мартов вопиял против «ложного обвинения в оппортунизме», возмущался «неправильной характеристикой его политической позиции», а теперь все и каждый видят, что вопрос о принадлежности известного списка тов. Мартову и тов. Дейчу никакого политического значения сыграть не мог, что *по существу, независимо ни от этого, ни от какого другого списка*, обвинение было не ложно, а истинно, характеристика политической позиции была совершенно правильна.

Итог этого тяжелого, вымученного дела о пресловутом фальшивом списке получается следующий:

1) Посягательство тов. Мартова на честь тов. Гусева посредством криков о «позорном факте подделки списка в интересах фракционной борьбы» нельзя не назвать, вместе с гг. Гориным и Лядовым, недостойным.

2) В интересах оздоровления атмосферы и избавления членов партии от обязанности брать всерьез всякие больные выходки, может быть, следовало бы на третьем съезде установить такое правило, которое есть в организационном уставе немецкой соц.-дем. рабочей партии. § 2 этого устава гласит: «К партии не может принадлежать тот, кто оказался виновным в грубом нарушении принципов партийной программы или в бесчестном поступке. Вопрос о дальнейшей принадлежности к партии решает третейский суд, созываемый партийным правлением. Половину судей назначает тот, кто предлагает исключение, другую половину — тот, кого хотят исключить, а председателя назначает правление партии. Апелляция на решение третейского суда допускается в контрольную комиссию или в партийный съезд». Подобное правило может послужить хорошим орудием борьбы против всех тех, кто легкомысленно бросает обвинения (или распространяет слухи) относительно чего бы то ни было бесчестного. При существовании такого правила все такие обвинения раз навсегда относимы были бы к недостойным сплетням, пока у тех, кто обвиняет, не находится нравственного мужества выступить *перед партией* в роли обвинителя и добиваться вынесения вердикта подлежащим партийным учреждением.

ПИСЬМО ЧЛЕНАМ ЦК

Дорогие друзья! Борис передал мне, что пятеро членов ЦК (он, Лошадь, Валентин, Митрофан⁸⁶ и Травинский) вынесли мне порицание за мой вотум в Совете в пользу съезда и за мою агитацию в пользу съезда. Я прошу каждого из пяти подтвердить мне этот факт или разъяснить его, ибо я не постигаю, *как* можно порицать члена коллегии за то, что этот член сделал по праву и по обязанности. Можно не соглашаться с ним, можно отозвать его из Совета, но «порицать» странно, ибо пока я был в Совете, я *не мог не* вотировать по своему убеждению. Равно и агитация за съезд есть право всякого члена партии и всякого члена ЦК, так что полномочия коллегии по отношению к члену не могут (ни формально, ни морально) ограничить в этом праве никого из нас. Я обязан лишь сообщать, что половина или больше половины ЦК против съезда.

Что касается Совета, то дело устроилось теперь так: Борис назначен (пятью голосами, как он говорит) вместо Кола. Моя отставка (как он говорит) не принята. Я беру назад свою отставку и остаюсь в Совете. С этой стороны конфликт улажен, и я прошу лишь разъяснений по поводу «порицания».

Но гораздо важнее конфликт следующий: Борис заявил мне, что он считает невозможным оставаться в ЦК, если я (1) не прекращу агитации за съезд и (2) не буду противодействовать съезду. Разумеется, я не могу сделать ни того, ни другого и потому ответил Борису, что объяснюсь со всеми коллегами из ЦК, а затем дам ему ответ, который будет состоять в том: уйду я из ЦК или нет.

По поводу этого конфликта, грозящего привести к отставке одного из нас (или даже одной из двух частей ЦК), я считаю крайне важным обстоятельное объяснение, не стогоряча и со знанием дела. Я в большой претензии на Бориса за то, что он выдвинул свой «ультиматум», не прочитав ни *протоколов Совета* (крайне важны!), ни моей брошюры*, где я выясняю свою *принципиальную* позицию. Разумно ли обострять конфликт, не разобравшись в очень сложном вопросе? Разумно ли обострять его, когда *в основе* мы солидарны (по крайней мере, та декларация от имени ЦК, которую писал Валентин, которая была послана к нам, но *не дошла*, и о которой мне рассказал Борис, подчеркивает нашу общую принципиальную позицию в организационном вопросе, в отличие от оппортунистической позиции меньшинства)? Даже относительно съезда мы расходимся лишь в вопросе о сроке, ибо Борис вовсе не зарекается созвать съезд $\frac{1}{2}$ годом — годом позже. Посмотрите, что выходит: съезд по закону должен быть будущим летом; я считаю, что в *лучшем* случае, в случае полнейшего успеха нашей агитации съезд *невозможен* раньше чем через полгода, а вероятнее, что затянется и дальше. Оказывается, что наше «разногласие» сводится к определению момента! Разумно ли из-за этого расходиться? Посмотрите на дело с чисто политической точки зрения: Борис говорит, что агитация за съезд несовместима с укреплением положительной работы и первая вредит второму. Я не разделяю мнения об этой несовместимости, но допустим даже, что Борис прав. Допустим, что он добьется ухода из ЦК несогласномыслящих с ним по этому вопросу. Какой будет результат? *Несомненно*, страшное обострение агитации, обострение отношений большинства к ЦК, обострение и для Бориса неприятной ему работы противодействия съезду. Расчет ли обострять так дело? Борис говорит, что он против съезда, ибо съезд есть раскол. Я думаю, что Борис тут неправильно учитывает настоящую и завтрашнюю ситуацию, но если даже Борис прав, то, добившись нашего ухода из ЦК, он этим страшно *усилит* вероятность раскола, именно тем, что несомненно обострит ситуацию. Обострение конфликта внутри ЦК нерасчетливо ни с какой точки зрения.

* См. настоящий том, стр. 185—392. Ред.

По существу, мы расходимся с Борисом *лишь* в том, что он считает раскол на 3-ем съезде неизбежным, а я невероятным. Мы оба думаем, что 3-ий съезд даст большинство за нас. Борис думает, что меньшинство уйдет из партии: ни нам, ни Мартову не удержать-де крайних. Я думаю, что Борис не учитывает быстро эволюционирующей ситуации, которая сегодня не та, что вчера, а завтра будет не та, что сегодня. Борис стоит на точке зрения вчерашней ситуации (когда дрызга отодвигала на задний план принципы, когда *можно было* надеяться на сглаживание, на затушевывание, на успех личных уступок). Эта ситуация миновала, как я обстоятельно доказываю в своей брошюре и как доказывает повальное недовольство новой «Искрой» (даже столь мягких людей, как литературная группа при ЦК в России). Сегодняшняя ситуация уже другая: принципы оттесняют дрызгу. Дело уже не в кооптации, далеко нет. Дело в том, *права ли в принципе новая «Искра»?* Именно недовольство принципиальной позицией новой «Искры», которое неизбежно будет расти и расти, вызывает все сильнее агитацию за съезд: этого обстоятельства не оценивает Борис. Завтрашняя ситуация еще дальше отодвинет назад дрызгу. С одной стороны, и меньшинство морально и политически не сможет уйти (*потерян* момент для этого, который был после съезда Лиги). С другой стороны, как я заявлял *уже в Совете* (еще раз прошу вас всех прочесть обязательно протоколы Совета, раньше чем рубить трудный вопрос), мы вовсе не против сделки. Я говорю всем и каждому, что я лично *безусловно* готов (1) гарантировать всем старым редакторам издание на счет партии всего, что они напишут, без изменений и без примечаний; (2) приостановить до 4-го съезда право ЦК вводить и исключать членов местных комитетов; (3) гарантировать особой резолюцией особенно большие права *меньшинства* и даже (4) — *условно, на случай крайности*, — сделать «Искру» нейтральной, устранив из нее обоюдную полемику (посредством комиссии практиков от обеих сторон и т. п.). Я думаю, что меньшинство 3-го съезда, будучи небольшим меньшинством, не сможет при такой ситуации уйти со съезда. Я думаю, что на 3-ем съезде мы окончательно рассеем, формальными решениями рассеем миф «осадного положения» и добьемся того, что споры будут идти, *не мешая*

положительной работе. Ведь в этом гвоздь кризиса! этого я добивался на Совете, за это наверное будет $\frac{8}{10}$ съезда! Я прекрасно знаю, что этого добивается и Борис, но без съезда этого не добиться. Ошибочно думает Борис, что мы начали натиск (агитацией за съезд) и что меньшинство развадорено этим. Наоборот: только после ряда писем и призывов до Совета и в Совете мы высказались за съезд, и только агитацией мы показали несколько свою силу. Кто не хочет попасть в смешное (хорошо еще, если только смешное!) положение Плеханова (прочтите фельетон в № 65), тот должен открыто и прямо занять позицию в борьбе. Агитации за съезд не остановить теперь ничем. Надо относиться к ней терпимо, если хотите, нейтрально, и тогда она не мешает положительной работе. Горячиться против этой агитации бесполезно.

Усердно прошу ответить мне *каждого* из ЦК. Нам обязательно надо дотолковаться и выяснить себе дело, чтобы работать вместе не без некоторых разногласий, но без конфликтов и без взаимовышибаний.

Написано 13 (26) мая 1904 г.

*Напечатано с некоторыми изменениями в 1904 г. в брошюре: Н. Шахов.
«Борьба за съезд», Женева*

Печатается по рукописи

ЗАЯВЛЕНИЕ ТРЕХ ЧЛЕНОВ ЦК

Три члена ЦК, *Глебов*, *Зверев*⁸⁷ и *Ленин*, обсудив разногласия внутри ЦК, пришли к следующим выводам, которые должны быть сообщены всем членам ЦК:

1) Разногласие началось с вопроса о созыве съезда. После того, как *Ленин* и *Васильев* высказались за съезд в Совете партии, большинство ЦК (пятью голосами против четырех, причем голос *Травинского* был передан т. *Глебову*) высказалось против съезда. Тогда *Ленин* и *Васильев* заявили о своем временном выходе из Совета. В настоящее время, конфликт этот улажен так*, что членами Совета от ЦК считаются *Глебов* и *Ленин*.

2) Т. *Глебов* заявил т. *Ленину*, что он, *Глебов*, уходит из ЦК, если *Ленин* не откажется вести агитацию (вне ЦК) за съезд и не будет противодействовать съезду. *Ленин*, считая такую постановку вопроса неправильной и принципиально недопустимой, заявляет, что опросит мнение каждого из членов ЦК и даст тогда ответ, который может состоять только в том, уходит ли он, *Ленин*, из ЦК или нет. (То, что относится к *Ленину*, относится, с точки зрения т. *Глебова*, и ко всем согласным с *Лениным* членам ЦК.)

3) Чтобы точно охарактеризовать разногласие внутри ЦК в настоящий момент, необходимо установить, что т. *Валентин* и т. *Никитич*⁸⁸ в написанной ими в марте месяце и одобренной т. *Глебовым* декларации заявляли: 1) что они решительно против кооптации по требованию

* Смотри об этом письмо *Ленина*, одобренное т. *Глебовым* и при сем прилагаемое. (См. настоящий том, стр. 393—396. Ред.)

меньшинства; 2) что они разделяют организационные взгляды, изложенные в брошюре «Что делать?» и 3) что они, или по крайней мере двое из них, не одобряют оппортунистической позиции некоторых партийных писателей. Относительно же съезда т. Глебов убежден, что 1) расхождение по этому вопросу вносит двойственную политику в ЦК и 2) съезд может привести к расколу. Не желая принимать за это на себя ответственности, он и заявляет о неизбежности своего выхода из ЦК. Ленин же полагает, что ЦК, как коллегия подотчетная, должен быть нейтрален в вопросе о съезде, предоставив свободу агитации всем своим членам. Раскол же невероятен, ибо большинство допускает в принципе сделку на съезде вплоть до нейтрализации «Искры».

4) Впредь до разрешения указанного конфликта, т. Глебов и т. Ленин выступают официально и во всех действиях от имени ЦК не иначе как с общего согласия и за совместной подписью.

Женева, 26 мая 1904 г.

Члены ЦК *Глебов*
Зверев
Ленин

Напечатано с некоторыми изменениями в 1904 г. в брошюре: Н. Шахов. «Борьба за съезд», Женева

Печатается по рукописи

К ПАРТИИ

ПЛАН ОБРАЩЕНИЯ

I. Ответ на сплетни о бонапартизме. Вздор. Отвечать ниже достоинства. Свобода агитации за съезд. Центральный Комитет, *qua talis**, в отличие от ЦО, не высказывается.

Решить должны комитеты, и ЦК приглашает их спокойно, осторожно взвесить *pro* и *contra*'s**, выслушать обе стороны, ознакомиться с документами, не торопясь, сознав свои партийные обязанности.

II. Призыв к положительной работе. Значение момента: война. Призыв делегатов ЦК в Совете***. *Repetitio*****. Идейная борьба не должна мешать положительной работе. Недопустимые формы борьбы. Не преувеличивать разногласий и расхождений.

III. Попытка налаживать постепенно сносные отношения. (Призыв Карла Каутского⁸⁹.)

Центральный Комитет предлагает условия относительно *modus vivendi******:

- (1) всем *б* право издания на счет партий всего.
- (2) *idem****** — литературной группе с представительством на съезде.
- (3) приостановка на продолжительный период введения и исключения членов.

* — как таковой. *Ред.*

** — за и против. *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 129—131. *Ред.*

**** — повторение. *Ред.*

***** — оброта действий. *Ред.*

***** — то же. *Ред.*

(4) гарантия на продолжительный период некоторых прав меньшинства.

(5) гарантия распределения и доставки *всех* партийных изданий по желанию комитета.

(6) перемирие на срок не менее $\frac{1}{2}$ года; финал — брошюра в 16 страниц пополам. Последнее слово меньшинству.

Написано позднее 15 (28) мая 1904 г.

*Впервые напечатано в 1930 г.
в Ленинском сборнике XV*

Печатается по рукописи

СОВЕТ РСДРП

31 МАЯ (13 ИЮНЯ) И 5 (18) ИЮНЯ 1904 г.⁹⁰

.

1

РЕЧИ О МЕЖДУПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
31 МАЯ (13 ИЮНЯ)

I

Пожелает ли Совет прочесть предложение PPS*? (Плеханов: «Да, это желательно».) «Польская социалистическая партия всегда считала необходимым тесное сближение между польским и русским социалистическими лагерями в видах большей успешности борьбы с общим врагом — царизмом. К сожалению, до сих пор такое сближение не могло быть осуществлено, что порождало ряд неудобств в практической деятельности для обеих сторон. Ввиду этого мы с радостью приветствуем восстановление РСДРП в качестве сплоченного целого, с ответственными за все проявления ее деятельности центральными учреждениями, так как это дает нам возможность сделать первый шаг по пути к осуществлению издавна нами намеченной цели. Для нас ясно, что продолжительное отсутствие правильных сношений между вами и нами породило целый ряд взаимных недоразумений и шероховатостей, которые должны быть уничтожены и сглажены прежде, чем мы приступим к окончательной регламентации желательного соглашения. Поэтому наш Центральный рабочий комитет решил обратиться к вам с предложением созвать в ближайшем будущем за границей конференцию, в которой приняли бы участие делегаты вашей партии для обсуждения с тремя нашими делегатами оснований и условий совместной борьбы обеих партий. Результаты этой конференции могли бы лечь в основу будущего соглашения между соответствующими инстанциями РСДРП и ППС. — В ожидании возможно скорого ответа и т. д.»

* — ППС — Польская социалистическая партия. *Ред.*

В ответ на это письмо ЦК обратился к PPS с просьбой сообщать более подробные сведения о том, какого рода конференцию, из представителей каких именно учреждений, когда и где проектирует PPS. Кроме того, он просил уведомить, как отнеслась бы PPS к участию в конференции польских социал-демократов.

PPS ответила нам следующим письмом:

«Уважаемые товарищи! Несколько удивило нас ваше письмо, так как ответы на вопросы, в нем заключающиеся, уже содержатся, как нам кажется, в первом нашем письме. Конференция, предлагаемая нами, имела бы подготовительный характер для выяснения оснований сближения наших партий; могла бы она выработать, например, проект постоянного договора.

С нашей стороны три делегата для переговоров с вами назначены ЦК, который является в нашей партии самой высшей инстанцией между съездами. Полагаем, что вы назначите представителей для переговоров с нами от соответствующей инстанции вашей партии, либо от того учреждения, которое имеет право и соответствующие полномочия для ведения подобных переговоров.

Съезд мы предлагаем за границей. Место — вещь второстепенная, хотя более удобной для нас была бы Вена. Наш ЦК назначил делегатов для переговоров с вашей партией, а не с социал-демократической партией Польши и Литвы, а потому об участии делегатов социал-демократической партии Польши и Литвы не может быть и речи».

Вот все документы об обращении PPS к нашей партии. Мне лично кажется, что предложение PPS, при условии отказа пригласить на проектируемую ею конференцию делегатов от польской социал-демократии, не может быть принято нами. Что же касается предложения финляндцев, мы можем ответить на него принципиальным согласием на предварительную конференцию. Поэтому, я думаю, нашу резолюцию можно было бы формулировать таким образом:

«РСДРП в принципе соглашается на предварительную конференцию с представителями различных революционных и оппозиционных партий — для соглашения по известным частным вопросам».

Что же касается предложения т. Мартова устроить предварительную конференцию только социал-демократических групп, то едва ли оно целесообразно, потому что

кроме Бунда, польской социал-демократии и партии «Пролетариат»⁹¹ есть еще на окраинах социал-демократические организации, привлечение которых вряд ли удобно, а неприглашение их на конференцию могло бы обидеть их.

II

Товарищи Аксельрод и Мартов утверждают, что у латышей две фракции. (Мартов: «Два течения».) Теперь выходит так, что мы должны сойтись на конференции с той, которая льнет к социалистам-революционерам, к «Освобождению» и тяготеет к террору (по словам т. Аксельрода), вторая же фракция — очень слаба. Необходимо точнее узнать, как обстоит дело. Если это только два течения, то нас это не касается, и мы объединяемся с существующей латышской партией. Если же там существуют фракции, то мы можем оказаться в очень неловком положении, сделав неудачный выбор. Нужно предварительно выяснить и силу и направление этих фракций. Что же касается Кавказа, то его, по моему, необходимо привлечь к конференции. Для этого нам следует узнать, имеются ли там социал-демократические организации, которые могли бы идти с нами рука об руку.

2

РЕЧИ О КООПТАЦИИ В КОМИТЕТЫ И О ПРАВЕ ЦК
ВВОДИТЬ В НИХ НОВЫХ ЧЛЕНОВ
5 (18) ИЮНЯ

I

В этой резолюции, независимо от ее практического вывода, я предложил бы изменить ее начало. Так как по существу о московском конфликте мы не можем вынести определенных решений за недостаточностью данных, то и резолюцию не следовало бы приводить в связь с предшествующими конфликтами. Я бы предложил вообще в случае обращения от одной части организации с выражением неудовольствия на другую часть — доводить об этом обращении до сведения другой заинтересованной стороны, чтобы дать ей возможность с своей стороны высказаться. Например: относительно московского конфликта дело обстояло не так, как говорит т. Мартов. По моим сведениям, трое из пяти желали пополнить комитет двумя новыми членами, на что остальные соглашались, но при условии введения еще одного с их стороны, т. е. сохраняя, и даже усиливая, преобладающее направление. Только категорический отказ со стороны большинства согласиться на эту комбинацию вызвал со стороны московских товарищей желание опереться на устав. Если один член ЦК высказался за толкование устава большинством комитета, зато другой представитель ЦК высказался против такого толкования.

Я излагаю это только для справки и для занесения в протокол. Итак, я предлагаю изменить начало резолюции т. Мартова в том смысле, что она имеет в виду установление известного правила впредь, на будущее время. По существу же я высказался бы за то, чтобы всякую дробь считать за единицу.

II

Данный инцидент еще раз приводит к мысли о необходимости, в случае жалобы от одной какой-нибудь стороны, сейчас же извещать об этом и другую сторону, чтобы она могла дать свои разъяснения. Только в таком случае мы будем иметь возможность принимать те или иные решения по поводу возникающих конфликтов. По нашим сведениям, дело обстояло так. Николаевский комитет состоял из представителей большинства. Потом случился полный провал. После этого ЦК, или, быть может, его представитель, назначает в Николаевский комитет трех членов, в том числе двух, не бывших в Николаеве, и одного, уже работавшего там и имевшего целый ряд связей. Возможно, что и этот один в момент провала в Николаеве не был. Когда кандидаты ЦК приехали в Николаев, они застали там уже двух членов из меньшинства, желающих работать, и согласились принять их. Значит, трое кооптировали двух. Так обстоит дело. Для проверки можно навести справки у членов комитета, если они еще не провалились... (Мартов: «Уже провалились...»)

По нашим сведениям, эти факты представляются в совершенно ином свете, и мне кажется, что двое членов из большинства поступили правильно. Место нахождения кандидатов, назначенных ЦК, не может служить поводом для непринятия их. Опять предлагаю резолюцию о выслушании, в случае жалобы, двух сторон. Затем, что касается вопроса по существу, то я не согласен с резолюцией т. Мартова принципиально. Нельзя лишить ЦК права вводить в комитеты своих кандидатов. Конечно, всякой властью могут злоупотреблять, но для борьбы с этим злом имеется контроль — в форме, например, прессы или деятельности Совета и т. д. Я присоединяюсь к тому мнению, что вопрос о фракционных оттенках при кооптации новых членов не должен иметь места. Мне до сих пор неизвестно ни одного факта насильственного введения членов Центральным Комитетом. Все подобные речи о насильственном введении заставляют ЦК быть очень осторожным, и простой такт подсказывает ему не пользоваться своим правом.

III

Я хочу сделать несколько замечаний. Прежде всего я хотел бы указать, что утверждение, будто в Николаевский комитет были присланы два кандидата из Одессы или даже Одесским комитетом, основано на каком-то недоразумении. По всей вероятности, в Одессе был агент ЦК, который и принял меры для восстановления Николаевского комитета после провала. Во всяком случае, нам вполне определенно известно, что три лица были назначены туда не кем иным, как Центральным Комитетом. Это я говорю, между прочим, для устранения возможных тут недоразумений. Во-вторых, заявление т. Мартова, что и ему тоже неизвестно ни одного случая насильственного введения ЦК своих кандидатов в местные комитеты, очень важно, — тем более важно, что редакция, при помощи своих агентов, является вполне осведомленной о положении дел в партии. Что же касается девицы, которая, по словам т. Мартова, требовала ввести ее в Московский комитет без баллотировки, то этот пример вряд ли может иметь какое-нибудь значение, так как ни обстоятельства дела, ни степень полномочий этой девицы нам неизвестны; да, наконец, ведь эта девица была принята в комитет все-таки после баллотировки. В-третьих, очень важным считаю также отметить фразу т. Мартова, что при нормальных условиях невозможно ограничить влияние ЦК на состав местных комитетов. Если тут указывают на обвинения по адресу ЦК в искусственной «фабрикации» комитетов, то такие же нарекания нередко раздаются и по адресу Центрального Органа. Но раз на самом деле таких фактов нет, как это утверждает и сам т. Мартов, и весь вопрос сводится лишь к *возможности* таких фактов, то мне кажется, что этого последнего мотива еще недостаточно, чтобы ограничивать власть ЦК, тем более, что практически одна уже такая постановка вопроса внесет известное раздражение. Я готов присоединиться к мнению т. Мартова, что упоминаемые им два члена Николаевского комитета — очень ценные революционные деятели, — но ведь они же и были приняты в комитет.

Вообще, можно сказать, что ЦК, ввиду именно всевозможных нареканий за последнее время, поступал с величайшей осторожностью и не спешил пользоваться своим

правом ввода новых членов в местные организации. И я ничего не имею против того, чтобы осторожная тактика была на время закреплена формально — во избежание и для прекращения ложных слухов о Центральном Комитете. Затем, что касается поднятого нами вопроса об уведомлении второй заинтересованной стороны в случае жалобы, то я предлагаю следующую резолюцию: «Совет партии просит партийные организации во всех тех случаях, когда какая-либо часть организации обращается с жалобой или с вопросом в Совет партии, немедленно сообщать полностью содержание этой жалобы или этого вопроса другой части организации, ибо Совету партии необходимо иметь изложение дела обеими сторонами для решения спора. Та же просьба относится и к случаям жалобы одной организации на другую организацию»⁹².

3

РЕЧЬ О ГАЗЕТЕ «РАССВЕТ»⁹³
5 (18) ИЮНЯ

К сожалению, я не очень многое могу сказать в защиту «Рассвета». До сих пор этот опыт действительно приходится признать не совсем удавшимся. Бонч-Бруевич — литератор неопытный и мог рассчитывать на помощь других литераторов в партии. Помощи этой он не встретил, и при таких условиях возлагать всю ответственность за неудачу на него одного несправедливо. Пока прошло всего лишь пять месяцев со времени начала издания. Возможно, что орган еще сможет стать на ноги, особенно, если к нему придут на помощь другие литераторы. Кое-что все-таки сделано: связи среди сектантов расширяются и в Америке и в России. Кроме того, следует заметить, что в денежном отношении это издание не ложится на плечи партии, так как «Рассвет» издается на отдельные средства. Считаю закрытие «Рассвета» преждевременным и предлагаю продолжать опыт.

ЧЕГО МЫ ДОБИВАЕМСЯ?

(К ПАРТИИ)

Недавно состоялось частное собрание 19 членов РСДРП (в том числе делегатов II съезда, членов комитетов и др. партийных организаций и не входящих в партийные организации революционеров). Эта конференция единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II партийного съезда, обсуждала вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем русским с.-д-там с нижеследующим воззванием.

Товарищи! Тяжелый кризис партии затягивается до бесконечности. Смута все растет, плодя новые и новые конфликты, тормозя по всей линии и в самых угрожающих размерах положительную работу, разрывая все более и более связь между партией и ее Центральным Органом, который окончательно превратился в орган кружка и главным образом заграничного кружка. Выскивание разногласий, выкапыванье старых, давно решенных и отошедших в область прошлого вопросов, заигрыванье с последовательными оппортунистами, невероятная путаница в рассуждениях, бесстыдное игнорирование партийного съезда, его прений и его решений, издевательство над партийной организацией и дисциплиной, над большинством создавших партию и ведущих работу на местах революционеров, злобное и придирчивое, основанное на недоказуемых данных и на непроверенных сообщениях анонимных, хихиканье по поводу недостатков работы в комитетах революционного крыла партии, — вот что мы видим в новой «Искре», ставшей очагом смуты, вот что дала нам отвергнутая съездом редакция, воспользовавшаяся личными уступками для новых кооптационных дрызг, для дела разрушения партии.

А между тем переживаемый Россией исторический момент требует от нашей партии напряжения всех ее сил. Революционное возбуждение в рабочем классе, брожение в других слоях населения все растет, война и кризис, голод и безработица подкапывают основы самодержавия все глубже, позорный конец позорной войны не так уже далек, и этот конец неминуемо удесятирит революционное возбуждение, поставит рабочий класс лицом к лицу с его врагами, потребует самых решительных наступательных мер от социал-демократии. Сплоченная партийная организация, выдержанное революционно-марксистское направление, введение внутрипартийной борьбы в приличные и достойные рамки, так чтобы эта борьба не вносила дезорганизации и не мешала положительной работе, — эти настоятельные требования всего рабочего движения России должны быть немедленно и во что бы то ни стало осуществлены под угрозой полной потери доброго имени Российской социал-демократической рабочей партии и всего приобретенного ею влияния.

Первым шагом к достижению этой цели мы считаем внесение полной ясности, откровенности и прямоты в отношениях между разными группами, направлениями и оттенками нашей партии. Споры нет, бывают моменты, когда польза дела требует умолчания о частичных расхождениях, но было бы самой печальной и непростительной ошибкой считать таковым момент, переживаемый нашей партией. Личные уступки меньшинству не удержали смуты, спорные вопросы поставлены уже ребром, всей партии брошен прямой вызов, и только дряблость и невежество могут мечтать о возврате невозвратного прошлого, о возможности что-то скрыть, чего-то недоговорить, что-то замазать, от чего-то спрятаться. Нет, политика умывания рук, политика пассивного воздержания, политика *laissez faire, laissez passer** доказала уже свою полнейшую негодность в нашей партийной борьбе. Дальнейшая уклончивость, хитрость и умолчание были бы не только бесцельны и презренны, но и прямо преступны. Мы делаем почин прямого изложения всей программы нашей борьбы внутри партии, мы призываем к такому изложению представителей всех и всяческих оттенков русских социал-демократов, как входящих в пар-

* — невмешательства. Ред.

тию, так и намеревающихся, при известных условиях, войти в нее. Только полная ясность и прямота способны дать всем сознательным рабочим и всем членам партии материал для разумного и твердого решения спорных партийных вопросов.

Мы стоим на точке зрения большинства II партийного съезда. В неправильности позиции меньшинства на съезде, в стремлении отстоять эту позицию независимо от воли партии мы видим основную причину всех дальнейших ошибок и всей смуты. Неправильность была двойная: во-1-х, старому редакторскому кружку «Искры» не у кого было искать поддержки, кроме как у оппортунистического крыла нашего съезда и нашей партии. Во-2-х, это соединение с явными оппортунистами (во главе которых находился и продолжает находиться тов. Акимов) окончательно сплотилось и стало партийным делением лишь на таком вопросе, как выборы в центры. Из первой неправильности логически неизбежно вытекла вся та принципиальная путаница и все те оппортунистические шатания, которые мы видим в рассуждениях новой «Искры», поскольку эти рассуждения могут быть признаны принципиальными. Из второй неправильности вытекло отстаивание старого редакторского кружка вопреки воле партии, защита и оправдание кружковщины против партийности, внесение в наши споры таких приемов, какие целиком свойственны обывательской дрязге и кружковой сваре, а не борьбе членов партии, умеющих уважать и свою партию и самих себя. Из первой неправильности логически неизбежно вытекло то, что вокруг меньшинства сплотилось все, тяготеющее к оппортунизму, все, что склонно тащить партию назад и взять реванш за обиды, нанесенные революционной социал-демократией ее противникам, все, выражающее собой интеллигентские тенденции нашего движения, все, склонное к интеллигентски-анархическому отрицанию организации и дисциплины. Из второй неправильности вытекло господство заграничного кружка над большинством русских работников и разгул специфически амигрантских скандалов, которые заменяют для меньшинства способы убеждения.

Всякие сомнения теперь исчезли. Никакие колебания невозможны для тех, кто не на словах только является членом партии, для тех, кто на деле хочет отстаивать

насущенные интересы нашего рабочего движения. Борьба объявлена, объявлена и ведется по всей линии меньшинством, и мы принимаем вызов, мы объявляем непримиримую борьбу, борьбу до конца. Мы боремся против кружковщины вообще и против старого редакторского кружка в особенности во имя партийности. Мы боремся во имя интересов русского рабочего движения против заграничной дрязги. Мы боремся во имя революционно-пролетарских тенденций нашего движения против интеллигентски-оппортунистических. Мы боремся за выдержанное направление революционной социал-демократии против шатаний, зигзагов и возвратов к давно отжитому прошлому. Мы боремся за сплоченную партийную организацию нашего рабочего авангарда против интеллигентской распущенности, дезорганизации и анархии. Мы боремся за уважение к партийным съездам против дряблой переметчивости, против слов, расходящихся с делами, против издевательства над договорами и решениями, сообща принятыми. Мы боремся за партийную гласность против тактики новой «Искры» и нового Совета партии затыкать рот большинству и прятать под спудом свои протоколы.

Из нашей программы борьбы сами собою вытекают ее средства и ее ближайшие цели. Первым средством является всесторонняя и самая широкая устная и письменная агитация. На этом пункте не стоило бы останавливаться, если бы полная дрязг борьба меньшинства не породила у нас в партии того (справедливо осмеянного уже Екатеринославским комитетом и многими другими организациями) пресловутого «примиренства», которое прячет голову под крыло и проповедует прекращение борьбы большинства с меньшинством. Только малодушием, утомлением или одичалостью можно объяснить существование таких ребяческих взглядов, которые недостойны сколько-нибудь взрослого члена партии. Можно и должно говорить о введении партийной борьбы в партийные рамки, можно и должно добиваться этого не одними только усовещеваниями, но предложение перестать отстаивать то, что отстаивалось перед лицом всей партии на съезде и что считается необходимым в насущных интересах партии, такое предложение, если бы его решились сделать публично, было бы достойно лишь общего преарения.

Вторым и решающим средством борьбы мы считаем созыв партийного съезда. Мы поддерживаем всецело те комитеты, которые выступили с требованием немедленного созыва третьего партийного съезда. Мы считаем долгом в особенности остановиться на тех лицемерных доводах, которыми редакция новой «Искры» и ее явные и тайные пособники аргументируют против съезда, старательно пряча эту (трудно совместимую с партийным долгом) аргументацию от глаз света (как прячет Заграничная лига и редакция «Искры», агитация которой лишь отчасти вынесена наружу и разоблачена комитетами). Довод первый: съезд поведет к расколу. Уже один тот факт, что меньшинство выступает с подобным доводом, показывает всю фальшь его позиции. Ведь говоря так, меньшинство признает, что партия против него, что заграничный кружок навязал себя силой партии, что он держится лишь благодаря отдаленности России и трудности внешних условий работы настоящих революционеров. Кто честно относится к партии, кто искренно хочет работать вместе, тот не боится, а желает съезда для устранения смуты, для приведения в соответствие партии и ее должностных коллегий, для уничтожения недостойной двусмысленности. Выдвигать раскол, как пугало, значит лишь наглядно показывать нечистую совесть. Без подчинения меньшинства большинству не может быть партии, сколько-нибудь достойной имени рабочей партии, и если необходимы взаимные (а не односторонние) уступки, если требуются иногда сделки и договоры между частями партии, то единственно на съезде они возможны и они допустимы. Ни один уважающий себя революционер не пожелает оставаться в партии, которая держится вместе лишь благодаря искусственным оттяжкам партийного съезда.

Довод второй: еще возможно примирение без съезда. На чем основано такое мнение, неизвестно. Сторонники его выступают и действуют не иначе, как закулисно. Не пора ли бросить эту закулисную интригу, которая только удесятерит взаимное недоверие, только обостряет вражду и затемняет положение? Не оттого ли нет ни у одного человека решимости выступить публично с планом примирения, что при данном положении и невозможен такой план, который бы не вызвал в лучшем случае смеха? Кто разумеет под миром кооптацию излюбленных

меньшинству лиц в ЦК, тот хочет не мира, а обостренной борьбы большинства, тот не понимает, что партийная борьба бесповоротно выросла из чисто кооптационной дрязги. Кто понимает под миром прекращение споров и борьбы, тот возвращается к психологии старого кружка: в партии всегда будут споры и борьба, их надо лишь ввести в партийные рамки, а это под силу лишь съезду. Одним словом, как ни вертите этот лозунг мира без съезда, как ни поворачивайте эту идею примирить борющихся, не удовлетворяя ни одной стороны, — вы увидите, что эта гениальная идея выражает лишь растерянность и отсутствие мысли, лишь незнание, чего хотеть и чего добиваться. Если даже план такого влиятельного (в прежнее время влиятельного) человека, как Плеханов, погасить пожар в самом его начале посредством максимальных личных уступок, — потерпел полное фиаско, то можно ли говорить серьезно о подобных планах теперь?

Довод третий: возможна подделка съезда. На этот довод уже ответил Петербургский комитет, назвав его инсинуацией⁹⁴. И это заявление местного комитета было пощечиной, заслуженной теми, кто из-за угла бросал обвинения, не имея и тени фактов, хотя в руках меньшинства и высший Совет и печатный орган партии, так что меньшинство держит в своих руках не только орудие публичного разоблачения подозреваемых им злоупотреблений, но и орудие административного исправления и воздействия. Все и каждый понимает, что меньшинство давно прокричало бы о фактах, если бы они были, и что недавняя резолюция Совета, доказывая отсутствие фактов в прошлом, гарантирует их невозможность в будущем⁹⁵. Употребление этого довода «Искрой» показывает лишний раз, как илюшадная руготня заменила у нее теперь полемику, и заставляет нас спросить всех членов партии: есть ли у нас на деле партия? хотим ли мы, по примеру с.-р.-ов, довольствоваться декорацией и вывеской, или мы обязаны сорвать всякую фальшь?

Довод четвертый: разногласия еще не выяснены. Лучший ответ на этот довод дает новая «Искра», знакомство с которой показывает партии, что разногласия выискиваются, а не выясняются, что путаница растет безгранично. Только съезд с открытым и полным изложением своих пожеланий всеми товарищами способен внести ясность

в невероятно запутанные вопросы и запутанное положение.

Довод пятый: съезд отвлечет силы и средства от положительной работы. И этот довод звучит грустной насмешкой: нельзя себе представить и мысленно большего отвлечения сил и средств, чем то, что причиняет смута.

Нет, все доводы против съезда свидетельствуют либо о лицемерии, либо о неведении дела и малодушном сомнении в силах партии. Партия наша опять тяжело больна, но у нее есть силы снова подняться и стать достойной русского пролетариата. Мерами лечения болезни мы считаем три следующие преобразования, которые мы будем проводить всеми лояльными средствами.

Первое — передачу редакции ЦО в руки сторонников большинства II партийного съезда.

Второе — действительное подчинение заграничной местной организации (Лиги) общерусской центральной организации (Центральному Комитету).

Третье — гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы.

Об этих трех коренных пунктах нашей программы остается уже немного сказать, после изложенного выше. Что старая редакция «Искры» показала теперь на деле свою негодность, это мы считаем неопровержимым. Не искровство пережило себя, как открыл тов. Мартов после его поражения на выборах, а старая редакция «Искры» пережила себя. Теперь было бы уже одним лицемерием не говорить этого прямо после тех вызовов, которые сделаны были кружком всей партии. О ненормальном положении заграничной организации, которая превратила себя во второй (если не в третий) центр и игнорирует совершенно ЦК партии, нечего много распространяться. Наконец, о юридическом положении меньшинства (какого бы то ни было меньшинства) в нашей партии заставляet подумать весь опыт послесъездовской борьбы. Этот опыт учит, по нашему убеждению, необходимости обеспечить в уставе партии права всякого меньшинства, чтобы отводить постоянные и неустраимые источники недовольства, раздражения и борьбы из обычных обывательских потоков скандала и дрязги в непривычные еще каналы оформленной и достойной борьбы за свои убеждения. К таким безусловным гарантиям мы относим предоставление

меньшинству одной (или более) литературной группы с правом представительства на съездах и с полной «свободой языка». Необходимо дать самые широкие гарантии вообще относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Необходимо дать комитетам право получать (в общепартийном транспорте) именно те партийные издания, которые им угодно. Необходимо приостановить, впредь до 4-го съезда, право ЦК влиять, иначе как советом, на личный состав комитетов. Мы не разрабатываем здесь наших предложений подробно, ибо мы пишем не проект устава, а лишь общую программу борьбы. Мы считаем весьма важным, чтобы те меры по изданию литературы недовольных, которые ЦК предлагал меньшинству II съезда, были закреплены уставом, чтобы недовольство выражалось приличным путем, чтобы глупенький мираж осадного положения (созданный героями кооптации) окончательно рассеялся, чтобы неизбежная внутрипартийная борьба не тормозила положительной работы.

Мы обязаны научить наше меньшинство бороться за личный состав центров только на съездах и не мешать дрызгами нашей работе после съездов, мы обязаны добиться этого под угрозой гибели нашей партии. Наконец, в общей программе мы лишь вкратце упомянем о желательных для нас частичных изменениях устава, как-то: превращение Совета из третейского в выбираемое съездом учреждение, изменение параграфа 1 устава в духе большинства II съезда, со включением в число партийных организаций всех рабочих организаций и всех тех групп русских с.-д.-тов, которые вели особое существование в кружковый период и которые пожелали бы войти в партию, и т. д. и т. д.

Выступая с этой программой нашей внутрипартийной борьбы, мы приглашаем все организации партии и представителей всех оттенков внутри ее высказаться по вопросу об их программе, чтобы дать возможность постепенной, серьезной, осмотрительной и разумной подготовки к съезду.

У нас нет партии — рассуждали про себя участники нашего редакторского дворцового переворота, спекулируя на отдаленность России, на частую смену тамошних работ-

ников и на свою собственную незаменимость. У нас рождается партия! — говорим мы, видя пробуждающиеся к активному вмешательству комитеты, видя рост политической сознательности передовых рабочих. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные и оживить и заменить дряхлеющие литературные коллегии, у нас есть и все больше становится революционеров, которые ценят направление воспитавшей их старой «Искры» больше, чем любой редакторский кружок. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки, никакая старчески-озлобленная руготня новой «Искры» не удержит решительного и окончательного приговора этой партии.

Из этих новых сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе.

Написано в июле 1904 г.

*Впервые напечатано в 1923 г.
в Собрании Сочинений И. Ленина
(В. Ульянова), том V*

Печатается по рукописи

К ПАРТИИ

Недавно состоялось частное собрание 22 членов РСДРП⁹⁶ — единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II партийного съезда; эта конференция обсуждала вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем российским социал-демократам с нижеследующим воззванием:

Товарищи! Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.

А между тем исторический момент предъявляет к партии такие громадные требования, как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия. Позорный конец позорной войны не так уже далек; а он неминуемо удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами и потребует от социал-демократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную последнюю борьбу с самодержавием.

Может ли наша партия удовлетворить этим требованиям в том состоянии, в каком она находится теперь? Всякий добросовестный человек должен без колебания ответить: нет!

Единство партии подорвано глубоко, ее внутренняя борьба вышла из рамок всякой партийности. Организационная дисциплина расшатана до самых основ, способность партии к стройному объединенному действию превращается в мечту.

И все же мы считаем эту болезнь партии болезнью роста. Основу кризиса мы видим в переходе от кружковой формы жизни социал-демократии к формам партийным; сущность ее внутренней борьбы — в конфликте кружковщины и партийности. И потому, только покончивши с этой болезнью, наша партия может стать действительно партией.

Под именем «меньшинства» в партии сплотились разнородные элементы, связанные сознательным или бессознательным стремлением удержать кружковые отношения, допартийные формы организации.

Некоторые выдающиеся деятели наиболее влиятельных из прежних кружков, не привыкшие к тем организационным самоограничениям, которых требует партийная дисциплина, склонны по привычке смешивать с общепартийными интересами свои кружковые интересы, которые в кружковой период действительно могли зачастую совпадать с ними, — целый ряд таких деятелей стал во главе борьбы за кружковщину против партийности (часть бывшей редакции «Искры», часть бывшего Организационного Комитета, члены прежней группы «Южный рабочий» и др.).

Их союзниками оказались все те элементы, которые в теории или практике отклонялись от принципов строгого социал-демократизма, ибо только кружковщина могла сохранить идейную индивидуальность и влияние этих элементов, партийность же угрожала растворить их или лишить всякого влияния (экономисты, рабочедельцы и др.). Наконец, главными кадрами оппозиции послужили вообще все элементы нашей партии, которые являлись по преимуществу интеллигентскими. По сравнению с пролетариатом интеллигенция всегда более индивидуалистична уже в силу основных условий своей жизни и работы, не дающих ей непосредственно широкого объединения сил, непосредственного воспитания на организованном совместном труде. Поэтому интеллигентским элементам труднее приспособиться к дисциплине партийной жизни, и те из

них, которые не в силах справиться с этой задачей, естественно поднимают знамя восстания против необходимых организационных ограничений и свою стихийную анархичность возводят в принцип борьбы, неправильно обозначая эту анархичность, как стремление к «автономии», как требование «терпимости» и т. п.

Заграничная часть партий, где кружки отличаются сравнительной долговечностью, где группируются теоретики различных оттенков, где решительно преобладает интеллигенция, — эта часть партии должна была оказаться наиболее склонной к точке зрения «меньшинства». Поэтому там оно и оказалось вскоре действительным большинством. Напротив, Россия, где громче слышится голос организованных пролетариев, где и партийная интеллигенция в более живом и тесном общении с ними воспитывается в более пролетарском духе, где тяжесть непосредственной борьбы сильнее заставляет чувствовать необходимость организованного единства работы, — Россия решительно выступила против кружковщины, против анархических дезорганизующих тенденций. Она определенно выразила это свое отношение к ним в целом ряде заявлений со стороны комитетов и других партийных организаций.

Борьба развивалась и обострялась. И до чего она дошла!

Партийный орган, который «меньшинству» вопреки воле съезда и благодаря личным уступкам выбранных съездом редакторов удалось захватить в свои руки, стал органом борьбы против партии!

Всего меньше он является теперь идейным руководителем партии в ее борьбе с самодержавием и буржуазией, всего больше — руководителем кружковой оппозиции в борьбе с партийностью. С одной стороны, чувствуя недопустимость своей основной позиции с точки зрения интересов партии, он усиленно занят изысканием действительных и мнимых разногласий, чтобы идейно прикрыть эту позицию; и в этих поисках, хватаясь сегодня за один лоунг, завтра за другой, он все более черпает материал у правого крыла партии — прежних противников «Искры», все более идейно сближается с ними, реставрируя их отвергнутые партией теории, возвращая идейную жизнь партии к пережитому, казалось, периоду принципиальной неопределенности, идейных шатаний и колебаний. С другой стороны, новая «Искра», стремясь подорвать нрав-

ственное влияние партийного большинства, еще более усиленно занята отыскиванием и обличением ошибок его работников, раздувая всякий действительный промах до чудовищных размеров и стараясь свалить ответственность за него на все большинство партии, подхватывая всякую кружковую сплетню, всякую инсинуацию, которая может повредить противникам, не заботясь не только о проверке, но зачастую и о правдоподобности. На этом пути деятели новой «Искры» дошли до приписывания членам большинства не только совершенно небывалых, но даже и невозможных преступлений, и не только в политическом отношении (например: обвинение ЦК в насильственном раскассировании лиц и организаций), но и в общеморальном (обвинение видных деятелей партии в подлоге и в нравственном пособничестве подлогу). Никогда еще партии не приходилось купаться в таком море грязи, какое создано заграничным меньшинством в нынешней полемике.

Каким образом могло все это случиться?

Образ действий каждой стороны соответствовал основному характеру ее тенденций. Большинство партии, стремясь во что бы то ни стало сохранить ее единство и организационную связь, боролось лишь партийно-лояльными средствами и не раз ради примирения шло на уступки. Меньшинство, проводя анархическую тенденцию, не заботилось о партийном мире и единстве. Оно каждую уступку делало орудием дальнейшей борьбы. Из всех требований меньшинства не удовлетворено до сих пор только одно — внесение розни в ЦК партии путем кооптации насильственно навязанных ему членов меньшинства, — и нападения меньшинства стали ожесточеннее, чем когда-либо. Завладевши ЦО и Советом партии, меньшинство не стесняется теперь эксплуатировать в своих кружковых интересах ту самую дисциплину, против которой по существу оно борется.

Положение стало невыносимым, невозможным; затягивать его дольше прямо преступно.

Первым средством выйти из него мы считаем полную ясность и откровенность в партийных отношениях. Среди грязи и тумана нельзя уже найти верную дорогу. Каждое партийное течение, каждая группа должны открыто и определенно сказать, что они думают о нынешнем положении партии и какого выхода из него они хотят. С этим

предложением мы и обращаемся ко всем товарищам, к представителям всех оттенков партии. Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве третьего партийного съезда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу. — Без него можно ожидать только прогрессивного разложения партии.

Все возражения, выставляемые против созыва съезда, мы считаем безусловно несостоятельными.

Нам говорят: съезд поведет к расколу. Но почему? Если меньшинство непримиримо в своих анархических стремлениях, если оно готово скорее идти на раскол, чем подчиниться партии, то оно фактически уже откололось от нее, и тогда оттягивать неизбежный формальный раскол более чем неразумно, — скованные одною цепью, обе стороны все более и более бессмысленно растрчивали бы свои силы на мелкую борьбу и дрязги, нравственно истощаясь и мельчая. Но мы не допускаем возможности раскола. Перед действительной силой организованной партии анархически настроенные элементы должны будут и, мы думаем, сумеют склониться, потому что самостоятельной силы они по самой своей природе образовать не могут. Указывают на возможность примирения без съезда. Но какое примирение? Окончательная капитуляция перед кружковщиной, кооптация меньшинства в ЦК и, следовательно, полное завершение дезорганизации центральных учреждений. Тогда партия стала бы только словом, партийное большинство вынуждено было бы начать новую борьбу. А меньшинство? До сих пор каждая завоеванная уступка была для него только опорой к дезорганизаторской работе; даже с его точки зрения борьба далеко переросла рамки кооптационной дрязги; как же может оно прекратить борьбу? И тем более не прекратит оно ее, не получивши всех уступок. Нам говорят: съезд не может достигнуть цели, потому что до сих пор не выяснены разногласия. Да разве дело идет теперь к их выяснению, разве путаница не растет все более? Разногласия теперь не выясняются, а выискиваются и создаются, и только съезд может положить конец этому. Только он, поставивши борющиеся стороны лицом к лицу, заставивши их определенно и открыто выразить свои стремления, только он в силах внести полную ясность во взаимные отношения партийных

течений и партийных сил. Но съезд может быть подделан путем раскассирования организаций, заявляет меньшинство. Это лживая инсинуация, отвечаем мы, инсинуация, в пользу которой не приведено ни одного факта. Если бы факты были, меньшинство, располагая партийным органом, конечно, уже сумело бы придать им широкую огласку, и, держа в руках Совет партии, оно имело бы полную возможность их исправить. Наконец, недавняя революция Совета, не указывая таких фактов в прошлом, окончательно гарантирует невозможность их в будущем. Кто поверит теперь неправдоподобной инсинуации? Выражают опасения, что съезд отвлечет слишком много сил и средств от положительной работы. Горькая насмешка! Разве мыслимо большее отвлечение сил и средств, чем то, которое причиняет смута? Съезд необходим! Он был бы необходим даже при нормальном течении партийной жизни ввиду исключительности исторического момента, ввиду возможности новых задач, поставленных партии мировыми событиями. Он вдвойне необходим при нынешнем партийном кризисе для честного и разумного выхода из него, для сохранения сил партии, для поддержания ее чести и достоинства.

Что должен сделать третий съезд для прекращения смуты, для восстановления нормальной партийной жизни? В этом отношении мы считаем наиболее существенными следующие преобразования, которые будем защищать и проводить всеми лояльными средствами.

I. Переход редакции ЦО в руки сторонников партийного большинства. Необходимость этого перехода, в силу явной неспособности нынешней редакции поддерживать ЦО на уровне общепартийных интересов, достаточно мотивирована. Кружковый орган не может и не должен быть органом партии.

II. Точное регулирование отношений местной заграничной организации (Лиги) к общерусскому центру, ЦК. Нынешнее положение Лиги, которая превратила себя во второй центр партии и бесконтрольно управляет примыкающими группами, в то же время совершенно игнорирует ЦК, — это положение явно ненормально; с ним необходимо покончить.

III. Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы. Необходимость такой

реформы выясняется из всего опыта послесъездовской борьбы. Требуется обеспечить в уставе партии право всякого меньшинства, чтобы этим путем отвести постоянные и неустрашимые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого кружкового, обывательского русла скандала и дразги в непривычное еще русло оформленной и достойной борьбы за убеждения. К необходимым условиям такого поворота мы относим следующее. Предоставление меньшинству одной (или более) литературной группы с правом представительства на съездах; самые широкие формальные гарантии относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Формальное признание права комитетов получать (в общепартийном транспорте) те партийные издания, которые им угодно. Точное определение границ права ЦК влиять на личный состав комитетов. Мы считаем весьма важным, чтобы те меры по изданию литературы недовольных, которые ЦК предлагал меньшинству второго съезда, были закреплены уставом, чтобы рассеялся меньшинством же созданный мираж «осадного положения», чтобы неизбежная внутривнутрипартийная борьба велась в приличных формах и не тормозила положительной работы.

Мы не разрабатываем здесь наших предложений подробно, так как предлагаем не проект устава, а лишь общую программу борьбы за единство партии. Поэтому мы лишь кратко наметим направление некоторых частных желательных, по нашему мнению, изменений устава, несколько не связывая себе руки по отношению к дальнейшей его разработке, на основании новых указаний опыта. Необходимо, например, преобразовать Совет партии, как учреждение, показавшее на практике свою непригодность в своем теперешнем виде к выполнению поставленной ему задачи — объединения деятельности центров и высшего контроля над нею. Он должен стать коллегией, целиком выбираемой съездом, а не третейским судом выбираемого съездом пятого над центрами, защищающими себя через своих делегатов. Следует также, сообразуясь с указаниями партийной критики, пересмотреть § 1-й устава в смысле более точного определения границ партии и т. д.

Выступая с этой программой борьбы за единство партии, мы приглашаем представителей всех других оттенков и

все партийные организации определенно высказаться по вопросу об их программах, чтобы создать возможность серьезной и последовательной, сознательной и планомерной подготовки к съезду. Для партии решается вопрос жизни, вопрос чести и достоинства: существует ли она как идейная и реальная сила, способная разумно организовать себя настолько, чтобы выступить действительной руководительницей революционного рабочего движения нашей страны? Всем своим образом действий заграничное меньшинство говорит: нет! И оно продолжает действовать в этом смысле уверенно, решительно, полагаясь на отдаленность России, на частую смену тамошних работников, на незаменимость своих вождей, своих литературных сил. У нас рождается партия! говорим мы, видя рост политического сознания передовых рабочих, видя активно выступающие в общепартийной жизни комитеты. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные заменить и оживить старые, теряющие доверие партии, литературные коллегии; у нас все более становится революционеров, которые выдержанное направление партийной жизни ценят выше, чем любой кружок прежних вождей. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки не удержат ее решительного и окончательного приговора.

Из этих сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе.

Товарищи! печатайте и распространяйте это воззвание.

*Написано в первой половине
августа 1904 г.*

*Впервые напечатано в августе
1904 г. отдельным листком*

*Печатается по тексту брошюры:
«К партии». Женева, 1904 г.*

ПЯТИ ЧЛЕНАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

В РОССИЮ

18 августа 1904 г.

Членам ЦК РСДРП Глебову, Конягину⁹⁷, Травинскому, Лошади и Осипову.

Сегодня мною получено, через берлинского агента ЦК, сообщение о решениях четырех (?) членов ЦК на их собраниях в России⁹⁸. Решение это я не могу признать принятым законно по следующим соображениям:

1) Заявление в начале резолюции о присутствии на собрании всех членов ЦК, кроме одного (т. е. меня), есть *неправда*. После ареста Васильева и Зверева, после отставки Митрофанова⁹⁹, в ЦК есть еще член — т. Осипов. Слухи об его отставке оказались неверными: сам т. Осипов считает себя членом Центрального Комитета. Того же мнения держались Васильев (писавший мне об этом), Зверев и я. Во всяком случае, не разобрав вопроса о мнимой отставке Осипова, четыре члена ЦК не имели права считать его выбывшим. Надо добавить, что ни я, ни ЦО, ни один из заграничных агентов ЦК никогда не был формально уведомлен об отставке Осипова. Между тем Осипов не приглашен на собрание.

2) Меня равным образом не только не пригласили на собрание, но и не известили о нем, не сообщили подлежащих обсуждению вопросов. Центральный Комитет, конечно, вправе решать по большинству голосов, но он не может принять законных решений, не предоставив всем членам возможности участвовать в совещании и, в случае надобности, подать особое мнение. Я лишен этой возможности *совершенно противозаконно*.

3) Четыре члена ЦК не высказали своего отношения к договору 26 мая 1904 г. между мной и Глебовым, хотя этот договор и сопровождавшее его мое письмо был, с согласия Глебова и Зверева, сообщен всем членам ЦК с просьбой прямо ответить мне. Большинство ЦК имеет полное право майоризировать меньшинство, но никоим образом не уклоняться от официальных запросов меньшинства и от прямых вопросов, поставленных меньшинством на обсуждение.

4) На основании изложенного я предлагаю четырем членам ЦК немедленно ответить мне: а) на каком основании они не пригласили на собрание т. Осипова, члена Центрального Комитета? б) то же относительно меня? с) признают ли они обязанность большинства коллегии принимать общие решения лишь после того, как меньшинство приглашено на совещание и получило возможность высказаться при обсуждении вопросов и подать свое особое мнение? д) признают ли они себя обязанными дать ответ по существу на все вопросы, затронутые в договоре 26 мая 1904 г.?

5) Ввиду того, что 4 члена ЦК сообщили свое, незаконно принятое, решение (как якобы решение всего ЦК) в ЦО, я вынужден обратиться к партийным работникам, которых это довольно близко касается, с письмом по поводу способов действия четырех членов Центрального Комитета.

Член ЦК *Н. Ленин*

ПИСЬМО К АГЕНТАМ ЦК И ЧЛЕНАМ КОМИТЕТОВ РСДРП, ВЫСКАЗАВШИМСЯ ЗА БОЛЬШИНСТВО II ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА

Товарищи! Конфликт внутри ЦК достиг такой степени развития, что я считаю себя нравственно обязанным сообщить о нем всем сторонникам большинства II партийного съезда. К этому шагу вынуждает меня и незаконный образ действий четырех членов ЦК и боязнь сделать вторично какой-либо неосторожный и вредный для партии шаг (вроде выхода моего из редакции) без совещания с единомышленниками, которые ведут работу на местах, которые лучше знают действительное настроение партии и которые на деле, а не на словах только, объявили войну старой заграничной кружковщине во имя молодой партийности.

В чем состоит конфликт внутри ЦК, это будет видно из 4 прилагаемых к сему документов: 1) договора 26 мая 1904 г. между тремя членами ЦК, Глебовым, Зверевым и Лениным; 2) письма моего от того же числа к членам ЦК; 3) постановление, принятое якобы всеми членами ЦК, кроме одного; 4) мой протест против законности этого якобы постановления¹⁰⁰.

Я очень просил бы всех товарищей, с которыми мы стоим на одинаковой точке зрения в настоящей партийной борьбе, внимательно прочесть эти поучительные документы и высказать откровенно и до конца свое суждение о них. Я воздержусь, с своей стороны, от публичного выступления в печати по этим вопросам, воздержусь, по крайней мере, на некоторое время, пока не узнаю мнения некоторых работающих в России, или пока не принудят к этому события.

Ограничусь несколькими вопросами к партии, если члены наших организаций находят, что у нас есть на

деле партия: 1) допустимо ли в партии, достойной имени рабочей партии, существование ЦК, который выбран большинством и который объявляет политику большинства «групповой» политикой? 2) имеют ли нравственное право на наше доверие люди, которые в марте в декларации говорят одно, а в июле совсем другое? — 3) люди, которые пользуются арестом 2 членов ЦК из большинства, чтобы топтать ногами интересы большинства? — 4) люди, которые во имя борьбы с групповой политикой толкуют о конференции с группой меньшинства, игнорируя большинство? — 5) люди, которые боятся оценки их действий съездом и потому смеют запугивать партию расколом, смеют «запрещать» членам партии их элементарное право агитации за съезд? — 6) люди, которые обнаруживают такое младенческое непонимание нашего партийного кризиса, что доказывают всерьез «законность» ЦО и декретируют «высоту» этого ЦО? — 7) люди, которые заведомо вопреки воле партии стараются вышибить из ЦК последовательных сторонников партийного большинства?

Закончу просьбой ответить мне на эти вопросы и позаботиться об ознакомлении с положением дел и с этим письмом всех активных членов партии. Опубликовывать это письмо я пока не видел бы надобности.

Член ЦК Ленин

Написано 5 (18) августа 1904 г.

Впервые напечатано в 1930 г.
в Ленинском сборнике XV

Печатается по рукописи

ПИСЬМО ГЛЕБОВУ (В. А. НОСКОВУ)

11 сентября 1904 г.

Уважаемый товарищ!

Вы опять повторяете, что пожелание, чтобы я вступил в редакцию ЦО, выражено «Центральным Комитетом». В свою очередь, и я должен повторить, что это, по малой мере, неточно. Когда Вы формально заявили, что известная декларация ЦК принята единогласно в полном составе ЦК за исключением одного, я немедленно (еще 18 августа 1904 г.) ответил, что это неправда. Декларацию подписали 3 члена ЦК из недавно бывших в нем девяти, причем эти трое совершенно противозаконно объявили не членом ЦК тов. Осипова, который письменно заявил мне, что считает себя попрежнему членом ЦК. Незаконно было объявить выбывшим в отставку товарища, не объяснившись с ним. Оба довода, которыми Вы и двое Ваших коллег защищали это беззаконие, явно несостоятельны. Вы ссылались на то, что тов. Осипов формально заявил о своем выходе в отставку на предыдущем очередном собрании ЦК. Это неправда, ибо в конце мая (т. е. месяцы спустя после этого собрания, имевшего место в феврале или марте) мы считали еще 9 членов ЦК, что удостоверено договором 26 мая 1904 г., подписанным тремя членами ЦК, и письмом, приложенным к этому договору*. Вы ссылались на то, что т. Осипов вошел, после упомянутого собрания ЦК, в один местный комитет, чего член ЦК не вправе был бы сделать. На это тов. Осипов письменно еще раньше ответил мне, что он поехал принять участие

* См. настоящий том, стр. 393—398. Ред.

в местной работе в указанную местность по предложению именно тех членов ЦК, которые теперь объявили его выбывшим, и что работал он не в качестве формального члена комитета. Кроме того, если бы даже и имело место неправильное, недопустимое по уставу, вступление члена ЦК в местный комитет, то еще ниоткуда не следует, чтобы исправление этой неправильности непременно требовало выхода из ЦК, а не выхода из местного комитета. Наконец, Вы сами должны были признать в письме ко мне, что собранию трех членов ЦК было доложено о спорности вопроса насчет отставки т. Осипова. Решение этого спорного вопроса тремя членами ЦК в отсутствие Осипова и даже без выслушания мнения Осипова было явным и возмутительным беззаконием. Конечно, три члена ЦК могли рассчитывать, что их сторону возьмет находящийся в руках редакции Совет партии; конечно, три члена ЦК могли опираться на формально заключенную ими или молчаливо признанную сделку со сторонниками меньшинства в Совете. Но подобное обстоятельство не устраняло бы беззакония, а, напротив, усиливало бы его элементами политической недобропорядочности. Точно так же беззаконно было со стороны 3-х членов ЦК принять отставку т. Травинского, о которой раньше, до собрания, все члены ЦК не были уведомлены. Вы и до сих пор не могли привести мне точных данных о том, кому и когда заявлена эта отставка. Вы отделались ответом, который похож на насмешку: «справьтесь у российской коллегии», от каковой «коллегии» (все той же коллегии трех!) Вы только что приехали и с каковой коллегией я не имею средств сношения иначе, как через Вас!

Таким образом я оспариваю законность состава ЦК и его последнего собрания (на котором принята «декларация»). Я имел бы поэтому полное право оставить без ответа Ваше предложение о вступлении моем в редакцию ЦО. Но я рассматриваю это предложение, как исходящее не от ЦК, а от трех членов партии, и считаю своим долгом мотивированно ответить на него тем более, что Вы ссылаетесь на выраженное Вам письменное желание редакции ЦО видеть меня в числе редакторов.

Вы полагаете, что мое вступление в редакцию ЦО «обеспечило бы почти полный мир в партии, которого я так хочу». Это Ваше «почти» очень характерно! Да,

я хочу мира в партии, я предлагал мир печатно в декабре 1903 г. в своем «Письме в редакцию «Искры»» («Почему я вышел из редакции?»)*. Я предлагал мир еще раз официально в Совете партии в январе 1904 г.** Мир не принят был на тех условиях, которые ставил я тогда от имени большинства. Замечу, что вопреки нынешней моде говорить о «мире» лицемерные фразы, понимая под миром полную уступку меньшинству, полное игнорирование большинства и полное забвение съезда, я совершенно определенно указывал в Совете, что я разумею под миром в партии. Я вместе с моим тогдашним коллегой от ЦК в Совете прямо заявил, что под миром разумею очищение идейной борьбы от местнических счетов, дряг и нечестных приемов борьбы. Пусть ЦО будет у меньшинства, ЦК у большинства, — предлагал я тогда, — призовем всех к прекращению всякого бойкота, всякой местнической, кооптационной дряги и давайте спорить по-товарищески о наших разногласиях и о причинах нашего расхождения на съезде, давайте приучать партию к честному и достойному разбору ее внутренних споров. Мой призыв был осмеян Плехановым и Мартовым. Меня не удивляет, что они приняли позорное решение не опубликовывать протоколов Совета (вопреки настояниям меньшинства в Совете, именно обоих представителей от ЦК) и что к этому решению присоединились теперь (тайком) три члена ЦК. Кто устраивает лицемерный мир, пользуясь неизбежными в жизни русских революционеров случайностями и вышибая из ЦК несогласномыслящих***, тот не может не стремиться к скрытию от членов партии попытки заключить своевременно честный мир. К счастью, я имею основания думать, что эта жалкая уловка, направленная к обману партии, не удастся и что протоколы Совета, в конце концов, увидят свет.

После того, как редакция, захватившая Совет, отвергла со смехом мое предложение мира, я заявил тогда же, что единственным честным выходом считаю съезд. Тактику меньшинства (и Плеханова в том числе) — держать в своих руках редакцию ЦО и Совет, на словах представлять

* См. настоящий том, стр. 102—108. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 129—131. *Ред.*

*** Это относится прежде всего к т. Осипову. Затем, конечно, и ко мне, ибо предложение вступить в редакцию ЦО равносильно предложению уйти из ЦК.

в этих центральных учреждениях интересы всей партии в целом и в то же время на деле добиваться, помимо съезда, переделки ЦК в интересах меньшинства, эту тактику я не могу считать честной борьбой. Ни в какие сделки со сторонниками такой тактики я не вступал никогда и не считаю возможным вступать. Кроме того, с января вполне выяснилась физиономия новой «Искры», этого центрального органа сплетен и дрызг, путаницы в рассуждениях и заигрыванья с оппортунистами, сведения личных счетов и выискивания разногласий. Что новая «Искра» есть орган кружка, орган нового «направления», это теперь видят все и даже сама редакция, которая сначала бралась защищать «преемственность», а в настоящее время систематически оплевывает старую «Искру». Спрашивается, в каком же смысле можно теперь говорить о мире? Если понимать под ним очищение идейной борьбы от кооптационной дрызги, то я и сейчас вполне готов согласиться на мир и возобновить свое сделанное в Совете предложение. Если же разуметь под миром прекращение идейной борьбы, примирение с направлением или, вернее, физиономией лишенной всякого направления новой «Искры», то такой «мир» предлагать могут только люди беспринципные или лицемерные, или смотрящие на органы партии как на печатную бумагу (Druckerschwärze — типографская краска — как назвал один из «примиренцев» литературу новой «Искры»). Если редакторы новой «Искры», сведшие почти всю свою «принципиальную» позицию к личным нападкам на меня, к преследованию того, что они называли «ленинизмом», и к выискиванию разногласий со мной, выражают теперь желание видеть меня в редакции, то они сами признают этим, что смотрят на свои писания несерьезно, что всю полемику они сочинили лишь «для кооптации» и готовы забросить все свои новые «принципы» после того, как кооптация успешно достигнута. Что касается до меня, то я отвергаю, как недостойное, самое предположение о возможности для большинства отказаться от партийной борьбы за свою позицию, борьбы за выдержанное направление, борьбы против кружковщины. Вести эту борьбу я считаю своим неотъемлемым правом и обязанностью вместе с принципиальными сторонниками большинства, число которых возрастает в России. Вести эту борьбу должно, по-моему, открыто, ибо $\frac{9}{10}$ истории

конфликта вынесено уже на публику, и всякое дальнейшее скрывание ее от глаз света было бы мелочным и нелепым втягиваньем кризиса.

Вы пишете, что моего вступления в нынешнюю редакцию «Искры» «несомненно желают и многие комитеты». С сожалением констатирую, что Вы и на этот раз говорите заведомую неправду. Ни один комитет не выразил еще, при настоящих условиях борьбы, такого желания. Оно выражено только кружком редакторов ЦО и тремя членами из ЦК, которые видят верх политической мудрости в том, чтобы с меньшинством ругать большинство, а с большинством меньшинство. Я позволяю себе думать, что мне следует считаться не с волей тех или иных политиканов, а с волей всей партии, которая установила сама для себя и способ формального выражения этой воли: съезд. Я позволяю себе думать, что руководитель, взявший известную линию на съезде и ведущий по этой линии часть партии, теряет всякое право на уважение и даже на серьезное отношение к его словам, если переметывается на сторону своих противников.

Ваша ссылка на «многие комитеты» крайне поучительна и знаменательна, несмотря на ее... несоответствие с истиной. Эта ссылка свидетельствует о кусочке партийной совести, о наличии некоторого сознания того, что должностные учреждения, назначенные партией, должны считаться с волей этой партии, предпринимая свои переделки состава и направления центров. Если бы это сознание у Вас не было омрачено благодаря той запутанной позиции, которую Вы заняли, то Вы легко увидели бы, что нет иного способа действительно узнать действительное желание действительно многих комитетов, кроме съезда. Но если Ваша ссылка на «многие комитеты» выдает кусочек партийной совести, то в то же время эта ссылка свидетельствует яснее ясного о беспокойной совести: Вы потому и боитесь пуще огня съезда, что чувствуете вопиющее противоречие между своей политикой приключений и волей партии.

Мои общие соображения относительно лицемерности предпринятого Вами примирения вполне подтверждаются рядом добавочных фактов. Трое членов ЦК восхищаются теперь «высотой» ЦО, тогда как в марте *эти самые* три члена ЦК составляли заявление с сожалением о том, что

некоторые партийные писатели (большинство нынешней редакции ЦО) вдалились в оппортунизм. Говоря о «мире», эти три члена ЦК в то же время распускают Южное бюро (коллегия агентов ЦК) за то, что в нем работали сторонники большинства, имевшие дерзость агитировать за съезд. Говоря о примирении двух борющихся сторон, три члена ЦК устраивают конференцию с представителями одной стороны, игнорируя другую. Какой разврат вносится в партию этими частными, приватными сделками, которые касаются насущных интересов всей партии и которые так тщательно скрываются от нее, несмотря на отсутствие всякой необходимости в конспиративной тайне! Какая масса взаимного недоверия, подозрительности вносится этими проделками за спиной партии во всю партийную жизнь! Сегодня как раз мне пишет из России один товарищ, какие слухи ходят по поводу этих сделок: в меньшинстве образовалось три части, говорят в партийных кругах; одна требует прежде всего кооптации в ЦК Дана и Троцкого и знать больше ничего не хочет; другая соглашается на конференцию; третья удовлетворяется одной декларацией ЦК, и к этой части относятся южно-рабоченцы (вполне справедливо усматривающие в создании популярного органа не что иное, как замаскированное восстановление «Южного Рабочего», закрытого съездом). Я не знаю, что есть верного в этих партийных толках. Но что меньшинство состоит из разнородных групп, что тов. Брукер, напр., совсем, вероятно, не участвует в «культиматах» меньшинства и во всей кооптационной дрязге, что группа «Южного рабочего» представляет из себя значительно особый оттенок, это все общеизвестные факты, с которыми знаком всякий, изучавший наш партийный съезд. Неужели Вы не видите, сколько унижительного в этом торгашестве отдельных групп, происходящем за спиной партии! Можно ли удивляться, что лицемерие трех членов ЦК вызывает полное недоверие к ним со стороны большинства, стоящего в стороне от всех этих проделок? Можно ли удивляться, что «мир», начатый раскиссированием агитирующих за съезд, рассматривается как преддверие систематической подтасовки партийного общественного мнения? что большинство предполагает сделку ЦК и ЦО (а следовательно, и Совета) о насильственном введении меньшинства в комитеты, о неопубликовании

резолюций большинства (петербургская и екатеринославская резолюции задерживаются *уже не один месяц*) и т. д. и т. п.?

Надеюсь, Вы поймете теперь, почему при данной партийной ситуации не может быть и речи о моем вступлении в редакцию ЦО.

Ваше ваявление, что я «воздержался» от подачи голоса по вопросу о кооптации трех в ЦК, есть *неправда*. Я решительно протестую против признания «выборов состоявшимся». Это новое беззаконие. Три члена ЦК *обязаны* рассмотреть *все* мой протест и лишь *после этого* поднимать вопрос о кооптации. По уставу, кооптация единогласна; моего согласия не было дано. Следовательно, без внесения дела в Совет не может быть и речи о состоявшейся кооптации. Решение Совета (если Вы противозаконно внесете туда вопрос о кооптации впредь до проверки состава ЦК всеми членами ЦК) должно быть сообщено мне вместе с протоколами Совета.

Вашего сожаления о том, что нам не пришлось повидаться, я разделить не могу. После Ваших проделок с т. Осиповым и Вашего отношения к данному слову (договор 26 мая 1904 г.) я никаких сношений с Вами, кроме чисто официальных и исключительно письменных, иметь не желаю.

Член ЦК *Н. Ленин*

Напечатано с некоторыми сокращениями в 1904 г. в брошюре: *Н. Шахов. «Борьба на съезде», Женева*

Печатается по рукописи

ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД

ОТВЕТ Н. ЛЕНИНА РОЗЕ ЛЮКСЕМБУРГ 101

Статья т. Розы Люксембург в 42 и 43 номерах «Die Neue Zeit»* является критическим разбором моей русской книги о кризисе в нашей партии**. Я не могу не выразить благодарности германским товарищам за их внимание к нашей партийной литературе, за их попытки ознакомиться с этой литературой германскую социал-демократию, но я должен указать на то, что статья Розы Люксембург в «Neue Zeit» знакомит читателей не с моей книгой, а с чем-то иным. Это видно из следующих примеров. Тов. Люксембург говорит, например, что в моей книге отчетливо и ярко выразилась тенденция «не считающегося ни с чем централизма». Тов. Люксембург полагает, таким образом, что я отстаиваю одну организационную систему против какой-то другой. Но на самом деле это не так. На протяжении всей книги, от первой до последней страницы, я защищаю элементарные положения любой системы любой мыслимой партийной организации. В моей книге разбирается не вопрос о различии между той или иной организационной системой, а вопрос о том, каким образом любую систему следует поддерживать, критиковать и исправлять, не противореча принципам партии. Роза Люксембург говорит дальше, что «согласно его (Ленина) пониманию ЦК предоставлены полномочия организовывать все местные комитеты партии». На самом деле это неверно. Мое мнение по данному вопросу может быть документально

* — «Новое Время». Ред.

** См. настоящий том, стр. 185—392. Ред.

доказано внесенным мною проектом устава партийной организации. В этом проекте нет ни слова о праве организовывать местные комитеты. Комиссия, избранная на партийном съезде для выработки устава партии, включила в него это право, и партийный съезд утвердил проект комиссии. В эту комиссию, кроме меня и еще одного сторонника большинства, были избраны три представителя меньшинства партийного съезда, следовательно, в этой комиссии, предоставившей ЦК право организовывать местные комитеты, как раз три моих противника одержали верх. Тов. Р. Люксембург смешала два различных факта. Во-первых, она смешала мой организационный проект с видоизмененным проектом комиссии, с одной стороны, и, с другой стороны, с организационным уставом, принятым партийным съездом; во-вторых, смешала защиту определенного требования определенного параграфа устава (отнюдь неверно, что в этой защите я ни с чем не считался, так как на пленуме я не возражал против поправки, внесенной комиссией) с защитой (не правда ли, подлинно «ультрацентралистского»?) тезиса, что устав, принятый партийным съездом, должен проводиться в жизнь до тех пор, пока он не будет изменен следующим съездом. Этот тезис («чисто бланкистский», как это легко может заметить читатель) я, действительно, «ни с чем не считаюсь» защищал в своей книге. Тов. Люксембург говорит, что по моему мнению «ЦК является единственным активным ядром партии». На самом деле это неправда. Я никогда не защищал этого мнения. Напротив, мои оппоненты (меньшинство II съезда партии) обвиняли меня в своих писаниях, что я недостаточно отстаиваю независимость, самостоятельность ЦК и слишком подчиняю его находящейся за границей редакции ЦО и Совету партии. На это обвинение я отвечал в своей книге, что, когда партийное большинство имело верх в Совете партии, оно никогда не делало попыток ограничить самостоятельность ЦК; но это произошло тотчас же, как только Совет партии стал орудием борьбы в руках меньшинства. Тов. Роза Люксембург говорит, что в российской социал-демократии не существует никаких сомнений в необходимости единой партии и что весь спор сосредоточивается вокруг вопроса большей или меньшей централизации. На самом деле это неверно. Если бы т. Люксембург взяла на себя труд

ознакомиться с резолюциями многочисленных местных комитетов партии, которые образуют большинство, то она легко поняла бы (это особенно ясно видно из моей книги), что спор у нас велся, главным образом, о том, должны ли ЦК и ЦО представлять собой направление большинства партийного съезда, или не должны. Об этом «ультрацентралистском» и «чисто бланкистском» требовании уважаемый товарищ не говорит ни единого слова, она предпочитает декламировать против механического подчинения части целому, против рабской покорности, против слепого повиновения и т. п. ужасов. Я очень благодарен т. Люксембург за разъяснение глубокомысленной идеи о том, что рабская покорность губительна для партии, но мне хотелось бы знать, считает ли товарищ нормальным, может ли она допустить, видела ли она в какой-нибудь партии, чтобы в центральных органах, именующих себя партийными органами, преобладало меньшинство партийного съезда? Тов. Р. Люксембург приписывает мне мысль, что в России уже существуют все предпосылки для организации большой и крайне централизованной рабочей партии. Снова фактическая неверность. Нигде в своей книге я не только не защищал этой мысли, но даже и не высказывал ее. Тезис, выставленный мной, выражал и выражает нечто иное. А именно, я подчеркивал, что налицо уже все предпосылки к тому, чтобы решения партийного съезда признавались, и что уже давно прошло то время, когда можно было подменять партийную коллегию частным кружком. Я приводил доказательства того, что некоторые академики в нашей партии обнаруживали свою непоследовательность и неустойчивость и что они не имеют никакого права сваливать свою недисциплинированность на русского пролетария. Русские рабочие уже неоднократно при различных обстоятельствах высказывались за соблюдение постановлений съезда партии. Прямо смешно, когда т. Люксембург объявляет подобное мнение «оптимистичным» (не надо ли его считать скорее «пессимистичным») и при этом ни единого слова не говорит о фактической основе моего положения. Тов. Люксембург говорит, что я восхваляю воспитательное значение фабрики. Это неправда. Не я, а мой противник утверждал, что я представляю себе партию в виде фабрики. Я как следует высмеял его, доказав его же словами, что он смешивает

две различные стороны фабричной дисциплины, что, к сожалению, случилось и с т. Р. Люксембург*.

Тов. Люксембург говорит, что я своим определением революционного социал-демократа, как якобинца, связанного с организацией классово-сознательных рабочих, пожалуй, дал более остроумную характеристику своей точки зрения, чем это мог бы сделать кто-нибудь из моих противников. Опять фактическая неправильность. Не я, а П. Аксельрод первый говорил о якобинстве. Аксельрод первый сравнивал наши партийные группировки с группировками из времен великой французской революции. Я заметил только, что это сравнение допустимо лишь в том смысле, что разделение современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую соответствует до некоторой степени разделению на монтаньяров и жирондистов. Подобное сравнение часто делала признанная партийным съездом старая «Искра». Признавая как раз такое деление, старая «Искра» боролась с оппортунистическим крылом нашей партии, с направлением «Рабочего Дела». Роза Люксембург смешивает здесь *соотношение* между двумя революционными направлениями XVIII и XIX столетия с отождествлением самих этих направлений. Например, если я говорю, что Малый Шайдег в сравнении с Юнгфрау все равно, что двухэтажный дом в сравнении с четырехэтажным, это еще не значит, что я отождествляю четырехэтажный дом с Юнгфрау. Из поля зрения т. Люксембург выпал целиком фактический анализ различных направлений нашей партии. А как раз большую половину моей книги я посвящаю этому анализу, который основывается на протоколах нашего партийного съезда, и в введении я обращаю на это особое внимание. Роза Люксембург хочет говорить о теперешнем положении нашей партии и совершенно игнорирует при этом наш партийный съезд, который, собственно, и заложил подлинный фундамент нашей партии. Следует признать это рискованным предприятием! Тем более рискованным, что, как я сотни раз уже указывал в своей книге, мои противники игнорируют наш партийный съезд, и именно поэтому все их утверждения лишены всякой фактической основы.

* См. русскую брошюру: «Наши недоразумения», статью «Р. Люксембург против Карла Маркса».

Как раз такую же коренную ошибку совершает и т. Роза Люксембург. Она повторяет лишь голые фразы, не давая себе труда уяснить их конкретный смысл. Она запугивает различными ужасами, не изучив действительной основы спора. Она приписывает мне общие места, общеизвестные принципы и соображения, абсолютные истины и старается умалчивать об истинах относительных, которые основываются на строго определенных фактах и которыми я только и оперирую. И она еще жалуется на шаблон и взывает при этом к диалектике Маркса. А как раз статья уважаемого товарища содержит исключительно выдуманнные шаблоны, и как раз ее статья противоречит азбуке диалектики. Эта азбука утверждает, что никакой отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Тов. Роза Люксембург величественно игнорирует конкретные факты нашей партийной борьбы и великодушно занимается декламацией о вопросах, которые невозможно серьезно обсуждать. Я приведу последний пример из второй статьи т. Люксембург. Она цитирует мои слова, что та или иная редакция организационного устава может служить более или менее острым оружием борьбы против оппортунизма*. О каких формулировках говорил я в своей книге и говорили все мы на партийном съезде, об этом Роза Люксембург не говорит ни слова. Что за полемику вел я на партийном съезде, против кого выдвигал я мои положения, этого товарищ совершенно не касается. Вместо этого она благоволит прочесть мне целую лекцию об оппортунизме... в странах парламентаризма!! Но обо всех особенных, специфических разновидностях оппортунизма, о тех оттенках, которые он принял у нас в России и о которых идет речь в моей книге, — об этом в ее статье мы не находим ни слова. Вывод из всех этих, в высшей степени остроумных, рассуждений следующий: «Устав партии не должен быть сам по себе (?? пойми, кто может) каким-то оружием для отпора оппортунизму, а только могущественным внешним средством для проведения руководящего влияния фактически существующего революционно-пролетарского большинства партии». Совершенно правильно. Но как обравалось фактически существующее большинство нашей партии, об этом Р. Люксембург умалчивает, а именно об

* См. настоящий том, стр. 252. *Ред.*

этом я и говорю в своей книге. Она умалчивает также о том, какое влияние отстаивали я и Плеханов с помощью этого могущественного внешнего средства. Я могу лишь прибавить, что я никогда и нигде не говорил подобной бессмыслицы — что устав партии является оружием «сам по себе».

Самым правильным ответом на такой способ истолкования моих взглядов было бы изложение конкретных фактов нашей партийной борьбы. Тогда каждому станет ясно, как сильно противоречат конкретные факты общим местам и шаблонным абстракциям т. Люксембург.

Наша партия была создана весной 1898 г. в России на съезде представителей нескольких русских организаций. Партия была названа Российской социал-демократической рабочей партией. Центральным Органом была сделана «Рабочая Газета»¹⁰²; «Союз русских социал-демократов за границей» стал заграничным представительством партии. Вскоре после съезда ЦК партии был арестован. «Рабочая Газета» после второго номера перестала выходить. Вся партия превратилась в бесформенный конгломерат местных партийных организаций (названных комитетами). Единственная связь, объединявшая эти местные комитеты, была идейная, чисто духовная связь. Неизбежно должен был наступить период расхождений, шатаний, расколов. Интеллигенты, составлявшие гораздо больший процент в нашей партии по сравнению с западноевропейскими партиями, увлеклись марксизмом, как новой модой. Это увлечение очень быстро уступило место, с одной стороны, рабскому преклонению перед буржуазной критикой Маркса, с другой стороны, чисто профессиональному рабочему движению (стачкизм — экономизм). Расхождение интеллигентски-оппортунистического и пролетарски-революционного направлений привело к расколу заграничного «Союза». Газета «Рабочая Мысль» и заграничный журнал «Рабочее Дело» (последний несколько слабее) являлись выразителями экономизма, снижали значение политической борьбы, отрицали элементы буржуазной демократии в России. «Легальные» критики Маркса, гг. Струве, Туган-Барановский, Булгаков, Бердяев и др., пошли решительно вправо. Нигде в Европе не найдем мы, чтобы бернштейнианство так быстро пришло к своему логическому концу, к образованию либеральной фрак-

ции, как это было у нас в России. У нас г. Струве начал «критикой» во имя бернштейнианства, а кончил организацией либерального журнала «Освобождение», либерального в европейском смысле этого слова. Плеханов и его друзья, вышедшие из заграничного Союза, нашли поддержку со стороны основателей «Искры» и «Зари». Эти два журнала (о чем слышала кое-что даже т. Роза Люксембург) вели «трехлетнюю блестящую кампанию» против оппортунистического крыла партии, кампанию социал-демократической «Горы» против социал-демократической «Жиронды» (это выражение старой «Искры»), кампанию против «Рабочего Дела» (т.т. Кричевского, Акимова, Мартынова и др.), против еврейского Бунда, против русских организаций, воодушевившихся этим направлением (в первую очередь против петербургской так называемой «Рабочей организации» и Воронежского комитета).

Становилось все более и более очевидным, что недостаточно одной чисто идейной связи между комитетами. Все ошутимее выявлялась потребность образования действительно сплоченной партии, т. е. выполнения того, что лишь намечалось в 1898 году. Наконец, в конце 1902 г. образовался Организационный Комитет, поставивший себе задачей созыв II съезда партии. В этот ОК, образованный, главным образом, русской организацией «Искры», вошел также представитель еврейского Бунда. Осенью 1903 г. состоялся, наконец, II съезд, завершившийся, с одной стороны, формальным объединением партии, с другой стороны, расколом ее на «большинство» и «меньшинство». Этого разделения до партийного съезда не существовало. Лишь подробный анализ борьбы, происходившей на партийном съезде, может объяснить это деление. К сожалению, сторонники меньшинства (включая и т. Люксембург) опасно уклоняются от этого анализа.

В моей книге, которая так своеобразно преподнесена т. Люксембург немецким читателям, я посвящаю больше 100 страниц подробному рассмотрению протоколов съезда (составляющих том около 400 страниц). Этот анализ заставил меня разделить делегатов, или лучше сказать голоса (у нас были делегаты, имеющие один или два голоса) на четыре основные группы: 1) искровцы большинства (сторонники направления старой «Искры») — 24 голоса, 2) искровцы меньшинства — 9 голосов, 3) центр

(в насмешку называемый также «болотом») — 10 голосов и, наконец, 4) антиискровцы — 8 голосов, всего 51 голос. Я анализирую участие этих групп во *всех* тех голосованиях, какие имели место на партийном съезде, и доказываю, что во всех вопросах (программы, тактики и организации) партийный съезд являлся ареной борьбы искровцев против антиискровцев при различных колебаниях «болота». Всякому, кто хоть немного знаком с историей нашей партии, должно быть ясно, что иначе не могло и быть. Но все сторонники меньшинства (включая и Р. Люксембург) скромно закрывают глаза на эту борьбу. Почему? Как раз эта борьба делает очевидной всю ложность теперешнего политического положения меньшинства. Во все время этой борьбы на партийном съезде по десяткам вопросов, в десятках голосований искровцы боролись против антиискровцев и «болота», которое тем решительней становилось на сторону антиискровцев, чем конкретнее был обсуждаемый вопрос, чем он положительней определял основной смысл социал-демократической работы, чем реальнее стремился провести в жизнь незыблемые планы старой «Искры». Антиискровцы (особенно т. Акимов и всегда согласный с ним депутат петербургской «Рабочей организации» т. Брукэр, почти всегда т. Мартынов и 5 делегатов еврейского Бунда) были против признания направления старой «Искры». Они защищали старые частные организации, голосовали против их подчинения партии, против их слияния с партией (инцидент с ОК, роспуск группы «Южного рабочего», важнейшей группы «болота», и т. д.). Они боролись против организационного устава, составленного в духе централизма (14 заседание съезда), и обвиняли тогда *всех* искровцев в том, что они хотят ввести «организованное недоверие», «исключительный закон» и прочие ужасы. *Все* искровцы, без исключения, смеялись тогда над этим; замечательно, что т. Роза Люксембург принимает теперь все эти выдумки за нечто серьезное. В подавляющем большинстве вопросов победили искровцы; они преобладали на съезде, что ясно видно из упомянутых цифровых данных. Но во время второй половины заседаний съезда, когда разрешались менее принципиальные вопросы, победили антиискровцы, — некоторые искровцы голосовали с ними. Так случилось, например, по вопросу о равноправии всех языков в нашей

программе; по этому вопросу антиискровцам почти удалось разбить программную комиссию и провести свою формулировку. Так случилось также и по вопросу первого параграфа устава, когда антиискровцы вместе с «болотом» провели формулировку Мартова. Согласно этой редакции членами партии считаются не только члены партийной организации (такую редакцию защищали я и Плеханов), но также и все лица, работающие под контролем партийной организации*.

То же случилось по вопросу о выборах ЦК и редакции Центрального Органа. 24 искровца образовали сплоченное большинство; они провели давно задуманный план обновления редакции: из шести старых редакторов были избраны трое; в меньшинство вошло 9 искровцев, 10 членов центра и 1 антиискровец (остальные — 7 антиискровцев, представители еврейского Бунда и «Рабочего Дела» — покинули съезд еще раньше). Это меньшинство осталось так недоволено выборами, что оно решило воздержаться от участия в остальных выборах. Тов. Каутский был совершенно прав, когда он увидел в факте обновления редакции главную причину последующей борьбы. Но его взгляд, что я (sic!**) «исключил» трех товарищей из редакции, объясняется только его полным незнанием с нашим съездом. Во-первых, избрание, ведь, совсем не то, что исключение, и я, конечно, не имел на съезде права кого-либо исключать, а во-вторых, т. Каутский, кажется, и не подозревает, что факт коалиции антиискровцев, центра и небольшой части приверженцев «Искры» также имел политическое значение и не мог остаться без влияния на результат выборов. Кто не хочет закрывать глаза на то, что произошло на нашем съезде, тот должен понять, что наше новое разделение на меньшинство и большинство является только вариантом старого разделения на

* Тов. Каутский высказался за редакцию Мартова, он стал при этом на точку зрения целесообразности. Во-первых, этот пункт обсуждался на нашем партийном съезде не с точки зрения целесообразности, а с принципиальной точки зрения. В таком виде вопрос был поставлен Аксельродом. Во-вторых, т. Каутский заблуждается, если он думает, что при русском полицейском режиме существует такое большое различие между принадлежностью к партийной организации и простой работой под контролем подобной организации. В-третьих, особенно ошибочно сравнивать теперешнее положение в России с положением в Германии под действием исключительного закона о социалистах¹⁰³.

** — там! Ред.

пролетарски-революционное и интеллигентски-оппортунистическое крылья нашей партии. Это факт, который нельзя обойти никаким истолкованием, никакой насмешкой.

К сожалению, после съезда принципиальное значение этого раскола было засорено дразгами по вопросу о кооптации. А именно, меньшинство не захотело работать под контролем центральных учреждений, если три старых редактора не будут снова кооптированы. Два месяца продолжалась эта борьба. Средствами борьбы служили бойкот и дезорганизация партии. 12 комитетов (из 14, высказавшихся по этому поводу) резко осудили эти способы борьбы. Меньшинство отказалось даже принять наше (исходившее от меня и Плеханова) предложение и высказать свою точку зрения на страницах «Искры». На съезде Заграничной лиги дело дошло до того, что члены центральных органов были осыпаны личными оскорблениями и бранью (самодержцы, бюрократы, жандармы, лжецы и т. д.). Их обвиняли в том, что они подавляли личную инициативу и хотели ввести беспрекословное повиновение и слепое подчинение и т. д. Попытки Плеханова квалифицировать такой способ борьбы меньшинства, как анархистский, не могли достигнуть цели. После этого съезда Плеханов выступил с своей, составившей эпоху и направленной против меня, статьей «Чего не делать» (в № 52 «Искры»). В этой статье он говорил, что борьба с ревизионизмом не должна непременно означать борьбу против ревизионистов; для всех было ясно, что он при этом подразумевает наше меньшинство. Далее он говорил, что иногда не надо бороться с анархическим индивидуализмом, который так глубоко сидит в русском революционере; некоторые уступки являются иногда лучшим средством для того, чтобы подчинить его и избежать раскола. Я вышел из редакции, так как не мог разделять такого взгляда, и редакторы из меньшинства были кооптированы. Затем последовала борьба за кооптацию в Центральный Комитет. Мое предложение заключить мир с тем условием, что за меньшинством останется ЦО, а за большинством — ЦК, было отвергнуто. Борьба продолжалась, боролись «принципиально» против бюрократизма, ультрацентрализма, формализма, яacobинства, швейцарианства (именно меня называли русским Швейцером) и прочих ужасов. Я высмеял все эти обвинения в своей книге и заметил, что

это или простая кооптационная дрязга или (если это должно условно признаваться «принципами») не что другое, как оппортунистические, жирондистские фразы. Нынешнее меньшинство повторяет только то, что т. Акимов и прочие признанные оппортунисты говорили на нашем съезде против централизма, защищавшегося всеми сторонниками старой «Искры».

Русские комитеты были возмущены превращением ЦО в орган частного кружка, орган кооптационных дрязг и партийных сплетен. Было вынесено множество резолюций, выражающих самое резкое порицание. Только так называемая петербургская «Рабочая организация», упоминавшаяся уже нами, и Воронежский комитет (сторонники направления т. Акимова) высказали свое *принципиальное* удовлетворение по поводу направления новой «Искры». Голоса, требовавшие созыва III съезда, становились все более многочисленными.

Читатель, который даст себе труд изучить первоисточники нашей партийной борьбы, легко поймет, что высказывания т. Розы Люксембург об «ультрацентрализме», о необходимости постепенной централизации и т. д. конкретно и практически являются насмешкой над нашим съездом, абстрактно же и теоретически (если здесь можно говорить о теории) являются прямым опощением марксизма, извращением настоящей диалектики Маркса и т. д.

Последний фазис нашей партийной борьбы ознаменовался тем, что члены большинства были частью исключены из ЦК, частью обезврежены, сведены к нулю. (Это случилось, благодаря переменам в составе ЦК¹⁰⁴ и т. д.) Совет партии (который после кооптации старых редакторов также попал в руки меньшинства) и теперешний ЦК осудили всякую агитацию за созыв III съезда и переходят на путь личных соглашений и переговоров с некоторыми членами меньшинства. Организации, вроде, например, коллегии агентов (уполномоченных) ЦК, позволившие себе совершить такое преступление, как агитация за созыв съезда, были распущены¹⁰⁵. Борьба Совета партии и нового ЦК против созыва III съезда была объявлена по всей линии. Большинство ответило на это лозунгом: «Долой бонапартизм!» (так была озаглавлена брошюра т. Галерки¹⁰⁶, который выступает от имени большинства). Растет число

резолюций, в которых партийные учреждения, ведущие борьбу против созыва съезда, объявляются антипартийными и бовапартистскими. Как лицемерны были все разговоры меньшинства против ультрацентрализма и за автономию, ясно видно из того, что новое издательство большинства, предпринятое мною и одним товарищем (где были напечатаны вышеупомянутая брошюра т. Галерки и некоторые другие), было объявлено стоящим вне партии¹⁰⁷. Новое издательство предоставляет большинству единственную возможность пропагандировать свои взгляды, так как страницы «Искры» для него почти закрыты. И несмотря на это или, вернее сказать, именно поэтому Совет партии вынес вышеупомянутое решение на том чисто формальном основании, что наше издательство не уполномочено ни одной партийной организацией.

Нечего и говорить о том, в каком забросе теперь положительная работа, как сильно упал престиж социал-демократии, как сильно деморализована вся партия, потому что были сведены на нет все решения, все выборы II съезда, а также вследствие той борьбы против созыва III съезда, которую ведут партийные учреждения, ответственные перед партией.

*Написано во второй половине
сентября 1904 г.*

*Впервые напечатано в 1930 г.
в Ленинском сборнике XV*

*Печатается по рукописи.
Перевод с немецкого*

УСЛУЖЛИВЫЙ ЛИБЕРАЛ

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться,
Не дай бог со Струве связаться,
Услужливый Струве опаснее врага!

В последнем номере (№ 57) «Освобождения» г-на Струве напечатаны следующие поучительные строки:

Процесс расслоения внутри так называемой Российской социал-демократической рабочей партии перешел в новую фазу. Крайние централисты («ленинцы», «твердые», «большевиcты») начинают терять почву под ногами, а позиция их противников становится все крепче и крепче — по крайней мере в заграничных «колониях». «Меньшевиcты» (мартовцы) почти повсюду берут перевес, захватывают в свои руки все большее количество партийных органов, в то время как от «большевиcтов» откальваются группы и лица, которые, хотя и не окончательно принимают «платформу» меньшинства, однако не желают также вести борьбу с последними и стремятся к водворению мира в до сих пор мятущейся партии. На сцене появляются «примиренцы», желающие положить конец неприличной свалке, в которой люди перестали понимать не только других, но и себя. Появление этих «примиренцев» вынуждает непримиримых централистов выступить с «издательством социал-демократической партийной литературы, посвященной защите принципиальной позиции большинства второго партийного съезда». (Заявления В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина.) Перед нами три продукта этого нового издательства: 1) *К партии*. Женева. 1904, стр. 16. Цена 20 сант., 15 пф. 2) *Галерка*. Долой бонапартизм! Женева. 1904, стр. 23. Цена 25 сант., 20 пф. 3) *Галерка и Рядовой*¹⁰⁸. Наши недоразумения. Женева. 1904. Цена 50 сант., 40 пф. Главное содержание этих трех брошюр заключается в критическом освещении некоторых действительно не совсем безупречных методов «меньшевиcтской» борьбы с «большинством» и в защите тезиса, что созвание третьего съезда для урегулирования партийных трений не только возможно, но и необходимо.

Стоя *формально*, с точки зрения партийной лояльности, на более солидной позиции, «большевиcты» уступают своим противникам *по существу*. По существу последние защищают *теперь* нечто более

жизненное и дееспособное, чем «большевиcты». К сожалению только, защита эта ведется не совсем или, вернее, совсем некорректно, доходя часто до явного неприличия в выборе средств. Примером такой некорректной защиты могут служить бесчисленные статьи последнего времени в «Искре» и появившаяся на днях брошюра Н. Троцкого: Наши политические задачи. (Тактические и организационные вопросы). Женева. 1904, стр. 107. Цена 75 сант. Отличаясь во многих местах пустозвонством, она, однако, совершенно справедливо берет под свою защиту некоторые идеи, с которыми интересующиеся социал-демократической литературой знакомы уже по писаниям гг. Акимова, Мартынова, Кричевского и др. так называемых «экономистов». Жаль только, что местами автор доводит взгляд последних до карикатуры.

Сколько тут злорадства по поводу бед нашей партии! Но либерал, по своей политической натуре, не может относиться к ослаблению и разложению социал-демократии без злорадства.

Сколько тут глубоко продуманной и прочувствованной симпатии к *существованию* акимовских взглядов меньшинства! Но, в самом деле, разве единственная надежда на жизнённость, идейную жизнённость русского либерализма не заключается в жизнённости социал-демократического оппортунизма?

Не везет новой «Искре» с ее сторонниками.

Вспомните знаменитое, замечательное, составившее эпоху, плехановское «Чего не делать?». Как тонко задумана была эта политика хитрости и личных уступок и как неловко попал впросак наш дипломат. Как верно схватил последовательный оппортунист, г. Струве, «знаменательный поворот» в новой «Искре». «Пропасть» между старой и новой «Искрой» признают теперь сами руководители последней.

Вспомните нарцисовское утверждение Плеханова в № 65 «Искры», что «Акимов никому не страшен, им не испугаешь теперь даже воробьев на огороде». Плеханов говорил эти слова, не особенно обнаруживающие мягкость и уступчивость к рабочедельцам, заявляя в то же время, будто на нашем партийном съезде «против ортодоксального марксизма говорил разве только какой-нибудь Акимов». И вот тотчас же после этих нарцисовских заявлений печатается *полностью* листок Воронежского комитета, солидарного, как всем известно, с гг. Акимовым и Брукером, причем оказывается, что редакция новой «Искры» *скрыла* от публики (№ 61) всю принципиальную часть

листка, все выражение сочувствия новой «Искре». Кто оказался похожим на воробья? Какое партийное учреждение сравнимо теперь с огородом?

Вспомните автора статьи «Пора!» в приложении к № 73—74 «Искры». Как откровенный и честный представитель взглядов, проводившихся на всем нашем съезде всеми делегатами «болота», этот товарищ прямо заявил свое несогласие с Плехановым, прямо выразил свое мнение, что «Акимов сыграл на съезде роль скорее призрака оппортунизма, чем его действительного представителя». И бедная редакция еще и еще раз должна была подвергнуть себя некоторой унтер-офицерской операции. Редакция снабдила утверждение автора статьи «Пора!» следующим примечанием:

«С этим мнением нельзя согласиться. На программных взглядах тов. Акимова лежит явная печать оппортунизма, что признает и критик «Освобождения» в одном из его последних номеров, отмечая, что тов. Акимов примыкает к «реалистическому», — читай: ревизионистскому, — направлению».

Не правда ли, мило? В программных взглядах т. Акимова, с которым вместе голосовали, в спорах о программе, почти всегда тт. Мартынов, Брукэр и бундовцы, очень часто и делегаты болота, есть оппортунизм. А в его тактических и организационных взглядах нет оппортунизма, — так что ли, господа? Не потому ли молчите вы об этих последних взглядах, что новая «Искра» с помпой выдвинула новые организационные разногласия и сказала именно то и только то, что говорили уже раньше против старой «Искры» Мартынов и Акимов? Не потому ли, что и новые тактические разногласия, выдвигаемые в новейшее время новейшей «Искрой», сводятся всецело к повторению того, что говорили давно против старой «Искры» Мартынов и Акимов? Как полезно было бы переиздать теперь № 10 «Рабочего Дела»¹⁰⁹¹

И кого же приводит сама редакция новой «Искры» в качестве судьи и свидетеля против тов. Акимова? — г-на Струве. Судья хорош, это действительно специалист, знаток, чемпион и эксперт в вопросах оппортунизма. Тем более знаменателен отзыв этого, самой редакцией вызванного, свидетеля о содержании взглядов Троцкого. А ведь брошюра Троцкого вышла, не забывайте этого, под редакцией «Искры» (№ 72, стр. 10, столб. 3). «Новые»

взгляды Троцкого — редакционные взгляды, одобренные Плехановым, Аксельродом, Засулич, Старовером и Мартовым.

Пустовонство и акимовщина, к сожалению последняя в карикатурном виде, — таков вердикт сочувствующего новой «Искре» и ею же вызванного судьи.

Услужливый либерал на этот раз нечаянно сказал сущую правду.

Написано в октябре 1904 г.

*Напечатано отдельным листком
в ноябре 1904 г. в Женеве*

Печатается по тексту листка

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ Н. ШАХОВА «БОРЬБА ЗА СЪЕЗД»

Мы старались дать в предлагаемой читателю брошюре возможно более полное собрание документов, характеризующих отношение различных организаций нашей партии, занятых работой на местах, к современному партийному кризису. Документы эти воспроизводятся частью с текста, напечатанного уже в «Искре», частью прямо с рукописей, и читатель не должен забывать, что, в силу самих условий доставки, в эти рукописи не могли не вкрасться иногда ошибки и пропуски.

Содержание печатаемых документов вращается около одного центрального пункта, именно: борьбы партийности с кружковщиной, борьбы за съезд. Сначала это была борьба за второй съезд партии, за признание и честное соблюдение его решений, потом за третий съезд, как единственное достойное партии средство выхода из современного невозможного положения. Борьбу теперешних центральных учреждений партии против третьего съезда мы тоже постарались представить возможно полнее на основании документальных данных.

Наша работа ограничилась приведением документов в хронологический (по возможности) порядок и добавлением самых кратких пояснений для указания связи между документами. Комментарии мы предоставляем дальнейшей литературе. Голые фактические данные о борьбе за съезд говорят сами за себя, и изучение их поможет всем и каждому выработать себе самостоятельное суждение о нашей внутривнутрипартийной борьбе.

ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ БЮРО КОМИТЕТОВ БОЛЬШИНСТВА¹¹⁰

ПРОЕКТ

Партийный кризис затягивается до бесконечности и разрешение его становится все труднее. Сторонники большинства не раз уже излагали в печати свои взгляды на причины кризиса и средства выхода из него. Заявление 22-х*, поддержанное и рядом комитетов (Одесским, Екатеринославским, Николаевским, Рижским, Петербургским, Московским и Кавказским союзом) и декларацией 19-ти¹¹¹ и заграничными представителями большинства, дало полное и точное изложение его программы. Для всякого, кто сколько-нибудь знаком с ходом кризиса и кто сколько-нибудь дорожит честью и достоинством партии, давно уже стало ясно, что не может быть иного выхода, кроме партийного съезда. Но теперь новая декларация части ЦК, новые решения Совета партии обостряют партийное расхождение еще более. Перебежавшие на сторону меньшинства члены ЦК не остановились перед самыми грубыми нарушениями прав тех членов ЦК, которые остались на стороне большинства. Новый ЦК провозгласил примирение, не только не считаясь с большинством, а, напротив, совершенно игнорируя его и вступая в соглашение с одним только меньшинством, притом путем частных тайных сделок. Кто искренне хотел бы примирения, тот прежде всего созвал бы всех борющихся, спорящих и недовольных, а такой созыв и есть партийный съезд. Говорить же о мире и бояться съезда, примирять и в то же время пугать расколом

* См. настоящий том, стр. 420—427. Ред.

вследствие вероятного поражения меньшинства и на 3-ем съезде — значит лицемерить, значит насильственно навязывать русским партийным работникам каприз заграничного кружка, значит освящать благовидным лозунгом мира полное предательство большинства. Во имя мира новый ЦК раскассировывает организации, имеющие дерзость желать съезда. Во имя мира новый ЦК объявляет непартийными издания большинства и отказывается доставлять их комитетам. Во имя мира новый ЦК вносит дрязгу в решения Совета партии, осмеливающегося печатно заявлять об «обманах» со стороны таких товарищей, действия которых еще не расследованы и которым даже не потрудились предъявить направленного против них обвинения. Совет партии прямо подделывает теперь общественное мнение партии и решение ее, поручая заведомо враждебному к идее съезда ЦК проверку резолюций комитетов, заподозривая эти резолюции, оттягивая опубликование их, неверно считая голоса, присваивая себе право съезда объявлять мандаты недействительными, внося дезорганизацию в положительную работу путем восстановления «периферии» против местных комитетов. А между тем общепартийная положительная работа тоже стоит благодаря поглощению сил ЦК и ЦО борьбой против съезда.

Комитетам и организациям большинства ничего не остается, как сплотиться вместе для борьбы за съезд, для борьбы против так называемых центральных учреждений партии, которые на деле прямо издеваются над партией. Мы делаем почин такого сплочения, составляя Бюро Комитетов Большинство, по инициативе и с согласия комитетов Одесского, Екатеринославского, Николаевского, Рижского, Петербургского и Московского.

Наш лозунг — борьба партийности против кружковщины, борьба выдержанного революционного направления против зигзагов, путаницы и возврата к рабочедельству, борьба во имя пролетарской организации и дисциплины против дезорганизаторов.

Наши ближайшие задачи — идейное и организационное сплочение большинства в России и за границей, всесторонняя поддержка и развитие издательства большинства (начатого за границей тт. Бонч-Бруевичем и

Лениным), борьба с бонапартизмом наших центральных учреждений, контроль за правильностью мер по созыву 3-го съезда, содействие положительной работе комитетов, дезорганизуемой агентами редакции и нового ЦК.

Бюро Комитетов Большинства

Сноситься с Бюро можно через комитеты большинства в России и через издательство Бонч-Бруевича и Ленина за границей.

*Написано до 20 октября (2 ноября)
1904 г.*

Впервые напечатано в 1940 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 2

Печатается по рукописи

**ЗЕМСКАЯ КАМПАНИЯ И ПЛАН
«ИСКРЫ»¹¹²**

Написано в ноябре 1904 г.

*Напечатано отдельной брошюрой
в ноябре 1904 г. в Женеве*

*Печатается по тексту
брошюры*

ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ

За подписью редакции «Искры» только что опубликовано («для членов партии») письмо к партийным организациям. Россия никогда еще не была так близка к конституции, как теперь, — заявляет редакция и подробно излагает целый план «политической кампании»; целый план воздействия на наших либеральных земцев, ходатайствующих о конституции.

Прежде чем разбирать этот, в высшей степени поучительный, план новой «Искры», припомним, как ставился вопрос об отношении к нашим либеральным земцам в русской социал-демократии с тех пор, как возникло массовое рабочее движение. Всем известно, что и по этому вопросу почти с самого начала возникновения массового рабочего движения шла борьба между «экономистами» и революционерами. Первые доходили до прямого отрицания буржуазной демократии в России, до игнорирования задач воздействия пролетариата на оппозиционные слои общества и в то же время, суживая размах политической борьбы пролетариата, они, сознательно или бессознательно, предоставляли политически руководящую роль либеральным элементам общества, отводя рабочим «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством». Сторонники революционной социал-демократии в старой «Искре» вели борьбу с этим направлением. Борьба эта распадается на два крупных периода: до появления либерального органа, «Освобождения», и после его появления. В первый период мы направляли, главным образом, свою атаку против узости экономистов, «наталкивали» их на незамечаемый

ими факт существования буржуазной демократии в России, подчеркивали задачу всесторонней политической деятельности пролетариата, задачу воздействия его на все слои общества, задачу стать авангардом в войне за свободу. В настоящее время тем более уместно и необходимо вспомнить этот период и его основные черты, чем грубее извращают его сторонники новой «Искры» (см. «Наши политические задачи» Троцкого, изданные под редакцией «Искры»), чем больше спекулируют они на незнакомство теперешней молодежи с историей недавнего прошлого нашего движения.

Со времени появления «Освобождения» начался второй период борьбы старой «Искры». Когда либералы выступили с самостоятельным органом и с особой политической программой, задача воздействия пролетариата на «общество» естественно изменилась: рабочая демократия не могла уже ограничиться «встряхиванием» либеральной демократии, расшевеливанием ее оппозиционного духа, она должна была поставить во главу угла революционную критику той половинчатости, которая ясно обнаружилась в политической позиции либерализма. Наше воздействие на либеральные слои приняло форму постоянных указаний на непоследовательность и недостаточность политического протеста гг. либералов (достаточно сослаться на «Зарю», критиковавшую предисловие г. Струве к записке Витте*, и на многочисленные статьи «Искры»).

Ко времени II партийного съезда эта новая позиция социал-демократии по отношению к либерализму, выступившему открыто, настолько уже выяснилась и упрочилась, что ни у кого не возникало даже вопроса относительно того, существует ли буржуазная демократия в России и должно ли оппозиционное движение встречать поддержку (и какую поддержку) в пролетариате. Речь шла лишь о формулировке партийных взглядов на этот вопрос, и мне достаточно здесь указать на то, что взгляды старой «Искры» гораздо лучше были выражены в резолюции Плеханова, подчеркнувшей антиреволюционный и про-тивопролетарский характер либерального «Освобождения», чем в сбивчивой резолюции Старовера, которая,

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 19—65. Ред.

с одной стороны, гонится (и совершенно несвоевременно гонится) за «соглашением» с либералами, а с другой стороны, ставит фиктивные, заведомо неисполнимые для либералов условия таких соглашений.

I

Перейдем к плану новой «Искры». Редакция признает нашу обязанность использовать до дна весь материал по вопросу о нерешительности и половинчатости либеральной демократии, по вопросу о враждебной противоположности интересов либеральной буржуазии и пролетариата, использовать «соответственно принципиальным требованиям нашей программы». «Но — продолжает редакция — *но* в пределах борьбы с абсолютизмом, и именно в теперешнем фазисе, наше отношение к либеральной буржуазии *определяется задачей* придать ей побольше храбрости и побудить ее присоединиться к тем требованиям, с которыми *выступит* (?выступил?) руководимый социал-демократией пролетариат». Мы подчеркнули особенно странные словечки в этой странной тираде. В самом деле, как не назвать странным противоположение, с одной стороны, критики половинчатости и анализа враждебности интересов, а с другой стороны, задачи придать храбрости и побудить присоединиться? Каким образом в состоянии мы придать храбрости либеральной демократии иначе, как беспощадным разбором и уничтожающей критикой ее половинчатости в вопросах демократии? Поскольку буржуазная (либеральная) демократия намерена выступать как демократия и вынуждена выступать как демократия, постольку она неизбежно стремится опереться на возможно более широкие круги народа. Это стремление неминуемо порождает следующее противоречие: чем шире эти круги народа, тем больше среди них представителей пролетарских и полупролетарских слоев, требующих полной демократизации политического и общественного строя, такой полной демократизации, которая грозит подорвать весьма важные опоры всякого буржуазного господства вообще (монархию, постоянное войско, бюрократию). Буржуазная демократия по природе своей не в состоянии удовлетворить этих требований, она по природе своей осуждена поэтому на нерешительность

и половинчатость. Социал-демократы критикой этой половинчатости подталкивают постоянно либералов, отрывают все большее количество пролетариев и полупролетариев, а частью и мелких буржуа, от либеральной демократии на сторону рабочей демократии. Каким же образом можно говорить: мы должны критиковать половинчатость либеральной буржуазии, но (но!) наше отношение к ней определяется задачей придать ей храбрости? Ведь это явная путаница, свидетельствующая либо о том, что авторы ее пятаются назад, т. е. возвращаются к тем временам, когда либералы вообще еще не выступали открыто, когда их надо было вообще пробуждать, расшевеливать, побуждать открыть рот; — либо о том, что авторы сбиваются на мысль, будто можно «придать храбрости» либералам посредством уменьшения храбрости пролетариев.

Как ни чудовишна эта мысль, но в следующем же пассаже редакционного письма мы видим ее еще более ясно выраженною: «Но — оговаривается паки и паки редакция — но мы впали бы в роковую ошибку, если бы поставили себе целью энергическими мерами *устрашения* теперь же *заставить* земства или другие органы буржуазной оппозиции дать, под влиянием *паники*, формальное обещание предъявить наши требования правительству. Такая тактика скомпрометировала бы социал-демократию, потому что превратила бы всю нашу политическую кампанию в рычаг для реакции» (курс. ред.).

Вот оно что! Не успел еще революционный пролетариат нанести ни одного серьезного удара царскому самодержавию в такой момент, когда оно особенно явно колеблется и когда серьезный удар особенно необходим, особенно полезен и может оказаться решительным ударом, а нашли уже социал-демократы, бормочущие о рычаге для реакции. Это уже не только путаница, это — прямая пошлость. И редакция договорилась до этой пошлости, сочинив себе, специально для разговоров о рычаге для реакции, сугубо грозное пугало. Подумайте только: люди серьезно говорят, в письме к партийным организациям социал-демократической партии, о тактике устрашения земцев и понуждения их, под влиянием паники, дать формальные обещания! Не легко было бы, даже среди русских сановников, даже среди наших Угрюм-Бурчес-

вых¹¹³, найти такого государственного младенца, который бы поверил в такое пугало. У нас есть, среди революционеров, ярые террористы, есть отчаянные бомбисты, но даже самый нелепый из нелепых защитников бомбизма не предлагал, кажется, до сих пор устрашать... земцев и вызывать панику среди... оппозиции. Неужели не видит редакция, что, сочиняя эти смехотворные пугала, пуская в ход эти банальные фразы, она неизбежно порождает недоразумения и недоумения, засоряет сознание и сеет смуту в умах борющихся пролетариев? Ведь не в пустое пространство летят эти словечки о рычаге для реакции, о компрометирующей тактике устрашения, они падают на специфическую российско-полицейскую почву, как нельзя более приспособленную для произрастания плевелов. О рычаге для реакции нам действительно говорят теперь на каждом перекрестке, но говорят нововременцы. О компрометирующей тактике устрашения нам действительно прожужжали все уши, — не кто иной, как трусливые вожаки буржуазной оппозиции.

Возьмите профессора князя Е. Н. Трубецкого. Кажется, достаточно «просвещенный» и — для русского легального деятеля — достаточно «смелый» либерал. А как пошло рассуждает он в либеральном «Праве» (№ 39) о «внутренней опасности», именно опасности крайних партий! Вот вам живой образчик того, кто действительно близок к панике, вот вам наглядный пример того, что действительно оказывает на настоящих либералов устрашающее действие. Уж, конечно, бояться они не того плана, который приснился редакторам «Искры», плана вырвать у земцев формальные обещания в пользу революционеров (г. Трубецкой только расхохотался бы, если б ему сказали о таком плане), — они бояться революционно-социалистических целей «крайних» партий, они бояться уличных листов, этих первых ласточек революционной самостоятельности пролетариата, который не остановится, не сложит оружия, пока не свергнет господства буржуазии. Этот страх порождается не смехотворными пугалами, а действительным характером рабочего движения, этот страх неизгладим из сердца буржуазии (отдельные лица и отдельные группы, конечно, не в счет). И вот почему такой фальшью звучит рассуждение новой «Искры» о компрометирующей тактике устрашения земцев и

представителей буржуазной оппозиции. Пугаясь уличных листков, пугаясь всего, что идет дальше цензовой конституции, гг. либералы всегда будут бояться лозунга: «демократическая республика» и призыва к вооруженному всенародному восстанию. Но сознательный пролетариат отвергнет с негодованием самую мысль о том, чтобы мы могли отказаться от этого лозунга и от этого призыва, чтобы мы могли вообще руководиться в своей деятельности паникой и страхами буржуазии.

Возьмите «Новое Время»¹¹⁴. Какие нежные арии распевает оно на мотив о рычаге для реакции. «Молодежь и реакция — читаем мы в «Заметках» № 10285 (18 октября) — ... Не вяжутся вместе эти слова, а между тем недостаточно обдуманые действия, порывистые увлечения и желание во что бы то ни стало принять немедленное участие в судьбах государства могут привести молодежь к этому безнадежному тупику. На днях демонстрация у Выборгской тюрьмы, затем попытка о чем-то манифестировать уже в центре столицы, в Москве прогулка с флагами и протестами против войны 200 студентов... Отсюда понятна реакция... студенческие волнения, демонстрации молодежи, да ведь это целый бенефис, это — козырь, неожиданный, громадный козырь в руках реакционеров. Вот уж подлинно для них дорогой подарок, который они сумеют использовать. Не следует делать этого подарка, не нужно ломать воображаемых (!!!) решеток: теперь и двери открыты (двери и Выборгской и других тюрем, должно быть?), широко открыты!»

Эти рассуждения не требуют пояснений. Достаточно привести их, чтобы видеть, как бестактно заговаривать теперь о рычаге для реакции, *теперь*, когда ни одна из дверей всероссийской тюрьмы не приоткрыта для борющихся рабочих, когда царское самодержавие не сделало еще ни единой, хоть сколько-нибудь ощутимой для пролетариата, уступки, когда все внимание и все усилия должны быть направлены на подготовку настоящей и решительной схватки с врагом русского народа. Конечно, одна уже мысль о такой схватке внушает страх и панику гг. Трубецким и тысячам менее «просвещенных» гг. либералов. Но мы были бы глупцами, если бы соображались с их паникой. Мы должны соображаться с состоянием своих сил, с ростом народного возбуждения и возмущения,

с моментом, когда прямой натиск пролетариата на самодержавие примкнет к одному из стихийных и стихийно растущих движений.

II

Выше, говоря о том пугале, которое приснилось нашей редакции, мы не отметили еще одной характерной черточки в ее рассуждении. Редакция обрушилась на компрометирующую тактику, которая бы клонилась к тому, чтобы вырвать у земцев «формальное обещание предъявить наши требования правительству». Помимо указанных раньше несообразностей, тут странна самая мысль о том, чтобы «наши» требования, требования рабочей демократии, предъявляла правительству либеральная демократия. С одной стороны, либеральная демократия именно в силу того, что она представляет из себя буржуазную демократию, никогда не способна усвоить себе, не способна отстаивать искренно, последовательно и решительно «наши» требования. Если бы даже либералы дали, «добровольно» дали, формальное обещание предъявить наши требования, то, разумеется, они не сдержали бы этого обещания, обманули бы пролетариат. С другой стороны, если бы мы были так сильны, чтобы влиять серьезно на буржуазную демократию вообще и гг. земцев в особенности, то такой силы нам было бы вполне достаточно, чтобы самостоятельно предъявить наши требования правительству.

Странная мысль редакции — не результат обмолвки, а неизбежное следствие той сбивчивой позиции, на которую она вообще встала по данному вопросу. Слушайте: «Центральным фокусом и руководящей нитью... должна служить практическая задача... внушительного организованного воздействия на буржуазную оппозицию»; в «проекте заявления от рабочих данному органу либеральной оппозиции» должно быть «объяснение, почему рабочие обращаются не к правительству, а к собранию представителей именно этой оппозиции». Такая постановка задачи в основе своей ошибочна. Мы, партия пролетариата, должны, конечно, «идти во все классы населения», открыто и энергично отстаивая перед всем народом нашу программу и наши ближайшие требования, мы должны стараться заявить эти требования и перед гг. земцами,

но центральным фокусом и руководящей нитью должно быть для нас воздействие именно не на земцев, а на правительство. Редакция «Искры» поставила вопрос о центральном фокусе как раз вверх ногами. Буржуазная оппозиция потому и является только буржуазной и только оппозицией, что она не борется сама, не имеет своей безусловно отстаиваемой программы, что она стоит между двумя борющимися сторонами (правительством и революционным пролетариатом плюс его немногочисленные интеллигентные сторонники), что она учитывает в свою пользу результат борьбы. Поэтому, чем горячее становится борьба, чем ближе момент решительной битвы, тем больше должны мы обращать наше внимание и направлять наше воздействие на нашего действительного врага, а не на того союзника, который *заведомо* является союзником условным, проблематичным, ненадежным и половинчатым. Неразумно было бы игнорировать этого союзника, нелепо было бы ставить себе целью устрашать и пугать его, — все это до такой степени самоочевидно, что странно и толковать об этом. Но центральным фокусом и руководящей нитью нашей агитации должно быть, повторяю, не воздействие на этого союзника, а подготовка решительной битвы с врагом. Заигрывая с земством, делая ничтожные уступки земству, правительство ведь ровно еще ничего не уступило фактически народу, правительство еще вполне и вполне может вернуться к реакции (вернее, продолжить реакцию), как бывало на Руси десятки и сотни раз после мимолетных либеральных веяний того или иного самодержца. Именно в такой момент заигрывания с земством, отвода глаз народу, убаюкивания его пустыми словечками надо особенно остерегаться лисьего хвоста, особенно настойчиво напоминать, что враг еще не сломан, особенно энергично звать к продолжению и удесятерению борьбы с врагом, а не переносить центр тяжести с «обращения» к правительству на обращение к земству. Именно в настоящий момент не кто иной, как заведомые пенкосниматели и предатели свободы лезут из кожи, чтобы обратить центр тяжести общественного и народного внимания на земство, вызвать доверие к земству, которое на самом деле доверия истинной демократии отнюдь не заслуживает. Возьмите «Новое Время»: в цитированной выше статье вы прочтете такое

рассуждение: «Всякому ясно, что с возможностью смело и правдиво обсуждать все наши недостатки и недочеты, с возможностью каждому деятелю свободно проявлять свою деятельность, скоро и недочетам должен наступить конец, и Россия может вступить безбоязненно на тот путь прогресса и совершенствования, который ей так необходим. Даже организации, инструмента этого прогресса, не приходится выдумывать: он существует налицо в виде земства, которому только (!!) предстоит дать свободу роста; в последнем залог действительно самобытного, а не заимствованного совершенствования». Такие и подобные речи не только «скрывают стремления к ограниченной монархии и цензовой конституции» (как говорит в другом месте своего письма редакция); они прямо готовят почву к тому, чтобы все дело ограничилось улыбками по адресу земства без всякого даже и ограничения монархии!

Выдвиганье, в качестве центрального фокуса, воздействия на земство, а не воздействия на правительство, естественно приводит к той несчастной мысли, которая легла в основу староверовской резолюции, именно мысли искать сейчас же и немедленно базиса для каких-либо «соглашений» с либералами. «По отношению к нынешним же земствам — говорит в своем письме редакция — наша задача сводится (!!) к предъявлению им тех политических требований революционного пролетариата, которые они обязаны поддерживать, чтобы иметь хоть какое-нибудь право выступать от имени народа и рассчитывать на энергичную поддержку со стороны рабочих масс». Нечего сказать, хорошее определение задач рабочей партии! В такое время, когда перед нами совершенно ясно обрисовывается возможный и вероятный союз умеренных земцев с правительством для борьбы против революционного пролетариата (редакция сама признает возможность такого союза), мы будем «сводить» свою задачу не к удешевлению энергии борьбы против правительства, а к выработке казуистических условий соглашения с либералами об обоюдной поддержке. Если я предлагаю другому лицу требования, которые он должен обязаться поддерживать, чтобы иметь право на мою поддержку, то я заключаю именно соглашение. И мы спрашиваем всех и каждого: куда улетучились те

«условия» соглашений с либералами, которые сочинял Старовер в своей резолюции* (подписанной также Аксельродом и Мартовым) и неисполнимость которых была уже предсказана в нашей литературе? Об этих условиях редакция не говорит в своем письме ни слова. Редакция провела резолюцию на съезде, чтобы бросить ее потом в корзину для ненужной бумаги. При первой же попытке практического приступа к делу сразу стало видно, что предъявление староверовских «условий» вызвало бы только гомерический хохот гг. либеральных земцев.

Пойдем дальше. Можно ли вообще признать *принципиально* правильной постановку перед рабочей партией задачи предъявлять либеральной демократии или земцам такие политические требования, «которые она обязана поддерживать, чтобы иметь хоть какое-нибудь право выступать от имени народа»? Нет, такая постановка задачи принципиально неправильна и ведет только к затемнению классового самосознания пролетариата, к бесплоднейшей казуистике. Выступать от имени народа это и значит выступать в качестве демократа. Всякий демократ (и в том числе буржуазный демократ) имеет право выступать от имени народа, но он имеет это право лишь постольку, поскольку он последовательно, решительно и до конца проводит демократизм. Следовательно, *всякий* буржуазный демократ «имеет хоть какое-нибудь право выступать от имени народа» (ибо всякий буржуазный демократ отстаивает, пока он демократ, то или иное демократическое требование), но в то же время *ни один* буржуазный демократ не имеет права по всей линии выступать от имени народа (ибо ни один буржуазный демократ в настоящее время не способен решительно и до конца доводить демократизм). Г-н Струве имеет право выступать от имени народа, поскольку «Освобождение» борется с самодержавием. Г-н Струве не имеет никакого права выступать от имени народа, поскольку «Освобо-

* Напомню читателю, что в принятой съездом (вопреки моему и Плеханова мнению) резолюции Старовера поставлены 3 условия временных соглашений с либералами: 1) либералы «ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону социал-демократии»; 2) «они не выставят в своих программах требований, вдуших разрыв с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемиющих его сознание»; 3) «своим повзунгом борьбы они сделают всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право».

ждение» виляет и вертится, ограничивается цензовой конституцией, приравнивает земскую оппозицию к борьбе, уклоняется от последовательной и ясной демократической программы. Немецкие национал-либералы имели право выступать от имени народа, поскольку они боролись за свободу передвижения. Немецкие национал-либералы не имели никакого права выступать от имени народа, поскольку они поддерживали реакционную политику Бисмарка.

Таким образом ставить рабочей партии задачу предъявлять гг. либеральным буржуа такие требования, при условии поддержки которых они имели бы хоть какое-нибудь право выступать от имени народа, значит сочинять вздорную и нелепую задачу. Никаких особых демократических требований помимо тех, которые изложены в нашей программе, сочинять нам незачем. Во имя этой программы мы обязаны поддерживать всякого (в том числе и буржуазного) демократа, поскольку он проводит демократизм; мы обязаны беспощадно разоблачать всякого демократа (в том числе и социалиста-революционера), поскольку он отступает от демократизма (хотя бы, напр., в вопросах насчет свободного выхода из общины и свободной продажи земли крестьянином). Пытаться же наперед определить, так сказать, меру допустимой подлости, пытаться заранее установить, какие отступления от демократизма позволительны для демократа, чтобы он имел хоть какое-нибудь право выступать в качестве демократа, — это задача настолько умная, что невольно является подозрение, не помогали ли нашей редакции сочинять ее тов. Мартынов или тов. Дан.

III

Изложив в своем письме руководящие политические соображения, редакция дает затем подробное изложение и своего великого плана.

Губернские земские собрания ходатайствуют о конституции. В городах N, X, Y комитетчики плюс развитые рабочие составляют план политической кампании «по Аксельроду». Центральный фокус агитации сводится к воздействию на буржуазную оппозицию. Выбирается организационная группа. Организационная группа выбирает

исполнительную комиссию. Исполнительная комиссия выбирает специального оратора. Стараются «привести массы в непосредственное соприкосновение с земскими собраниями, концентрировать манифестацию у того самого здания, в котором заседают земские гласные. Часть демонстрантов проникает в залу заседания с тем, чтобы в подходящий момент, через посредство специально уполномоченного на то оратора, попросить у собрания (? у председательствующего в собрании предводителя дворянства?) позволения прочитать ему заявление рабочих. В случае отказа в этом оратор громко заявляет протест против нежелания собрания, говорящего от имени народа, услышать голос подлинных представителей этого самого народа.

Таков новый план новой «Искры». Мы сейчас увидим, как скромно оценивает его значение сама редакция, но предварительно приведем в высшей степени принципиальные пояснения редакции насчет функций исполнительской комиссии:

...«Исполнительная комиссия должна будет заранее принять меры к тому, чтобы появление нескольких тысяч рабочих перед зданием, где заседают земские гласные, и нескольких десятков или сотен в самом здании *не вызвало в земцах панического страха* (!!), под влиянием которого они способны были бы броситься (!) под позорную защиту полицейских и казаков, превратив таким образом мирную манифестацию в безобразную драку и варварское побоище, извратив весь ее смысл»... (Редакция, видимо, сама поверила в приснившееся ей пугало. У редакции выходит даже, по буквальному грамматическому смыслу фразы, так, будто земцы превращают манифестацию в побоище и извращают ее смысл. Мы очень невысокого мнения о либеральных земцах, но все же панический страх редакции насчет призыва полиции и казаков либералами в земском собрании кажется нам совершенно вздорным. Всякий, кто хоть раз был в земском собрании, прекрасно знает, что полицию позовет, в случае так называемого нарушения порядка, либо председательствующий предводитель дворянства, либо присутствующий неофициально в соседней комнате чин полиции. Или может быть члены исполнительской комиссии разъяснят по этому случаю околоточному надзирателю, что в «план» редакции новой «Искры» совершенно не входит

превращение мирной манифестации в варварское побоище?)

...«Во избежание такого сюрприза исполнительная комиссия должна заранее предупредить либеральных гласных... (чтобы они дали «формальное обещание» не вызывать казаков?) о готовящейся манифестации и ее истинной цели... (т. е. предупредить, что наша истинная цель отнюдь не состоит в том, чтобы нас варварски били и этим извращали смысл аксельродовского плана)... Кроме того, она должна будет попытаться вступить в некоторое соглашение (слушайте!) с представителями левого крыла оппозиционной буржуазии и заручиться, если не их активной поддержкой, то, по крайней мере, сочувствием нашему политическому акту. Переговоры с ними она должна вести, разумеется, от имени партии, по поручению рабочих кружков и собраний, на которых не только обсуждается общий план политической кампании, но и дается отчет о ходе ее, — конечно, при строгом соблюдении требований конспирации».

Да, да, мы видим воочию, что великая идея Старовера о соглашении с либералами на базисе точно определенных условий растет и крепнет не по дням, а по часам. Правда, все эти определенные условия «временно» положены под сукно (мы ведь не формалисты!), но зато соглашение достигается практически, достигается немедленно, именно: *соглашение о производстве панического страха.*

Как ни вертите редакционное письмо, вы не найдете в нем никакого другого содержания пресловутого «соглашения» с либералами, кроме указанного нами: либо это соглашение об условиях, на которых либералы вправе выступать от имени народа (и тогда самая идея о таком соглашении компрометирует серьезнейшим образом выдвигающих ее социал-демократов), либо это соглашение о производстве панического страха, соглашение о сочувствии мирной манифестации, — и тогда это просто вздор, о котором трудно говорить серьезно. Нелепая идея о центральном значении воздействия на буржуазную оппозицию, а не на правительство, и не могла привести ни к чему, кроме абсурда. Если мы можем произвести внушительную и массовую демонстрацию рабочих в зале земского собрания, — мы, конечно, произведем ее (хотя при наличии сил для массовой демонстрации гораздо лучше было бы

«концентрировать» эти силы «у здания» не земских, а полицейских, жандармских или цензорских собраний). Но руководиться при этом соображениями о паническом страхе земцев, вести переговоры об этом — верх неразумного, верх комичного. Панический страх среди изряднейшей доли, наверное среди большинства, российских земцев всегда и неизбежно вызовет самое *содержание* речи последовательного социал-демократа. Говорить заранее с земцами о нежелательности *такого* панического страха значит ставить себя в самое фальшивое и недостойное положение. Другого рода панический страх будет также неизбежно вызван варварским побоищем или мыслью о возможности такового. Вести переговоры насчет этого панического страха с земцами — весьма неумно, ибо ни вызывать побоища, ни сочувствовать ему ни один даже умереннейший либерал никогда не будет, но зависит это вовсе не от него. Тут не «переговоры» нужны, а фактическая подготовка силы, не воздействие на земцев, а именно воздействие на правительство и его агентов. Если нет силы, тогда лучше о великих планах не разглагольствовать, а если есть сила, тогда надо противопоставить именно силу казакам и полиции, постараться собрать такую толпу и в таком месте, чтобы она могла отбить, или хотя задержать, натиск казаков и полиции. И если мы способны оказать, на деле, а не на словах, «внушительное организованное воздействие на буржуазную оппозицию», то уж конечно не глупенькими «переговорами» о непроизведении панического страха, а только силой, силой массового отпора казакам и царской полиции, силой массового натиска, способного перейти в народное восстание.

Редакция новой «Искры» смотрит на вещи иначе. Она так довольна своим планом соглашения и переговоров, что не может налюбоваться на него, не может нахвалиться им.

...Активные демонстранты должны быть «проникнуты пониманием коренной разницы между обычной демонстрацией против полиции или правительства вообще и демонстрацией, имеющей своей непосредственной целью борьбу против абсолютизма, при помощи прямого воздействия революционного пролетариата на политическую тактику (вот как!) либеральных элементов в *настоящий* (курс. ред.) момент... Для устройства демонстраций

обычного, так сказать, общедемократического (II) типа, не имеющих непосредственной целью конкретно противопоставить друг другу революционный пролетариат и либерально-оппозиционную буржуазию, как две самостоятельные политические силы, достаточно одной только наличности в народных массах сильного политического брожения»... «Партия наша обязана использовать это настроение масс хотя бы и для такой, если можно выразиться, низшего типа (слушайте! слушайте!) мобилизации этих масс против абсолютизма». ...«Мы делаем первые (I) шаги на новом (I) пути политической деятельности, на пути организации такого планомерного вмешательства рабочих масс (NB*) в общественную жизнь, которое имеет непосредственной целью противопоставить их буржуазной оппозиции, как самостоятельную силу, противоположную ей по своим классовым интересам и в то же время предлагающую ей условия (какие же?) для совместной энергичной борьбы с общим врагом».

Не всякому дано вместить всю глубину этих замечательных рассуждений. Ростовская демонстрация¹¹⁵, когда перед тысячами и тысячами рабочих разъясняются цели социализма и требования рабочей демократии, это — «низший тип мобилизации», это обычный, *общедемократический* тип, тут нет конкретного противопоставления революционного пролетариата и буржуазной оппозиции. А вот, когда специально уполномоченный оратор, которого назначила исполнительная комиссия, которую выбрала организационная группа, которая образована комитетчиками и активными рабочими, когда этот оратор, после предварительных переговоров с земцами, заявит громко протест в земском собрании о нежелании его выслушать, тогда это будет «конкретное» и «непосредственное» противопоставление двух самостоятельных сил, тогда это будет «прямое» воздействие на тактику либералов, тогда это будет «первый шаг на новом пути». Побойтесь бога, господа! ведь даже Мартынов в худшие времена «Рабочего Дела» вряд ли договаривался когда до подобных пошлостей!

Массовые рабочие собрания на улицах южных городов, десятки рабочих ораторов, прямые столкновения с

* — Nota bene — замстьс. Ред.

действительной силой царского самодержавия, это — «низший тип мобилизации». Соглашение с земцами о мирном выступлении нашего оратора, обязующегося не вызывать у гг. либералов паники, это — «новый путь». Вот они, новые тактические задачи, новые тактические взгляды новой «Искры», о которых с такой помпой возвестили всему миру через редакционного Балалайкина¹¹⁶. В одном отношении этот Балалайкин сказал, однако, нечаянно правду: между старой и новой «Искрой» действительно лежит пропасть. Старая «Искра» не имела других слов, кроме слов презрения и насмешки, по адресу тех людей, которые способны восхищаться, как «новым путем», бутафорски обставленным соглашением классов. *Этот* новый путь давно знаком нам по опыту тех французских и немецких «государственных мужей» социализма, которые тоже считают «низшим типом» старую революционную тактику и не могут нахвалиться «планомерным и непосредственным вмешательством в общественную жизнь» в виде соглашений о мирном и скромном выступлении рабочих ораторов, после переговоров с левым крылом оппозиционной буржуазии.

Перед паническим страхом либеральных земцев редакция с своей стороны испытывает такой панический страх, что усиленно рекомендует участникам сочиненного ею «нового» плана «особенную осторожность». «Как крайний случай в смысле внешней осторожности в обстановке самого этого акта, — читаем мы в письме, — мы представляем себе доставку заявления рабочих гласным почтой на дом и разбрасывание его в значительном числе экземпляров в зале земского собрания. Смущаться этим можно было бы, стоя на точке зрения буржуазного революционизма (sic!*), для которого внешний эффект все, а процесс планомерного развития классового самосознания и самостоятельности пролетариата — ничто».

Смущаться рассылкой и разброской листов нашему брату не свойственно, но смущаться напыщенным и бессодержательным фразерством мы будем всегда. По поводу рассылки и разброски листов толковать, с серьезным видом, о процессе планомерного развития классового самосознания и самостоятельности пролетариата, — для

* — так! Ред.

этого надо быть героем самодовольной пошлости. Накричать на весь мир о новых тактических задачах и свести дело к рассылке и разброске листов, это — поистине бесподобно, это донельзя характерно для представителей интеллигентского оттенка в нашей партии, которые теперь истерически мечутся в погоне за новым тактическим словом, после фиаско с их новыми организационными словами. И они еще толкуют, со свойственной им скромностью, о тщете внешнего эффекта. Да неужели не видите вы, господа, что в лучшем случае, в случае полного успеха вашего якобы нового плана, именно только внешний эффект был бы достигнут выступлением рабочего перед гг. земцами, а о действительном «внушительном» воздействии такого выступления на «тактику либеральных элементов» можно говорить только для смеха? Не наоборот ли, не оказали ли действительно внушительного воздействия на тактику либеральных элементов те массовые демонстрации рабочих, которые вам кажутся демонстрациями «обычного, общедемократического, низшего типа»? И если суждено еще раз русскому пролетариату оказать воздействие на тактику либералов, то, поверьте, он окажет это воздействие массовым натиском на правительство, а не соглашением с земцами.

IV

Земская кампания, открытая с милостивого разрешения полиции, нежные речи Святополка-Мирского и правительственных официозов, повышение тона в либеральной печати, оживление так называемого образованного общества, — все это ставит перед рабочей партией самые серьезные задачи. Но задачи эти совершенно превратно формулируются в письме редакции «Искры». Именно в настоящий момент центральным фокусом политической деятельности пролетариата должна быть организация внушительного воздействия на правительство, а не на либеральную оппозицию. Именно теперь всего менее уместны соглашения рабочих с земцами о мирном манифестировании, — соглашения, которые неизбежно превратились бы в чисто водевильные подстраиванья эффектов, — всего более необходимо сплочение передовых, революционных элементов пролетариата для подготовки

решительной борьбы за свободу. Именно теперь, когда наше конституционное движение начинает ярко обнаруживать исконные грехи всякого буржуазного либерализма, а русского в особенности: непомерное развитие фразы, злоупотребление словом, которое расходится с делом, чисто филистерскую доверчивость к правительству и ко всякому герою лисьей политики, — именно теперь особенно бестактны фразы о нежелательности устрашения и паники гг. земцев, о рычаге для реакции и пр. и пр. Именно теперь важнее всего укрепить в революционном пролетариате твердое убеждение в том, что и настоящее «освободительное движение в обществе» неминуемо и неизбежно окажется таким же мыльным пузырем, как предыдущие, если не вмешается сила рабочих масс, способных и готовых на восстание.

Политическое возбуждение в самых различных слоях народа, составляющее необходимое условие возможности восстания и залог его успеха, залог поддержки почина пролетариата, все ширится, растет и обостряется. Было бы очень неразумно поэтому, если бы теперь опять кто-нибудь вздумал кричать о немедленном штурме, призывать строиться сейчас же в штурмовые колонны¹¹⁷ и т. п. Весь ход событий ручается за то, что царское правительство запутается в ближайшем будущем еще сильнее, озлобление против него станет еще более грозным. Правительство запутается неминуемо и в начатой им игре с земским конституционализмом. Как в том случае, если оно даст мизерные уступки, так и в том случае, если оно ровно никаких уступок не даст, недовольство и раздражение неизбежно сделаются еще более широкими. Правительство запутается неминуемо и в той позорной и преступной маньчжурской авантюре, которая несет с собой политический кризис и в случае решительного военного поражения и в случае затягивания безнадежной для России войны.

Дело рабочего класса — расширять и укреплять свою организацию, удешевлять агитацию в массах, пользуясь всяким шатанием правительства, пропагандируя идею восстания, разъясняя необходимость его на примере всех тех половинчатых и заранее осужденных на неуспех «шагов», о которых так много кричат теперь. Нечего и говорить, что рабочим следует откликаться на земские

ходатайства, устраивая собрания, разбрасывая листки, организуя там, где есть достаточные силы, демонстрации для заявления всех социал-демократических требований, не считаясь с «паникой» гг. Трубецких, не соображаясь с воплями филистеров о рычаге для реакции. И если уже рискнуть говорить наперед и притом из-за границы о возможном и желательном высшем типе *массовых* демонстраций (ибо не массовые совсем уже лишены значения), если уже затронуть вопрос о концентрации сил демонстрантов у того или иного здания, то мы указали бы именно на те здания, где вершатся полицейские дела по преследованию рабочего движения, мы указали бы на здания полицейских, жандармских, цензурных управлений, на места заключения политических «преступников». Серьезная поддержка рабочими земских ходатайств должна состоять не в соглашении об условиях, на которых земцы могли бы говорить от имени народа, а в нанесении удара врагам народа. И вряд ли можно сомневаться в том, что мысль о такой демонстрации встретит сочувствие пролетариата. Рабочие слышат теперь со всех сторон напыщенные фразы и громкие обещания, видят действительное — хотя и ничтожное, но все же действительное — расширение свободы для «общества» (ослабление узды над земствами, возвращение опальных вемцев, облегчение свирепства против либеральной печати), но рабочие не видят ровно ничего, расширяющего свободу *из* политической борьбы. Под давлением революционного натиска *пролетариата* правительство разрешило *либералам* поговорить о свободе! Бесправность и приниженность рабов капитала выступает теперь перед пролетариями еще более ярко. У рабочих нет ни повсеместных организаций для сравнительно свободного (с русской точки зрения) обсуждения политических дел, у рабочих нет зал для собраний, у рабочих нет своих газет, рабочим не возвращают из тюрем и ссылок их товарищей. Рабочие видят теперь, что шкуру медведя, — которого они еще не убили, но которого они и только они, пролетарии, серьезно ранили, — что эту шкуру начинают делить гг. либеральные буржуа. Рабочие видят, что эти гг. либеральные буржуа при первом же приступе к дележу будущей шкуры начинают уже огрызаться и рычать против «крайних партий», против «внутренних

врагов» — беспощадных врагов буржуазного господства и спокойствия. И рабочие поднимутся еще смелее, еще большими массами, чтобы добить медведя, чтобы силой отвоевать себе то, что, как милостыню, обещают дать гг. либеральным буржуа, — свободу сходок, свободу рабочей печати, полную политическую свободу для широкой и открытой борьбы за полную победу социализма.

Мы выпускаем настоящую брошюрку с надписью: «Только для членов партии» ввиду того, что с такую надписью выпущено «письмо» редакции «Искры». По существу дела, «конспирация» с таким планом, который подлежит сообщению в десятки городов, обсуждению в сотнях рабочих кружков, разъяснению в агитационных листках и воззваниях, просто смешна. Это один из образчиков той канцелярской тайны, которую уже отметил в практике редакции и Совета т. Галерка («На новый путь»). С одной только точки зрения можно было бы оправдать сокрытие редакционного письма от широкой публики вообще и от либералов в особенности: такое письмо слишком уже компрометирует нашу партию...

Ограничение круга читателей настоящей брошюры снимается ввиду того, что наша так называемая партийная редакция выпустила ответ на нее якобы для членов партии, а на деле сообщает его лишь собраниям меньшинства и не доставляет заведомым членам партии из большинства.

Если «Искра» решает не считать нас членами партии (боясь в то же время сказать это прямо), то нам остается лишь помириться с нашей горькой участью и сделать необходимые выводы из такого решения.

22 декабря 1904 г.

Leiteisen

Docteur Gabriel Leiteisen

DE LA FACULTÉ DE MÉDECINE

A BEAUMONT-DU-CATHINAIS
(S.-et-M.)

Consultations tous les Jours
de 9 h. à 11 h. et 2 p. à 4 h.

1882

Beaumont, le 9 décembre 1904

Meuzon
Properaine

1. En ce qui concerne la question de savoir si les idées de l'écrit (à l'usage de la presse), exprimées par l'auteur, sont en accord avec son état d'esprit, il faut dire que l'auteur est en accord avec son état d'esprit.
2. Il n'est pas certain, d'après l'écrit, que l'auteur ait exprimé ses idées de la manière la plus exacte et la plus complète.
3. Il n'est pas certain que l'auteur ait exprimé ses idées de la manière la plus exacte et la plus complète.
4. L'auteur, d'après l'écrit, a exprimé ses idées de la manière la plus exacte et la plus complète.
5. L'auteur, d'après l'écrit, a exprimé ses idées de la manière la plus exacte et la plus complète.
6. L'auteur, d'après l'écrit, a exprimé ses idées de la manière la plus exacte et la plus complète.
7. Il n'est pas certain que l'auteur ait exprimé ses idées de la manière la plus exacte et la plus complète.

Рукопись В. И. Ленина
«Тезисы реферата о внутрипартийном
положении». — 1904 г.

Уменьшено

ТЕЗИСЫ РЕФЕРАТА О ВНУТРИПАРТИЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ

ТЕЗИСЫ МОЕГО РЕФЕРАТА ¹¹⁸

1. Еще на II съезде меньшинство искровцев проявило принципиальную неустойчивость (или впало в ошибку), оказавшись при выборах в коалиции с своими идейными противниками.

2. И после съезда, даже в Лиге, меньшинство защищало преемственность старой «Искры», но на деле все дальше отходило от нее.

3. Плеханов во время своего поворота (№ 52) ясно видел, что меньшинство составляет оппортунистическое крыло партии и борется, как анархические индивидуалисты.

(Contra* Васильев и Ленин насчет кружковщины)**.

4. Защита, оправдание, возведение в принцип нашей организационной отсталости и организационного разрушения съезда есть уже оппортунизм. Никто не решится поддерживать теперь вообще тезисы о программе versus*** устав etc.****

5. Обвинения большинства в игнорировании экономической борьбы, якобинстве, игнорировании рабочей самодеятельности есть не что иное, как лишенное всякого основания повторение нападок «Рабочего Дела» на «Искру».

* — Против. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 129—131. *Ред.*

*** — по отношению к. *Ред.*

**** — et cetera — и так далее. *Ред.*

6. Боязнь III съезда и борьба против него довершает фальшивую позицию и меньшинства и примиренчества.

7. В плане земской кампании редакция «Искры» встала на особенно ложную и вредную, несомненно оппортунистическую тактическую дорогу, выдвинув вопрос о панике, воспевая соглашение с земцами о мирном манифестировании, как новый тип.

План кампании связан с ошибочной резолюцией Старовера.

*Написано 19 ноября (2 декабря)
1904 г.*

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVI*

Печатается по рукописи

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ

(К ВЫХОДУ ОРГАНА ПАРТИЙНОГО БОЛЬШИНСТВА)

Дорогие товарищи! Сегодня на собрании тесного круга заграничных большевиков окончательно решен вопрос, давно уж решенный в принципе, об основании периодического партийного органа, посвященного отстаиванию и развитию принципов большинства в борьбе со смутой организационной и тактической, внесенной в партию меньшинством, и обслуживанию положительной работы русских организаций, против которых ведется теперь едва ли не везде по всей России такая ожесточенная борьба со стороны агентов меньшинства, борьба, страшно дезорганизирующая партию в столь важный исторический момент, борьба, целиком ведущаяся самыми беззащитными средствами и приемами раскола при лицемерном ошлакивании раскола в так называемом ЦО партии. Мы сделали все возможное, чтобы провести борьбу партийным путем, мы с января месяца боремся за съезд, как единственный достойный партийный выход из невозможного положения. Теперь яснее ясного уже стало, что почти вся деятельность перебежавшего к меньшинству ЦК посвящена отчаянной борьбе против съезда, что Совет идет на все самые невозможные и непозволительные проделки для оттягивания съезда. Совет прямо срывает съезд: кто не убедился еще в этом из чтения его последних постановлений в приложении к №№ 73—74 «Искры», тот увидит это из нашей (вышедшей на днях) брошюры Орловского: «Совет против партии»¹¹⁹. Теперь яснее ясного стало, что без объединения и отпора нашим так называемым центральным учреждениям большинство не может отстоять своей позиции, отстоять партийность в ее борьбе

с кружковщиной. Объединение русских большевиков уже давно поставлено ими на очередь дня. Припомните громадное сочувствие, которым встречена была программная (в смысле программы нашей внутрипартийной борьбы) резолюция 22-х*; припомните изданную печатно Московским комитетом (октябрь 1904 г.) прокламацию 19-ти; наконец, почти всем комитетам партии известно, что в самое последнее время произошел и отчасти еще происходит ряд частных конференций между комитетами большинства¹²⁰, делаются самые энергичные и определенные попытки крепкого сплочения между собою комитетов большинства для отпора зарвавшимся бонапартистам в Совете, ЦО и ЦК.

Мы надеемся, что в очень недалеком будущем эти попытки (вернее, эти шаги) будут оглашены во всеобщее сведение, когда результаты их позволят высказаться определенно о том, что уже достигнуто. Без особого издательства самозащита большинства была, разумеется, совершенно невозможна. Новый ЦК, как вы, может быть, уже знаете из нашей партийной литературы, прямо изгнал наши брошюры (и даже обложки уже набранных брошюр) из партийной типографии, превратив ее таким образом в кружковую типографию, и отверг прямые предложения из заграничного большинства и русских комитетов, напр. Рижского, о доставке в Россию литературы большинства. Подделка общественного мнения партии вырисовалась вполне определенно, как систематическая тактика нового ЦК. Необходимость расширять свое издательство, организовать свой транспорт надвинулась на нас неизбежно. Комитеты, порвавшие с редакцией ЦО товарищеские отношения (см. признание Дана в отчете о собрании в Женеве 2 сентября 1904 г.¹²¹ — интересная брошюра), не могли и не могут обходиться без периодического органа. Партия без органа, орган без партии! Этот печальный лозунг, еще в августе выставленный большинством, неумолимо вел к единственному выходу — к основанию своего органа. Молодые литературные силы, прибывавшие за границу для поддержки кровного дела большинства русских работников, требуют себе приложения. Ряд русских партийных литера-

* См. настоящий том, стр. 420—427. Ред.

торов тоже настоятельно требует органа. Основывая такой орган, под названием, вероятно, «Вперед», мы действуем в полном согласии с массой русских большевиков, в полном согласии с нашим поведением в партийной борьбе. Мы взяли за это оружие, испытав в течение года все, решительно все более простые, более экономные для партии, более соответствующие интересам рабочего движения, пути. Мы отнюдь не покидаем борьбы за съезд, и, напротив, хотим расширить, обобщить и поддержать эту борьбу, хотим помочь комитетам решить встающий перед ними новый вопрос о съезде помимо Совета и ЦК, — против воли Совета и ЦК, — вопрос, требующий всестороннего серьезного обсуждения. Мы выступаем открыто во имя воззрений и задач, давно уже в ряде брошюр изложенных перед всей партией. Мы боремся и будем бороться за выдержанное революционное направление против смуты и шатаний в вопросах и организационных и тактических (см. чудовищно путаное письмо новой «Искры» к партийным организациям, напечатанное только для членов партии и скрытое от глаз света¹²²). Объявление о выходе нового органа выйдет, вероятно, через неделю или около того. Первый номер числа 1-го — 10-го января нового стиля. В редакционной коллегии примут участие все выдвинувшиеся до сих пор литераторы большинства (Рядовой, Галерка, Ленин, Орловский, работавший регулярно в «Искре» с 46-го — 51 №, когда ее вели Ленин и Плеханов, и еще очень ценные молодые литературные силы). Коллегия практического руководства и организации сложного дела распространения, агентуры и пр. и пр. составит (отчасти составила уже)¹²³ на основании прямого поручения известных функций известным товарищам целым рядом русских комитетов (Одесский, Екатеринославский, Николаевский, 4 кавказских комитета и несколько северных, о которых вы вскоре узнаете обстоятельно). Мы обращаемся теперь ко всем товарищам с просьбой о всякой поддержке. Мы будем вести орган при условии, чтобы он был органом русского движения, а никоим образом не заграничного кружка. Для этого необходима прежде всего и больше всего самая энергичная *литературная* поддержка, вернее, литературное участие из России. Я подчеркиваю и ставлю в кавычках слово «литературная»,

чтобы обратить сразу внимание на особый смысл его и предостеречь от недоразумения, очень обычного и страшно вредного для дела. Это недоразумение, будто именно литераторы и только литераторы (в профессиональном смысле этого слова) способны с успехом участвовать в органе; напротив, орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов — пятьсот и пять тысяч работников не литераторов. Один из недостатков старой «Искры», от которого я всегда старался ее избавить (и который вырос в чудовищные размеры в новой «Искре»), это — слабая работа над ней из России. Мы печатали, бывало, всегда почти без исключения все присылавшееся из России. Орган действительно живой должен печатать одну десятую присылаемого, утилизируя остальное для информации и указания литераторам. Необходимо, чтобы с нами переписывалось как можно большее число партийных работников, именно, переписывалось в обычном значении, в не литературном значении этого слова.

Отчужденность от России, захватывающая атмосфера проклятого заграничного болота до того давят здесь, что единственное спасение — живое общение с Россией. Пусть не забывают этого те, кто не на словах только, а на деле хочет считать (и хочет *сделать*) наш орган — органом всего «большинства», органом массы русских работников. Пусть всякий, кто считает этот орган своим и кто сознает обязанности социал-демократа — члена партии, откажется раз навсегда от буржуазной привычки думать и действовать так, как это принято по отношению к легальным газетам: дескать, *их* дело написать, а наше прочитать. Над социал-демократической газетой должны работать все социал-демократы. Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих. Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе — без этого материала грош будет цена социал-демократическому органу, и он не будет заслуживать названия социал-демократического. Мы просим писать, кроме того, для *переписки*, заведомо не корреспонденции, т. е. не для печати, а для товарищеского общения с редакцией и осведомления ее, осведомления не только о фактах, собы-

тиях, но и о настроении и о будничной «не интересной», обычной, рутинной стороне движения. Не побывав за границей, вы представить себе не можете, как нужны нам такие письма (и конспиративного в них нет ровно ничего, и написать раз в неделю, два раза в неделю такое не шифрованное письмо, право же, вполне возможно даже для самого занятого человека). Пишите же нам о беседах на рабочих кружках, о характере этих бесед, о теме занятий, о запросах рабочих, о постановке пропаганды и агитации, о связях в обществе, в войске и молодежи, пишите больше всего о недовольстве нами, социал-демократами, среди рабочих, о их недоумениях, запросах, протестах и т. д. Вопросы практической постановки дела особенно теперь интересны, и нет другого средства ознакомить редакцию с этими вопросами, кроме оживленной переписки не корреспондентского характера, а просто товарищеского свойства; конечно, не у всякого есть умение и охота писать, но... не говори не могу, а говори не хочу; всегда, если захотеть, в любом кружке, в каждой даже мельчайшей, даже второстепеннейшей группе (второстепенные зачастую особенно интересны, ибо они иногда делают наиболее важную, хотя и невидную часть дела) можно найти одного, двух товарищей, которые могли бы писать. Здесь мы поставили секретарство сразу на широких началах, пользуясь опытом старой «Искры», а вас просим иметь в виду, что *каждый*, без исключения каждый, кто с терпением и энергией возьмется за дело, добьется без труда, чтобы все его письма или девять десятых доходили. Говорю это на основании 3-летнего опыта старой «Искры», имевшей не одного такого корреспондента-друга (зачастую незнакомого ни с кем из редакции), ведшего аккуратнейшую переписку. Полиция давно уже абсолютно не в состоянии перехватывать заграничные письма (лишь случайно берут их при экстраординарной небрежности отправителя), и гигантская доля материала старой «Искры» всегда приходила обыкновеннейшим путем в обычных письмах по нашим адресам. Особенно предостеречь хотели бы мы от приема концентрации переписки только в комитете и только у секретарей. Нет ничего вреднее такой монополии. Насколько обязательно единство в действии, в решении, настолько оно неверно в общем информировании, в переписке. Очень и очень часто бывает,

что особенно интересны письма сравнительно «сторонних» (удаленных от комитетов) людей, более *свежо* воспринимающих многое такое, что слишком привычно и упускается из виду опытным старым работником. Давайте побольше возможности писать к нам молодым работникам: и молодежи, и работникам, и «централистам», и организаторам, и простым рядовым членам летучек и массовок.

Только тогда и только при условии такой широкой переписки можем мы все сообща сделать нашу газету — действительным органом *рабочего движения в России*. Усердно просим прочесть это письмо во всех и всяких собраниях, кружках, подгруппах и пр. и пр., как можно шире, а нам написать, как рабочие встретили этот призыв. К идее отделения рабочего («популярного») органа и общего — руководящего — интеллигентского мы относимся очень скептически: мы хотели бы, чтобы социал-демократическая газета была органом всего движения, чтоб рабочая газета и социал-демократическая газета слились в один орган. Удаться это может лишь при активнейшей поддержке рабочего класса.

С товарищеским приветом *Н. Ленин*

Написано 29 ноября (12 декабря)
1904 г.

Напечатано в декабре 1904 г. отдельным листком

Печатается по тексту листка

**ЗАЯВЛЕНИЕ И ДОКУМЕНТЫ
О РАЗРЫВЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
С ПАРТИЕЙ**

*Написано 9 (22) декабря 1904 г.
Напечатано отдельной брошюрой
в январе 1905 г. в Женеве*

*Печатается по тексту
брошюры*

В № 77 «Искры» три члена Центрального Комитета, говорящие от имени всего Центрального Комитета, вызывают на третейский суд тов. N¹²⁴ «за ложное заявление с целью дезорганизовать партию». Это якобы ложное заявление сделано «через члена ЦК, не принимавшего участия в выработке декларации», т. е. через меня. Ввиду моего близкого отношения к делу, а также на основании полномочия, полученного мной от тов. N, я считаю себя вправе и обязанным принять участие в третейском разбирательстве, выступая с следующим обвинением против членов ЦК Глебова, Валентина и Никитича.

Я обвиняю их в незаконных, неправильных, формально и морально недопустимых действиях по отношению к их сочленам по ЦК и по отношению ко всей партии.

Так как эти неправильные действия чрезвычайно затягивают и обостряют партийный кризис, влияя притом самым непосредственным образом на массу партийных работников, то я считаю безусловно необходимою гласность разбирательства во всем, что не заключает в себе конспиративных тайн, и потому подробно излагаю содержание своего обвинения.

1. Я обвиняю 3-х членов ЦК, Глебова, Валентина, Никитича, в систематическом обмане партии.

1) Я обвиняю их в том, что они употребили власть, полученную ими от II съезда партии, на подавление общественного мнения партии, выразившегося в агитации за III съезд. Они не имели никакого права подавлять эту агитацию, составляющую неотъемлемое право каждого члена партии. В частности, они не имели никакого права

распускать Южное бюро за агитацию за съезд. Они не имели ни формального, ни морального права выносить порицание мне, как члену Совета партии, за подачу мной в Совете голоса в пользу съезда;

2) — в том, что они скрывали от партии резолюции комитетов за съезд и, спекулируя на доверие к себе, как к членам высшего партийного учреждения, вводили в заблуждение комитеты, излагая им заведомо неверно положение дел в партии. Они мешали выяснению истины, отказываясь исполнить просьбу Рижского комитета о напечатании и распространении резолюции 22-х, а равно о доставке в Россию литературы большинства под тем предлогом, что эта литература непартийная;

3) — в том, что в своей агитации против съезда они не остановились даже перед дезорганизацией местной работы, апеллируя к периферии против комитетов, высказавшихся за съезд, дискредитируя всячески эти комитеты в глазах местных работников и тем разрушая доверие между комитетом и периферией, без которого никакая работа невозможна;

4) — в том, что через делегата от ЦК в Совете они приняли участие в составлении постановлений Совета относительно условий созыва III съезда, постановлений, сделавших съезд невозможным и таким образом закрывших для партии возможность нормального разрешения внутрипартийного конфликта;

5) — в том, что, заявляя комитетам о своей принципиальной солидарности с позицией большинства, заявляя, что соглашение с меньшинством может состояться лишь под условием отказа меньшинства от своей тайной обособленной организации и отказа от кооптации в ЦК, они в то же время входили *тайно от партии и заведомо против ее воли* в сделку с меньшинством на условиях: 1) сохранения автономии за техническими предприятиями меньшинства; 2) кооптации в ЦК трех наиболее ярых представителей меньшинства;

6) я обвиняю их в том, что они пользовались своим авторитетом, как члены высшего партийного учреждения, для набрасывания тени на своих политических противников. Они поступили бесчестно по отношению к тов. П.¹²⁵, когда постановили в *июле* расследовать дело об его якобы обманном выступлении в Северном комитете и затем до

сих пор (22 декабря) не предъявили ему даже обвинения, хотя Глебов неоднократно видел П. и хотя тот же Глебов позволил себе, в качестве члена Совета партии, называть в «Искре» «обманом» поступок товарища, лишенного возможности защититься. Они сказали заведомую неправду, заявив, что Лидин¹²⁶ не был доверенным лицом (Vertrauensmann) ЦК. Они вводили в обман членов партии, с целью дискредитировать в их глазах т. Бонч-Бруевича и его сотрудников по экспедиции, печатая в «Искре» (№ 77) заявление, в котором указывается (и притом неверно) лишь один пассив экспедиции — и это после того, как они, через своих уполномоченных, выдали т. Бонч-Бруевичу письменное удостоверение в том, что дело велось им правильно и отчетность находится в полном порядке;

7) я обвиняю их в том, что они воспользовались отсутствием бывших представителей ЦК за границей, т. Васильева и т. Зверева, чтобы дискредитировать партийные учреждения (библиотеку и архив РСДРП в Женеве). Они поместили в «Искре», за подписью неведомого мне «представителя» ЦК, сообщение, в котором совершенно извратили историю и действительный характер этих учреждений.

II. Кроме того, я обвиняю 3-х членов ЦК, Глебова, Валентина и Никитича, в ряде ни морально, ни формально недопустимых действий по отношению к своим сочленам по коллегии.

1) Они разрушили всякую основу партийной организации и дисциплины, предъявив мне (через т. Глебова) ультиматум о выходе из ЦК или прекращении агитации за съезд.

2) Они нарушили договор, заключенный от их лица членом ЦК Глебовым, когда, вследствие изменения состава ЦК, исполнение этого договора стало для них невыгодным.

3) Они не имели права на своем июльском заседании объявить тов. Н. вышедшим из ЦК, не выслушав ни его, ни моего заявления, тем более, что этим трем членам ЦК было известно наше (4-х членов ЦК¹²⁷) требование рассмотреть спорный вопрос в общем собрании ЦК. Объявление тов. Н. не членом ЦК неправильно и по существу, ибо три члена ЦК злоупотребили при этом условным (и не сообщенным всем товарищам) заявлением тов. Н.

4) Три члена ЦК не имели никакого права скрывать от меня перемену своих взглядов и свои намерения. Тов. Глебов утверждал в конце мая, что их точка зрения выражена в составленной ими в марте декларации¹²⁸. Таким образом июльская декларация, коренным образом расходящаяся с мартовской, была принята тайком от меня, и заявления Глебова были обманом.

5) Глебов нарушил условие, заключенное со мной, что в докладе Амстердамскому конгрессу¹²⁹, который взялись писать Дан (делегат от ЦО) и он, Глебов (делегат от ЦК), — о разногласиях в партии не будет речи. Доклад, составленный одним Даном, оказался полным прикрытой полемики и весь пропитан взглядами «меньшинства». Глебов не протестовал против доклада Дана и таким образом косвенно участвовал в обмане международной социал-демократии.

6) Три члена ЦК не имели никакого права отказать мне в заявлении и опубликовании моего особого мнения по важному вопросу партийной жизни. Июльская декларация была послана для напечатания в ЦО прежде, чем мне была дана возможность высказаться по поводу нее. 24 августа я послал в ЦО протест против этой декларации. ЦО заявил, что напечатает лишь в том случае, если этого захотят 3 члена ЦК, писавшие декларацию. Они того не захотели, и мой протест был ими скрыт от партии.

7) Они не имели никакого права отказывать мне в сообщении протоколов Совета и лишить меня, без формального исключения из ЦК, всех и всяких сведений о ходе дел в ЦК, о назначении новых агентов в России и за границей, о переговорах с «меньшинством», о делах кассы и пр. и пр.

8) Они не имели права кооптировать в ЦК трех новых товарищей (примиренцев), не проведя кооптации через Совет, как того требует устав партии в случае отсутствия единогласия, а единогласие отсутствовало, ибо я заявил протест против этой кооптации.

Приложение

Ввиду важного значения позиции ЦК во внутрипартийном конфликте, считаю нужным опубликовать во всеобщее сведение нижеследующие документы:

1. Письма товарища Глебова к членам «коллегии».

а) Сентябрь.

«С ЦО и Лигой отношения еще не определились. После нашего заявления они, надо сказать, обнаглели и их аппетиты растут. Положение наше здесь очень трудное: заграница в руках Лиги, частные источники в руках ЦО, и потому мы в долгу, как в шелку. Сжимаемый нуждой (на шею до 9000 долгу), я принужден думать о каком-нибудь исходе. Поэтому я обратился к меньшинству с предложением наметить мне проект желательных для них реформ».

б) 7 сентября.

«Вчера вечером в присутствии С. имел деловое свидание с тремя уполномоченными от меньшинства: Поповым, Блюменфельдом и Мартовым».

Из обсуждавшихся на этом собрании, превратившемся, по словам Глебова, «в прелиминарное собрание для подготовки мира», вопросов отметим следующие:

1. Организационные отношения за границей.

«Заботу о российском движении принимает на себя ЦК, ЦО и Лига. Для устранения взаимных трений, большей заинтересованности в работе и полного доверия, общее руководящее ведение дел вручается комиссии из представителей ЦК, ЦО и Лиги. ЦК имеет два голоса и право veto*...»

* — запрещения, отвода. Ред.

II. Транспорт.

«ЦО подчиняется контролю ЦК при некоторой автономии. Именно: экспедиция за границей может быть только одна, экспедиция ЦК. Заведывание своей границей остается в руках ЦО. Распределение литературы в России принадлежит ЦК. Для более автономного существования ЦО предоставляется юг. Поясню. У ЦО есть транспорт. ЦО боится, чтобы в случае перемены правления у них не отобрали путь. Поэтому ЦО просит организационным путем гарантировать им путь».

с) 7 сентября.

«На договор, заключенный вчера по ведению дел, здесь страшно вол Дан и, может быть, другие. Вот публика-то прозорливая. Хочется им тут устроить заграничный комитет из представителей ЦО, ЦК и Лиги, все за границей решающий; конечно, каждый имеет только один голос. Недурно, ведь?»

d) Сентябрь.

«Обращаю внимание на выраженное желание Совета о пополнении (дело идет о пополнении представительства ЦК в Совете). Придется выбрать кого-нибудь вместо Ленина, что он объявит, конечно, незаконным. Я бы предложил выбрать в Совет Дана или Дейча, причем точно оговорить, что они уполномочиваются лишь для заседания в Совете. Больше выбрать, мне кажется, некого».

II. Письмо агента ЦК (ныне кооптированного официально в ЦК) к т. Глебову:

4-го сентября.

«По поводу декларации получилась такая каша, что трудно разобраться. Ясно одно: все комитеты, кроме Харьковского, Крымского, Горнозаводского и Донского — комитеты большинства. Донской, кажется, нейтрален, но точно об этом неизвестно. Из комитетов «большинства» — Рижский, Московский, Петербургский и Северный выразили ЦК за декларацию недоверие, как я сообщил тебе об этом раньше. Полное доверие ЦК получил от очень незначительного числа комитетов. Остальные же выразили ему доверие по примирению — с тем, чтобы в случае неудачи немедленно созвать экстренный съезд. Из числа последних некоторые ставят условием примирения отказ меньшинства считать себя «стороной» и отказ от требования кооптации, как «стороны» (?). Вот картина. В случае неудачи примирения, ЦК теряет доверие большинства комитетов и, следовательно, должен будет уже сам агитировать за съезд, чтобы сдать полномочия. По настроению же комитетов ясно видно, что на съезде пройдут постановления в духе 22-х, т. е. смещение редакции и передача в руки большинства, изменение Совета партии и т. д. Но чтобы примирение удовлетворило комитеты, необходимо условие, о котором я уже писал тебе — это принятие меньшинством декларации и его отказ считать себя «стороной».

Если они это сделают, я думаю, что Ленин потеряет в России почву, и мир восстановит можно будет. Твоя фраза о том, что дело с Мартовым «понемножку» налаживается, меня удивила. Упорство членов редакции начинает прямо озлоблять, и я, несмотря на идейные и др. к ним симпатии, начинаю терять к ним доверие, как к политическим «вождям». Организационный вопрос они выяснили вполне, и дальнейшее их упорство при отсутствии поддержки из России (здесь меньшинство бессильно) будет показывать, что в борьбу они идут лишь из-за мест.

Таково начало торговой сделки, а вот ее финал:

ЦК рассылает по комитетам письмо, в котором оповещает комитеты, что

«Переговоры закончатся в самом ближайшем будущем (максимум недели через две), а пока можем сообщить, что 1) ЦК никакого меньшинства в свой состав не кооптировал (на этот счет ходит кем-то пущенная сплетня); ...3) переговоры с меньшинством ведутся в том же духе, в каком докладывал вам Валентин, т. е. если говорить об уступках, то они могут быть только со стороны меньшинства и должны заключаться в отказе от фракционной полемики ЦО, в распущении тайной организации меньшинства, в отказе от кооптации членов в ЦК, в передаче всех предприятий (техника, транспорт, связи) Центральному Комитету. Только при этих условиях возможно восстановление мира в партии. Есть основания надеяться, что так это и случится. Во всяком случае, если теперь меньшинство обнаружит желание продолжать свою старую политику, то ЦК немедленно прекратит переговоры и приступит к созыву экстренного съезда».

Так успокаивает ЦК выражающие ему недоверие комитеты, а вот *письма «видных» деятелей меньшинства*. Письма получены в середине декабря 1904 г. старого стиля.

«Наконец-то мы свиделись с шантрапой. Их ответ был такой: на автономию наших технических учреждений согласны; что касается агитационной комиссии, то они против, находя, что это функция ЦК непосредственная (руководство агитацией) и что они предпочитают этому плану реформу ЦК, но официально кооптировать сейчас не могут, а предлагают фактическую (неофициальную) кооптацию трем лицам из меньшинства (Попову, Фомину, Фишеру). Разумеется, мы с Х. тотчас же согласились, и отныне меньшевистская оппозиция официально упраздняется. Точно гора свалилась с плеч. Предстоит на днях собрание всего ЦК вместе с нами, и ватем мы назначаем конференцию наиболее близких комитетов.

...Мы, конечно, вполне уверены, что овладеем ЦК и направим его как нам желательно. Это тем легче, что многие из них уже приносят правильной принципиальную критику меньшинства... Во всех последовательно твердокаменных комитетах (в Баку, Одессе, Нижнем и Питере) рабочие требуют выборной системы. Это явный симптом агонии твердокаменных».

Одновременно с этим получено еще другое письмо:

«Состоялось соглашение между уполномоченными «меньшинства» и ЦК. Уполномоченными выдана расписка. Но ввиду того, что не было предварительно опроса «меньшинства», то, естественно, и сама расписка является не совсем удачной, т. к. в ней выражается «доверие» Центральному Комитету, а не его объединительной политике; там говорится и о растворении в партии, и о прекращении обособленного существования, а между тем достаточно только второе. Наконец, в этой расписке отсутствует «credo»* «меньшинства». Ввиду этого решено еще провести через все организации «меньшинства» революцию с «credo» и указанными исправлениями, конечно, признавая соглашение наших уполномоченных с ЦК состоявшимся».

* * *

Весьма вероятно, что пойманные на месте преступления лица, разоблаченные настоящими документами, со свойственной им «моральной чуткостью» приложат все усилия, чтобы отвлечь внимание партии от содержания документов к моральному вопросу о праве на их опубликование. Я уверен, что партия не позволит морочить себя этим отводом глаз. Я заявляю, что беру всецело на себя моральную ответственность за настоящее разоблачение и дам все надлежащие разъяснения перед третейским судом, который будет рассматривать все дело в целом.

* — символ веры, программа, изложение мировоззрения. Ред.

**ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ
ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА
И О СОЗЫВЕ III ОЧЕРЕДНОГО СЪЕЗДА
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РАБОЧЕЙ ПАРТИИ¹⁸⁰**

Тяжелый кризис, переживаемый нашей партией в течение уже полутора года, со времени 2-го съезда, привел к неизбежному и давно предвиденному результату, к полному разрыву центральных учреждений с партией. Мы не будем повторять здесь тяжелой истории кризиса и напоминать факты, достаточно освещенные в партийной литературе вообще и в частности в целом ряде резолюций и заявлений российских комитетов и конференций комитетов. Достаточно указать, что последняя из таких конференций, северная, в которой участвовали комитеты Петербургский, Рижский, Тверской, Московский, Северный и Нижегородский, выбрала бюро и поручила ему выступить в качестве Организационного Комитета для немедленного созыва 3-го очередного съезда Российской социал-демократической рабочей партии.

В настоящее время бюро выждало все сроки, назначенные комитетами для ответа так называемому Центральному Комитету, и вошло в соглашение с уполномоченными трех южных (Одесский, Екатеринославский, Николаевский) и четырех кавказских комитетов. Бюро выступает теперь в качестве Организационного Комитета и созывает, помимо согласия центров, подотчетных партии и уклонившихся от ответственности перед партией, 3-ий очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

Россия переживает небывалый политический подъем, и на пролетариат ложатся величайшие исторические задачи борьбы с самодержавием. Все работающие в России социал-демократы знают, какой гигантский вред

принесен нашим партийным разбродом делу организации и сплочения сил пролетариата, какой неизмеримый ущерб потерпело дело пропаганды, агитации и объединения рабочих в России благодаря тлетворному влиянию заграничной кружковщины. И если нет возможности объединить заграничные кружки и их ставленников, то пусть объединятся, по крайней мере, все социал-демократические работники России, все сторонники выдержанного направления революционной социал-демократии. Такое объединение есть единственный верный путь к будущему полному и прочному единству всех социал-демократов России.

Да здравствует российская, да здравствует международная революционная социал-демократия!

Относительно условий созыва съезда Организационный Комитет считает нужным опубликовать во всеобщее сведение следующее:

1) Организационный Комитет признает безусловное право на участие в 3-ем очередном съезде с решающим голосом за всеми российскими комитетами и организациями, утвержденными 2-ым съездом Российской социал-демократической рабочей партии (комитеты Петербургский, Московский, Харьковский, Киевский, Одесский, Николаевский, Донской, Екатеринославский, Саратовский, Уральский, Северный, Тульский, Тверской, Нижегородский, Бакинский, Батумский, Тифлисский, Горнозаводский, Сибирский и Крымский).

2) Организационный Комитет признает условное право участия на съезде комитетов, утвержденных Центральным Комитетом после второго съезда (Мингрельский, Астраханский, Орловско-Брянский, Самарский, Смоленский, Рижский, Курский, Воронежский, а также Заграничная лига). Все эти комитеты утверждены центрами, которые потеряли доверие партии. Мы обязаны пригласить их на 3-ий съезд, но только сам съезд может окончательно решить вопрос об их участии (действительность комитета, право на совещательный или решающий голос и т. д.).

3) Организационный Комитет выражает, от имени большинства российских комитетов, пожелание, чтобы на 3-ем очередном съезде Российской социал-демократиче-

ской рабочей партии участвовали *все* как заграничные, так и русские организации Российской социал-демократической рабочей партии и в особенности все рабочие организации, считающие себя принадлежащими к Российской социал-демократической рабочей партии. Участие этих последних кажется нам особенно желательным потому, что партийный кризис и демагогическая проповедь выборного начала и рабочедельского демократизма вызвали уже целый ряд расколов. Надо воспользоваться съездом, чтобы при участии представителей большинства российских комитетов попытаться устранить эти расколы или ослабить вред их.

4) Организационный Комитет приглашает поэтому немедленно отозваться и войти в сношение с ним (через посредство одного из названных выше 13-ти комитетов) всех желающих участвовать в съезде.

5) Условия *приглашения* на съезд, в случае споров, будут определены по решению двух ближайших комитетов и третьего лица от Организационного Комитета.

6) Условия *участия* на съезде (с совещательным или решающим голосом) комитетов и других организаций, неутвержденных вторым съездом партии, определит сам 3-ий съезд.

7) Время и место съезда назначит Организационный Комитет.

Написано в декабре 1904 г.

*Впервые напечатано в 1926 г.
в Ленинском сборнике V*

Печатается по рукописи

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «*Рассказ о II съезде РСДРП*» написан Лениным в период обострения борьбы большевиков против раскольнической, дезорганизаторской деятельности меньшевиков после II съезда партии. До опубликования протоколов съезда (в январе 1904 года) «*Рассказ*» являлся единственным документом, освещавшим итоги II съезда и причины раскола РСДРП. — 1.
- ² Ленин использует данные о делегатах II съезда РСДРП с решающими голосами, которые были к моменту доклада мандатной комиссии на втором заседании съезда 18 (31) июля 1903 года. К этому времени на съезд прибыло 42 делегата: 33 делегата — с одним голосом, 8 делегатов — с двумя голосами и один делегат от заграничного комитета Бунда временно, до приезда второго представителя, имел также два голоса. С приездом второго делегата от Бунда 22 июля (4 августа) на съезде присутствовало 43 делегата с правом решающего голоса, из них 35 делегатов — с одним голосом и 8 делегатов — с двумя голосами. — 5.
- ³ Т — большевик П. А. Красиков (по протоколам II съезда РСДРП — Павлович, П.). — 6.
- ⁴ «*Борьба*» — заграничная литературная группа, причисляла себя к РСДРП; оформилась как самостоятельная группа в 1901 году в Париже. Ввиду отступлений от социал-демократических воззрений и тактики, дезорганизаторских действий и отсутствия связи с социал-демократическими организациями в России группа не была допущена на II съезд партии. Решением II съезда группа «*Борьба*» была распущена. — 7.
- ⁵ N (NN) — псевдоним меньшевички Е. М. Александровой (по протоколам II съезда РСДРП — Штейн). — 8.
- ⁶ «*Перебежчик*» — И. В. Чернышев; вначале был «экономистом», затем перешел в заграничную организацию «Искры», в апреле 1903 года снова перебежал к «экономистам». — 8.

- 7 *Комментарием к Tagesordnung* Ленин называет свои замечания к проекту порядка дня и регламента второго съезда партии, озаглавленному им «Программа II очередного съезда РСДРП». — 15.
- 8 *Старовер* — псевдоним меньшевика А. Н. Потресова. — 16.
- 9 «Заря» — марксистский научно-политический журнал, издавался редакцией «Искры» в 1901—1902 годах в Штутгарте. Вышло четыре номера.
В «Заре» напечатаны следующие статьи Ленина: «Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «нритини Маркса» (под заглавием «Гг. «критики» в аграрном вопросе»), «Внутреннее обозрение», «Аграрная программа русской социал-демократии». В журнале «Заря» печатались также теоретические статьи Плеханова. — 16.
- 10 «*Революционная Россия*» — газета эсеров, выходила с конца 1900 года по 1905 год. С января 1902 года — центральный орган партии эсеров. — 21.
- 11 «*Дело второго апреля*» — имеется в виду убийство министра внутренних дел Сипягина студентом Балмашевым 2 (15) апреля 1902 года. — 21.
- 12 *Кружок петрашевцев* возник в Петербурге в середине 40-х годов XIX века. В его состав входили представители передовой русской разночинной интеллигенции: литераторы, учителя, студенты, мелкие чиновники, офицеры и др. Во главе кружка стоял М. В. Буташевич-Петрашевский — последователь французского социалиста-утописта Ш. Фурье.
Политические взгляды петрашевцев не были однородны, но в своем большинстве петрашевцы выступали против царского самодержавия и крепостничества.
С кружком петрашевцев были связаны писатели М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский и поэты А. Н. Плещеев, А. Н. Майков, Т. Г. Шевченко и др. — 26.
- 13 Статья «*Задачи революционной молодежи*» имеет подзаголовок «Письмо первое». Однако последующих писем не появилось. Статья была напечатана также отдельной брошюрой на mimeографе под заглавием «К студенчеству. Задачи революционной молодежи (Социал-демонстрация и интеллигенция)».
В документах департамента полиции за 1904—1905 годы отмечается, что при арестах и обысках брошюра Ленина была обнаружена в Енатиринославе, Н.-Новгороде, Казани, Одессе, Арзамасе, в Смоленской и Минской губерниях. — 28.
- 14 «*Студент*» — газета революционного студенчества. Вышло три номера: № 1 — в апреле, № 2—3 — в сентябре 1903 года. — 28.

- 15 *«Освобождение»* — двухнедельный журнал либерально-монархической буржуазии; издавался за границей в 1902—1905 годах под редакцией П. Б. Струве. «Освобожденцы» составили позднее ядро главной буржуазной партии в России — партии кадетов. — 28.
- 16 Статьи Ленина, написанной по этому плану, не обнаружено. Последний абзац плана — о Бунде — развит Лениным в статье «Максимум беззащитности и минимум логики» (см. настоящий том, стр. 44—49). — 42.
- 17 *«Конец «номадному» периоду»* — конец идейной и организационной раздробленности социал-демократических организаций. — 42.
- 18 *«Последние Известия»* — периодический бюллетень, издавался заграничным комитетом Бунда с 1901 по 1906 год. — 44.
- 19 *Сионизм* — реакционно-националистическое течение среди еврейской буржуазии. — 48.
- 20 *Член ЦК* — Ф. В. Ленгник (псевдонимы — Васильев, Кол). — 50.
- 21 *Второй съезд «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии»* состоялся 13—18 (26—31) октября 1903 года в Женеве; созван по настоянию меньшевиков. На съезде было 15 делегатов (18 голосов) сторонников большинства во главе с Лениным, 18 делегатов (22 голоса) — сторонников меньшинства и один делегат (2 голоса), не примыкавший ни к большевикам, ни к меньшевикам.
- Основным вопросом повестки дня съезда был доклад Ленина — делегата Лиги на II съезде РСДРП. После Ленина выступил Мартов с защитой оппортунизма меньшевиков и с клеветническими выпадами против большевиков. Ленин и его сторонники покинули съезд Лиги. За отказ подчиниться решениям II съезда партии ЦК и Совет партии объявили съезд Лиги незаконным. — 53.
- 22 *Реферат по национальному вопросу* Ленин позднее подготовил для «Искры» в виде статьи «Национальный вопрос в нашей программе» (см. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 412—420). — 58.
- 23 *ППС* (Польская социалистическая партия) — мелкобуржуазная националистическая партия, основанная в 1893 году. — 58.
- 24 *«Заявление по поводу доклада Мартова»* было зачитано Лениным на третьем заседании II съезда «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» и передано в бюро съезда. Третейский суд для разбора клеветнических обвинений, брошенных на съезде Мартовым, не состоялся, так как Мартов в письме от 16 (29) ноября 1903 года вынужден был заявить, что он в добросовестности и искренности Ленина не сомневается. — 68.

- 25 «Неподанное заявление» написано Лениным для внесения на II съезд «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии». На заседании съезда Лиги 16 (29) октября 1903 года Ленин ограничился кратким устным заявлением. — 70.
- 26 «Заявление о сложении с себя должности члена Совета партии и члена редакции ЦО» Ленин подал после того, как Плеханов открыто повернул к меньшевинам и предложил оппортунизировать в редакцию «Искры» всех бывших ее редакторов, отвергнутых II съездом РСДРП.
5 (18) ноября Ленин обратился к Плеханову с просьбой напечатать в «Искре» заявление о выходе из редакции «Искры» (см. настоящий том, стр. 96). Сообщение редакции об изменениях в ее составе было напечатано в № 53 новой, меньшевистской «Искры» от 25 ноября 1903 года. — 75.
- 27 Бунд — «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» — был организован в 1897 году, объединял преимущественно еврейских ремесленников западных областей России. На I съезде РСДРП, в марте 1898 года, Бунд вошел в РСДРП. На II съезде РСДРП бундовцы выступили с требованием признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата. После того как съезд отверг бундовский организационный национализм, Бунд вышел из партии.
В 1906 году, после IV («Объединительного») съезда, Бунд вновь вошел в РСДРП. Бундовцы оказывали постоянную поддержку меньшевинам и вели непрерывную борьбу против большевиков. Формально входя в состав РСДРП, Бунд являлся организацией буржуазно-националистического характера. — 76.
- 28 «Die Arbeiterstimme» («Рабочий Голос») — газета, центральный орган Бунда, выходила в 1897—1905 годах. — 76.
- 29 Ленин имеет в виду манифест, принятый I съездом РСДРП в марте 1898 года в г. Минске. — 76.
- 30 Эпизод борьбы Бунда против Енатеринославского комитета РСДРП изложен Лениным в статье «Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату» (см. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 295—300). — 81.
- 31 «Die Neue Zeit» («Новое Время») — журнал германской социал-демократии, выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. В 1885—1895 годах в «Die Neue Zeit» были опубликованы некоторые статьи Ф. Энгельса. Он часто давал указания редакции журнала и резко критиковал ее за отступление от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал, являясь проводником наутсианских взглядов, систематически печатал статьи ревизионистов. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) занимал центристскую позицию, фактически поддерживая социал-шовинистов. — 83.

- 32 Ленин приводит в собственном переводе выдержку из произведения французского филолога и историка Ренана «Le judaïsme comme race et comme religion» («Иудейство как раса и как религия»), напечатанного в книге: Discours et Conférences par Ernest Renan. Paris, 1887, p. 373 (Ренан Эрнест. Речи и публичные лекции, Париж, 1887, стр. 373). — 84.
- 33 В. В. и Николай — он — псевдонимы В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона — идеологов либерального народничества 80—90-х годов XIX века. — 87.
- 34 Мильеран — французский «социалист»-реформист, вступил в 1899 году в реакционное буржуазное правительство. — 89.
- 35 «Неизданное заявление» — проект решения Центрального Комитета партии, предложенный Лениным на заседании ЦК 14 (27) ноября 1903 года. Решение по этому заявлению не было принято вследствие примиренческого отношения некоторых членов ЦК к меньшевикам. — 97.
- 36 Ультиматум Центрального Комитета был предъявлен меньшевикам 12 (25) ноября 1903 года. Ленин еще 22 октября (4 ноября) 1903 года направил Центральному Комитету письмо, в котором предложил предъявить меньшевикам следующие условия: 1) кооптация трех бывших редакторов в редакцию; 2) восстановление прежнего положения в Заграничной лиге; 3) предоставление меньшевикам одного голоса в Совете партии. Эти первоначальные условия не были поддержаны примиренцами — членами ЦК. В том же письме Ленин наметил и предложил ЦК одновременно утвердить, но пока не сообщать меньшевикам, основные пункты ультиматума, т. е. допустимых практических уступок меньшевикам со стороны ЦК: 1) кооптация в редакцию «Искры» четырех бывших редакторов; 2) кооптация двух человек в ЦК по выбору ЦК; 3) восстановление прежнего положения в Заграничной лиге; 4) предоставление одного голоса меньшевикам в Совете партии. «При неприятии ультиматума, — указывал Ленин, — война до конца. Добавочное условие: 5) прекращение всех судов, пререканий и разговоров по поводу распри на II съезде партии и после него». Настоящие предложения Ленина (кроме добавочного условия) вошли в состав ультиматума ЦК от 12 (25) ноября, но были несколько смягчены примиренчески настроенными членами ЦК. Меньшевики отвергли ультиматум ЦК и стали на путь войны против большинства партии. Оценка ультиматума ЦК дана Лениным в книге «Шаг вперед, два шага назад» (см. настоящий том, стр. 346). — 97.
- 37 «Письмо в редакцию «Искры»» написано Лениным в ответ на статью Плеханова «Чего не делать», напечатанную в «Искре» № 52, 7 ноября 1903 года. — 98.
- 38 Письмо Ленина в редакцию «Искры» «Почему я вышел из редакции «Искры?» было отпечатано отдельным листком за границей

и перепечатывалось нелегально в России. В полицейских документах за 1904—1905 годы отмечается, что при обысках и арестах «Письмо» было обнаружено в Москве, Харькове, Туле, Томске, Риге, Николаеве, Полтаве, Астрахани, Донбассе. — 102.

39 Речь идет о книге Ленина «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)» (см. настоящий том, стр. 185—392). — 113.

40 13 (26) ноября 1903 года Плеханов кооптировал в редакцию «Искры» меньшевиков Мартова, Аксельрода, Засулич и Потресова. — 120.

41 Автор письма — член Екатеринославского комитета РСДРП, рабочий Н. Е. Вилонов. Ответ на его письмо был послан Лениным 9 (22) декабря 1903 года. — 122.

42 «К членам партии. Проект обращения» — написан Лениным по поводу напечатанной в «Искре» № 56, 1 января 1904 года статьи Мартова «На очереди (Кружок или партия?)». — 123.

43 Совет РСДРП заседал 15—17 (28—30) января 1904 года. Совет был созван по предложению Плеханова для «согласования деятельности ЦК и ЦО по изданию партийной литературы». На заседании Совета присутствовали Ленин, Плеханов, Ленгник, Мартов и Аксельрод.

Ленин предложил, от имени ЦК, обсудить первым вопрос «о мерах восстановления доброго мира и нормальных отношений в партии», а вторым — о созыве III съезда партии. Обсуждению этих принципиальных вопросов, поставленных Лениным, и была посвящена январская сессия Совета партии. Совет принял решение о кооптации меньшевиков в состав ЦК, высказался против созыва III съезда партии, а также одобрил деворганizationalную деятельность меньшевистской «Искры». После январской сессии Совета Ленин в письме Центральному Комитету 18 (31) января выдвинул в качестве важнейшей задачи ЦК — немедленный созыв III съезда партии. — 127.

44 *Травинский* — псевдоним члена ЦК РСДРП Г. М. Кржижановского. — 141.

45 В третьем пункте ультиматума 12 (25) ноября 1903 года Центральный Комитет предлагал кооптировать в состав ЦК двух членов из меньшинства. В Центральный Комитет в то время входили Ленин, Кржижановский, Ленгник, Носков, Гусаров, Землячка, Красин, Эссен и Гальперин. — 146.

46 *Ру* — псевдоним Л. Е. Гальперина. — 149.

47 «Бумага ЦК», «акт ЦК» и «документ от 25 ноября» — ультиматум ЦК от 12 (25) ноября 1903 года, предъявленный меньшевикам по предложению Ленина. — 152.

- 48 Письмо, посланное 29 ноября (12 декабря) 1903 года членом Центрального Комитета Ленгником (Васильевым) в редакцию «Искры», было написано Лениным. — 153.
- 49 Ленин имеет в виду письмо Потресову от 31 августа (13 сентября) 1903 года. Оно с незначительными сокращениями опубликовано Лениным в книге «Шаг вперед, два шага назад» (см. настоящий том, стр. 323—324). — 153.
- 50 Центральный Комитет посылал за границу Ленгника для постоянных сношений с редакцией Центрального Органа и Кржижановского, приехавшего в ноябре 1903 года для переговоров с меньшевиками. — 155.
- 51 Ленин имеет в виду Саратовский, Одесский и другие комитеты. Резолюции Саратовского и Одесского комитетов были опубликованы в брошюре Н. Шахова «Борьба за съезд», Женева, 1904, стр. 28. — 157.
- 52 *Загорский* — псевдоним меньшевика В. Н. Крохмалю. — 164.
- 53 Ленин цитирует письмо И. Х. Лалаянца Н. К. Крупской от 24 декабря 1903 (6 января 1904) года. — 165.
- 54 *Мартым* — псевдоним меньшевика В. Н. Розанова. — 165.
- 55 Ленин цитирует письмо Красина заграничному отделу Центрального Комитета от 1 (14) января 1904 года. — 165.
- 56 В первом письме заведующий экспедицией Центрального Комитета просил редакцию меньшевистской «Искры» сообщить ему для отчета Центральному Комитету, куда направляются получаемые редакцией 50 экземпляров «Искры». Во втором письме он отказался выдавать мартовцам без разрешения Центрального Комитета «Искру» сверх 50 экземпляров, выделяемых для редакции. — 166.
- 57 Ленин цитирует письмо заграничного представителя Центрального Комитета Ленгника в редакцию Центрального Органа от 14 (27) декабря 1903 года. Письмо было написано Лениным. — 166.
- 58 «*Vorwärts*» («Вперед») — центральный орган германской социал-демократии. Газета начала выходить с 1876 года под редакцией В. Либкнехта и др. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в «*Vorwärts*'e» систематически печатались статьи оппортунистов, господствовавших в германской социал-демократии и во II Интернационале. — 167.

- ⁵⁹ Ленин цитирует письмо заграничного представителя Центрального Комитета Ленгника в редакцию «Искры» от 26 декабря 1903 (8 января 1904) года. Цитируемая часть письма написана Лениным. — 167.
- ⁶⁰ Z — В. Н. Крохмаль. — 169.
- ⁶¹ Книгу «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)» Ленин готовил в течение нескольких месяцев, тщательно изучая протоколы заседаний и резолюции II съезда РСДРП, выступления каждого делегата и сложившиеся на съезде политические группировки, документы ЦК и Совета партии.
- Книга Ленина вызвала озлобление меньшевиков. Плеханов потребовал от ЦК отмежеваться от книги Ленина. Примиренцы в ЦК пытались удерживать ее печатание и распространение.
- В защиту организационных принципов партии, развитых Лениным в книге «Шаг вперед, два шага назад», выступил товарищ Сталин. Он посвятил этому вопросу статью «Класс пролетариев и партия пролетариев», опубликованную в январе 1905 года (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 1, стр. 62—73), и ряд других работ, проводя в то же время ленинские организационные принципы на практике.
- Книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад», изданная за границей, имела широкое распространение среди передовых рабочих России. Ее находили при арестах и обысках в Москве, Петербурге, Риге, Саратове, Туле, Орле, Уфе, Перми, Костроме, Щиграх, Шавлях (Ковенской губ.) и др. Эта работа вновь была издана Лениным в сборнике «За 12 лет» в 1907 (на титульном листе 1908) году. В новом издании Ленин исключил пункты i, k, l, m, o, p, сделал некоторые сокращения в других пунктах, а также внес несколько дополнительных примечаний.
- В настоящем издании Сочинений текст печатается полностью по первому изданию книги 1904 года, с сохранением внесенных автором дополнений ко второму изданию 1907 года.
- Оценку книги «Шаг вперед, два шага назад» см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 45—50. — 185.
- ⁶² «Практик» (Панин) — псевдонимы меньшевика М. С. Макадуб. — 191.
- ⁶³ Конференция 1902 года — конференция представителей комитетов РСДРП, состоялась 23—28 марта (5—10 апреля) 1902 года в Белостоке. «Экономисты» и бундовцы намеревались объявить конференцию партийным съездом. В докладе, составленном Лениным и изложенном на конференции представителем «Искры», была доказана неподготовленность и неправомерность такого съезда. Конференция создала Организационный Комитет по созыву II съезда РСДРП, большинство членов которого вскоре было арестовано. Новый Организационный Комитет по созыву II съезда РСДРП был создан на Псковском совещании в ноябре того же года. Оценка Белостокской конфе-

ренции дана Лениным в «Докладе» редакции «Искры» совещанию (конференции) комитетов РСДРП (см. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 79—88). — 191.

- 64 Павлович. «Письмо к товарищам о втором съезде РСДРП», Женева, 1904. — 199.
- 65 *Сорокин* — псевдоним большевика Н. Э. Баумана; *Ланге* — псевдоним большевика А. М. Стопани. — 199.
- 66 «*Рабочая мысль*» — группа экономистов; издавала газету под тем же названием. Газета выходила с октября 1897 года по декабрь 1902 года. Вышло 16 номеров. Редактировалась К. М. Тахтаревым и др.
Критику взглядов группы «Рабочая мысль» как русской разновидности международного оппортунизма Ленин дал в статьях на страницах «Искры» и в книге «Что делать?». — 206.
- 67 *Костров* — псевдоним кавказского меньшевика Н. Н. Жордания. — 218.
- 68 См. «ВКП(б) в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 23. — 220.
- 69 Имеется в виду возникший в Гамбурге в 1900 году инцидент в связи с поведением группы членов «Свободного союза каменщиков», занимавшихся сдельной работой во время стачки вопреки запрещению центрального объединения. Гамбургский союз каменщиков поставил вопрос в местной партийной организации о штрайкбрехерском поведении социал-демократов членов группы. Партийный третейский суд, назначенный ЦК германской социал-демократии, осудил поведение социал-демократов членов «Свободного союза каменщиков», но отверг предложение об исключении их из партии. — 244.
- 70 Членов организации «Искры» на II съезде РСДРП было 16, из них 9 сторонников большинства во главе с Лениным и 7 сторонников меньшинства во главе с Мартовым. — 258.
- 71 *Саблина* — псевдоним Н. К. Крупской. — 260.
- 72 *Герц* — псевдоним Д. И. Ульянова. — 267.
- 73 *Осипов* — псевдоним большевички, члена ЦК РСДРП, Р. С. Землячки. — 303.
- 74 Ленин имеет в виду выступление на II съезде РСДРП «экономиста» Акимова, который, отвергая программу партии, предложенную «Искрой», одним из доводов выдвинул то, что слово «пролетариат» стоит в программе не как подлежащее, а как дополнение. — 307.

- 75 *Гора и Жиронда* — название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Горой — якобинцами — называли наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии, отстаивавших необходимость уничтожения абсолютизма и феодализма. Жирондисты, в отличие от якобинцев, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией.
«Социалистической Жирондой» Ленин называл оппортунистическое течение в социал-демократии; пролетарскими якобинцами, «Горой» — революционных социал-демократов. — 317.
- 76 *Воронежский комитет и петербургская «Рабочая организация»* находились в руках «экономистов» и занимали враждебную позицию по отношению к ленинской «Искре» и ее организационному плану построения марксистской партии. — 318.
- 77 *Новый член ЦК* — Ф. В. Ленгник. — 326.
- 78 *Ортодокс* — псевдоним меньшевички Л. И. Аксельрод. — 342.
- 79 *Базаров* — главное действующее лицо романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». — 344.
- 80 В «Искре» № 53, 25 ноября 1903 года одновременно с «Письмом в редакцию «Искры»» Ленина (см. настоящий том, стр. 98—101) был напечатан ответ редакции, написанный Плехановым. В письме Ленин предлагал обсудить на страницах газеты принципиальные разногласия большевиков с меньшевиками. Плеханов же ответил отказом, называя эти разногласия «дрязгами кружковой жизни». — 345.
- 81 *Игрек* — псевдоним члена ЦК, примиренца Л. Е. Гальперина. — 347.
- 82 Имеются в виду взгляды представителя «легального марксизма» — П. Б. Струве, против которого Ленин выступил осенью 1894 года с рефератом под названием «Отражение марксизма в буржуазной литературе». — 351.
- 83 Ленин имеет в виду статью Мартова в «Искре» «Так ли мы готовимся?», в которой Мартов выступил против подготовки всероссийского вооруженного восстания, рассматривая подготовку восстания как утопию и заговорщичество. — 353.
- 84 *Дрезденский съезд германской социал-демократии* происходил 31 августа — 7 сентября (13—20 сентября) 1903 года. Дрезденский съезд осудил ревизионистов Бернштейна, Брауна, Гёре, Давида и других, однако не исключил их из партии, и они беспрепятственно продолжали пропаганду своих оппортунистических взглядов. — 366.

- 85 *Дедов* — псевдоним Л. М. Книпович, сторонницы большинства II съезда РСДРП. — 386.
- 86 *Борис, Лошадь, Валентин, Митрофан* — псевдонимы примиренцев В. А. Носкова, Л. Б. Красина, Л. Е. Гальперина и Ф. В. Гусарова. — 393.
- 87 *Зверев* — псевдоним большевички, члена ЦК РСДРП, М. М. Эсен. — 397.
- 88 *Никитич* — псевдоним Л. Б. Красина. — 397.
- 89 К. Каутский в письме, напечатанном в «Искре» № 66, 15 мая 1904 года, предлагал до установления «перемирия» в партии не созывать партийный съезд для обсуждения разногласий между большевиками и меньшевиками. — 399.
- 90 *Совет партии* заседал 31 мая и 5 июня (13 и 18 июня) 1904 года в Женеве в составе Ленина, Плеханова, Носкова, Аксельрода и Мартова. На первом заседании Совет обсудил вопросы о созыве междупартийной конференции всех революционных и оппозиционных партий в России и о предстоящем Амстердамском международном конгрессе. На втором заседании были обсуждены внутривпартийные вопросы: 1) о праве центральных учреждений партии (ЦО и ЦК) отзывать своих представителей из Совета партии; 2) о количестве голосов, требующихся по уставу для кооптации в местный комитет; 3) о кооптации в комитеты и о праве ЦК вводить в них новых членов; 4) о порядке голосования партийных организаций по вопросу о созыве III съезда партии и др.
- По важнейшим внутривпартийным вопросам Совет партии принял меньшевистские решения. — 401.
- 91 *Польская социалистическая партия «Пролетариат»* возникла в 1900 году. Наряду с признанием социал-демократической программы партия «Пролетариат» отстаивала необходимость индивидуального террора. — 405.
- 92 Резолюция была принята Советом партии единогласно. — 409.
- 93 «*Рассвет*» — социал-демократический листок для сектантов; издавался на основе решения II съезда РСДРП. Первый номер вышел в январе 1904 года. Несмотря на постановление Совета партии в июне 1904 года о прекращении издания листка, последний продолжал выходить по сентябрь 1904 года. Всего вышло 9 номеров. — 410.
- 94 Имеется в виду резолюция Петербургского комитета РСДРП, принятая 23 июня (6 июля) 1904 года, в которой ПК потребовал скорейшего созыва III съезда партии. — 418.

- 95 Ленин имеет в виду резолюцию Совета партии от 5 (18) июня 1904 года об ограничении права Центрального Комитета вводить новых членов в местные комитеты партии. — 416.
- 96 *Совещание 22 большевиков* состоялось под руководством Ленина в Швейцарии в августе (н. ст.) 1904 года. На совещании участвовало 19 человек, позднее к решениям совещания присоединилось еще 3 человека. Совещание приняло настоящее обращение «К партии», которое стало для большевиков программой борьбы за созыв III съезда РСДРП. — 420.
- 97 *Конягин* — псевдоним Л. Е. Гальперина. — 428.
- 98 Имеется в виду «июльская декларация» ЦК — постановление, принятое от имени ЦК членами Центрального Комитета — примиренцами Красиным, Носковым и Гальпериным в июле 1904 года. Оно было опубликовано в «Искре» № 72, 25 августа 1904 года под заголовком «Заявление Центрального Комитета». В этом постановлении примиренцы призвали законным кооптированным Плехановым состав меньшевистской редакции «Искры» и защищали оппортунизм меньшевиков. Они кооптировали в состав ЦК еще трех примиренцев: Любимова, Карпова и Дубровинского. Примиренцы выступили против созыва III съезда партии и распустили Южное бюро ЦК, проводившее агитацию за созыв съезда. Они лишили Ленина прав заграничного представителя Центрального Комитета партии и запретили печатать его произведения без разрешения коллегии ЦК.
- Принятие «июльской декларации» означало полную замену решениям II съезда РСДРП со стороны членов ЦК — примиренцев и их открытый переход на сторону меньшевиков. — 428.
- 99 *Митрофанов* — псевдоним Ф. В. Гусарова. — 428.
- 100 Из названных Лениным документов — письмо членам ЦК, договор между тремя членами ЦК и протест против законности решения ЦК опубликованы в настоящем томе (см. стр. 393—398 и 428—429). Постановление ЦК — это решение, принятое примиренцами Красиным, Носковым и Гальпериным в июле 1904 года («июльская декларация»). — 430.
- 101 Статья Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (ответ на статью Розы Люксембург «Организационные вопросы русской социал-демократии») была направлена Каутскому для опубликования в органе германской социал-демократии «Die Neue Zeit», но Каутский отказался ее поместить. — 439.
- 102 «Рабочая Газета» — нелегальный орган киевской группы социал-демократов. Вышло два номера № 1 — в августе 1897 года и № 2 — в декабре (помечен ноябрем) того же года. I съезд РСДРП признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. После съезда, вследствие полицейского разгрома типо-

графин и ареста членов Центрального Комитета, газета не выходила. О попытках возобновить ее издание в 1899 году см. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 187—189. — 444.

- 103 *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковалась социалистическая литература, началась высылка социал-демократов. Под напором массового рабочего движения в 1890 году закон был отменен. — 447.
- 104 На втором съезде партии были избраны в ЦК Ленгник, Кржижановский, Носков. В октябре (н. ст.) 1903 года в ЦК были кооптированы Землячка, Красин, Эссен и Гусаров. В ноябре того же года в состав ЦК вошел Ленин и был кооптирован Гальперин. В течение июля — сентября 1904 года в составе Центрального Комитета произошли новые перемены: сторонники Ленина — Ленгник и Эссен были арестованы. Примиренцы Кржижановский и Гусаров ушли в отставку. Примиренцы Красин, Носков и Гальперин, несмотря на протесты Ленина, незаконно исключили из состава ЦК Землячку — сторонницу большинства и кооптировали в состав ЦК трех примиренцев — Любимова, Карпова и Дубровинского. В результате этих изменений большинство в ЦК составляли примиренцы. — 449.
- 105 Ленин имеет в виду решение ЦК о роспуске Южного бюро ЦК, проводившего агитацию за созыв III съезда партии. — 449.
- 106 *Галерка* — большевик М. С. Ольминский (Александров). — 449.
- 107 *Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина* было создано большевиками после того, как меньшевистская редакция «Искры» закрыла для них страницы газеты и отказалась печатать заявления организаций и членов партии, выступавших в защиту решений II съезда и требовавших созыва III съезда партии. Издательством был выпущен ряд работ, направленных против меньшевиков и примиренцев: Н. Ленин. «Земская кампания и план «Искры»»; Галерка. «Долой бонапартизм!»; Орловский. «Совет против партии», и другие. — 450.
- 108 *Рядовой* — псевдоним А. А. Малиновского, больше известного под фамилией Богданова. — 451.
- 109 «*Рабочее Дело*» — журнал «экономистов», неперIODический орган «Союза русских социал-демократов за границей». Журнал издавался в Женеве с апреля 1899 года по февраль 1902 года. Вышло 12 номеров — девять книг.
«Рабочее Дело» № 10 (сентябрь 1901 года), о котором говорит Ленин, напечатало статьи Мартынова «Обличительная литература и пролетарская борьба» и Кричевского «Принципы, тактика и борьба», открыто защищавшие «экономизм». — 453.

- 110 *«Извещение об образовании Бюро Комитетов Большинства»* было послано в Россию 20 октября (2 ноября) 1904 года в письме Богданову; напечатано не было. — 456.
- 111 *«Декларация 19-ти»* издана Московским комитетом РСДРП в октябре 1904 года под заголовком «Обращение к членам РСДРП». Она явилась откликом на обращение «К партии», принятое совещанием 22 большевиков под руководством Ленина. — 456.
- 112 Брошюра Ленина *«Земская кампания и план «Искры»»* посвящена критике письма редакции меньшевистской «Искры», изданного в ноябре 1904 года. В ответ на брошюру Ленина редакция выпустила второе письмо к партийным организациям. Оба письма сопровождалась надписью: «Только для членов партии». Распространение меньшевистской редакцией второго письма исключительно среди меньшевиков побудило Ленина выступить с добавлением к брошюре, которая была уже напечатана и распространена среди комитетов. Добавление было напечатано отдельно и вклеено цветной вкладкой в оставшиеся на складе большевистского издательства экземпляры брошюры. Дата «22 декабря 1904 г.» относится только к тексту добавления (см. настоящий том, стр. 482, два заключительных абзаца).
Брошюра Ленина *«Земская кампания и план «Искры»»* была широко распространена в местных партийных организациях: при арестах и обысках она была обнаружена в Смоленске, Батуме, Риге, Саратове, Сувалках и других городах. — 461.
- 113 *Угрюм-Бурчеев* — тип тупого, ограниченного сановника, выведенный в произведении М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». «Нашими Угрюм-Бурчевыми» Ленин называет представителей дворцовой клики Николая II. — 467.
- 114 *«Новое Время»* — газета, выходила в Петербурге с 1868 года по октябрь 1917 года. Вначале умеренно-либеральная, с 1876 года она превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. Газета вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-буржуазного движения. С 1905 года стала одним из органов черносотенцев. — 468.
- 115 *Ростовская демонстрация* началась эконоимической стачкой 2 (15) ноября 1902 года. Стачка вскоре переросла в политическую демонстрацию, в которой участвовало до 30 тысяч человек. Руководил стачкой искровский Донской комитет РСДРП. Ленин посвятил ростовской стачке статью «Новые события и старые вопросы» (см. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 247—252). — 477.
- 116 *Балалайкин* — персонаж из произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия». Либеральный пустовон, авантюрист и лжец. «Редакционным Балалайкинцем» меньшевистской «Искры» Ленин называет Троцкого. — 478.

- 117 Ленин имеет в виду авантюристские призывы «экономистов» («рабочедельцев») весной 1901 года к немедленному штурму «крепости деспотизма». — 480.
- 118 *Реферат о внутрипартийном положении* был прочитан Лениным вскоре после написания им брошюры «Земская кампания и план «Искры» на собраниях русских политических эмигрантов: 19 ноября (2 декабря) 1904 года — в Париже, 23—24 ноября (6—7 декабря) — в Цюрихе и 25 ноября (8 декабря) этого же года — в Берне. — 485.
- 119 Брошюра Орловского (В. В. Воровского) «*Совет против партии*» вышла в ноябре 1904 года в Женеве в большевистском издательстве социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина. — 487.
- 120 В сентябре — декабре 1904 года состоялись три конференции большевистских местных комитетов: 1) южная (Одесский, Екатеринославский и Николаевский комитеты); 2) кавказская (Бакинский, Батумский, Тифлисский и Имеретинско-Мингрельский комитеты); 3) северная (Петербургский, Московский, Тверской, Рижский, Северный и Нижегородский комитеты).
Для подготовки и созыва III съезда РСДРП, по предложению Ленина, конференции избрали Бюро Комитетов Большинства в составе Гусева, Землячки, Лядова, Литвинова и других. Бюро Комитетов Большинства, куда вошел Ленин, окончательно оформилось в декабре 1904 года. — 488.
- 121 Собрание в Женеве 20 августа (2 сентября) 1904 года было созвано меньшевиками с целью поддержки так называемой «июльской декларации» Центрального Комитета. На собрание были приглашены меньшевики и большевики. Однако большевики отказались от участия в собрании, и представитель большевиков, огласив заявление о неправомерности собрания выносить резолюции от имени большинства и меньшинства, покинул собрание. На собрании меньшевики вынуждены были признать, что комитеты партии в России выступают против примиренческой политики Центрального Комитета и что огромное большинство комитетов совершенно отказалось поддерживать связь с редакцией меньшевистской «Искры». — 488.
- 122 Ленин имеет в виду изданное в ноябре 1904 года меньшевистской «Искрой» «Письмо к партийным организациям». Критику «Письма» см. в брошюре Ленина «Земская кампания и план «Искры»» (настоящий том, стр. 461—482). — 489.
- 123 Ленин имеет в виду Бюро Комитетов Большинства. — 489.
- 124 *Н* — член ЦК РСДРП Р. С. Землячка. — 495.
- 125 *П*. — П. А. Красиков. — 496.

- 126 *Лидин* — псевдоним М. Н. Лядова. — 497.
- 127 4 члена ЦК — В. И. Ленин, Ф. В. Ленгиник, М. М. Эссен и Р. С. Землячка. — 497.
- 128 Содержание декларации см. в настоящем томе, стр. 397—398. — 498.
- 129 *Амстердамский конгресс II Интернационала* происходил 1—7 (14—20) августа 1904 года. Большевики представили конгрессу свой «Доклад делегации Российской соц.-дем. рабочей партии Амстердамскому международному социалистическому конгрессу». В противовес меньшевистскому докладу большевики представили конгрессу особый доклад в виде брошюры «Материалы к выяснению партийного кризиса в социал-демократической рабочей партии России». В составлении и редактировании брошюры принял участие Ленин. — 498.
- 130 «Извещение об образовании Организационного Комитета и о созыве III очередного съезда Российской социал-демократической рабочей партии» было написано Лениным в декабре 1904 года и тогда же разослано членам Бюро Комитетов Большинства. Этот документ Ленина был положен в основу официального «Извещения о созыве третьего партийного съезда», опубликованного в газете «Вперед» № 8, 28 (15) февраля 1905 года за подписью Бюро Комитетов Большинства. — 503.
-

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Сентябрь 1903 года — декабрь 1904 года)

1903

- Первая половина сентября.* В. И. Ленин пишет «Рассказ о II съезде РСДРП».
- Сентябрь, 12—15 (25—28).* Ленин совместно с Плехановым ведет переговоры с Даном об условиях соглашения с меньшинством. Переговоры закончились безрезультатно.
- Сентябрь, 21 (октябрь, 4).* Ленин совместно с Плехановым и Ленгником ведет переговоры с Мартовым, Аксельродом, Потресовым и Засулич по вопросу о соглашении. Переговоры закончились безрезультатно.
- Сентябрь.* Статья Ленина «Задачи революционной молодежи» опубликована в № 2—3 газеты «Студент».
- Октябрь, 1 (14).* Статья Ленина «Максимум беззастенчивости и минимум логики» опубликована в № 49 «Искры».
- Октябрь, 13—17 (26—30).* Ленин участвует в заседаниях II съезда «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» в Женеве.
- Октябрь, 14 (27).* Ленин выступает на втором заседании съезда Лиги с докладом о II съезде партии.
- Октябрь, 15 (28).* Ленин на третьем заседании съезда Лиги заявляет протест против недостойных приемов борьбы со стороны Мартова, после чего Ленин и сторонники большинства покидают заседание съезда.
- Октябрь, 16 (29).* Ленин на четвертом заседании съезда Лиги выступает с заявлением, в котором отказывается от участия в прениях по докладу о II съезде партии и от заключительного слова.
- Октябрь, 19 (ноябрь, 1).* Ленин выходит из редакции «Искры» с тем, чтобы укрепиться в ЦК партии и с этой позиции бить оппортунистов.

- Октябрь, 22 (ноябрь, 4).* Статья Ленина «Положение Бунда в партии» опубликована в № 51 «Искры».
- Октябрь, 24 или 25 (ноябрь, 6 или 7).* Ленин участвует в собрании женевской группы большевиков, на котором осуждается переход Плеханова к меньшевикам.
- Ноябрь, 5 (18).* Ленин закончил и посылает Плеханову статью «Народническая буржуазия и растерянное народничество». Статья опубликована в № 54 «Искры» 1 декабря 1903 года.
- Ноябрь, 6—8 (19—21).* Ленин кооптирован в состав Центрального Комитета.
- Ноябрь, 12 (25).* Ленин участвует в заседании Центрального Комитета в Женеве. По его предложению ЦК выработывает ультиматум меньшевикам об условиях установления мира в партии.
- Ноябрь, 14 (27).* Ленин вносит в ЦК заявление с протестом против кооптации Плехановым в редакцию «Искры» бывших редакторов — меньшевиков.
- Ноябрь, 16 (29).* Ленин входит в Совет партии как член Центрального Комитета.
- Между 25 и 29 ноября (8 и 12 декабря).* Ленин пишет в редакцию меньшевистской «Искры» открытое письмо — «Почему я вышел из редакции «Искры»?», которое печатается отдельным листком и посылается в Россию.
- Ноябрь, 27 (декабрь, 10).* Ленин в письме членам Центрального Комитета в Россию выдвигает требование созыва третьего съезда партии.
- Декабрь, 9 (22).* Ленин заявляет протест против извещения ЦК, посланного комитетам, об установлении мира с меньшевиками.
- Декабрь, 17 (30).* Ленин в письме Центральному Комитету требует выяснения позиции членов ЦК по вопросу о созыве съезда партии.
- Ранее 31 декабря (13 января 1904 г.).* Ленин пишет предисловие и послесловие к своей брошюре «Письмо к товарищу о наших организационных задачах».
- Конец года.* В. И. Ленин пишет письмо И. В. Сталину в сибирскую ссылку. С этого времени началось ваочное знакомство Ленина со Сталиным.

1904

- Январь, позднее 4 (17).* Ленин пишет проект обращения «К членам партии», в котором критикует оппортунистическую взгляды меньшевистской «Искры».
- Январь, 15—17 (28—30).* Ленин участвует в заседаниях Совета партии в Женеве. Выступает по вопросу о мерах по восстановлению мира в партии и о созыве III съезда партии.
- Между 20 и 25 января (2 и 7 февраля).* Ленин в письме члену ЦК Кржижановскому предупреждает об угрозе захвата меньшевиками Центрального Комитета и требует начать подготовку к созыву III съезда партии в местных комитетах.
- Вторая половина января (начало февраля).* Ленин приступает к работе по подготовке к печати книги «Шаг вперед, два шага назад».
- Конец января (первая половина февраля).* Ленин пишет проект обращения «К партии» о кризисе в партии и о раскольнических действиях меньшевиков.
- Январь.* Ленин беседует с группой большевиков в Женеве о постановке пропаганды по вопросам программы партии.
- Февраль, 7 (20).* Ленин пишет письмо составителям «Комментария к протоколам второго съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» с изложением обстоятельств своего ухода из редакции «Искры».
- Март, 1 (14).* Ленин заявляет о временном выходе из Совета партии.
- Март, 9 (22).* Ленин выступает с речью на собрании социал-демократов в Женеве, посвященном годовщине Парижской Коммуны.
- Конец марта (первая половина апреля).* Ленин пишет проект первомайского листка, вышедшего за подписью ЦК и ЦО партии.
- Март — апрель.* Ленин руководит в Женеве социал-демократическим кружком по изучению устава партии.
- Май, 6 (19).* Выходит из печати книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)».
- Май, 13 (26).* Ленин обращается к членам Центрального Комитета с письмом по поводу обострения разногласий в ЦК. Сообщает о своем возвращении в Совет партии.

- Май, позднее 15 (28).* Ленин пишет план обращения «К партии», в котором призывает комитеты решить вопрос о созыве III съезда партии.
- Май, 31 и июнь, 5 (июнь, 13 и 18).* Ленин участвует в заседаниях Совета партии.
- Май или июнь.* Ленин пишет письмо Богданову с критикой его книги «Эмпириомонизм».
- Июнь, 11—12 (24—25).* Ленин отвергает предложение примиренца — члена ЦК Носкова вступить в редакцию «Искры» и дать согласие на кооптацию в ЦК двух меньшевиков.
- Между 22 и 30 июля (4 и 12 августа).* Ленин редактирует доклад большевиков Амстердамскому конгрессу II Интернационала.
- Конец июля (первая половина августа).* Под руководством Ленина в Швейцарии происходит совещание 22 большевиков. Совещание принимает написанное Лениным обращение «К партии», ставшее для большевиков программой борьбы за созыв III съезда партии.
- Август, 5 (18).* Ленин в письме членам ЦК заявляет протест против принятой примиренцами — членами ЦК «июльской декларации».
- Август.* Ленин руководит работой по организации большевистского издательства социал-демократической партийной литературы.
Ленин в письме комитетам большинства рекомендует приступить к сбору корреспонденций для заграничного издательства большевиков.
- Первая половина (вторая половина) сентября.* Ленин пишет статью «Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н. Ленина Розе Люксембург».
- Позднее 22 сентября (5 октября).* Ленин в письме Южному бюро ЦК предлагает Организационный Комитет по созыву III съезда назвать — Бюро Комитетов Большинства.
- Позднее 2 (15) октября.* Ленин пишет статью «Услужливый либерал».

- Ранее 20 октября (2 ноября).* Ленин пишет проект «Извещения об образовании Бюро Комитетов Большинства».
- Между 1 и 8 (14 и 21) ноября.* Выходит брошюра Ленина «Земская кампания и план «Искры»».
- Ранее 19 ноября (2 декабря).* Ленин читает реферат для членов партии в Женеве на тему «Земская кампания и план «Искры»».
- Ноябрь, 19 и 21 (декабрь, 2 и 4).* Ленин на собрании членов РСДРП в Париже читает реферат о внутрипартийном положении и участвует в прениях по реферату.
- Ноябрь, 20 (декабрь, 3).* Ленин в письме членам Бюро Комитетов Большинства предлагает немедленно создать большевистский орган за границей.
- Ноябрь, 23 и 24 (декабрь, 6 и 7).* Ленин читает в Цюрихе реферат о внутрипартийном положении.
- Ноябрь, 25 (декабрь, 8).* Ленин читает реферат на ту же тему в Берне.
- Ноябрь, 26 (декабрь, 9).* Ленин возвращается в Женеву.
- Ноябрь, 27 (декабрь, 10).* Ленин в письме члену Бюро Комитетов Большинства Землячке требует скорейшего выпуска в России печатного извещения об образовании Бюро Комитетов Большинства.
- Ноябрь, 29 (декабрь, 12).* Ленин руководит собранием большевиков, которое принимает решение об издании органа партийного большинства — газеты «Вперед».
- Ленин пишет «Письмо к товарищам (К выходу органа партийного большинства)».
- Позднее 29 ноября (12 декабря).* Ленин получает резолюцию конференции кавказских комитетов о созыве III съезда партии. Конференция состоялась по инициативе Сталина.
- Ленин в письме Кавказскому союзному комитету предлагает образовать Бюро Комитетов Большинства.
- Декабрь, 7 (20).* Ленин дает согласие на просьбу Кавказского союзного комитета участвовать в органе Кавказского союза РСДРП — газете «Пролетариатис Брдвола» («Борьба Пролетариата»), выходящей под руководством Сталина, Цулукидзе и Шаумяна.

- Декабрь, 9 (22).* Ленин пишет брошюру «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией».
- Ранее 13 (26) декабря.* Ленин получает резолюции конференции северных комитетов о созыве III съезда партии и об избрании Бюро Комитетов Большеинства.
- Декабрь.* Ленин посылает членам Бюро Комитетов Большеинства в России проект «Извещения об образовании Организационного Комитета и о созыве III очередного съезда РСДРП».
-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	VII
<i>1903 г.</i>	
РАССКАЗ О II СЪЕЗДЕ РСДРП.....	1—19
СОРВАЛОСЬ!.....	20—25
ПЛАН ПИСЕМ О ЗАДАЧАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	26—27
ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ. <i>Письмо первое</i>	28—41
ВТОРОЙ ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД. <i>План статьи</i>	42—43
МАКСИМУМ БЕЗЗАСТЕНЧИВОСТИ И МИНИМУМ ЛОГИКИ	44—49
ПРОЕКТ ОБРАЩЕНИЯ ЦК И РЕДАКЦИИ ЦО К ЧЛЕНАМ ОППОЗИЦИИ. <i>Вариант</i>	50—51
II СЪЕЗД ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОН- НОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ 13—18 (26—31) октября 1903 г.	53—69
1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ДОКЛАДУ О II СЪЕЗДЕ РСДРП 13 (26) ОКТЯБРЯ.....	55
I.....	55
II.....	55
III.....	56
IV.....	56
2. ДОКЛАД О II СЪЕЗДЕ РСДРП 14 (27) ОКТЯБРЯ.....	57

3. ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ДОКЛАДА МАРТОВА 15 (28) ОКТЯБРЯ.....	68
4. РЕЧЬ ОБ УСТАВЕ ЛИГИ 17 (30) ОКТЯБРЯ.....	69
НЕПОДАННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ	70—74
ЗАЯВЛЕНИЕ О СЛОЖЕНИИ С СЕБЯ ДОЛЖНОСТИ ЧЛЕНА СОВЕТА ПАРТИИ И ЧЛЕНА РЕДАКЦИИ ЦО	75
ПОЛОЖЕНИЕ БУНДА В ПАРТИИ	76—86
НАРОДНИЧЕСТВУЮЩАЯ БУРЖУАЗИЯ И РАСТЕРЯННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО.....	87—95
В РЕДАКЦИЮ ЦО РСДРП	96
НЕИЗДАННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ.....	97
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИСКРЫ»	98—101
ПОЧЕМУ Я ВЫШЕЛ ИЗ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»? <i>Письмо в редакцию «Искры»</i>	102—108
ПИСЬМО ЦК РСДРП АДМИНИСТРАЦИИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ, ГРУППАМ СОДЕЙСТВИЯ ПАРТИИ И ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ, НАХОДЯЩИМСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ.....	109—112
ЗАМЕТКА О ПОЗИЦИИ НОВОЙ «ИСКРЫ»	113—114

1904 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ПИСЬМО К ТОВАРИЦУ О НАШИХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ».....	115—116
ПОСЛЕСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ПИСЬМО К ТОВАРИЦУ О НАШИХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ».....	117—122
К ЧЛЕНАМ ПАРТИИ. <i>Проект обращения</i>	123—126
СОВЕТ РСДРП 15—17 (28—30) января 1904 г.	127—169
1. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О МЕРАХ ПО ВОССТАНОВЛЕН- НИЮ МИРА В ПАРТИИ, ВНЕСЕННЫЙ 15 (28) ЯНВАРЯ	129
2. ОСОБОЕ МНЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦК, ВНЕСЕН- НОЕ 17 (30) ЯНВАРЯ.....	132
3. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СОЗЫВЕ III СЪЕЗДА ПАР- ТИИ 17 (30) ЯНВАРЯ.....	136

4. ПРОЕКТЫ РЕЗОЛЮЦИЙ, ВНЕСЕННЫЕ 17 (30) ЯНВАРЯ.....	137
I.....	137
II.....	137
III.....	137
5. РЕЧИ О МЕРАХ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ МИРА В ПАРТИИ 15 (28) ЯНВАРЯ.....	138
I.....	138
II.....	139
III.....	141
IV.....	143
V.....	145
6. РЕЧИ О МЕРАХ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ МИРА В ПАРТИИ 16 (29) ЯНВАРЯ.....	148
VI.....	148
VII.....	152
VIII.....	155
IX.....	158
7. РЕЧИ О СОЗЫВЕ III СЪЕЗДА ПАРТИИ 17 (30) ЯНВАРЯ.....	161
I.....	161
II.....	161
III.....	162
8. РЕЧИ ОБ ИЗДАНИИ ПАРТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 17 (30) ЯНВАРЯ.....	163
I.....	163
II.....	166
III.....	168
IV.....	169
К ПАРТИИ. <i>Проект обращения</i>	170—174
ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ УХОДА ИЗ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ».....	175—180
ПЕРВОЕ МАЯ. <i>Проект листка</i>	181—184
ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД (<i>Кризис в нашей партии</i>).....	185—392
Предисловие.....	187
а) Подготовка съезда.....	191
б) Значение группировок на съезде.....	193

в) Начало съезда. — Инцидент с Организационным Комитетом	196
г) Распущение группы «Южного рабочего».....	204
д) Инцидент с равноправием языков.....	207
е) Аграрная программа.....	214
ж) Устав партии. Проект т. Мартова.....	222
в) Прения о централизме до раскола внутри искровцев.....	230
и) Параграф первый устава.....	235
й) Невинно пострадавшие от ложного обвинения в оппортунизме.....	256
к) Продолжение прений об уставе. Состав Совета.....	266
л) Конец прений об уставе. Кооптация в центры. Уход делегатов «Рабочего Дела».....	271
м) Выборы. Конец съезда.....	283
н) Общая картина борьбы на съезде. Революционное и оппортунистическое крыло партии.....	308
о) После съезда. Два приема борьбы.....	322
п) Маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию	339
р) Новая «Искра». Оппортунизм в организационных вопросах	349
с) Нечто о диалектике. Два переворота.....	378
<i>Приложение. Инцидент тов. Гусева с тов. Дейчем</i>	384
ПИСЬМО ЧЛЕНАМ ЦК	393—396
ВЯВЛЕНИЕ ТРЕХ ЧЛЕНОВ ЦК	397—398
К ПАРТИИ. План обращения	399—400
СОВЕТ РСДРП 31 мая (13 июня) и 5 (18) июня 1904 г. 401—410	
1. РЕЧИ О МЕЖДУПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 31 МАЯ (13 ИЮНЯ).....	403
I.....	403
II.....	405
2. РЕЧИ О КООПТАЦИИ В КОМИТЕТЫ И О ПРАВЕ ЦК ВВОДИТЬ В НИХ НОВЫХ ЧЛЕНОВ 5 (18) ИЮНЯ.....	406
I.....	406
II.....	407
III.....	408
3. РЕЧЬ О ГАЗЕТЕ «РАССВЕТ» 5 (18) ИЮНЯ.....	410
ЧЕГО МЫ ДОБИВАЕМСЯ? (К партии)	411—419

К ПАРТИИ	420—427
ПЯТИ ЧЛЕНАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА. <i>В Россию</i>	428—429
ПИСЬМО К АГЕНТАМ ЦК И ЧЛЕНАМ КОМИТЕТОВ РСДРП, ВЫСКАЗАВШИМСЯ ЗА БОЛЬШИНСТВО II ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА.....	430—431
ПИСЬМО ГЛЕБОВУ (В. А. НОСКОВУ).....	432—438
ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД. <i>Ответ Н. Ленина Розе Люксембург</i>	439—450
УСЛУЖЛИВЫЙ ЛИБЕРАЛ	451—454
ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ Н. ШАХОВА «БОРЬБА ЗА СЪЕЗД».....	455
ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ БЮРО КОМИТЕТОВ БОЛЬШИНСТВА. <i>Проект</i>	456—460
ВЕМСКАЯ КАМПАНИЯ И ПЛАН «ИСКРЫ».....	461—482
I.....	465
II.....	469
III.....	473
IV.....	479
ТЕЗИСЫ РЕФЕРАТА О ВНУТРИПАРТИЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ. <i>Тезисы моего реферата</i>	485—486
ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ (<i>К выводу органа партийного большинства</i>).....	487—492
ЗАЯВЛЕНИЕ И ДОКУМЕНТЫ О РАЗРЫВЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ С ПАРТИЕЙ.....	493—502
<i>Приложение</i>	499
ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА И О СОЗЫВЕ III ОЧЕРЕДНОГО СЪЕЗДА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.....	503—505
<i>Примечания</i>	507—524
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	525—532

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Рассказ о II съезде РСДРП». — 1903 г.	3
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Особое мнение представителей ЦК, внесенное на заседании Совета партии 17 (30) января 1904 г.».....	133
Обложка книги В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад». — 1904 г.	186—187
71-я страница рукописи В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад». — 1904 г.	233
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Извещение об образовании Бюро Комитетов Большинства». — 1904 г.	457
Рукопись В. И. Ленина «Тезисы реферата о внутрипартийном положении». — 1904 г.	483

Тираж 500 тыс. экз. (251—500 тыс.).
Подписано к печати 14/XI 1946г.
Объем 34¹/₄ печ. листов + 1 вклейка
(¹/₂ печ. л.). М-05926.
Цена 6 р. 50 коп.

★

Напечатано с матриц типографии
ОГИЗа «Печатный Двор»

М-103